
БОЛЬШАЯ РЕРИХОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Николай Рерих
ЛИСТЫ ДНЕВНИКА
ozon.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 1934–1935 гг. Н. К. Рерих организует большую научную экспедицию в Северный Китай и Внутреннюю Монголию. За это время он написал более двухсот очерков для Листов дневника, которые и составили содержание первого тома этого издания. Каких бы вопросов ни касался Н. К. Рерих (а круг тем его очерков необъятен), главной для него является тема духовного, нравственного совершенствования человека, связи человеческой жизни с Великими Законами Космоса. Его очерки — это размышления о прошлом, настоящем и будущем человечества. Философское наследие Н. К. Рериха уникально. Оно является источником подлинной духовности для наших современников. Тексты Листов дневника воспроизводятся по материалам архива МЦР.

- Н. К. Рерих
  - Л. В. Шапошникова
  - Николай Константинович РЕРИХ
    - Наскоки
    - Роскошь
    - Самоотвержение зла
    - Светочи
    - Лихочасье
    - Священное древо
    - Опасность разрушений
    - Цветы художества
    - Знаки жизни
    - Крылья
    - Эзопова басня
    - Бесстрашие
    - Зовы пустыни
    - Великое наследие
    - О мире всего мира
    - Глаз дальний
    - Самовольство
    - Эпика скорби
    - Культура победительница
    - Самогубительство
    - Благожелательство
    - Свет неугасимый
    - "Страшный зверь"
    - Сверхъестественное

- Неповторимое
- Новогодние вести
- Радуйся
- Древние источники
- Фан мемориал
- Переселения искусства
- Движение новой жизни
- Друзья сокровищ культуры
- Теснины
- Чуткость
- Достоинство
- "O quanta allegria!"[61]
- Следы мысли
- Пьяные вандалы
- Болезнь клеветы
- Иран
- Ценность прекрасного
- Флора
- Возобновление
- Гималаи
- Внимательность
- Полвека
- Охранение
- Каменный век
- Безумия
- Китаб-Эль-Иган
- Звёзды смерти
- Воздействия
- Помощь
- Зов Роланда
- Сказки
- Серов
- Крылатая чума
- Неисчерпаемость
- Добрая память
- Правда нерушима
- Стойкость
- Неотложное
- Подвижность
- Эпидемии
- Преломления
- Знаки
- Потустороннее
- Постоянная забота

- Справедливость
- Художники
- Молодежь
- Tactica adversa
- Защита
- Монголы
- Чутким сердцам
- Туман
- Oeuvre
- Одичание
- Corason
- Ученые
- Лучшее будущее
- Восхождение
- Самое простое
- Свет опознанный
- Изуверство
- Основание
- Удача
- Бережливость
- Зверье
- Напутствие
- Невидимки
- Пламень вещей
- Тибет
- Новые грани
- Волны жизни
- Сад будущего
- Истоки
- Вперед
- Благоухание
- Калган
- Великаны и карлики
- Памятные дни
- За великой стеной
- Эрдени Мори
- Легкие трудности
- Тайны
- Ягиль
- Бичи
- Пример
- Пути золотые
- Победа
- Держатели

- Вехи
- Почта
- Чаша
- Чандогия Упанишады[76]
- Монсальват[81]
- Дар небесный
- Знамя
- Сущность
- Мысль
- Nat-og-Dag
- Терпение
- "Пирровы победы"
- Кольца
- Школы
- Институт Объединенных Искусств
- Мухобоязнь
- Истинная сила
- Россия
- Влечение
- Нареченное
- Взаимность
- Ни дня, ни часа
- Неприязнь
- Семидесятилетие
- Зигфрид
- Труд
- Черви
- Notre Dame
- Продвижение
- Промедление
- Порадуемся
- Монголия
- Безымянное
- "Совершенно новое"
- Подражание
- Искра
- Videbimus[85]
- Священный Дозор
- Жестокосердие
- Ко времени
- Самонужнейшее
- Бывшее и будущее
- Святослав
- Сравнение

- Дары Востока
- Все тихо
- Добрые вести
- Нужное слово
- Serencipity
- Народный учитель
- Врата в Будущее
- Великий облик
- Нерушимая стена
- Фредум
- Летопись искусства
- Значительность
- Архивы
- Скорее!
- Король Альберт
- "И это пройдет"
- Доверие
- Время
- Сеятели
- Песни Монголии
- В рассеянии сущие
- Насаждения
- Желанный труд
- Будем радоваться
- Построения
- Средневековье
- Предсказания
- Требование
- Видения
- Питание
- Гора сужденная
- Рождение скуки
- Наран Обо
- Катакомбы
- Строитель
- Везде
- Содружество
- Дархан Бейле
- Засуха
- Расстояния
- Письмо
- Возрождение
- Останки
- Неизвестные

        - У черты
        - Печати
        - Жизнь вечная
        - Письмена Азии
        - Урбанизм
        - Глаз зоркий
        - Caveant consules[96]
        - Грозы
        - Открытые врата
        - Женщина
        - Старинные лекарства
        - Зачем?
        - Судьба
        - Естество
        - Камень
        - Шри Рамакришна
        - Membra disjecta[97]
        - Он
        - Польза доверия
        - Добро
        - Испытания
        - Лики
        - Нерушимость
        - Прощение
        - Свет побеждает тьму
        - Итоги
    - Указатель имен
    - Указатель географических названий
    - Алфавитный указатель
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101

Н. К. Рерих
Листы дневника
Том I

Л. В. Шапошникова
Врата в будущее

Рерих через бури разрушения, через тьму непонимания и через стены вражеских препятствий приносит в Будущее нерасплесканную чашу красоты и мудрости. И тем самым он становится одним из величайших вождей современности, к голосу которого с особой чуткостью должны прислушиваться молодые поколения".

Из предисловия. Н. К. Рерих. Пути Благословения. Рига, 1924, стр. 5

…Он сидел на холме, покрытом редким сухим кустарником. Пустыня медленно и словно нехотя остывала от дневного зноя. Внизу лежали руины древнего города, которые не давали и приблизительного представления о том, каким был этот город в далеком XIII веке. Из всего уцелела лишь каменная черепаха, ее контуры расплывались в наступающих сумерках. Он думал о людской ярости, разрушавшей прекрасные творения рук человеческих. За этой яростью стояла Война. Война, которая не пощадила лучшие храмы этого города. Она не пощадит и современные города. Прошлое возвращало его к настоящему и заставляло тревожиться о будущем. Так было всегда. Прошлое учило, но так и не смогло ничему научить человечество, отравленное ядовитым и губительным дыханием Войны. Здесь, в этой иссушенной пустыне когда-то безвозвратно погибла частица человеческой культуры. А если новая Война? В нем возникла физически ощутимая боль. Временами она казалась непереносимой. И тогда, сидя на этом сухом древнем холме, он торопливо и сбивчиво записал: "Самомнители… сидя в своих кабинетах, наверное, никогда не видали старинных развалин во всей их неприкрытости. Отурищенные (от слова "туристы") башни рейнских и тирольских замков, с их биргаллями, не дадут того впечатления, как развалины в пустынных просторах, полные обломков и осколков, точно бы вражеская рука еще вчера яростно бушевала среди них. Такие вещественные кладбища являются

лучшими свидетельствами о том, какова бывает ярость человеческая"[1].

Япония и Германия уже заявляли о своей исключительности, претендовали на чистоту культуры, на чистоту расы. Он немало повидал развалин на своем долгом пути. И нигде не нашел "чистой" культуры, которая принадлежала бы только одному народу. Вот и эти развалины, лежавшие перед ним в сумерках монгольской пустыни, свидетельствовали о различных культурных наслоениях. Он был уверен, что культура есть важнейшее соединяющее начало. Она объединяла народы в прошлом, объединяет их сейчас и объединит в будущем. Человечество в процессе своего развития идет от низшего к высшему, от разъединения к объединению. Война отбрасывает человечество назад, ибо убивает культуру и приносит разъединение. Прошлое было чередованием Мира и Войны. Культура требовала Мира и отрицала Войну…

Он поднялся, спустился с холма и пошел по утоптанной тропинке, петлявшей среди развалин. Идти было тяжело. Давали себя знать годы. Ему было уже за шестьдесят. Он дошел до последних камней и снова сел. Вспомнились строки Вед, звучавшие как молитва. "Пусть все сущие силы принесут нам мир. Пусть мир, и мир один царствует повсюду. Пусть сойдет на нас этот мир".

Был год 1935-й от рождества Христова, и была последняя длительная экспедиция, в которой участвовал он, Николай Константинович Рерих, русский художник, чья роль в истории Планеты XX века была необычной и уникальной, ибо, как это ни странно, но существовала тесная и осознанная связь между ним, сидевшим у развалин древнего города в сумерках того далекого дня, и космической эволюцией человечества, чья гигантская спираль, пронзая Время и Пространство, уходила в глубины Беспредельности. Можно утверждать, что связь такого рода существует у каждого из нас как частица Космоса. Однако у Рериха она была особой…

1. ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Тогда, в первой Центрально-Азиатской экспедиции 1923–1928 гг., он прошел Китай по его синцзянской окраине. Остальная же часть огромной древней страны была ему незнакома. Осталась неисследованной и Внутренняя Монголия. И теперь он стремился завершить когда-то начатый маршрут. Однако обстоятельства складывались не совсем благоприятно. Но, в конце концов, и они

были преодолены. Пришел на помощь департамент земледелия США, который интересовался засухоустойчивыми растениями, предотвращавшими эрозию почв. Департамент согласился финансировать экспедицию. Но обстановка в мире была сложной и беспокойной. Япония уже оккупировала Маньчжурию и часть Внутренней Монголии. Разрешение на въезд туда можно было получить только в Токио. Весной 1934 г. такое разрешение было получено.

В июне 1934 г. экспедиция через Харбин направилась к Баргинскому плато, расположенному у Хинганского хребта. Район пересекала линия КВЖД. Экспедиция старалась далеко от нее не уходить. Все время поступали тревожные сообщения о готовящейся японской агрессии. Работать было крайне трудно. Японцы следили за каждым шагом экспедиции. Но Николай Константинович и Юрий Николаевич старались не обращать на это внимания. Они проводили разведку, выясняя, какие сорта засухоустойчивых растений могут быть найдены в этом районе. И чем больше Николай Константинович этим занимался, тем больше ему не давала покоя одна мысль. Мысль о том, что пустыни — не только творения природы, но и дело рук человека.

"Поучительно видеть, — записывал он в экспедиционном дневнике, — при раскопках в Азии среди самой, казалось бы, мертвой песчаной пустыни корни когда-то бывшего могучего леса. Странно видеть, что именно в этих местах было прекрасное жилье, и остатки плетений из злаков показывают, что и здесь процветала жизнь. Старые китайские хроники и точные записи китайских путешественников описывают эти иссохшие места как живописные города и селения, процветавшие и обильные. Не будем относить эти перемены всецело к космическим сдвигам, рука человека в них поработала больше всего"[2].

Он исследовал русла высохших рек, стараясь выяснить направления подземных потоков. Он хорошо понимал, как важна вода для восстановления того, что было утрачено. "В умерших пустынях часто вам приходится слышать журчание подземных потоков, которые иногда дают повод к поверьям о подземной жизни. Нередко эти потоки загнаны под камни и гальку тоже руками человеческими, которые хищнически уничтожали растительность"[3].

Исследования тревожили. Он понимал, что если это случилось в прошлом, то может произойти и в будущем. К любой проблеме он подходил исторически. Исследуя прошлое, делал выводы для будущего. Земля болела. Плодородные земли превращались в пустыни. Человек был расточителен и неосмотрителен, он мало думал о будущих поколениях. Люди

уничтожали леса и оставляли землю незащищенной.

И земля мстила за себя, поглощая очаги культуры, засыпая песком целые города. Культура тесно связана с землей. Одно не существует без другого. Разрушение одного ведет к гибели другого. Рерих всю жизнь защищал культуру. Теперь надо было защищать землю.

Он оказался одним из первых, кто поднял тревогу. Тогда эта тревога, возможно, казалась надуманной, неактуальной. Человечество волновали иные вопросы. Политические тревоги мира несли неуверенность в завтрашнем дне. Многие тогда не могли предположить, что через несколько десятков лет эта проблема станет для всех едва ли не самой насущной. Ее назовут охраной окружающей среды. Но тогда он был одним из немногих, кто предвидел такой поворот. Он исследовал пустыню как болезнь земли. Он поставил диагноз этой болезни и предложил свой способ лечения. Это были засухоустойчивые растения, которые Рерих начал собирать на Баргинском плато Внутренней Монголии в предгорьях Хингана. "В этом смысле, ¬писал Николай Константинович, — степи и гоби Азии дают прекрасные материалы для изучения. На этих песчаных барханах, на бесчисленных холмах еще держится самобытная, устоявшая против всех невзгод растительность"[4]. Свой короткий экспедиционный дневник он назвал "Да процветут пустыни".

Японские власти выслали экспедицию с Баргинского плато, когда та вошла в район, расположенный между двумя озерами Далай-нор и Буир-нор. Рядом были границы Народной Монголии и Советского Союза. Японские оккупационные власти не интересовала проблема процветания пустынь. Их интересовало другое. Здесь, в районе Гоби и Хингана, они готовили военные провокации против СССР и не нуждались в лишних наблюдателях. Приказ о высылке был по-военному короток и категоричен. Николай Константинович вернулся в Харбин, стараясь как-то еще спасти экспедицию. Но японские власти были непреклонны и недвусмысленно показали, что шутить они не намерены. К тому же русские эмигранты были настроены к Рериху враждебно. Его "просоветская позиция" их не устраивала. Дни пребывания в Харбине были изнурительны и неприятны. На Николая Константиновича клеветали и ему угрожали. С ним вели двусмысленные, скользкие разговоры; что-то сулили, к чему-то склоняли. Но он продержался в Харбине три месяца, пока не стало ясно, что разрешение на экспедиционные работы японцы не дадут. Дальше оставаться там было просто опасно. Рерих уехал оттуда в ноябре 1934 г., пересек Желтое море и оказался в Китае, который еще не был захвачен японцами. Теперь его надежды

были связаны с Пекином. Если ему дадут там разрешение, то он сможет поработать в южной части Внутренней Монголии, там, где лежали пустыни Гоби и Алашаня.

В Пекине, как и во всем Китае, было тревожно и беспокойно. Однако разрешение на экспедицию Рериху выдали.

…У Калгана открылась Великая Китайская Стена. Она тянулась по синеющим горам, уходя в бесконечную даль. Было начало весны, над стеной и горами стояло прозрачное, бледно-голубое небо. На склонах гор сквозь пожухлую прошлогоднюю траву пробивалась свежая зелень. Массивные квадратные башни шагали по вершинам, соединенные каменной лентой неприступной стены. "Когда вы выезжаете за Великую Китайскую Стену, то сколько бы раз вы ее ни видели, — всегда подымается особенное ощущение чего-то великого, таинственного в своем размахе. Только подумать, что за три века до нашей эры уже начала созидаться эта великая стена, со всеми ее несчетными башнями, зубцами, живописными поворотами — как хребет великого дракона через все горные вершины. Невозможно понять сложную систему этих стен, с их ответвлениями и необъясненными поворотами, но величие размаха этой стены поразит каждого путника, поразит каждый раз"[5]. От Калгана железная дорога уходила на запад к Бату-Халхе. На восток открывался путь в Центральную Азию. Калган в переводе значит "ворота". Ворота в Центральную Азию. На рассвете из городских ворот уходили караваны. Тонко и хрустально звенели колокольчики. Покрикивали погонщики. Ветер с гор поднимал над городом клубы лессовой желтой пыли. И эта пыль пахла зовуще и терпко. К вечеру пыль укладывалась и воздух становился прохладным и прозрачным. К горизонту тянулись лиловеющие горы, и последние лучи солнца алым пламенем зажигали песчаные холмы.

"Еще вдали убегает последняя ниточка поезда, но ворота уже пройдены", — записал Николай Константинович. От этих ворот они отправились к степям и пустыням Ордоса и Алашаня. "Уж так широка пустыня монгольская! Уж так необъятна степь! Уж так несчетны горы, холмы, гребни, буераки и складки, где захоронена слава!

Точно бы и пустынна ширь, а на склоне вырастет становище. Гляди, затемнели юрты или нежданно выглянул белый-пребелый монастырь, или субурган. Или засинело озерко.

Словно бы вымерла пустыня. Но скачут всадники в ярких кафтанах или в желтых курмах и красноверхих шапках. Серебром выложенные седла, не служили ли они и при Чингисе? Только где саадаки, колчаны? Где стрелы?.. Откуда же молчанье твое,

пустыня прекрасная? От высоты ли твоей? От необъятности? От чистоты голубого небесного купола, от великого Тенгри, милостивого к Чингису?

Ночью горят все звездные палаты. Сияют все чудные знаки. Открыта Книга Величия. За горою полыхнул луч света. Кто там? Там кто прошел? Не Эрдени Мори?

На скалах Шара-Мурена знаки сокровища. Наран-Обо притаил камень чудесный. Везде прошел Эрдени Мори"[6]. Первая стоянка экспедиции была сделана в Цаган-Куре, около окраинных песков Гоби. Снова началась работа трудная и напряженная. Наступало лето. Из пустыни дули раскаленные ветры. Потом лагерь переместили в Тимур-Хада, на окраину Алашаньской пустыни. Среди скал поставили три палатки. Днем скалы раскалялись от зноя, ночами гулко и медленно остывали. На лошадей нападала мошка, машины часто выходили из строя, не выдерживая трудных дорог пустыни. Время от времени поднимались песчаные бури, налетали на палатки, рвали их, стараясь снести. Днем становилось темно, тучи песка заслоняли солнце. Люди страдали от жажды и недосыпания. Ночами температура резко падала, и ветер нес снег. Степи и пустыни Внутренней Монголии были суровы, неприветливы и мало приспособлены для жилья. Постепенно выяснилось, что край наполнен японскими агентами, какими-то подозрительными людьми. Лагерь по ночам приходилось охранять. Опять понадобилось оружие. Экспедиция старалась не иметь дело с японцами, проникавшими сюда. Такая встреча ничего хорошего не сулила. Вокруг бродили шайки неизвестного происхождения, ползли слухи об убийствах мирных жителей. Приходилось все время держаться настороже. Чтобы лучше себе все это представить, послушаем Н.В.Грамматчикова, который ведал в экспедиции транспортом. "Уж затемнело, с большой скоростью въезжаем в Чапсер. Граница Китая и Монголии, дальше ехать невозможно, темень хоть глаз выколи, дорога опасна. Приходится ночевать в этом пограничном селении, прилепившемся своими серенькими глинобитными фанзами к горам, с правой стороны ущелья. Шофер Сарат заезжает на один из постоялых дворов, посреди ограды пылает солома, освещая лица греющихся китайцев и монгол. Лица у всех бронзовые, красным отблеском костра поблескивают узкие, раскосые глаза.

Сарат пытливо всматривается в окружающих и вдруг, не говоря ни слова, резко дает задний ход и вылетает со двора.

— В чем дело?

— Мо байна.

Спорить не приходится, он местный житель, опытен, бывал во

всяких передрягах и каким-то шестым чувством стреляного воробья чувствует это "мо байна".

Заезжаем во второй постоялый двор. Тут еще хуже, к автомобилю бросается какой-то китаец. Сарат делает крутой разворот и дает полный ход, китаец не успевает схватиться за дверцу и со страшными ругательствами остается во дворе. "Мо байна".

Едем в третий, удается занять какой-то сарай, холодный, насквозь продуваемый ветром. Но все же есть крыша, а это большой плюс, так как если пойдет снег, то мы спасены от него. Нашего каравана, состоящего из двух грузовиков, не видно и не слышно, где-то, видимо, отстали, может быть, заблудились, потеряли дорогу, а может быть там, около разбитой хунхузами деревни… Лучше об этом не думать… Там наши теплые спальные мешки и пища. Мы не ели целый день, так как торопились. Все, что мне удалось достать, это несколько крупных яиц и чайник кипятку. Достаю две охапки соломы и делаю постель для Николая Константиновича, постилая ее прямо на остаток какого-то кана. Николай Константинович укладывается на солому. Тушим свечку. Юрий Николаевич и я решаем по очереди дежурить.

— Спокойной ночи, — раздается из темноты.

То же спокойное "спокойной ночи", как и в фешенебельном отеле, тот же ровный, спокойный, ласковый голос. Никакая обстановка, никакие обстоятельства не имеют значения для Николая Константиновича. Ночь проходит спокойно"[7].

Но экспедиция соприкасалась и с иной жизнью, той, которая шла своими неведомыми путями, оставляя после себя легенды и сказания. И опять, как тогда, в Центрально-Азиатской экспедиции, легенды и реальность сливались воедино. И легенда творила жизнь, а жизнь легенду. От местного князя в лагерь пришел посланец и попросил, чтобы сотрудники экспедиции не трогали и не разбили камень "с медным поясом". "Камень этот двигается и появляется около священных и замечательных мест, ¬сказал посланец. — Здесь же, около Наран-Обо, место священное. Князь знает, что вы собираете травы и цветы. Это очень хорошо. Но не потревожьте камень, который появляется то там, то здесь. Ведь он может оказаться и на вашем пути"[8].

И вновь здесь, в Алашаньской пустыне, прозвучала легенда, которая так широко была распространена в мире.

"В данном случае, — писал Николай Константинович, — новым оказалось то обстоятельство, что не легенда рассказывалась, но просили не нарушить камень. Значит, не сказание, но бытность самого камня жила совершенно явно и непреложно"[9]. Такой же реальностью возникла среди

раскаленных песков пустыни и Заповедная Страна. Монгольский князь вел с Николаем Константиновичем и Юрием Николаевичем длительные разговоры на эту тему. В его храме висела танка Шамбалы. Здесь рассказывали о Держателях, или Махатмах, со многими подробностями. Подробности были реальными и на легенду не походили. "Иногда и в своей палатке, а то больше куда-то уезжают, и никто о них толком не знает, из-за каких гор и куда ляжет путь. Но умные люди ждут их, сильно ждут. А уж если пройдет слух о проезде, то повсюду как бы пролетит радость. От аила к аилу скачут гонцы. А не успеет собраться народ, он уже и уехал. Конечно, говорят, что у них есть и подземные ходы, но только этого никто не знает. Когда они появляются в середине пустыни, то можно задуматься, откуда же и как совершен этот долгий безводный путь? Может прийти в голову, что где-то и есть ходы подземные. Даже находили такие долгие, долгие пещеры, и конца-краю не видно. Может быть, что-то и есть в них, но никто в этой тьме пещерной не нашел хода… Сколько раз конь заржет неведомо отчего — может быть, их коней зачуял? Сколько раз собаки насторожатся и уйдут назад, потому пес на них не залает. И в караванах бывает, на ночлегах. Увидит, что будто едет кто-то, а начнут слушать — ничего не слыхать. Бывает, что особый запах замечательный, как от лучших цветов, пронесется среди песков. Тоже говорят, что это от их приближения"[10].

Однажды в пустыне, около экспедиционного лагеря, запахло фиалками. Запах был устойчивый и определенный. Никто ничего не мог объяснить. В пустыне не было не только фиалок, но и вообще цветов, которые могли бы пахнуть. А через некоторое время около лагеря появился лама. Он разбил палатку неподалеку. К палатке потянулись со всех сторон паломники из окрестных аилов Цаган-Куре. Лама, приветливо улыбаясь, возлагал руки на их склоненные головы. Николай Константинович подолгу оставался в палатке ламы. Никто не знал, о чем они беседовали. Сам Николай Константинович об этом не написал. Грамматчиков с Чувствиным, одним из шоферов экспедиции, отрегулировали старенький автомобиль, на котором приехал лама. "Диву давались, как только на нем можно было ездить. Благо степь широка"[11]. Но лама ездил. Через несколько дней лама уехал. Больше в пустыне не пахло фиалками.

Палатка ламы на какое-то время отвлекла внимание монголов от юрты Николая Константиновича. Эта юрта пользовалась не меньшим уважением. Монголы называли Рериха "Ихи-Бакма" — "Великий Учитель". Сам Николай Константинович об этом никогда не упоминал. Великие Учителя о таком никогда не говорят…

Николай Константинович нанес несколько визитов местному князю. Его резиденция стояла в Бату-Халхе. Рериха привлекал не только сам князь, с которым у него установились дружеские отношения, но и развалины древнего города, неподалеку от княжеской ставки. Археология брала свое. "Само Наран-Обо, — писал Рерих, — стоит на землях князя Дархан Бейле. К северу обозначаются развалины монголо-несторианского древнего города. Кроме китайских и монгольских наслоений, в основании развалин найдутся и уйгурские начертания, да и кто знает первоначальную древность этих пустынных камней? К западу, говорят, находятся тоже развалины стана Чингис-хана. Непременно нужно побывать там. Это место, по-видимому, нигде не описано. Да и как же обошлась бы именитая монгольская округа без великого имени Чингис-хана? Там, среди каких-то развалин, виднеются и камни со знаками. Может быть, эти знаки-тамги или надписи дадут ключ к определению"[12].

Николай Константинович тщательно изучает развалины города в пустыне. Делает обмеры. Юрий Николаевич копирует надписи. Развалины сохранили немногое. Осталась целой только каменная черепаха, остальное лежало в руинах. Николая Константиновича привлекает больше всего слой X11-X111 веков, который нес на себе следы несторианского времени. Несторианский город связан с более ранним слоем. В какую глубь веков он уходит? И вновь размышления и предположения. "Видны гробницы, саркофаги с несторианскими крестами, которые по своим орнаментам, по белому камню, могли бы быть не только во Владимире и в Юрьеве-Польском, но и в Сан-Марко или в Вероне"[13].

Вечером, в палатке, сидя на складном стуле, Рерих писал: "Все археологические находки, единообразие многих находимых типов, наконец, детали орнамента, ритуалов и прочих бытовых подробностей показывают не только общность общечеловеческих чувствований, но и несомненные, далекие сношения"[14]. Поиски истоков культур, многокрасочные шествия народов отходили куда-то на задний план. На передний выдвигалось другое. Доказать историческую закономерность, необходимость связей между странами, между народами. Эти связи уходили в глубокое прошлое и поэтому были убедительны. Он продолжал писать: "Археология, как наука, основанная на вещественных памятниках, сейчас является пособником в очень многих научных и общественных соображениях. Также и в вопросе о цене мира археология может принести много ценнейших признаков. Из давно забытых развалин, из заброшенных погребений, останков дворцов и твердынь могут быть принесены вещественные

доказательства мирных международных сношений. В полуистертых надписях, в старинном иероглифе донесется сказание о том, как проникал в утлых ладьях и на истомленных конях человек в дальние страны не только в завоевательской ярости, но и в добром желании мирного обмена. Под этими сказаниями будут как бы приложены тоже вещественные печати, скреплявшие мирные человеческие договоры"[15]. Археология является пособником… Именно здесь ему стало это ясно. Он взглянул на науку, которой он так долго занимался, по-иному. У нее появилась еще одна грань. Грань, которая так необходима, когда грозно и неотвратимо надвигалась Война. Он расправил затекшие ноги и вышел из палатки. Черный полог ночи, проколотый иголками звездных хрусталиков, простирался над беспредельностью степи. Там, где край полога соприкасался с горизонтом, невидимый, лежал в развалинах древний город. Из пустыни дул холодный пронизывающий ветер. Несколько снежинок спустилось ему на руку…

Он понимал, что эта Монгольская экспедиция для него будет последней. И, может быть, поэтому работал более неутомимо и напряженно, чем делал это всегда. "Неутомимо и напряженно" — понятия растяжимые. Чтобы постичь их истинную суть, надо видеть, как это происходило. В Монгольской экспедиции было немало свидетелей его труда. Грамматчиков писал о тех днях: "Послеобеденный час; жара — 160° Фаренгейта. Весь лагерь, расположенный посреди раскаленных скал, не движется. Точно умер, засох от этого раскаленного пекла. Даже монгольские привычные кони сбились под деревом и стоят неподвижно, только хвостами помахивают, силясь отогнать мошкару. Люди или неподвижно сидят и пьют горячую воду, или лежат, силясь заснуть.

Николай Константинович, сидя на складном кресле или под деревом, или в юрте, работает…

Воет страшный ветер, подымает тучи желтого песка, сдвигает, перевертывает юрты, изредка начинает падать перемешанный с песком снег. Холод проникает в каждую щель. Закутавшись сидят члены экспедиции, стараясь согреться у печки. Николай Константинович под вой ветра диктует статью о чем-то высоком, прекрасном, добром.

С ревом несется по пустыне машина, пробегая милю за милей, идя к нужной цели. Несется час, два, десять, пятнадцать, семнадцать часов подряд. И шоферы и пассажиры утомлены. Засыпали по нескольку раз, просыпались, сидя старались расправить затекшие члены, согреться. Все мчались и мчались в туманную даль. Тяжки монгольские дороги — редко, редко

попадается коротенькая прямая, а потом опять начнет дорога выписывать вензеля, машину кидает из стороны в сторону, подлетает она на ухабах, с воем ползет по глубоким пескам, взбирается на горы, летит по долинам. Николай Константинович бросает несколько слов. По его словам видишь, что он и тут работает. В этой гонке по степям ни на минуту не прерывается его мысль.

Тихо в лагере, на небе мерцают звезды, все спит. Только мерные шаги часового раздаются в этой тишине ночи. Наступает время смены, подходит сменяющий, при свете звезд кажущийся каким-то серым, неясным.

— Ну как, все благополучно?

— Все ладно.

Подошедший кивает головой на юрту Николая Константиновича:

— Спит?

— Нет.

Один шагает по лагерю, чутко прислушиваясь ко всем ночным звукам пустыни, другой отправляется спать. Через два часа новая смена.

— Спит?

— Нет.

Только под самое утро слышно ровное дыхание спящего человека. Начальник экспедиции кончил работать. А с восходом солнца он уже выходит из юрты — здоровый, свежий, бодрый"[16].

Он действительно работал, не теряя ни минуты. Вел экспедиционные исследования, писал очерки, рисовал.

То, о чем он писал, всегда было тесно связано с жизнью. Из этой жизни он черпал мысли для своих очерков. Незначительные факты, с точки зрения других, обретали в его глазах иное, глубокое значение и нередко служили отправной точкой для глубоких обобщений. Забарахлила машина. Механик "потерял искру". Об этом сказали Николаю Константиновичу. В конце дня Николай Константинович диктовал очерк о том, что происходит с человеком, потерявшим искру духа.

Рисовал он на ходу. Так было в Центрально-Азиатской экспедиции. Так было и в Монгольской. Он не обременял себя громоздкими принадлежностями, которые необходимы художнику. Он был художником походного типа. Техническая сторона его работы была облегчена до минимума. Но результат этой работы был максимальным, далеко превосходившим возможности обычного художника.

"Мне представлялось, — вспоминает Грамматчиков, — что такой великий художник должен иметь при себе целый арсенал

художественных приспособлений: мольберты, эскизники и проч… Оказалось совсем по-другому. Едем на машине. Чувствин ведет, я рядом с ним как запасной. Николай Константинович, Юрий Николаевич и Моисеев на заднем сиденье. Николай Константинович во время пути вдруг просит Михаила остановиться. Выходит из машины, выхожу и я. Николай Константинович быстро осматривает местность. Вынимает из кармана небольшой кусочек картона, похожего на крышку от какой-то коробки, небольшой кусочек карандаша. Несколько минут работы. У каждой местности, пейзажа есть что-то свое, неповторимое. Настроение, дух — трудно определить, что это такое. Первый раз, когда я смотрел, как Николай Константинович наносит на картонку линии карандашом, то к своему удивлению увидел, что там присутствует и "это". Несколько линий — контуры гор, всего несколько штрихов! Запечатлено все: конфигурация, настроение. Потом из этого, вероятно, возникнет полотно"[17].

Экспедиция подходила к концу. Из Америки шли тревожные известия. Один из американских дельцов и партнеров Рериха Луис Хорш обманным путем завладел пакетом акций, принадлежавших Нью-Йоркскому музею Рериха, финансовая база Института Гималайских исследований оказалась существенно подорванной. Надо было возвращаться в Индию, в Кулу. За год экспедиционных работ было сделано немало. Маршрут, который прошла экспедиция по Внутренней Монголии, включал Хинганский хребет, пустыню Гоби, Ордос и Алашань. Этот маршрут, по которому еще не ходили русские путешественники, дополнил путь, пройденный Центрально-Азиатской экспедицией. Во время Монгольской экспедиции были проведены археологические исследования, собраны ценные старинные рукописи. Экспедиция обнаружила около 300 видов засухоустойчивых трав. Ее коллекция пополнилась лекарственными растениями и семенами. В сентябре 1935 года все экспедиционное имущество было погружено на пароход, отходивший от Шанхая.

Я так подробно остановилась на последней экспедиции Рериха потому, что мы знаем о ней много меньше, чем о Центрально-Азиатской. Во-вторых, значительная часть очерков, опубликованных в "Листах дневника", была написана Николаем Константиновичем именно на ее маршруте. И, наконец, она несла не меньшую эволюционную нагрузку, нежели более длительная Центрально-Азиатская экспедиция. Та и другая, инициаторами которых выступили Учителя Рерихов, были тесно связаны с эволюционными процессами, происходившими в XX в. на Планете

Земля. В той и другой как бы воплотилось то эволюционное действо, которое должно было повлиять на ход космической эволюции, по "коридору" которой шло человечество.

Обе экспедиции несли в себе концепцию и основные идеи Живой Этики и реализовывали их на практике. Эти же идеи нашли свое отражение в очерках Николая Константиновича, написанных им в эти годы и позже. Не представляя себе, хотя бы вкратце, основных эволюционных положений Живой Этики, или Агни Йоги, мы не сможем понять, ради чего писались "Листы дневника", и будем не в состоянии постигнуть те основные направления космической эволюции человечества, которые четко сформировались в XX веке. Представляя собой богатый комплекс разнообразных проблем, тесно связанных друг с другом, "Листы дневника" являют собой уникальный пример того, как в каждой из этих проблем мысль философа и художника нашла свое эволюционное русло, несмотря на различие уровней исследуемого материала, будь то космическая высота или бытийная рутина нашей зачастую приземленной жизни.

2. КОСМИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ВЕК XX

Космическая эволюция имеет свои циклы и закономерности, которые проявляются во времени и в пространстве. На обозримом историческом отрезке именно XX век оказался тем переломным моментом, который предшествовал новому эволюционному витку в развитии человечества. Наступающие изменения ощущались во многих областях и прежде всего в науке и философии. Менялось мировоззрение, складывались новые подходы, формировалось новое мышление. Наступающая ступень культурно-духовной эволюции Планеты нашла свое отражение и в работах крупнейших ученых Запада и пророчествах Востока.

В 20-е и 30-е годы нашего столетия появилась целая серия анонимных книг, называвшихся Живой Этикой, а затем Агни Йогой. В них как бы соединились два потока — восточный и западный, интуитивный и научный, древний и современный. Неизвестные авторы Живой Этики шире, чем современная наука, толковали такие фундаментальные понятия, как материя и энергия, и рассматривали Мироздание как грандиозную и беспредельную энергетическую систему одухотворенного Космоса. Они писали о его Великих Законах и утверждали, что эти Законы действуют на всех уровнях человеческого бытия.

С этими удивительными книгами и их создателями и были связаны Николай Константинович Рерих и его жена Елена

Ивановна.

Николай Константинович Рерих — великий русский художник, ученый, путешественник, философ и общественный деятель родился в 1874 г. в семье крупного петербургского юриста. Он окончил гимназию, затем юридический факультет Петербургского университета и параллельно Академию художеств. Его выпускная картина "Гонец" свидетельствовала о незаурядном художественном таланте и склонности к историческим сюжетам. Склонность эта подкреплялась археологическими раскопками в районах Новгорода и Пскова, которые достаточно профессионально проводил молодой Рерих. В эти же годы в нем пробудилось и необъяснимое влечение к Востоку. Совершив вместе с Еленой Ивановной в начале века путешествие по древним русским городам, он увидел в русской культуре то синтетическое начало, которое давало повод для размышлений и о Востоке, и о Западе. Особенно его притягивала Индия. Он задумывался о необъяснимой подвижности древних народов и мечтал найти тот общий гипотетический источник, из которого когда-то, тысячелетия назад, возникли индийская и славянская культуры.

Надо сказать, что увлечение супругов Рерихов Индией и ее духовной культурой не было чем-то необычным для российской интеллигенции того времени. Культурная Россия в конце XIX — начале XX века переживала неудержимую тягу к далекой и чудесной стране. У этого явления были свои глубокие и сложные причины. Среди прочих созвучие индийской духовной традиции нравственным исканиям русской интеллигенции занимало не последнее место. К Индии проявляли острый интерес крупнейшие русские писатели: Л. Толстой, Ф. Достоевский, М. Горький.

Однако Рерихи совершили то, что до них никому не удавалось. Они вошли как бы внутрь индийской духовной традиции и стали сотрудниками уникальной группы философов и Учителей. В Индии последних называли Махатмами, или Великими Душами. Они стояли на более высокой ступени эволюции, нежели остальное человечество, и являлись теми, кого можно назвать субъектами эволюции, т. е. сущностями, которые могли сознательно воздействовать на эволюцию одухотворенного Космоса. Непосредственные контакты Рерихов с Учителями начались в 1920 г. в Лондоне и продолжались в течение всей их жизни в Индии.

Эволюционные идеи Живой Этики не были ни отвлеченными, ни абстрактными. Сложившись в природном космическом потоке, вобрав в себя самое ценное из прошлого и настоящего человечества, они несли в себе огромный энергетический заряд

действенности, устремляя человечество к будущему, к переходу на новый эволюционный виток, к духовному совершенствованию и продвижению. Охватывая широчайший диапазон космических процессов, Живая Этика способствовала такому пониманию человеком событий, "которое бы отражало суть и основу всей Вселенной", по словам самого Рериха.

У начала нашего эволюционного витка, который завершается XX веком, стояли те народы и племена, которые двигались через время и пространство, оставляя за собой объединительные знаки культуры. Осмысливая исторические процессы нашего непростого и бурного века, Рерих искал в них те механизмы энергетического обмена, которые были свойственны этому веку. Многое в его размышлениях было созвучно идеям великого русского ученого В. И.Вернадского в области ноосферы как новой ступени в развитии человечества. Вернадский считал, что научная мысль и средства сообщения являются важнейшими моментами в формировании ноосферы. "Знание должно быть всемирным, — писал Рерих, — и поддержано в полном сотрудничестве. Пути сообщения не знают преград, так же и пути знания должны процветать в обмене мнений"[18]. Движение научной мысли, не стесненное искусственными преградами, пути сообщения, переносящие миллионы людей из конца в конец Планеты, средства связи, позволяющие людям обмениваться мыслями в фантастически короткое время — все это составляло важнейшие направления энергетического обмена нашего века, продвигавшего человечество к новому эволюционному витку космической спирали или, если хотите, к ноосфере, по Вернадскому. Но понимая прекрасно роль таких форм энергетического обмена, Рерих как всегда обращал внимание на духовную суть такого обмена, на необходимость его правильного и полезного для эволюционных изменений наполнения.

Он считал, что наука сама по себе должна быть подвижна и способствовать энерго-информационному обмену. Созданный им в Индии Институт Гималайских исследований работал методом ашрама. Далекие и близкие экспедиции, собирание разнообразного научного материала в самых неожиданных местах Гималайского региона, а затем его обобщение приносили самые плодотворные результаты. Так веха древности послужила важным основанием для развития нового подхода к научным исследованиям, к научной подвижности. "Нужно то, что индусы так сердечно и знаменательно называют "ашрам". Это — средоточие. Но умственное питание "ашрама" добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники "ашрама" тоже не

сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы. Недаром давно сказано, как один настоятель монастыря, когда братия уходила в странствия, говорил: "Наша обитель опять расширяется"[19].

В эпохи, когда исторический процесс вновь набирал свою энергетику, когда возникло осознание духовных ценностей и культура становилась критерием жизни, происходили изменения к лучшему, начиналось возрождение и побеждали силы созидания. Волна материи достигала своей высшей точки, на какое-то время задерживалась в ней и вновь начинала скользить вниз, чтобы потом взлететь пенным гребнем. В этой высшей точке и шло эволюционное творчество, возникали возможности объединения и динамичного духовного продвижения. "После разрушений и отрицаний во всей истории человечества создались целые периоды созидания. В эти созидательные часы все созидатели всех веков и народов оказывались на одном берегу"[20]. Рерих обладал удивительной способностью единой фразой обозначить сложнейший процесс: "…созидатели всех веков и народов оказывались на одном берегу". Иными словами, вновь активизировались все предыдущие культурные накопления, которые до времени казались погребенными под толстым слоем пыли упадка и забвения. Рерих пристально следил за этим движением истории и видел, как странная и загадочная закономерность определяют даже открытия и нахождения, которые выносила на поверхность Земля, как бы давая понять, что наступил срок того, что необходимо людям для эволюционного продвижения. С этой точки зрения, необычной и неожиданной для нас, Рерих рассматривает даже археологию. Он ощущал, как никто другой, единый и целостный процесс движения материи человеческой истории. Он родился историком, как рождаются музыкантами, художниками, поэтами. В нем с самого начала жила историческая интуиция, историческое предвидение, подкрепленное позже философией его Учителей.

"В истории человечества, — писал он, — поучительно наблюдать знаменательные волны открытий. Нельзя сказать, чтобы они зависели лишь от случайно возбужденного интереса. Вне человеческих случайностей, точно бы самые недра земли в какие-то сужденные сроки открывают тайники свои. Как бы случайно, а в сущности, может быть, логически предуказано, точно бы океанские волны, выбрасываются целые гряды знаменательно одноподобных находок. Так и теперь, после Венгрии, после Кавказа и Сибири появились прекрасные находки Луристана среди Азиатских пространств, а теперь и Алашани и

Ордоса, и вероятно, среди многих других как бы предназначенных местностей.

Знаки великих путников выступают не случайно, и потому особое внимание к ним тоже далеко от случайности. Словно бы недра земли раскрываются и поучают, когда нужно, богатствами, накопленными ушедшими племенами. Великие путники оставляют знаменательные знаки"[21]. Это "вне человеческих случайностей" свидетельствовало о том, что Рерих достаточно хорошо себе представлял объективные силы, действовавшие в океане человеческой истории. Он писал о высшей справедливости истории, которая вопреки стараниям людей объективно оценивает события и судьбы и запечатлевает эти оценки в материи человеческого духа. Введение в историю категории космического сознания, которое кристаллизует ценности, отбирает то, что помогает двигаться по ступеням космической эволюции и предает забвению факторы, мешающие, разрушающие или незначительные, является совершенно новым подходом к философии истории.

И сам человек, и сам народ являются носителями Космических Законов, которые складывают судьбу индивидуума и судьбу целой нации. В этой судьбе есть та предопределенность, которая обуславливается Великим Законом Кармы, или Космическим Законом причинно-следственных связей. Карма выбирает тех, кто является субъектом истории, влияет на последнюю и двигает ее. "Жанна д'Арк, — размышляет Рерих, — могла остаться сельской провидицей, могла пророчествовать и исцелять. Могла окончить работу почитаемой аббатисой, а не то и уважаемой гражданкой. Ко всему были пути. Но Великий Закон должен был в ней найти еще одно светлое свидетельство Истины. Пламень ее сердца, пламень костра ¬венец пламенный, все это далеко поверх обычных законов. Даже поверх обычного воображения человеческого"[22].

Вот эти "светлые свидетельства Истины", проявляющиеся в творческих личностях, и есть те "светлые вехи мира"[23], по которым движется история человечества, составляющая временно-пространственную основу его эволюции.

Рерих увязывал движение космических энергий, изменение коры Планеты и перемещения человечества, которые были вызваны рядом крупнейших событий XX века, в одно единое целое, в котором каждая часть взаимодействовала с остальными.

"С 1914 г. человечество пришло в космическое беспокойство… Все поднялось. Все поехало"[24]. Ощущая это "космическое беспокойство", он хорошо понимал, что судьбы народов приведены в движение таинственными энергетическими

изменениями, происшедшими в самом Космосе. "Космическое беспокойство" предвещало не только долгую Великую войну, но и качественные эволюционные изменения. На рериховских пророческих полотнах возникали сюжеты, которые получили свое реальное истолкование много позже. "Решительно во всем чувствуется поворот рычага эволюции. Или предстоит быстрое одичание и разрушение, или возможно чудесное преображение жизни"[25]. Космический Закон свободной воли предоставлял человечеству выбор: или разрушение, или преображение. История всего XX века явилась полем борьбы этих двух основных эволюционных тенденций. Разрушение означало хаос, преображение — победу Космоса. XX век готовил человечество к переходу на новый эволюционный виток. И от самого человечества, от его осознания происходящего зависело, сорвется ли оно с прямой, ведущей вверх к новому витку, или преодолеет эту высоту и выйдет на более высокую космическую орбиту. Рерих видел те эволюционные изменения, которые уже происходили в земной жизни и которые он называл знаками. "Знаки новой эволюции стучатся во все двери. Чудесные энергии, могущественные лучи, бесчисленные открытия стирают условные границы и изливаются в трудах великих ученых. Древность выдает нам свои тайны, и будущее протягивает свою мощную руку восхождения"[26].

Научный взрыв 20-х годов был знаком эволюции. Поворот крупнейших ученых к древним философским системам Востока также был знаком эволюции. Этих знаков с начала века уже накопилось довольно много. С годами их число увеличивалось. В эти знаки вписывались работы Вернадского, Циолковского, Нильса Бора, Тейяр де Шардена, Чижевского. Наука сама становилась эволюционным знаком, предвещая небывалые в этом отношении изменения. Однако сама суть XX века несла в себе альтернативную неустойчивость, борьбу противоположений и возрастающее на этом фоне взаимодействие космических сил с судьбами земных народов. Все это безмерно увеличивало ответственность человечества за свое будущее и будущее Планеты. Но очень немногие сознавали это. Люди продолжали жить своей обычной жизнью, которая, как казалось им, не имела никакого отношения ни к Космосу, ни к новым научным теориям, ни к идеям Живой Этики, ни к призывам и тревоге, звучащим в рериховских очерках и полотнах. Или… или — перед человечеством стоял выбор. На фоне этого и разворачивалась эволюционная драма XX века.

Рерих был в своей последней экспедиции, когда Планета медленно, но верно стала вползать в Мировую войну. Он

физически ощущал, как густая тьма человеческого озлобления и невежества надвигается на Землю. И он звал к свету, но его не слышали. Свет означал культуру, сотрудничество, объединение, расширение сознания. Словом, все, что имело эволюционный характер и служило опорой духовному продвижению человека. Каждый несущий свет должен охранять его: "…прикройте это священное пламя всею одеждою вашею, сохраните его всеми помыслами; сами видите, насколько велико сейчас ожесточение"[27]. Тема Света и тьмы, тема борьбы Космоса и хаоса нарастала и в его художественных произведениях, и в его литературных трудах по мере приближения Планеты к роковой черте новой Великой войны.

Духовная битва, поднявшаяся где-то в недрах человеческого сообщества и самого человека, обретала космический эволюционный характер. Духовное противостояние силам тьмы, или как мы это называем — нравственный выбор, с которым человек встречается ежедневно, не задумываясь о значении своих побед или поражений, ложилось четко и определенно в русло космической эволюции. Рерих обладал удивительной способностью увязывать нашу обыденную жизнь со сложнейшими космическими процессами и видеть в ней проявления Великих Космических Законов.

"Организованная борьба с невежеством, самоотверженный поход за культуру, оборона знания от всех разлагающих попыток — все это должно стать знаменательной печатью века. Мощь мысли! Осознание психической энергии!"[28] — вот к чему призывал он. "На башнях и в катакомбах, на высотах и в пещерах, всюду, где пройдет дозор ваш, будьте теми же бодрыми и непобедимыми"[29].

Но он не только призывал, не только рисовал или писал. Он еще действовал. Действовал стремительно и неутомимо. Эта особенность отличала его от многих деятелей культуры XX века. Книги Живой Этики звали к действенности, к подвигу, к активности. В разных странах и на разных континентах художник создавал общества, клубы, ассоциации тех, кто поднял вместе с ним знамя Культуры. Тех, кто вместе с ним боролся в преддверии новой Великой войны за реализацию Пакта Рериха, защищавшего культурные ценности от уничтожения и разрушения. Знакомясь со сборниками рериховских очерков, мы видим, какой огромный вклад в деятельность таких культурных организаций внес он сам. Многие из этих организаций пережили разрушительную стихию последней Великой войны, сумели вновь возродиться и поднять "Знамя Мира", известное теперь всей Планете. Белое полотнище и горящие красным цветом три малых круга в большом. Прошлое,

настоящее и будущее в едином круге вечности. Призывая носителей культуры к подвигу, он сам совершил этот подвиг. Прославляя героев эволюции и ее духовных битв, он сам был таким героем. Временами бремя его миссии давило непосильным грузом на плечи. Но он верил в человечество и продолжал стоять на своем Дозоре. Такие понятия, как синтез, культура, красота, и особенно искусство, Рерих считал основополагающими эволюционными вехами. Все они, отражающие развитие и продвижение человеческого духа, являлись важнейшими и неотъемлемыми частями космической эволюции в самом широком смысле этого процесса.

В каждом явлении есть своя материя. Рерих называл культуру светом, светоносной материей. Живая Этика писала о той же светоносной космической материи, которая представляет один из высочайших уровней в развитии материи в целом. Почти в то же время К.Э.Циолковский говорил о лучистом человечестве будущего. "Духовное понимание и созвучие, ¬писал Рерих в одном из своих очерков, — ткут светоносную ткань Матери Мира — священную Культуру. Этим творческим путем вы и будете восходить"[30].

Светоносная материя культуры, такая уязвимая и так легко разрушаемая, была тем главным элементом в развитии земного человечества, который обеспечивал его будущее, как золото обеспечивает платежеспособность любого государства. Бездумная трата этого золота приводила к банкротству духовному и материальному.

"Культура есть, — говорил Рерих, — истинное просветленное познавание. Культура есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества. Культура есть красота во всем ее творческом величии. Культура есть точное знание вне предрассудков и суеверий. Культура есть утверждение добра во всей его действенности. Культура есть песнь мирного труда в его бесконечном совершенствовании. Культура есть переоценка ценностей для нахождения истинных сокровищ народа. Культура утверждается в сердце народа и создает стремление к строительству. Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живет во всем мыслящем и сознательном. Культура защищает историческое достоинство народа"[31]. Он как бы вращал явление культуры под таинственным лучом собственного творчества, находя в нем все новые и новые грани, которые вспыхивали неожиданными искрами проникновения в Истину.

Одна из таких искр — Красота. Будучи явлением эволюционным, связанным с материей и образованием ее форм, с

одной стороны, а также с духом и сознанием человека — с другой, Красота представляет собой вселенскую гармонию, порядок, само мироздание. Красота — это то, что возникает в результате борьбы Космоса с хаосом и победы первого над последним. Так называемая спасительная сущность Красоты заключается в энергетическом результате, обуславливающем гармонию в мироздании и самом человеке. Красива гармония, красив порядок, отвечающий естественным законам внутренней жизни человека. Понятие Красоты чрезвычайно широкое и пронизывает собой все наше бытие и наше мировосприятие. Красота есть энергетическое сердце Культуры, через которое идет процесс синтеза последней, являющегося главным направлением духовно-культурной эволюции человечества. Космос рождал Красоту в творческих потрясениях жизни и смерти миров, Планета творила ее в гибельных конвульсиях и катастрофах, человек создавал ее, кристаллизуя в ней тяготы и страдания своей земной жизни. Трудности творческого преодоления на путях Красоты складывали ритм, объединяющий одухотворенный Космос, Планету и человека, и превращая последнего в такого же творца, как и сам одухотворенный Космос. Поэтому среди многообразных аспектов творимой Красоты Рерих особо выделял искусство, которое являлось как бы кристаллом всех творческих усилий человека. "Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущения и расстройства"[32]. Эта космическая роль искусства делала его необходимым компонентом не только в эволюции, но и в повседневной жизни человека. Однако человечество XX века относило искусство к разряду роскоши, не понимая духовную и энергетическую суть этого явления. Художник, мастер, творец имели иную, нежели обычный человек, энергетическую структуру. Их поле обладало более высоким качеством, напряженность его была тоньше, вибрации — выше. Любое произведение искусства в силу космических закономерностей, которым оно подчинялось, несло на себе энергетические наслоения своего творца. И чем прекрасней оказывалось произведение искусства, тем действеннее и гармоничнее являлась его энергия. Мы всегда испытываем эмоциональное, а значит и энергетическое, духовное воздействие такого произведения. Чувства восторга, душевной гармонии, обостренности ощущений, пробуждения мысли — всю эту многообразную палитру дает нам лицезрение истинных творений искусства. Любое место там, где накоплены бесценные сокровища, будь то картинная галерея, церковь, храм, музей или дворец, становится источником духовной энергии, необходимой человеку для эволюционного продвижения. Разрушение таких

источников, небрежение к ним и забвение их главной духовной сути приводит к непоправимым последствиям. И то, что волею судьбы и одухотворенного Космоса великому художнику было суждено довести до человечества идеи космической эволюции, подтверждает мысль о непреходящем значении искусства в переломные моменты человеческой эволюции. И если мы рассмотрим историю искусства с той точки зрения, которую нам предлагают Рерих и его Учителя, то несомненно раскроем фундаментальную роль первого в сдвигах на Планете.

Искусство и знание, искусство и наука — две важнейшие стороны познания окружающей действительности, мироздания и материи в целом. В духовном движении XX века проблема синтеза двух подходов, искусства и науки, стала основополагающей тенденцией. Рерих справедливо считал, что искусство и наука являются устоями грядущей эволюции. За этими словами стояла углубленная работа мысли самого художника и четкое понимание особенностей и процессов этой грядущей эволюции.

Я отметила лишь самые важные моменты, о которых писал Николай Константинович в своих "Листах дневника" и которые требуют пояснения, а также определения их места в сложном комплексе космической эволюции. Но палитра предлагаемых читателю очерков много богаче и шире. Этические проблемы, размышления о положении в мире, мысли о грядущей Войне и многое другое дадут читателю немало полезной и нужной информации, которая поможет ему соприкоснуться с внутренним духовным миром великого художника и мыслителя.

3. РОССИЯ

О чем бы Рерих ни писал, исследуя космическую эволюцию человечества, его мысль постоянно, как стрелка компаса, поворачивалась к России. Россия была его болью, печалью и надеждой. Его Учителя и сами они, Николай Константинович и Елена Ивановна, оценивая Россию с точки зрения эволюции, говорили об особом ее значении и решающей роли. Однако в этих утверждениях таились как бы противоречия. Тоталитарная страна, выбывшая после 1917 г. из русла мировых процессов, из планетарного энергетического обмена, казалось, вряд ли могла сделать какой-то существенный вклад в грядущую эволюцию. Но Великие Законы Космоса сложны и обладают неизмеримой глубиной. В центральной части Евразийского континента, на его средостении, там, где располагалась Россия, с начала

переломного XX века, в силу разнообразных обстоятельств, начали складываться особые энергетические возможности.

Ввергнутый в пропасть насилия, гибели, страданий и беспримерных людских трагедий, народ России несознательно и сознательно противостоял тому вселенскому злу, которое затопило страну. В этом процессе действовала диалектика космического масштаба. С одной стороны, разрушение источников энергетики вело к ослаблению последней, с другой — противостояние физическое и духовное создавало новые пласты, новые накопления этой энергетики. Процесс противоборства, накопления и разрушения был столь же драматичен, как и планетный катаклизм, рождающий в муках красоту и гармонию самой природы.

Тема России проходит через все творчество Рериха, начиная с его ранних полотен и произведений и кончая самыми последними. Он осмысливал феномен российской культуры с точки зрения космической эволюции, с точки зрения Будущего и той Новой Эпохи, у порога которой стоял XX век. "Сколько истинных кладов заложено на Руси! — писал Рерих. — Сколько замечательных путников прошло по нашим равнинам, и какое великое будущее суждено!"[33]. Но тропа, которая вела к этому будущему, была терниста и кровава. Революция не дала стране истинного обновления, а принесла ей иную, чреватую всякими неожиданными поворотами и опасностями жизнь. Те, кто делали эту революцию, не обладали ни нужным уровнем сознания, ни какими-либо представлениями о природных законах человеческой истории и социального развития. Они были жестоки, напористы и бескомпромиссны. Они полагали, что создают новый, еще невиданный мир справедливости и счастья, нового совершенного человека, но на самом же деле лишь искажали и попирали Космические Законы и естественный ход самой российской истории. "Обновление есть естественная эволюция. Или произойдет загнивание, или расцветает возрождение"[34]. В этих словах Рерих сформулировал российскую альтернативу. Выбор, сделанный ее правителями, привел страну к тому загниванию, которое мы потом так стыдливо назвали застоем. Николай Константинович пристально наблюдал, как складывалось тоталитарное государство. В основе механизма тоталиризации лежало насилие. Оно сформировалось во время революции и Гражданской войны, затем захлестнуло страну кровавой волной репрессий, покрыло огромные российские пространства концлагерями, превратив миллионы людей в задавленных страхом рабов. Насилие во всех видах и областях человеческого бытия стало главным орудием строителей "нового

общества" и создателей "нового человека". Рериха интересовало соотношение насильственного и естественного, искусственного и природного. В нем, этом соотношении, скрывалась тайна происходившего в стране. "Естество не должно быть понимаемо, как естество только материальное. Так как материя есть лишь одно из состояний духа, то и естество является определением всех естественных состояний. Сердце работает естественно тогда, когда мы его не замечаем… Так же и естественное состояние естества будет благонезаметно. Как высшее напряжение электричества, оно будет благотворно распространяться, но обычный глаз и обычное ухо не познают его. Тем самым видно, что всякое насилие, всякое выведение из естественности состояния — неприложимо"[35]. Но целая страна была выведена из этой "естественности состояния", ибо был нарушен великий принцип добровольности. "Всякая вольность в обиходном понимании, — писал Рерих, — часто не уживается с добром, с сердечностью к ближним"[36]. Исследуя различные механизмы, действовавшие в России после революции, Николай Константинович обратил внимание на "грубую реакцию" и "разрушительные восстания" самого естества. Механизм насилия одержал в конечном счете победу над этим естеством, разрушив одних духовно и превратив их в так называемый "новый тип" или физически уничтожив миллионы других. Тогда, в те страшные годы, Рерих сказал пророческие слова: "…всякое насилие непременно окончится тем или иным разрушением. Поднявший насилие от насилия и погибнет"[37]. Рерих ощущал и понимал ужас происходящего в России. Он писал о тирании, которой была свойственна "тупая нетерпимость", ненависть к сотрудничеству и к Космической Иерархии. Тирания устанавливала свою иерархию, которая носила ярко выраженный разрушительный характер. "В полном одичании, в судорогах безумия произносятся самые разрушительные формулы. При этом потрясает та чудовищная безответственность, которая не дает себе труда хотя бы помыслить, к каким следствиям приведет это буйно-дикое состояние!"[38] С первой четверти XX века подгоняемый ветрами русской революции тоталитаризм, как система, уже начал наползать на Планету.

Рерих думал о России и страдал. "Вот мы слышим, — писал он в 1936 году, — о каких-то допросах с пристрастием, об ужасах пыток, происходящих в наше так называемое культурное время. Какой это срам! Какой это стыд знать, что и сейчас совершенно так же, как и во времена темнейшие, производятся жестокие мучения!"[39] И эти "какой это срам! Какой это стыд…" звучат и сейчас такой горечью и такой болью, что пробуждают в читающем

ответную реакцию сострадания. Великий художник остро ощущал ту невыносимую бездуховную тьму, которая накрыла российские просторы.

Тоталитаризм, называемый в России социализмом, имел одну примечательную особенность. В отличие от других государств он не создавал и не развивал культуру, а разрушал ее и заменял ее чем-то совсем иным, как бы походившим на культуру, но в действительности таковой не являвшейся. Тоталитаризму была страшна и ненавистна духовная власть истинной Культуры.

Так называемая культурная революция сносила с лица земли церкви, храмы, бесценные памятники архитектуры, уничтожала сокровища, имевшие мировое значение, разрушала традиционную народную культуру. Это была война невежества, одержимого новыми идеями всеобщего переустройства, против духовных накоплений российских народов. Она была жестока, кровава и привела к уничтожению многих тысяч истинных носителей духа и культуры. Вместе с гибелью энергетических культурных структур, будь то церковь или душа, или тело человека, разрушалось само энергетическое пространство российской культуры. Оно постепенно превращалось в топкое болото хаоса, в котором по пояс увязла вся Россия. Уничтожение генетического фонда российской культуры расчистило поле деятельности невежественным людям, чей уровень сознания был низок, а понятия о нравственности искажены. И на этом фоне обретали высокий трагический смысл рериховские слова: "И в пустынных просторах, и в пустынной тесноте города, и в песчаной буре, и в наводнении, и в грозе и молнии будем держать на сердце мысль, подлежащую осуществлению — о летописи русского искусства, о летописи русской культуры в образах всенародных, прекрасных и достоверных"[40]. Рерих противопоставлял истинную Культуру "в образах всенародных, прекрасных и достоверных" той псевдокультуре, которая захлестнула Россию. Его слова были точны, образны, а временами походили на заклинания. Разрушение храма Христа Спасителя потрясло его своей бессмысленностью. Он выступил с официальным протестом, но там, на Родине, его не услышали. Он пророчески предвидел результаты происходящего. "Сперва псевдоцивилизация, затем псевдонаука, псевдодружелюбие, псевдодостоинство, а там уже во всем безобразии окостенения псевдочеловек"[41].

Рерих видел, как создается этот "псевдочеловек". Ложь в этом страшном "созидании" занимала первое место. "Они (носители лжи — Л. О.) бывают крепко организованы, очень изысканны и часто более находчивы, нежели сторонники правды. Они завладели первыми страницами газет; они умеют использовать и

фильмы, и радио, и все надземные и подземные пути. Они проникли в школы и знают цену осведомления. Они пользуются каждою неповоротливостью оппонента, чтобы сеять ложь для процветания зла"[42].

Правящая элита России широко и бесцеремонно пользовалась ложью. Ложь неслась грязным потоком с высот власти, разъедала души людей, подчиняла их, наполняла страхом и принуждала их верить в иллюзии и мифы, ею творимые. На политических и социальных подмостках России разыгрывалась реальная и страшная "Сказка о голом короле". Все было в ней так, как и у Андерсена. Только мальчика, прокричавшего в самый критический момент: "А король-то голый!", давно расстреляли как "врага народа". Рерих видел, как в России год от года росло губительное вмешательство государства в культуру. "Дело культуры никогда не может быть лишь делом только правительства страны. Культура есть выражение всего народа, вернее, всех народов"[43], - писал он. Из России шла печальная и страшная информация, идеология штамповала стандартное единомыслие.

Потом наступит в России время, когда станет очевидной правота Рериха о связи культуры и благосостояния народа."… Ужасно разрушительное состояние. Если с одной стороны несется торжествующий рев, угрожающий разрушением всем храмам и музеям, то с другой стороны готовятся пистолеты, чтобы застрелить всех Пушкиных и обозвать изменниками всех Голенищевых-Кутузовых и прочих героев Российской Истории"[44]. Он написал это в 1934 году, предвидя кровавые повороты "социалистической культурной революции". Он пытался привлечь внимание к бедственному положению учителей в России, которые вели унизительно-зависимое и нищенское существование. Он проводил настойчиво мысль о том, что народ, поставивший учителя в такое жалкое положение, не обеспечивает своего будущего. Он писал о законах, по которым развивается культура, о преемственности в ней и о необходимости в культурном строительстве использовать драгоценный опыт прошедших веков. Разрушение прошлых накоплений вело к разрушению будущего. Гибло будущее культуры, разрушались эволюционные механизмы. Он хотел, чтобы там, в России, его услышали. Он бил в колокол, стремясь донести до Родины эти тревожные звуки. Он понимал, что "железный занавес", которым отгородилась Россия от всего мира, отсечет и эти звуки, но продолжал звонить, ибо звоны были не только о настоящем, но и о будущем.

Рерих не дожил до этого времени, когда Россия, медленно раскачиваясь и с трудом отряхивая с себя бред кровавых и

застойных времен, стала входить в иное время и когда его слова, сказанные в те далекие годы, стали слышны. Теперь, читая рериховские очерки, мы видим, как много в них было адресовано нам, сегодняшним, удивляемся этому и восхищаемся его пророческим предвидениям, забывая о том, что он действовал и мыслил в энергетическом поле непреходящих духовно-культурных ценностей человечества и осмысливал современные ему процессы, исходя только из тех моментов Истины, которые содержались в этом поле.

Работы Рериха дают нам сейчас возможность понять, что наше духовное возрождение, вызванное перестроечными процессами, происходит на фоне затянувшейся бездуховности. Тогда, в те далекие 20-30-е годы Рерих как бы предвидел то, что нас ожидает в 80-е и 90-е. Он неустанно повторял: культура, культура, культура. Но мы не вняли. Он говорил о том, что свобода без культуры может превратиться во вседозволенность и произвол. Он называл свободу легкокрылой водительницей и однажды написал мудрые и вещие слова, которые звучат в наши дни с особой значимостью: "Но прекрасна она, эта легкокрылая Водительница, если основана на понимании Культуры. Акультурная свобода будет произвол, а всякий произвол сочетается с грубостью и хаотичностью"[45]. Нашей сегодняшней малой свободе недостает Культуры в самом широком смысле ее слова.

Освобожденное невежество, вырвавшееся из тоталитарных оков и сохраняя при этом тоталитарный образ мышления, властную самоуверенность и напористую категоричность — явление много хуже любого политического катаклизма. "Невежеству… нужно отрубить чью-то голову, хотя бы каменную, нужно вырезать дитя из утробы матери, нужно искоренить жизнь и оставить "место пусто". Вот идеал невежества. Оно приветствует безграмотность, оно улыбается порнографии, оно восхищается всякой пошлостью и подлостью"[46].

Я читаю Рериха, и время от времени мне кажется, что все это написано в наши дни. "Кто читал о последних годах Римской империи или Византии, тот с изумлением мог бы найти многие параллели. Среди них бросится в глаза необыкновенное устремление к цирку, к гладиаторам, к конским гонкам и ко всяким условным призам. Разве и теперь каждая деревня, а скоро каждая улица, не будет иметь свою королеву красоты или свою замечательную руку или ногу, или свой особенный волос?"[47]. Индустрия развлечений стремится в наши дни подменить собой истинную Культуру.

"Как же не говорить, когда именно сейчас некоторые

правительства пытаются обложить свободное искусство особыми налогами. И тем еще больше затруднить тернистый путь красоты"[48]. Это тоже относится к нам, к безответственной и недальновидной политике нашего правительства. С высоких парламентских трибун времен перестройки мы почти не говорим о культуре и ее роли в этой перестройке. Страна и ее лидеры до сих пор еще не осознали, что в основе любого возрождения лежит именно культура, духовные накопления народа. И поэтому рериховские зовы и письмена о культуре для нас сейчас так важны и необходимы.

"Во всех веках и народах всегда будут краткие периоды, в которых будут спесиво отринуты эти накопления. Как клады, временно уйдут они под землю. Как в запрещенных катакомбах, останется лишь шепот молитв. Так где-то и все-таки в полной бережливости сохранятся знаки народной наблюдательности и опять их достанут из тайников. Опять с обновленным рвением будут изучать. И опять именно из этих неисчерпаемых источников обновятся основы культуры"[49]. Он верил в Россию, в ее народ и ее будущее.

Осмысление российской культуры как энергетического явления космической эволюции дало возможность Рериху увидеть и осознать все те важнейшие проблемы, с которыми Россия столкнется в 80-е и 90-е годы своей противоречивой и нелегкой перестройки.

* * *

Очерки Рериха в целом представляют собой уникальное явление. Они синтетичны в своей изначальной сути и соединяют в себе философию и науку, литературу и широчайший объем знаний духовно-исторических и культурных. Поэтому провести "чистый" литературоведческий анализ этих очерков не представляется возможным. Да в этом и нет необходимости. Ибо вычленить литературу как таковую из синтетического целого рериховского творчества так же трудно, как и отделить Рериха-художника от Рериха-литератора.

Если в картинах Николая Константиновича "звучит и поет язык", то в его очерках говорят сами краски и зримые образы. И что бы он ни описывал — пейзаж ли, исторические реликвии, человеческие ли страсти или явления космической эволюции — перед вашим мысленным взором всегда предстанет завершенная в своей красоте картина.

Его очерки, с моей точки зрения, представляют ту новую

литературу, где ощущается дыхание будущей эволюционной эпохи, будущих новых средств выражения и будущей эстетики.

Он много писал о синтезе как одном из важнейших направлений современного эволюционного процесса. Он сумел воплотить этот синтез в своих литературных произведениях, где гармонично сочетаются Красота, Знание и Мысль. Это и позволяет нам считать литературное наследие Рериха одним из ярчайших явлений мировой культуры.

Николай Константинович РЕРИХ

Наскоки

В письмах ваших сообщается, что какие-то индивидуумы упрекают друзей наших в том, что они будто бы считают меня богом, желая этим как бы задеть и друзей и меня. Какая вредительская чепуха!

Ответ на все готов. Посмотрим, насколько нелепо кощунство темных.

В чем же заключается в моей деятельности то, что вызывает их негодование?

Я пишу книги, посвященные искусству и знанию, посвященные культуре. Очень многие делают то же самое. Метерлинк, Бернард Шоу, Уэллс, Тагор часто появляются со своими книгами и занимают общественное внимание, но никто не негодует.

Мне посвящено несколько биографий и симпозиумов, но сравнительно с литературою, посвященной другим художникам и деятелям знания и искусства, их гораздо меньше издано в Америке. Правда, в России и в Европе за период от 1907 до 1918 года было издано девять монографий и несколько десятков особых номеров художественных журналов, посвященных моему творчеству. Но никто не негодовал, и все это считали совершенно естественным реагированием общественного мнения.

В течение семнадцати лет до приезда в Америку я руководил художественными школами и различными просветительными, художественными и научными учреждениями. Школа Общества Поощрения Художеств, в которой было до двух с половиной тысяч учащихся и восемьдесят профессоров, в обиходе постоянно называлась школою Рериха. Учащиеся говорили: "Пойду к Рериху" или "учусь у Рериха", и никто из Комитета нашего не претендовал на такой глас народный. Наша председательница Евгения Максимилиановна Ольденбургская постоянно говорила мне: "Приеду к вам" или "говорят, у вас там…", в таких выражениях благожелательно идентифицируя понятие школы с моей личностью как представителя и главного ответственного лица. И опять никакого негодования не возбуждалось в общественном мнении.

Я коллекционировал старинные картины и предметы каменного века. В монографиях отмечалось значение моих художественных коллекций и признавалось, что моя коллекция каменного века является самой обширной — в этом был просто неотъемлемый факт.

Я пишу картины, что совершенно естественно для всякого

художника. Я пишу много картин, что опять-таки не является небывалым в истории искусства. Мои художественные выступления как в России, так и в Европе, доставили мне как признание общественное, так и почетные награды и избрания. Никто не негодовал на эти проявления общественного мнения. На международных выставках меня приглашали занять отдельные залы, и никто не протестовал против таких решений жюри.

Мне приходилось постоянно выступать за сохранение сокровищ творчества и за улучшение быта художников и ученых. И эти мои зовы никто не считал чем-то сверхъестественно божественным, но, наоборот, к моему сердечному удовлетворению, мне неоднократно удавалось помочь моим собратьям в искусстве и науке.

Мне приходилось устраивать многочисленные выставки и приветствовать представителей иноземных государств. И опять ни в среде сородичей, ни среди иностранцев не возбуждалось никаких злонамеренных толкований.

Возьмем ли мы идею Знамени Мира и последний номер бюллетеня нашего Музея, посвященный конференции в Бельгии, — быть может, какой-то злоязычник начнет упрекать в том, почему "Пакт Рериха" называется так, а не иначе? Но почему же он тогда не возражает против "Пакта Келлога" и всех прочих пактов и установлений, символически носящих определенное имя?

Возьмем ли мы образование многих Обществ, которые захотели принять мое имя, новость ли это? Уже давно в России существовали кружки Рериха, и все время нам приходится совершенно неожиданно наталкиваться на существование подобных кружков, даже совершенно нам неведомых. Уже пятнадцать лет тому назад Леонид Андреев писал о "Державе Рериха", а Балтрушайтис о "Чаше Грааля" и Бенуа о "Барсовых прыжках успехов". Все такие заявления не вызывали никаких писем в редакцию и никаких явных злобствований. Наоборот, список друзей прекраснейших и действительных представителей искусства и науки, являющих собою истинный критерий, постоянно возрастал и продолжает расти, не устрашенный ни "шарлатанством", ни "божественностью".

Наконец, когда из темных намерений, из вымогательства известная темная личность почтила меня большою статьею под названием "Шарлатана"[50], то в самом содержании статьи он привел столько раздутой лжи якобы о торжественных моих всемирных шествиях, что в самых дружественных статьях не было сказано столько величия и мощи, сколько приписал язык злобы, и автор статьи сам не заметил, что содержание статьи опровергло

его же название.

Спрашивается, что же делается мною такого дурного, что бы могло возбудить чье-то негодование, если только это не есть выражение мелкой зависти или злобы?

Гималайский Институт Научных Исследований — неужели это дурно или сверхъестественно? Или моя забота о собирании отделов искусства кому-то не дает спать? Или кажется "божественным", что мое двадцатипятилетие праздновалось в России, а сорокалетие деятельности в Америке, когда пришло десять тысяч друзей? Все мои призывы к охранению сокровищ искусств и науки — разве это противоестественно? Писание картин, сам смысл которых, казалось бы, должен был вызывать добрые мысли, неужели и это противоестественно? Руководство школою с желанием дать хорошее художественное образование массам, неужели и это или "шарлатанство" или "божественность"? Поднесение мне особой медали, выбитой в Бельгии — но ведь не я же сам ее себе поднес? Почетный Легион — но ведь многотомны списки носителей этого ордена? Звезда Св. Саввы, или Северная Звезда Командора — но, вероятно, шведский король был бы очень изумлен, узнав от шептунов, что он дал мне ее не за художество, но наградил бога или шарлатана? Французские ученые и художественные Общества, Югославская Академия, Археологический Институт Америки и другие учреждения во многих странах — неужели они давали свои отличия не за факты, им вполне известные, но за божественность или за шарлатанство? Или кого-то тревожит имя на здании? Но тогда его бедному созданию придется много тревожиться и при имени Родена и Моро, и Мане, и Мареса, и Торвальдсена.

Или, может быть, темненькое сознание обеспокоено, что я еще не умер, но ведь неоднократно газеты хоронили меня в разных странах. Жалкие сознания шептали, что я не мог написать все мои картины, именно потому, что этот оппонент и не мог бы сам написать столько картин. Шептали, что я вовсе не Рерих.

Конечно, все эти скудные и не отвечающие истине суждения нам любопытны лишь со стороны психологической. Подсказаны ли они яростью шовинизма или тупостью провинциализма, или же тою мрачною злобою, которая восстает против всего, где повторено слово Культура? Тьмы много в нашем мире; судороги этой тьмы угрожают через всю инертность массы, через все предательство, для которых каждый факт стремления к строительству кажется чем-то сверхъестественным, нарушающим их кладбищенский покой.

Во многих моих писаниях, отдавая должное восхищение художникам, я указывал на отсутствие шовинизма, который был

бы совершенно не к лицу стране, вместившей все нации мира. Клеймо шовинизма является лишь доказательством невежества. Плачевно было бы приписать произнесенные кем-то нелепости провинциализму, ибо что же может быть ничтожнее и смешнее ограниченности и старомодности такого сознания!

Предположим, что это злоба невежества — оно будет более существенно, нежели другие два предположения о шовинизме и провинциализме. Конечно, злоба тьмы ради своего существования должна преследовать все устремленное ко благу. Но не забудем, что именно столкновение света и тьмы создает строительство, к которому ничто не может воспрепятствовать устремляться тем, сознание которых зовет их к неотложным заданиям Культуры. Будем всегда основываться на фактах, на действительности, которых так боится тьма, но которые для нас всегда и во всем будут единственною основою.

13 Ноября 1931 г.

Публикуется впервые

Роскошь

"Сказано — роскошь должна покинуть человечество. Недаром сами люди так обособили это понятие. Ничем не заменить его. Роскошь — ни красота, ни духовность, ни совершенствование, ни созидание, ни благо, ни сострадание — никакое доброе понятие не может заменить ее. Роскошь есть разрушение средств и возможностей. Роскошь есть разложение, ибо все построение вне ритма будет лишь разложением. Можно достаточно видеть, что роскошь мирская уже потрясена, но нужно найти согласованное сотрудничество, чтобы излечить заразу роскоши. Самость будет возражать, что роскошь есть заслуженное изобилие. Также скажут, что роскошь царственна. Будет это клевета. Роскошь была признаком упадка и затемнения духа. Цепи роскоши самые ужасные и для Тонкого Мира. Там нужно продвижение и постоянное совершенствование мысли. Явление загромождения не приведет к следующим Вратам".

Сказаны ли слова эти для какой-то незапамятной древности или же они нужны и сегодня, так же точно, как некогда? Очень печально, если указы о невежественности роскоши требуются и сейчас. Но так или иначе, кто же дерзнет отрицать, что роскошь именно сейчас должна быть изгоняема.

Сколько раз говорилось миру о том, что роскошь есть признак самого дурного вкуса. Сколько раз указывались эпохи падения и Вавилона, и Рима, и множества других государств, когда вместо процветания красоты и просвещения овладевала человечеством вульгарная роскошь.

Не забудем, как Чингис-хан, желая предупредить возможность роскошествования своих соратников, произвел перед всем народом замечательно назидательный опыт. Нескольким близким друзьям он указал одеться в тончайшие китайские шелковые ткани и пошел с ними среди шипов терновника, сухого тамариска и других колючих растений. Когда они пришли к народному собранию, то, конечно, шелковая одежда оказалась изодранной. И вождь перед всеми показал непригодность роскошных в своей тонкости тканей. Так же точно при участии своих друзей он показал, что роскошные яства вызывают лишь болезнь, чтобы вернуть народ к молочной и растительной здоровой еде.

Таких примеров возвращения народного сознания к прекрасному и здоровому обиходу можно привести нескончаемое количество в разных веках. Но и теперь несомненно здоровые начала все-таки еще не осознаны, а не подчиненная

человеческому сознанию машина осиливает разумное распределение сил; именно теперь особенно необходимо, не боясь никаких укоров и насмешек, опять напоминать о красоте здоровой и о жизни целесообразной. В некоторых странах уже назначаются премии за ручные ремесла и рукоделия, и это не есть отказ от цивилизации. Этим порядком умные правители хотят обратить человеческое внимание снова на действительное, высокое качество ручного художества и на целесообразное распределение сил и самообразование.

Еще недавно приписывали подлую роскошь лишь невежественным новым богатеям. Конечно, эти новопришельцы от золотого тельца, часто совершенно невежественные, легче всего поддаются хитрым темным шептаниям роскоши. Но не будем закрывать глаза, что далеко и за пределами новых богатеев растет стремление к легкой наживе и к вульгарным формам роскошного обезображивания жизни.

Книга "Мир Огненный" мудро напоминает, что именно невежественная самость всегда будет защитником роскоши. Но та же книга прозорливо отмечает, что роскошь уже потрясена в мире. Значит, нужно очень внимательно досмотреть, чтобы следующая ступень бытия была бы окружена действительно благородным творчеством. И за этим необходимым условием жизни нужно досмотреть не каким-то казенным инспекторам, но всему народонаселению, чтобы возможно скорее создать сознательное отношение к гармонии обихода жизни.

Вещевая роскошь также и потому должна покинуть человечество, что это подлое понятие предательски вовлекает людей и в роскошествование духовное. В самомнении люди становятся небережливы к деятелям истинного просвещения. Эксцессы роскоши создали такие же уродливые эксцессы увлечения внешней физической силою, всякими гонками и перегонками и устремлением к мускулам. Одна нецелесообразность всегда порождает и следующую. Разрастание материальной стороны вызывает несомненное ослабление духовности во всех странах, во всех верах. Больше того, всякое устремление к духовности и к высшим построениям бытия считается даже как-то недопустимым в обиходе материально "цивилизованного" общества. Правда, некоторые народы, и в том числе прежде всего Индия, сохраняют этико-мыслительные приемы, но даже и в этих народностях уже справедливо раздаются жалобы на то, что молодое поколение отходит от вечных основ жизни. Из других же стран в письмах сообщаются самые печальные сведения, как о нарастающем атеизме, так и о нездоровом устремлении в узко материалистические горизонты.

Труженики духовного просвещения во всех областях отходят на незаметные места; люди даже не стыдятся утверждать, что сейчас будто бы вообще не время говорить о Живой Этике. И этому ужасу можно называть множество примеров. Конечно, из древней истории мы знаем, что Конфуций, проповедник чистой жизни, был преследован правителями, а Платон был продан в рабство. Знаем, что Аристид, сохранивший за собою в человечестве название справедливого, был изгнан своими согражданами из родного города. Такие сведения иногда кажутся злостными измышлениями. Слишком трудно сопоставить справедливого Аристида с какими-то звероподобными невеждами, которые посягнули на такой явный антигосударственный шаг, как изгнание прекрасного справедливого гражданина. Но в последних раскопках на Афинском Акрополе, к стыду человечества, были найдены керамиковые таблички, которыми вотировали именно за изгнание Аристида. Какой это ужас — воочию увидеть изображение таблички с надписью: "За изгнание Аристида". Ведь это равняется самым ужасным вандализмам, когда бессмысленно, к сраму всего человечества, разрушались незаменимые сокровища уже не роскоши, но Великой Красоты.

Когда мы читаем об уничтожении замечательных библиотек, когда мы видим списки уже несуществующих творений искусства, разве даже самое бесстыдное сердце не содрогнется? Какие-то герострaты древности и какие-то их последователи нашего времени гордятся тем, что они хотят разрушить музеи и храмы. Мы видим эти выкрики невежества напечатанными. Но никто из этих герострaтов не отдаст себе отчета в том, что он следует заветам самой невежественной роскоши. Если роскошь есть разрушение средств и возможностей, если она есть разложение, то всякое бессмысленное нарушение великого творчества уже будет роскошью. Герострат, конечно, не понимал высокого значения творчества, сожигая великий памятник. Также служитель роскоши, окружая себя уродливо пышными раззолоченными нагромождениями, является таким же точно герострaтом в отношении истинного творчества и благородства Красоты. Если мы думаем о новых формах жизни, если мы хотим счастья наших близких, то разве не лежит на нас обязанность заменять безобразие высокими формами бытия, будет ли это в вещественном или в духовном смысле?

С великим трудом люди начинают познавать, что дружелюбие открывает врата к сотрудничеству. А ведь если мы должны бороться против самости и грубости, то ведь это можно достигнуть лишь истинным сотрудничеством. И в этом

неустанном и радостном сотрудничестве мы будем познавать, почему лучшие умы так прекрасно понимали значение красоты всей жизни.

Свами Вивекананда чистосердечно говорит: "Разве вы не видите, что поверх всего я поэт" и "человек не может быть истинно религиозным, который не имеет способностей почувствовать красоту и величие искусства", и "непризнание искусства есть грубое невежество". Рабиндранат Тагор кончает свою книгу "Что есть Искусство" величественным утверждением: "В искусстве наше "я" посылает свой зов Высшему Началу, которое проявляет себя нам в мире бесконечной красоты поверх бессветного мира фактов".

"Мир Огненный" указывает: "Следует избегать предубежденности как в большом, так и в малом. Много возможностей пресеклись предубеждением. Именно огненная энергия очень чутка на предубеждение. Но зная такое качество энергии, можно противодействовать внушением" и "Добрая мысль есть первооснова доброго действия. Мысль светозарна прежде действия, потому будем считать стан добра по огням мысли".

Эти напоминания о вреде предубежденности и о благе светозарной доброй мысли так нужны теперь, когда происходит битва с призраками тьмы, с невежественной роскошью и подлым предательством. Утонченное сердце позволит различить, где есть граница между благородными поисками красоты и где уже самопожирающая дикая роскошь, которая разлагала даже очень мощные государственные организмы.

Пусть Знамя Мира как символ познавания и строения Красоты напоминает и предостерегает, где начинается темное пагубное царство духовного каннибализма. Поистине, роскошь должна покинуть человечество.

1933 г.

Гималаи

Публикуется впервые

Самоотвержение зла

Каждый шаг созидательного добра вызывает и особенную настороженность сил темных. Много раз мы замечали, что силы тьмы, как это ни прискорбно, оказываются в общежитии даже более организованными, нежели стремящиеся к свету. В то время как считающие себя служителями добра позорно позволяют себе всевозможные разрушительные разъединения, в то же время злобные сущности действуют очень сплоченно и организованно. Это весьма прискорбное зрелище, но тем не менее это можно наблюдать очень часто и в малых бытовых вопросах и до государственных дел включительно. При этом энергия, развиваемая темными силами, иногда увлекает их даже до своеобразного самоотвержения.

Наверное, каждый из нас может привести множество примеров, когда злодей, клеветник, предатель начинал уже действовать даже во вред себе, и тем нс менее во имя творимого им зла он уже не мог остановиться! Он готов был испортить свою репутацию, он готов был вызвать к действию мощного врага, он шел на осмеяние — лишь бы продолжать начатый им злобный посев.

Психологические причины такого, казалось бы, аномального явления, как самоотвержение зла, трудно формулировать. Конечно, прежде всего они лежат в ограниченности зла. Ведь зло, в конце концов, всегда чего-то нс знает и не может достичь известного состояния сознания. Способы зла в большинстве своем все-таки остаются примитивными, и рано или поздно все-таки обнаруживается это обстоятельство, вовсе не являющееся самоутешением всех подвергающихся нападению зла. Оно будет лишь подтверждением непреложного закона об ограниченности и, тем самым, непрактичности зла. Но если можно говорить о какой-то самоотверженности зла, рискующего даже на погибель, лишь бы сотворить преступление и мерзость, то во сколько же раз более должно быть организовано добро, чтобы не умалять соседа и соратника! Казалось бы, попутчики уже должны быть желанными друзьями. Люди очень легко произносят такие слова, как дружба, содружество, сотрудничество. И все это в основе своей с необычайной легкостью подвергается воздействиям зла. Для самоутешения при этом говорится, что виноваты не искатели добра, но ревностные воины зла, которые будто бы своею находчивостью необыкновенно искусно расторгают узел сотрудничества. При этом обычно совершенно не думают о том, какой поклеп на потенциал добра взводится при подобных

похвалах злу. Ведь признание его силы есть уже лучшая похвала.

Действительно, признание сил и находчивости зла уже в самом себе заключает потенциал разложения и умаления добра.

Вместо того, чтобы в припадке страха и трусости самооправдываться могуществом зла, не лучше ли помыслить о том, как легко и как естественно могли бы быть приобщены к самозащите все устремления добра. И не только самозащита добра есть задача. Каждое добро само в себе уже активно и наполняет собою неизмеримо далекие пространства. Если зло поражает и заражает атмосферу, то добро является истинным целителем и восстановителем растленных тканей.

Также, казалось бы, совершенно естественно, что созидательное добро должно бы особенно обостряться и настораживаться в моменты так называемого Армагеддона — в час натиска сил темных. Между тем мы видим, что и в этот великий по последствиям час добро преисполняется неуместной скромностью, предоставляя активность силам тьмы.

Плачевно видеть, как не только сами силы тьмы, но и их серенькие союзники лгут и клевещут и сеют плевелы без всякого отпора со стороны тех, которые все-таки считают себя охранителями правды и блага.

Прискорбно видеть, как эти перебежчики в стан тьмы, даже не задумываясь о последствиях, присоединяются к злобным сеятелям. Странно, что в эти моменты у них как бы совершенно атрофируется чувство ответственности за творимое ими зло. В своей отвратительной судороге эти добровольцы не стесняются ни положением своим, ни саном, ни возрастом — лишь бы посеять тлетворное семя. Непонятно, что простая опытность возраста, уже не говоря об обязанностях образования, нимало не останавливает лжецов и клеветников. При этом эти добровольные союзники зла бесстыдно продолжают называть себя людьми справедливыми и считают себя в рядах почтенных и достойных.

При этом лжец не только не потрудится проверить свои измышления на фактах, но, наоборот, всячески будет спешить уклониться от этих возможностей. Если же ему будут противопоставлены факты, он впадет в какие-то даже физические конвульсии и трепещет, видя, что его злобное измышление подвергается опасности быть раскрытым. Может быть, иногда сам лгущий и не верит в существе своем своей клевете, ее очевидной неправдоподобности, но какой-то трудно выразимый словами процесс заставляет его катиться по наклонной плоскости. И тогда его определительные формулы становятся особенно богатыми, и перед ними так часто бледнеют скромные намеки защитников правды. И многие ли находят в себе простое гражданское

мужество хотя бы сказать: "Не говорите о том, чего не знаете!" Ведь если для кого-то неясны нормы добра, то по крайней мере, хотя бы чистоплотность ознакомления с фактами должна быть примитивным условием человекообразия.

Жаль видеть и другую разновидность добровольцев зла, которые часто и не подтверждают ложь словесно, но злорадствуют молчаливо. Они даже не попытаются предостеречь клеветника о последствиях его лжи. Наоборот, своей молчаливой улыбкой они поощряют злотворящего. Таким путем от сознательных сил темных до воинов активного добра оказывается еще огромный стан добровольцев зла, которые в самых разных степенях и содействуют и потворствуют заражению атмосферы.

Дисциплина духа, природное сознание ответственности, неразрывной с человеческим бытием, не беспокоит этих распущенных беспутников. Иначе вы их никак и не назовете, ибо идут они без пути и в своей невежественной распущенности готовы приобщиться к любой губительной заразе.

Все эти свойства не являются ни национальными, ни принадлежащими никаким другим делениям. Эти соображения чисто общечеловеческие и еще раз показывают, что забытая Живая Этика была бы прежде всего необходима, начиная от первых дней образования.

Задумываясь над самоотвержением сил темных, примету которых люди видят так часто, они должны рано или поздно помыслить и о практичности такого же действенного самоотвержения и со стороны добра. Примеры прекрасных подвижников и героев, казалось бы, достаточно реальны. Казалось бы, не для абстрактных и туманно отвлеченных проблем, но для истинного строительства трудились здесь, на этой самой земле великие души, подтверждая мысли и слова свои каждодневным, неустанным действием. Словарь самоотверженности добра поистине прекрасен, и он гораздо полнее, нежели успели запечатлеть случайные и условные энциклопедии. Проникаясь этими зовущими примерами, люди, а главное, молодые поколения, могут так легко отвратиться от потворства злу, уже не говоря о самом ближайшем соучастии в злобных разрушениях. Старые истины о том, что обычно дети в первых годах жизни легко зовутся добром! Также обычно, что печальные примеры семьи закладываются впервые в. детскую душу, первое потворство злу, а затем и действенное соучастие в нем. Но если теперь во всем мире напряжение доходит до крайних пределов, если даже силы космические отвечают этим тлетворным заразам, то именно сейчас спешно нужно устыдиться деятельности зла, доходящей до самоотвержения. Ведь сам

термин "самоотвержение зла" должен пробуждать даже в очень несведущих людях желание такой же действенности и во имя добра созидательного.

Самоотвержение зла — тяжкий укор человечеству.

15 июля 1934 г.

Маньчжу-Ди — Го

Н. К. Рерих. "Священный Дозор". Харбин, 1934

Светочи

"Батюшка завтра придет". При таком сообщении весь дом наполнялся незабываемым торжественным настроением. Значит, что придет о. Иоанн Кронштадтский, будет служить, затем останется к трапезе, и опять произойдет многое необычное, неповторимо замечательное. В зале установлялся престол. От раннего утра и домашние все и прислуга в особо радостном, повышенном настроении готовились встречать почитаемого пастыря. Какие это были истинно особые дни, когда Христово слово во всем вдохновенном речении Великого Прозорливца приносило мир дому. Это не были условные обязанности. Вместе с о. Иоанном входило великое ощущение молитвы, исповедание веры.

Мы жили тогда на Васильевском острове, как раз против Николаевского моста. Окна выходили на Неву, а с другого угла была видна набережная до самого Горного института. По этой набережной издалека замечалась заветная, жданная карета, и торопливо-заботливо проносилось по дому: "идет", "приехал". И опять входил благостно улыбающийся, как бы пронизывающий взором о. Иоанн и благословлял всех, сопровождая благословения каждому каким-то особым, нужным словом. Кому-то Он говорил: "Радуйся", кому-то "Не печалуйся", кому-то — "В болезни не отчаивайся". Все эти быстрые слова имели глубочайшее значение, открывавшееся иногда даже через продолжительное время.

Затем говорилось "помолимся". После чего следовало то поразительно возвышающее служение, которое на всю жизнь не забудет тот, кто хоть однажды слышал и приобщался ему. Поистине, потрясающе незабываема была молитва Господня в устах о. Иоанна. Невозможно было без трепета и слез слушать, как обращался этот Высокий Служитель к самому Господу с такою верою, с таким утверждением, в таком пламенном молении, что Священное Присутствие проникало все сердца.

Продолжением того же священного служения бывала и вся трапеза с о. Иоанном. Мы, гимназисты, от самых первых классов, а затем и студенты, навсегда вдохновлялись этим особо знаменательным настроением, которое продолжает жить нестираемо десятки лет — на всю жизнь. Тут же за трапезой происходили самые замечательные указания и прозрения. Часто говорилось: "Пусть ко мне придет такой-то — нужно будет". А затем, через многие недели, слушавшие понимали, зачем это было нужно. Или ¬"Давно не видал такого-то", и через некоторое время все понимали, почему проявлялась такая забота. Помню,

как однажды о. Иоанн подозвал меня, тогда гимназиста младших классов, и, налив блюдечко старого портвейна, дал выпить из своих рук.

Когда же моя матушка заметила, что "он у нас вина не пьет", то о. Иоанн сказал: "Ничего, ничего, скоро нужно будет". А через две недели у меня открылся тиф, и при выздоровлении врач предписал мне для подкрепления сил именно этот старый портвейн. Также всегда помню благословение о. Иоанна на изучение истории и художества и неоднократные заботы о болезнях моих, которым я был подвержен в школьные годы. Одно из последних моих свиданий с ним было уже в Академии Художеств, когда теснимый толпою почитаемый пастырь после литургии проходил залами академического музея. Увидев меня в толпе, Он на расстоянии благословил и тут же, через головы людей, послал один из своих последних заветов.

Мой покойный тесть, Ив. Ив. Шапошников, также пользовался трогательным благорасположением о. Иоанна. Он звал его приезжать к нему и, чувствуя его духовные устремления, часто поминал его в своих беседах. Помню также, как однажды на Невском, увидев из кареты своей ехавшую тетку жены моей, княгиню Путятину, Он остановил карету, подозвал ее и тут же дал одно очень значительное указание.

В этой молниеносной прозорливости сказывалось постоянное, неугасаемое подвижничество о человечестве. Известно множество случаев самых необычайных исцелений, совершенных им лично и заочно. А сколько было обращенных к истинной вере Христовой после одной хотя бы краткой беседы с высокочтимым пастырем. Известно, как два гвардейских офицера, по настоятельной просьбе их родственниц, в любопытстве и невежестве поехали в Кронштадт повидать о. Иоанна. При этом в пути они говорили между собою: "Ну что ж, поболтаем". Приехав в Кронштадт, они заявили о своем желании повидать Батюшку. На это келейник вынес им пустой стакан с серебряной ложечкой и сказал: "Батюшка поболтать велел". Конечно, молодые люди были глубоко потрясены, и все их легкомыслие навсегда их покинуло.

Наряду с прозорливостью о. Иоанн отличался и свойственною великим подвижникам широтою мысли. Помню, как при разговоре о том, почему дворниками в Зимнем дворце служат татары, о. Иоанн с доброй улыбкой сказал: "Татары-то иногда лучше бывают". Когда скончался о. Иоанн, то всей Руси показалось, что ушла великая сокровищница русская перед новыми для земли испытаниями. Вследствие отъезда не пришлось быть на погребении о. Иоанна. Так и остался Он как бы неушедшим, а Его светлопрозорливый взор живет навсегда во

всех, кто хотя бы однажды видел Его. И в наши времена не обделена земля великими подвижниками, крепкими, светлыми воеводами земли русской.

Незабываемы также встречи и с другими Иерархами, среди которых всегда остаются живыми и встречи с митрополитом киевским Флавианом, и работа по украшению Почаевской лавры с блаженнейшим митрополитом Антонием, и посещения Им совместно с митрополитом Евлогием нашей иконописной мастерской при школе Императорского общества поощрения художеств.

Митрополит Флавиан особенно ценил строгий византийский характер фресковой живописи. В моих эскизах для церквей под Киевом Он отмечал именно это качество. Блаженнейший митрополит Антоний вообще глубоко ценил старинное иконописание, которое, как нельзя более, отвечало и всему богослужебному чину. Помню, как при обсуждении одной из мозаик для Почаевской лавры я предложил избрать сюжетом всех Святых стратилатов Православной церкви, и митрополит вполне одобрил это, подчеркивая и умственность такого образа. Помню, как владыка Антоний, смотря на мою картину "Ростов Великий", проникновенно сказал: "Молитва Земли Небу". Драгоценно и радостно было встречаться с владыкой на путях церковного художества и видеть, как глубоко Он чувствовал священное благолепие русской иконы. А ведь в те времена не так часто еще понималось высокое благолепное художество нашей старинной иконописи и стенописи. В то время покойный император еще с прискорбием замечал: "Если моя бабка могла иметь в Царском селе китайскую деревню, то могу же я иметь там новгородский храм". Глубокая скорбь о несправедливых суждениях сказывалась в этом замечании.

Помню, как мне приходилось представлять на благословение Иерархов и эскизы стенописи Святодуховской церкви в Талашкине под Смоленском, и иконостас Пермского монастыря, и мозаики для Шлиссельбурга, и роспись в Пскове. А иконы нашей иконописной мастерской, писанные как учащимися школы, так и инвалидами Великой войны, широко расходились по Руси и заграницей, внося в жизнь истовые изображения Святых Ликов. Видимо мне, что из учащихся иконописной мастерской некоторые, проникнутые религиозными основами, приняли монашеский чин и подвизаются и ныне в монастырях. Еще не так давно имели мы трогательное письмо от одной нашей бывшей ученицы, сердечно благодарившей за наставление в иконописании, которое ей как монахине особенно пригодилось для украшения ея обители.

Одним из последних благословений на храмостроительство было трогательное благословение покойного митрополита Платона нашей часовни в Нью-Йорке. Сам владыка по причине смертельной болезни уже не мог прибыть на освящение, но он прислал преосвященного Вениамина и весь клир свой, присовокупив свои трогательные благословения и пожелания. Священную хоругвь владыка освятил сам. Моя бытность в Париже одухотворялась еще близостью славного служителя Христова о. Георгия Спасского, одного из последних духовников моих. И не могу не записать одного из удивительных рассказов его. О. Георгий рассказывал, как однажды он исповедовался одному чтимому иеромонаху Новоафонского монастыря. Продолжу рассказ в Его словах: "Бывает, что во время торжественных событий вторгается в нас посторонняя мысль; так же и тут. Иеромонах уже возложил епитрахиль на меня, а в меня проникла мысль, как же заплатить за исповедь? С одной стороны, он — монах, а я — иерей. С другой же — почему не внести обычную лепту? И вот мучила меня эта мысль, а в это время иеромонах снял епитрахиль, возложил руку мне на голову и говорит: "А за исповедь я вообще денег не беру".

Такими необычными знаками была наполнена жизнь о. Георгия. Сама кончина Его была завидно необычайная. Во время лекции своей "Единение в Духе Святом" о. Георгий как-то особенно проникновенно произнес слова "объединение и Духи" и затем медленно склонился на кафедру. Все слушатели застыли в ожидании, 'предполагая напряженный экстаз любимого пастыря. Когда же подошли к Нему, то оказалось, что Он уже отошел. Так необычно светло, в мысли о Духе Святом, отошел светлый пастырь. Необыкновенно вдохновительно вспоминать о пастырях светлых, которые среди тьмы невзгод силою духа своего приносили твердость и мужество и неутомимо направляли к труду и строению.

Как поразительно начинается акафист Преподобному Сергию: "Избранный от Царя Сил Господа Иисуса, данный России Воеводо…".

Воеводы духа, строители жизни, истинные оплоты просвещения всегда живы.

1934 г.

Пекин "Наша Заря", 13 декабря 1934 г.

Лихочасье

Всем памятны знаменательные слова Ломоносова об отставлении Академии Наук от него.

"Ярость врагов с робостью друзей состязаются" — так отвечал Менделеев на вопросы — какой смысл в ярко несправедливом к нему отношении со стороны Петербургской Академии Наук. Нечто в том же роде заметил и Пирогов по поводу недоброжелательного отношения со стороны врачей.

В одной из неоконченных повестей Пушкин говорит: "Перед чем же я робею?". "Перед недоброжелательством", — отвечал русский. Это черта наших нравов. В народе она выражается насмешкой, а в высшем кругу ¬ невниманием и холодностью. Не могу не добавить несколько строк из пушкинского "Путешествия в Эрзерум", которое кончается так: "На столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи… Таково мне было первое приветствие в любезном отечестве". Так говорит Пушкин.

А вот как скорбно поминает Гоголь в своей переписке о несправедливом к Пушкину отношении: "Не будьте похожи на тех святошей, которые желали бы разом уничтожить все, что ни есть в свете, видя во всем одно бесовское. Их удел — впадать в самые грубые ошибки. Нечто тому подобное случилось недавно в литературе. Некоторые стали печатно объявлять, что Пушкин был деист, а не христианин; точно как будто они побывали в душе Пушкина; точно как будто бы Пушкин непременно обязан был в стихах своих говорить о высших догматах христианских, за которые и сам святитель церкви принимается не иначе, как с великим страхом, приготовя себя к тому глубочайшею святостью своей жизни. По их понятиям, следовало бы все высшее в христианстве облекать в рифмы и сделать из того какие-то стихотворные игрушки. Я не могу даже понять, как могло придти в ум критику, печатно, в виду всех, возводить на Пушкина такое обвинение и что сочинения его служат к развращению света, тогда как самой цензуре предписано в случае, если бы смысл какого сочинения не был вполне ясен, толковать его в прямую и выгодную для автора сторону, а не в кривую и вредящую ему. Если это постановлено в закон о цензуре, безмолвной и безгласной, не имеющей даже возможности оговориться перед публикою, то во сколько раз больше должна это поставить себе в закон критика, которая может изъясняться и оговориться в малейшем действии своем! Публично выставлять

нехристианином человека и даже противником Христа, разве это христианское дело? Да и кто же из нас христианин? Этак я могу обвинить самого критика в нехристианстве".

О себе Гоголь в авторской Исповеди пишет: "Все согласны в том, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразных толков, как "Выбранные места из переписки с друзьями". И что всего замечательней, чего не случилось, может быть, доселе еще ни в какой литературе ¬ предметом толков и критик стала не книга, но автор. Подозрительно и недоверчиво разобрано было всякое слово, и всяк наперерыв спешил объявить источник, из которого оно произошло. Над живым телом еще живущего человека производилась та страшная анатомия, от которой бросает в холодный пот даже и того, кто одарен крепким сложением". Сколько скорби в этих признаниях.

Разве не тем же полна трагическая жизнь Лермонтова?! Разве конец Мусоргского не от тех же темных причин?! Вспоминаются полные болью слова Врубеля или рассказ Куинджи о том, как злые люди считали, что он вовсе и не Куинджи, но крымский пастух, убивший художника Куинджи.

Разве такое злоумышление не есть яркое свидетельство уже давно отмеченного недоброжелательства? Чем бы ни объяснять такое темное чувство, все равно никакого разумного смысла в нем не найдется: объяснить ли его только завистью? Но такое объяснение будет слишком ограниченно. Объяснить невежеством и дикостью? Но тогда почему даже у диких племен часто высказывается взаимоуважение.

Каким же таким низменным, темным состоянием нужно объяснить, когда у нас на глазах русскую гордость, победителя Наполеона — Голенищева-Кутузова называют изменником и пытаются бросать грязью в Петра Великого и других русских императоров.

Какая же тут зависть?

Ведь это уже будет относиться к тому скотскому состоянию, о котором так горько и проникновенно сказал еще Котошихин. Казалось бы, века прошли.

Казалось бы, на земле произошло столько ужасов, что хотя бы из примитивной предосторожности должна быть проявлена хотя бы предусмотрительность. Ведь прозвище Скотинина не должно радовать того, кто считает себя человекообразным.

Но наряду с низким Скотининым существует и злобное сатанинство. И никак вы иначе не назовете это ужасно разрушительное состояние. Если с одной стороны несется торжествующий рев, угрожающий разрушением всем храмам и музеям, то с другой стороны готовятся пистолеты, чтобы

застрелить всех Пушкиных и обозвать изменниками всех голенищевых-кутузовых и прочих героев Российской Истории.

Да, истинно, не только в войнах разрушаются Культурные Сокровища. Ценнейшие сосуды разбиваются в судорогах сатанизма. В полном одичании в судорогах безумия произносятся самые разрушительные формулы. При этом потрясает та чудовищная безответственность, которая не дает себе труда хотя бы помыслить, к каким следствиям приведет это буйно-дикое состояние.

Буйный безумец должен разрушать, и, конечно, его животный мозг даже и не умеет одуматься и заглянуть в преуготовленное им самим же.

Где тут критика?

Где тут насмешливость?

Где тут недоброжелательство?

В ярости безумия смешиваются все формы. В безобразии хаоса уже не различаются никакие границы. А ведь припадки безумия бывают заразительны.

Сколько исторических примеров массового безумия. Целые эпидемии психические возникали и горестно запечатлевались на страницах истории человечества. Но не странно ли видеть, что приговор Котошихина должен повториться и в словах Пушкина, должен так же отмечаться опять через столетия. Не слишком ли застарела болезнь? Не приспело ли время обратиться к вечным панацеям Добра и Света, к законам Божеским, чтобы отогнать приступы сатанизма?

Когда сгущаются солнечные пятна, когда космически твердь содрогается, не пора ли сосредоточиться на мысли о том, как изгнать всеразрушающее безумие злобы?

Не пора ли признать, что ложь и клевета порождают самых безобразных пространственных сущностей?

Не наступает ли последний час, чтобы развернуть запыленные кодексы добра и отмыть глаз сердца?

Но Гоголь, сердцеведец, говорит также и так: "Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их; перенимают черт знает какие басурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой со своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства; проснется оно когда-нибудь, — и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою,

готовый муками искупить позорное дело".

Где же ты?

Зазвучи, отзовись, русское сердце!

12 Декабря 1934 г.

Пекин

Н. К. Рерих. "Врата в Будущее". Рига, 1936

Священное древо

Где только не зажглись светлыми огоньками елочки в священную Ночь Сочельника. Где только не было произнесено имя Христа Господа, и какие новые знаки почитания не воздались от путников, к кострам сошедшихся.

Сколько раз уже засветилась елочка в далеких Гималаях. То внутри жилья, а чаще среди горных просторов сияло Священное Древо. Приходили к нему нежданные гости, и даже самые дальние путники почтительно поклонялись, видя и зная глубокую сущность обряда. Часто эти незнаемые путники спрашивали: "А можно ли засветить огонек и можно ли принести плоды или печенье к празднику?"

Так же светилось деревцо и в Тибете. А сколько раз оно зажигалось уже и в Америке, и во Франции, и в Швеции, и в ледяной Карелии.

Не потребовались ли Миру еще огни, еще Священные Укрепления? Как же так случилось, что воссияли Священные Огни в местах совершенно новых? Знаю, как и в пустынях африканских, и в зарослях тропических рек Южной Америки, и на всяких далеких островах зажигались эти дотоле небывалые Огни.

Итак, среди смущений и ужасов, среди разрушений и недоумений каким-то несказуемым великим путем растет что-то такое необычайное, к чему ухо людское даже не умеет прислушаться. А око человеческое даже не верит себе и наверное сочтет Священные Огни в далеких горах лишь маревом или призраком. Хотелось бы на каком-то незримом воздушном корабле в Великую Ночь облететь все заокеанские пространства, где рассыпались и воссияли Огни в "рассеянии сущих". Как сияющая сеть, вспыхнут эти свечки и лампады, и какие священные слова сложатся из этих искр сердечных.

Если бы только все эти в "рассеянии сущие" могли вспомнить, какое их множество. Если бы каждый засвеченный огонек не показался затерянным, но был бы понят как часть Великого Священного Узора земного?! Одно сознание такого беспредельного единения уже утрет много слез и уничтожит горькие зерна. Одна из главнейших причин горечи, подозрения и клеветы заключается в неосознании светлых возможностей и действенных знаков добра. Если бы в одну ночь, в эту Светлую, прекрасную ночь, Великие Прозрения сошли бы всем, кто возжигает свечу светлую! Как проник бы этот животворный огонь в сердца человеческие. Эти сердца поняли бы, что не отвлеченное, не призрачно далекое, но самое нужное, неотложное и

действенное сходит и укрепляет их сознание в дружелюбии. Это чувство повело бы к той общей радости, без которой немыслимо созидание.

Где же и когда заповедано, чтобы люди зверино рычали и грызлись, измышляя оскорбления? Даже самые ограниченные в глубине души своей понимают, что путь раздражения, отделения и человеконенавистничества не есть путь, заповеданный Заветами.

Каждая засиявшая в Христову память елочка пусть будет тем светлым путевым знаком, который сияет сейчас по всему миру. Тогда, когда многие по неразумию мыслят об утеснении, именно тогда вспыхивают знаки Добра на таких горных высотах, куда ранее они еще не достигали.

Да сияет во всех странах мира Священное Древо Господне. Полетит в священном дозоре Ангел Божий и, увидя новые огни, скажет: "Господи, вместо того, чтобы увидеть наступление тьмы — узришь Огни Светлые. Показались там, где не было их ранее. Точно бы засветились целые леса по всему пространству земному. Даже в пустынях, даже на кораблях среди океанов возжжены были свечи. Да будет прославлено всею землею имя Твое, Господи!"

13 Декабря 1934 г.

Пекин

Публикуется впервые

Опасность разрушений

В Пекине дошло до нас сведение о том, что и Успенскому Собору, этой одной из величайших исторических святынь, угрожает опасность разрушения. Еще не так давно такое сведение было бы просто невообразимым. Просто сочлось бы недопустимым кощунством, невозможным для газетного листа. Но сейчас все делается возможным. Каждый день газетные листы пестрят самыми постыдными для человечества сообщениями.

В то же время какие-то невежды продолжают шептать: "Если и Красный Крест был неуважаем во время минувшей войны, то и Знамя охранения Священных Сокровищ Культуры тоже не будет почитаемо". Какое глубокое и косное невежество может изрекать эти вредные слова. Все равно, что если бы кто-то сказал: "Если существуют убийства, то к чему все заповеди и законы против этого преступления".

Лишь темный сатанинский ум может прельщать людское мышление, чтобы оно перестало заботиться о всем том, чем жив дух человеческий. Существуют такие бездны тьмы, откуда проистекают все темно-прелестнические шепоты о том, что все облагораживающее, вдохновляющее и возвышающее человеческое сознание не нужно, несвоевременно, неуместно. Точно бы человечество готовилось вернуться к каким-то звериным временам.

Такие злошептатели и разлагатели, конечно, прежде всего сами являются участниками кощунственных, невежественных разрушений. Тот, кто сомневается в действенности доброго порыва и добротворчества, тот уже сам становится содеятелем этих темных сил. Каждый сеятель сомнения уже есть сотворец зла. Сколько злобных и невежественных попустительств сотрудничало в уже совершенных и непоправимых злодеяниях. Не только те, кто фактически разрушал бесценные мировые сокровища, но и те, кто мысленно тому попустительствовал, все они сотрудничали в том же позорном деле.

Когда кто-то шепчет, что несвоевременно думать о защите Культурных Ценностей, тогда тот или слеп или злонамерен.

Где же Симонов монастырь, где же собор в Овьедо, где же Шанхайская библиотека, где же старый Реймс, где же то множество незаменимых наслоений священной древности, которое было сметено на наших глазах среди так называемого культурного века? Почему же в Лувре на "Анжелюсе" Милле навсегда остались позорные дикие порезы? Ведь не полчищами Атиллы они нанесены? Ведь не вандалы и геростраты выразили в

них свою звериную свирепость!

Почему-то эта невежественная свирепость должна проявляться на всем лучшем?

А многие современники того будут лицемерно уверять, что вообще неуместно и тщетно даже мыслить о сохранении истинных сокровищ человечества. Конечно, такие злошептатели, они и не творили сами, и не собирали, и никак не охраняли духовные ценности. Мало того, что они не собирали, они, конечно, и не изучали даже историю искусства и культуры. В самодовольном невежестве они пытаются вовлечь и общественное мнение в свою темную бездну. Они корчатся в злобных судорогах, когда слышат, что где-то и что-то сохраняется и изучается. Вместо того, чтобы радоваться и сочувствовать осуществлению Пакта по охранению мировых сокровищ Культуры, дикие невежды пытаются хоть чем-нибудь затруднить и это, казалось бы, всем понятное и простое в приложении стремление.

Но как бы ни пытались невежды затруднять пути Культуры, все же лучшие элементы человечества останутся на страже всего Священного, Прекрасного и Познавательного. Они перенесут через все потемки Светильник Добра непотушенным. Силою духа своего они воспротивятся всем кощунственным и невежественным разрушителям.

Если кто-то из друзей Добра призовет и укажет, что где-либо Величественная Святыня находится в опасности, то во всех просвещенных местах мира отзовутся лучшие голоса и все благородное содрогнется от возможности нового злодеяния над святынями человечества.

Знамя-охранитель культурных ценностей будет путевым знаком в охранении священных человечеству памятников. Если, к прискорбию, с одной стороны, злоба и невежество создаст опасности разрушений, то не забудем, что именно теперь спешно происходит и ратификация Пакта по охранению священных и неповторимых памятников. Не забудем, что признание Красного Креста потребовало более 17 лет; будем уверены, что недалеко то время, когда Знамя и закон-охранитель культурных ценностей будет всемирным.

16 декабря 1934 г.

Пекин

"Новая Заря".Сан-Франциско, 9 февраля 1935 г.

Цветы художества

Императорское Общество Поощрения Художеств[51] являлось во все время своего столетнего существования совершенно особенным учреждением. От первых дней оно привлекло в состав свой многих замечательных людей, а затем сделалось неразрывно близким с Императорским Домом. Д. В. Григорович, пользуясь влиянием своим, укрепил в уставе Общества необыкновенную прерогативу, а именно, особую привилегию состоять под непосредственным покровительством Их Императорских Величеств. Это особое обстоятельство давало Обществу нашему право непосредственных, личных, высочайших докладов поверх всех министерств. Таким образом, во многих случаях наше Общество было поставлено в лучшие условия, нежели сама Академия Художеств. В архивах Общества оставались многие знаменательные высочайшие резолюции, показывавшие, насколько в нескольких поколениях Общество пользовалось исключительным вниманием Императорского Дома.

Среди деятелей Общества во все времена появлялись люди весьма значительные. Великая княгиня Мария Николаевна, а затем принцесса Евгения Максимилиановна долгие годы в качестве председателей Общества лично вносили свое благотворное влияние, принимая участие во всех благообразных делах Общества. Графы Строгановы, граф Паскевич, Островский, Балашов, Григорович, Верещагин, барон Фредерике, Куинджи, герцог Лейхтенбергский, Рейтерн, Колзаков, Тевяшов, Мякинин, Стасов, граф Голенищев-Кутузов, Гнедич, Нечаев-Мальцев, Бенуа, князь Путятин и множество других известных деятелей и собирателей художества разновременно вносили труды свои на пользу учреждения.

В свое время секретарь Общества Собко разбирал многолетнюю переписку в наших архивах, связанную с именем Гоголя, Иванова, Брюллова, Айвазовского, Антокольского, Рубинштейна и многих других художников на разных поприщах искусства.

В истории развития Общества поучительно было наблюдать, как из сравнительно небольшого кружка любителей художеств со времен Александра I Общество постепенно выросло в мощное учреждение, имевшее несколько домов, включавшее в себя наиболее многолюдную в Империи школу (более 2000 ежегодных учащихся), интереснейший музей, ряд изданий и устройство всем известных крупных выставок — все это входило в многообразную деятельность, объединенную стимулом — поощрение художеств.

Д. В. Григорович, незадолго до смерти своей, призвал меня в качестве помощника директора музея, в котором он значился директором. Это было очень интересное переходное время, когда в делах Общества еще принимали участие и старый граф Паскевич, и Балашов, и Колзаков, и Рейтерн, и сам столько потрудившийся для учреждения маститый и много видавший Дмитрий Васильевич Григорович. На многих выступлениях Общества еще отмечались старинные традиции. Еще недавно Император Александр III приезжал один в ранний час на передвижную выставку и отбирал знаменитые теперь картины для будущего Русского Музея. В биографиях Императора не вполне отмечалась эта благостная, характерная черта его личного участия в процветании национального искусства. Еще были живы в памяти Общества ценные дары музею, полученные через великую княгиню Марию Николаевну. Еще жив был старый сторож Максим, весь увешанный медалями, который был как бы неисчерпаемым сказителем былин о всяких достопримечательных былых днях Общества. Как сейчас еще вижу его серебристо-белую голову в значительных рассуждениях о разных знаменательных посещениях.

Неиссякаемы были и повествования такого большого художника, как Дмитрий Васильевич Григорович. Жаль, что огромное большинство этих неповторяемых бытовых ценностей осталось незаписанным и невосстановимым. С неподражаемым юмором, а иногда с высоким вдохновением Дмитрий Васильевич не скупился набросать живые картины минувшего быта. Тут проходили и трагический облик Александра Иванова, и блестящая характеристика Брюллова, и воспоминания о римской жизни Гоголя, и жизнь Тургенева, и многих других, каждая подробность о которых теперь приобретает такое исключительное значение. Среди римских впечатлений восставали образы братьев Боткиных, последний из которых, Михаил Петрович, являлся преемником Григоровича по музею Общества.

Не буду таить, что Михаил Петрович Боткин в свое время доставил мне немало забот и хлопот. Шестнадцать лет потребовалось прежде, чем мы вполне сжились в работе, но и его вспоминаю всегда очень сердечно. В нем оставались черты воспоминаний Иванова и Гоголя. Сам он напоминал нам чем-то Ивана Грозного, а его страсть к собирательству примиряла с другими чертами характера. Во всяком случае, в конце концов, мы расстались с ним большими друзьями. Если Куинджи учил одним сторонам жизненной борьбы, то и М.П.Боткин, со своей стороны, вольно и невольно закалял волю и осмотрительность.

Среди этих деятелей старых традиций получалась

своеобразная и тоже неповторимая связь с новейшими течениями до Дягилева включительно. Как ни странно, но именно многие из самых старых деятелей находили живой контакт с новыми течениями, в которых незабываем был и национальный историзм.

Ведь "Мир Искусства" оценил по существу и достоинству русскую иконопись и славный русский портрет, незабываемая выставка которого была устроена именно "Миром Искусства" в Таврическом Дворце. Изучение русских миниатюр, как бы забытых иллюстраций, и открытие вновь старо-русского помещичьего обихода всегда останется среди заслуг "Мира Искусства". А в этих устремлениях такие живые памятники прошлого, как Григорович или Боткины, или Паскевич, являлись живыми звеньями, связующими с жизнью прежних лет. Теперь особенно ценно обернуться на то обстоятельство, что нигилистические заблуждения конца девятнадцатого века не вошли в строй Общества Поощрения Художеств, который от ивановских, брюлловских, гоголевских традиций как бы шагнул к новейшим течениям.

Правда, передвижные выставки всегда были в стенах Общества, и знаменитая кучка через Стасова и Собко всегда оставалась оцененной. Но нельзя же ни Мусоргского в музыке, ни Сурикова в живописи относить к течениям конца девятнадцатого века. Такие гиганты творчества, они являются национальными устоями вневременных школ.

Хочется лишь подчеркнуть, что хотя Общество Поощрения Художеств естественно отражало в себе все русские художественные течения, но в существе своем оно как-то особенно легко связало старинные традиции с новейшими течениями. Может быть, сама атмосфера старинного уклада в его лучших чертах помогала усвоению новых толкований национальных сокровищ.

В то же время школа Общества Поощрения Художеств всегда оставалась истинно народною школой. Она была вполне доступна и по дешевизне обучения, а кроме того, у нас бывало до 600 бесплатных учащихся. Кроме того, никакие ни сословные, ни расовые отличия не служили препятствиями. Без преувеличения можно сказать, что в буквальном смысле рядом с великим князем трудился рабочий какого-нибудь завода. И программа школы никого не стесняла, ибо каждый совершенно свободно мог избирать и совершенствоваться в тех предметах, которые ему были ближе и нужней.

В свое время через школу Общества Поощрения Художеств как ученики прошли и Репин, и Верещагин, и Билибин, и Лансере, и многие, многие, которые останутся на почетных

страницах истории русского искусства. Среди профессоров школы такие имена, как Ционглинский, Щусев, Самокиш, Щуко, Рылов, Бобровский, лишь показывают, что в школе не было предвзятости, но, наоборот, каждый выдающийся деятель искусства был доброжелательно призываем потрудиться.

За последние годы с Обществом Поощрения Художеств было дружески связано и издательство Евгениевской Общины[52]. Это издательство художественных открыток оставило в течении русского искусства свою прекраснейшую страницу. Оно широко распространяло как русские, так и иностранные художественные произведения. Распространяло сведения об исторических памятниках России и всегда привлекало к ближайшему участию наиболее свежие и широко мыслящие силы. Сколько новых и подчас очень молодых собирателей было создано этими изданиями Евгениевской Общины. Сколько новых сведений о сокровищах русских общедоступно вливалось в широкие народные массы.

Прекрасное, благородное дело; уже теперь многие эти издания являются библиографической редкостью. А сколько этих изданий сейчас разлетелось по зарубежью! Нет такого удаленного острова, где бы не нашлась хотя бы одна Евгениевская открытка.

Точно так же мне приходилось с радостью убеждаться, как широко сейчас разбросаны бывшие учащиеся нашей школы Поощрения Художеств. Из каких только дебрей тропических, нагорных или арктических не приходится получать знаки от наших бывших учащихся. В больших трудах многие из них; всем нелегко, но доброжелательство и добрая память звучит в их письмах и отголосках. А если в итоге и в основе внедрилось доброжелательство и не сломлено оно никакими невзгодами, это уже будет очень добрым знаком. Да живут добрые знаки!

17 Декабря 1934 г.

Пекин

Газета "Сегодня". Рига, 25 августа 1937 г.

Знаки жизни

Вблизи нашего поместья[53] была мыза, еще во времена Екатерины Великой принадлежавшая какому-то индусскому радже. Ни имени его, ни обстоятельств его приезда и жизни история не донесла. Но еще в недавнее время оставались следы особого парка в характере могульских[54] садов, и местная память упоминала об этом необычном иностранном госте. Может быть, в таком соседстве кроется и причина самого странного названия нашего поместья — Ишвара или, как его произносили — Исвара. Первый, обративший внимание на это такое характерное индусское слово, был Рабиндранат Тагор, с изумлением спросивший меня об этом в Лондоне в 1920 году. Сколько незапамятных и, может быть, многозначительных исторических подробностей заключило в себе время Екатерины со всеми необыкновенными иноземными гостями, стекавшимися к ее двору.

Помню, как в приладожских местностях, среди непроходимых летом болот, один наш приятель архитектор нашел признаки давно покинутой, екатерининских времен, усадьбы с еще обозначавшимся огромным парком и заросшими угодьями. Среди соседних сел сохранилось лишь смутное предание о том, что здесь жила одна из фрейлин Екатерины, приезжавшая в отрезанную усадьбу еще по зимнему пути и остававшаяся безвыездно до осенних заморозков. В самом построении такой необычайной, трудно досягаемой усадьбы уже заключалось что-то необыкновенное. Но даже на таком, сравнительно коротком протяжении времени, народная память уже ничего не сохранила.

Как же мы должны не сетовать на приблизительность суждений о давних исторических событиях, когда в течение столетия уже совершенно изглаживаются, может быть, очень замечательные подробности быта.

Помню, как однажды на Неве, в местности так называемой Островки, было случайно открыто петровских времен кладбище. Среди могил оказалась гробница какого-то сановника первого класса, судя по вышитым на остатках камзола регалиям. Значит, место должно было быть довольно известным и само лицо первого класса — историческим. Но никто не помнил ни об этом сановнике, ни даже о самом случайно открытом кладбище.

Также помню, как однажды в Александро-Невской Лавре, под храмом, пропала именитая могила Разумовского. На его месте почему-то поместился совсем другой генерал, и только на старинном плане могил собора еще значился первый насельник

этого исторического места успокоения. Значит, ни знатность, ни внимание потомков все же не уберегли исторический памятник.

Вспоминаю это к тому, что, по пушкинскому выражению, люди так часто бывают "ленивы и нелюбопытны". Мало того, они часто любят глумиться над археологией, генеалогией, геральдикой и вообще над историческими науками, обзывая все это ненужным хламом и пережитками.

Среди такого невежественно-презрительного отношения ко всему бывшему не замечается никакой светлой устремленности к будущему. Если бы кто-то сказал, что ему некогда думать о прошлом, ибо все его сознание устремлено лишь в будущее, тогда можно бы пожалеть о его ограниченности, но все же понять эту своеобразную устремленность. Но когда люди по лености и нелюбопытству даже о ближайшем прошлом забывают, а в то же время по убожеству и косности не позволяют себе даже помыслить о будущем, тогда получается какое-то неживое состояние организма, ибо организм лишь пищеварительных функций не может быть существом человеческим.

Вы можете с прискорбием наблюдать, как люди упорно отказывают себе в познавании, до сих пор считая, что многое прочтенное ими или совратило бы или отвратило бы их от чего-то. Даже теперь приходилось видеть якобы образованных людей, которые, не стыдясь, уверяли, что грамота приносит лишь несчастье народу, и некоторые присутствующие втайне сочувствовали такому убожеству. В таком случае действительно знание обращалось в суеверие, и предрассудки замещали разумные познавания. Не будем думать, что эти мысли относятся лишь к прошедшим временам. Мы видим и сейчас во множестве случаев потрясающую умственную неподвижность и затхлость. И посейчас можно, казалось бы, в просвещенных городах Европы узнавать о людях, никогда в течение жизни своей не выходивших за пределы своего родного города и с гордостью признававшихся в такой неподвижности. Мало того, бывали случаи, когда люди во всю жизнь не переходили моста в своем городе и считали это как бы семейной традицией. И в то же время из далеких пустынь Азии выходили многозначительные вести о том, как путешествие признавалось необходимой частью образования. Казалось бы, все хорошие традиции должны были бы лишь эволюционно развиваться, но на деле часто выходит иначе, и какие-то темные ограниченности продолжают торчать, как изъеденные кочки среди светлого потока.

Все как в великом, так и в малом. Кто пренебрегает наблюдательностью за окружающим, тот не взвесит и волн исторической последовательности.

Когда говорится о том, что от самых первых школьных дней в учащихся должна быть развиваема и глубокая наблюдательность, и внимательная заботливость, и бережность, это не будет педагогическою скукою, но наоборот — лишь естественным и живым подготовлением к бодрой, настоящей жизни.

Так же и в домостроительстве, в чистоте, в культурности всех взаимоотношений основою будет не условие благосостояния или богатство, но именно утонченность сознания, которая породит чистоту, привлекательность и созидательное доброжелательство.

Нельзя безнаказанно уничтожать. В естественной эволюции одни формы перерастают предыдущие. Но такое улучшение форм не имеет ничего общего с тлением разрушения. Когда мы твердим о внесении в жизнь взаимоуважения, познавания, охранения всего прекрасного — это не касается только прошлого как такового. В каждой бережности к творческому сокровищу уже заключается преддверие к будущему. Потому всякое живое изучение процессов жизни и творчества никогда не будет отвлеченным, но именно будет жить во всей своей способности нового творчества и созидания.

В изучении созидательства заключено и понимание реальности. Инстинктивно люди восстают против отвлеченного, абстрактного, противополагая его всему живому и существенно нужному. В конце концов, всякая абстрактность есть только символ нежизненности. Великая реальность всего сущего во всех своих многообразнейших проявлениях противополагает себя так называемой отвлеченности. Всякое живое изучение уже есть привлеченность, а не отвлеченность. Живой молодой ум не увлечется чем-либо абстрактным, предпочитая ему жизненное. В этом будет совершенно естественная потребность в устремлении ко всему прекрасно жизненному.

Потому, когда зовем изучать прошлое, будем это делать лишь ради будущего. Потому-то, когда указываем беречь культурное сокровище, будем это делать не ради старости, но ради молодости. Когда упоминаю о взаимоуважении, о бережности и об осмотрительности, будем иметь в виду именно качество истинного строителя. Среди этих качеств строитель запасет и трудолюбие, и дружелюбие, и мужество.

18 Декабря 1934 г.

Пекин

"Новая Заря". Париж, 17 ноября 1937 г.

Французский ученый нашел в Ордосе своеобразные остатки древних Несториан[55]. Таким образом, знание местных языков и приближение к пониманию местной жизни позволяет находить то, что еще вчера казалось уже несуществующим. То же самое, вероятно, нужно сказать и о христианах Св. Фомы в Индии и о многих племенах пленников, переселенных когда-то в самые неожиданные местности. Так, в мусульманском городе можно слышать буддийские напевы, а среди Китая можно узнавать традиции Каабы-Мекки[56] и Медины.

Нет никаких возможностей проследить историю всех этих необычайных наслоений. Можно с изумлением видеть, как, например, аланские наименования проникли по всей Европе или как кельтские обычаи иногда сохранились в своеобразных перетолкованиях и во Франции, и в Шотландии, и в Испании — в самых, казалось бы, неожиданных местностях. Когда в итальянских примитивах вы замечаете несомненное знание и близкое соприкосновение с далеким Востоком, то еще раз вам становится ясным, насколько в далекие времена существовали гораздо большие международные сношения, нежели можно было предполагать. Знаем о посольствах, которые ехали к месту назначения целые десятки лет, не теряя при этом своего смысла. Значит, не столько примитивность бывших веков, сколько просто другой темп и ритм действий лежали в основе жизни.

Сейчас люди перелетели и стремительно перенеслись через пространство. Они заспешили и затолкались, как на базаре перед его закрытием.

Уже раздаются голоса о тщетности такой поспешности, не оправданной духовными запросами и утверждениями. Люди стирают многие бывшие границы и в то же самое время изобретают подобные же, а может быть, и еще горшие ограничения. Ведь в древности границы бывали прежде всего символом защиты. Даже каждый двор бывал защищен. Но сейчас разве не злоба, недоверие и вражда диктуют международные распри. Ради взаимного унижения люди готовы увлечься самыми нелепыми и злобно надуманными сочетаниями. В таких порожденных недоброжелательством ограничениях, как духовных, так и физических, возникает новая теория отрицаний. Среди всей этой негативности, граничащей с своеобразной невежественностью, опять становится затрудненным всякое разумное строительство. Кто-то когда-то сказал: "Тесна моя улица". Может быть, тогда теснота происходила от средневековых

костров, а сейчас разве не те же незримые костры полыхают тем же пламенем злобы.

Разобраться во всей сложности проблемы можно лишь доброжелательством, презрев все темные и злобные препоны. Все-таки остаются в распоряжении людей такие крылья, которые будут соответствовать успехам и физической авиации. Крылья духа, помогите оправдать и физические нахождения человечества! Иначе некуда лететь и наполнять пространство. Поворачивая рычаги самого примитивного радио, вызываются из пространства и мелодии, и стенания, и какой-то ужасный рев, точно в сферы проявленные врывается безобразный хаос. Казалось бы, и радио, и простая фотографическая фильма достаточно напоминают, сколько недоступного физическому глазу и уху человеческому. Даже школьный микроскоп должен на всю жизнь внушить уважение к изощренности и бесконечному разнообразию обычно неуловимых форм. Даже такие примитивные приспособления должны бы обогащать благородство человеческого мышления; но происходит нечто странное: наука и ее достижения идут какими-то своими путями, а общечеловеческое мышление остается в каком-то обиходном прозябании.

Освободилось ли человечество от грубости мысли? Поняло ли оно высоту этики, воплощенную в жизни? Преклонился ли звериный произвол перед Божественным Строительством и восхитился ли дух человеческий великими Красотами Надземными? Если вы зададите себе эти труизмы среди грубых ударов бокса, среди окружающих хриплых воплей невежества, среди звериности наркотиков, среди нечеловеческой мерзости брани, среди убийства и взаимоуничтожения, то одно напоминание о вопросах благородства и созидания покажется чудовищно неуместным. Кабацкий ужас, звериное сквернословие, противочеловеческий разврат. Какое же может иметь соотношение к Красоте это безобразие?!

Не от этих ли земных безобразий, углубленных современным человеком, кто-то хочет лететь в стратосферу? Кто-то хочет уйти хоть куда-нибудь выше и, может быть, принести еще одну формулу, которая проникла бы даже в озверелый мозг.

Эйнштейн советовал студентам временно удаляться на маяки для возможности сосредоточения в чистой науке. Многие возможности отвлечения от безобразного водоворота современности предлагают лучшие умы. Многие мечтают о крыльях, но эти крылья не есть лопасти аэропланов, несущих убийственные бомбы.

К каждому Новому Году будем же объединять наше

мышление на том, что суждены человечеству крылья и оно получит их, когда захочет помыслить о них всею силою духа.

20 Декабря 1934 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Эзопова басня

"Скажи мне, с кем ты, и я тебе скажу, кто ты есть". Итак, некие собаки облаяли караван. По справедливости нужно сказать, что ни один из этих псов никак не пригодился бы в караване. Разве не замечательно, что вся темная стая подобралась так явно и по такому естественному подбору, что ни одного животного из них вы и не могли бы приобрести себе. Есть в них и маленькие кривоногие рыжие собачонки, есть и пегие кобеля, есть и черные слюноточивые ублюдки, есть и колченогие, есть и бесхвостые. Казалось бы, выбор немалый. Но эта внешняя разница чисто кажущаяся. Внутренний смысл всей этой своры очень единообразен. Та же подлость, та же жестокость и кровожадность, та же увертливость и лживость всех вывертов. Разве не удивительно, что сбежалась свора от разных концов, и кормленые, и оголодавшие, и борзые, и колченогие — по звериному инстинкту сбежались многие, и лают они на проезжих, как по заказу. Думает путник, кто же и каким способом собрал всю эту вшивую команду? Почему же непременно какие-то уроды, запятнанные кровопролитием и всяким обдирательством, должны собраться в одну свору и задравши хвосты бегать по деревне? Как будто и время сейчас далеко не весеннее. Как будто и коты на крышах еще не начали серенады, а кудластая свора уже спущена и бегает, рыча и тявкая. И как это случилось, что ни одной маломальски породистой собачонки не пристало к оголтелой стае. Есть же такие законы в природе, по которым как в человекообразном, так и в животном царстве "рыбак рыбака видит издалека". Давнишние трактаты о естественном подборе недалеки от истины. Правда, иногда "в семье не без урода", но чаще всего "яблочко от яблони недалеко падает". А если заведется в стволе дерева червивость, то и плоды такого дерева гнилы.

Одни ямщики любят ответить на собачий лай лихим кнутом, а другие ухмыльнутся — "пусть себе горло дерут". Но коли попадется шавка под пристяжную, ямщик только скажет — "достукалась бестия".

"Бестия" слово латинское. Значит оно "зверь", "животное". Много оно избродило по свету, ибо в самых разных обстоятельствах требовалось это обозначение. Животность и звероподобность не раз поражали человеческое мышление. Всевозможными способами человечество пыталось отделаться от звериных инстинктов. Худшие из человеческих состояний именно отмечались наименованием звериности и животности. Говорят, что лишения и страдания очищают человеческое сознание.

Спрашивается, какие же еще страдания нужны? Какие же еще лишения должно претерпеть человечество, чтобы отрешиться от низкой животности. Кто-то говорит, что еще какие-то катастрофы должны пронестись над затуманенной нашей землею. Некто утверждает, что какие-то острова должны провалиться, какие-то новые моря должны возникнуть, но какие же размеры этих новых водных пространств должны быть, чтобы люди серьезно об этом задумались? Плачевно подумать, что люди так легко привыкают даже к самым ужасным положениям вещей. Точно бы требовалась какая-то ускоренная прогрессия воздействий, чтобы современное мышление озадачилось и помыслило о путях ближайшего будущего.

Говорят, что многие из современной молодежи прежде всего смотрят в газетах на страницу спорта и кинемо. Говорят, что многие затруднятся в перечислении самых выдающихся философов, а в то же время безошибочно перечислят бойцов и борцов и звезд фильмы. Может быть, это и не совсем так, но рассказы профессоров и школьных преподавателей заставляют задуматься о современном течении мысли. Так же точно все это заставляет помыслить, что же именно толкнуло теперешнее поколение на такие крайности. Кто читал о последних годах Римской империи или Византии, тот с изумлением мог бы найти многие параллели. Среди них бросится в глаза необыкновенное устремление к цирку, к гладиаторам, конским гонкам и ко всяким условным призам. Разве и теперь каждая деревня, а скоро каждая улица, не будет иметь свою королеву красоты, или свою замечательную руку, или ногу, или свой особенный волос? Точно бы ничем другим не может вдохновиться человеческое воображение, а в то же время неразрешимая механическая проблема загромождает течение прогресса.

Все государства, все учреждения, все частные лица живут вне бюджета, лишь умножая какой-то общеземной долг. Эта материальная задолженность не ограничится одними земными механическими условиями — она перейдет в другую, гораздо более опасную задолженность, и если планета окажется духовным должником, то этот страшный долг может быть тяжким препятствием всего преуспеяния.

"Собаки лают — караван идет", — так говорит оптимизм, а пессимизм вспоминает, как стаи озверелых собак пожрали часового у порохового погреба. Остались от него винтовка, тесак и несколько пуговиц. И каждый прохожий мог после случившегося беспрепятственно поджечь этот погреб и наделать непоправимый вред. Но будем следовать по путям оптимизма и примем каждый собачий лай как знак того, что движется нечто

новое, полезное, неотложно нужное. Иногда даже горчайшие знаки будут лишь тем естественным подбором, который во благо строительства все равно должен свершаться. Особенно ужасны чудовища, когда они скрыты во тьме, но когда так или иначе они вылезают к свету, то даже самые их безобразные гримасы перестают быть страшными. Знать — это уже будет преуспевать.

22 Декабря 1934 г.

Пекин

Н. К. Рерих. "Нерушимое". Рига, 1936

Бесстрашие

Наука, если она хочет быть обновленной, должна быть прежде всего неограниченной и тем самым — бесстрашной. Всякое условное ограничение уже будет свидетельством убожества, а тем самым станет непреоборимым препятствием на пути достижения.

Вспоминаю один разговор с ученым, который настолько хотел быть защитником новой науки, что даже старался унизить значение всех древних накоплений. Между тем именно каждый молодой представитель новой науки должен быть прежде всего открыт ко всему полезному и тем более к тому, что уже засвидетельствовано веками. Всякое отрицание уже противоположно творчеству. Истинный творец прежде всего не понижается до отрицания в своем светлом, постоянном поступательном движении. Творец и не имеет даже времени на осуждение и отрицание. Процесс творчества совершается в неудержимой прогрессии. Потому-то так больно видеть, когда в силу каких-то предвзятостей и суеверий человек запутывает сам себя призраками. Лишь бы не подумали, что ученый становится старообразным — боязливый человек готов предать анафеме или забытию самые поучительные накопления древнего опыта.

Именно свободная, неограниченная наука опять открывает человечеству многие, давно забытые полезные находки. Фольклор снова идет рука об руку с нахождениями археологии. Песня и предание подкрепляют пути истории. Фармакопеи древних народов опять оживают в руках пытливого молодого ученого. Никто не скажет, что всякая древняя фармакопея может быть дословно переменена. Ведь многие иероглифы написаний условно символичны. Само значение многих выражений затерялось и изменилось в веках. Но опытность тысячелетий тем не менее дает неограниченное поле для полезных изысканий. Так многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности.

Обращаясь к археологии, мы видим, что многие раскопки последних лет изумляли нас изысканностью смысла и форм многих, даже частичных остатков. Эта изысканность, утонченное изящество давних веков еще раз напоминает, с каким заботливым, почтительным вниманием мы должны прикасаться к этим заветам древности. Мы мечтаем о забытых лаках, об утраченной технике обделки камней, о неясных для нас способах сохранения веществ. Наконец, мы не можем не прислушаться ко многим старинным способам излечения таких бичей

человечества, которые именно устрашают и посейчас. Когда мы слышим и убеждаемся в том, что старинные методы благотворно применяются в лечении некоторых форм рака или туберкулеза, или астмы, или сердечного заболевания, то разве не долг наш оказать полное доброжелательное внимание этим отзвукам стародавней накопленной мудрости?

Ограниченный нигилизм прошлого века не должен иметь места в кругозоре молодых ученых. Лишь убогое мышление могло бы отрезать и загромождать поступательные пути. Решительно все, что может облегчать эволюцию, должно быть приветствовано и сердечно осознано. Все, что может служить на пользу развития человеческого мышления, — все должно быть и выслушано, и принято. Безразлично, в какой одежде или в каком иероглифе принесется осколок знаний. Благо знания во всех краях мира будет иметь почетное место. В нем нет ни старого, ни молодого, ни древнего, ни нового. В нем совершается великая неограниченная эволюция. Каждый затрудняющий ее будет исчадием тьмы. Каждый посильно содействующий ей будет истинным воином, сотрудником Света.

23 Декабря 1934 г.

Пекин

"Нерушимое"

Зовы пустыни

Стих Иосафа-Царевича о пустыне

О, прекрасная пустыня.
Пришли, мя в свою пустыню,
Яко мати свое чадо,
Научи мя на все благо.
В тихость свою безмолвную,
В палату лесовольную,
Любимая моя мати,
Потщися мя восприяти.
Всем сердцем желаю тя.
На царские си палаты златы
Не хощу взирати;
Покоев светлых чертоги,
Славы и чести премноги
Бегаю, яко от змия.
Пустыня моя, приими мя,
Суетного, прелестного,
Века сего маловременного;
Своя младые лета
Отвращу от всего света.
О, прекрасная пустыня,
В любви своей приими мя,
Не устращи мя своим страхом.
Да не в радость буду врагом.
Пойду я в твои лузи эрети
Различные твоя цветы.
О, дивен твой прекрасен сад,
И жити в тебе всегда рад.
Древа ветки кудрявые
И листвие зеленое
Зыблются малыми ветры,
Пребуду аде своя лета,
Оставлю мир прелестный,
И буду аки зверь дикий,
Ин во пустыне бегопш,
День и нощь работати.
Сего света прелести
Душу хотят в ад свести,
Вринути в пропасти темны,

В огненны муки вечны;
Всегда мя враг прельщает,
Своя сети поставляет.
И како начну плаката,
Умильно звати и рыдати. —
Милостивый Мой Боже,
Уповаю на тебе аз,
Скитаюся в сей пустыни,
В дальней и дальней пустыне,
Но аз к тебе прибегаю
И жити в тебе желаю.
Мене грешного соблюди,
От вечные муки мя избави —
О, Христе всех, мой
Царю, Всегда тя благодарю,
Мене грешного соблюди,
От мук вечных изми же
Небесного царствия,
Радости и веселья
Со святыми причти, мя
Во вся веки веков, Аминь.
Стих об Иосафе-Царевиче
Из пустыни старец
В царский дом приходит.
Он принес с собою,
Он принес с собою
Прекрасный камень драгий.
Иосаф-царевич
Просит Варлаама.
Покажи сей камень,
Покажи сей камень,
Я увижу и познаю цену его.
Царевич дивился
Одежде пустынной,
Варлаам сказует,
Варлаам сказует,
Что в пустыне не без скуки жить всегда.
Остался царевич
После Варлаама.
Завсегда стал плакать,
Завсегда стал плакать,
Не хощу я пребывати без старца.
Удобь же ты можешь
Солнце взять рукою,

А сего не можешь,
А сего не можешь
Оценити во вся веки без конца.
О, купец премудрый!
Скажи мне всю тайну,
Как на свет явился,
Как на свет явился
И где ныне пребывает камень той?
Пречистая Дева
Родила сей камень,
Положен во яслях,
Положен во яслях
И прежде всех явился пастухам.
Он ныне пребывает
Выше звезд небесных;
Солнце со звездами,
А земля с морями
Непрестанно славит Бога завсегда.
Оставлю я царство
И иду в пустыню.
Взыщу Варлаама,
Взыщу Варлаама,
И я буду светозарен от него.
Пустыня любезна,
Доведи до старца,
И я ему буду,
И я ему буду
Служить верно, как отцу.
Молю тебя, Боже,
Преслодкий Исусе,
Даждь мне получити,
С Варлаамом жити
Во вся веки без конца.
Сказала пустыня
Отроку младому:
Горько во мне жити,
Горько во мне жити,
Всегда быть в молитве и посте.

Около имени Святого Иосафа-Царевича Индийского собралось много трогательных стихир с зовами о пустыне. В далекой тайге, в лесах непроходных, на берегах светлых озер сложились многие сердечные зовы. Недалек от них и град Китеж,

и все белые грады. Для вдохновенных сочинителей стихир пели свои небесные напевы и птицы Сирины и Алконосты. Где-то далеко стояли обители Синайской пустыни и звучали трогательные заветы Исаака Сирина о пламени вещей.

В священных напевах об Иосафе-Царевиче звучит не только утверждение, но именно и трогательность. Нам приходилось слышать эти напевы в Алтайских нагорьях. В устах пастухов звучали они как-то особенно убедительно. На цветущих пригорках сидели одинокие пастыри, и никто бы не мог сказать, сколько веков уже воспринимала пустыня те же самые благовестия о драгоценном камне, о прекрасной пустыне и о Старце премудром. Пелись эти стихиры именно на цветущих лугах, и певцы знали эту пустыню прекрасною. Ради ее несказанно вечной красоты и само уединение становилось прежде всего прекрасным. Правда, покидались чертоги, но покидались они ради пустыни прекрасной.

Много зависит от того, в каких именно условиях первый раз услышать какую-то весть. Может быть, если бы услышать стих о Царевиче Иосафе в шуме и звоне городском, он не уложился бы так просто убедительно, как среди пустынных и цветущих нагорий. Ему не мешало залегшее стадо, ему были близки цветики, нарванные пастушонком. Сама ивовая, с нарезанной корой, палочка — этот легкий пастушеский посох не был оружием, но был легким и приятным другом путника-пастуха. И среди ночи, когда загорался маленький пастушечий огонечек, пустыня не становилась ужасной, ибо знали пастухи о том, что она прекрасна.

В скрынях народной мудрости сохранено и посейчас так много убедительно прекрасного. Конечно, это прекрасное нуждается и в убедительных напевах, требует и той величественной обстановки, где оно зародилось. Где слушали эту песню не только стада, но и цветы, и камни. Может быть, как в старой балладе, камни заключали слова проповедника своим мощным "Аминь". Всегда, когда противополагается красота природы очарованию города, то не вспомнится ли уход Царевича Иосафа от чертогов в пустыню прекрасную.

24 Декабря 1934 г.

Пекин

"Рериховский вестник". СПб, 1992, № 4

Великое наследие

Почти сорок лет тому назад довелось обратить внимание на замечательные по стилизации своей скифские древности и родственные им в духе, так называвшиеся тогда чудские бляшки. Тогда еще скифские древности понимались лишь как перетолкование греческого классического мира, а чудские древности относились к чему-то просто примитивному. Сам животнообразный романеск казался просто романтическим средневековьем.

Помню, как когда в одном из художественных журналов мы указали на необыкновенный стиль этих животных композиций, то один писатель Ф., считавший себя очень изысканно современным, посмеялся над этим, не находя нужным серьезно полюбоваться и обсудить такие замечательные находки.

С тех пор много воды утекло. Появилась целая наука о "зверином стиле". Самые замечательные ученые обратили внимание на эти наследия великих путников и отдали должное внимание этим необыкновенным стилизациям. Действительно, как это ни странно, но великие кочевые народы оставили по себе целое сокровище, так близкое художественной концепции нашей современности. Думаю, что сейчас никакой писатель, мыслящий себя образованным, уже не станет смеяться над столь выразительными и богатыми в композиции бронзовыми фигурками. Наоборот, и современный художник и археолог придут в одинаковое восхищение, наблюдая эти изысканнейшие формы животнообразного царства. От средневековых химер и бездонно вглубь, может быть, к самым пещерным рисункам протянулось ожерелье богатого народного творчества. И в бронзе, и на скалах, и на остатках тканей народы, носившие столь разнообразные наименования, запечатлевают свою фантазию. С каждым годом все новые области присоединяются к этим открытиям. После Кавказа и Минусинска находки Средней Азии, Гималаев, Тибета, а теперь Ордоса, Алашани и других монгольских местностей, дают новые и блестящие нахождения. Только что мы видели и интересную книгу Андерсона, а также блестящее собрание ордосских бронз, находящееся в Пекине у миссис Картер. Некоторые формы из этого разнообразного собрания перенесут нас и на Урал, и в Пермь, и в Минусинск, и в Луристан, оживляя пути великих насельников. Можно было вновь порадоваться, любуясь замечательными стилизациями горных козлов, оленей, леопардов, птиц, змей и других реальных и фантастических существ.

Видно, что это народное творчество было не только связано ритуальными надобностями. Легко можно усматривать широкую композиционность, входившую во все украшение жизни. Особенно это делается очевидным, когда Козловым были найдены в курганах Монголии остатки ткани с теми же богатыми животнообразными орнаментациями. Эта потребность разнообразного украшения жизни показывает, насколько эти народы носили в себе настоящий потенциал неистощимой фантазии. Ведь это не были греческие подделки под определенный стиль, это были народные непосредственные выражения, изливавшиеся из эмбрионов творчества. Потому можно понять, почему и дальнейшее творчество как тех же народов, так и их наследников, дало много незабываемых памятников искусства и большие страницы истории. Само передвижение подобных народов показывает ненасытную устремленность. От океана до океана, через все препоны и трудности, шли путники воображенного града. Тоска по светлому Китежу, неугомонное хождение в Беловодье[57], поиски святого Грааля, не от тех ли исканий, когда наблюдательный проникновенный взор, восхищаясь богатствами царств природы, звал неутомимо вперед.

Было бы малым решением предположить, что эти путники механически выталкивались народностями, восставшими позади. Правда, незабвенный Тверитянин восклицал: "И от всех наших бед уйдем в Индию", куда он все-таки и ушел и, подкрепившись светом путешествия, вернулся назад, овеянный чудесною опытностью. Конечно, эти "беды" Тверитянина не были только бедами физическими. Конечно, его духовное начало начало бедствовать от каких-то несоответствий. Сердце его вне узкопрактических соображений подсказало ему путь необычный и оздоровляющее движение. Этими поисками оздоровляющих движений, конечно, объясняются даже и движения целых народов. От движений народы не уставали, не ослабевали, но в расширении кругозора накопляли богатство воображения.

Действительно, воображение есть не что иное, как заработанный, накопленный опыт. Чем больше изощрялся глаз и ум, тем многоцветнее загоралось творчество. Богатство так называемого "звериного стиля" именно является одним из неутомимо накопленных сокровищ. Как мы говорили, оно не только потребовано какими-то ритуалами. Оно широко разлилось по всей жизни, укрепляя и дальнейшее воображение к подвигам бранным и созидательным.

Химера Парижского собора — разве не напоминает она о пространствах Ордоса или о Тибетских нагорьях, или о

безбрежных водных путях Сибири? Когда богато-творческая рука аланов[58] украшала храмы Владимира и Юрьева-Польского, разве эти геральдические грифоны, львы и все узорчатые чудища не являлись как бы тамгою далеких азиатских просторов? В этих взаимных напоминаниях звучат какие-то духовные ручательства, и никакие эпохи не изглаживают исконных путей.

Люди думают о каких-то новых определениях. В условном наименовании Евразии они хотят выразить еще одно богатство сочетаний. В геральдическом единороге вспоминается однорогая тибетская антилопа, и франкская Мелюзина перенесет вас к Гондарвам[59] Индии. При этом будет звучать богатство воображения, заработанное в героических поединках на далеких путях.

Многие названия несоответственны или незаслуженны. Так и само наименование "звериного стиля" внешне односторонне. Он звучит для нас не одними звериными формами, но именно своим творческим богатством и своеобразием стилизации. Какое-то другое, более существенное по глубине определение заслуживает этот стиль, выросший из жизни, как чудесная сказка импровизации хожалого баяна. Звериность не будет внутренним признаком этого стиля. Его художественное благородство и богатство просят какое-то более выразительное определение. Наверное, такое определение, а может быть, и не одно, будет найдено по мере накопления новых открытий.

В истории человечества поучительно наблюдать знаменательные волны открытий. Нельзя сказать, чтобы они зависели лишь от случайно возбужденного интереса. Вне человеческих случайностей точно бы самые недра земли в какие-то сужденные сроки открывают тайники свои. Как бы случайно, а в сущности, может быть, логически предуказано, точно бы океанские волны, выбрасываются целые гряды знаменательно одноподобных находок. Так и теперь, после Венгрии, после Кавказа и Сибири появились прекрасные находки Луристана, среднеазиатских пространств, а теперь и Алашани и Ордоса и, вероятно, многих других как бы предназначенных местностей.

Знаки великих путников выступают не случайно, и потому особое внимание к ним тоже далеко от случайности. Словно бы недра земли раскрываются и поучают, когда нужно, богатствами, накопленными ушедшими племенами. Великие путники оставляют знаменательные знаки.

24 Декабря 1934 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

О мире всего мира

Имейте в себе соль и мир имейте между собою.

О мире всего мира.

Не будет ли это моление одной из величайших утопий? Так говорит очевидность. Но сердце и действительная сущность продолжают повторять эти священные слова как возможную действительность. Если прислушаться к голосу поверхностной очевидности, то ведь и все заповеди окажутся неисполнимой утопией. Где же оно — "Не убий", где же оно — "Не укради", где же оно — "Не прелюбы сотвори", где же оно — "Не послушествуй на ближняго своего свидетельство ложно", где же исполнение и всех прочих простых и ясно звучащих Заветов Бытия? Может быть, какие-то умники скажут: "К чему и твердить эти указы, если они все равно не исполняются?"

Каждому из нас приходилось много раз слышать всякие нарекания и предостережения против утопий. От детства и юношества приходилось слышать житейские советы, чтобы не увлекаться "пустым идеализмом", а быть ближе к "практической жизни". Некоторые молодые сердца не соглашались на ту "практическую жизнь", к которой их уговаривали "житейские мудрецы". Некоторым юношам сердце их подсказывало, что путь идеализма, против которого их остерегали старшие, есть наиболее жизненный и заповеданный. На этой почве идеализма и "житейской мудрости" произошло множество семейных трагедий. Кто знает, в основе чего легли многие самоубийства — эти самые неразумные разрешения жизненных проблем. Ведь "житейские мудрецы" не остерегли вовремя молодежь от страшного заблуждения, приводившего даже к самоубийству. Когда же эти постепенно обреченные молодые люди спрашивали старших, будут ли в предполагаемой практической жизни исполняться Заповеди, старшие иногда махали рукой, кощунственно шепча — "все простится". И возникало между этим "все простится" и Заповедями жизни какое-то неразрешимое противоречие. "Житейские мудрецы" готовы были обещать все, что угодно, лишь бы остеречь молодежь от идеализма. Когда же юношество погружалось в условную механическую жизнь, то даже книжники и фарисеи всплескивали руками. Но спрашивается, кто же повел молодежь на кулачный бой, на скачки, на развратные фильмы? Не сами ли "житейские мудрецы", со вздохом повторяя — "не

обманешь — не продашь", усердно создавали разлагающие условия жизни? Когда-то говорилось: "Сегодня маленький компромисс, завтра маленький компромисс, а послезавтра — большой подлец".

Именно так, в самых маленьких компромиссах против светлого идеализма загрязнялось воображение и сознание. Темнота сознания начинала шептать о неприложимости в жизни Заповедей. Именно эта ехидна сомнения начинала уверять в ночной темноте, что мир всего мира есть чистейшая утопия.

Но это моление когда-то и кем-то было создано не как отвлеченность, но именно как приказный призыв о возможной действительности. Великий ум знал, что мир всего мира не только возможен, но и есть тот великий спасительный магнит, к которому рано или поздно пристанут корабли путников. На разных языках, в разных концах земли повторяется и будет повторяться это священное моление. Неисповедимы пути, не людям предрешать, как, где и когда осуществится идеализм. Действительно, пути непредрешимы. Но конечная цель остается единой. К этой цели поведут и все проявления того идеализма, так часто гонимого житейской премудростью. Также будет день, когда так называемый идеализм будет понят не только как нечто самое практичное, но и как единственный путь в решении прочих житейских проблем. Тот же идеализм породит и стремление к честному неограниченному знанию как одному из самых спасительных решений. Идеализм рассеет и суеверия и предрассудки, которые так убийственно омертвляют жизненные стремления человечества.

Если бы кто-то собрал энциклопедию суеверий и предрассудков, то обнаружилась бы странная истина о том, насколько многие эти ехидны и до сих пор проживают даже среди мнящего себя просвещенным человечества. Но поверх всех смут Ангелы поют о мире и благоволении. Никакие пушки, никакие взрывы не заглушат этих небесных хоров. И несмотря на все "житейские" ложно-мудрости, идеализм как учение блага все же останется самым быстро достигающим и самым обновляющим в жизни. Сказано: "Порождения ехиднины! Как вы можете говорить доброе, будучи злы?". Именно злосердечие будет нашептывать о том, что всякое благоволение не действительно и не своевременно. Но будем твердо знать, что даже мир всего мира не есть отвлеченность, но зависит лишь от доброжелательства и благоволения человечества. Потому всякое увещание по сохранению всего самого высокого и самого лучшего именно своевременно и облегчает пути кратчайшие.

Пусть благие символы, пусть самые благожелательные

Знамена развеваются над всем, чем жив дух человеческий.

"Слава в Вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение".

25 Декабря 1934 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Глаз дальний

Бесконечная снежная равнина. Черной точкой по ней движется далекий путник. Может быть, и даже всего вероятнее, что цель его самая обыкновенная. Вероятно, он идет по глубокому снегу от одного жилья к другому; может быть — возвращается домой и, проходя, сетует на трудную дорогу. Но издалека он кажется чем-то необычным на этой снежной равнине. Воображение готово снабдить его самыми необыкновенными свойствами и мысленно дать ему поручение совсем особенное. Воображение даже готово позавидовать ему, идущему по вольному воздуху далеко за пределы города, полного яда.

Почему-то особенно четко осталось в памяти такое давнишнее впечатление из окна вагона, когда после зимних праздников приходилось ехать в город опять к школе. Через много лет, уже в просторах Азии, не раз возникало подобное же ощущение о каких-то далеких путниках, подымавшихся на хребет холма или уходивших в складки долины. Каждый такой путник, казавшийся в удалении чем-то гигантским, вызывал в караване всевозможные предположения. Обсуждалось, мирный ли он? Почему лежит его путь вне дороги? Зачем он спешит, и почему он держит путь одиноко?

Длинное ухо Азии, то самое, которое действует иногда скорее телеграфа, заботливо слушает. Глаз, привыкший к далеким кругозорам, пытливо всматривается в каждую движущуюся точку. Не будем думать, что это происходит только от опасливости, боязливости или недоверчивости. Путник Азии предусмотрителен и вооружен и готов к встречам. Внимательность порождена не только опасностями. Внимательный глаз будет, наверное, очень опытным глазом. Он будет привычен и ко многому особенному. Глаз опытного путника знает, что особенное случается не только в полночь; оно бывает и в полдень, и при ярком солнце, именно тогда, когда оно менее всего ожидаемо. Неопытность, иначе говоря, неосведомленность готова просмотреть нечто даже самое замечательное. "Как баран на новые ворота" — не замечая их особенности и не делая никаких выводов. Опытный путник Азии готов всегда к чему-то особенному. У него есть опытность к наблюдению за погодою. Он осмотрительно отнесется и к неожиданному конскому следу, пересекшему дорогу. Распознает, где шли конники, а где — груз. Появление тех или иных животных или птиц тоже будет разумно отмечено. Опытный путник ценит, когда сопутствующие понимают, почему он оглянулся или задумался, или ловит ветер на мокрую руку, или

озабоченно смотрит на конские уши или особенность шага.

Действительно, когда эта опытная школа жизни отмечена и оценена, тогда и разумнее и веселее идти вместе. А вместо нелепых суеверий перед вами появятся страницы своеобразного, а иногда очень утонченного знания. Прискорбно видеть, как иногда это знание опрометчиво и невдумчиво стирается. Сколько раз приходилось замечать, как знающий, опытный спутник начинал или был готов рассказать что-нибудь очень значительное, но, взглянув в глаза присутствующих, замолкал, встряхнув головою или рукой. "Не стоит, мол, метать бисер; все равно не захотят понять, да еще перетолкуют во зло". Так, опытный путник всегда предпочтет лучше промолчать, нежели просыпать негодным людям.

Сколько песен и сказаний неповторенных приходится слышать в пустынных путях. Открываются там же тайники, которые в суете городов наглухо захлопываются. Сколько раз приходилось встречать бывших путников пустынных в городской обстановке и всегда приходилось изумляться, что они показывались в ином и гораздо менее значительном виде. Их чуткое ухо и зоркий глаз дальний точно обволакивались чем-то в пыли города. Они казались совсем обыкновенными людьми. Их замечательные знания, ширина кругозора как бы сковывались чем-то. Вот почему у нас так неизгладимо врезываются особые подробности путевые.

Много рассказов о необычайной скорости передачи сведений в самых удаленных местностях Азии или Африки. Вспоминаю рассказ нашего друга Луи Марена. В Париже однажды было получено телеграфное сообщение о благополучном достижении в определенный день французской экспедицией одной из самых уединенных африканских местностей. Когда друзья дали себе отчет, сколько времени потребовалось бы на передачу этого известия обычным путем, они, к ужасу своему, начали убеждаться в том, что, очевидно, сведение это неверно, ибо оно не могло быть передано в такой короткий срок. Но впоследствии выяснилось, что сведение было правильное и потребовало оно такой краткий срок лишь в силу особенных местных обычаев. На больших расстояниях оно было передано туземцами в ночное время посредством условных ударов барабана или сухого дерева. Оказалось, что такая передача древнейшего времени всегда существовала между племенами, а некоторые местные европейские насельники пользовались ею.

Какая поэзия заключена в этих ночных таинственных звуках, передающих неведомо откуда спешные вести! Так же, как "цветы Тамерлана", сторожевые башни условными огнями быстрейше

доносили нужнейшие оповещения.

Сердце звучит на все необычное и крепко врезает эти многоцветные печати в сознание. Когда же мы видим далекого путника на безбрежной снежной равнине, нам думается, что не случайно и не бесцельно совершает он трудный путь. Наверно, он несет важную новость; и ждут его те, кто поймет знамение будущего.

25 Декабря 1934 г.

Пекин

"Нерушимое"

Самовольство

Уже много раз и в разных странах приходилось неожиданно узнавать о самовольном включении моего имени в какие-то союзы и общества. Первый раз в 1900 году, в бытность мою в Париже, я к удивлению моему узнал, что заочно и самовольно был избран членом некоего союза в России, в котором я и не предполагал принимать участие. Выйти оттуда оказалось гораздо сложнее, нежели можно было предполагать. Прошло несколько лет, пока нашлась подходящая формула, чтобы изъять свое имя.

Затем в 1906 году я совместно с целой группой художников оказались внесенными в списки какой-то сомнительной партии под громким названием "Правовой порядок". Хотя мы все и заявили о том, что ничего общего с такой партией не имеем, но немало хлопот и недоразумений произошло около этого эпизода. Затем мое имя попало в списки некоей консерватории, вероятно, с какой-то для кого-то утилитарной целью. К сожалению, не так легко бывает изъять что-то попадающее в печатные списки или заголовки.

С тех пор много раз к несказанному изумлению приходилось встречать свое имя в самых непредвиденных комбинациях. Целые страны и океаны иногда на значительное время скрадывали такие фантастические открытия. И опять приходилось писать, заявлять. И кто мог поручиться, что где-то, кто-то и как-то не был вводим в заблуждение? Конечно, такой заблуждающийся всегда был в значительной степени виноват сам, ведь он не желал справиться в официальных источниках наших учреждений или не трудился даже развернуть справочные книги Америки или Англии, или Индии. Так или иначе, всякое самовольство является характерной чертой нашей современности.

Безнаказанно можно включать кого бы то ни было в любые комбинации, надеясь, что время и пространство явятся достаточными прикрытиями. Когда же вы помещаете список организаций, где принимается участие, при этом тоже найдутся люди, которые спросят вас: "Зачем вы это делаете?". Милые друзья, хотя бы для некоторой самозащиты от всяких неожиданностей и даже неприятностей. Во всяком случае, можно признавать те списки, которые деланы с ведома самого упомянутого лица.

Изымать из каких-то неведомых оповещений имя совсем не так легко, как кажется. Так, например, как-то некий генерал привез из Берлина в Париж сведения, якобы совершенно достоверные, о некоторых сотрудничествах с одной из Южно-

Американских республик. Сведение не содержало в себе ни одной доли правды или даже правдоподобия. И тем не менее в собраниях учреждений оно обсуждалось как совершенно несомненное. Само официальное разъяснение этой республики было, конечно, заслушано, но кто знает, было ли оно принято с доверием.

Еще хуже выходит иногда с опровержениями в прессе. Помню, как однажды известный американский писатель поместил большую статью о нашей экспедиции, в которой сообщались совершенно фантастические сведения, неизвестно откуда почерпнутые. Затем от друзей своих писатель узнал, в какую бездну лжи он был кем-то вовлечен, и стремясь к справедливости, пожелал исправить свои ошибки. Но и тут он не обратился к первоисточникам и излил свое симпатичное настроение опять в таких своеобразных формах, что осталось большой задачей решить, была ли лучше его первая статья или так называемые поправки. Помню и другой любопытный случай, когда один враждебный писатель в Париже посвятил длиннейший фельетон, состоявший из какой-то сплошной ерунды. Но другой, тоже не менее враждебный автор, не вынес этих отрицательных гиперболоид и вступил в борьбу с первым писателем. По этому поводу было замечено: "Редкое зрелище: борьба скорпиона с тарантулом".

Иногда самые, казалось бы, простые обстоятельства никак не могут естественно разрешиться, если они хотя бы немного выходят за пределы обычных условий. Неоднократно в печати мне приходилось высказываться против выставочных призов и медалей как самых нежелательных условностей, к тому же очень часто и вообще несправедливых. Естественно, что в силу этих моих утверждений сам я уклонялся от подобных присуждении, о чем и заявлял, давая картины на выставки. Конечно, такое условие могло показаться кому-то неубедительным. После международной выставки в Милане мне было сообщено о присуждении золотой медали. Я указал на мое первоначальное условие. Комиссар выставки сообщил мне с некоторым удивлением, что "это очень хорошая награда". Потребовалась длительная переписка, чтобы выяснить принципиальное отношение. Конечно, и комиссариат, и жюри остались в некоторой обиде. На выставке в Брюсселе с такой же медалью получилось еще хуже, ибо медаль как правительственная была выслана по дипломатическому каналу, и потребовались очень деликатные объяснения, чтобы избежать нежелательных осложнений.

Таким порядком даже на малых примерах можно видеть, как

трудно бывает установить истину и принципиальное основание, если хотя бы отчасти это выходит за пределы рутины. Кроме избраний с какой-то для кого-то утилитарной целью, могут быть случаи, когда непрошенные избиратели совершенно искренне думают, что их избрание должно считаться даже почетным. Подите и убедите людей в противном. К этому помню, как однажды Леонид Андреев и Сергей Глаголь — оба друзья мои, приехали с настойчивым и внешне блестящим предложением вступить с ними в одно издательство. Как я ни пытался разъяснить им всю невозможность такого обстоятельства, они ни за что этому не поверили и обиженно качали головами, повторяя: "Значит, с нами-то не хотите". Конечно, через год они могли увериться в моей правоте, но наверное, весь этот срок в них оставалась известная горечь.

Не обходится и без комических эпизодов с заочными избраниями. Так, одно французское общество с громким титулом известило меня о состоявшемся избрании в число покровителей этого общества. Обстоятельство это забылось совершенно, и лишь через несколько лет, будучи во Франции, в разговоре в Министерстве Иностранных Дел упомянулся какой-то похожий титул. Я спросил об этом обществе, но несмотря на все, казалось бы, связи его с академией, никто из присутствующих не знал, существует ли оно еще. Оказалось, что общество все же существует и старинная традиция его несомненна, но узнать его ближайшую деятельность было довольно трудно. Впрочем, в таком центре, где тысячи всяких обществ и часто весьма старинных, никто этому и не удивляется. Но в маленьких местечках с ограниченной психологией и погрязших в предрассудках все кажется очень просто и несомненно решимым. До такой степени масштабы оказываются неприложимыми. И в этих соображениях невольно вспомнишь о пользе путешествий и широких ознакомлений. Они помогут освободиться от предрассудков невежества и не допустят до редикюльности. Можете ли вы, сидя, скажем, в Пекине, знать происходящее в Африке или судить о сегодняшнем дне Крита или Бразилии?

26 Декабря 1934 г.

Пекин

Публикуется впервые

"Фарисеи же, услышав сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского" (Матф. 12. 24).

"А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского" (Матф. 9.10).

"А книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что Он имеет в себе веельзевула и что изгоняет бесов силою князя бесовского" (Марк 3.22).

"И призвав их, говорил им притчами: как может сатана изгонять сатану?" (Марк 3. 23).

"Но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению" (Марк 3. 29).

"Сие сказал Он, потому что говорили: в Нем нечистый дух" (Марк 3.30).

"Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое" (Матф. 12. 35).

"Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда. Ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься" (Матф. 12. 36–37).

"Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? Где же девять?" (Лука 17.17).

"Порождения ехиднины! Как вы можете говорить доброе, будучи злы?" (Матф. 12. 34).

"Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо" (Лука 6.26).

Только подумать, что несказуемое кощунство, выраженное в первых речениях, относилось к самому Господу. И в то же время вы чувствуете, что оба Евангелиста запечатлели это не случайно, но именно как одно из самых ярких противоположений Света.

Какие-то темные сущности, прикрываясь ложною вывескою книжности, остались в такой темной дикости, что могли допустить такую непозволительную хулу. И какою скорбью звучат слова самого Господа, о которых Евангелист многозначительно добавляет: "Сие сказал Он, потому что говорили: в Нем нечистый дух". В самой неподдельной эпической скорбности этого замечания сказывается жизненная подробность того времени. Ведь так говорили и книжники, и члены синедриона; так же говорили, вероятно, торговки на рынке и все изгнанные торгующие во храме. Наверное, какие-то сотники или мытари, или самаряне возражали им, чистосердечно восхваляя чудесные деяния. А затем следует один из самых скорбных вопросов: "Тогда Иисус сказал: Не десять ли очистились? Где же девять?" Какая жизнь, и жизнь повседневная в этих простых словах, которые пройдут все века и все же не заставят о них достаточно помыслить.

Признательность всегда отмечалась как высокая утонченность, как признак возвышенного мышления. Скажем, как признак чистой сердечности. Грозно предостережение вопроса — "где же девять?" Ведь только один отдал отчет себе, что с ним произошло, и в этом сознании возвысил и очистил сущность свою. Когда вы читаете евангельские строки о многих тысячах исцеленных, о несчетных тысячах, видевших самые чудесные деяния, о тысячах накормленных, разве не встает вопрос уже не о девяти, а о несчетном числе? И в то же время Великий Светильник Апостол Павел чудес, кроме своего чудного прозрения, не видел. Велика была Его преуготованность! Из нее проистекла и неистощимость Его проповедей, хождений и пламенность воззваний.

Совсем другое.

Какие-то члены академии назвали фонограф Эдисона шарлатанством. Какие-то ученые смеялись над действием пара и поносили значение железных дорог и прочих, сейчас неотъемлемых от жизни открытий. Совсем в другом смысле, но тот же эпический вопрос о девяти и одном звучит при каждом приближении к истине. Эти девять, может быть, даже и не ушли, может быть, и не молчат. Не их ли гоготанье слышится иногда? И не изобретают ли они наиболее яркие поношения? Ведь существует не только отсутствие признательности, существует и восстание против истины. "Подчеловеки", или проще сказать — двуногие, в некоторой стадии своей истины не выносят. Кроту не нужен свет. Один намек на сияние уже обращает в бегство подземных тварей.

26 Декабря 1934 г.

Пекин
Публикуется впервые

Культура победительница

Итак, вам понравилось мое определение Культуры и цивилизации. Надо отдать справедливость, что и в Индии, и в Китае такое определение понятия Культуры и цивилизации было понимаемо очень легко и приветствовано как нечто вполне естественное.

Но так было не везде. Иногда мне вообще предлагалось исключить слово Культура, так как цивилизация будто вполне выражает оба понятия. Мне приходилось доставать с полок всякие толковые словари, чтобы даже формально доказать различие этих двух слов. Конечно, оппоненты меня не убедили, но и не уверен, убедились ли они сами. Может быть, в силу каких-то предрассудков они продолжают считать, что цивилизация есть нечто ощутимое, а Культура нечто эфемерное, отвлеченное. Может быть, несмотря на все доводы, кто-то все-таки полагает, что присутствие крахмального воротничка или модного платья уже является залогом не только прочной цивилизации, но, может быть, и Культуры. Ведь так часто внешние условные признаки легкомысленно принимались за неоспоримое достижение.

Но в Культуре нет места легкомысленности. Именно Культура есть сознательное познавание, духовная утонченность и убедительность, между тем, как условные формы цивилизации вполне зависят даже от проходящей моды. Культура, возникнув и утвердившись, уже неистребима. Могут быть различные степени и методы ее выявления, но в существе своем она незыблема и прежде всего живет в сердце человеческом. Случайная фраза рассудка может удовлетворяться и механической цивилизацией, тогда как просветленное осознание может дышать лишь в Культуре. Казалось бы, уже давно сказано, что Культура есть то прибежище, где дух человеческий находит пути к религии и ко всему просветительному и прекрасному.

Культура есть уже ручательство в невозможности отступления. Если вы где-то услышите о каких-то торжествах Культуры, о праздничных днях, Культуре посвященных, а затем узнаете, что на следующий день там же творилось и допускалось нечто антикультурное, то не верьте в эти торжества. Они были лишь суесловием и лжесловием. Они лишь опоганивали светлое понятие Культуры. Теперь много где бывают объявленные Дни Культуры, на которых люди клянутся друг другу в том, что не допустят более некультурных проявлений. Торжественно свидетельствуется преданность всему культурному и отрицается все грубое, отрицательное, разлагающее. Как было бы хорошо,

если все эти клятвы будут искренними и неизменными. Но посмотрите через малое время на листы тех же газет, и вы будете потрясены, увидев, что методы выражений и устремлений не только не очистились, но как бы стали еще мерзостнее и лживее. Не значит ли это, что многие из тех, которые только что всенародно свидетельствовали свое причастие к Культуре, вероятно, даже и не понимали истинного значения этого высокого понятия. Ведь клятва Культурою обязывает. Нельзя зря или злоумышленно произносить большие слова. Недаром Апостол напоминал ефесянам: "Так же сквернословие и пустословие, и смехотворство не приличны вам, а напротив, благодарения". "Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас". Он же предостерегал: "Дорожи временем, потому что дни лукавы".

Как безобразно сквернословить около понятия Культуры. Тут уже ничем не оправдаетесь. Сколько бы ни пытались забывать о самом слове Культура и ограничивать ее цивилизацией, все же даже на низших ступенях цивилизованной общественности всякая грубость уже исключается. Кто-то скорбно замечает о существовании цивилизованных дикарей. Конечно, всякие формы одичания возможны. С одной стороны, можно было видеть, как люди, поставленные даже в высшую степень уединения, не только не теряли, но даже возвышали свое человекообразие. И наоборот, очень часто даже среди так называемых цивилизованных форм жизни люди впадали в одичание, в звероподобность. Не будем называть примеры, ибо таковых у каждого достаточно. Все это лишь доказывает, насколько хрупки признаки цивилизации и как необходимо вспомнить о принципах Культуры. И не для лже дней Культуры, но для внесения ее основ в жизнь каждого дня. Нельзя откладывать на какие-то долгие сроки истинные Дни Культуры. Иначе лже торжества могут кому-то показаться уже достаточным. Ведь одно повторение слова Культура еще не значит основание и применение этого понятия.

Существует много анекдотов о смехотворном применении разных научных терминов. Также невозможно профанировать и то великое понятие, которое должно улучшить и обновить сумерки современного существования. Если огни кинематографических вывесок ярки, если газетные отчеты изобилуют оценкою ударов, то ведь это еще не значит, что Дни Культуры приблизились.

Молодежь часто имеет полное право спросить старших о степени культурности их времяпрепровождения. Это не будет какой-то недозволенный бунт молодежи. Это будет просто вопрос о благообразном построении жизни. Часто именно молодой ум пытливо устремляется за пределы условной цивилизации. Часто

дети неутолимо хотят знать о том, о чем они получают такие скудно формальные ответы старших. Да еще иногда будет прибавлено "эрго бибамус" — итак, выпьем. Чем подчеркивается полная несостоятельность мышления.

Жизнь во всех ее новых формах уже перерастает понятие условной цивилизации. Проблемы жизни, нарастающие с каждым днем, повелительно устремляют людей к высшим решениям, для которых уже невозможно отговориться условными изжитыми формами. Или все вновь преображенные возможности сочетаются прекрасным, истинно Культурным решением, или пережитки цивилизации потянут слабовольных к одичанию. Тогда никакие лжеторжества Культуры не вдохновят и не удержат ложь и разрушения.

Но хотя бы в меньшинстве, хотя бы гонимые, как издревле принято, все же пусть некоторые соберутся и в истинных торжествах Культуры, где без суемыслия, без пышного празднословия они несломимо поклянутся друг другу следовать именно путями Культуры, путями духовного совершенствования. Пусть будет так в разных странах, во всех углах мира, где бьется сердце человеческое.

27 Декабря 1934 г.

"Нерушимое"

Самогубительство

"… С такими людьми на великой реке Амуре, от их бунтов жить стало тяжело и невмочь". Так в середине XVII века доносил якутским воеводам Степанов. В докладах и местных летописях довольно подробно рассказывается, как тяжко происходило строение окраин не столько вследствие инородцев и иноземцев, но именно от каких-то неописуемых внутренних бунтов. Возникновения таких бунтов обычно не указываются, но зато часто перечисляются самые прискорбные и непоправимые последствия. А главное, что из-за внутренних неурядиц были наносимы удары и по достоинству внешних значений.

Не от недостатка ли кругозора и воображения происходили эти бесцельные самогубительные вспышки? И сейчас разве мы не присутствуем при таких же логически необъяснимых столкновениях, которые происходят с такой же непозволительной грубостью, как и в далекие века? Не лежит ли одна из причин в срединной ограниченности мышления? Сердце человеческое стремится в своих невыразимых словами биениях к чему-то лучшему, но бескрылый рассудок ограничивает себя лишь условиями сегодняшнего дня. На эти случайно приходящие условия он негодует, но именно ими же, а не чем другим, и хочет найти разрешение.

Сложнейшие словопрения, изобретение нагроможденных терминов, усложнения, как будто бы признак начитанности — все это не только не приводит, но именно отводит от потребности бытия. А ведь сейчас так нужно простое сердечное слово. Не трехэтажный загроможденный термин, но частица светло выполнимой жизни ожидается. Народная масса хочет жить. Хочет по возможности украсить жизнь. Видим, как даже самые скудные племена стремились и находили оригинальные возможности к такому украшению. Народная масса хочет знать. Отлично понимает народ, что знание вовсе не есть условно нагроможденная непонятность, но может быть преподано в очень простых, ясных словах, не огрызаясь и не злобствуя.

Каждому, кому приходилось толковать с народом даже в самых удаленных местностях, конечно, ведомо это разумное стремление к простейшему выражению. Сами мы, вспоминая школьные и университетские годы, особенно приветливо оборачиваемся к тем учителям, которые преподавали ясно и просто. Безразлично от самого предмета, будет ли это высшая математика или философия, или история, или география — решительно все могло находить у даровитых преподавателей и

ясные формы. Только ограниченные, неодаренные типы сами запутывались в своих же нагромождениях и на внутреннюю потеху учеников мучительно старались выбраться из проблем, самими же натворенных. Сколько раз такой неудачливый педагог кончал свои ни к чему не пришедшие пояснения трагическим "ну вы понимаете". Именно при такой необъясненности и создавались обидные клички, вспыхивала необузданная насмешливость и получалась внутренняя трещина.

Именно сейчас многие области перегружены вновь изобретенными сложностями. А ведь сейчас люди проходят через особенно ответственное время. Никто уже не удовлетворяется серединным мышлением недавнего прошлого. С одной стороны — заброшены сети в будущее, иногда с самыми необузданными бросками. С другой же стороны — сознание обращает мысль к самым первоисточникам, откуда пытливое ухо ухватывает многое, неожиданно совпадающее с самоновейшими предположениями. Ответственно время, когда случилось такое сочетание самого нового с древнейшим. Как ни странно, но девятнадцатый век во многих изысканиях является одним из наименее убедительных. Самый нигилизм этого века оказывается неубедительным по своим примитивным построениям. Всякое ничто, всякая пустота, всякое небытие — уже отвергнуты. Отвергнуты не только философией и изучениями древности, но и самоновейшими открытиями физических наук. Лучшие ученые совершенно спокойно заявляют о таких своих религиозных и философских взглядах, о которых их отцы во многих случаях не решились бы выступить хотя бы для охранения своего "научного достоинства". Таким порядком несомненны сдвиги, которые очень легко превращаются в подвиг. Ведь именно подвиг, в существе своем, не может быть ограниченным. Именно в подвиге доступна как древнейшая мудрость, так и самоновейшая проблема. При этом мы не будем лишь кое-что уважать в древности. Мы будем изучать ее вполне и добросовестно, и доброжелательно; и только такие честно неограниченные изыскания позволят нам выбрать то, что наиболее ясно применимо в проблемах будущего. Опять-таки, если кто-то будет настаивать, что он лишь кое-что возьмет от древнейшей мудрости, он ведь окажется ипокритом, ибо это "кое-что" может выясниться лишь после всестороннего, подлинного изучения. И тот, кто захотел бы положить в основу построений какое-то отрицание, тем самым подмешает в свой цемент ядовито разъедающее вещество.

Много новых находок дается людям за последние годы. В них много раз приходилось убеждаться о несказуемой связи древних времен с нашими запросами. Если найдутся ясные слова о

возможности жизни и преуспеяния, то и темные бунты отойдут в область преданий. Люди, читая о них, лишь пожалеют о погибших возможностях и порадуются, что новые пределы знания помогут воздержаться от самогубительства. Ясность и простота — вот чего ждет сердце.

28 Декабря 1934 г.

Пекин

"Нерушимое"

Благожелательство

Насколько многое очень знаменательное и благожелательное остается нигде не записанным. Сегодня мы слышали, что Русская Пекинская Духовная Миссия была сохранена лишь благодаря личному ходатайству Таши-Ламы. В истории верований такой благой знак должен заботливо сохраниться. Около религий, к сожалению, слишком много накопляется знаков холода и отрицания. И вот, когда вы в старом Пекине слышите прекрасный рассказ о том, как многие священнослужители и религиозные общества шествовали к Таши-Ламе просить его о сохранении Православной замечательной Миссии, хранящей в себе так много традиций, и узнаете, как доброжелательно было принято это обращение — вы искренне радуетесь. И не только это обращение было принято дружелюбно, но и оказались желательные последствия; и в истории Православной Миссии будет внесен этот замечательный акт высокого благожелательства.

Когда человечество обуяно бесами злобы и взаимоуничтожения, тогда всякий знак утверждения и взаимной помощи будет особенно ценным. Конечно, о доброте и доброжелательстве Таши-Ламы многое известно. Но одно дело, когда это рассказывается его соплеменниками, и совершенно другое, когда чуждые люди тоже имеют при себе такие свидетельства добрые.

Люди очень часто не отдают себе отчета, насколько ценно само запечатление добрых знаков. Существуют особые типы людей, которые предостерегают против всякого энтузиазма и даже против громко сказанного доброго слова. Конечно, при таком образе мышления все погружается, если не во мрак, то во всяком случае в серенькие потемки. Противники всякого энтузиазма хотели бы приучить людей ни на что не отзываться, никак не реагировать и быть к добру и злу постыдно равнодушными.

В наши смутные дни особенно много таких серых жителей. В значительной мере именно на них лежит ответственность за глубоко всосавшуюся в общественный строй смуту. Смута потрясающая, а к тому же сама в себе дрожащая, является ни чем другим, как бесформенностью, безобразием. Само слово "смута", "смущенность" недалеко от извращенности, сомнительности и боязливости. В смуте родятся неясные намеки. Она же порождает всякие анонимные наговоры. Когда сердце теряет трепет восторга, оно может впасть в трепет смущения. Насколько трепет восхищения будет устремляющим ввысь и прекрасным, настолько

трепетание смущения будет ограничивающим, поникающим, устрашенным. А что же может быть безобразнее зрелища страха? Самые высшие понятия чести, достоинства, преданности, любви, подвига — ведь они могут быть нарушены и обезображены именно страхом. Страха ради люди могут промолчать, отречься и предательствовать. И какое множество молчаливых отречений и трусливых замалчиваний явлено в повседневной жизни.

Для отречения не нужно никаких высоких слов или прекрасных обстановок. Обычно именно отречение, замалчивание, умаление хорошо сочетаются с сумерками. Они живут в серости, когда четкие формы выедаются потемками и все делается неопределенным. Неопределенность помыслов, нерешительность и есть именно смута. Смущенность не поет, не слагает красивые формы, но в дрожании искривляет все отражения. Так пролетевшая птица неопределенно касается тихой водной поверхности, и надолго после такого пролета задрожат только что прекрасно отразившиеся формы.

От смуты, от страха нужно лечиться. Так же, как от многих болезней, нужно предпринимать длительное восстановление сил, так же нужно воздействие и от смуты. Нельзя позволить смуте загнивать в язвах и нарывах. Новые сильные мысли и мощные действия будут спасительны, чтобы вывести смущение духа в обновленное состояние. Конечно, одною переменою места или житейских условий смущение еще не будет осилено. Дух в сущности своей, сознание должно поразиться чем-то, а еще лучше ¬ чем-то восхититься.

Невозможно допустить, чтобы восхищение, иначе говоря, энтузиазм, не были бы доступны даже смущенным душам. Все-таки бывают же такие действия, такие положения в мире, которые заставят сердце восхититься и тем самым выйти из смущенных дрожаний. Прекрасное творчество, высокое знание, наконец, чистосердечное стремление к Горнему Миру ¬все чудеса, которых так много в жизни земной, легко могут уводить даже поникший дух в сады восхищения.

Если люди попытаются вычеркнуть из бытия своего иногда ими осмеянное слово "энтузиазм" или "восторг", то чем же они заполнят эту страшную пустоту в своем сознании? В этом запустелом сердце поселятся тоска и неверие, появится та мертвенная затхлость, которая свойственна заброшенным пустым помещениям. Входя в заброшенный дом, люди говорят: "Придется долго обжить его". И правильно, такая заброшенность угрожает даже и физическими заболеваниями.

Обжить жилье — это еще не значит просто зажечь огонь. Потребуется именно человеческое присутствие, иначе говоря —

биение человеческого сердца, чтобы оживить, одухотворить замершую жизнь.

Одним из простейших одухотворений будет каждое сведение о каком-либо добром и необычном в благожелательном действии. Итак, будем радоваться каждому добру. Ведь оно уже рассеивает чье-то смущение и заменяет безобразие красотой.

29 Декабря 1934 г.

Пекин

"Нерушимое"

Свет неугасимый

"Дано Преподобному Сергию трижды спасти землю русскую. Первое при князе Дмитрии; второе — при Минине; третье — теперь".

Так знает русский народ вместе с молитвами Христу Спасу, устремивший упование свое к Великому Предстателю и молитвеннику русскому, Преподобному Сергию Радонежскому. Акафист Преподобного начинается с многозначительного обращения: "Данный России Воевода". Во славословии Преподобному Он называется Воином Христовым. Таковы прозорливые определения, сложенные Высокими Иерархами Церкви Православной.

Высокий Воспитатель русского народного духа, Истинный Подвижник Православия, Воевода за правду и строительство Преподобный Сергий Радонежский является крепким прибежищем русского народа во все трудные годины земли русской. Жизнеописания Преподобного Сергия говорят о многих знаменательных чудесах Преподобного, и чудеса эти просияли не только при жизни Подвижника, но и после отхода Его в течение всех веков и до сего дня.

Знак Преподобного является тем Воеводским стягом, к которому сходятся все, в ком бьется русское сердце, в ком не закоснела горячая любовь к Родине.

Радостно узнать, что предполагавшееся общество имени Преподобного Сергия уже состоялось. Значит, среди множества храмов-светильников Преподобного зажглась еще одна сердечная лампада и состоялся еще один священный очаг, к которому сойдутся дозоры, взыскующие правды. Перед этим светильником пусть забудут люди все распри и разъединения. Невместно и неприлично русским людям дозволять силам темным разлагать и разъединять. Невместно перед Святым Ликом клеветать и лжесвидетельствовать. Невместно исполняться страхом и сомнением там, где горит правда Христова, вознесенная Священным Воеводою земли русской Преподобным Сергием.

Пусть Его Святое имя объединит всех взыскующих Родины. Да поможет Великий Предстатель перед Христом Господом. Да пошлет Великий строитель Свято-Троицких Лавр сердечную крепость на преодоление сил тьмы, злых безбожников и разрушителей добра.

Радостно слышать, что в нашей часовне Преподобного Сергия уже совершаются Богослужения, объединяющие русские силы. Верю, что всякие колебания и стыдные сомнения отпадут перед

Ликом Христовым, перед иконою Преподобного Сергия, заповедующей великий пример неустанного, несломимого строительства. Да просветит Преподобный Воевода земли русской сердца народа, чтобы бодро и радостно, несмотря на все трудности, сошлись бы те, в ком горит сердечная лампада Света Неугасимого.

Шлю мой искренний поклон всем сходящимся в часовне Преподобного Сергия и знаю, что это великое Богоданное Имя соединит сердца верных сынов отчизны.

"Преподобный Сергий, Светлый Воевода земли русской, моли Бога о нас. Аминь".

Так недавно было приветствовано новое общество при музее в Нью-Йорке, которое будет собираться в часовне имени Преподобного. Не успело это приветствие дойти до Нью-Йорка, как получились сведения о вновь образовавшемся Духовном Содружестве имени Святого Сергия Радонежского в Шанхае.

Приведем газетную заметку ко дню основания этого содружества. В ней приводится прекрасное напутствие, сказанное настоятелем молитвенного дома о. С. Бородиным.

"В четверг 15 ноября в Воскресенском молитвенном доме состоялся молебен Св. Сергию Радонежскому, устроенный инициативной группой по сооружению киота иконы Преподобному.

Настоятель молитвенного дома о. С. Бородин после окончания молебна обратился к инициаторам с пламенным словом, в котором сказал: "Пусть растет в числе содружество ваше, преданных сынов Православной нашей веры и Родины. Ваша вера и убежденность, ваша твердость, ваша борьба за правду в конце концов победит злобу и ложь, заставит раскрыть глаза многих, и Господь по молитвам Святого Преподобного Сергия низведет нам свет и правду, и силу страдалицы Родины. Как свет полудня, придет пред Лицом Божиим молитва наша, и могуществом мощи своей Он сохранит и соберет нас. Пусть же для нас в этот час моления не закроется источник надежды и бодрости, пусть далеко отойдет дух расслабляющего уныния, пусть не поколеблется в нас уверенность и наша верность Богу, Церкви и страждущей Родине. Смелее и смелее будем мы возглашать наше исповедание. Глубже и глубже будем мы проникаться верою и правдою наших убеждений, освященных Церковью, преданиями родной старины и кровью пострадавших за нее отцов и братьев, бесчисленных героев долга!

Да будет честь и слава стоящим на страже долга борцам за святое [святых] нашей Родины.

Всегда памятуйте и знайте, что там, где не слушают Христа и

основанной им Церкви, там воцаряется дьявол; там, где искореняют пшеницу, вырастают плевела. Итак, с Богом, за работу. Аминь!"

После молебна инициаторы содружества имени Св. Сергия просили о. С. Бородина исходатайствовать благословение епископа на организацию духовного кружка имени Св. Сергия Радонежского при Бродвейской Церкви, который во главу своей духовной деятельности ставит себе задачу разъяснений и пропаганду среди русских людей духа деятельности и значения для России Преподобного, не раз выводившего нашу Родину из неминуемой гибели.

Кроме того, содружество ставит себе задачей помощь Православным Церквям в Шанхае, сооружение икон Преподобного Сергия и принимать участие в постройке собора.

Также приведем из радиопередачи "Вождь Духа" следующие отрывки:

"Но нельзя зажечь пламени Знания без внутреннего чувства Бога; нельзя, не приобщившись к сокровенным истокам тайноведения, создавать новые духовные ценности. Поэтому, чтобы оказаться достойным принять участие в строительной работе возрождения нашей Родины, сначала нужно внутренне подготовить себя к ней — преобразить душу, убрать обитель сердца. Твердо идти за мерцающим светильником Истины, упорно работать над своим духовным развитием. Последнее мы считаем особенно важным, ибо оно и является в наших глазах высшей ступенью Знания…

Совершалось чудесное национальное обновление и великий духовный подъем. Если мы пойдем к источнику этой благодати, то всегда найдем его в тенистых рощах Радонежа, в келье векового духовного вождя русского народа Святого и Преподобного Сергия Радонежского.

Историк Ключевский, человек, озаренный зорким духовным зрением в судьбу нашего народа, писал: "Русская государственность не погибнет до тех пор, пока у Раки Преподобного будет гореть лампада".

Мы уже упомянули, как в самые страшные моменты русской истории чудесное заступничество Преподобного спасало наш народ. Вспомним историю борьбы Дмитрия Донского, на котором было благословение Преподобного Сергия и который был осиян его творческим и дерзновенным духом. Вспомним времена смутного времени, когда настойчивые и повторные видения Преподобного к простым русским людям и посадскому мещанину Минину вывели их на великое служение своей стране. Все великие акты русской истории совершались под Знаменем

Преподобного. Не видеть этого — значит иметь закрытые глаза.

Так и теперь, в эпоху разгула темных сил, первым этапом служения под знаменем Преподобного будет ясное осознание в наших сердцах Его как Водителя и Заступника перед Престолом Всевышнего. Уже сейчас начинают создаваться в разных местах нашего рассеяния часовни и алтари во имя Преподобного Сергия, и это радостное явление нужно расширить, нужно везде и всюду, где позволят обстоятельства, водружать его Образ и возжигать лампаду Света.

На протяжении истории русский народ всегда уповал на Преподобного и полагал на него свою волю и говаривал: "Преподобный знает, Преподобный сделает". От нас же самих нужен лишь духовный молитвенный подвиг, напряженность жертвенного горения и дерзаний к победе, и чтобы наши молитвы были услышаны им, очистить свои умы от грязных и злых мыслей, дабы мы воистину могли представлять из себя в его руках искусное оружие, могущее разить врага и на расстоянии.

Уже есть указания на то, что Преподобный Сергий начал новое служение своему народу. Уже идет по Москве и всем весям нашей Родины народная молва о все чаще и чаще повторяющихся явлениях Преподобного Сергия разным русским лицам. Эта молва уже гудит по России; ее отзвуки появляются в виде сообщений в русских газетах за рубежом. Мы иногда их сами читаем, а прочитавши наряду с очередным отчетом о состоявшемся бале или футбольном состязании — забываем и в худшем случае — не верим. О, если бы мы могли все поверить этой радостной вести, мы знали бы, что час восхода Солнца земли нашей — близок".

Можно бы привести и многое другое прекрасное из этой речи, которое прозвучало далеко по миру и наверно достигло многих слушателей прилежных. Светло звучали близкие всем нам заключительные слова: "Отче Сергий, дивний, с Тобой идем, с Тобой и победим".

Сама по себе идея такой радиопередачи, поистине, и прекрасна, и как нельзя более своевременна. Газеты, книги, речи достигнут одних, но в радиопередаче всегда заключается возможность, что где-то за пределами этих газет и речей кто-то совсем неожиданный услышит светлый сердечный зов. Где-то совсем новое сердце затрепещет от прикосновения слова истины.

Не скрываем от себя, что именно сейчас темные силы особенно ополчаются против Священного русского Имени Святого Сергия. И прямыми нападениями, и в очень хитросплетенных косвенных шептаниях темные силы пытаются воспрепятствовать несомненно нарастающему почитанию Имени Святого Сергия. В самых неожиданных концах мира Имя духовного Вождя русского

вспыхивает мощно. Ведь не только соображениями, но ведением сердца знает народ, чему приходят сроки.

Никакой холод, никакие отрицания, никакая затхлость не могут преградить путь высокого Света.

Содружества имени Преподобного Сергия растут многообразно. Иногда они многочисленны по составу, иногда же они представляют из себя малые, но сплоченные добром ячейки. Если люди хотят собраться во имя добра, почитая Имя Великого Светильника земли русской, то даже самое заскорузлое шерстяное сердце и то не может препятствовать этому несению блага. Иногда слышались упреки в том, что хотя многие и много говорят о вере, но не так часто исповедуют ее делами, внесением в жизнь.

И вот происходит еще одно такое действенное исповедание. Казалось бы, тому можно лишь радоваться. Можно лишь приветствовать устои, противоборствующие всякому разложению и разрушению. Только темные изуверы могут жить отрицанием, изгнанием и поруганием.

Помню, как слезно благословил изображение Преподобного Сергия покойный митрополит Платон и, окропляя, залил у него на столе лежавшие бумаги. "Подумают, что и это слезы", — сказал Владыко. Уже близкий к кончине, он особенно сердечно трепетал на все молитвенное и строительное. Он же заповедал: "Рассылайте, широко рассылайте изображения Преподобного Сергия". О том же изображении из Югославии благословлял и митрополит Антоний. О том же благословлял и митрополит Евлогий. Столпы веры знают Устремления. Они будут рады слышать о нарастании содружеств Преподобного Сергия.

Издалека приходят вести о многих явлениях Преподобного. Народ их не только знает, не только почитает их, но и понимает всю срочность происходящего.

Итак, пошлем всем содружествам мысли о преуспевании и еще раз порадуемся, что само пространство, насыщаемое радиоволнами, звенит во благо Имени Преподобного Сергия.

30 Декабря 1934 г.

Пекин

Публикуется впервые

"Страшный зверь"

"Сильнее кошки — зверя нет". Как разнообразно в течение многих веков прошла эта пословица, первоначально данная каким-то глубоким психологом. В истории человечества психологирование пространства представляет собою необыкновенно поучительную главу. От древнейших времен и в военных и других государственных делах этот принцип являлся поражающим. Мы знаем, как в средние века датские рыбаки не решались выходить в море ввиду азиатских событий. Мы знаем, как остановленные всадником путники терпеливо ожидали его, пока он сходит в стан за мечом, чтобы отрубить им головы. И теперь много где можно подмечать такую же терпеливо склоненную голову. И в военных, и в экономических потрясениях эта как бы предрешенная неизбежность поворачивала целые страницы истории.

"Страх сковывающий". Разве не лежит именно он в основе так многих несчастий? Конечно, может случиться и не менее ужасный противовес, а именно — буйное разрушение всех основ. При той и другой крайности панацеей может быть лишь основа Культуры. Как бы некоторые двуногие ни пытались забыть об этом краеугольном понятии, оно напомнит о себе. Чем более оно будет запущено, тем грознее может быть напоминание.

Эзоповы басни были своего рода знамением времени. В них нельзя заподозрить ни просто сковывающий страх, ни просто загадочную тайну. Такие басни являются символическим иероглифом. Так, бывало, оставлялись нашими предками мудрые, накопленные опытом наставления, выраженные условным языком, чтобы не метать бисера перед свиньями. Именно не ради страха, но ради мудрой бережности не однажды прибегалось к условному языку, который в результате своем имел, может быть, и условный жест или условный молчаливый взгляд.

Вот мы слышим о каких-то допросах с пристрастием, об ужасах пыток, происходящих в наше так называемое культурное время. Какой это срам! Какой это стыд знать, что и сейчас совершенно так же, как и во времена темнейшие, производятся жестокие мучения. Изобретаются отвратительные приспособления, лишь бы понудить человека. Можно ли допустить, что тысячелетия должны пройти для того, чтобы люди в прежней звероподобности бросались друг на друга, мучили и навсегда обезображивали как тело, так и дух. При этом часто рассказы о пытках и мучениях передаются без всякого возмущения, а просто как естественный факт современности. При

этом ни судьям, ни следователям, ни, конечно, самим палачам и в голову не приходит, что без всяких жестоких и безобразных пыток возможно изыскание истины под самым простым гипнозом.

Казалось бы, за все время эволюции науки уже достаточно было выяснено о применимости гипноза, внушения. Конечно, эти энергии не могут быть широко даваемы массам, которые легко могут применять их во зло. Но правительства, в строго научных пределах, конечно, с гораздо большими просвещенными результатами могли бы пользоваться такими приемами, нежели пребывать на уровне диких пыток.

Известно, что в некоторых странах научные приемы уже применяются при судебных следствиях. Известны многие случаи поразительных результатов, которые невежественным людям кажутся чем-то чудесным. Но если науке суждено продвигаться в сфере изучения энергий, то приложение их в обиходе будет самым естественным.

Сейчас, казалось бы, даже смешно говорить о таких истинах, как гипнотизм, внушение. Всякий знает, что лечат пьяниц и разные виды психоза именно внушением. Всем известны случаи, когда вместо наркотиков при операциях боль останавливалась тоже внушением. При этом окружающие условия бывали даже неблагоприятными, и тем не менее должные следствия получались. Значит, на сколько же удачнее могут быть следствия, если соблюсти лучшие окружающие условия?

Сколько суеверий и темных предрассудков могут быть избегнуты честными опытами и наблюдениями. Новые области общественных отношений откроются и обогатятся именно не предположениями, а научными изысканиями.

Но дело-то в том, что люди очень часто именно боятся таких изысканий. Именно накопленные столетиями суеверия заслоняют самые разумные размышления о возможностях. Ведь мудры были те, кто уже когда-то давно в разных выражениях напоминали о том, что "страшнее кошки — зверя нет".

31 Декабря 1934 г.

"Врата в Будущее"

Сверхъестественное

Безобидная картошка была обозвана "чертово яблоко". Сколько бунтов, убийств и ссылок произошло около этого "яблочка". Прививка оспы была названа "антихристовою печатью". Сколько врачей окончили жизнь свою мученически, и опять — убийства, мятежи и ссылки. Противочумная и противохолерная дезинфекция считалась дьявольским наваждением, и опять — те же убийства, мятежи и ссылки. Да что говорить о картошке и прививках, когда фонограф Эдисона получил во французской академии почетную кличку "уловки шарлатана". Можно приводить бесконечно мрачнейшие факты разгула невежества. Всякое благодетельное достижение где-то непременно называлось антихристовою печатью, чертовскими хитростями и, в лучшем случае, шарлатанством.

Просвещение требовалось повсюду. И теперь не только в Тибете, но и в некоторых местностях Америки земля считается плоскою, в виде тарелки. Когда же вы начинаете объяснять шарообразность и приводите пример кругосветных путешествий, то вам с усмешкою скажут: "С востока на запад еще можно кругосветно объехать, но с севера на юг это уже невозможно". Так люди и живут — с одной стороны, великолепные стратосферные взлеты и приготовления ракет на луну, а с другой стороны, земля — тарелка, которую держит на рогах бык; когда же он устает и перебрасывает землю с одного рога на другой, то происходят землетрясения. Все ясно и бесповоротно.

Немногим лучше обстоит дело и с такими чисто научными достижениями, как передача мыслей на расстояние. Бехтерева, который уже работал над этим вопросом, пытались назвать безумцем, да и теперь, когда целые десятки университетских профессоров заняты удачнейшими опытами в области передачи мысли на расстояние, то найдутся такие невежды, которые или назовут это утопией или сопричислят к какому-то темнейшему спиритизму. При этом даже не постесняются. Какой же может быть спиритизм по самому значению этого слова, когда сношения происходят между живыми людьми. Удачные опыты профессора Рейна в Дьюкском Университете, хотя и приветствуются небольшою просвещенною частью общества, но множество игнорамусов пытаются и тут набросить хоть какую-нибудь тень. Недаром писались целые книги о мученичестве ученых и художников.

Когда же, наконец, люди поймут, что сверхъестественного вообще не существует, а есть лишь изведанное и еще не

изведанное. Казалось бы, все блестящие открытия последних лет должны привести человечество в разум.

<1934 г.>

Публикуется впервые

Неповторимое

"Размо-кропо-го-дилос"!

Нет, коллега, не так!

"Размо-кропо-годи-лос"!

"Да это просто Ванька написал размокропогодилось!"

Так давно шутили по поводу экспедиции Радлова по исследованию надписей на скалах и камнях Сибири. Не только потому шутили, что надписи долго не удавалось разобрать, но и вообще ухмылялись, не понимая значения археологии. Судьба древностей, в частности, древностей русских, извилиста.

Когда приходилось рисовать разрезы курганов, то с особой болью отмечалась и грабительская траншея. И как часто эти грабители были почти современны самому кургану или гробнице. Часто траншея шла с полным знанием особенностей погребения, с пониманием всех положенных ценных предметов. И в Египте, и в Азии, и в южных степях России грабители нередко шли по пятам погребения. А сколько профессионалов-кладоискателей, всяких бугровщиков и курганщиков навсегда затрудняли научные выводы.

В очерках истории Сибири, например, читаем: "Несмотря на все эти опасности, связанные с отправлением промысла, некоторые курганщики обращали его в средство существования и приобретали в нем такую сноровку, что по одному наружному виду курганов определяли их относительную древность и содержание в них драгоценных металлов. Так как многие из курганов были значительны по своим размерам, а некоторые к тому же покрыты тяжеловесными камнями /во 100–200 п./, то курганщики соединялись в артели /до 200–300 человек/ и таким образом занимались "бугрованием". Одна из таких артелей, состоявшая из 150 человек, в XVIII веке по среднему течению Иртыша нашла курган и извлекла из него до 50 фунтов золота в разных поделках. Конечно, далеко не все сибирские курганы были так богаты; однако могильного золота и серебра было столько в обращении, что в Красноярске, в главном рынке курганных драгоценностей в XVIII веке могильное золото продавалось по 50–90 коп. золотник. Эти драгоценности в то время составляли важный предмет торговли на Ирбитской ярмарке, где охотно покупались русскими и инородцами и распространялись за Урал.

Подобная же участь постигла и те памятники сибирской древности, из которых можно было извлечь хоть какую-нибудь пользу. Остатки древних сооружений, "каменные бабы" и намогильные камни, нередко покрытые любопытнейшими

надписями и изображениями "писанцы", до последнего времени употреблялись либо на жернова, либо в качестве простого материала для постройки новых зданий, конечно, без всякого соображения о научном значении истребляемых памятников старины".

Наряду с хищничеством и алчностью можно встречать и самые несносные показания изуверства. Сколько прекрасных пещерных росписей и ваяний уничтожено рукою фанатизма. При этом опять-таки ищите ближе. Не успокаивайте себя, что кто-то и когда-то давно разрушал. Не обвиняйте только давно истлевших вандалов.

Изуверство и сейчас еще процветает. Да еще в каких замысловатых одеяниях! То оно наставляется религиозными заблуждениями, то, напротив, оно вдохновляется безбожием. Само хищничество курганщиков бледнеет перед диким размахом изуверства.

Из рук хищника иногда предмет попадал и в добрые руки. Но свирепость изуверства знала лишь уничтожение и обезображивание. Не ужасно ли помыслить, что изуверство существует и по сие время? В часы лекций о памятниках искусства и быта именно эти памятники уничтожаются. Скажите после этого, что судьба творчества уже защищена. Посмейте утверждать, что все благополучно.

Только невежество будет успокаивать справедливую бдительность. А условное приличие скажет: не будем нарушать чинность собраний неприятными сообщениями. Но дело-то в том, что действительная опасность велика. Ничем не успокоишься, когда знаешь, что изуверство живет во всем безобразном разнообразии.

Разобьет ли амфору хищник, перельет ли ювелир кубок Челлини на металл, будет ли уничтожена неповторимая статуя изувером или будет ли разрушена святыня кощунником — во всем будет бездна дикости. Наряду с разрушениями разве не стоят и обезображивания прекрасных творений древности?

Грубые пристройки, приделки, замазывания и квазиреставрация умерщвляют душу памятника.

После руки изувера следует рука ханжи спесивого и невежи, которые по-своему изменяют тончайшие творения. Обычно бессмысленно, бесчувственно совершаются такие часто непоправимые святотатства. Исчезнувшая красота навсегда застывает в гримасе искажения. Плачевный, отталкивающий вид вместо недавнего очарования.

Оставляя в пустыне ценный памятник, спрашивали проводника: "Устоит ли?". И умудренный опытом покачал

головою: "От зверей, может быть, от людей вряд ли".

Скорбно такое опытное слово. Но многие задачи решаются от противного. Пусть именно это противное и поможет благомыслящим сотрудникам собраться в мужественной защите всего священно прекрасного.

Главное — знайте больше. Прислушивайтесь, любите читать и беседовать о действительности. Уж больно много незнания.

2 Января 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Новогодние вести

Несколько заглавий из новогодней газеты: "Расторжение договоров", "Величайшие военные маневры", "Погребение жертв", "Расстрелы", "Бандиты в окрестностях города", "Переговоры в опасности", "Новые беспорядки", "Корабельная забастовка", "Украденные дворцовые сокровища", "Ожесточенное сражение".

Таким порядком вступает в жизнь и этот новый год; мы писали как характеристику его — "Год великих борений. Год огненных стремлений к истине. Год рвения к жизни духовной. Год охранения сокровищ Культуры. Год меча мужества и доспеха светлого". Кому-то эта характеристика, может быть, показалась слишком напряженно суровой. А что скажет он, прочтя только что приведенные заголовки? Можно добавить, что содержание отпечатанных статей не только не сглаживает жестокого смысла заголовка, но даже во многих случаях усиливает его.

Итак, опять нужен великий оптимизм, чтобы усмотреть в проходящих нагромождениях созидательство. Казалось бы, чем больше созидательных знаков, тем и сумма их будет привлекательно-строительнее. Так должно бы быть. Предположим теперь, что каждое из перечисленных заглавий в основе своей стремится к тому или другому строению. Но не странно ли, что складывая все эти части вместе воедино, вы получаете нечто угрожающее в мировом масштабе. А ведь мы привели пример из сравнительно небольшой местной газеты, а что же сейчас освещают огромные газеты, выходящие в десятках страниц? Мы и то еще не упомянули, что чета Линдбергов будет свидетельствовать перед судом по позорнейшему для человечества делу варварского похищения и убийства их ребенка. А ведь одно это сообщение о неизреченном современном варварстве, разве оно не является мрачным знаком одичания?

Тут же, на тех же страницах, звучит и новогодняя молитва, начинающаяся словами: "О, Бог Всевышний, мы молим о любви". Прекрасное и всегда нужное моление о любви — "на земле мир, в человеках благоволение". Может быть, если бы действительно весь мир одновременно на всех наречиях, всеми своими лучшими словами одновременно воззвал о любви и благоволении, то, наверное, какое-то величайшее чудо совершилось бы. Но возможно ли, чтобы весь мир одновременно воззвал о благоволении? Все новейшие способы сообщения, вся та скорость ради скорости должны бы помочь такой возможности единовременного повелительного моления всего мира. Но скорость и стремительность ради стремительности о том ли

мыслить будет?

Сейчас так модно устраивать всякие плебисциты и звать всех высказаться. А что, если бы устроить такой всемирный предварительный плебисцит о благоволении и любви? Кто бы оказался первым откликнувшимся? В каких формулах и с какими ограничительными условиями накоплялись бы эти голоса? Ведь одна такая последовательность оказалась бы несказанно поучительной в исследовании просвещенности мира.

Могли сказаться самые непредусмотренные неожиданности. Кто знает, может быть, наиболее сердечные благожелания пришли бы от совсем неожиданных людей из неожиданных мест. Кто знает, может быть, те, кого считают малоцивилизованными, очень сердечно восприняли бы повелительность этого зова. Может быть, там, где любовь повторяется чисто формально, там и такой плебисцит показал бы истинную сущность.

Один великий художник, сравнительно недавно умерший, любит говорить, что хотя бы раз в жизни человеку все-таки придется показать истинный паспорт. Такой воображаемый плебисцит — не доказал ли бы он также и несколько истинных паспортов? Конечно, не будем сомневаться том, что все опрошенные выразились бы утвердительно; так, когда один мэр города, обсуждая вопрос пьянства, предложил — "кто за пьянство, прошу встать". Конечно, даже самые отъявленные пьяницы продолжали сидеть. Так же и не один человек не выскажется против любви и благоволения, но будут характерные ограничения, будет знаменательная проволочка, пока сосед выскажется, наконец, будут иронические пожимания плечей о несвоевременности и вообще как бы о странности такого вопроса, бесцельно вторгающегося в быт жизни. Действительно, благоволение и любовь часто вторгнутся в такой быт, что даже выразительней будет такая несовместимость. Опять-таки любопытно бы посмотреть, где произойдут случаи наиболее острой такой несовместимости, в городах или среди природы? В скопищах ли людских или в пустыне?

С улыбкою вспоминаю, как некий ученый доктор, когда его спросили о Пакте для сохранения культурных сокровищ, сказал: "Боюсь, что этот Пакт будет препятствовать ведению войны". К сожалению, по обстоятельствам нельзя было усмотреть ту тонкую иронию, которая могла бы быть уместна. Не поможет ли так почитаемая скорость и необыкновенные способы сообщений выяснить многие уместности или прискорбные несовместимости.

Наверное, в наступающем году будут еще быстрее передвигаться, в необыкновенных полетах покрывать новые пространства. Пусть эти полеты способствуют сосредоточению

человеческого сознания на том, чем жив дух человеческий.

"1935 г."

Публикуется впервые

Радуйся

В радости, простоте и в неожиданности звучат многие прозрения. И никак иначе вы не назовете эти искры знания, как прозрение.

Приходит из Тибета лама. По виду совершенно простой путник. Обносился он в далеких горных хождениях, потерял много сил, исхудал и покрылся бронзовым загаром от зноя и холода. Пришел в Гималаи как раз незадолго до нашего отъезда. Спросили его, бывают ли у него видения или какие-либо замечательные сны. Сначала отрицал: "Нет, ничего не бывает; ведь я простой лама" — настоящий лама никогда не будет оповещать о своих особенностях. Попросили его: "Если увидишь что-либо, то скажи". На следующее утро горный гость опять пришел и самым тихим, простым голосом заявил, что он "видел". А затем так же совершенно просто он описал весь наш предстоящий путь, который никто из местных жителей и не мог бы знать.

Конечно, путь был рассказан без названий, описательно. Но эти описания поражали своею точностью и характерностью. И морское путешествие, и пребывание в Париже; затем опять буря на большом море и затем Америка с любопытными признаками страны, где так много движения, огня и высочайших домов. Потом опять море, снег, страна со многими храмами и ручными животными. Затем следовали ясные намеки на Хинганские сопки, на многих людей, и хороших, и дурных. Затем шло описание другой страны с храмами и с большим изображением Будды, а там — страна, где живут в юртах и палатках, где много баранов и коней. Конечно, все эти характерные намеки сопровождались еще многими подробностями, усыпанными и своеобразными сравнениями, и жестами.

Все это повествовалось эпически спокойно и просто. Точно бы путник рассказывал свое собственное хождение. Были сказаны и следствия нашей поездки, которые решительно никому не пришли бы в голову. Во всех таких случаях прозрения прежде всего поражает какая-то особенная простота и непосредственность. Точно бы сидите вы в глубине комнаты, а кто-то подошел к окну и стал рассказывать вам о происходящем на улице.

А разве не в той же поразительной простоте было не так давно сказано одному из наших спутников об его отъезде через восемь месяцев? И затем этот же срок опять был повторен в словах быстро брошенных. Так же точно помню, как однажды при

отходе поезда стоявшая у вагона цыганка вдруг бросила скороговоркой отъезжавшей даме одно правильное и существенное указание.

Не собираюсь перечислять очень многие случаи таких прозрений, бывавшие и на Востоке, и на Западе, свидетелем которых приходилось быть. Об этом много писалось, и каждый знает, что наряду со многими выдумками существует целый мир чудесной действительности.

Сейчас хотелось бы обратить внимание на то, что наиболее истинные проявления всегда бывают сопряжены с необыкновенной простотой, непосредственностью и очень часто со стремительностью. Также часто человек прозревший говорит не тогда, когда его спрашивают, не во время вопроса, а иногда даже и без всякого вопроса. При этом сказанное, даже очень срочное указание будет сообщено и тихо, и быстро, и как бы невнятно. Точно предполагается, что чье-то внимание уже насторожено, что тот, к кому эта весть относится, уже ждет и сумеет принять ее.

Внезапность как бы отвечает настороженности. Люди, между собою ясно согласившиеся, понимают друг друга с полуслова. Так же точно и в пределах прозрений какая-то незримая струна прозвучит и обратит внимание. Благо тем, кто умеет хранить бережную настороженность. Для этого нужна подготовленность. Но истинная готовность образуется не какими-то насильственными сосредоточениями, но именно такою же простотою, которая лежит в основе всех значительных действий и событий.

Часто всем приходится слышать о справедливости первого впечатления и о лукавстве последующих лживых наносов. Несомненно, самое первое впечатление происходит от сердечного чувствознания, и, конечно, все последующие наслоения уже будут затемнены рассудочными условиями. Это так. Но как же отличить границу первого впечатления от последующих?

Очень часто вы можете слышать о том, что человек сетует на неверность якобы первого своего впечатления, а на самом деле он имеет в виду уже вовсе не первое, а, может быть, второе и третье впечатления. Ведь вне времени вспыхивают искры озарения. В живом пространстве беспрерывно сменяются новые сочетания. Только простота чистого сердца безошибочно ухватит знак первый и зов первый. Именно такое сердце ощутит и укол лжи, и холод прикрытой выдумки.

Потому-то так радостно сердцам вмещающим встречаться. Обмениваться как словесной, так и бессловесной беседою и взаимно сочувствовать даже и на расстоянии. И чем проще,

прямее, непосредственнее будут эти замыкания сердечного тока, тем большее взаимопонимание и полезность возникнет. Краткие, чуть слышные касания крыльев истины — они ниспосылаются во благо для истинной пользы. Только лукавые загромождения уводят сомневающихся путников в чащу и бездну.

Когда-то обращения начинались с многозначительного привета: "Радуйся". В этом приказе о радости заключено было и пожелание очищения сердца для лучшего восприятия. Именно в утреннем чистом воздухе, в радостном чистом сердце возможны те великие восприятия, которые поникают в вечернем послезакатном смятении.

Слишком много низко-земного облепляет сердце, отягощает его, одурманивает. Недаром повторяется, что утро вечера мудренее. Разве не будут выражением истинной мудрости высокие, мгновенные озарения истины? И всякое такое озарение приносит мудрую радость; и лучшая радость всегда будет сохранять в себе и качество простоты. От сложных противоречий радость не возникает. Радость в себе самой прежде всего имеет качество непосредственности, прямоты, улыбки всему сущему. Именно радость помогает перешагнуть через препоны вражеские. Радость является одним из лучших условий преодоления вражеских нападений. Уже нечего говорить, что радость всегда будет ближайшим путем к восхищению.

Конечно, древнее приветствие — "радуйся" — даже в тех отрывочных упоминаниях, которые дошли до нас, иногда делалось условным и

утрачивало смысл. Но все-таки приказ о радости может быть полезен даже при горестном извещении. В этом будет как бы заключаться соломонова мудрость, сказавшая: "И это пройдет". Много житейских положений должен был знать тот, кто мог в кратком "и это" понять, как многое наслаивается, проникает и сменяется.

В сменах текущих отражений особенно драгоценны искры озарения, когда их может уловить развлекающееся сознание человеческое. В простоте чувствознания воспринимаются и зовы дальние, точнее и быстрее всех радиоволн. Лама спешит.

— Почему торопишься?

— Учитель зовет; очень болен, надо поспешить.

— А где же твой учитель?

— На Кайласе в пещере.

— Когда же ты получил весть, ведь до Кайласа многие сотни миль?

— Сейчас получил.

Так в простоте произносятся слова знаменательного

характера. В этот миг не то важно, что пришла весть, которая через месяцы подтверждается, но важно лишь то, что нужно спешить. Произошло нечто совершенно обычное, не выходящее за пределы возможности каждого дня, и в простоте произносится зов чувствознания. То же простое чувствознание подскажет и лишний раз произнесет знаменательное "радуйся" — приказ, выводящий из сумерек, — РАДУЙСЯ.

2 Января 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Древние источники

"В чем истина веков. — В законах и приказах или в пословицах и в сказках". Во-первых воля напряжена, а во вторых — чеканка мудрости.

Самая краткая пословица полна звучаний местности и века. А в сказке, как в кладе захороненном, сокрыта вера и стремления народа. Пословица может быть скорбною, но она не будет разрушительной, так же точно не бывает мерзких сказок, как и отвратительных песней. И пословица и сказка к добру. А истоки приказа различны. Сколько приказов выдыхается и скоро испаряется. Но попробуйте искоренить пословицу или легенду. Хоть в подземелье уйдут, а затем снова вынырнут. Сказано:

"Сумей схватить за хвост самого маленького черта, и он укажет, где притаился его наибольший". Эта старая китайская пословица указывает на значение малейших подробностей для открытия главного. Действительно, самая заботливая подробность будет лучшим ключом к подвигу великому. Ошибочно думают, что подробности незначительны для пути восхождения. Даже самые прекрасные героические действия покоились на подробностях, вовремя предусмотренных. Как внимательно замечает все камни следующий за Учителем. Не минует его ничто постороннее. Лишь плохой ученик скажет: "Учитель, я в восхищении разбил себе нос". Такая несоизмеримость лишь покажет, насколько ученик далек от зоркости. Пословица китайская имеет и другое значение: самый большой преступник лучше всего познается по самым малым подробностям поведения.

Замечательно наблюдать тонкость и верность подробностей в пословицах, легендах и сказках. Конечно, иногда в неточном переводе что-то может показаться излишним или тяжеловесным, но стоит обратиться к первоисточнику, как вы увидите, что старинная пословица — "из песни слова не выкинешь" — имеет глубокое значение, и не только не выкинешь, даже и не переставишь. И с этой точки зрения необыкновенно поучительно наблюдать кованность народного языка. Как лучшие зерна отсеиваются повторным провеиванием, так в горниле веков выковывается язык народной мудрости.

Во всех веках и народах всегда будут краткие периоды, в которые будут спесиво отринуты эти накопления. Как клады, временно уйдут они под землю. Как в запрещенных катакомбах, останется лишь шепот молитв. Так где-то и все-таки в полной бережливости сохранятся знаки народной наблюдательности, и

опять их достанут из тайников. Опять с обновленным рвением будут изучать. И опять именно из этих неисчерпаемых источников обновятся основы Культуры.

Какие-то вдумчивые исследователи опять углубятся в познавание и смысла и формы старинных наследий. Будут опять любоваться изысканными подробностями этих форм, таких кованых, таких чеканных, рожденных в долготерпении бывших ритмов жизни.

Именно хочется подчеркнуть, что в этих старинных наследиях и смысл и сама форма построений может доставить одинаковую радость исследователю. Люди поверхностные, может быть, что-то скажут о старообразном языке, но настоящий вскрыватель рун, пытливый ученый, будет любоваться, как замечательно и просто и уместно поставлены определения и в каких сочетаниях выявлено наибольшее ударение, обращающее внимание там, где нужно.

Возьмите любую старинную пословицу и попробуйте начать в ней переставлять слова. Вы увидите, что от таких упражнений потеряется много смысла. Нам приходилось видеть множество переводных искажений. Только в самое последнее время языки начинают изучаться без предубеждений, и потому даже в известных памятниках старины новые переводы открывают новые знаменательные подробности. Даже сами исторические имена претерпели в различных переводах такое многообразие выражений, что подчас даже трудно признать, что речь идет о том же самом лице или месте. Особенно повинны были в этих условиях учебники средних школ. Множество детей в спешном прохождении курса подчас усваивало такие наименования, которые потом в зрелых годах попадались им в совершенно другом выражении, что порождало лишь ненужные осложнения.

Но сейчас во многих отраслях науки мы обращаемся к первоисточникам вполне доброжелательно и пытливо. Вдумчивое изучение поможет опять оценить множество характернейших подробностей и определений.

А что же может быть глубже и полнее, как не наблюдение и за самой мыслью, и за способом построения ее? Недаром люди говорят об искусстве мышления. Именно в мыслительном построении выражается то же общее понятие творчества. Любители искусства для искусства всегда особенно подчеркнут не только, что сказано, но и как сказано. Как сказано, как сделано, как помыслено — все это является источником восхищения каждого наблюдателя; а теперь столько приходится говорить об утрате качества во всей жизни, что именно качество всех построений особенно примечательно.

Все проблемы, требующие спешного разрешения, нуждаются в

высоком качестве выражения. Знаменитое "кое-как" более чем неуместно. Каждый должен понимать всю ответственность за способ своего мышления и действия. Не будем думать, что способ мышления неважен; как во всем творчестве, способ, техника имеют огромное значение. Картина только тогда убедительна, когда вся она построена беспеременно. Когда зритель чувствует, что иначе и быть не могло, что данное ему именно так сложено, как нужно. Для этой убедительности какая нужна наблюдательность всех подробностей.

Какая чудесная школа убедительности заключена в исконном творчестве народов, в анонимном, характерном и всегда живом.

3 Января 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Фан мемориал

Конфуций заповедал своим ученикам — "изучить как можно больше видов птиц, животных, трав и деревьев".

В Пекине недалеко от поэтичного Северного озера, где высится прекрасный белый субурган, на горе, рядом с Пекинской библиотекой, можно видеть новое просторное здание института биологии в память Фана, китайского деятеля, неоднократно занимавшего министерские посты и покровительствовавшего наукам. Фан всегда очень интересовался естественной историей и организовал музей естественной истории в Пекине. Пишут, что он интересовался судьбой этого учреждения даже во время болезни. Потому общество "Чанг-Ши" и "Чайна фундейшен" назвали институт в память этого большого деятеля Китая. Институт существует с 1928 года, и с тех пор в нем произведены очень значительные научные работы. Прежде всего институт посвящал свои занятия китайской флоре и фауне. При образовании института он имел сравнительно небольшой ежегодный бюджет в 30000 мексиканских долларов и помещался вначале в старой резиденции самого Фана. Доктор Пинг был назначен первым директором при одном профессоре, двух ассистентах профессоров, двух ассистентах и одном художнике. Теперь же бюджет его вырос до 66000 местных долларов, кроме директора и профессора в состав института входят 5 ассистентов профессоров, 12 ассистентов, 3 художника и два препаратора.

Институт предполагает через своих членов произвести работу по составлению национального гербария и особенно сосредоточиться на флоре и фауне Хопейской провинции. Кроме этой провинции, ботанические и зоологические собрания поступают из Чехвана, Юнана, Квантунга и других местностей. Гербарий включает уже более 38500 названий, не считая многих необходимых дубликатов. В технологической лаборатории имеется более 3000 дендрологических образцов, из которых 1826 относятся к Китаю. В зоологическом отделе более 105000 номеров. Кроме того, в ботаническом отделе имеется коллекция из более чем 17000 фотографий растений Китая.

Издание института заключается в 4 сериях — бюллетень института, китайские растения, китайская фауна и китайские кустарники. Кроме того, печатается серия популярных справочников на китайском языке. Институт работает в ближайшей кооперации с агрикультурным институтом Кианцзе и с ботаническим садом Кулинга. Этот ботанический сад озабочивается разведением огромного числа китайских растений

экономического значения, чтобы культивировать для употребления большое число знаменитых китайских цветов, которые очень ценятся заграницей, но сравнительно мало культивируются в самом Китае. Этот же сад обращает большое внимание и на древесные насаждения, чтобы и в этом направлении способствовать лесоводству Юго-Восточного Китая. В задачу входит также культура скрещивания китайских цветов — это огромное поле для исследования с большим экономическим значением.

В ближайшую программу института Фана, таким образом, входит: 1) собрать богатейший гербарий Китая, посвященный, главным образом, самым значительным провинциям; 2) произвести полнейшее исследование китайской дендрологии, издавая иллюстрированные книги о лесах Китая; 3) сделать лишанский ботанический сад центром садоводства и лесоводства; 4) поднять технологическую лабораторию как центр дендрологических изучений в Китае; 5) обогатить собрание птиц, рыб и моллюсков; 6) производить исследование биологии морских и пресных вод и способствовать рыбным промыслам.

Институт Фана за свое краткое шестилетнее существование при малом бюджете и малочисленном научном составе, конечно, не может сравниться с такими многолетними учреждениями, как, например, Королевский Ботанический сад в Кью около Лондона или Биологическое бюро в Америке, но приятно видеть, что и за несколько лет своего существования институт Фана представляет из себя уже большое национально обоснованное учреждение со всеми задатками быстрого и мощного развития.

Каждое учреждение, прежде всего, выражает в себе способности и энтузиазм своего руководителя. "Каков пастырь, таково и стадо". В этом смысле институту Фана посчастливилось: директором его состоит Хсен-Су-Ху, выдающийся ученый Китая, который вносит в учреждение свое тот истинный патриотизм, который является верным залогом преуспеяния.

В "Естественно-историческом бюллетене" доктор Хсен-Су-Ху пишет: "Живя в стране, богатой флорою и фауною, мы, китайцы, являемся прирожденными естествоиспытателями; наши праотцы задолго до эры Конфуция уже изучали и применяли к употреблению растения и животных нашей страны. Кроме легендарного мудреца, императора Шен-Нунга, отца китайской фармакопеи, который в своих необыкновенных способностях испытал сотни лекарств, мы находим между тринадцатью классиками доконфуцианского словаря "Эрх-Ия" множество названий растений и животных, записанных и объясненных. Конфуций сам заповедовал своим ученикам — "изучать как

можно больше видов птиц, животных, трав и деревьев". Великий словотолкователь династии Хан-Шу-Шен в своем большом словаре "Свех Вен" включил многие имена растений и животных. Первый травник "Пен-Цзао" относится к Тао-Хун-Чин-Таойской ученой династии Чин. С тех пор много изданий травников были написаны вместе с трактатами о горных пионах, апельсинах, чае, травах и деревьях Южного Китая, включая грибы и мхи. Великий исследователь трав династии Минга Ли-Ши-Цзин пересмотрел старинные травники и составил из них свою знаменитую книгу "Пен-Цзао-Кхунг-Му". Наконец, ученый государственный муж, губернатор Ву-Чин-Чун, живший в ранний период маньчжурской династии, закончил свою большую работу "Чи-Ву-Минг-Ших-Ту-Кого" — первый чисто ботанический трактат, в котором он описал несколько тысяч видов растений, сопровожденных многими тонко исполненными иллюстрациями. Эти иллюстрации были так прекрасно исполнены, что многие из них могут быть вполне употреблены для определения видов и даже в таких технически трудных растениях, как орхидеи. Итак, прилежными трудами наших знаменитых праотцев мы, китайцы, теперь располагаем ботаническими источниками более, нежели какой-либо народ в целом свете…

Прогресс ботанических наук в Китае, имея в основе блестящие достижения наших праотцев, внушает блестящие надежды. Как вы знаете, биологическая наука в современном ее понимании установилась в Китае лишь недавно. Ботанические исследования еще 15 лет тому назад были почти не известны. Но сейчас мы имеем уже 23 университета и высших школ по всему Китаю, как правительственных, так и частных. Каждый из них имеет отдел биологии с сильным персоналом, достаточным бюджетом и с современно поставленными лабораториями. Кроме того, имеется 6 исследовательских институтов, в которых изучение ботаники поставлено вполне хорошо". Затем следует описание задач и достижений упомянутых научных учреждений, в котором вы чувствуете неподдельный оптимизм, основанный на современных патриотических чувствах, проявляющихся в современном Китае. В конце доклада автор сообщает о ботаническом обществе, организованном последним летом. В обществе участвует до 70 испытанных ботаников, известных по своим исследованиям в разных отраслях этой науки. Будет издаваться популярный журнал. В каждом номере журнала предполагается ботанико-садоводственная статья, знакомящая читателей с бесценным сокровищем прекрасных китайских орнаментальных растений, повсюду так ценимых, но, странно сказать, — довольно мало культивируемых самими китайцами.

Деятельность этого общества должна пропагандировать ботанические сведения между любителями этого дела во всей стране.

Рассматривая последний прогресс ботаники в крае, я очень радуюсь усиленным темпам достижений профессоров-ботаников; но до известной степени я недоволен сравнительно малой кооперацией любителей. Мы должны понять, что в Европе прогресс в ботанических и зоологических науках в значительной степени поддержан усилиями любителей.

Китайские ученые знамениты в своих исследованиях по археологии; конечно, они могут достичь и в естественной истории столько же, если их сердца обратятся к ней. Я верю, что прогресс ботанических и зоологических наук будет в этой стране несравненно быстрее, если он будет поддержан не одними профессорами-биологами".

Нужно вполне согласиться с выводами почтенного автора. Именно наука должна приглашать в свои заповедные поля всех любителей. Именно любовь и сердечная заботливость создают те блестящие заповедники, которые двинут по пути Культуры будущие поколения. Вывод истинного ученого показывает, насколько можно радоваться последним устремлениям китайских обществ. Вместо холодного затворничества мы видим в словах его широкий доброжелательный призыв к сотрудничеству. Истинный патриотизм строится на широком сердечном сотрудничестве. Приятно видеть, как древние храмы и прекрасные, тончайшие создания творчества не оторвутся как нечто далекое, но послужат основой нового живого сотрудничества.

3 Января 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Переселения искусства

В конце прошлого века мы устраивали передвижные выставки французского и американского искусства, которые, кроме уже бывших всемирных выставок, были одними из пионеров современного переселения искусства. Великие переселения народов, как в прошлом, так и в настоящем, имеют много аналогий. Сейчас, конечно, одним из первых вестников таких движений является, как и следовало ожидать, искусство. Когда мы писали на гербе наших учреждений о всенародном значении художества, мы также имели в виду и взаимное понимание народов посредством языка искусства.

За последние годы в этом отношении было сделано очень много. Всевозможные институты искусств, общества и лиги, каждая в своих пределах, стараются способствовать обмену искусства и взаимному пониманию посредством лучшего всемирного языка — творчества.

Даже в самые удаленные страны проникают и передвижные выставки, и лекции, и концерты. За период после Великой войны можно наблюдать поразительные мирные завоевания искусством. Имена писателей, художников, артистов и музыкантов, как композиторов, так и исполнителей, так же как и сведения о движении науки, совершили огромный путь. При путешествиях можно с радостью убеждаться, насколько неожиданно широко раскинулись эти мирные вдохновляющие сведения даже в самых неожиданных уголках мира.

Когда-то спесивые политики и вожди государств, вероятно, даже не допускали и мысли, насколько могут быть действенны такие неутомимые вестники Культуры. Наверное, многие из таких политических деятелей искренне были бы удивлены, если бы узнали, какие способствующие мощные факторы неудержимо растут в мире. Действительно, как бы ни старались некоторые двуногие затемнять значение творчества как мирового двигателя — никакие механические мозговые вычисления не опрокинут достоверные данные о росте культурных сношений. При этом не забудем, что эти сношения в большинстве случаев происходят не от правительства, но от общественно-частной инициативы. Таким порядком сами народы участвуют в широчайшем мировом строительстве, упрочивая основы Культуры. Должна быть очень подчеркнута эта общественно-частная инициатива. Она является светлым показателем того, как поверх всяких смущений и недоразумений мировая мудрость в неизреченных мерах строит свои пути достижения.

Во многих отраслях творчества: и в писаниях, и в изобразительных искусствах, и в театре, и в самоновейших фирмах — всюду сейчас замечается любопытнейшее обстоятельство. Переселение искусства происходит не только в распространении или ознакомлении со своим искусством, но и в желании работать в формах соседних искусств. Можно наблюдать, как, например, в театральном деле Восток мечтает о западных формах, а Запад часто вдохновляется именно своеобразностью Востока. В театрах Китая и Японии подчас можно усмотреть какое-то подражание Голливуду. Между тем, сколько попыток в восточной сфере происходит среди парижских и американских выставок. Точно бы сам национализм обоюдно сужается. При этом является большим вопросом, все ли видали удачный китайский или японский Голливуд и постоянно ли убедительны восточные экскурсии, олицетворенные западными руками? Среди множества таких попыток сравнительно немногие вполне убедительны.

Конечно, не будем считать всякие дешево-поверхностные постановки, которые совсем и не заняты вопросами внутренней убедительности и характерности. Даже и во многих лучших случаях, в которых налицо очень почтенные устремления, часто не хватает внутренней убедительности. А ведь это — из самых основных условий во всех видах творчества. Всякая нарочитая подражательность не приводит к желательным результатам. И в этом смысле получается какая-то механизация или технократия в чисто внешних приемах.

Правда, часто вы замечаете, что автор старался ознакомиться с музейно-архивною частью. Наверное, он советовался с какими-то специалистами, но вы сейчас же можете распознать, когда именно автор полюбил сущность своего творения или же в нем преобладали какие-либо другие задания и желания. Заданная вдумчивость все же не создает убедительности, проистекшей из знания, выросшего из любви.

Сами авторы, вероятно, не всегда смогут дать даже себе отчет, когда именно их устремляло специальное задание, приказанное особыми современными условиями, или когда творчество сложилось из неудержимой песни сердца. В этом смысле произойдут также какие-то своеобразные деления цивилизации и Культуры. Иначе говоря, условные современные задания будут как бы в пределах цивилизации, а убедительная песнь сердца, всепобеждающая и незабываемая, уже будет в области Культуры.

Когда в разных странах встречаются такие условно-одолженные формы творчества, чаще всего приходится опасаться

за правильность путей так желанного переселения искусства.

Особенно теперь, когда многие народы сознательно открыли глаза и на свое прошлое и в то же время овладели новейшими достижениями, можно ожидать, что переселение искусства опять найдет правильное русло в берегах истинных звучаний народов. Очарование этих истинно народных звучаний трудно понимаемо в дальних странах, различных и психологически и климатически. Зачем же мы будем допускать какие бы то ни было подделки, когда возможно открытие истинно народных источников? Мы видим, что в Индии, Китае, Японии живет свое тонкое театральное искусство. К чему же ему Голливуд, который по-своему скажет те слова творчества, которые присущи именно ему?

За последнее время повсеместно отметилось необыкновенно замечательное явление. В самых неожиданных странах проявились свои собственные артисты, творцы, исполнители. Мыто этому нисколько не изумляемся, ибо всегда знали, что это так и так и должно быть, но для многих это простое обстоятельство было целым откровением. Такие откровения лишь показывают неосведомленность многих и неоправданную спесивость, что будто бы многое кому-то не должно быть доступно. Такая ограниченность мышления — просто невежественность. Есть много прекрасных обстоятельств, которых люди не хотят допускать. В деле же обмена искусством должна быть особенно приложена вся заботливая изысканность, вся истинная любовь, которая отеплит и даст творчеству убедительность.

Великие путники древности верили в свои переселения. Они не только были гонимы какими-то тяжкими условиями; они двигались в каких-то больших творческих решениях. Конечно, они любили эти передвижения, а лучшие из этих путников с величайшим вниманием впитывали в себя встречные особенности и красоты. Мы убеждаемся в этом по наследию, оставленному ими. Так же и переселение искусства будет широко исполнять свою мировую объединительную задачу. На этих славных путях ТВОРЧЕСТВО останется истинным звучанием народов со всеми их неиссякаемыми ценностями. После великих путников оставались нетронутыми и те живописные горные хребты и безбрежные моря и реки, преодоленные ими. Также останутся неповрежденно убедительными источниками красот народных, переданных творчеством в бережности и глубокой любви.

Пути общения искусства и науки, конечно, будут и удлиняться и расширяться. В истории нашего времени это мирное культурное завоевание будет не только отмечено, но и оценено с

полным вниманием.

Время великих переселений и глубоких взаимопониманий! Пусть будет так.

4 Января 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Движение новой жизни

В прошлом году генерал Чан Кай-Ши, "отец этого движения", обозначил ближайшие основы этой новой жизни. В предисловии к его брошюре проводится некоторая параллель между этим движением и движением оксфордской группы. Конечно, сходство этих двух движений в основе своей очень мало. Движение, возглавленное Чан Кай-Ши, имеет большое приложение к современности не только Китая, но и вообще.

Мы уже упоминали, что в настоящее время происходит любопытное сочетание глубокой древности с самоновейшими утверждениями. Так же точно и в новом движении главы Китая в основу положены древнейшие и благороднейшие старые принципы ЛИ, И, ЛЯНЬ и ШИ, т. е. добрый образ жизни, мужество, честность и добросовестность в действиях.

Очень знаменательно, что в основу новых преобразований и преуспеяний полагаются принципы, завещанные глубокой древностью. Наверное, для многих поверхностно современных людей все эти принципы будут лишь отвлеченностями, странными в устах государственного деятеля. Но нам это обращение к вечно Живой Этике очень близко. Ведь на непоколебимых, вечных основах этических может строиться и настоящее преуспеяние и благосостояние народов. Трезвость, дисциплина, самосознание, понимание обязанности и стремление к строительству построится не на отрицательных формулах, попирающих все бывшее, но именно на утверждении незыблемых начал.

Иероглиф ЛИ напомнит о добром образе жизни, о настоящей дисциплине, взаимоуважении, о тех хороших обычаях семьи, из которых растет здоровая государственность. Иероглиф И указывает на незыблемость чести, геройства, мужества, без которых вообще невозможны человеческие отношения. ЛЯНЬ говорит о честности, утверждает язык сердца; тот, кого справедливое суждение рождается чистотою мысли, и ШИ стоит знаком добросовестного образа действий, иначе говоря, прекрасного искусства мышления, без которого люди неминуемо обратятся к одичалости.

Просто напомнены эти вечные основы бытия. Общечеловечно мышление, которое может понять их полной взаимностью. Никакой отвлеченности нет в построениях жизни с такими призывными напоминаниями.

Чан Кай-Ши напоминает о пяти тысячах лет китайской Культуры и также справедливо указывает, что в силу небрежения

к упомянутым основным устоям современная жизнь отступила далеко от тех возможностей, которые уже были на мире.

"Китай имеет 35 миллионов квадратных ли территории, изобилующих естественными богатствами, при использовании которых эта страна легко могла быть богатейшей среди наций мира. Тем не менее всюду видна бедность и несчастье, и это явление всецело зависит от небрежения к традиционным доблестям Китая, а именно: ЛИ, И, ЛЯНЬ и ШИ…

Китай имеет 400 миллионов населения, которые были хорошо организованы в основах жизни. Но какое зрелище сейчас представляет наш современный народ всему миру? Он дезорганизован, недоволен, боязливо разъединен всякими противоположными извращенными учениями, которые направляют жизнь к чему-то немногим лучшему, нежели жизнь дикарей. И это происходит в силу небрежения к ЛИ, И, ЛЯНЬ и ШИ…

В заключении движения новой жизни — стремиться заменить рациональным способом жизни существующий иррациональный обычай существования. Каким способом это может произойти? Мой совет: это произойдет через ЛИ, И, ЛЯНЬ и ШИ, если они будут основами нашего ежедневного существования. Утверждая возрождение наших основных доблестей, таких как ЛИ, И, ЛЯНЬ и ШИ, получится основа художественного быта для всего нашего народа. Многие полагают, что только какие-то привилегированные люди могут вести художественный образ жизни. Но это ошибочно. Такой образ жизни находится в возможности каждого. Каждый китаец должен иметь достаточный стандарт жизни, который доставит полную возможность художественного существования.

В древние времена Китай имел шесть искусств и наук: служение, музыка, стрельба из лука, верховое искусство, каллиграфия и математика. Эти же шесть предметов в настоящее время сделали западные государства великими и сильными, хотя китайский народ уже в течение многих веков пользовался ими как ведущими началами жизни. Причина, почему сейчас так много подозрительности, зависти и враждебности в китайском обществе, потому что оно забыло эти поучения древних. Не будет надежд на улучшение, пока мы не построим нашу жизнь в согласии ЛИ, И, ЛЯНЬ и ШИ…

Бедность Китая имеет причиною то, что множество народа не может производить ничего своего и живет на других. Должна быть увеличена народная продуктивность. Мы должны развивать наши неисчислимые естественные богатства и избегать всего заброшенного. Каждый должен трудиться для своего собственного

существования. Нет других путей возродить Китай из бедности и удалить источник неурядиц, как привести в исполнение принципы ЛИ, И, ЛЯНЬ и ШИ в нашей каждодневности.

Провозглашая ЛИ, И, ЛЯНЬ и ШИ как основу каждого дня, мы вдохновлены желанием дисциплинировать жизнь нашего народа. Когда народ не умеет сражаться в свою защиту, он не может считаться народом. Мы должны обращаться к суровым мерам, чтобы преодолеть настоящую слабость нашей страны. Китай сейчас подавлен коммунистами-бандитами. Гражданская война еще не изжита в стране. Наша национальная территория уменьшается. Империалисты объединяются с предателями и коммунистами, подавляя наш народ и умаляя нашу страну. Если мы хотим избавить Китай от настоящего кризиса и внести порядок в страну, мы должны создать лишь дисциплинирование всей страны. Прежде всего для этого народ должен быть приучен к порядку, дисциплине, чистоте, простоте и правильному мышлению. Они должны знать повиновение законам, быть сознательными в своем назначении и готовы умереть за свое отечество…

Национальная жизнь установится, когда принципы ЛИ, И, ЛЯНЬ и ШИ будут применены именно в каждом дне всего народа, во всех делах — пищи, строительства, одеяния и производства. Великая революция произойдет, и будет заложена основа новой национальной структуры, когда каждый китаец будет жить в соответствии с принципами новой жизни, которая основана на традиционных доблестях ЛИ, И, ЛЯНЬ и ШИ".

Так было установлено 1 марта прошлого года генералом Чан Кай-Ши в Нанчанге. Призыв главы правительства был услышан по всей стране. Общественные организации, частные учреждения, провинциальные отделы, муниципалитеты и всевозможные управления немедленно решили войти в это движение. Одна из наиболее ранних организаций была образована в Нанкине уже 16 марта. При открытии ее знаменательная речь была произнесена Ван Чин-Вейем, сопровождаемая целым рядом дружественных демонстраций со стороны рабочих, студентов и профессиональных союзов. В своей речи Ван объявил, что движение новой жизни является жизненной искрой возрождения китайского народа, и призывал к искренней поддержке всеми ответственными учреждениями, а также всеми общественными деятелями. Он настаивал, чтобы это движение должно было быть систематично распространяемо и организовываемо; и это было всеми принято к немедленному исполнению.

Если бы принципы Живой Этики применились к жизни во многих частях света, то движение новой жизни совершенно

естественно обновило бы искание наших дней. В конце концов, как бы ни называть эти искания, но они все-таки сведутся к подходам к тем же постоянным ценностям. Как бы люди ни пытались переоценивать незыблемое, оно заявит о себе повелительно и неуклонно.

Говорят, переоценки проходят трижды в течение века. Так полагают. Вероятно, под этими сроками подразумевалась смена поколений. Вне всяких особых причин такое распределение житейских волн довольно верно. Поучительно в истории Этики и Культуры следить, как под разными именами, в разных скрытых и явных подходах, говорится все о том же Незыблемом, Вечном.

"Знай, что то, которым проникнуто все сущее, неразрушимо, — никто не может привести к уничтожению то Единое, Незыблемое". Будем ли говорить словами того или иного века, применим ли выражение мудрости того или иного народа, речь будет все о том же, которое "Вечно, Неразрушимо и Необъятно".

"Оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и неудаче, совершай деяния в слиянии с Божественным". Все на том же достопамятном поле, на Курукшетра[60].

6 Января 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Друзья сокровищ культуры

Сейчас выходит следующий том материалов Пакта о сохранении сокровищ Культуры, посвященный трудам Третьей Международной конференции Пакта, бывшей в Вашингтоне 17 ноября 1933 года. И постановления, и речи, произнесенные в связи с этой конференцией, представляют из себя ценную страницу истории Культуры. Каждый наблюдатель, естественно, обращает внимание на то, что 34, а с примкнувшими 36 стран, действовали вполне согласно. Единогласное постановление делегатов вызвало несколько воодушевленных замечаний, ибо люди уже отвыкают от возможности единогласных постановлений. Речь покровителя конференции Генри Уоллеса очертила основы и значение Пакта. Так же точно речи и приветствия многих других делегатов обогатили понимание значения Культуры и ее сокровищ.

За 14 месяцев со времени конференции многое пришло и ушло в области Пакта. Уже нет высоких доброжелателей-королей Альберта и Александра. Нет митрополита Платона, кардинала Бурна, архиепископа Иоанна и о. Г. Спасского. Уже не с нами доктор Лукин, нет Пуанкаре и Ф.Вертело. Ушел маршал Лиоте и атаман Богаевский, совсем недавно не стало проф. Кашьяпа, а теперь получена весть, что в Амстердаме скончался Адачи, председатель Гаагского Верховного суда и покровитель нашего союза в Бельгии.

Адачи так же, как и члены Гаагского трибунала — Лодер, Альтамира, Бустаменте, был деятельным другом Пакта. Как и подобает юристу, Адачи, прежде чем принять избрание от лица членов Пакта, основательно ознакомился со всеми обстоятельствами. Помню, как в письме своем ко мне он извиняется за запоздание ответа по причине списывания со многими странами о положении Пакта. Тем ценнее было его так обоснованное доброжелательство.

Если прошлый год унес столько высоких друзей, то он же дал и многих сочувствующих Пакту. Не забудем, что за этот промежуток состоялась Пан-Американская конференция в Монтевидео, на которой наш Пакт получил опять единогласное постановление признания. Сейчас в эволюции Пакта происходит самое интересное накопление. Уже состоялось несколько ратификаций Пакта, которые будут официально оформлены в ближайшем апреле в день Пан-Американского праздника.

Помню, как во время нашего прошлого приезда в Вашингтон друг Пакта Гиль Боргес указал на одно пустое место среди ряда

знамен американских республик и сказал: "Вот где должно быть знамя Пакта". Можно лишь пожелать, чтобы все друзья сокровищ Культуры выражались так убежденно, как неоднократно говорил и писал Гиль Боргес. В то же время во Фландрии в старом городе Брюгге происходило назначение особого дома как музея, связанного с Пактом. Кардинал — примат Бельгии и все губернаторы бельгийских провинций, а также несколько лидеров Бельгийского правительства вошли в комитет Пакта. Г. Леймари в целом ряде прекрасных лекций на севере Франции вдохновил многочисленные аудитории. В последней почте я был рад узнать, как восхищенно сказал речь о Пакте наш испытанный друг-поэт Марк Шено в Париже. Интерес к Пакту со стороны президента Рузвельта, образование нескольких новых комитетов Пакта, — все это показывает, насколько друзья сокровищ Культуры, физически разделенные морями и горами, мыслят объединенно и понимают неотложность преуспеяния Знамени — охранителя истинных сокровищ.

Если возьмем списки друзей во всех странах мира, то несомненно бросится в глаза одно знаменательное обстоятельство. Поистине, язык Культуры един. И душевные качества друзей Культуры также очень близки в возможном единении. Представим себе собрание всех деятельных друзей сокровищ Культуры. Они могут обогащать друг друга. Они могут жертвенно приносить свои познания. Они могут дружелюбно беседовать и в конце концов согласиться единогласно.

По нынешним временам такая возможность единогласия является чем-то незабываемым. Во времена уродливых смущений, мертвящих отрицаний, около чего-то возможно единение, при этом вне рас, классов и возрастов.

Друзья мои, ведь над этим обстоятельством можно помыслить в чрезвычайной радости. Ведь это не отвлеченное предположение, но уже человечески осязаемое решение. Если возможно такое объединительное мировое соглашение, то ведь также возможно и проведение и других общечеловеческих принципов любви и строения. Никакой дом в раздоре не строится и никакая песня в больных судорогах не складывается. Но если мы будем знать, что лучшие люди героически и жертвенно согласились защитить священное, мудрое и прекрасное, то через такие врата согласия войдут и многие другие знаменательные шествия.

Каждое накопление в сокровищах Культуры будет истинно благим знаком нашего века. Это будет не блуждание, готовое к предательству. Это не будут случайные часы или дни Культуры, это будет вообще время, эра Культуры. В стремлении к этой эре

соберем наши лучшие мысли, лучшие слова, лучшие жертвы и лучшее дружелюбие.

7 Января 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Теснины

Некий писатель рассказывал, как трудно ему было закончить одну свою книгу, в которой он не желал кого-либо обидеть. Так как книга касалась общечеловеческих вопросов, то, естественно, автору хотелось возбудить внимание без враждебности и ненужных обид. Вот из этих самых добрых желаний и возникли необычайные теснины. Писатель попал в такие непроходимые ущелья, что должен был страница за страницей отсекать ценный накопленный материал.

Сперва писатель проверил свои соображения расово — пришлось очень многое вычеркнуть. Затем произошла проверка классовая. И она унесла много страниц. После того пришлось пересмотреть и в отношении профессий. И здесь понадобилось изъять кое-что существенное. Затем остаток писаний был проверен с точки зрения возрастов, религий, обычаев, и опять целые части книги были отложены. Наконец, пришлось вспомнить и об условиях образования, о школьных вопросах, общественных организациях, о спорте, об отношении к искусствам, ко всему, что понимается под словом Культура. Пришлось изъять из остатков книги почти все, что могло бы вообще вызвать к ней интерес.

Тогда огорченный автор попробовал прочесть сам себе оставшийся отшлифованный голыш и ужаснулся, не допуская мысль, что он мог написать подобную плоскую пошлость. Затем злополучный автор начал думать, кому же он угодил, лишив свой труд даже примитивного значения и интереса. Тогда началась любопытная обратная перестановка. Автор начал мысленно призывать читателями оставшихся осколков книги всевозможных профессионалов и, с обратной точки зрения, не нашел нигде будущего сочувствующего читателя. Наконец, вспомнив, что обломки книги должны представлять нечто бесспорно благонамеренное, автор представил себе свою книгу в руках полицейского. Но и тут был глубоко разочарован, поняв, что и в этом случае он не представил из своего благонамеренного труда, никакого интереса.

Итак, в обратном порядке автор начал постепенно включать все, что могло бы возбудить внимание разнообразных читателей, и книга его опять выросла почти до первоначальных пределов.

Таким образом, те самые теснины, которые только что казались ужасными и непроходными, вдруг обратились в ту широкую площадь, на которой сошлись люди разных возрастов, всех народов и положений. Наконец, автор отправился к своему житейски умудренному приятелю с трагическим вопросом, как же

поступить ему, чтобы возбудить человеческое сознание и заставить помыслить. Приятель его от души смеялся над такой дилеммой и сказал:

"Хотел бы я видеть хотя бы Ману или любого Законодателя, если бы Он хотя на минуту остановился бы, чтобы не обидеть кого-то. Во-первых, ему пришлось бы не огорчить всех разнообразных преступников. Заветы Его превратились бы в какое-то воровское наставление, а чтобы и порадовать кого-то, Он должен был бы прослоить свои наставления плоскими анекдотами. Если же хочешь действительно затронуть человеческое сознание, то помни, что предлагать нечто и без того там взросшее было бы не только нелепо, но даже безнравственно. А если бы, по несчастью, книга твоя вызвала бы лишь всякие похвалы, это было бы для тебя убийственным знаком".

Сколько призрачных теснин настроено. Иногда миражи бывают настолько четки, что даже трудно установить начало их образования. Вообще всякое зарождение совершенно недоступно человеческим земным законам. В конце концов, и истинный момент умирания так же точно вне возможности установления. Можно в земных мерах лишь предполагать о сроках зарождений и отмираний. В таких условиях особенно замечательны решения от противного. Так называемая тактика Адверза особенно часто помогает в неразрешимых проблемах.

Если бы наш писатель не начал мысленно, чтобы угодить всяким условиям, отсекать от своего труда самые нужные части и если бы не сделал это в полной силе, то он и не пришел бы к очевидности о нецелесообразности своих действий. Если бы писатель подумал частично, как ему угодить только определенному лицу, то он не пришел бы к очевидности во всей ее поразительной доказательности. Но он хотел улыбнуться решительно всем, и потому вместо улыбки получилась кислейшая и пошлейшая гримаса. В своей прокислой угодливости писатель достиг как раз обратного результата. Даже полицейский на углу улицы, и тот бы обиделся, уже по-своему. Когда же писатель вообразил себе все существующие или миражные теснины, то он понял, что этим ущельем уже не пройти, и оно приведет только к гибели. Он полностью дошел до решения от противного. И это полное решение показало ему всю нецелесообразность его опасений.

Итак, когда теснин слишком много и все стены ущелий уже сближаются настолько, что через них можно переходить, то вместо тесности неожиданно получается широчайшее нагорье, и то самое, что, казалось, мешало, послужило лишь ступенями к широким просторам.

8 Января 1935 г.
Пекин
"Врата в Будущее"

Чуткость

Говорится, что вода, уже отработавшая на мельнице, будто бы производит впечатление меньшей силы, нежели вливающаяся на колесо. Точно бы предполагается, что, кроме грубо физических условий, какая-то энергия словно бы утекла в напряжении. Конечно, это иллюзия; точно так же, как говорят, что новая непрочитанная книга потенциальнее многими прочтенной. Точно бы многие глаза могли отнять от страниц какой-то потенциал.

Но в то же время все справедливо говорят о намоленных предметах, о вещах, овеянных и тем усиленных мыслями. Как будто выходит, что если вещи можно нечто придать посредством мысли, нечто наслоить на предмет, то как будто бы можно предположить, что таким же порядком, посредством энергии можно и обеднить предмет, отнять у него кое-что.

Приходилось слышать, как кто-то, раскрывая возвращенную книгу, говорил: "Даже в руки взять неприятно; должно быть, какой-то негодяй читал ее". Может быть, это говорила лишь подозрительность, а может быть, и впрямь почувствовалось влияние какой-то энергии.

Так часто и какая-то несказуемая враждебность, а подчас и неизреченное доброжелательство чувствуется в самом пространстве. Опять-таки какие-то чуткие люди скажут: "Как тяжко в этом жилье" или, наоборот, — "как легко здесь дышится". Если простые фотографии подчас дают такие неожиданные показания, если химический анализ пространства тоже готов приоткрыть многое, то что же удивляться, если тончайший аппарат человеческий может вполне почувствовать присутствие тех или иных энергий.

Иногда струнный инструмент как бы самозвучит от воздействий, человеческому глазу не доступных. Иногда фарфоровая ваза сама разбивается от вибраций, почти не слышимых человеческому уху. Песок дает самые затейливые рисунки от сотрясений, внешне почти неуловимых. Также и присутствие многих воздействий не выскажется словами, но почувствуется внутренним человеческим аппаратом.

Это не будут суеверия и наносные подозрения. Это будут именно чувствознания. Никакими словесными объяснениями вы не убедите человека, который ясно почуял эти прикосновения энергии. Все равно как вы ничем не убедите человека в том, что он не видел чего-то, если он это твердо и внимательно воспринял своим глазом.

Иногда считают какою-то даже стыдною слабостью

признаться в этих определенных чувствованиях, а в то же время спокойно говорят, что пища показалась слишком соленой или горькой, тогда как сотрапезник вовсе не нашел это. Для одного эта степень была не обращающей на себя внимание, а другой ее вполне почувствовал. Если бы только люди также естественно и безбоязненно обращали внимание и сообщали близким о своих чувствознаниях, насколько бы больше новых ценных наблюдений обогатило бы земную жизнь и внесло бы большое рвение к преображению чувствований в познании.

Невозможно откладывать способы познания в какие-то преднамеренные рамки. Поистине, вестник приходит неожиданно. Недаром во всех Учениях эта неожиданность прозрения так определенно указана. При этом люди непременно хотят, чтобы вестник появился в назначенный ими час, через определенную дверь принес бы ожидаемые ими новости и, вероятно, сказал бы им на том языке и в тех выражениях, которые предположены самими ждущими.

Каждое изменение в такой самопредуказанной программе внесло бы уже или смущение или, может быть, послужило бы к отрицанию. Как это могло случиться, как это я ожидал?! Опять это несчастное ограниченное я, которое желает узкосамонадеянно повелевать в пределах зримого и слышимого мира. А вдруг самое напыщенное окажется совершеннейшим ничтожеством перед малейшим проявлением тонкого порядка? Можно ли ограничивать то, что не уложится ни в какие сказуемые границы.

Сколько вестников вообще не могло войти, ибо, подойдя к дверям, они уже знали, что не их ждут. Повторяя про себя самую Богоданную вдохновляющую весть, вестник уже знал, что ее не захотят принять именно на этом языке. Сколько уже сложенного и близкого остановлено спесивой ограниченностью. Но если попробуете отложить пределы этой ограниченности в каком угодно измерении, то никаких размеров ее не найдете, до такой степени она совершенно ничтожна.

Таким порядком среди замечательнейших прозрений и озарений вторгаются, как серая пыль, бесчисленные осколки невежества. Пусть каждая пылинка почти невесома, но слой их может затемнить самые изысканные цветы. Общая работа, общая забота должна быть, чтобы в хозяйстве было как можно меньше пыли.

9 Января 1935 г.

Пекин

Н. К. Рерих. "Обитель Света". М., МЦР, 1992

Достоинство

Даже в низших школах учащиеся уже слышат о многих династиях, в десятках сменявшихся в разных странах. Эпически спокойно упоминаются эти коренные смены, точно бы это было свивание новых спокойных гнезд. Никто не говорит о том, что одинаково можно было бы сказать: или десятки смен династий, или десятки трагедий.

Много ли можно припомнить совершенно мирных смен правления? Почти каждое из них сопровождается потрясениями или убийствами и всякими ужасами. Именно настоящая трагедия лежала в основе каждой такой смены. Ведь не только она касалась главы правительства: вместе с главным управлением обычно сменялись и целые классы, сменялась психология народа, сменялась цель устремлений.

Болезненно наслаивались новые ритмы. Крик и ужас сопровождали их, а теперь в смене веков в школах спокойно говорится о смене династий. Не только ученики, но и профессора сами подчас забывают, что скрывается под этою эпикою. Когда говорится о войнах, о морах, о всяких других катастрофах, то естественно, трагическая сторона запечатлевается в самом выражении, в самих словах. Но смена династий звучит очень мелко и спокойно. Смена условий жизни тоже, в представлении народа, звучит спокойно, а между тем под этими эпически ясными словами скрыта целая буря, часто многолетняя, со многими ужасами разрушений.

Потому-то среди даже начальных школьных курсов следует усвоить более точную и выразительную номенклатуру. Выразительные определения давних исторических событий укрепят сознание молодежи. С одной стороны, они посеют зерна энтузиазма и геройства, а с другой стороны, охранят от отчаяния.

"Всякое отчаяние есть предел, сердце есть беспредельность". "Красота заключена в каждом участии в построении. Это истинная область сердца. Желанное очищение жизни дает торжественность, как свет неугасимый". "Где же то чувство, где же та субстанция, которой наполним Чашу Великого Служения? Соберем это чувство от лучших сокровищ. Найдем части его в религиозном экстазе, когда сердце трепещет о Высшем Свете. Найдем части в ощущении сердечной любви, когда слеза самоотвержения сияет. Найдем среди подвига героя, когда мощь умножается во имя человечества. Найдем в терпении садовода, когда он размышляет о тайне зерна. Найдем в мужестве, пронзающем тьму. Найдем в улыбке ребенка, когда он тянется к лучу Солнца. Найдем среди

всех уносящих полетов в Беспредельность. Чувство Великого Служения беспредельно, оно должно наполнить сердце, навсегда неисчерпаемое. Священный трепет не станет похлебкою обихода. Самые лучшие Учения превращались в бездушную шелуху, когда трепет покидал их. Так, среди битвы мыслите о Чаше Служения и принесите клятву, что трепет священный не оставит вас".

Древние заветы о священном трепете должны быть поняты в большом сознании. Именно теплота и жар этого трепета охраняют сердце от холода, от того самого страшного мертвенного холода, который прекращает всякое общение.

Сколько можно наблюдать совершенно мертвых двуногих, мертвецов бродячих, которые одним своим приближением уже опоганивают и оскверняют даже такие места, где уже слышалось и ценное, и возможно прекрасное. Именно не отвлеченный приказ, но терпеливо вложенное новое понимание может остеречь заболевающих страшною эпидемией разложения. Действительно, ужасно зрелище разлагающегося тела. Но ведь и во время жизни такое разложение бывает. Если чисто физические меры могут предотвращать такое состояние, то сколько духовных воздействий могут быть как лучшая профилактика.

Духовные лечения помогут не только предотвратить и телесные осложнения, они не только остановят разложение духа, но в действительности своей они дадут иссушенному духу здоровое поступательное движение. Ведь дух как тончайшая субстанция так близок к пространственным вибрациям, так близок к движению.

Если подсказать вовремя начинающему деятелю жизни, какие сложности, как прекрасные, так и ужасные, заключены в краткие формулы эпики, то такая трансмутация навсегда укрепит направление этого путника. Если он поймет всю трагедию причиненных боли и скорби, то он в своих действиях найдет более достойные, можно сказать, более культурные пути выполнения. Само чередование оборотов спирали эволюции будет строиться с большим сохранением достоинства человеческого. В сердце своем человек ощутит и горечь трагедий, и высокий восторг служения и героизма.

10 Января 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

"O quanta allegria!" [61]

"…Где же огромный древний Рим? И потом уже узнает его, когда мало-помалу из тесных переулков начинает выдвигаться древний Рим, где темной аркой, где мраморным карнизом, вделанным в стену, где порфировой потемневшей колонной, где фронтоном посреди вонючего рыбного рынка, где целым портиком перед нестаринной церковью и, наконец, далеко, там, где оканчивается вовсе живущий город, громадно вздымается он среди тысячелетних плющей, алоэ и открытых равнин необъятным Колизеем[62], триумфальными арками, останками необозримых цезарских дворцов, императорскими банями, храмами, гробницами, разнесенными по полям; и уже не видит иноземец нынешних тесных его улиц и переулков, весь объятый древним миром; в памяти его восстают колоссальные образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо!"

Так говорится в одном классическом описании Рима. И правильно, когда старый итальянец, вспоминая о былой жизни, восклицает: "O quanta allegria!". Сколько подобных восклицаний о колорите, о характерности, о торжественности разных былых проявлений справедливо может быть услышано и сейчас. Доброжелательные и пытливые посетители найдут всегда затемненный для многих ритм древности во всем его многообразии. И опять мы увидим, что темные страницы покроются добрыми воспоминаниями.

Какое замечательное качество человеческой памяти и сознания, что в конце концов в нас будут все-таки преобладать добрые соображения. Действительно, получается, что зло конечно, а благо бесконечно. Мы можем обратиться ко всевозможным историческим примерам и проверить их отражение в человеческой памяти. Даже самое грозное обращается в торжественное. Даже самое свирепое облекается терпеливым вниманием. Точно бы и в несовершенствах было какое-то зерно, которое по-своему положительно окрашивало многое.

Начали мы с упоминания Рима. Сколько увлекательных положительных черт отмечено в последующих строках описания, которое кончается на аккорде большой красоты. Какой-нибудь иной автор, более ограниченный, наверное, нарушил бы свое описание ненужными и темно-вредными подробностями. Но художник следует лишь за основною правдою. Все отрицательно наносное является ненужным в его широкой характеристике. Может быть, кто-то скажет, что такая характеристика не

объективна. И, вероятно, этот критик нагромоздил бы столько соображений, что все выразительное и нужное покрылось бы пылью всяких умалений и сглаживаний.

Для выражения истинной торжественности композитор очень осмотрительно выбирает сочетания. Ничто мелкодребезжащее не умалит его мощных решений, и эта целостность сохранит ту убедительность, которая даст радость многим векам.

"Когда возникло голубое небо и под ним внизу темная земля, между ними явились люди". Так гласит надпись VIII века на камне у реки Орхона.

В краткости такого иероглифа чувствуется, что целинные ковыльные степи еще не распаханы. Не нарушена девственная тайга. Недра земли не затронуты. В этих целинных просторах во всей полноте широкого воображения великий монгольский Курултай[63] в 1206 году провозгласил Чингис-хана императором вселенной.

Это было возможно. Это было естественно, как полет степного орла. Также были естественны грамоты пресвитера Иоанна к императорам, властителям Европы. Ведь эти грамоты и посейчас хранятся в архивах и вновь прилежно изучаются пытливыми учеными. Звучит сказкою, и в то же время сердце звенит о были. Разным лицам приписывали легендарного пресвитера Иоанна и описание его сказочной страны. Вот-вот, как будто уже только легенда, а на полке архива хранится грамота, хранятся известия о каких-то посольствах, где-то запечатлена прекрасная страница были.

В конце концов, вероятно, никогда и не узнается лик пресвитера Иоанна, водителя великой страны, ведущего переговоры с государями мира. Не все ли равно, так или иначе будет кем-то решаема эта историческая проблема. Остается неизменным, что нечто прекрасное занимало множество умов. И сама неуловимость влекла за собою возможность новых построений.

Обратите внимание, что в то время, когда и саги о Гесэр-хане, и путь в Шамбалу[64], и царство пресвитера Иоанна оставались в пределах легенд, в то же самое время некоторые вдумчивые ученые внимательно прислушивались к этим необъятным зовам древности. И опять кто-то, восхищаясь ими, восклицал: "Какая радость! Какая живость! Какая необъятность!"

Так старая ведунья говорит молодежи о древних целебных составах. Серебристый смех и шутки прерывают ее уверенный сказ. Но опыт веков подсказывает лекарке спокойствие: "Смейтесь, смейтесь, а вот спросите всех тех, кому помогли мои травки". Уже с юных лет Святой Пантелеймон оставляет за собою

признание целителя, над полезными добрыми цветами и травами нагибается врач Аюр-Веды[65]. Каждая травинка степная полна старинных преданий. В сказке ли? Где же там сказки, когда все — на пользу.

Также и прекрасные голоса древности строят великую быль, и какой-то мужественный Галахад, не убоявшийся огненности, складывает искры огня в узор вечности. Искателя не страшит, что вместо царственных городов расстилается перед ним лишь бугроватое поле. Ведь в каждом бугре может быть ларец с какою-нибудь грамотой пресвитера Иоанна или с кольцом Чингис-хана. Когда уже, казалось бы, все прочтено в мире, тогда из недр земли открываются целые, новые, еще не прочитанные алфавиты. От Хараппы Индии внимание ученого в тщетных поисках устремляется до островов Пасхи, и такие необычные решения начинают соответствовать еще не прочтенным загадкам.

Жизнь во всей ее перегруженной отягченной современности опять вырастает к упрощенному иероглифу, если воображение живо. О, какая живость! О, какая легкость мышления, когда оно преисполнено в поисках Истины!

В том же великом Риме каменная голова — статуя Истины кусала руки лжецов. Истина не выносит лжи. Сердце знает, где ложь. Сердце есть врата Истины.

11 Января 1935 г.

Пекин

Н. К. Рерих. "Восток-Запад". М., МЦР, 1994

Следы мысли

Шанхайская газета сообщает:

"Снимок человеческой мысли.

Опыты Кембриджских профессоров"

"Двум профессорам Кембриджского университета удалось произвести кинематографический снимок человеческой мысли. Это профессор физиологии Адриан, один из видных членов Королевского ученого общества, и проф. Метиус. Адриан, посвятивший свою жизнь изучению тайн нервной системы, в 1932 г. получил премию Нобеля, а всего несколько дней назад был награжден золотой медалью Королевского ученого общества".

"Когда человек сидит спокойно в кресле с закрытыми глазами и мысль его не занята ничем серьезным, тогда его мозговое вещество производит регулярные электрические разряды со скоростью приблизительно десяти разрядов в секунду. При помощи весьма сложных и хитроумных аппаратов и фотоэлектрической камеры проф. Адриану удалось зарегистрировать на кинематографической пленке эти разряды. Он же обнаружил, что лишь только его пациент откроет глаза и начнет сосредоточивать на чем-либо свое внимание, как частота электрических разрядов значительно возрастает и обычно достигает 2.000 в секунду".

"Ритмические импульсы продолжаются и во время глубокого сна, а равным образом, когда человек (или животное) находится под наркозом. Профессор экспериментальным путем установил тождество колебаний у разных лиц при виде одного и того же предмета или явления. Разные мысли, возникающие в зависимости от зрительных нервов, дают разные изображения на пленке".

"Свои опыты проф. Адриан главным образом сосредоточил на той области человеческого мозга, которая ведает зрением. Он установил, что эта область поразительно мала. Да и вообще проф. Адриану удалось при помощи его аппаратов доказать, что большая часть человеческого мозга совершенно не участвует ни в каком умственном процессе".

"Свои опыты проф. Адриан довел уже до такой степени совершенства, что он легко теперь превращает фотографический снимок мысли в звуковой и может передавать его во всеуслышание по радио. Во время публичной демонстрации аудитория слышала самые различные звуки в зависимости от того, что появилось перед глазами пациента, сидевшего на эстраде и открывавшего глаза лишь по указаниям профессора".

Итак, нечто вполне естественное и, может быть, давно известное запечатлевается уже и грубыми механическими аппаратами. Задолго до этих механических начертаний замечательный ученый Индии Сэр Чжагадис Боше в таких же путях исследования запечатлел пульс растений, выявил даже для случайного глаза, как реагируют растения на боль, на свет, как отмечается в пульсе его появление даже малейшего удаленного облачка. В полной графичности на стене отмечалась вся судорога смерти растения, отравленного или пронзенного. Тут же отмечалось и воздействие человеческой энергии на жизнь тех самых растений, которые еще недавно даже в глазах цивилизованных людей были лишь низшими мертвыми отростками.

В движении иглы, отмечающей пульс растения, можно наблюдать и воздействие человеческой энергии мысли. Мысль добрая, мысль сочувствия могла ограждать растение от действия яда. Так же точно мысль злобная усилит смертельное воздействие. Если бы поскорей, как можно скорей даже в непросвещенных массах человечества зародилось сознание о значении и мощи мысли! Смешно и унизительно подвергать высокие наблюдения над мыслью действию грубых механических аппаратов. Но для сознания грубого нужны такие же меры воздействия. Одно осознание значения мысли уже значительно преобразит земное существование.

В области телевизии чисто внешне механически происходят крупные усовершенствования. Только что было сообщено, что даже в течение наступившего года эта передача зримости на расстоянии получит новые возможности. Вполне вероятно, ибо раз произошло вступление в этом направлении, то следствия несомненно будут накопляться в кратчайшие сроки. Постепенно и на телевизии будет наблюдено отражение качества мысли, если это касалось человеческих изображений.

Даже некоторые наблюдательные фотографы отмечают, что разница в снимках зависит не только от чисто внешних условий, но и от каких-то внутренних состояний объекта. И в этом случае мы так же точно подходим к рассуждению об отражении мысли.

Рассуждения о гипнотизме и внушении, т. е. о тренированных способах воздействия, уже становятся общим местом. Но ограниченное сознание все-таки слабо допускает, что не только в тренированных мысленных воздействиях, но решительно во всем более или менее ясном мышлении происходят мощные воздействия на окружающее.

Это соображение еще раз напомнит и об идее ответственности, о которой мы имели и в недавнем прошлом

несколько напоминаний. Какая величавая красота заключается в идее ответственности и служения! И нет такой точки в мире, где бы человек не подлежал этим двум высоким назначениям.

Когда мы вызываем из пространства слова и звуки, разве не идут с ними и все сопровождающие свойства энергии мысли? На огромнейших расстояниях ясно звучит человеческий голос, посланный мыслью.

Несомненно, через все эти огромные пространства вместе со внешним звуком протягиваются и внутренние струны мощнейшей энергии. Кто-то их почувствует очень ясно, кто-то, даже и чувствуя их, будет пытаться отрицать. В таком отрицании опять же будет значительный элемент и страха. Ведь боязливое сознание содрогается от одного намека, что оно окружено какими-то энергиями, воздействиями. Именно то, что, казалось бы, должно окрылять людей, то самое повергает слабовольных в ужас. Именно в ужас, который является следствием чего-то неопределенного, хаотического. Но ужасом не спастись от хаоса. Ужас и есть врата к нему.

Прекрасно, облекшись во все мужество, признать величие мысли и всех приводимых ею в действие энергий. Хотя бы мерами механическими, все же пусть спешно подходят люди к мыслям о мысли во всем ее мощном значении. И вместо хаотического ужаса многие, казалось бы, такие сложные проблемы жизни просветлятся от одного осознания всех возможностей мысли. Недаром говорится: "Совершай не только телом, но и мыслью".

Разве не увлекательно: "Мысль в Беспредельности?!"

12 Января 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Пьяные вандалы

Вот так известие! Такого и не запомним. Одно заглавие чего стоит: "Пьяные вандалы в городе Будапеште разрушили старинную церковь". "Будапешт. Январь, 10. Возмутительное преступление, окончившееся сожжением древней церкви и убийством священника, имело место прошлой ночью после крестьянской попойки близ Будапешта. Перепившись, пьяницы начали биться об заклад, какое самое сенсационное преступление они могли бы совершить вблизи города. Кто-то предложил сжечь церковь, после чего все бросились к месту и начали поджигать.

Священник старался увещевать их не делать этого, но отчаянные отбросили его в сторону с такой силой, что он упал и разбил череп. Среди истерических воплей озверелые безобразники затем подожгли церковь и убежали. Все усилия местной пожарной бригады потушить огонь были безуспешны, и через час реликвия большого исторического интереса была превращена в пепел".

После такого ужаса в нашей современности попробуйте сказать, что время геростратов прошло и человеческое сознание вышло из звериного состояния. При этом обратите внимание, что безумное зверство обращается именно против церкви. Точно так же, как из всех картин Лувра варвар обрекает на изуродование именно картину высокого духовного настроения "Анжелюс" Милле. Конечно, могут быть объяснения, что всякое озверение, темное одержание, всякая преступность прежде всего восстают против истинно духовных устремлений. Но ведь такое объяснение нисколько не оправдывает всего ужаса подобных преступлений против всего самого высокого.

Когда вы в повторности читаете такие ужасные известия, то пусть попробует кто-нибудь уверять вас, что Пакт для охраны Культурных сокровищ человечества не нужен или не своевременен. При этом не забудем, что лишь некоторые подобные вандализмы обнаруживаются, а сколько их остается неоповещенными и тонут в бездне невежественной тьмы. Только что нам пришлось слышать, как в Шанхае были найдены изуродованными старинные иконы. Опять-таки кто-то темный не только отвергал их, но и затрачивал энергию свою на кощунственное изуродование. Если бы эти иконы были ему просто не нужны, то темный двуногий просто постарался бы продать их или отдать, но конечно, он и не пытался от них избавиться; его извращенность, его одержимость требовала деятельного кощунства. Он скорее бы потратил последние свои

средства на приобретение инструмента для варварского изуродования, нежели просто отдал бы предметы за их, для него, ненадобностью. Тут нет вопроса о ненадобности, мы видим здесь воинствующую одичалость.

Разве не нужно в большой поспешности напомнить об устоях Культуры? Разве не нужно торопиться широко утвердить импульс для уважения духовных ценностей человечества, для уважения к тому, чем люди могут совершенствоваться?

Если с одной стороны мы видим такую поспешность в разрушениях и обезображиваниях, то можно ли спокойно откладывать решения, которые помогут охранить все самое высокое. Ведь нет же таких самонадеянных безумцев, которые дерзнули бы сказать, что все благополучно около памятника Культуры. Темные силы, которые во многих случаях, даже при своей малочисленности оказываются очень организованными, открыто вопят о разрушении всех храмов, о ненужности музеев, об искоренении всех Рафаэлей. Когда сочиняются гимны о сладости ненависти, то разве замолкнут слова о любви, о бережности, о творчестве? Ведь тот, кто превозносит в песне ненависть, он не может принадлежать к Культуре.

Именно нужно поспешать в строительстве и в бережности. Из древности мы имеем много примеров трагических опозданий. Пока будем думать о ратификации Пакта сохранения культурных ценностей, вандалы, да еще пьяные, будут действовать со всею стремительностью. Пусть не повторяются трагические сказания о смерти великого поэта Фирдоуси. Незадолго до кончины поэта султан Махмуд поразился прекрасным стихом из Шах-наме и узнал, что стих взят из посвященной ему же книги знаменитого Фирдоуси, который находится в бедности. Султан распорядился послать Фирдоуси караван богатейших даров, но когда султанские сокровища входили в одни ворота. то из других городских ворот выносили тело Фирдоуси. Старая легенда напоминает нам о потрясающем опоздании. Если дело нашего Пакта будет так долго задерживаться и толкаться по разным канцеляриям, то как бы за это время не произошло и еще несколько обидных непоправимых опозданий. Петр Великий говорил: "Промедление смерти подобно", и все, понимающие значение культурных сокровищ, не могут отговариваться тем, что это дело не спешное. Дикие вандалы, да к тому же и пьяные, не дремлют.

13 Января 1935 г.

Публикуется впервые

Болезнь клеветы

Клевета есть передача лжи. Все равно, будет ли ложь передаваема по легкомыслию или по злобности, или по невежественности — семя ее будет одинаково вредоносно. Опять вспоминаю замечательный ответ Куинджи, который сам так не терпел всякую ложь. Куинджи находился в плохих отношениях с Дягилевым. Некий художник, зная это и, вероятно, предполагая, что Куинджи понравится дурное сведение о Дягилеве, рассказал какую-то мерзкую сплетню. Куинджи слушал, слушал и затем прервал рассказчика громовым восклицанием: "Вы клеветник!". Передатчик сплетни, потерпев такое неожиданное для него поражение, пытался оправдаться тем, что не он сочинил эту сплетню, но он лишь передал ее, даже "без умысла, только для сведения". Но Куинджи был неумолим, он продолжал сурово смотреть на злосчастного передатчика и повторял: "Вы принесли эту гадость мне, значит, вы и есть клеветник".

Сколько таких самооправдывающихся клеветников нарушают строительную атмосферу. Они разбрасывают самые ядовитые зерна и пытаются прикрыться какой-то своей непричастностью. Они-де и не думали о каких-либо последствиях. Они-де сообщали лишь для сведения, точно бы каждая клевета или ложь не сообщается именно "для сведения".

Недостаточно говорится о том, что клевета, ложь — безобразна. Не указывается, что этими осколками тьмы загромождаются и отравляются пространства. Вот уже, казалось бы, достаточно знают о том, насколько гнев и раздражение отравляют организм, но ведь и каждый лжец и клеветник в какой-либо степени погружается в ядовитую ненависть и прежде всего отравляет и самого себя. Ненависть живет и около зависти, и около невежества, и около той испорченности мыслительного аппарата, излечение от которой очень трудно.

Ребенок может быть нелюдимым, своеобразным, подозрительным, но он не рождается ненавидящим; это темное свойство уже приобретается на многих примерах старших.

"Клевещите, клевещите, всегда что-нибудь останется". Какая в этом заключена забота, чтобы что-то злобное осталось. Таким образом, некоторые люди более заботятся о сохранении чего-то злобного, нежели доброго. Доброе в какой-то степени всегда будет заключать отсутствие самости, но злое прежде всего эгоистично. И если человек станет уверять, что он совершил нечто злое для добра, не верьте ему, наверное, он этим хотел защитить и свою самость или эгоистично перед кем-то

выслужиться. Сколько раз приходится изумляться, насколько слабы законы, карающие клевету. В некоторых странах преследование клеветы даже почти невозможно. Можно убеждаться лишь в том, что не законами, карающими уже совершенную клевету, но именно предупреждающими мерами можно значительно ослабить эту вредную ехидну. Это можно достичь и в школе, но еще больше это произойдет в семье. Исключите из семейного быта маленькие сплетни и вы спасете младшее поколение от творения большой клеветы. Если ребенок от раннего возраста не будет слышать в быту взаимных осуждений и всех зародышей сплетен и клеветы, он, попросту говоря, будет далек от этого времяпрепровождения. Если дома нет карточной игры, то первые основы характера сложатся и без надобности такого убийства ценнейшего времени. От самих старших зависит очень многое в будущем семейном строении. Может быть, именно сейчас приходится вспоминать о потомственных возможностях семьи, ибо очень часто вместо привлекающего начала в семьях творится начало отталкивающее. А там, где одно отталкивание, там за отсутствием тяготения уже есть начало хаоса. Сплетни и клевета, какая это мерзость! Много эпидемий существует. Постепенно выясняется, что не только общепринятые бичи, как чума, холера и прочие заразные болезни, но и постепенно выясняется заразительность многих других заболеваний. А вдруг клевета тоже представляет собою явление заразное и к тому же эпидемическое? Мало ли есть форм психоза очень заразительных. В истории постоянно упоминается о массовом психозе, который временами принимал прямо угрожающие размеры.

Если рассмотреть очаги клеветы, то несомненно будет замечено, что в чистой, достойной, в культурной атмосфере клевета не порождается. Проследите домашнюю и общественную атмосферу заведомых клеветников и вы обнаружите настоящие очаги этого вредного психоза. Да и всякая ложь не везде произносится. Существуют такие места на свете и такие люди, в присутствии которых клеветник и лжец чувствует себя настолько неудобно, что не дерзнет на свое излюбленное злоизвергание. Но там, где клевета произносится особенно легко, там ищите как бы нажитость клеветы. Бациллы клеветы там чувствуют себя особенно усиленными всем окружающим.

Не будем изумляться, если среди работ по психическим заболеваниям появятся настоящие врачебные трактаты о клевете, о причинах ее зарождения, о способах распространения и, будем надеяться, о мерах пресечения.

Ясно одно, если жизнь нуждается в обновленно-прочных

устоях, то прежде всего всякие губительные эпидемии должны быть одолены. Среди этих бичей человечества будет обращено особое внимание на многообразные формы психоза. Излечивая пьяниц, наркоманов, воров и всяких преступников половых извращений, наверное, подойдут и к излечению одного из мерзейших извращений, а именно — порока клеветы.

При этом будет замечено, насколько различные извращения проявляются одновременно. Если вы будете наблюдать клеветника и заведомого лжеца, вы найдете, что и остальная его жизнь нечистая. Наверное, он будет подвержен и еще каким-то порокам. В будущих государственных лечебницах наряду с палатами для наркоманов, пьяниц, воров и прочих порочных элементов будет одною из самых опасно заразительных отделений палата клеветников.

Старое английское законодательство именно для клеветников оставляет порку. Впрочем, предоставим психиатрам решать, какая именно мера воздействия более уместна при таком опасном и мерзостном заболевании.

Когда вы знакомитесь с Пастеровским Институтом, наверное, вам будет предложено не задерживаться в одной из лабораторий. Вас предупредят: "Здесь особо опасные бактерии". В будущих психиатрических лечебницах посетителям предложат поскорее выйти из некоей палаты, скажут: "Бактерии клеветы очень заразительны".

14 Января 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Иран

С марта месяца исчезнет Персия. Будет — Иран. Издалека трудно судить об истинных причинах переименования. Иногда они начинают казаться эпидемическими — так многое переименовывается и в географическом и социальном плане.

От старых мест люди переходят на новые, как бы в великих переселениях. Может быть, ищут, где крови меньше пролито? Или вспоминают о каких-то древних путях? Или, устремляясь в будущее, прежде всего хотят движения?

Не знаем, почему вместо Персии — Иран? Не знаем, почему именно с марта? Но обращение к знаменательному древнему имени звучит потенциально, в нем много размаха, воспоминаний, мечты. От души пожелаем Ирану все то, что зовет нас в этом древнем созвучии. Пожелаем так мужественному шаху Ирана Риза Хан Пехлеви.

Не знаю, дошли ли до шаха "Гималаи" еще при старом имени государства или же дойдут уже к новому Ирану. Именно Гималаи непревзойденные, не вынесшие ноги человеческой пусть передадут свой привет снежным великанам Ирана. Пусть напомнят о древних и всегда звучных песнях подвига.

Может быть, уже не всегда звучит старая песнь. Живописная одежда уже ушла из высших классов и уже начинает покидать и народ. Но само могучее слово Иран — не напомнит ли оно о многом прекрасном, достойном сохранения вне приходящих веков; не напомнит ли о двух с половиной тысячелетней истории, во время волн которой государство удержалось, а теперь с особой ясностью мыслит о самосознании.

Разве не прекрасна "Книга Царей", созданная мощью великого поэта, выразившего иранское самосознание?! Исконная борьба Света и тьмы; этот прообраз участия человека в умножении добра и зла запечатлен в прекрасной символике Ирана. И теперь, когда страна хочет в имени своем напомнить о славе, и силе, и глубине мысли, можно считать такую замену показателем внутреннего роста.

Сколько величайших страниц вписано в историю Ирана! Вспомним имена сатрапий: Мидия, Элам, Парфия, Харайва, Бактрия, Сугд, Хоразм, Дрангиана, Арахозия, Таттагуш, Синд, Египет, Армения, Каппадокия, Спарда, Иониа, Скудра, Кушья, Машья, Каркас! Одни названия уже великая сказка! Кто не мечтал о Пасаргадах, о Вавилоне, о Сузах, об Экбатане, о Персеполисе? Чье воображение не очаровывали великие рельефы на скалах, огромные изображения, сторожившие и прославлявшие входы

исчезнувших дворцов? Даже эти дошедшие до нас обломки, даже осколки плит пола, даже обломочки ничтожные пышных ожерелий — все это говорит о восхищающем и вдохновляющем размахе и качестве творчества.

Хорсабад живо напоминает о Саргоне со всеми мифами, сплетенными вокруг него, а прекрасные барельефы дают зримое представление о былом величии. А Нимруд с остатками дворца Ассурназирпала? А Куюнджик, и дворец Синахериба, и развалины палат Тиглатпаласcара в Калат-Шергате? А знаменитые балавтские врата с рельефами подвигов Салманассара? А великолепные диоритовые статуи, сосуды и бронзы вавилонские? А дворец Артаксеркса? Наконец, придворное книгохранилище Ассурбанипала ¬сокровище неисчерпаемое, оживотворяет миражи древности в величественную действительность. Восстало все в тех же местах, еще в прошлом столетии застывших мертвыми холмами. Еще совсем недавно столько великих свитков летописи человечества не были развернуты. На нашем веку были найдены вавилонское сказание о потопе и другие части эпоса Гильгамеша. Все это всколыхнется одним словом "Иран" и окрылит новые мысли. Аэриана! Иран! Иран!

И Зороастр, огонь принесший, и Мани, и бахаисты, и живая мессианская тайна великого Имама, разве не увлекают воображение? Старец гор! Скала Аламут, увенчанная замком! И книга Достоверности! И белоснежный Дэмавеид! А по цветущим лугам уже выступает Абул-Али-ибн-Сина, знаменитый философ и врач, которого Запад зовет Авиценна; труды его с великим вниманием сейчас издаются в Европе.

От тех же цветущих лугов незабываемы ковры исфаганские и артабильские. Никто не забудет художников Ирана: Бихзаада, Аббази, ага Ризу, Мирака, Мухамади из Герата со всеми их волшебными перетолкованиями Шах-наме, со всею эпопеей Искандера, с любимыми образами короля Бахрада и Азады. То же, как целый несчетный цветочный луг.

И не живут ли и посейчас певучие образы и мысли поэтов: Рудаки, Фирдоуси, Анвари, Котрама, Омаркаяма, Сади, Руми, Гафиза… сонеты, оды, элегии, поэмы, в которых излюбленные народные герои произносят незабвенные слова мужества, подвига, преданности и любви.

Сколько проникающих в сердце образов запечатлено в истории Ирана! Кто не помнит о долине Шираза, о розах ширазских. Хафиз поет о Ширазе:

"Прекрасна Шираз, бесподобна она.

О! Бог сохранит ее навсегда".

15 Января 1935 г.

Пекин
"Врата в Будущее"

Ценность прекрасного

"Искусство — не разрушение. В искусстве таятся семена созидания, а не разрушение. Это чувствовалось всегда, даже и в те времена, когда все было невежественно. Под звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сих пор понятие общества об искусстве, все, однако же, говорят: "Искусство есть примирение с жизнью". Это правда. Истинное создание искусства имеет в себе что-то успокаивающее и примирительное".

"Искусство есть примирение с жизнью".

"Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущения и расстройства".

Так почти сто лет тому назад переговариваются великие люди русской литературы Гоголь и Жуковский. Оба корреспондента отличались необыкновенно широкою оценкой искусства, и потому приведенные слова имеют неувядающее значение. Стоит только вспомнить, как оба эти великие писатели прекрасно высказывались в оценках разных областей искусства. Именно из ширины мысли, именно испытанный кругозор может давать заключения добрые, убедительные.

В сочинениях и в письмах этих писателей можно находить самые трогательные описания прекрасных творений, как древних, так и современных им. Всегда можно радоваться, когда в любой стране, в любом народе древность и современность испытываются с одинаковой бережностью. Тот, кто отнесся бы спесиво к прошлому, выказал бы себя лишь невеждой. Так же точно показал бы себя и тот, кто невнимательно отнесся бы к исканиям своего времени.

Действительно, невозможно наглухо запереться лишь в дедовском кабинете. Но с каким сожалением вы посмотрели бы на профана, который бы оскорбительно отозвался о любовных и внимательных собраниях, принесенных из прекрасных веков прошедших.

Именно в беспредельном искусстве можно производить лучшие наблюдения над состоянием человеческих сознаний. Изысканность сознания прежде всего отзвучит на той или иной области искусства. Даже и в других, казалось бы, удаленных от творчества предметах, широкое сознание уловит элемент подлинного творчества. Ведь, в конце концов, искусство беспредельно, и творчество, опознанное или тайное, законченное или незаконченное, проникает всюду.

Именно творчество обеспечивает и высокое качество каждой

продукции. Сегодня в газетах смеются над тем обстоятельством, что в Пизе рухнул новый мост, а старый, построенный шесть веков тому назад, еще стоит невредимо. О такой же крепости старо-турецких мостов, противостоявших даже новейшим снарядам, мне рассказывали недавно. В прошлом землетрясении в Индии и Непале новейшие постройки пострадали очень сильно, тогда как древние храмы удержались.

Можно приводить множество примеров торжества старого высокого качества в разнообразном старом творчестве. Мы вспоминаем, с какою легкостью сходят позднейшие краски со старинных, вновь записанных картин. И не только в разновременности дело, но сущность в исчезновении качества многих производств. Не будем заглядывать, что сохранит будущее от современных произведений. Сейчас хочется лишь еще раз отметить, что из древности мы получили много подтверждений тому, насколько прекрасно бывает сочетание качества и творчества. Что же худого в том, что качество позволило великому творчеству прожить долгие века. Мы благодарим старых мастеров за то, что их способы работы устояли так долго и принесли так многим людям радость и новое вдохновение. Когда же вы мыслите о путях охранения культурных ценностей, то вы встречаетесь особенно часто и близко с соображениями о качестве. Изучая старинные качества, нам легче думать и о современных строениях, которые устояли бы от многих превратностей.

14 января "Пекинская Хроника" сообщила о восстановлении старинных художественных построек. "Комиссия по охранению художественных сокровищ в Пекине, которая была образована на прошлой неделе, сейчас планирует поправление всех художественных памятников в старинной столице. Понимаем, что комиссия предполагает настоящие реставрационные работы через два месяца, когда получатся средства. Средства обещаны министерством финансов и министерством железных дорог и должны поступать регулярно, начиная с текущего месяца".

Такому сведению надо от души порадоваться. Когда мы слышали недавно о готовности Китайского правительства ратифицировать наш Пакт по охранению культурных ценностей, мы также порадовались, ибо Китай, обладающий таким несметным множеством художественных сокровищ, конечно, будет одним из первых в действительном признании Пакта и в проведении его в жизнь у себя. Культура Китая сложила такие необыкновенно изысканные формы и пластические и философские, что, конечно, наследники таких сокровищ одни из первых должны примкнуть к государствам, уже

ратифицировавшим наш Пакт. Совершенно правильно, что реставрационные средства пойдут из министерств финансов и путей сообщения. Ведь памятники древности во всем их очаровании будут лучшими устоями государств. Ради красоты их усилится движение на путях, ради них министр финансов найдет особо убедительные определения в своих заключениях. Ведь без преувеличения, сокровища Культуры являются оплотом народа. Все строительство, все просвещение, все духовное вдохновение, вся радость и спасение нарождаются на основах Культурных ценностей. Сперва опознаем и сбережем Культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными. По бесчисленным путям сообщения устремится творчество во всем его благородном разнообразии.

Не будет преувеличением, если скажем, что язык искусства уже много раз в истории человечества являлся наиболее убедительным, привлекательным и объединяющим. Не только имена Аполлония, Рубенса и многих других запечатлены в государственных построениях, сказанных языком искусства. Сами предметы искусства много раз являлись лучшими посланниками, внося с собою мир и дружелюбие. Нам уже приходилось отмечать, как обмен художественными ценностями иногда избавлял от недоразумений и опережал словесные договоры. Если мир, по словам Платона, управляется идеями, то благородные зерна искусства всегда будут тем благостным посевом, который даст лучшую, добром поминаемую жатву. Потому-то не будет чем-то условно преднамеренным, когда будет утверждаться широкое значение искусства и подлинная ценность прекрасного. Итак, будем ценить, будем хранить все прекрасное с сердечною заботливостью.

Для упрочения нашего Пакта сохранения культурных сокровищ прежде всего пришлось ознакомиться и с историей возникновения Красного Креста. Основоположник этой благородной идеи знаменитый швейцарский филантроп Дюнан и его самоотверженные друзья в течение 17 лет неустанно стучались в сердце человеческое, чтобы рассказать о неотложности такого гуманитарного учреждения. Многим следовало бы запомнить многострадальную историю Красного Креста. Так же точно и в вопросах сохранения сокровищ Культуры будем всегда помнить, что разрушаются эти великие ценности не только во время войн, но и во время всевозможных проявлений человеческого невежества. Одно охранение ценностей Культуры пробудит многие заснувшие пути творчества, и целые государства опять вспомнят, в чем их непоколебимость и непобедимое достоинство и ценность.

16 Января 1935 г.
Пекин
"Врата в Будущее"

Флора

Кто не знает Святых Флора и Лавра, так красиво изображаемых в зеленых кущах с белыми конями? Известно, как почитают этих Святых русские крестьяне за их попечение о конях, о коровах и о прочем домашнем имении.

Рассказывается, как некий губернатор, любитель ботаники, пожелал ознакомиться с флорой вверенной ему губернии и приказал представить ему все образцы ее. Приказ попал в руки местных полицейских чинов и произвел переполох немалый.

Что бы такое было "флора"? Чем таким обеспокоился начальник! Недоумение росло, пока, наконец, дьячок не надоумил, что, должно быть, губернатору потребовались все Флоры. Так и решили. Собрали всех Флоров, а кстати и всех Лавров, ибо Святые эти изображаются вместе, да и отправили недоуменных и огорченных мужичков в губернию к еще более недоуменному сановному ботанику.

Мало в каких других областях столько анекдотов, как около народной медицины и ботаники. Трудно поверить, чтобы каждая травка была на пользу. Даже очень рассудительные люди внутренне недоумевают, когда им рассказывают, что тот самый репейник, который они только что уничтожали, является благотворным лекарством или что морковь или земляника, искони потребные для стола, могут быть полезны в очень серьезных случаях.

Все помнят обратный анекдот, когда губернатор запросил местные власти о кустарных промыслах. Местный исправник доносил, что кусты действительно имеются, но какое употребление из них делают крестьяне, ему неизвестно, ибо иногда глупый народ лечится всякими растениями. И в этом случае народ заподозривался в глупости, ибо лечился растениями.

Как и во всем, малознающая середина готова отвергать и отрицать. В то время, когда уже просвещенные верхи очень бережливо относятся к каждому народному преданию и вполне оценили значение фольклора и найдут лучший язык с оставшимися носителями этой народной мудрости, тогда же будут существовать и зубры, иногда даже модернизованные, выросшие лишь на отрицании.

По счастью, знакомясь с народами, вы видите, как нередко еще осталась трогательная чуткость, которая живет как наследие многих веков.

Вчера приходили старые буряты. Принесли они

единственный сохранившийся экземпляр бурятского словаря, который является необходимым и в смысле медицинском. Надо было видеть, как трогательно они хотят переиздать тот ксилограф. Говорят: "Ведь без этой книги молодым не на чем учиться, здесь столько полезных сведений". Так в далеких юртах заботятся о знании. Там ничего не имеют против новейших форм современности, но в то же время со всею сердечною преданностью берегут остатки старых знаний. Пусть из этих знаний не все приложимы сейчас, но для каждого полезного растения вы должны пройти весь луг, чтобы убедиться, где, что и как существует.

Наверное, врач, вновь открывший целебное свойство эфедры от астмы, не только прочел о ней в старых китайских фармакопеях. Конечно, он изучал очень многое для того, чтобы во благо человечества вновь воспользоваться лишь некоторыми. Записываю это и повторяю упорно, ибо все-таки существует такое заблуждение, что в старинной мудрости нужно изучать лишь кое-что, ибо остальное неприменимо. Но как же вы найдете это "кое-что", если не ознакомитесь со всем?

В некоторых новых школах предполагается исключить изучение классиков. Как много прекрасного, вдохновительного и вечно руководящего будет исключено таким запрещением. И какой это будет ужас, если всюду и во всем воцарится ограниченный техникум со всеми ужасами условной специализации.

Именно теперь, когда всевозможные новые открытия говорят о расширении горизонта, именно теперь так несовременно все еще думать об иллюзиях технократии с ее специализациями. Тогда, когда даже малыши познают соотношения макро- и микрокосма, тогда, казалось бы, совестно устремляться к какому-то заведомому самоослеплению. Человек, сказавший себе: я не хочу знать ничего, кроме винта, перед которым я случайно оказался, — в каком же истинном строительстве может существовать такое самоограничение? Тот, кто во многом приложился, тот оценит и высокое качество каждой части.

Когда-то произносили безумные формулы о мечтании уравнять все человеческие мозги. Какой жестокий, тиранический дух мог подсказывать такое насилие? Вообще условие жестокости должно быть очень пересмотрено. Это чудовище гнездится в гораздо более многочисленных ущельях, нежели предполагается. Самая опасная жестокость, как ужасная форма невежества, живет не в каких-то судах или около тронов и кафедр, нет, она притаилась во множайших очагах семейной и общественной жизни. Она является одним из самых пресекающих все живое

начало. И там, где притаился элемент жестокости, там стеснено и всякое познавание. Ведь истинное познавание не для самости, оно, конечно, прежде всего самоотверженно. В этом самоотвержении и красота, и величие, и Беспредельность.

Разные травы внимательно собирал благой Чарака; ему посвящена картина в Бенаресе.

"Каждая малейшая травка — на пользу".

"Всяк злак — на пользу человеков".

17 Января 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Возобновление

Храм Неба будет реставрирован. Так же точно будут обновлены: Храм Земли, Храм Земледелия, Храм Солнца, Храм Луны. Все эти реставрации произойдут под наблюдением комиссии по устройству предметов Культуры и Искусства в Пекине. Любопытно сообщение пейянгского агентства:

"…Почти все эти храмы в настоящее время частично заняты правительственными войсками. Информационная часть 53-й армии стоит сейчас в Храме Земли, некоторые отделы 2-го дивизиона размещаются в Храме Земледелия, и отделения грузовиков 32-й армии в настоящее время частично занимают Храм Неба…

Муниципальное правительство несколько дней тому назад обратилось во все военные штаб-квартиры, прося очистить храмы для предстоящей реставрации. Различные военные штабы ответили муниципальному правительству, что им затруднительно достать другие помещения, и они освободят настоящие помещения, если муниципальное правительство предоставит им новые квартиры.

Храм Неба особенно подает знаки разрушения, несмотря на то, что он был поддержан всего сорок лет тому назад. Большинство луга, окружающего стены храма, было сдано под фермы, и годовая плата за них была около 700 мест. долл."

Не будем удивляться, что вновь образованной комиссии придется встречаться со многими затруднениями, иногда может быть самого странного свойства. Не могу не вспомнить, как во время раскопок в Новгородском Кремле в 1910-м году доставило больших затруднений одно, казалось бы, самое простое обстоятельство.

Древние стены и башни густо заросли многолетними сорными травами. Местами стены закрылись кустарниками, корни которых лишь расшатывали старинную кладку. Казалось бы, очистка древнего памятника от всяких сорных зарослей не должна была представлять никаких затруднений. Но даже такая совершенно естественная уборка сора и мусора возбудила целую тягостную переписку. При этом были голоса, полагавшие, что кустарники и сорные травы будто бы даже поддерживают старинные стены. Такое специфическое суеверие или суемудрие вторгалось и во все прочие подробности реставрационных работ.

Совершенно так же, как в сведениях, только что приведенных из местной газеты, невозможно было перевести из старинных крепостных помещений какого-либо сторожа или хотя бы

неизвестно откуда получившийся склад каких-то ломаных инструментов. Подобные же жалобные рассказы приходилось слышать и во Франции, и в разных других странах. Очевидно, что отношение, как к прошлому, так и к будущему, во многих отношениях своих международно.

При этом международны и крайности. С одной стороны, даже сорные травы представляются священными украшениями, а с другой стороны, целые замечательные старинные храмы легкомысленно сдаются артелям так называемых богомазов, и такое варварство часто проходит общественно незамеченным. Когда же приходилось выступать на защиту так поруганных национальных святынь, то некоторые сановники не стыдились замечать о непозволительности таких выступлений, когда уже контракты на работы были заключены.

Каждому приходилось видеть такие обновленные памятники и возмущаться, насколько их прежний художественно-убедительный смысл ушел навсегда. Так, иначе звучит вновь сложенная Кампанилла в Венеции. Ведь и Реймский собор вновь отстроен, так же, как заделаны разрушения Ипра, Лювена и других мест. Раны памятников закрыты и заклеены, но очарование старины, невозвратимая сочность вековой техники исчезла. Необходимо написать на таких памятниках, когда с ними случилось такое несчастье, чтобы молодое поколение через два-три десятка лет не было вводимо в заблуждение, неправильно осуждая якобы старинную работу.

Китайской реставрационной комиссии, в смысле следования старинным техническим приемам, будет легче. В стране и в современной технике осталось много той изысканности, которая поможет любовно подойти к старинным памятникам.

Эту техническую изысканность и утонченность невозможно объяснить словами. Или она будет в сознании и в руках работника, или, по старому выражению великого поэта:

"Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит".

Сколько раз мне приходилось замечать, что условная интеллигентность еще не обеспечивает внимательной изысканности. Реставратор с ложным пафосом иногда будет рассказывать, как он поможет оживить увядшие краски старинной живописи, а на деле вы с огорчением убедитесь, сколько именно старинных красок безвозвратно стер сам реставратор и как отталкивающе грубо замазал он поврежденные места. А с другой стороны, мне приходилось видеть, как простые иконописцы, но

даровитые и хранящие еще традиции старинной техники, любовно и тонко заживляли заболевшие места старинных изображений.

С этой точки зрения, реставрационной комиссии в Пекине действительно будет легче. Нам приходилось видеть копии изображений разных китайских династий. Надо отдать справедливость, эти воспроизведения были сделаны очень тонко. Иногда только наощупь вы могли почувствовать новую работу.

Также и в храмах, ныне предназначенных восстановлению, конечно, будут привлечены к работе лица, проникнутые очарованием старинной техники. Во всяком случае, и трогательно и вдохновительно читать об укреплении старинных красот, этих незыблемых устоев государства.

18 Января 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Гималаи

Вот и французская экспедиция идет воздать честь Гималаям. Со всех сторон разные народы устремляются все к тем же высотам. Получается уже какое-то шествие за пределами состязания.

Если бы кто-нибудь задался целью исторически просмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмотреть всю притягательную силу этих высот, то действительно можно понять, почему Гималаи имеют прозвище "несравненных". Сколько незапамятных Божественных Знаков соединено с этой горной страной. Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами.

Попробуем мысленно сообразить все те прекраснейшие легенды, которые могли зародиться только на Гималаях. При этом прежде всего будем поражены изумительным разнообразием этих наследий. Правда, это богатство произойдет от многих племенных наслоений, станет роскошнее от щедрости многих тысячелетий, увенчается подвигами лучших искателей истины. Все это так. Но и для этих вершинных подвигов требуется окружающее великолепие, а что же может быть величественнее, нежели непревзойденные горы со всеми их несказанными сияниями, со всем неизреченным многообразием.

Даже скудно и убого было бы пытаться сопоставлять Гималаи с прочими лучшими нагорьями земного шара. Анды, Кавказ, Альпы, Алтай — все прекраснейшие высоты покажутся лишь отдельными вершинами, когда вы мысленно представите себе всю пышную, нагорную страну Гималайскую.

Чего только не вместила в себе эта разнообразная красота. Тропические подходы и луга альпийские и, наконец, все неисчислимые ледники, насыщенные метеорною пылью. Никто не скажет, что Гималаи — это теснины, никому не придет в голову указать, что это мрачные врата, никто не произнесет, вспоминая о Гималаях, слово "однообразие". Поистине, целая часть людского словаря будет оставлена, когда вы войдете в царство снегов гималайских. И будет забыта именно мрачная и скучная часть словаря.

Чем-то зовущим, неукротимо влекущим наполняется дух человеческий, когда он, преодолевая все трудности, всходит к

этим вершинам. И сами трудности, порою очень опасные, становятся лишь нужнейшими и желаннейшими ступенями, делаются только преодолениями земных условностей. Все опасные бамбуковые переходы через гремящие горные потоки, все скользкие ступени вековых ледников над гибельными пропастями, все неизбежные спуски перед следующими подъемами и вихрь, и голод, и холод, и жар преодолеваются там, где полна чаша нахождений.

Не из спесивости и чванства столько путешественников, искателей устремлялись и вдохновлялись Гималаями. Только соперничество и состязание могло найти и другие труднейшие пики. Далеко поверх состязаний и соперничества заложено устремление к мировым магнитам, к тому неизреченному священному чаянию, в котором родятся герои.

Не только лавровые венки состязаний, не только приходящие первые страницы книг и газет, но тяготение к величию, которое питает дух, всегда будет истинным притяжением, и в таком влечении ничего не будет худого.

Что же, это еще одна похвала Гималаям? Разве их торжественное величие в похвалах нуждается?

Конечно, здесь неуместны похвалы и каждая из них, даже самая превосходная, будет лишь умалением. Тогда зачем же вспоминаются Гималаи, зачем же нужно о них мыслить, вспоминать и к ним устремляться?

Хотя бы мысленное приобщение к торжественному величию будет лучшим укрепляющим средством. Ведь все по-своему стремится к прекрасному. О прекрасном по-своему мыслит каждый и непременно захочет так или иначе сказать о нем. Мысль о прекрасном настолько мощна и растуща, что человек не вместит ее молчаливо, а непременно захочет хоть в каких-либо словах поведать ее. Хоть в какой-нибудь песне или в каком-либо начертании человек должен выражать и запечатлевать мысль о прекрасном.

От малейшего цветка, от крыла бабочки, от сверкания кристалла и так дальше и выше, через прекрасные человеческие образы, через таинственное касание надземное человек хочет утверждаться на незыблемо прекрасном. Если были на земле прекрасные создания рук человеческих, ¬к ним придет путник. Успокоится под их сводами в сиянии их фресок и стекол. Если может путник найти марево далеких горизонтов, он устремится и к ним. Наконец, если он узнает, что где-то сверкают вершины наивысшие, он увлечется к ним и в одном этом стремлении он уже укрепится, очистится и вдохновится для всех подвигов о добре, красоте, восхождении.

С особенным вниманием у костра и в любом человеческом собрании слушают путника. Не только в далеких хрониках читают об этом уважении к пришедшим издалека. Ведь и теперь при всех путях сообщения, когда мир уже кажется малым, когда люди стремятся в высшие слои или в глубины к центру планеты, и тогда рассказ путника остается украшением каждого собрания.

"Правда ли так прекрасны Гималаи?" "Правда ли они несравненны?"

"Скажите нам хоть что-нибудь о Гималаях и бывает ли там необычное?"

В каждом повествовании путника люди ждут необычного. Обычай, привычка, неподвижность связанности умаляет даже самое маломыслящее сердце. Даже проникнутый дух стремится к движению. И, в конце концов, никто не мыслит движения только книзу.

Помню, как один путник рассказывал, что начав спуск на большом каньоне Аризоны, даже при великолепных красках окружающих, все же оставалась тягость соображений о бесконечном спуске — "мы шли все вниз, и это даже мешало любованию".

Конечно, восторг и восхищение будут прежде всего связаны с восхождением. При всходе является непреодолимое желание заглянуть за возносящиеся перед вами высоты. Когда же вы идете вниз, то в каждой уходящей вершине звенит какое-то "прости". Потому-то так светло не только идти на вершину, но хотя бы мысленно следовать этим путям восходящим. Когда слышим о новых путниках на Гималаи, то уже признательны хотя бы за то, что опять напоминается о вершинах, о зовущем, о прекрасном, которое так нужно всегда.

Гималаи, разрешите еще раз послать Вам сердечное восхищение. Также вся прекрасная Индия, позволь еще раз послать тебе привет за все то великое и вдохновляющее, которым наполнены твои и луга, и рощи, и старинные города, и священные реки.

19 Января 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Внимательность

Газета сообщает следующее под заголовком "Погода и хирургия": "При большой германской санатории в Хоенлишепе учреждена специальная метеорологическая обсерватория для изучения влияния изменений погоды на больные организмы. Это влияние, притом крайне неблагоприятное, ныне считается твердо установленным, и вопрос заключается только в детализации. Университетская клиника в Фрейбурге отмечает, что резкие изменения атмосферного давления, связанные с особым видом ветров — "фенов" — влекут за собой усиленную смертность среди только что оперированных больных, вызывают ослабление сердечной деятельности и явления эмболии…

Д-р Отрман, заведующий этой метеорологической станцией, рекомендует хирургам при назначении операции считаться и с картами погоды и во всяком случае помещать оперированных в камеры с постоянным давлением, влажностью и температурой, чтобы предохранить их от вредных воздействий погоды".

Странно читать о таких "новых умозаключениях", которые, казалось бы, известны в течение многих и многих веков. Уже не говоря о том, что старые врачи и знахари давным-давно принимали во внимание всякие атмосферические условия, но и в старинных врачебных книгах и манускриптах можно находить многие указания к тому" же. Старинная врачебная наука очень часто не только обусловливает для успешного лечения определенные места, но и упоминает о климатических и атмосферических благоприятных и неблагоприятных условиях.

Местные лекари и знахари очень точно укажут, в какой именно местности данные ими лекарства будут особенно действительны. Они же посоветуют и лучшее время дня и другие очень внимательно наблюденные подробности для лучшего принятия лекарств.

Опытный врач, не только восточный, но и западный, одинаково посоветует во время принятия лекарства не огорчаться чем-либо и даже не задумываться о чем-то постороннем, а попытаться сопроводить лекарство доброжелательною о нем мыслью.

Попробуйте поговорить с опытным садоводом и он укажет вам множество любопытных подробностей о разных, как атмосферических, так и психических, воздействиях на растение. Общеизвестный опыт воздействия на растение человеческой мыслью много раз уже указывался в литературе. Даже очень удаленные от науки лица иногда обращают внимание на то, что в

соприкосновении с одними людьми цветы быстро вянут, а от близости к другим цветы и растения даже расцветают и укрепляются.

Можно порадоваться, что даже и при современных, часто так затруднительных условностями наблюдениях начинают так выявляться соотношения природы и человека. К высшим, прекрасным умозаключениям ведут такие наблюдения. Несправедливо был осмеян французский писатель Моруа, когда он указал, что тело умершего давало разницу в весе.

Весомость высшей энергии, весомость и очевидность воздействий мыслей тоже не только не подлежит осмеянию, но должно быть изучаемо очень заботливо.

Хохотать-то очень легко, и глумиться тоже нетрудно, но каждое допущение уже будет одной из возможностей открытия. Правда, законы тончайших условий хотя и непреложны, но очень неуловимы в земных слоях. Вот замечаем, что даже самая простая фильма иногда дает неожиданно утонченный и проницательный снимок. Но это "иногда" почти невозможно формулировать бедным земным словарем. Не раз упоминались необыкновенно удачные снимки обычно незримого мира. Пробовали установить наиболее подходящие условия для улучшения этих процессов. И обычно вместо улучшения лишь нарушали какие-то тончайшие возможности. Пытались производить опыты с наибольшею чистотою в самых, казалось бы, менее зараженных местах; сопровождали лучшими мыслями и пожеланиями, а вместо удачного улучшения результаты вообще исчезали. Получалось странное впечатление, что какие-то самые примитивные условия будто бы могли способствовать лучшим следствиям. Значит, в этих условиях заключались еще какие-то неуловимые для испытателя подробности, которые не могли быть соблюдены даже и в формально лучших обстоятельствах. Конечно, и сама, казалось бы, противозаразная вакцина бывает смертельно зараженной, и вода, для чистоты поливаемая на руки, может оказаться ядовитой. Мало ли совершенно противных условий возникает даже при хорошей наблюдательности. А сколько же еще не уловленных тончайших условий существует и управляет явлениями чрезвычайной важности.

Требуется не только производить наблюдения, не только открыть в себе величайшую меру допущения, не только научиться доброжелательству, но и сызмала учиться внимательности. Надо отдать справедливость, что среди современного воспитания именно слишком мало уделяют места внимательности, а ведь на любом поприще жизни разве может быть успешным человек невнимательный. Такой невнимательный человек прежде всего

погрязнет в самости, эгоизме или он постепенно будет терять восприимчивость к окружающему вообще.

Но если с малых лет в самых привлекательных формах будет открываться внимательность, то какая безграничная, прекрасная наблюдательность вырастет в любых условиях жизни.

При каждом новом опыте произойдет новый оборот наблюдательности еще тоньше, еще возвышеннее, еще проникновеннее. А наблюдательность есть порог возможности. Человек, постигший возможности, никогда не может впасть в разочарование, ибо очарование исканий — такая увлекающая высокая радость.

20 Января 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Полвека

Си-Шань в утренних лучах розовеет за окнами. Так же розовел и лиловел и синел далекий Кунь-Лунь из Хотана. Перед вечером на уступах белеют какие-то строения, не иначе, как монастырь. Отнимите от Пекина это горное обрамление, и многое потеряется.

Си-Шань — западные горы, за ними Монголия. Вспоминаю, когда впервые слышал о ней. В детстве в книгах о Чингис-хане, в географии четвертого класса гимназии и дома, когда собирались у нас Голстунский, Позднеев и другие монголисты и восточники. Говорили и о Бадмаеве.

В гимназии К.И.Мая чертили карты Азии. Желтой краской отмечали пески и Гоби. Боком мягкого карандаша наносили хребты Алтая, Тарбагатая, Алтын-Тага, Кунь-Луня… Белили ледники гималайские.

От школьных лет в гимназии Мая оставалось несколько моих памяток. Были предметы из первых курганных раскопок вблизи нашего поместья Извара Царскосельского уезда. Был портрет директора К.И.Мая и рельефная карта. Была программа торжественного спектакля с портретом Гоголя. Гоголь часто ставился в ученических спектаклях и всегда был мне близок. Именно не реализм Гоголя, но его высокая духовность и тонкая потусторонность особенно увлекали. В те же области уводили и встречи с "дидом" Мордовцевым, и с Микешиным, и учреждение общества имени Тараса Шевченко, и постановка живых картин украинских — все это разнообразно сближало с мастерством Гоголя. Были эскизы, посвященные Хмельницкому, и "Страшной мести", и "Майской ночи".

К тому же увлекательному миру приводили и уроки географии К.И.Мая. Не только чертились богато расцвеченные карты, но и лепились цветными пластилинами рельефные изображения со всеми, так милыми нам горами. Поощрялись большие размеры и новые комбинации запоминаемых раскрасок. По правде говоря, такая внушительность изображения была очень увлекательна. На праздниках устраивались географические шествия, сопровождаемые самодельными стихами. Помню, как А. Бенуа изображал желтый Хуан-Хэ, а блондин Калин — голубой Яньцзы-цзян. Мне досталась Волга.

Самые первые мои курганные находки не только совпадали с любимыми уроками истории, но в воспоминаниях близко лежат и к географии и гоголевской исторической фантастике. Много очарования было в непосредственном прикосновении к

предметам большой древности. Много непередаваемой словами прелести заключалось в бронзовых позеленелых браслетах, фибулах, перстнях, в заржавелых мечах и боевых топорах, полных трепета веков давних. Около курганов сплетались старинные легенды. Ночью там проходить страшились. Увлекательно молчали курганные поля, обугрившиеся сотнями насыпей.

Как будто от разных областей звучат курганные находки или географические карты, или яркие образы творчества Гоголя. Но проходят десятилетия; через полвека вспоминаются эти будто бы различные предметы в одном общем укладе. Именно они своими убедительными зовами сложили многие возможности.

Недаром опытный географ предлагал не только заучивать названия, но именно запечатлеть иероглифы земли и линиями, и красками, и рельефами. В этом делании пробуждалась и любовь, и внимательность, и соизмеримость земных начертаний.

Художество вносилось в эти прикасания к земле. А там, где знание будет сочетаться с искусством, там остается особенная убедительность.

Также спасибо вам, изварские курганы. Еще недавно напомнились мне изображения их в трудах Спицына. Ничто и никаким способом не приблизит так к ощущению древнего мира, как собственноручная раскопка и прикасание, именно первое непосредственное касание к предмету большой древности. Никакое книжное изучение, никакие воспроизведения не дадут ту благодетельно зажигающую искру, которая зарождается от первых непосредственных прикасаний. Это не сентиментальность, не самоубеждение, ибо живет очарование старинных предметов, украшенных и замечательных в форме и соотношениях. Когда же предметы эти особенно близки с теми историческими обликами, которые как-то самосильно вошли и поселились в сознании, тогда все становится еще ближе и неотрывно убедительнее.

Вне моей памяти в Изваре была сельскохозяйственная школа. Остатки библиотеки ее еще оставались в запыленных шкафах. Была там "Королевна Ингигерда", был там "Изгой", был "Айвенго" (называвшийся тогда "Ивангое"), был там и Гоголь.

Тот, кто описывал душу Катерины, кто так умел навсегда вложить в память описания величия природы, кто, подобно турниру Вальтера Скотта, живописал битву запорожцев и кто понимал значение портрета, тот знал и мог многое. Может быть, Гоголь случайно оказался в поле зрения. Но не случайны магниты. Захоронены они так, чтобы на определенных путях можно бы к ним прикоснуться и укрепиться ими.

Полвека почему-то считается во многих отношениях сроком убедительным. Помню, как при одном споре некий защитник

умершего деятеля как главный довод говорил, что теперь ему можно поверить, ибо прошло уже 50 лет со времени кончины. Конечно, трудно понять, почему именно этот срок, а не другой кому-то может быть особенно убедительным, но допустим, что это так. Тем любопытнее вспомнить и подытожить полвека. Если в этом кругозоре память особенно подчеркнет какие-то определенные обстоятельства и почему-то свяжет их, значит, в этом будет какой-то особый смысл.

Итак, первые курганные находки, красочные и рельефные карты и образы Гоголя. Конечно, не случайно память отделяет эти наслоения. Такие вехи под разными знаками вспыхнули не однажды потом. Разве не навсегда приблизилась история и очарование старинных культур? Разве не для многого вооружила география с ее такими практическими настойчивыми заданиями? И разве многообразное, но единосущное дарование великого Гоголя, разве оно, как в высокодуховных взлетах, так и в улыбке быта, разве оно тоже не дало посох прочный и легкий?

Вслед за этими вехами встают и многие другие, но сегодня записываем о тех трех, которые запечатлелись в архивах школы. Что из этих трех памяток осталось? Может быть, исчезли курганные браслеты и перстни, может быть, сожжены в печах доски рельефных карт, и кто знает, где остался портрет Гоголя на программе спектакля? Но, может быть, в свою очередь, все эти три обстоятельства кому-то помогли, кого-то в чем-то укрепили. Никогда мы не знаем пути вещей. Очень сказочны такие пути. Люди друг с другом иногда встречаются, а также и вещи. Нам уже приходилось видеть некоторые знакомые вещи в самых неожиданных обстоятельствах, действительно за тридевять земель в тридесятом царстве. И вещи изучают географию и в каких-то курганах кому-то донесут очарование, а Гоголь, не боясь столетий, еще множествам людей на разных языках в неожиданных странах будет зажигать всегда живые и увлекательные образы.

21 Января 1935 г.

"Октябрь", 1958, № 10

(В журнале дан сокращенный вариант, полностью текст приводится в этом издании)

Охранение

Сегодня почта из разных стран принесла немало знаков о движении нашего Пакта по охранению Культурных ценностей.

Прислана копия с древней иконы Святого Николая Чудотворца"…", утвержденная к печатанию митрополитом Антонием. Из других мест прислан снимок с издания типографии Киево-Печерской Лавры шестидесятого года — служба Преподобному Сергию, игумену Радонежскому Чудотворцу. Из Испании посылается снимок с изображения Святого Доминго из "Силоса" (археологический музей Мадрида). Также из Испании посылается изображение Святого Михаила, работы Бартоломео Вермехо (1440). На всех этих изображениях можно видеть знак Знамени Пакта, что для многих будет полезно запомнить.

Генеральный секретарь сообщает из Парижа: "По поводу Пакта, сложный дипломатический механизм, о котором я писал в предыдущем письме, продолжает двигаться. Спешу сообщить Вам о результатах. Я уже сообщал Вам, что Финляндская Миссия, согласно нашей просьбе, передала Пакт на рассмотрение Гельсингфорсского правительства. Точно так же Датская Миссия передала Пакт Копенгагенскому Кабинету. Болгарская Миссия обещает сообщить решение своего правительства. Венгерская Миссия послала соответственное представление в Будапешт. Сиамская Миссия по получении некоторых дополнительных данных, которые я им тотчас же доставил, передает Пакт на рассмотрение Бангкокского правительства. Каждое "представление" сопровождается моим подробным Меморандумом, приноровленным, поскольку возможно, к особым условиям и духу каждого отдельного государства, что и вызывает большую сложность переговоров и огромность переписки.

Коммюнике о Пакте напечатано еще в журнале "Бо-Артс" и в немецкой газете, издающейся в Париже, "Паризер Тагеблат". Один французский военный, майор, граф д'Арно, пишет книгу об охране памятников во время войны. Я снабдил его всеми данными о Пакте и библиографией.

Сию минуту неожиданно пришло еще предложение о поездке: проф. де Ла Прадель передает по телефону приглашение от ректора Университета в Саламанке прочесть лекцию о "Рерих Пакт ет ле Дройт Интернзшональ".

В следующем письме оттуда же сообщается: "Несколько дней тому назад вернулся из краткой поездки в Саламанку, где в течение трех дней прочел пять лекций о Пакте и международном праве. Многочисленная аудитория, состоявшая из профессоров и

студентов Саламанкского Университета Испании, с энтузиазмом приветствовала Ваше Имя и Знамя Мира. Я раздал много брошюр о Пакте и вообще постарался, чтобы древнейший и славнейший Университет Испании сделался очагом распространений великой идеи охраны Культурных сокровищ. Испанцы принимали очень радушно…"

Затем телеграмма из Нью-Йорка сообщает о знаменательных продвижениях Пакта, предположенных в течение февраля и апреля.

В той же почте из Сан-Франциско Объединенный Комитет Русских Национальных Организаций в Калифорнии за подписью председателя Комитета Изергина обращается со следующим письмом, которое приведем полностью:

"С большим удовлетворением прочли мы о заключении знаменитого Пакта Рериха. Этим Пактом вводится официально защита художественных произведений и от неожиданного вандализма, и от вандализма, имеющего место во время военных действий. Честь и слава Вам, Николай Константинович, как инициатору такого великого акта.

Под влиянием того впечатления, которое породило заключение Пакта Н. К. Рериха, мы. Объединенный Комитет Русских Национальных Организаций в Калифорнии, через особую, состоящую при нем комиссию, обращаемся к Вам с горячей просьбой общерусского и даже общекультурного значения. Вам, конечно, известно, что большевики декларировали о том, что к 1937 году не должно остаться на Русской земле ни одного Божьего Храма, даже самое понятие "Бог" должно быть изгнано. Выполнение этого, поистине, адского распоряжения Сталина уже имеет место. Сколько храмов, между которыми были прекрасные, исключительные памятники старины, уже уничтожено. Нет Чудова монастыря в Москве с его исключительно богатой художественными предметами ризницей. Нет Храма Христа Спасителя. Почти все памятники старинного религиозного творчества погибли. Всего, что уничтожено за это время, невозможно перечислить. Мы, русские люди, не можем оставаться равнодушными к такому вандализму ни с религиозной, ни с художественной точки зрения…

Специально образованная по этому поводу Комиссия протеста просит Вас, дорогой Николай Константинович, выступить на защиту разрушаемых бесценных сокровищ религиозного и художественного значения. Быть может, Ваш Пакт может распространить свою деятельность и на Россию. Быть может, Вы сумеете обратить внимание правительства Северо-Американских Соединенных Штатов на творимое злое дело

разрушения и насилия в пределах нашей общей Родины и защитить то, что еще уцелело.

Поднимите Ваш голос протеста, пока не поздно. Спасите культурные ценности, народные святыни, высшие школы христианства — Храмы Божий.

Позвольте надеяться, что наше обращение к Вам не останется без отклика. Вы — один из выдающихся художников и людей Культуры, Вы ¬русский человек, и горе России не может не тронуть Вас, помогите и спасите".

Вполне понимаю, насколько просвещенные люди в разных странах горят о сохранении священных художественных и научных ценностей. Те, кто следит за моими дневниками и статьями, могут видеть, что каждое некультурное, свирепое уничтожение отмечается, чтобы тем громче воззвать о всемирном соглашении беречь и сохранять все неповторимые великие ценности. Сегодняшняя телеграмма дает надежду, что ближайший февраль и апрель окажутся очень действенными в деле признания и введения в жизнь нашего Пакта.

Когда Пакт будет введен во всеобщие действия, тогда, конечно, и многие меры из стадии моральных воззваний сделаются действенными и в смысле других неотложных применений. Это будет зависеть как от государственных постановлений и мероприятий, так и от общественного мнения. Именно общественное мнение, высказываясь широко и твердо, упрочает многие возможности. Вспомним, сколько было обстоятельств выяснено, улажено и упрощено именно голосами народов. Без общественного начала не вошел бы в действенное приложение и Красный Крест. Без неутомимых напоминаний, прошений, утверждений введение Красного Креста взяло бы не 17 лет, как это потребовалось, а может быть, и гораздо больший срок потребовался бы, казалось, для такого нужнейшего гуманитарного учреждения. Мы знаем, что для одного из последних утверждений Красного Креста потребовалось самоотверженное настояние одной мужественной женщины, заявившей, что она не уйдет из кабинета главы правительства, пока не получит его подпись.

Действительно, такие общественные героические подвиги нужны там, где человечество установляет большие страницы Культуры. Нужна большая безбоязненность, большая преданность всеобщей пользе, чтобы настаивать и не отступить ни перед какими трудностями.

Чем больше будет открыта, утверждена и разъяснена необходимость неотложных воздействий для охраны Культурных сокровищ, тем больше народных взаимопониманий и достижений

возможно.

Будем же из разных стран, в разных условиях, в разных взаимоотношениях устремляться к той неопровержимой истине, что сердце человеческое есть хранитель Культуры, а Культура есть радость восхождения сознаний народов. В разных странах будем пристально следить за упрочением Пакта для охраны Культурных сокровищ, и подобно бессменному дозору будем перекликаться: "Всегда готов!"

22 Января 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Каменный век

"Вещи и дела, аще не написании бывают, тьмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написании же-яко одушевлении".

Так говорит старая летопись. И действительно, нужны отметки по всем периодам жизни человеческой. Такие отметки полезны не только для познания самого описываемого периода, но и для характеристики воззрений самих описателей.

От многих умозаключений эволюция познания заставляла исследователей отказываться. Ничего не только постыдного, но и вообще осуждаемого нет в этих отказах ради новых более широких и обоснованных заключений. Сама история постепенности воззрений и умозаключений уже есть исследование Культуры человечества.

Мало ли было программ, подразделений и как бы очень точных вычислений, которые в свете новых достижений должны бы были быть пересмотрены и обновлены. Сколько старых несовершенных переводов с мало тогда изученных языков должны были быть преодолены вновь, чтобы восстановить невольное искажение истины.

Среди многих условных делений человеческой Культуры нужно вспомнить и о недавно непреложном делении веков каменного, бронзового и железного. Старое деление доисторических времен на камень, бронзу и железо, хотя в продолжении прошлого столетия оказало неоценимые заслуги, позволяя упорядочить бывший научный хаос, сейчас часто показывает, насколько могут быть переменны и разные другие, еще более жизненно бытовые соображения. Первоначальные деления оказываются слишком приблизительными и неразборчиво заходят друг на друга, недостаточно характеризуя бытовое значение эпох. Постепенное углубление изучений позволяет уже судить не только о том, с какими орудиями выходил человек в поле, но уже о том, для чего выходил и какие оказывались следствия его деяний. Кроме того, грань между культурою камня и металла до такой степени неопределенна, что прежнее принятое разделение требует новых классификаций.

Но если между камнем и металлом иногда так трудно судить правильно, то уже среди эпох камня часто угрожают самые сбивчивые показания. Геологические доказательства, кости, остатки гончарства — все это оправдывает далеко не всегда.

Не будем повторять многие анекдоты, рассказанные известными исследователями. Смещение разных земных слоев,

пользование старинными инструментами, что случается очень часто даже и теперь, и, наконец, общечеловечность орнаментаций — все это постоянно требует новых распределении. Не следует бояться трогать старые книжные полки. Не следует опасаться сближать и сопоставлять предметы древности в новых сочетаниях. Когда мысль должна блуждать среди тысячелетий, а может быть, и в десятках их, то и сами ограничения или утверждения неминуемо будут относительны. Именно признав эту неизбежную относительность, исследователь не только не огорчится, но тем бодрее и радостнее поспешит вперед для новых обоснований.

Царство камня протянулось от неизреченной древности и до наших дней в буквальном смысле. Ведь в наши дни целые племена заняты обработкой каменных изделий, мыслят об их лучшем изготовлении и в этих уклонах думают и о многом так же, как их незапамятные праотцы. Правда, мы же когда-то утверждали, что древний человек каменного века не похож на теперешнего вымирающего дикаря, хотя бы и стреляющего теми же каменными стрелами. От этого утверждения мы не отказываемся. Конечно, сущность доисторических жителей поражающе потенциальна, и мы видим блестящие порождения и достижения. Но в узкотехнических приемах многие наследия настолько предались однообразию, что не всегда исследователь отличит давние эпохи от более новых. Помню, как мне приходилось показывать предметы несомненно неолитические и даже такие крупные величины, как Мортилье, Капитан и Ривьер де Прекур, были склонны относить их ко временам гораздо более древним. Так между прочим происходило и на доисторическом съезде в Перинге. Еще недавно приходилось читать о приблизительности Солютрейского типа, накопления которого оказывались в совершенно неожиданных местностях. Можно придумывать множество теорий, и все же они останутся предположениями.

Общественность жизненных заданий и украшений не позволяет делить их внешне условно. Каждому исследователю приходилось видеть обломки гончарства с такими заметками орнамента, что нелегко было судить, какого типа человек мыслил именно в этом прикосновении своих ногтей или примитивной палочки. Даже изображения на скалах и пещерах не имеют таких резких границ, как это иногда кажется.

Нам приходилось видеть рисунки на скалах от очень древних и до почти нам современных. Уже не говоря о сходственных ритуальных мотивах изображений, но и в самой технике оставалось много подобности. Конечно, древнейшие и

самоновейшие были отличаемы сразу, но в срединных периодах, по правде говоря, различать совсем было нелегко.

Так же трудно восстановляема и реставрация древних жилищ. Без отепляющего элемента быта все кажется холодным и бездушным, даже когда вы идете улицею Помпеи или Остии, то даже при такой сравнительно неглубокой древности вы уже не чувствуете себя вполне погруженным во всю протекавшую там жизнь. Уже не будем говорить об остатках Египта и Среднеазийских.

Вспоминаю наше собрание каменного века. Оно, наверно, уничтожено. Где-то заграницей передавали, что ценное содержимое нескольких ящиков выброшено в канал, а ящики пошли на топливо. Везде ли так бывало? Откуда такое презрение и отвергание? Пройдите с таким отрицанием по всем хранилищам и сокровищницам, многое ли переживет эти дикие шаги? Кто-то, когда-то нашедший груды каменных оружий, не будет ли изумляться смешанности типов?

А ведь собирались они именно с целью сопоставлений, сравнивалась техника американских и северных, и азиатских образцов. Даже во время любования Римом, Флоренцией и Вероной всюду не забывались и каменные изделия и привозились к их далеким собратиям. И Франция, и Бельгия, и Венгрия — отовсюду притекали образцы. Особенно поучительно было сопоставлять их с нашим неолитом, который дал образцы очень высокой техники. Все это рассеялось. Обидно то, что не только оно рассеялось, но навсегда перемешалось, и никто более в этих сотнях тысячах образцов не разберется.

Вспоминаю о таком эпизоде не только с удивлением, что и в наше время нечто подобное возможно, но и потому, чтобы еще раз подумать о пределах относительности, с которыми во многих случаях приходится встречаться. Один помещик завещал похоронить себя в древнем кургане. Пройдет несколько сотен лет, и может возникнуть еще один археологический анекдот. И тем не менее, какая это живая, нужная для всех соображений наука — археология.

23 Января 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Безумия

В университете Виргинии профессор Гарри М. Джонсон говорил о последствиях усталости: "Если вы устали — вы безумны". "Усталый человек выкажет характерные симптомы той или иной формы безумия и не всегда в малой степени", — сообщал доктор Джонсон, излагая результаты своих семилетних исследований в Институте Мелон.

"Неповоротливость, невнимательность, расстройство речи, провалы памяти, упрямство и болезненное упорство, галлюцинации, потеря сознания, блуждание и припадки гнева — все это обычные симптомы усталости, если даже они начинаются в большой постепенности.

После хорошего сна усталый человек освобождается от этих симптомов и часто восстанавливается. Но бывает, что и сон вовсе не устанавливает нормальное равновесие. Может случиться, что следствием окажутся новые виды ненормальности и человек впадает в бездеятельность, нечувствительность, подавленность и остается апатичным ко всему, без всякого интереса и внимания и даже не может предпринимать какие-либо работы в его собственной профессии. Такое состояние может продолжаться несколько часов, а то и несколько недель".

С другой стороны, врачи при Колумбийском Университете опубликовали новую теорию простудных заболеваний. По этой теории оказывается, что простуживается, собственно говоря, не человек, а бактерии и микробы, а заболевание самого человека является только вторичным явлением. Сравнительно недавно бактериологи установили, что один и тот же микроорганизм, в зависимости от условий, в которые он поставлен, может быть или патогенным, или сапрофитным. Самый безвредный микроб при изменении среды и условий существования превращается в патогенный. Безвредные микробы и бактерии, наполняющие полость носа и рта, под влиянием сырости или резкой перемены температуры превращаются в болезнетворные.

При этом не нужно забывать, что, действительно, внутренние условия человека будут изменяемы не только от внешних обстоятельств, но и под влиянием состояния нервной системы. Иначе говоря, мы опять подходим к тому же положению, что подавленность и неуравновешенность нервной системы создает огромное количество тех случаев, которые еще недавно почитались происходящими от внешних причин.

Замечание исследователя о том, что усталость создает условия безумия, вовсе не парадоксально. Действительно,

внутренняя нервная энергия приходит в такое неестественное состояние, что определение его как безумия недалеко от истины.

Тот же самый сильнейший яд, который создается в припадках гнева и раздражения, хотя и видоизмененный, но все же отлагается в нервных каналах, при различных неестественных подъемах или подавленности.

Можно лишь поздравить исследователя, отважившегося назвать состояние подавленности безумием. Обычно люди боятся произносить такие общепринятые определения. Безумие понимается как степень, заслуживающая изоляции, но если множество людей ходит на свободе, даже формально сумасшедших, то сколько же их находится в различных временных стадиях безумия.

Если вспомнить всякие бывшие законодательства, учения, теории философий, то, конечно, они прежде всего заботились об установлении равновесия. Не какие-то особенные психиатры, но именно жизненные психологи призывали людей к таким состояниям, в которых происходили бы наименьшие самоотравления. Допущение к деятельности бактерий и микробов в большинстве случаев уже будет самоотравление, ибо произойдет от сознательно направленной лжедеятельности. Так называемая усталость со всеми ее тягостями также будет прежде всего следствием неправильного распределения труда.

Сколько раз и в древнейших и новейших Заветах предлагалась мудрая смена труда во избежание тягостной усталости. Ведь при достаточно разнообразной смене труда сама по себе усталость вообще невозможна. К тому же мертвенная бездеятельность может порождать один из самых пагубных видов усталости. Особенно сейчас, когда обнаруживается столько, как бы незамеченных ранее, заболеваний, каждый исследователь прежде всего будет искать путей к равновесию. Ведь мы живем не только во время чрезмерных трудов, не только во время наиболее неестественных и подчас убийственных взаимоотношений. Стоит взять любую страницу газеты, чтобы убедиться, насколько самые небывалые признаки безумия широко распространены. Не угодно ли, например, прочесть в газете следующие рекорды 1934 года:

"По обычаю прошлых лет, в истекающем 1934 году было поставлено несколько оригинальных рекордов".

"Немка Эдна Асселин получила первый приз на международном конкурсе домашних хозяек, очистив от пыли коридор в 2 метра шириной и в 7 метров длиной в 38 секунд".

"Американец Джемс Аагорд вышел победителем на конкурсе крикунов, состоявшемся в штате Небраска: он заорал так, что его было слышно на расстоянии 3 км".

"В Цинциннати закончился бриджевый матч, начатый в 1924 году. Каждый из партнеров записал по миллиону с лишним очков".

"18-летняя Роза Руни из Род-Айланда съела в один присест 18 литров моллюсков ("мулей")".

"Портной Ейндубер из Данвера вдел в игольное ушко 12 тончайших нитей, одну за другой".

Надо думать, что такие рекорды года достаточно напоминают об опасных степенях безумия, ползущего и притаившегося среди человечества. Для психологов, действительно, предстоит необозримое поле для исследования. При этом сколько, казалось бы, неразрешимых государственных и общественных проблем разрешится от устремления к равновесию. Тот самый Золотой Путь, так давно заповеданный, опять ищется человечеством среди необычайных и, наверное, неповторенных сумерек безумия. Те же ежедневные известия говорят о невероятных преступлениях, совершенных с какой-то необыкновенной холодной жестокостью.

Конечно, каждая жестокость уже есть безумие. Наверное, можно проследить, каким образом наслаивалось постепенное безумие жестокости и проклятия. Эти пути как самые отрицательные несомненно всегда останутся в пределах безумия. Исследования, почему человек низвергается до проклинания и до всевозможных отвратительных жестокостей, наверное, упасли бы многих от этих путей темных. Если по справедливому замечанию исследователя усталость есть уже степень безумия, то кольми паче жестокость будет уже острой степенью безумия. И не нужно утешаться, что в наш просвещенный век жестокость изживается. К сожалению, это совсем не так. Появляются даже новые виды жестокости утонченной, вторгающейся во все виды быта. Пожелаем, чтобы безумие исследовалось бы, действительно, во всех видах.

24 Января 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

"Скажите:

Ныне день свершения Доказательства, проявления Слова и пришествия Утверждения!

Бог повелевает вам то, что для вас благотворно, и завещает вам то, что вас приблизит к Нему.

Во Имя Господа

Всеславного,

Всевышнего!

Цель этих строк — разъяснить, что не могут люди отыскать Море Ведения, если не отрешатся от всего, что существует. О, народы земные, скиньте всякие узы, если хотите вы достигнуть становья, уготованного для вас Богом, и войти в царство, воздвигнутое Им.

Те, что идут Путем Веры и желают пить из Чаши Достоверности, должны освятить душу свою и очистить ее от всего случайного, т. е. отрешить уши свои от слов человеческих, сердце — от сомнения, порожденного великими завесами, ум — от мирских попечений, очи — от вида вещей тленных и, положившись на Бога и взывая к нему непрестанно, следовать путем своим, доколе не удостоятся принять Свет Божественного Знания и стать вместилищем явления бесконечных Благ.

Ибо если вздумает человек оспаривать поучения Бога и Избранников с помощью слов либо действий тех, кто ему подобен, ученых ли, или невежд, никогда не войдет он в Сад Знания, никогда не приступит к Источнику Мудрости и Познания единого Царя и никогда не достигнет вечного Становья, не вкусит из Чаши Приближения и Утомления.

Оглянитесь на прошлое: сколько людей всякого звания ждали проявления Бога в чистом образе, молясь и надеясь ежемгновенно, что повеет дыханием божественной милости, и Жених, выйдя из таинственного облака, сойдет на землю! И когда отверзалась дверь Благости, то облака Милосердия поднялись, Солнце Истины взошло на небосклоне Силы, но никто не уверовал в Него, и все отвратились от взора Его, и однако то был взор Божий! Вот, что являют нам священные книги. Поведайте ныне, почему те, что взыскали Его и ожидали, стали прекословить Ему так, что не выразить того ни пером, ни словом? Ни одно из чистых проявлений, ни одна из Зорь единства Божия не могла показаться, не возбуждая противодействий и ненависти повсюду. Ведь сказано Богом: "О, как несчастны сии люди! К ним приходит пророк, и они только смеются над ним. Каждое из тех племен

составляло умыслы против посланника к нему, чтобы взять верх над ним: они вступали с ним в споры, чтобы ложью опровергнуть истину".

И слова, как бы нисшедшие из Облаков Силы и Неба Величия, столь многочисленны, что их всех не познать. Перечтите главу эту со вниманием и размыслите, пока не поймете назначения Пророков и противодействий, которым подвергались они со стороны проклятого. Быть может, тогда удастся заставить людей бежать от состояния беспечности, в котором обретается душа их, к Гнезду Единства и Знания, заставить их пить Воду вечного Ведения и обрести Плоды Познания Божия величия.

То жребий святой и вечный, удел чистых душ за божественной трапезой, нисшедшей с небес".

* * *

Намаз в пустыне. Среди многих трогательных обликов вы не забудете также и одинокую фигуру путника, разостлавшего на розовых песках свой ковер и склонившегося в поклоне. Именно эта одинокость среди безграничных рдеющих песков, она может быть более запоминаема, нежели сама тамга[66] Тамерлана.

В пустыне нелегко представить себе бесчисленные орды, но одинокая фигура как нельзя более отвечает. "Бегство в Египет", "Агарь с Измаилом". Все эти образы за пределами веков и народов всегда убедительны.

Белая пустынная кость, которая сверкает издалека, и пустынный орел, и где-то такой же пустынный дикий конь, а может быть, вовсе и не дикий, а отбившийся. Вся пустыня именно пустынностью своею собирает внимание даже на малейшем кустике тамариска. А если увидите в пустыне голубя, то какие необыкновенные образы свяжутся с этим неожиданным появлением. Некоторые слова должны звучать в горах, другие требуют ковыльно-шелковую степь, третьи нуждаются в зеленом лесном шуме. Так есть и слова, которые рождаются лишь в пустыне. К тому же Богу, к тому же средоточию воззовут слова и из песков. Если сердце приветливо знает слова пещерные и нагорные, если оно бережет в себе подводные и надоблачные грады, оно ласково улыбнется и словам пустынь. Не в буране и вихре, и смерче, но в закатном рдении барханов сердце улыбнется тому одинокому путнику, который прервал путь, отставил земные дела, не поторопился к кишлаку, но воззвал к Высочайшему.

Бесчисленны рисунки барханов; где она, дорога шелковая? Где путь воинств? Где путь посланников мира? В иероглифах

пустыни стерлись пути и тропинки. Пел Джелал Ал-дин Руми: "Мое место — безместно, мой след — бесследен". Где-то тоже в пустыне стоят дворцы царицы Савской. Берегут их арабы, но железные птицы уже чертят воздух над ними. Неужели уже не безопасны сокровища?

* * *

Вабиса бен Мабад повествует: "Я предстал однажды перед пророком. Он угадал, что я пришел, чтобы спросить его, что есть добродетель? Он сказал: спроси свое сердце; добродетель это то, на чем успокаивается душа, на чем успокаивается сердце; грех — это то, что возбуждает беспокойство в душе и что поднимает бурю в груди, что бы ни думали об этом люди". "Положи руку на сердце и спроси его, что доставляет беспокойство твоему сердцу, — того не делай".

25 Января 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Звёзды смерти

Аббат Море — французский астроном обращает внимание всех дипломатов на 1936 и 1937 год. В эти годы, он говорит, будет наблюдаться сильное нарастание и деятельность солнечных пятен. Астроном напоминает, что периоды усиленной деятельности солнечных пятен часто совпадали с войнами и всякими общественными смятениями.

"В периоды наименьшей деятельности солнечных пятен на Земле обычно замечались мирные времена, тогда как максимальная деятельность этих пятен по-видимому вызывает нервное повышение, которое увлекает народы во зло и дикую борьбу, — говорит аббат. — Если солнечная деятельность увеличивает всякие магнетические отклонения, то среди последствий развивается также и странное лихорадочное состояние, которое эпидемически овладевает человечеством. Иногда такое лихорадочное состояние начинается несколько ранее максимума, как это случилось при Мировой войне в 1914 году…"

"Приближается ли другая война — это неизвестно, но я напоминаю, что согласно статистике, покрывающей многие столетия, годы 1936 и 1937-й должны быть считаемы особенно опасными".

Итак, ко всем разнообразным исчислениям, касающимся 1936 года, прибавляется еще одно. Во многих странах по самым разнообразным причинам люди останавливают свое внимание на 1936 годе. Конечно, трудно сказать, будет ли этот год уже показателем в грубо-земном значении или же он заложит следствие ближайшего времени? Ведь так часто решающее событие уже где-то совершилось, а в то же время в других местах люди уже впали в отчаяние об его отсутствии. Нечто подобное замечалось в часы ожидания перемирия Великой Войны. Ожидавшаяся минута прошла, как будто ничего не состоялось, люди еще горевали, но в то же время перемирие уже было решено, но лишь не было объявлено во всеуслышание.

Итак, ко всевозможным суждениям о знаменательном значении 1936 года французский астроном прибавил и свое опытное слово. В то же время за океаном происходили очень значительные суждения о так называемых "звездах смерти".

На очередном заседании Смитсонианского института в Вашингтоне секретарем его, известным американским астрономом Чарльзом Абботом прочитан доклад о "звездах смерти", лучи которых уничтожили бы всю жизнь на земле, если

бы когда-либо достигли ее.

Аббот работал в калифорнийской обсерватории на горе Вильсона с группой помощников. При помощи новых астрономических инструментов онипроизвели точнейшие измерения силы света разных звездных лучей и их спектров. Им удалось произвести измерения малейших излучений звезд, видимых на земле, несмотря на то, что эти звезды отделены от земного шара трильонами и квадрильонами километров.

Особый интерес представило изучение лучей звезды Ригель, принадлежащей к созвездию Ориона. Это ультрафиолетовые лучи, исключительно короткие. "Большая часть лучей звезды Ригель не поддерживает жизнь, а убивает организмы. Излучения Ригеля не дают ощущения света организму, на который они падают. Это подлинные лучи смерти. В небольшом количестве такие же лучи выделяются солнцем. К счастью для нас, они почти не достигают земли, так как им трудно проникать через слои озона, находящиеся в атмосфере высоко над землей".

Мы обнаружили, рассказывает Аббот, что все звезды, окрашенные в синий цвет, принадлежат к категории смертоносных.

Температура их в три раза выше температуры на поверхности солнца.

Хорошо, что в космическом движении такие мощные лучи претворяются в пространстве. Наверное, вместо прямого разрушения они приносят и большую пользу. Вообще в текущие дни накопляется очень много замечательных наблюдений в разных областях, которые, в конце концов, увлекают внимание все к тем же высшим энергиям, подробности которых иногда сознательно, а чаще всего бессознательно попадают в руки человечества.

Часто встречаемся также и с другим, достойным большого внимания явлением. В той или иной профессиональной области, часто даже с узко утилитарной точки зрения, затрагиваются вопросы, имеющие поистине всеобщее значение. Так, например, фордовский "Американ Уикли" в Детройте сообщает любопытные данные о разных необъяснимых явлениях, которые иногда влекут за собой всевозможные катастрофы, в том числе и автомобильные. Рассказывается:

"Недавно один шофер, разбивший машину, уверял, что в тот момент, когда он с полной скоростью несся, он увидал большую собаку, от которой и свернул в сторону. Он слетел в канаву, разбил машину, но все же убедился, что никакой абсолютно собаки не было и все это было лишь странной галлюцинацией".

"Очень часто сидящий за рулем автомобиля и попавший в

катастрофу не может объяснить разумно, что заставило его потерять направление".

"Вот еще зарегистрированный случай, который имел место в Великобритании. Автобус, совершавший регулярные рейсы между Портсмутом и Лондоном, шел под управлением очень опытного шофера. Вдруг, проходя мимо обрыва, машина начала выписывать зигзаги и свалилась туда. В результате — один убит, пять пассажиров ранено. Шофер уверял, что он видел маленькую девочку, которая перебегала дорогу под самой машиной и которую он старался спасти".

"В Сев. Америке, в штате Арканзас, был зарегистрирован случай коллективной галлюцинации. Четыре студента мчались в машине, когда правивший увидал, как какая-то повозка пересекает дорогу, и поэтому затормозил. Двое из пассажиров также видели эту повозку, но четвертый ничего не видал и был страшно изумлен, почему машина остановилась.

Оказалось, что сидевший за рулем принял за повозку тень, падавшую на дорогу".

"Вообще, нужно отметить, что коллективные галлюцинации не так редки. Один американский студент вытащил из кармана однажды, во время ссоры с коллегой, с криком — "Я тебя застрелю!" — электрическую лампу. И все присутствующие увидали, что это был настоящий револьвер".

"Зарегистрирован очень интересный случай галлюцинации в Чикаго. Женщина убирала комнату. Вдруг раздался револьверный выстрел. Она упала, стала кричать, что ранена в грудь. По доставлении ее в госпиталь никакой раны у ней не оказалось. Но револьвер в комнате был — хотя и не заряженный: он упал от толчка на пол. Женщине показалось, что он выстрелил, что она ранена".

"После ужасной катастрофы с кораблем "Титаник", в 1912 году налетевшем на айсберг, множество пассажиров других пароходов, плававших через море в тех широтах, являлись на мостик к капитану, заявляя, что они видят опасные ледяные горы. Эти горы были простыми галлюцинациями".

Интересен случай массовой галлюцинации, известный в Англии. Битва у Мокса во время Великой Войны происходила на тех же местах, где когда-то в XV веке английские лучники дрались против французов.

"И вот, когда однажды германцы наступали особенно сильно и "томми" хотели было уже ретироваться, полк увидал своих предков, в латах, с арбалетами и с алебардами, которые вместе с ними кинулись на немцев. Атака была отбита".

"Чем объясняет наука эти галлюцинации? Усталостью,

иллюзией, отравлением алкоголем. Интересное объяснение дает им французский д-р Рауль Мург, который считает, что галлюцинация — это внезапное появление в сознании идеи, которая выныривает из подсознательного и именно ввиду этой внезапности приобретает большую живость".

"Во всяком случае, явление "видений" — вовсе не только "кажущееся", если оно может быть причиной катастроф, преступлений, несчастных случаев и т. д. Нервы у ответственных работников должны быть в полном порядке и не допускать никаких иллюзий".

В то же время, когда журнал Америки по-своему приближается к вопросам о галлюцинациях, в Европе происходят интереснейшие опыты с передачей мысли на расстоянии. Приведем и эти данные и соображения:

"Между Веной и Берлином были произведены, под контролем ученой комиссии врачей, физиологов и психиатров, опыты передачи на расстояние зрительных образов при помощи одного только напряжения мысли".

"Опыты эти были организованы венским метапсихическим обществом, председателем которого состоит профессор венского университета Христофор Шредер. "Отправительной станцией" служил сам профессор Шредер, приемником — немецкий врач, член берлинского института психических наук".

"Проф. Шредер и два его помощника сидели за письменным столом, на который сильная электрическая лампа отбрасывала яркий круг. В этот круг клались различные предметы и рисунки, на которых трое "отправителей" сосредоточивали все свое внимание до такой степени, что по истечении нескольких минут впадали в своего рода гипнотический транс".

"Приемники" — берлинский врач и два его ассистента — в тот самый момент (заранее установленный по точным часам) начинали усиленно думать о кабинете венского профессора, о столе и о светлом круге на нем, т. е. об обстановке, которую они предварительно видели во время посещения Вены. Постепенно перед их закрытыми глазами начинали вырисовываться неопределенные очертания предметов. Иногда они расплывались, не дойдя до конца, иногда же обретали такую ясность, что "приемник", чертя карандашом по белому листу бумаги, получал связный рисунок".

"Из сорока опытов, произведенных в ноябре месяце, абсолютно удалось шесть. Двадцать опытов дали сомнительные результаты, остальные не удались полностью. Удавшиеся опыты сводились к следующему:

Венский "отправитель" имел перед собой рисунок змеи с

двукратным изгибом тела. Берлинский "приемник" нарисовал змею, но только с одним изгибом".

"Отправитель" глядел на стрелу, положенную горизонтально. "Приемник" нарисовал стрелу, но косую".

"Отправитель" передал изображение цифры 9. "Приемник" нарисовал восьмерку, причем следует отметить, что в изображении, лежавшем перед "отправителем", нижний хвостик девятки был загнут так, что цифру легко было принять и за 8.

"Особенно любопытен был шестой опыт. Из Вены передали изображение цифры 5. Берлинский "приемник" начертил пятерку, но под ней поставил треугольник. Это обстоятельство чрезвычайно заинтересовало членов комиссии, которые полагают, что проф. Шредер в момент передачи, незаметно для себя, отвлекся мыслью и подумал о треугольнике. Некоторые члены высказали предположение, что таинственный треугольник — результат "паразитов", существующих, несомненно, для телепатических передач совершенно так же, как для радио: в эмиссию припуталась по дороге чья-то чужая мысль, несшая на невидимых волнах изображение треугольника".

Порадуемся и таким опытам, хотя они, в конце концов, и не новы и довольно скудны. Можно бы привести целый ряд других, гораздо более показательных в этом отношении опытов, но отмечаем лишь эти, так как, судя по сообщениям, они велись "под контролем ученой комиссии". Может быть, именно этот контроль случайных присутствующих понижал возможность результатов. Ведь всюду, где люди касаются тончайших энергий, они должны быть очень духовно гармонизированы и вообще сознательно утончены в высших восприятиях.

Но сопоставляя приведенные соображения о так называемых галлюцинациях и образы, переданные на расстоянии, не придет ли мысль о том, что чьи-то мысленные посылки также будут для кого-то галлюцинациями. Предполагается, что мысль, посланная из определенного места, будет принята также в определенном месте, где ее ожидают, но подобно радиоволнам, эти же мысли-образы будут восприняты подходящими приемниками и во множестве других мест. Это простое соображение еще раз напоминает нам, как велика ответственность человека за мысль и в каком контакте может находиться эта мысленная нервная энергия и с космическими явлениями величайшего масштаба.

Повторяю, что сегодня записываю указания из новейшей прессы не только потому, чтобы они были особенно новыми и поразительными, но также и для того, чтобы не забыть, на какие именно явления обращено внимание в повседневной печати. Хотя во многих областях еще преобладает изуверство и

невежественная ограниченность, но через все эти препоны сознание человеческое несомненно овладевает новыми ступенями нужнейшего познания.

Часто случается, что люди от какой-то, именно профессиональной точки зрения, сами того не замечая, затрагивают вопросы огромного значения. Потому-то все новейшие умозаключения должны производиться при полной и широкой открытости наблюдателя. Сегодня откроются какие-то звезды смерти, а завтра снизойдут лучи спасения. Только бы собирать знания с полным доброжелательством и ожидать вестника нс по нашему ограниченному приказу, а во всей широте истинных возможностей.

26 Января 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Воздействия

За время жизни в Пекине у всех нас замечались какие-то странные, неожиданно возникающие и так же быстро проходящие горловые раздражения и насморки. Так как это явление замечалось у всех, не только у нас, но и у многих живущих в том доме, мы, конечно, не раз задумывались о причинах. Причина обычной простуды отпадала. Причина нервного раздражения не была бы приемлема ко всем одинаково. Причина пыли, в конце концов, не была бы нова и после Харбина. Между тем именно внезапность этих ощущений не раз заставляла нас удивляться, тем более, что они наступали без всяких видимых причин.

Так и вчера во время записей Н. Грамматчиков вдруг почувствовал сильный приступ насморка. Затем я заметил, что он усиленно оглядывается на окно, и спросил, в чем дело. Он мне ответил следующим соображением, по существу чрезвычайно интересным: "На расстоянии около 200 метров от отеля расположена антенна радиоотправительной станции, по конфигурации которой можно прийти к убеждению о ее короткой волне. У всех нас замечаются внезапные болевые ощущения в области носоглотки и приступы быстропроходящего насморка. По многочисленным исследованиям, главным образом американским, установлено, что излучение коротких радиоволн вызывает повышение внутренней температуры тела всякого живого организма и воспаление слизистых оболочек. На основании этого, весьма вероятно, что эта радиостанция является причиной наших кратковременных недугов.

По нормам, установленным на международной конференции радиотехников, радиоотправительная станция должна быть установлена не только за пределами городской черты, но и отнесена от последней на довольно значительное расстояние, высчитываемое в функциональной зависимости от градиента поля, Помещение же ее в самом городе нарушает не только правильность приема радиолюбителей, но, что гораздо более важно, отрицательно влияет на состояние населения.

Кроме того, вся станция окружена большим количеством приемных антенн, которые при таком малом расстоянии от основного диполя отправительной станции безусловно могут являться до некоторой степени индуктивными рефлекторами, вызывая некоторые наложения"…"

Не так давно один германский профессор производил опыты с направленным излучением ультракоротких волн, по направлению излучения которых находилась стальная колонна

диаметром около 1,5 метра. Через несколько часов колонна рухнула, а рабочие, помогавшие при эксперименте, как сообщалось, умерли после краткой, но неизвестной доселе медицине болезни.

Эти соображения ясно показывают вред плодов цивилизации при неумелом или, вернее, незаботливом их использовании".

Не будем настаивать, что именно сказанное предположение является причиной замеченных странных раздражений, но одно остается совершенно несомненным — высказанное соображение вообще имеет крупнейшее значение. Все искусственно вызванные усиленные волны должны производить всевозможные пертурбации, Пространство всегда пело, стонало, вопило, но сейчас эти стрелы перекрещиваются еще более яро. Было бы просто недомыслием предполагать, что всякие конденсированные воздействия не будут оказывать никаких последствий. Так же точно нелепо было бы предполагать, что электрификация, о которой так мечтает человечество, могла бы быть безобидной в любом своем напряжении. Если те же явления электричества могут быть целительны, то в другой степени они же и убийственны. Так же точно должно происходить и со всеми мощными энергиями, механически конденсированными.

Между тем все время слышно лишь об опытах, изыскивающих усиление или нагнетание этих конденсаций. Еще нигде не вспоминались меры для уравновешивания производимых пространственных напряжений. Конечно, никто не будет предлагать человечеству отказаться от необыкновенных привилегий, данных силою электричества. Никто не будет обескураживать блестящие достижения в сфере радио. Никто не посоветует отказаться от находок Рентгена и от всех тех блестящих наметившихся возможностей, которые открываются с каждым днем.

Когда-то шутливо замечалось, что необузданные искатели могут вызвать небесный каменный дождь. Ведь подобные катастрофы, зримые или незримые, болезненно ощущаемые или безболезненно убивающие, легко могут быть вызваны. Уже в настоящее время развилось столько новых форм болезней. Столько необъяснимых сердечных, нервных и всяких других сложных заболеваний заставляют врачей задуматься. Говорятся общие места о нервности современной жизни, предписывается какой-то покой (хотя врач и сам отлично понимает то, что он предполагает этими словами). Изобретаются множества патентованных лекарств и среди них, наверное, изрядное количество ядовитых и разрушающих сочетаний.

Справедливо преследуются главнейшие враги человечества —

наркотики, но еще не слышно, чтобы действенно производились изыскания по исследованию вреда и полезности вновь выявленных в особенную напряженность энергий.

Ближайшими примерами неосторожного обращения с призванною пространственной мощью служат хотя бы такие очевидности, как, например, различные антенны посреди городов. Или такая насыщенность электричества, что даже рукопожатие становится очень болезненным. Таких же примеров можно приводить очень много, а с каждым днем при новых механических приспособлениях всякие подобные примеры умножатся.

Если люди уже начали думать о воздействии мысли, то и многообразные воздействия пространственных энергий должны бы быть заботливо изучены. Оздоровление жизни должно производиться, поистине, всеми мерами. Невозможно с одной стороны сокращать число рабочих часов для того, чтобы в течение остального времени особенно утонченно разбивать и разрушать организмы.

Сегодня сообщается из Норвегии, что профессор Клаус Хансен в университете в Осло в присутствии своих коллег принял яд, который, как известно, убивает животных и рыб. Воздействие этого яда на человеческие организмы неизвестно, и профессор Хансен добровольно принял дозу его, чтобы исследовать на себе процесс этого отравления. Сообщается, что в продолжение нескольких часов после принятия никаких болезненных явлений не замечалось.

Мы приветствуем героизм исследователя и от души желаем успеха мужественному опыту профессора Хансена. Но если бы все человечество уселось в электрическое кресло, то вряд ли бы такой опыт соответствовал задачам эволюции.

27 Января 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Помощь

Нужно ли помогать?

Так нужно, что и выразить нельзя. И мыслью, и советом, и делом, и всеми доступными прямыми и косвенными способами. Ведь главнейшая причина мирового кризиса заключается в отсутствии взаимной помощи. Между тем достаточно ясно установлено, что протекающий кризис не материального, а именно духовного значения. Конечно, существует много благотворительных обществ и всяких канцелярий, куда могут быть подаваемы заявления о помощи. Но сейчас имею в виду не только эту установленную помощь, но именно общечеловеческое желание взаимно споспешествовать. В таком общем желании и выражается истинный прогресс.

Сколько раз указывалось, что развитие путей сообщения, среди прочих своих назначений, главным образом должно способствовать развитию дружелюбия, взаимной заботливости, иначе говоря — всей той многообразной взаимопомощи, которая является истинным украшением человечества.

Слишком часто слышатся голоса, что по причине жестокого всемирного кризиса разрушены многие богатства и тем пресечена возможность помощи. Эти голоса предполагают лишь одностороннюю денежную помощь. И если мы признаем, что деньги как таковые являются только единственным средством благосостояния, то и будет тем самым воздвигаться пресловутый золотой телец, против которого написаны многие отличные страницы мировой литературы. Каким ограниченным и, поистине, бедным представилось бы человечество, возымевшее уважение лишь к деньгам во всей их мишурной случайной ценности.

Эволюция требует действительных ценностей, из которых порождается и благосостояние, и для таких мировых кооперацій нужна прежде всего наличность доброй взаимопомощи. Если бы нашлось достаточно сердечности и люди поделились бы между собою накоплением своего жизненного опыта, то какое богатство нового строительства могло бы возникнуть. Если бы только асе зримые и незримые пути сообщения приносили с собою вместо личного укрывательства доброжелательную помощь, то во сколько бы благословеннее показались бы новые крылья человечества.

Сознательно и бессознательно в разных частях света думается то же самое. Если бы только включить в мировой ток, если даже не плохо достижимую любовь, то хотя бы доброжелательство

взаимопомощи! Во многих странах учреждаются целые министерства туризма. Учреждаются всякие интеллектуальные кооперации и общества культурных сношений. Казалось бы, такие общества и предусматривают не только отвлеченное прохождение по музеям и университетам, но и основное стремление к помощи — к взаимоознакомлению для блага, так нужного сейчас в мире. Не можем же представить себе, чтобы министерства туризма учреждались лишь для удовлетворения поверхностного любопытства или для успешной продажи железнодорожных билетов. Это было бы очень убого.

Умножаются всякие научные экспедиции, далеко проникают всевозможные торговые миссии. Бороздят воздух железные птицы и с вестями, а то и просто на скорость. Ведь с доброю целью накопляются все эти знаки. Будем думать, что именно с доброй целью. Туризм-путешествие есть действительно тот жизненный университет, который вдыхает в народы новые обновленные возможности.

Следует сказать каждому путнику: "Помогай на всем пути твоем. Помогай всеми твоими возможностями, всеми твоими знаниями и опытом. К тебе потянутся и словесно и мысленно многие сердца. Ты будешь для них не своим, ты будешь необычным, и к твоим советам прислушаются вдвойне". Такой совет путникам не будет отвлеченностью. Каждый, посещающий далекие страны, знает, как у далеких очагов, костров, шатров, юрт и стен ждут рассказа дальнего странника. Это уважение к дальнему опыту свойственно во всех странах. В одном месте будут молитвенно слушать странника, в другом — любопытственно. В третьем — корыстно. И все же всюду будут слушать внимательно.

Велика ответственность путника. Не очерствеет его сердце, чтобы оттолкнуть просящих совета. Не подумает путник, что в силу какой-либо своей узкой профессии он может не иметь открытого глаза и жизненного опыта. Именно путник, на каждом пути своем, получает множество познаний самых разнообразных. Невозможно представить себе такую степень омертвелости, чтобы человек нс знал ничего за пределами своего винтика. Чем ученее человек, тем он больше знает и тем жизненнее будут его советы. Истинно знающий человек и нс поскупится на эти советы, ибо сердце его потребует от этих богатств на общую пользу.

Говорим всем путешественникам:

"От вас ждут многих полезных советов. Призовите все свои знания и не скупитесь на эту благую помощь. Ваши полезные советы будут ожидаемы в разных странах, и потому примените их к разным языкам и ко всяким пониманиям, но главное — не

скупитесь. Ваши дельные советы оценят глубоко и сердечно. Из них будет слагаться доброжелательное взаимопонимание между народами. Дельные советы путников отклонят многие несчастья, вызовут добрую самодеятельность, излечат отчаяние и призовут к здоровому строительству".

Не нужно думать, что такие большие задания творятся лишь на мировых конференциях. Много последствий величайшего значения творится на путях странников. Нам ведомо, что иногда черствое и недальновидное сердце может сказать: "Не надо помогать". Недолго просуществует тот, кто думает, что помогать не нужно. Ужасно погибнет, кто ради эгоизма запрещает помощь, а ведь такие есть. Только умственною отсталостью можно объяснить себе такой отказ помощи. Нужно быть очень ограниченным, чтобы из какой-то боязни запрещать помогать.

Казалось бы, всеми священными писаниями заповедано помогать безотносительно. Дано достаточно примеров, что случайные различия нуждающихся не должны служить преградами. Не привести ли опять эти общеизвестные притчи и записи? Не будем вновь цитировать то, что напечатано в мире в тысячах и миллионах. Будем думать, что лишь обрекающие сами себя на гибель будут запрещать помогать во благо. Скажем друг другу, что будем помогать во благо на всех путях. Будем помнить, что запрещающий дать добрый совет уже есть недостойный разрушитель. Когда обездоленные, когда, может быть, даже целые роды и народы спросят совета и помощи, пусть он будет дан как залог еще одного доброго взаимопонимания.

Пусть путники посмотрят на эту свою возможность, как на светлую обязанность, пусть выполнят ее со всею сердечностью, прилагая весь свой накопленный опыт. Своим искренним пожеланием преуспеяния они придадут совету своему убедительность, и возрастет он, как лучшая жатва, и оживит многие человеческие пустыни. Каждый должен помогать всячески и на всех путях своих. Восточная мудрость гласит: "Серебро, зарытое в землю, чернеет".

Будьте советниками добрыми. Помогайте и сердечно любите дело помощи.

28 Января 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Зов Роланда

Трубит сам Роланд. Рыцарь наилучший. Значит, час зова настал.

В стене Рокемадуры вонзен меч Роланда. Никто не будет настаивать на его подлинности. Почему он так сохранился? Кто приковал к нему цепь? Когда он воткнут между камнями старой стены? Все эти вопросы не нужны.

Важно, что существует меч Роланда. Глядя на старый символ, так украсивший древнюю стену, каждый вспомнит, что имя меча — Дюрандаль. Каждый еще раз перечувствует последний героический бой соратника Карла Великого.

Вспомнится зов рога, когда герой в крайней опасности призвал воинство Франции. Несколько веков прозвучал рог героя. Все, слышавшие о нем, живут все тою же мужественной жаждою подвига. Пылают от того же пламени. Разве не сказка: "Близ Ронсево были обнаружены 12 скелетов людей гигантского роста. Сразу же все окрестное население заговорило, что найдены останки Роланда и его сподвижников. К этим скелетам уже стекаются тысячи обитателей окрестных мест. Парижские газеты посылают туда своих специальных корреспондентов. Известный местный историк Хоза Мана да Хуарте в беседе с журналистами сказал: "Я ничего не могу утверждать, но как не поверить, что это действительно останки двенадцати пэров Карла Великого. Все скелеты искалечены, некоторые обезглавлены, у некоторых отрезаны руки. Естественно предположить, что это скелеты воинов. Черепа найдены под стеной, которая сооружена в XII веке. Следовательно, скелеты были погребены здесь до сооружения стены, т. е. до XII века".

"A noctis phantasmatis libera nos Domine!" — молятся в очаровании цветных стекол соборов. Просят освободить от ночных призраков. Молят отвести всякий сковывающий ужас. Значит, молят прежде всего о Свете. Свет и звук — два ключа к познанию. Во тьме, хотя бы полной тьмы и не бывало, но все же неопределенностью своею выползут омохначенные страшные облики. Темным страхом пытается Миме, испытывая Зигфрида. Но герой среди добытого доспеха находит и рог. Им он вызывает из мрачной пещеры фафнера, зовом рога он возвещает свои подходы к горе огненной.

Победный, призывный, утверждающий и укрепляющий зов рога, глас трубный проходит по всем путям.

Иерихонские стены распадаются не от барабанов, не от литавр, но от трубных звуков. Каждое войско, каждый поход,

каждое устремление к подвигу будет связано с трубным звуком. И барабаны, и литавры, и струны, и трубы имеют каждый свою эпику. Композитор расскажет, почему, желая выразить определенное, он должен был призвать именно тот, а не иной звук; само качество звука имеет такое незаметное касание к определенным центрам. Следовало бы еще углубить исследование воздействий разных звуков. Целительные свойства музыки давно известны. Известно, что мудрые правители во время каких-либо несогласных бурных собраний призывали помощь музыки. Теперь и в различных лечебницах и музыка и картины уже являются обычным атрибутом. Существует любопытная сказка о происхождении и назначении самоцветных камней. Так же замечательны легенды об эоловой арфе или звучаниях статуй и гор.

В горах нередко слышатся созвучия как бы целых симфоний. Отсюда произошли и названия многих горных местностей, связанных с понятием звука. Народы знают, что герой трубит. Пораженный, убегающий противник не трубит бодро. Сказания о трубном звуке отмечены у всех народов. Герой, собирающийся на подвиг, спрашивает о звучном роге. Турнир возвещается не арфами, но трубами герольдов.

Можно бы написать очерки истории народов с эпиграфами звучания и цвета. Эти определения были бы для многих показательны, ведь не только музыканты и художники, но каждое звучащее сердце понимает задание ключа. Тот, кто говорит о гармонии, тот непременно и мыслит в каждом случае в определенном ключе. Тогда звук является зовущим приказом, но нередко он как бы отзвучит от смятения жизни. Среди так называемых модернистов часто и в звуке и в форме трепещет смятение и спешит нагромождение. Как бы отзвучит современность во всей ее условной нагроможденное Т.

Нота природы древних китайцев, пожалуй, кому-то покажется пресной на улице, загроможденной однодневными рекламами. Очень часто люди боятся быть заподозренными в недостаточной современности. Даже предлагают избегать ознакомления с прекраснейшими образцами древней философии и литературы. А между тем во множестве героических образов, донесенных к нашим временам из глубокой древности, звучит неувядающая живая сила, нужная во всех построениях жизни.

Когда ознакомляетесь с новейшими предполагаемыми государственными и общественными устройствами, то в основе их все-таки будет призыв к сотрудничеству, взаимному доверию, доброжелательству и к самоотвержению и героизму. Без этих начал, без основ дружелюбия какое же возможно построение? Как

ужасно мимолетно будет все построенное на ненависти и подозрении! Во лжи зарождаемое во лжи и погибнет.

Когда же молодое поколение вспомнит о героизме, оно захочет возобновить в памяти все те мужественные призывы о подвигах, которые запечатлели народы в лучших своих вдохновениях. И тогда опять люди вспомнят о зовах Роланда и о многих зовах, призывах, приказах, которые самоотверженно звучали на общее благо.

Не успел умолкнуть рог Роланда, как народное воображение уже укрепляется и другими героями, великими в бою и в самопожертвовании. "Ожье Датчанин", "Фьер-а-Брас", "Аспремон", "Взятие Каркассоны" — все напоминает о мужестве воителей Шарлеманя.

И местные бароны отзвучали в рогах и трубах народной поэзии: "Эгремон", "Руссильон", "Доон де Майанс" — все в борениях, в подвигах. А затем "Ланселот", "Персиваль", "Мерлин", "Тристан" — одни имена этого эпоса звучат в мировом объеме, громко разнесенные труверами, трубадурами. Кто не слыхал этих имен? В каких странах не звучали песни славы?

Пирам поет:

"Короли, князья, весь их двор,
Графы, бароны окольные
Любят сказанья, песни и басни.
Они отгоняют черные мысли,
Заставят забыть тревогу и скорбь".

Герои будут утверждены. Кельты хранят память о цикле Артура, о борьбе с великанами, драконами, волшебниками. Песнь о Святом Граале возносит подвиг служения человечеству на священную вершину.

Все зовы. Разные наречия, разные слова, разные обращения и утверждения, а зовы все те же. Зовы подвига.

29 Января 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Сказки

Сказки про Василису Прекрасную, про Серого Волка и Ивана Царевича, и про Щучье Веленье изданы в Харбине под редакцией Вс. Н. Иванова. Маленькая книжка, стоящая всего десять фен, и таким порядком очень доступная. У Вс. Н. Иванова давно была прекрасная мысль об издании в самой доступной форме образцов русской литературы. И в сказках, и в былинах, и в великих творениях наших поэтов и литераторов действительно находятся те жемчужины, которые так неотложно нужно напоминать народному сознанию.

Возьмете ли вы, хотя бы в извлечениях. Гоголя, Пушкина, Достоевского, наконец, полузабытых-полунепонятых глубокомыслящих славянофилов ¬всюду находите все то, что так спешно нужно для целений сердца народа. Отрывки Гоголя или листы дневника писаний Достоевского, или мысли Леонтьева, Хомякова и всех, кто доброжелательствовал России, как всегда свежи эти мысли, ибо они рождались из великой самоотверженной любви и стремились помочь народу в трудных его путях.

Правильна мысль таких общедоступных книжек и потому, что им нужно сейчас проникнуть в самые неожиданные, в самые глухие и удаленные места, где в ожидании трепещут сердца и в рассеянии сущих и угнетенных, и обездоленных, и все же горящих великою любовью к строению.

В одном текущем месяце, кроме названных сказок, изданы еще восемь народных русских сказок: про Волка, Медведя, Лисичку-Сестричку, про Козу и Козлят, про Журавля и Цаплю, про Кота да Петуха, про Муху, про Репку, а к двадцатому января уже успела выйти и "Шинель" Гоголя — одно из необыкновенно проникновенных, хотя и не всегда понятых, творений великого мастера.

А что, если бы сделать русским людям усилие, отбросить всю шелуху и наросшую шершавость и опять сойтись в труде!? Одна эта мысль об общедоступных изданиях жемчужин народного самосознания, уже это помогло бы взаимопониманию.

И не только по-русски требуются эти маленькие книги. Их нужно дать на разных языках и в таких же общедоступных изданиях. Ведь должны они на разных языках проникнуть тоже в народные толщи. Должны проникнуть туда, куда не дойдет толстая, дорогая книга. Пусть они, эти жемчужины, сделаются совсем доступными и проникнут в далекие фермы, на далекие острова, в хижины — там, где подчас так ждут каждое печатное

слово. В то время, когда мы думаем, что уже многое стало доступно и понятно, то на самом деле действительность говорит нам о чем-то совсем другом.

Мы сами видели детишек, подбирающих картинки от спичечных коробок. Знаем, как за любую иллюстрированную измятую страницу газеты люди готовы дать продукты, лишь бы украсить стену своей хижины, а если возможно, то и прочитать. Говорю, "если возможно" не к тому, чтобы попрекнуть кого-то в неграмотности, а к тому, что грамотность-то эта ¬на многих языках, и на этих разных языках нужно говорить о прекрасном.

Нужно сказывать множествам различных людей мысли и древние и новые, ибо все они говорят о том же, что и не древне и не ново, но вечно. Переведите наши сказки и былины на всевозможные западные и восточные языки, и сколько сердец возрадуется, восчувствовав себе близкое. Вот сказка про Василису Прекрасную построена на сказаниях о Терафиме, а Серый Волк для изменения образа бьется о землю, и по "щучьему" мысленному веленью двигаются и действуют предметы. Ведь это все поймет и индус, и араб, и китаец, и еще один мост взаимопонимания — радушный, воздушный, но и прочный, соткется.

Скажите о Граде Китеже, и бретонский пастух закивает вам в ответ, прочтите "Песнь о Полку Игореве" в скандинавских странах, или расскажите в далеком Ассаме об оборотнях, или об Антее в Греции, и всюду вам приложат свои понимания и дополнения. А разве не затрепещут в понимании сердца разных народов от образов Гоголя, а сколько неожиданных пониманий вызовут страницы дневника Достоевского! Но именно не нужно надеяться на многотомные дорогие издания, нужно давать как можно доступнее. Для этой доступности нужно изобрести наилучшие меры, и сказки станут сказаниями, а сказания очертят вечную быль.

Такие же совершенно общедоступные отрывки сокровищ восточной и западной мудрости должны быть даваемы и по-русски. Должны быть даны в том звучно привлекательном переводе, на который способен русский язык. Вспоминаю, как Балтрушайтис прекрасно передавал песнь Тагора, как Бальмонт неповторимо звучал в образах лучших иностранных поэтов, как, наконец, "Бхагавад-Гита"[67] прекрасно зазвучала именно на русском, может быть, лучше, чем на некоторых других западных языках. И Эдда[68], и "Калевала"[69], и Гайявата[70], и Панчатантра[71] — все прекрасно поддается звучному и эластичному языку русскому.

Но все, что издавалось до сих пор, было заключено или в

дорогостоящие многотомные издания или давалось в книгах роскошных. Но ведь все эти красоты должны быть широко даны всем народам и, как в звуках и красках, так же соединить их и в слове звучащем. Так же широко народно нужно дать, хотя и в общедоступных, но вполне художественных воспроизведениях наши иконописные изображения. Ведь об истинной красоте их так немногие знают. И в невежестве, в незнании могут похулять ценности истинные. Главное же во всех случаях сейчас нужна — общедоступность.

Обеднело человечество и оскудело духовно. Потому-то так радуемся, видя каждое прекрасное, но и доступное издание. Итак, тесная быль обратится в сказание, а из сказания вырастет опять сказка. Жизни прекрасная сказка.

30 Января 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Серов

Вот уже и четверть века, как от нас ушел Валентин Александрович. Столько событий нагромоздилось за этот срок, но облик Серова не только в истории искусства, но у всех знавших его в жизни стоит и свежо, и нужно.

Именно в нужности его облика заключается та убедительность, которая сопутствовала и творениям его, и ему самому. Ведь это именно Серов говаривал: "Каков бы ни был человек, а хоть раз в жизни ему придется показать свой истинный паспорте Истинный паспорт самого Серова был известен всем друзьям его, его искренность и честность вошли как бы в поговорку; и действительно, он твердо следовал за указами своего сердца. Если он не любил что-либо, то это отражалось даже и во взгляде его. Но если он в чем-то убеждался и почувствовал преданность, то это качество он не боялся высказывать и словом, и делом.

Эта же искренность и добросовестность сказывались и во всей его работе. Даже в самих его эскизах, казалось бы, небрежно набросанных, можно было видеть всю внутреннюю внимательность и утонченность, и углубленность, которыми дышал и весь его облик. Молчаливость его проистекала от наблюдательности. Сколько раз после долгого молчания он совершал какой-нибудь поступок, показывавший, насколько внимательно он уследил все происходившее. На собраниях он участвовал редко. Большею частью молчал, но его внутреннее убеждение оказывало большое влияние на решение. Портреты свои он иногда писал необыкновенно долго. Нередко даже для рисунка ему требовался целый ряд сеансов. Та же суровая углубленность, которая вела его в жизни, она же требовала и внимательности и желала выразить все наиболее характерное.

Вспомните его портреты, начиная от незабываемой девушки в Третьяковской галерее. Вспомните Гиршман, его и ее, и Морозова, и Римского-Корсакова, и портрет Государя в тужурке с необыкновенно написанными глазами. Мне передавали, что именно этот портрет, изуродованный, с выколотыми глазами, принесли в нашу школу Общества Поощрения Художеств, подобранный кем-то на площади Зимнего Дворца после революции. Не потому ли были выколоты глаза, что они были уж очень хорошо написаны? Экая жестокость! Уцелели ли и некоторые другие портреты Серова? Ведь судьба сокровищ частных собраний подчас была так неописуема. Беспокоит нас и судьба огромного панно-занавеси, написанного Серовым для

дягилевской антрепризы. Писал Серов это панно не просто, как пишут декорации, но со всем тщанием, как бы фреску.

Неужели где-то среди изношенных театральных холстов изотрется и это, необычайное для Серова, панно. Помню, что мои "Сеча при Керженце" и "Половецкий стан" в постоянных перевозках претерпели неописуемые превратности. Не знаю, где может быть в настоящее время и панно Серова. Знаю лишь одно, что если оно не изуродовано в жестоких переездах, то место ему в одном из лучших музеев.

Поучительно наблюдать, как от первых портретов, в характере девушки в Третьяковской галерее, Серов, не меняя основ своих, следовал на гребне волны и в технике, и в заданиях. Вспоминаю его последующие "Похищение Европы" или "Павлову", или его Петровские проникновения. Всюду он оставался самим собою, но в то же время он говорил языком современности. Это не были временные подражания, именно в природе Серова никаких подражаний и не могло быть, он всегда оставался самобытным и верным своему сердцу. Он не подражал, он говорил понятным языком. Вполне естественно, что со временем он начинал искать возможности новых материалов; помню, как он приходил советоваться о грунтовке холста и о так называемых вурмовских, мюнхенских красках, которые мне, в свое время, очень нравились.

Теперь, с проходящими годами, все более нужным становится облик Серова в истории Русского искусства. В группе "Мира искусства" присутствие Серова дает необыкновенный вес всему построению. Если бывали арбитры элеганции, то Серов всегда был арбитром художественной честности. Если припомнить все его причастие в совете Третьяковской галереи — можно смело сказать, что он был самым непартийным, справедливым и строгим членом этого совета. Время его участия в делах галереи останется особенно ценным, и все последующие управления ее делами будут очень далеки в своем беспристрастии в основательности выбора. Случайности не было в поступках Серова. Этот человек, заключенный в себя, молчаливый, иногда исподлобья высматривающий, знал, что делал. А делал он творческое, честное, прекрасное дело в истории Русского художества. Не меняясь в сердце своем, Серов мало менялся и в своем внешнем облике. У меня сохраняется репинский рисунок Серова в молодости. Один из характерных репинских рисунков, сделанный с любовью и как бы в прозрении сущности запечатленного лица. Та же самоуглубленность, тот же проницательный взгляд, то же осознание творимого, как и всегда, во всей жизни Серова.

Как хорошо, что, наряду с Суриковым, Репиным, Васнецовым,

Нестеровым, Куинджи, был у нас и Серов, засиявший таким прекрасным драгоценным камнем в ожерелье драгоценного Русского искусства.

31 Января 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Крылатая чума

В Сан-Джеминиано при нас открыли палату при церкви, замурованную после одного из средневековых чумных бедствий. В прекрасно башенном городе ничто не напоминало больше о черной заразе. По вычислениям было известно, что чумная зараза уже иссякла и палату можно было открывать. Конечно, народ еще боялся, и немногие рисковали входить в эту высокую залу, расписанную фресками Гоццоли. Конечно, замурованность этой палаты прежде всего благотворно отразилась и на сохранности самих фресок. Некому было их перечищать или перемывать и чистить.

Рассказы о чуме особенно всколыхнулись, когда вспомнилась эта замурованная палата. Среди прочих эпитетов чумы ее почему-то назвали "крылатой". Очевидно, в этом подчеркивали неожиданность появлений этой эпидемии. Действительно, без всяких, казалось бы, очевидных поводов вдруг вспыхивала страшная черная смерть. Точно истощив гнев свой, она пролетала дальше и опять опускалась в неожиданном месте в неожиданных условиях. В конце концов, и все так называемые эпидемии налетали всегда без каких-либо предварительных местных признаков.

Почему-то особенно сильно вспыхивали они обычно вовсе не там, где их предполагали. И само исчезновение их, хотя и было обусловлено принятыми мерами, но также как бы зависело еще от каких-то незримых условий.

Сейчас, поверх сказок и поверий давнего прошлого: "Американский биолог Бернард Э. Проктор предпринял серию опытов с целью установить, на какой высоте над землей прекращается всякая жизнь. Проктор прибег к помощи летчика американской армии, специализировавшегося на подъемах на большую высоту. К одному из крыльев аэроплана была приделана трубка, перегороженная посреди листом промасленной бумаги. При скорости аэроплана в 250 километров в час встречный воздух с силою врывался в трубку, причем промасленная бумага играла роль фильтра, задерживавшего все микроорганизмы.

После каждого полета бумажный фильтр доставлялся в лабораторию проф. Проктора, где подвергался тщательному бактериологическому исследованию. В результате 40 полетов на высоту 5000 метров установлено, что в этих слоях воздуха встречается не меньше 29 видов различных видов микроорганизмов — бактерий, дрожжевых грибков и т. д., а также спор и семян растений.

После 5000 метров количество видов уменьшается, но бактерии и грибки попадаются в больших количествах до 7000 метров. Далее, между 7-10 км, фильтр задерживает только несколько видов бактерий, которые, однако, отлично выдерживают как разряженность воздуха, так и низкую температуру предстратосферной области. Выше 10 км опыты не производились, но кривая, вычерченная проф. Проктором на основании добытых материалов, позволяет предполагать, что жизнь продолжается и в самой стратосфере.

Проф. Проктор вывел из результатов этих опытов любопытное и неожиданное заключение: он указывает на роль, которую могут играть в распространении заразных болезней бури и циклоны. Вихрь, проносящийся над пораженной эпидемией местностью, способен захватить и унести ввысь мириады микробов, которые могут затем, следуя воздушным течениям верхних слоев атмосферы, передвигаться на сотни и тысячи километров (таким именно образом вулканическая пыль, выброшенная во время извержения Каракатау, была занесена в Европу). Средневековое представление о крылатой чуме приобретает как будто характер научной теории.

Проф. Проктор считает, что многие эпидемии, вспыхивающие неожиданно на огромной территории, имеют именно такое происхождение".

Таким порядком еще раз подсказывается, насколько космические условия связаны с людскими условиями быта. Еще раз указывается, насколько из нежданных по человечеству областей прилетают как мрачные, так и целительные вести. Древние, если и не знали более выразительных формул, то по существу характеризовали такие космически человеческие явления достаточно выразительно.

Крылатость эпидемий и сейчас остается, как видим, довольно хорошим определительным. На каких-то неведомых крыльях переносятся опасные частицы. На каких-то других крыльях долетают и спасенья. Хотелось бы скорей слышать, как ученые уловят и целительные эпидемии.

Приходится слышать о целых, как бы обреченных на опускание островах и частях материков. С точными цифрами в руках ученые доказывают, что или должны быть заполнены какие-то гигантские подводные ущелья, или целые цветущие острова должны сползти в эти бездны. Если крылата чума и прочие ее мрачные союзники, то и подземная, подводная работа тоже угрожает неисчислимыми последствиями. Конечно, нам разъяснят, что всякие такие опасности выявляются в каких-то миллионах лет. Нам напомнят, как один слушатель таких лекций

переспросил ученого, предполагался ли конец мира через биллион или два биллиона лет, и, услыхав предположение о двух биллионах, вздохнул успокоительно. Такие предположения, конечно, успокоительны для человеческого быта. Но если мы посмотрим некоторые списки землетрясений, то те же ученые нам скажут, что и биллионные сроки могут значительно измениться. Таким образом, если даже чума называлась крылатой, то какие же определительные можно приложить и к прочим, не менее потрясающим природным процессам.

Во всяком случае, если крылатость была применима к таким мрачным вестникам, то еще большая подвижность и целительность должна быть выражена в требованиях всяких оздоровлений. Из тех же стародавних времен, когда перечисляются многие несомненно существовавшие, а затем исчезнувшие острова, сообщается в грозных словах и о причинах этих исчезновений. Обычно эти исчезновения приписываются какому-то человеческому нечестию или гордыне, или излишнему самомнению. В этих легендах люди хотели по-своему выразить тоже связь человеческого духа с космическими явлениями. Действительно, сильна эта связь; недаром среди ближайших задач науки есть исследование мысли.

2 Февраля 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Неисчерпаемость

Исчерпаемо ли? Истощаемо ли?

В плане физическом, как и все — истощимо, но в плане духовном — во всем лежит именно неистощимость. И по этой мере прежде всего разделяются эти два плана. Если вам говорят, что нечто истощилось, мы знаем, что это касается чисто внешне физических обстоятельств.

Творец воображает, что его творчество иссякло, и это будет, конечно, неверно. Просто имеются или возникли какие-то причины, препятствующие творчеству. Может быть, что-то произошло, нарушающее свободное выделение творчества. Но само по себе творчество, раз оно вызвано к деятельности, оно неиссякаемо, точно так же, как непрерывна и ненарушаема психическая энергия как таковая.

При современной смятенной жизни это простое обстоятельство иногда приходится напоминать. Люди уверяют, что они устали, сами себе внушают, что творчество их иссякло. Повторяя на всякие лады о трудностях, они действительно опутывают себя целою паутиною. В пространстве действительно много перекрещенных губительных токов. Они могут влиять на физическую сторону выявления. Людям же, которые так привыкли строить все в пределах физических, начинает казаться, что эти внешние вторжения убивают и сущность психической энергии. Впрочем, даже и это выражение часто покажется чем-то неопределенным, ибо люди до сих пор редко задумываются по поводу такой основной благословенной энергии, неисчерпаемой, неистощимой, если она осознана.

Вообще вопрос об ощутительности очень неясен в человеческом обществе. Каждому приходится слышать, как иногда человек дает совершенно определеннейшие данные, но слушатели невоспитанным вниманием своим скользят поверх них, а затем уверяют, что было дано лишь неприложимо-отвлеченное. Мне самому часто приходилось быть свидетелем, как люди давали показания совершенно определенные и обоснованные, а им на это отвечали — "нельзя ли что-нибудь поближе к делу, определеннее". Такой вопрос лишь показывал, что слушатель вовсе не собирался принять во внимание ему сказанное, но хотел услыхать только то, что почему-либо ему хотелось услышать. И под этим самовнушением он иногда не мог даже и оценить всех тех определенных фактов, которые ему сообщались. Ведь так часто люди хотят слышать не то, что есть, а то, что им хочется услышать. "Самый глухой тот, который не

хочет слышать".

Нежелание слышать и видеть порождает не только сугубую несправедливость, но нередко является как бы духовным самоубийством. Человек до такой степени уверит себя в том, что он чего-то не может, до такой степени забьет свою основную энергию, что действительно попадает во власть всяких внешних физических и психических вторжений.

Каждый слышал, как некоторые так называемые нервнобольные не могут перейти улицу или не могут подойти к окну, или, наконец, впадают в ужас подозрительности. Если проследить, как именно начались эти убийственные симптомы, то всегда можно найти маленькое, даже трудно уловимое начало подавленности психической энергии. Иногда оно будет настолько косвенно затронуто и начнется от чего-то совершенно случайного.

Именно такие случайности могли бы быть вполне отражены, если была бы развиваема внимательность к происходящему вокруг. Ведь эта внимательность помогла бы заметить также, что основная энергия неистощима. Одно это простое, ясное осознание уберегло бы многих от бездны отчаяния и разочарования. Так, страдающий бессонницей иногда найдет причину ее в самом внешнем реальном обстоятельстве. Также человек поймет, почему издревле сказано, что "если трудно себя заставить думать, то еще труднее заставить себя не думать".

Когда человек угашает свой энтузиазм, он это делает тоже в силу каких-либо чисто внешних обстоятельств. Если бы по внимательности он понял, несколько случайны и преходящи эти обстоятельства, то он отмахнулся бы от них, как от назойливой мухи. Но ни в семье, ни в школе детей к внимательности не приучают, а затем впоследствии удивляются, почему человек "из-за кустов леса не видит". Да и часто ли вообще в семьях говорят о сердечном огне, о вдохновении, об энтузиазме? Ведь слишком часто семейное сборище сводится лишь к осудительным и мертвящим обменам колючими словами. Но опять-таки издревле отовсюду доносятся зовы и приказы о хранении в чистоте колодцев вдохновения и творчества как мыслью, так и делом.

"Радж-Агни — так называли тот Огонь, который вы зовете энтузиазмом. Действительно, это прекрасный и мощный Огонь, который очищает все окружающее пространство. Мысль созидающая питается этим Огнем. Мысль великодушия растет в серебряном свете Огня Радж-Агни. Помощь ближнему истекает из этого же источника. Нет предела, нет ограничения крыльям, сияющим Радж-Агни. Не думайте, что Огонь этот загорится в мерзком сердце. Нужно воспитывать в себе умение вызывать источник такого восторга. Сперва нужно уготовить в себе

уверенность, что приносите сердце ваше на Великое Служение. Потом следует помыслить, что слава дел не ваша, но Иерархии Света. Затем можно восхититься беспредельностью Иерархии и укрепиться подвигом, нужным всем мирам. Так, не для себя, но в Великом Служении зажигается Радж-Агни. Поймите, что Мир Огненный не может стоять без этого Огня".

3 Февраля 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Добрая память

Китайский Новый Год. Весь день и ночь гремели далекие и близкие разрывы, точно бы выстрелы с каких-то позиций. Гремели мягко, и всем нравилось это устрашение темных сил.

Официально этот Новый Год уже не празднуется, но обычай страны сильнее всех указов. Так же, как и прежде, так же в настоящем, а, вероятно, и в будущем потребуется устрашить и отогнать. Темные силы, уж больно много их осаждает весь мир. Под такими различными личинами влезают они, чтобы навести смущение и хоть чем-нибудь нарушить строение доброе.

Эти взрывы, выстрелы под Новый Год, они не только устрашают воинства бесовские, но и загремят призывно ко всем благомыслящим. Пусть хоть в Новом Году станут дружнее. Пусть хоть в Новом Году поймут радостную мощь единения. Пусть хоть в Новом Году поймут, как прекрасна дисциплина духа, которая и во все проявления жизни вносит стройный порядок. Деревенские старушки уверяют, что мыши из пыли родятся. Трудно сказать, из какой такой мозговой пыли родятся человеческие мыши, вши и блохи, но что всякая такая нечисть родится — в этом нет никакого сомнения. Может быть, предновогодние выстрелы могут хоть немного разогнать и эту напасть, которая ползает по всему миру вне пределов наций, возрастов и всяких других условий.

Под Новый Год вспомнилась и Великая Стена китайская, и великие законоположники-философы, и мудрые императоры, и трудолюбивые почитатели земли доброй. Много чего вспомнилось. Вспомнились и давние пути, безнадежно песком занесенные. Вспомнились корни уже не существующих лесов. Вспомнились и потоки подземные, вспомнились многие войска и походы, и странствия. Когда в школах изучается история, чаще всего останавливается внимание на завоевательной части походов. Но так же, как воинственные государственные страны, существует и добрая земля, так же и в человеческих шествиях и походах, кроме завоевания, часто звучала и добрая помощь.

Можно написать целый исторический труд, посвященный походам помощи. Очень любопытные выводы могут получиться для многих стран. Произойдут какие-то новые классификации. Рядом с отделом себялюбцев появится и деление на помощников добрых.

Мысленно просматривая разные периоды всемирной истории даже наизусть, сразу припоминаются многие, иногда даже мало оцененные деяния помощи доброй. Очень поучительны были бы итоги, на какой народ больше бы пришлось этой помощи доброй.

Ведь в таких исканиях к запрещению было бы еще одно слово мировой справедливости.

Молодые историки, среди работ ваших уделите внимание теме о помощи доброй, о тех деланиях, которые были порождены какими-либо высокими порывами. Очень добрая книга получится. Только для нее придется опять много порыться во всяких еще не уничтоженных архивах. Нередко лучшие акты, порывы и побуждения остаются менее всего записанными.

А пока соберем все ракеты, заряды, все громыхающее и, хотя бы рукодельным громом, попробуем еще раз остановить темные силы, которые так обуяли человечество.

Новый Год, очень развеваются флаги, из-за гор от Монголии большой ветер. Очень надеюсь на историков, которые напишут книгу помощи доброй.

4 Февраля 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Правда нерушима

Как бы ни изощрялись темные разрушительные силы, но правда и созидание все-таки одержат верх.

"Свет рассеивает тьму". Эта старая истина применима во всем и всегда. И чтобы подтверждать ее, свет действия должен быть таким же объединенным, как и насыщенность тьмы. Каждый, трудящийся на созидание, каждый работник Культуры, конечно, всегда и прежде всего должен помнить, что он не одинок. Было бы великим и пагубным заблуждением, хотя бы минутно, ослабить себя мыслью о том, что тьма сильнее Света.

Также должны все работники Культуры, стремящиеся охранить священное, прекрасное, научное, должны они осознать, что сотрудники и союзники их обнаруживаются часто весьма нежданно. Главное, чтобы среди этих просветленных, преданных делу соратников не проникало малодушие, холодность и безразличие. Великие слова поэта — "к добру и злу постыдно равнодушны" — не должны находить себе места ни в каких делах, касающихся великих дел Культуры.

Кроме вандалов-разрушителей, существуют не меньшие вандалы-злошептатели; существуют слабоумцы сомнения, существуют невежды злобы, малодушия и клеветы. Нужно отдать себе полный отчет в том, что выступление за охранение высших начал вызывает лай всяких волков и шакалов. Если смысл созидания всемирен, то и борьба против всего светлого тоже происходит вне границ и наций. Потому-то так светло и доверенно должны сходиться между собою те, для которых маяк истинного света есть основа пути.

Кроме того, как я уже давно предлагал друзьям нашим, должны существовать как списки истинных сердечных сотрудников, так и списки разрушителей и явных, и маскированных. Когда вы знаете врага, вы уже победили его. Когда узнаете и почувствуете гнезда противников Культуры, вы тем самым уже приобретаете и новые силы, и новых союзников.

Но еще раз не забудем, насколько многообразны служители тьмы. Насколько различны их маски и какими ложными соображениями они прикрываются, чтобы тем более способствовать смущению, разрушению, разложению. Когда же вы попробуете занести на один лист этих разноликих носителей тьмы, вы будете поистине изумлены, увидев, что по существу они очень однородны. Изучите их многообразную деятельность, поймите систему, ими проводимую, усмотрите, что находится в конечном итоге их словопрения — и вы узрите те же

разрушительные облики. Потому-то так полезно выяснять как друзей, так и врагов Культуры.

В письме Комиссии Протеста против разрушения храмов говорится:

"Жизнь учит нас, что никогда не следует опускать рук и поддаваться отчаянию. И Комиссия вновь предприняла все возможные от нее средства не только обратить внимание всех на готовящийся акт нового разрушения величайшей русской святыни, но и предприняла ряд активных действий практического характера, чтобы добиться внимания лиц и учреждений, имеющих возможность быть полезными в этом отношении.

К счастью, в настоящее "время" Комиссия уже не одинока: Всероссийский Крестьянский Союз и Пакт Рериха внушают ей бодрую мысль о возможности благоприятных результатов ее деятельности, лишь бы сами русские люди не поддавались вредному для дела малодушию или неверию в свой успех. Совместные настойчивые усилия все победят".

Именно лишь бодрость и неутомимость дают убедительность творению, а в убедительности заключены удивительные, привлекательные качества. Если люди во что-то верят, они и мыслят об этом, и говорят об этом, и действуют к тому же. Помню, один из очень темных людей однажды сказал мне: "Да Вы обуяны этой идеей охранения культурных ценностей". Пусть так и будет. Во имя Культуры, во имя священного, прекрасного, научного нужно быть не только обуянным, но и неотвратимо прилежным. Ведь в этом понятии будет заключаться и оздоровление духа народов.

Опять-таки вспоминаю многозначительные речи, произнесенные на последней Вашингтонской конвенции нашего Пакта. Рад, что второй том материалов уже вышел и для многих станут доступными прекрасные утверждения, высказанные и Генри Уоллесом, и синьором Альфаро, и таким авторитетом, как Броун Скотт, и Гиль Боргесом, и пламенным Дабо, и всеми другими, так ярко выразившимися во время этой знаменательной конвенции, где среди представителей тридцати шести государств-народов не было разногласия. Такое созвучное единогласие, конечно, дало и положительные результаты.

К сему предмету у меня лежит отличное письмо покойного митрополита Платона, который тоже пламенно умел сказать истинное защитное слово. С тех пор много добрых знаков накопилось. Бывали и выпады сил темных, но эти бесплодные попытки были немедленно оценены всеми разумными элементами и заслуженно осуждены, являясь только своеобразным резонатором.

Теперь получаются прекрасные сведения из трех прибалтийских государств. К уже ратифицировавшим Пакт присоединился Сан-Сальвадор. В Болгарии образовался прекрасный комитет Пакта, в который вошли лучшие представители Культуры. В журналах продолжаются благожелательные статьи и призывы. В декабрьском номере "Нью Дайджест" опять комментируется поручение президента Америки Рузвельта секретарю Уоллесу подписать ратификацию Пакта.

Во Франции и в Бельгии продолжаются работы комитетов, о чем сообщает Генеральный секретарь доктор Шклявер. Хотелось бы привести еще некоторые места из переписки, но своевременно они будут изданы. Во всяком случае, каждый сад нуждается в обработке, а живое дело требует и жизни. Потому-то всем друзьям Культуры нужно действенно сообщаться, не нужно надеяться на то, что где-то что-то само собою сделается. Нужно прилагать все усилия к тому, чтобы это делалось неотложно, а для этого друзья истинной Культуры должны знакомиться друг с другом. Должны объединяться в кружки и малые, и большие, но одинаково светло горящие.

Итак, взаимно порадуем друг друга добрыми вестями и усилим друг друга и делом, и помыслом.

5 Февраля 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Стойкость

Встает передо мной нечто незабываемое из моей первой выставки в Америке. В одном из больших городов местный богач и любитель искусства приветствовал меня большим парадным обедом. Все было и обширно, и роскошно, присутствовали лучшие люди города. Как всегда, говорились речи. Хозяин и хозяйка, оба уже седые, радушно и сердечно беседовали с гостями. Во всем была полная чаша, и хозяйка обратила мое внимание, что все комнаты убраны в синих и лиловых цветах и добавила: "Именно эти тона я так люблю в Ваших картинах". После обеда одна из присутствующих дам сказала мне: "Это очень замечательный прием". — И пояснила: "Вероятно, это последний обед в этом доме".

Я посмотрел на мою собеседницу с изумлением, а она, понизив голос, пояснила:

"Разве Вы не знаете, что хозяин совершенно разорен и не дальше, как вчера, потерял последние три миллиона". Естественно, я ужаснулся. Собеседница же добавила: "Конечно, это тяжело ему, особенно принимая во внимание годы. Ведь ему уже семьдесят четыре".

Такое несоответствие услышанного со всею видимостью, а главное, с видимым спокойствием хозяев, было поразительным. С тех пор я стал интересоваться особенно их судьбою. Оказалось, через три месяца после этого обеда они уже жили в своем гараже. Казалось бы, все было потеряно, а через три года этот же деятель был опять в миллионах и жил в прежнем своем доме-дворце.

Когда я говорил его знакомым о моем удивлении, почему многочисленные друзья и, наконец, город, которому он пожертвовал так много, не помогли ему, мне сказали:

"Во-первых, он и не принял бы помощи, а во-вторых, такие бури жизни ему не впервые".

Этот последний разговор происходил в большом клубе, где в спокойных креслах около окон сидело много почтенных людей, читая газеты или беседуя. Мой собеседник, указывая на них, сказал:

"Все это миллионеры. Спросите их, сколько раз каждый из них переставал быть миллионером и вновь им делался".

А члены клуба продолжали спокойно читать и весело беседовать, как будто бы никогда никакие житейские бури не проносились над ними. Я спросил моего приятеля, как он объясняет себе это явление. Он пожал плечами и ответил одним словом: "Стойкость".

Действительно, это понятие стойкости должно быть отмечено среди других основ, нужных в жизни. Мужество — одно, доброжелательство и дружелюбие — другое. Трудолюбие — третье. Неустанность и неисчерпаемость — четвертое. Энтузиазм и оптимизм — пятое. Но среди всех этих основ и многих других, так нужных привходящих светлых утверждений, стойкость будет оставаться как нечто отдельное, незаменимое и дающее крепкое основание преуспеянию.

Стойкость вытекает из большого равновесия. Это равновесие не будет ни холодным расчетом, ни презрением к окружающему, ни самомнением, ни себялюбием. Стойкость всегда будет иметь некоторое отношение к понятию ответственности и долга. Стойкость не увлечется, не поскользнется, не зашатается. В тех, кто шел твердо до последнего часа, всегда была стойкость.

В наши дни смущений, многих разочарований, узких недоверий должно быть особенно благословенно основное качество стойкости. Когда люди так легко впадают в самую непристойную панику, именно стойкий человек внесет здравые понимания и удержит многих от ужаса падения в хаос. Когда люди сами себя стараются убедить во всевозможных древних небывальщинах, именно стойкий человек поймет в сердце своем, где есть безопасный выход. Когда люди впадают в такое безумие, что даже краткий шквал им уже кажется нескончаемой бурею, именно стойкость напомнит и о соизмеримости.

Может быть, скажут, что стойкость есть не что иное, как благоразумие. Но будет вернее сказать, что из благоразумия порождается также и стойкость. Ведь в понятии стойкости уже есть совершенно реальное выражение. Стойкость нужна именно здесь, на земном плане, где так много обстоятельств, от которых нужно устоять. Потому-то так полезно среди множества понятий благоволения, сотрудничества и преуспеяния усмотреть смысл и ценность стойкости. Недаром люди с особенным уважением всегда подчеркивают, как стойко человек выдерживал то или иное нападение, напряжение или неожиданные удары. Подчеркивается в таких случаях и зоркость, и находчивость, но всегда будет отмечена и стойкость как нечто положительное, прочно стоящее на чем-то осознанном. Как пример стойкости и выдержки вспоминается одна быль в Сан-Франциско.

Приехал иностранец. По-видимому, был богат. Был принят всюду в обществе. Приобрел много друзей. Укрепилась за ним репутация хорошего, доброго и богатого приятеля. Тогда он поехал к особо выказавшимся новым друзьям с просьбою одолжить ему десять тысяч долларов на новое дело. Произошло нечто любопытное, хотя и очень обычное. У всех его друзей

нашелся достаточный предлог, чтобы отказаться или уклониться от этой просьбы. Мало того, в обществе сразу пробежало отчуждение и холодное отношение к нему. Тогда иностранец поехал к некоему человеку, который с самого начала относился к нему довольно холодно. Объяснил ему дело и просил десять тысяч. На этот раз была вынута немедленно чековая книжка и написана сумма. На следующий день иностранец вновь приезжает к тому же лицу. Тот спрашивает:

"Разве что-нибудь случилось или Вы неверно вычислили цифру; может быть, она мала?"

Но иностранец достал из кармана вчерашний чек, отдал его хозяину и сказал:

"Деньги мне не нужны. Я лишь искал компаньона, которым и предлагаю Вам быть".

Всем же остальным, так называемым друзьям, которые опять обернулись к нему, он сказал:

"Вы меня кормили обедами; помните: мой стол всегда накрыт для Вас". — Мистер. Л. в Сан-Франциско помнит это.

Сколько поучительных страниц дает сама жизнь. Воображение есть не что иное, как припоминание.

6 Февраля 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Неотложное

Сообщается прискорбное явление о порче целого ряда прекрасных картин в Третьяковской галерее. Приведем это сведение во всей наготе, как оно было дано.

Московская "Правда" сообщает, что утром 8 января произошла авария в системе центрального отопления Третьяковской галереи.

По невыясненным пока причинам кран для выпуска воздуха из колонок водяного отопления, находящегося в подвальном помещении, стал пропускать горячую воду. Испарения через воздушные каналы проникли во второй этаж — в выставочные залы №№ 20, 21 и 22.

В этих залах размещены картины художников: Васнецова, Нестерова, Левитана, Айвазовского, Куинджи, Поленова, Семирадского и др.

Внутренняя охрана и технический надзор галереи обнаружили аварию в 7 час. 30 м. утра. Доступ пара был немедленно прекращен, все картины сняты.

Запрошенный сотрудником "Правды" о подробностях аварии директор Третьяковской галереи М. П. Кристи сообщил:

— В залах №№ 20, 21 и 22 находилось около 70 картин, 15 из коих, в том числе известные полотна — "Аленушка" и "Портрет Праховой" Васнецова, "Юность Преподобного Сергия" и "Портрет жены художника" Нестерова, "У омута" и "Большая вода" Левитана, "Ночь на Днепре" Куинджи — в некоторой степени пострадали от сырости. Лаковый покров этих картин потускнел, но красочный слой не затронут.

Немедленно были привлечены крупнейшие специалисты по реставрации, в том числе заслуженный деятель искусства И.Э.Грабарь и заведующий реставрацией Музея изобразительных искусств П.Д.Корин. Вместе с сотрудниками реставрационного отдела Третьяковской галереи они детально осмотрели каждое полотно и вынесли заключение, что непоправимых повреждений на картинах нет.

В беседе с сотрудником "Правды" И.Э.Грабарь сообщил: — Существующая в Третьяковской галерее система центрального отопления чрезвычайно устарела и требует коренной реконструкции. Несовершенство этой системы сказывалось в том, что на протяжении ряда лет картины в выставочных залах систематически покрывались копотью. Это заставило еще в 1910-13 гг. застеклить все наиболее выдающиеся полотна.

Случая, подобного происшедшему 8 января, до сих пор не

наблюдалось.

Комиссар по просвещению А.С.Бубнов издал следующий приказ:

"За недопустимое разгильдяйство и халатность в хозяйственной части и техническом надзоре за системой центрального отопления в Госуд. Третьяковской галерее, приведшие 8 января с. г. к аварии в камере № 4 водяного отопления, могущей поставить под угрозу ценнейшие произведения искусства, приказываю:

1. Директору Третьяковской галереи М. П. Кристи объявить строгий выговор.

2. Заведующего хозяйственной частью Дубовицкого освободить от должности.

3. Инженера Лопухова, непосредственно ведающего техническим надзором в Государственной Третьяковской галерее, снять с должности".

Только подумать, что такие, всем известные национальные сокровища, как "Аленушка" Васнецова, "Юность Преподобного Сергия" Нестерова, "У омута" Левитана, "Ночь на Днепре" Куинджи, делаются жертвой недосмотра. Может быть, по недопустимому легкомыслию, а может быть, и по злобности.

Ведь неоднократно пресса сообщала о гимнах, требующих "уничтожения всех Рафаэлей". Если мы вспомним, что ненависть преследует именно картину Милле "Анжелюс" или прекрасные сокровища собора Овьедо, то, может быть, и покушение на незабываемую "Юность Преподобного Сергия" Нестерова тоже относится к тем же попыткам стереть самое выдающееся. И сколько подобных горестных знаков можно перечесть даже из деяний самых последних дней.

После покушения на "Анжелюса" Милле сообщалось, что порезы на картине заделаны, а мы уже тогда предупреждали, что картина все же останется инвалидом. Всякие зашивки и замазки значительно сократят жизненный срок произведения. Также и теперь, может быть, кто-то будет уверять, что картины Третьяковской галереи будут или подсушены, или вновь натянуты, или подвергнутся какому-то новому "целительному" процессу; но все же пострадавшие картины останутся инвалидами. Они изменятся и не смогут вдохновить зрителей так долго, как это было бы возможно без варварского покушения.

В каждом преступлении обычно вкрадывается элемент недосмотра. На этом шатком оправдании обычно строится судебная защита. Но уже недосмотр как таковой является несомненным преступлением там, где вверена судьба государственных национальных сокровищ.

Никакие политические, экономические, классовые или расовые соображения не могут понизить ответственность за сохранность великих национальных творений. Если где-то когда-то произошел преступный недосмотр, то это не значит, что тем ж можно оправдать и следующие покушения на неприкосновенность народных сокровищ.

Еще раз вспомним перечисленные картины, вспомним, насколько эти художественные образы вошли в русскую Культуру, а теперь уже стали достоянием и Культуры всемирной. "Юность Преподобного Сергия" остается одной из самых выразительных картин Нестерова, дав русскому народу незабываемый облик чтимого великого подвижника. "Аленушка" всегда будет не только одной из лучших картин Васнецова, но и напомнит о том, как русское самосознание вспомнило о своем национальном сокровище. "Ночь на Днепре" Куинджи является исторической картиной в соответствии с завоеваниями живописи европейской. Каждая картина Левитана есть неповторимый вклад в историю русской живописи. А сколько в этих же залах и других произведений, навсегда вошедших в историю искусств!

Не в том дело, что отопление было плохо или какие-то краны открылись. Дело в степени бережения. Дело — в сознании ценности художественного и национального творчества.

Эта любовь к художественному и научному выражению народа, священная внимательность к неповторимому творчеству не только должна принадлежать каким-то случайным чиновникам и надзирателям. Вся страна должна и радоваться, и болеть судьбою сокровищ народных. Если же неощутима эта радость или печаль, это будет значить, что сознание народное уклонено от своих основных начал. По этим мерам пишется история Культуры, этими вехами отмечаются проходимые пути народные.

Если на страницах исследований остаются сообщения о разрушении библиотек, храмов и художественных сокровищ, то эти сообщения навсегда остаются знаками плачевными. Историки пользуются ими как доказательством деградации. Те, которые в свое время так или иначе способствовали или хотя бы допускали такие разрушения или повреждения, они бы наверное воздержались от таких дел, если бы вполне представили себе суть истории.

Сегодня газеты принесли известие о смерти Макса Либермана. Меня уже спрашивали: "Кто такой Либерман?". Значит, это имя большого художника кому-то уже ничего не сказало; значит, страница истории искусства или не была прочтена, или забыта. Насколько же в школах наших должно быть напоминаемо о значении научного и художественного творчества.

Ведь это может быть одним из самых привлекательных предметов.

Среди государственных и семейных смущений дети с радостью послушают о сокровищах истинных. Научатся они и тому, что забота и любовь к этим сокровищам есть признак культурного работника и есть непременная обязанность всякого государственного деятеля. Может быть, эти слова уже не нуждаются в повторении, тогда почему же ежедневные газетные сведения твердят как раз обратное? Не только стоит лишний раз услышать о судьбах сокровищ народных, но нужно хоть немного проникнуться значительностью этого предмета. Нельзя в обывательской сутолоке отрешаться от того, чем жив дух человеческий.

10 Февраля 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Подвижность

Лама Мингиюр уезжает в монастыри. Наверно, опять соберет много значительных сведений и по старым преданиям, и по всяким лекарственным вопросам. Очень хорошо, что он едет. В этой подвижности заключается именно то качество, которое я всегда советовал нашим сотрудникам. Вот и лекарь Дава Тяньзин тоже уходит в горы. Если он не будет обновлять своих запасов, если перестанет встречаться с другими лекарями-ламами, то и его запас скоро оскудеет. Вот и еще двое сотрудников выехали. Один — в Лагор, а другая — за океан.

Когда мы основывали институт, то прежде всего имелась в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии. Не нужно отказываться от этой уже сложившейся традиции. Если все сотрудники и корреспонденты будут привязаны к одному месту, то сколько неожиданных хороших возможностей замерзнут. Ведь не для того собираются люди, чтобы непременно, сидя в одной комнате, питать себя присылаемыми сведениями. В этом была бы лишь половина работы.

Нужно то, что индусы так сердечно и знаменательно называют "ашрам". Это — средоточие. Но умственное питание "ашрама" добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники "ашрама" тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы. Недаром давно сказано, как один настоятель монастыря, когда братия уходила в странствия, говорил: "Наша обитель опять расширяется".

Казалось бы, братия уходила, но настоятель считал именно это обстоятельство расширением обители.

Впрочем, сейчас всякий обмен научными силами, всякие экспедиции и странствия становятся уже непременным условием каждого преуспеяния. При этом люди научаются и расширять пределы своей специальности. Странник многое видит. Путник, если не слеп, даже невольно усмотрит многое замечательное. Таким образом, узкая профессия, одно время так овладевшая человечеством, опять заменяется познаванием широким.

Часто даже, казалось бы, удаленные друг от друга области становятся благодетельными сотрудниками. Конечно, так и должно быть, ибо последние устремления человечества, основанные на сотрудничестве, на кооперации, прежде всего научают синтезу. Еще недавно очень боялись этого

объединительного понятия. Помним, как Анатоль Франс и многие другие просвещенные писатели тонко иронизировали над чрезмерною специализациею. Действительно, в природе так все кооперирует, настолько все слитно и уравновешено, что лишь сознательное сотрудничество людей ответит этим основным законам всего сущего.

Польза путешествия и всестороннего познавания, вероятно, никогда настолько не занимала умы, как сейчас. Скоро земной шар будет испещрен пройденными путями. Но это будет все-таки лишь первичная степень познания. И на каждых этих путях нужно будет и взглянуть высоко наверх, и глубоко проникнуть внутрь, чтобы оценить все разнообразие возможности, так недавно вообще незамеченное.

Опасно одно, что среди всяких поездок развивается слишком много спортивных поездок и состязаний. В этих чисто внешних, механических соревнованиях теряется многое, что нужно было бы особенно наверстать в наши дни. Всякие соревнования на силу, неутомимость, на скорость нужно бы перенести и на скорость, и глубину мышления и познавания. У каждого в запасе много анекдотов, всяких школьных недоумений и странностей; не будем их повторять. Но будем очень твердо помнить, что не следует устремляться лишь к техническому образованию.

Всякие ограниченно условные техникумы уже являются пережитком перед опять властно возникающим понятием синтеза. Если техникум где-то упирается в робота, то глубоко осмысленный синтез дает новую широту горизонта. Основывая отделы учреждений в разных странах, мы именно имели в виду, что когда-то и как-то произойдет теснейшее общение всех сотрудников. Они обогатят друг друга, они ободрят друг друга и перекликнутся самыми неотложно полезными понятиями. Если же в учреждениях явится какая-либо возможность для новых познаваний, экспедиций, посещений, то пусть эта возможность не откладывается.

Будем продолжать уже сложившуюся традицию взаимных ознакомлений. Будем смотреть на каждое новое посещение мест нашими сотрудниками как на истинное развитие просветительного дела. А для этого прежде всего будем развивать истинную подвижность.

Когда говорим о подвижности, то не будем думать, что она близка многим. Немало людей любит говорить о подвижности. Сидя в спокойных креслах за вечерним столом, они готовы очень легко помечтать, подняться, ехать, творить и работать на новых местах. Но как только дело дойдет до выполнения этих мечтаний, многие найдут десятки причин, им мешающих. Каждый из нас

может припомнить даже и в недавнем прошлом поучительные эпизоды, как уже совсем было собравшиеся в путь дальний бессильно опускались в свое насиженное спокойное кресло. Причины отступления, конечно, были и многочисленны, и как бы житейски уважительны.

Когда человек хочет оправдать себя в неделании чего-либо, то, поверьте, он найдет множество помогающих обстоятельств. При этом неподвижность будет оправдана очень многими. А подвижность, т. е. желание нового труда, нового познавания — будет очень легко осуждена. Будет сказано и о пустом мечтательстве, о несбыточных стремлениях, о легковерии, мало ли о чем найдет сказать изворотливый рассудок, когда он хочет уклониться от чего-то, подсказанного сердцем.

Сколько раз мы читали письма, полные устремления вдаль, полные готовности к обновленному труду, но как только вы спрашивали сего писателя, когда он может выехать к новому поприщу, как он впадал в престранное молчание. Очевидно, вся бытовая запыленность обрушивалась и приводила к молчанию язык сердца. Выползали всякие рогатые сомнения, выслушивались всякие нелепые соображения и утеривалась еще одна возможность. Мало того, что утеривалась она лично; она могла отягощать и вредить множеству и близких, и дальних людей.

Ради призрачной помощи немногим забывалось сотрудничество и помощь в очень больших делах. Основной же причиной все-таки оказывалась неподвижность, прижитость к своему просиженному креслу. А ведь за неподвижностью встает и призрак страха перед каждою новизною вообще. Этот призрак ведет к ветхости и дряхлости. Когда же наступит такое разложение, то никакими внешними мерами уже не помочь.

А сколько раз не что иное, как какие-то несчастные вещи делали людей неподвижными. Мы сами видели весьма прискорбные примеры, когда люди, казалось бы, интеллигентные из-за вещей обрекали себя на самое печальное существование. Ох, уж эти вещи! Эти мохнатые придатки пыльного быта. Иногда они начинают до такой степени властвовать, что голос сердца при них кажется не только неправдоподобным, но даже как бы неуместным.

Всегда радуюсь, когда вижу в сотрудниках подвижность.

11 Февраля 1935 г.

"Врата в Будущее"

Эпидемии

В истории человечества особенно любопытную страницу представляют эпидемии безумий.

Совершенно так же, как всякие другие заразные эпидемии, многократно на разных материках появлялись эпидемии безумия. Целые государства страдали злостно навязчивыми идеями в разных областях жизни. Конечно, особенно часто эти эпидемии выражались в сфере религиозной, в сфере суеверий, а также в пределах государственной подозрительности.

Если сейчас оглянуться на страницы всяких религиозных мученичеств, на темные воспоминания об инквизиции и всяких массовых безумиях, то совершенно ясно встанет картина настоящей непреувеличенной эпидемии.

Так же, как всякая эпидемия, и эта болезнь безумия вспыхивала неожиданно, часто как бы по малой причине и разрасталась с необыкновенной быстротой в самых свирепых формах. Вспомните хотя бы всякие процессы о ведьмах, которым даже верится с трудом.

Но сейчас доктор Леви-Валенси сообщает несколько любопытных данных, напоминающих опять о возможности эпидемии безумия.

Доктор говорит: "В былые времена сумасшедшие жаловались на дьявола, который жаждет погубить их душу и тело; пророчествовали и кликушествовали".

Сумасшедшие сегодняшнего дня, по словам доктора Леви-Валенси, бредят делом Ставицкого, Пренса; желают реформировать государство и т. д.

"Несколько лет тому назад, в разгар жилищного кризиса, множество больных жаловалось на то, что их хотят выселить из квартир. Теперь жилищный кризис прошел, зато началась безработица. И умалишенные упорно утверждают, что их хотят лишить службы, работы, "шомажных" денег…"

В горячем бреду непрерывно упоминается о кознях масонов, сюрте. Леви-Валенси рассказывает о банковском служащем, 44 лет, который жалуется на преследования со стороны евреев и могущественных иностранных синдикатов, во что бы то ни стало желающих поступить с ним, как с Пренсом… За ним постоянно следят два субъекта: однорукий и один агент полиции, "с лицом убийцы". Опасность угрожает также его жене…

"13-летний мальчик охвачен манией преследования. Он убежден, что скомпрометирован в деле Ставицкого и что "мафия" уберет его со своего пути".

Конечно, эти сведения доктора очень отрывочны и случайны. Конечно, его коллеги-психиатры могут дополнить им сказанное множеством всяких примеров. Исследователи должны наблюдать не только уже в стенах лечебниц. Они должны широко присматриваться во всей жизни. Ведь главное количество безумцев не попадает в лечебницу. Они остаются на свободе и подчас занимают очень ответственные места. Для того, чтобы вмешался врачебный надзор, нужны повторные и особенно яркие проявления. А сколько же деяний было совершено, пока безумец почитался дееспособным и в полной свободе совершал множество преступлений.

С исторической стороны этот вопрос очень сложен. Известно, что даже высокие государственные деятели и главы стран, еще находясь в своих должностях, впадали в острое безумие. Несмотря на попытки скрывать его, припадки становились настолько явными, что безумцев так или иначе изымали из деятельности. При этом ни для кого не оставалось тайною, что эти деятели болели уже некоторое время.

Спрашивается, что же делать со всеми декретами, постановлениями и резолюциями, которые были сделаны уже во время безумия? Значит, в государственную и общественную жизнь целых стран, может быть, даже продолжительно вторгалось безумие. Рука безумца продолжала совершать акты в уже явно болезненном состоянии. Должны ли быть такие акты признаваемы нормальными? Это такой ответственный вопрос, которого всячески избегают юристы.

В конце концов, на него и невозможно ответить. Вспомним хотя бы те примеры безумия должностных лиц, которые обнаруживались на нашем веку. Кто же мог бы вполне определить, когда именно началось это безумие, закончившееся так явно. Сколько раз вследствие так называемого острого нервного расстройства должностным лицам спешно предлагался отпуск, а затем они оказывались в определенной лечебнице. Но ведь до момента этого отпуска или отставки было совершено очень многое.

Всегда ли пересматривается то, что было совершено уже в болезненном состоянии? Известны случаи, когда главы государств действовали уже в припадках безумия. Как же быть с теми государственными актами, которые были утверждены безумцами? На протяжении истории известны многие такие прискорбные явления.

Сейчас доктор Леви-Валенси чрезвычайно своевременно поднимает вопрос об эпидемиях безумия. Люди, отравленные всевозможными нездоровыми условиями жизни, особенно легко

поддаются всяким безумным маниям.

Мы совершенно не знаем, как влияют на психические возбуждения многие из вновь вызываемых в действие энергий. Такие напряжения не могут быть нейтральными, они как-то воздействуют, но вот это "как-то" сейчас представляется особенно великим неизвестным.

Во всяком случае нужно приветствовать голоса ученых, врачей и в данном случае психиатров, которые помогли бы спешно разобраться в происходящих мировых смущениях.

Будет полезно, если бы внимательные наблюдатели не поленились сообщить врачам замеченные ими всякие необычайные проявления. Такие сторонние сообщения могут с великою пользою толкнуть мысль испытателя.

Ведь сейчас происходят многие новые формы эпидемий.

Особенно озлобилась инфлюэнца, иногда доходящая почти до форм легочной чумы; усилилась малярия; обострились сердечные формы и, конечно, необыкновенно осложнились всякие психозы.

Широкое и неотложное поле действия для всех исследователей. Отметки истории, хотя бы и в кратких и своеобразных упоминаниях, тоже могут навести на разные полезные размышления.

12 Февраля 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Преломления

Особые трудности возникают из-за мысленных преломлений за дальностью расстояний. Когда переписка происходит со многими странами, то особенно ярко выявляются иногда совершенно непреоборимые разницы представлений о разных предметах.

Вот из Бельгии пишут, что прочли в газетах мое сообщение о тибетских монастырях и потому спрашивают: "Близ Лхасы на высокой скале стоит один из известных в стране монастырей, являющийся центром врачебной науки. Что это за монастырь? Его адрес? Можно ли с ним списаться и на каком языке писать? Можно ли назвать местность? Желательно списаться с этим монастырем для больного сына, страдающего болезнью мозга".

Конечно, это крик сердца. Конечно, кому-то это сведение очень нужно, как, может быть, последний выход. Но представьте себе, как далеки всякие такие вопросы от действительности. Когда вы знаете предполагаемый монастырь и знаете все условия, там существующие, вас потрясет мысль, как туда дойдет такой необыкновенный запрос. Будет он написан, вероятно, по-французски. Болезнь, вероятно, будет изложена в латинских или местных бельгийских терминах. Будет приложен какой-то совершенно непонятный для местных людей адрес, а главное — такое письмо вообще никогда не дойдет до назначения.

Вы чувствуете, какая крайность заставляет запрашивать и далекую страну о мозговой и нервной болезни. Вы понимаете, насколько далек должен быть этот корреспондент' от действительности, чтобы возыметь надежду на диагноз на таких огромных расстояниях, без самого больного и, вероятно, с неполными описаниями и самого заболевания.

Пример такого преломления за дальностью расстояния я беру чисто случайно из множества таких примеров, самых поразительных. Вот французское письмо к высокому ламе. Вот запрос, из каких трав можно сделать ежедневное питье от всех болезней. Вот горячее желание вообще куда-то уехать без языка и без средств.

Ведь все это биения сердец.

В каждом из них слышится крайность и последнее напряжение. Так же точно из дальних стран пишут на Запад и, не считаясь с расстояниями, ожидают немедленных ответов.

Итак, выходит, что и сейчас осведомленность в некоторых отношениях почти одинакова со временами Марко Поло. Еще недавно нам приходилось видеть как бы целые трактаты о

положении стран. К изумлению, можно было видеть, что лица, считающие себя очень осведомленными, основывались на каких-то совершенно неверных газетных заметках. Из этих мимолетных слухов возникали целые утверждения как пессимизма, так и чрезмерного оптимизма. Приводились какие-то решения и постановления, которые прежде всего не имели ничего общего с действительностью. Люди, считавшиеся и военными, и гражданскими авторитетами, основывали выводы свои на обстоятельствах, уже не существующих или вообще не существовавших. К прискорбию, Вы узнавали в этих выводах давно мелькнувшие ложные газетные корреспонденции.

Казалось бы, отношение к печатному слову должно значительно выправиться за последние десятилетия. Не говорю вообще против печатного слова, но его стало так много, оно сделалось подверженным такому множеству партийных, национальных и классовых соображений, что действительность преломилась в нем во всех бесчисленных гранях условных делений человечества.

Поверх всех этих условностей остается по-прежнему и причина простой неосведомленности. Загляните в специальные отделы газет, где люди отыскивают друг друга по всему миру. Казалось бы, существуют и почты, и телеграфы, и радио; заполнены все пути сообщения, работают всякие консульства, кооперации, религиозные и благотворительные общества, но при всех этих осведомительных условиях люди не могут сообщаться и не могут найти друг друга. Можно многообразно убеждаться в том, что даже простое взаимное осведомление очень относительно. Кроме этой неосведомленности, люди исконно заняты самообольщениями.

Если человек хочет предположить что-либо, он весьма изворотливо подберет призрачные доказательства. Если человек хочет переселиться куда-либо, он мысленно обставит надуманное место переселения самыми приветливыми миражами. Каждый, сообщивший ему истину, сделается как бы врагом его. Действительность будет всячески отвергаться, лишь бы сохранить обольстивший призрак. Сколько самых прискорбных заблуждений возникло от неосведомленности. Сколько страшных в своей неприложимости писем отягощают почту.

Где-то эти больные крики будут просто отринуты, но где-то они, в свою очередь, пробудят боль о том непоправимо болезненном состоянии, которое довело этих пишущих до отвращения к действительности.

Один заполняет листы бумаги неприложимыми, необоснованными проектами, другой заполняет ужасные

страницы доносов, в которые он и сам не верит. Мышление превратилось в нем в злоумышление. Что-то преломилось, заскрипело, заржавело, и мысль человеческая понеслась в бездну. Она озирается и спрашивает себя, где бы навредить?

Другой бросает в пространство сведение, в которое он, конечно, и сам не верит, но оно так ладно связывает два обрывка мышления.

А поверх этого хаоса чье-то больное сердце вопит о помощи. Часто оно даже само не представляет себе, в чем может проявиться такая помощь.

Где череда вызываемых последствий и где граница действительности?

Когда-то люди приписывали всякие преломления отсутствию путей и способов сообщения. Теперь пути сообщения разрослись, но сумма всяких недоуменных преломлений только увеличилась.

Даже если вы возьмете маленькую личную корреспонденцию, сколько в ней найдется почти непоправимых преломлений. А ведь в каждом таком преломлении заключена та или иная степень болезненности.

И вот люди вспоминают, что где-то на высокой скале стоит монастырь и там исцеляют от всяких болезней. О такой высокой скале и о монастыре всезнающем мечтает среди преломлений своих человечество. Там! На высокой скале.

13 Февраля 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Знаки

Орион сияет. Помним, перед носом какого судна сверкало то же созвездие. Помним, в каких горах, из-за каких вершин светил великолепный Орион. И теперь твердо знаем, кому он светит и кто на него смотрит. Те же небесные знаки.

В Храме Неба тоже оказался знак Знамени. Тамга Тамерлана состоит из того же знака. Знак трех сокровищ широко известен по многим странам Востока. На груди тибетки можно видеть большую фибулу, представляющую собою знак. Такие же фибулы видим мы и в кавказских находках, и в Скандинавии. Страсбургская мадонна имеет знак этот так же, как и святые Испании. На иконах Преподобного Сергия и Чудотворца Николая тот же знак. На груди Христа, на знаменитой картине Мемлинга, знак запечатлен в виде большой нагрудной фибулы. Когда перебираем священные изображения Византии, Рима, тот же знак связывает Священные Образы по всему миру.

В разном устремлении к Высшему сознание объединялось на тех же ступенях. Именно разнообразие подходов среди желаний выразить наивысшее является таким ценным признаком.

На горных перевалах нерушимо остается тот же знак. Для выражения быстроты, поспешности, нужности знак несет Конь Белый. А видали ли вы в подземельях в Римских катакомбах тот же знак?

И все-таки найдутся люди, которые не захотят мыслить по-лучшему, но будут пытаться прикрепить к знаку какие-то свои наименьшие соображения. Ведь тогда можно одинаково сказать и про многие другие великие знаки, что они употреблялись будто бы в разных значениях с разными намерениями. В таких соображениях человек скорее всего выкажет свою собственную сущность.

Вводя незнакомого человека в дом свой, вы можете сразу распознавать его сущность по степени его внимания к окружающим предметам. Найдутся люди, которые перед прекрасной картиной обратят внимание на позолоту рамы. Другие, увидав Венеру Милосскую, не найдут ничего лучшего, как спросить, а где же у нее руки. Третьи, приближаясь к Чудотворной Иконе, заговорят о непривлекательной для них суровости Лика. Найдутся такие, которые из всей ценнейшей обстановки ухитрятся обратить внимание на самое незначительное.

"Ex ungues leonern". По когтям узнаете льва. Так же точно можно сказать: по мусору узнаете мышей. Иногда даже как-то

прискорбно слышать, как люди берутся судить о том, чего они не знают, о чем они вообще и не думали. При этом судят лишь от своего желания или похвалить или осудить. Даже не зная, чем аргументировать, такие осудители выставят просто свое "да" или "нет". Они даже не потрудятся хотя бы для самих себя, приличия ради озаботиться какими-либо доводами. Для них единственным соображением остается или место, или личность, или время, в зависимости от которых или нужно принять, или отринуть. В отрицании своем они готовы произнести любую хулу, они не остановятся перед кощунством, лишь бы выполнить свое темное предубеждение. Великий провидец Гоголь выразил ту же мысль в скорбных словах: "Мы имеем чудный дар делать все ничтожным". Именно большие созидатели должны были всегда особенно четко чуять весь ужас, когда на их глазах что-то большое делалось ничтожеством. При этом орудия такого умаления бывали самые грубые, самые невежественные. Если бы самый малый полицейский приказал этим невеждам сказать обратное, то ведь они бы ни на минуту не задумались, ибо осмысленного основания в суждении их вообще не было. Им казалось, что их властителю — его величеству пошлости так будет угодно. А это веление, конечно, вполне отвечало их собственной сущности.

Во всяком случае, во всех насилиях подлых прежде всего нет великой основы — благоволения. Какое это прекрасное слово — благоволение. Оно стоит в том же разряде, где хранится и другое ценное понятие ¬милосердие.

Подлые невежды не знают ни того, ни другого. Мало того, и благоволение и милосердие будут тревожить ум подлый, как нечто напоминающее о чем-то великом и отвергнутом. Темный дар делать все ничтожным должен быть опознан и выявлен как нечто самое стыдное. Что же может стоять за этим темным даром? Ведь там уже предательство будет гнездиться. Если злодей не успел нечто сделать лживым, то он станет предательствовать, чтобы так или иначе принести свое возлияние в бездну тьмы. Даже на самых простых обыденных предметах вы можете замечать, на что человек обращает свое первое внимание. Так же точно вы почувствуете различие людей по их отношению к великим знакам.

Из-за Си-Шаня сверкает великолепная Венера. Знаем, что на нее же любуетесь Вы в Гималаях. Знаем, откуда и через какую долину, и поверх каких снеговых вершин смотрите Вы в часы вечера. Глядим на звезду, а слышим шум деодаров и все предночные голоса и звучания горные. Сколько зовов и знаний созвано одною звездою. Небесные вехи настораживают и соединяют сердца.

Те же звезды, те же знаки небесные наполняют сердца благоволением вне пространств и времен.

14 Февраля 1935 г.

Пекин

"Обитель Света"

Потустороннее

Многие знали леди Диен Поль, талантливую композиторшу, очень сердечную и культурную. Но немногие знали, что всю свою жизнь она ближайшим образом соприкасалась с потусторонним миром. При этом она вовсе не искала таких общений. Какими-то судьбами, какими-то особыми свойствами она постоянно видела невидимый для прочих тонкий мир.

Не забуду, как мы возвращались после открытия моей выставки в Брайтоне и леди Диен Поль тут же, в вагоне, имела горячий спор с П. Н. Милюковым. П. Н. как завзятый материалист всячески доказывал ей, что все ее видения не что иное, как ею же самою вызванные галлюцинации. На это леди Диен Поль, грустно улыбаясь, возражала, что ей вовсе не хочется их видеть, и никого и ничего она не воображает, но, к сожалению, она продолжает видеть многие, обстоятельства прошлых времен в точнейшей реальности.

Из ее рассказов вспоминается, например, характерный эпизод во вновь нанятой вилле. Леди Диен Поль, зная, что в особо нажитых местах тем более возможны всякие материализации, всегда старалась выбирать дома новые, только что отстроенные, где никто еще не жил. Так было и в этом случае. Вилла была только что построена, и, по словам владелицы, никто там еще не жил. В первую же ночь Д. П. вдруг почувствовала, что рядом с нею на постели лежит мертвое тело. Затем она увидела, что из занимаемой ею комнаты выносят гроб, который с трудом продвигается в дверях и оставляет на двери глубокую царапину. Вставши утром после такой неприятной ночи, Д. П. прежде всего осмотрела дверь и к своему ужасу нашла именно ту, глубоко вдавленную царапину, происхождение которой она так реально видела ночью.

Призванная хозяйка созналась, что в этой комнате действительно умерла женщина, жившая там всего два дня.

В другом случае Д. П., тоже переехав на новую квартиру, ожидала вновь рекомендованную прислугу. Проснулась очень рано и к удивлению своему увидела двигающуюся по комнате опрятно одетую приветливую старушку. Д. П. почему-то подумала, не новая ли это прислуга, и лишь удивилась, как она могла попасть к ней в спальню так рано. В это время старушка подошла к камину, на котором были расставлены какие-то старые портреты, и начала пристально их рассматривать. А затем, к удивлению Д. П., она как-то точно подскочила и, постепенно поднявшись к потолку, исчезла. Только тогда Д. П. догадалась,

что это была вовсе не прислуга.

Также, однажды проснувшись ночью как бы от толчка, Д. П. увидела сидящего у нее на постели мужчину, как она говорила, неприятнейшего разбойничьего облика. Посетитель долго пристально смотрел на нее, а затем постепенно исчез.

Множество всяких таких появлений как в ночное, так и в дневное время, иногда прямо приводили в отчаяние Д. П. Она искренне восклицала: "Ведь не хочу же их видеть! И почему все другие мои друзья ничего подобного не видят, а я зачем-то должна встречать всех этих непрошенных гостей?!"

При этом бывало, что ее непрошенные гости перестанавливали какие-либо предметы, причем посторонние присутствующие видели движение предмета, но причина этого им была незрима.

Особенно много подобных сообщений обнаруживалось в связи с прошлою войною. Так, например, убитый на английском фронте сын В. Жаренцовой, явившись матери, сообщил место и обстоятельство своей смерти. Генеральный штаб отрицал возможность этого, дав сведение, что в указанном месте было непроходимое болото. Но через несколько месяцев приехавший друг покойного восстановил истину. Оказалось, что для сокращения сообщений через это болото была устроена гать.

Также один наш американский друг рассказывал, как под Верденом, идя на смену караула, они встретили караул, который должны были сменить уже в пути. Вся команда не только видела этот взвод, но и безуспешно пыталась окликнуть его. Подойдя к посту, они заметили безмолвно стоявшего часового, а когда дотронулись до него, то оказалось, что это был труп. Выяснилось, что весь взвод был уничтожен неожиданным налетом германцев.

О всяких таких одиночных и массовых явлениях можно составить целые длинные записи. То же самое можно слышать и на Востоке, в Китае, Монголии, Афганистане, где с определенными местами связаны разные боевые поверья. О предметах, передвигающихся без видимой причины, можно слышать часто от вполне достоверных людей.

Перед нами лежат фотографии миссис Ф. с необычайно реальными отображениями тонкого мира. Снимки удались без особого на то желания. О. Солнцев в Сердоболе рассказывал несколько необычайно ярких видений, бывших ему. Так, например, один уже тяжко больной гардемарин обещал ему явиться и оповестить о своей смерти. Прошло несколько месяцев. Однажды вечером, когда о. Солнцев занимался у своего стола, он услышал за спиною звук открывшейся двери. Обернувшись, он увидал своего молодого друга, но уже в мичманском мундире,

чему и удивился. Тот поклонился ему и затем как бы вышел за дверь. Затем узналось, что, действительно, гардемарин в это время скончался, а производство в мичманы пришло уже после его смерти, а потому он был положен в гроб в офицерском мундире.

Такой же случай передавала бабушка Е. И., когда по уговору с нею один студент, также умерший в туберкулезе, явился к ней, и она даже беседовала с ним. Эту беседу слышали находившиеся рядом в комнате. Скончавшийся в прошлом году в Париже о. Георгий Спасский, также не однажды испытал самые необычайные явления.

Особенно ценны сообщения людей, вполне уравновешенных, которые могут спокойно и сознательно оценивать виденные ими обстоятельства. Конечно, можно слышать множество истерических, а иногда и не совсем добросовестных повествований, но такие сообщения, конечно, уже будут совершенно в другом разряде. Как и во всем, нужна простота, непосредственность, точность, словом, все то, что включается в понятие честности. Особенно же ценно, когда видевшие что-либо не стараются приписать это прежде всего своим каким-то чрезвычайным особенностям, а просто устанавливают факт во всем его окружении. Если грубая фильма может запечатлевать тонкие формы, то насколько больше может при известных условиях воспринимать их человеческое сознание.

15 Февраля 1935 г.

Пекин

"Обитель Света"

Постоянная забота

Наши комитеты уже спрашивают, каково будет их положение после ратификации Пакта. Некоторым друзьям, может быть, кажется, что официальная ратификация Пакта уже исключает всякую общественную инициативу и сотрудничество. Между тем на деле должно быть как раз обратное. Чем дальше, тем больше должно требоваться в деле охраны Культурных сокровищ общественное и частное начало.

Дело Культуры никогда не может быть лишь делом только правительства страны. Культура есть выражение всего народа, вернее, всех народов. Потому-то народное общественное сотрудничество в деле Культуры всегда необходимо для настоящего преуспеяния. Просветительные и учебные заведения, хотя и будут под непосредственным управлением правительства, но они никогда не обойдутся и без общественного участия. Чем ближе будут всякие общества друзей музеев, чем активнее будут родительские комитеты при школах, тем большее живое сотрудничество возникнет.

Так же точно и в деле применения Пакта охраны Культурных сокровищ. Как бы ни были деятельны правительственные комитеты и учреждения, они не обойдутся без помощи частной доброжелательной инициативы. Тем более те комитеты, которые участвовали и свидетельствовали все перипетии дела Пакта, должны остаться ближайшими содеятелями и на все будущее время. Если уже и теперь наши комитеты Пакта разнообразно развивают свою деятельность, то в будущем они могут тем более споспешествовать государственному делу.

Вспомним, сколько за протекшие четыре года было предпринято полезных начинаний. Вспомним, что помимо трех международных конференций, сколько лекций было устроено в разных странах. Сколько выступлений состоялось в школах, сколько статей появилось в разнообразной прессе, сколько процессий и всяких манифестаций Знамени было неутомимо устроено, чтобы вносить в жизнь понятие охраны Культурных ценностей. Наконец, кроме местных комитетов, Вашингтонская конвенция установила Постоянный Комитет Пакта. Этим наименованием уже было предопределено несменное постоянное существование такого комитета. Этот Комитет является хранителем традиций, выявленных и утвержденных Вашингтонской конвенцией. Комитет был поставлен в силу единогласного постановления конвенции как верный страж, как священный дозор по охране Культурных ценностей.

Можно предполагать, что Комитет будет постоянно расти и обновляться, приобщая новых сотрудников, выдающихся деятелей искусства и науки. Комитеты и учреждения в разных странах явятся верными сотрудниками Постоянного Комитета.

Сколько бы новых общественных ячеек не открылось, сколько бы новых сильных волонтеров не пришло, деятельность настолько необъятно широка, что каждый сотрудник будет принят с радостью и дружелюбием. Если области работы по охране так разнообразны и широки, то, конечно, потребуется участие и самых разнообразных общественных элементов.

Глубоко должно проникать сознание охранения Культурных ценностей в народную толщу. Оно должно делаться неотъемлемым предметом во всех школах, и школьные преподаватели должны быть истинными друзьями такой просветительной всенародной заботы.

За годы подготовительных действий наши разнообразные комитеты могли убедиться, что осознания Культурных ценностей совсем не так легко проникают в разные общественные секторы. Каждый может вспомнить, сколько раз ему пришлось сражаться за, казалось бы, самые простые соображения. Каждый с сожалением вспоминает, что даже среди интеллектуальных слоев было встречено немало враждебности и непониманий. Таким путем и впредь нельзя обольщаться мыслью, что понимание о всенародном охранении Культурных ценностей так легко и повсеместно снизойдет. И были трудности и будут трудности. И будут они сообразно размерам дела. Крестный путь Культуры вовсе не перестанет быть трудным. Кроме того, многие будут истерически вопить о Культуре и в то же время не приложат никаких стараний в тех случаях, когда они могли бы что-то спасти. Будут продолжаться Дни Культуры, на которых будет внешне повторяться это слово, но никаких действенных последствий не будет происходить. Не будем перечислять всякие препоны, воздвигаемые человеконенавистничеством. Пребудем только готовыми всегда всеми способами утверждать в жизни высокое священное понятие Культурных ценностей.

Работа комитетов, обществ, содружеств, ячеек и была многообразна и будет еще многообразнее. В зависимости от всех земных условий будет углубляться и расширяться эта работа. Правительственные органы должны сказать сердечное спасибо всем тем добровольцам, которые пожелают вложить вольные и сознательные труды свои в такое большое государственное дело. Будет возникать понятная возможность доброжелательства и дружелюбия. Как рассадник дружелюбного сотрудничества, будет работать Постоянный Комитет, установленный на последней

конференции.

Комитет был не ограничен в числе своем. Комитет может иметь отделы, секции, комиссии. Словом, в добром деле ничто не запрещено, что может помочь истинному просвещению. Постоянный Комитет!

Пусть то же постоянство выражается и желанием действия, сотрудничества, доброжелательства и дружелюбия. Где произнесено слово КУЛЬТУРА, там должно расти и дружелюбие. Там должно крепнуть взаимное доверие и радость общему просветленному труду.

Каждый друг приобщенный есть путь Культуры. Каждый враг Культуры поверженный есть светлая победа. Каждое спасение священной красоты и знания есть высокая спасительная молитва.

16 Февраля 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Справедливость

Люди часто говорят о явной несправедливости, и в то же время упускаются из вида знаки справедливости. Конечно, несправедливость очень очевидна и ощутима, а справедливость иногда проявляется настолько косвенно, что узкое мышление с трудом может сопоставить разные, как бы несвязанные явления. Действительно, пути справедливости бывают гораздо неожиданнее, нежели проявления несправедливые. Такая неожиданность, конечно, только кажущаяся. Истина протекает логичными путями, но объем действий ее превышает человеческий горизонт.

Человек совершает какую-то явную гнусную несправедливость. Посторонние зрители наблюдают, что извратитель истины не только продолжает существовать, но кажется даже отмеченным и как бы поощренным. Человеческим мерилом трудно осознать, что эти призрачные отличия лишь пути к эшафоту. Сам преступник продолжает радоваться, думая в низости своей, что его преступные проделки вполне удались и возмездие невозможно. Но сказано: "Мне отомщение и Аз воздам".

Может пройти некоторое и даже значительное время, и около преступника, будет ли он личностью или сообществом, или народом, начнут аккумулироваться какие-то странные, совсем непредвиденные, неучитываемые обстоятельства. Те самые отличия и, казалось бы, удачи начинают обращаться в странные неприятности. Конечно, преступное мышление не обращает внимания на эти маленькие вспышки. В опьянении разгульного самохвальства темные не могут сопоставить и учитывать какие-то, как бы совсем несвязанные, дальние зарницы.

Происходят необыкновенно поучительные психологические моменты, которые могут дать мыслителю необычайные выводы. Но для этих выводов ведь нужно не только сосредоточиться, но прежде всего нужно иметь чистое мышление. А ведь этим свойством темные преступники не отличаются. Можно видеть, как даже тогда, когда на них уже начинает валиться нечто очень тяжкое, они все еще остаются далекими от распознавания истинных причин.

Неопытные люди спросят, почему справедливость иногда бывает как бы замедлена. И этот вопрос лишь покажет, что вопрошатель не вышел за пределы обыденности. Ведь это нам здесь, в наших условиях, представляются сроки или краткими или длинными. Существуют же и другие, более высокие и тонкие мерила. Когда человеческому мышлению удается уловить эти

тонкие процессы соответствий, сочетаний и последствий тогда особый трепет возникает. Трепет осознания законов справедливости. Древняя мудрость говорит: "Лучше быть обиженным, нежели быть обидчиком".

В этом сказано знание законов последствий. А сроки процесса не земными мерами познаваемы.

Только оглядываясь назад, юрист-философ может взвешивать и сопоставлять в восхищении.

Nil admirari[72]. Римляне выражали этим не только пресыщенную холодность, но и сознание соответствий. Ведь не удивляться же справедливости. Можно восхищаться этими высокими законами, которые в стройности что-то привлекают, что-то отталкивают, и в конечном итоге все-таки получается огонь справедливости прекрасный. Преступник обжигается этим огнем. Именно обжигается, т. е. себя обжигает. Он сам к огню приближается. Он не может уже отклониться от пути справедливости.

Народ верит, что убийца привлекается к месту убийства. В этом сказывается глубокая народная мудрость. Преступник привлекается не только к физическому месту, но он самововлекается в орбиту безысходности. В отупении преступник долго будет воображать, что он избегает опасных для себя положений. Ему будет казаться, что именно ему удалось не только уйти от возмездия, но даже и получить несомненную выгоду от совершенного темного дела.

"Бог наказать захочет — ум отнимет". Именно затемнение ума сопутствует злым делам. Напрасно думать, что дела ненависти и злобы остаются без возмездия. Странные последствия навлекают на себя злотворцы. И каждое зло, как щербина заржавленная, выедается в судьбе сотворившего.

Выедается тем более, что так называемое раскаяние приходит очень редко. Наоборот, черствое отупение будет пытаться самооправдать злодеяние.

Говорят, что в одном государстве древнем были созваны мудрецы-философы для особых наблюдений путей справедливости. Может быть, это только легенда для подчеркивания значения этих путей и непреложности справедливости, а может быть, это было и в самом деле. Ведь среди древних Культур мы встречаем акты необычайно высокого мышления.

Среди предмета Живой Этики слово о путях справедливости должно быть очень веским. Оно научит молодежь от школьных лет оценивать всю непрактичность злых дел.

17 Февраля 1935 г.

Пекин

Н. К. Рерих. "Молодому другу". М., МЦР, 1993

Художники

В Париже живет Константин Коровин. Сколько мыслей о русской национальной живописи связано с этим именем. Многим оно запомнилось как имя великолепного декоратора, выполнителя самых разнообразных театральных заданий. Но это лишь часть сущности Коровина. Главный его смысл — это самобытное дарование, проникнутое национальной живописью. Он именно русский художник, он москвич, не в степени московщины, но в размахе русском. Обратясь к богатому ряду коровинских картин, видим в них ту истинно русскую ценность, которой восхищаемся и в творениях Сурикова, и Рябушкина, и Нестерова, и Аполлинария Васнецова.

И никого из этих крупнейших художников не вынет писатель истории русской Культуры. Не в том дело, что они были различны в своем темпераменте. Не в том дело, что они мыслили и расцвечивали понятия великой Руси каждый по-своему. Драгоценно именно то, что они составляли в истории русской живописи прекрасное ожерелье, которое запоминает каждый иноземец, желающий познавать истинную Россию.

Много русских художников. Многие лучшие из них собрались около Парижа. И Малявин, и Александр Бенуа, и Яковлев, и Сомов, и наездами Григорьев — целая семья, восполнившая одну из лучших страниц истории русского искусства.

Сейчас исполняется очень знаменитый срок — 35 лет от времени Всемирной Парижской выставки, которая для русского искусства была так знаменательна.

На этой выставке все запомнили чудесное панно Коровина и восхитились малявинской мощью. Через 30 лет взошли многие семена, посеянные этой группой русских художников.

Наиболее многочисленна русская эмиграция в Париже; переживала она и лучшие, и худшие времена. Бывало ей и легче, и опять начинался какой-то сплошной кризис. Во всех этих волнах, во всех разнообразных суждениях сколько раз государственные деятели Франции поминали именно русское художество как один из неоспоримых магнитов, спаявших бывшее франко-русское понимание.

Дягилевский балет и опера! А сам Шаляпин! Ведь это не была простая театральная антреприза, это были прекраснейшие посланники, вестники русские, которые навсегда закрепили низкий, приветливый поклон незабываемой России.

А разве помыслят сейчас иностранцы о русской музыке без имен Мусоргского, Римского-Корсакова и без живущих сейчас в

Париже наших славных Стравинского и Прокофьева?

А все писатели, философы, ученые — они встали как светлые вехи от прошлого к светлому будущему. Кто же не знает сейчас в Европе Мережковского, Ремизова, Бунина, Алданова Гребенщикова? Их знают, их ценят, их переводят. Знают, что не только в бывших великих рядах Пушкин, Толстой, Достоевский, Гоголь, Тургенев, но сейчас живут и творят тоже славные русские писатели.

А кто же не знает Бердяева или Лосского? А какие же международные консультации обойдутся без Таубе или Нольде?

Каждый раз, когда вступаешь на путь перечислений русских имен, чувствуешь всю невозможность упомянуть многих, вложивших драгоценный вклад в русскую культуру.

Поминал имена не для перечислений, но чтобы только напомнить, какими необыкновенными посланниками русской Культуры, даже и среди потрясений накрепко упрочивалось уважение к понятию России как таковой.

Художники русские всех родов творчества, как знаменосцы, видимы и доступны иностранным суждениям.

Больно было на днях читать о том, что опять русским трудно живется во Франции. Думаем, что это лишь волна преходящая. Имеется столько незабываемых свидетельств о том, как понято было все русское именно во Франции.

Ведь не случайные были все утверждения восторга русскому творчеству. И что же крепче, прочнее может входить в сознание, нежели понимание творчества. Если оценено значение какого-то творчества, то это уже не будет мимолетным увлечением, как каждое понимание Культуры, оно не будет скользить в сомнениях, но ляжет твердым краеугольным камнем. Так же точно между народами выковываются международные связи творчеством.

В давно былое время русские сердечно оценили и преклонились перед сокровищем великой французской Культуры. В России французский язык был языком почти государственным. В России переводили французских писателей, зачитывались ими и повторяли их изречения. В России заботливо собирали и хранили французскую живопись и скульптуру. И до последних времен именно французские произведения и в живописи и в театре особенно привлекали русское сердце. А затем, вот уже 35 лет, как Франция узнала еще ближе русское творчество; с тех пор сколько сердечных знаков возникло в обоюдном понимании.

Помню, как сердечно устраивались французские выставки в Петербурге и также не забуду блестящие оценки французских критиков при русском выступлении в Париже. Все это

незабываемо и нерушимо.

Как бы ни шли путники разными тропами, но если вышли они под единым благословением, то и благодатно встретятся они на перепутьях.

Было грустно читать, что сейчас русским трудно во Франции. В конце концов, всем и везде сейчас трудно. Человечество, войдя в великий кризис, затолкалось на перепутьях, но перепутья не есть путь. А путники пути единого не могут пребывать в непонимании.

Знаю, что между великой Францией и великой Россией великим творчеством сплетены узы единения. И как светлые знаменосцы обоих народов, художники всех родов творчества встанут залогом сердечного понимания нерушимой оценки и пути к будущему.

Великая вера заложена в творчестве. Издревле освещены пути художества. На этих путях прочно взаимное понимание и дружелюбие.

18 Февраля 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Молодежь

Много нападают на молодежь. "Она поглощена спортом". "Она отшатнулась от гуманитарных предметов и погрузилась в условные техникумы". "Она небрежет чистоту языка и наполняет его всякими нелепыми выдуманными выражениями". "Она уходит от семьи". "Она предпочитает танцы". "Она избегает лекций". "Она не хочет читать". Мало ли, что говорят про молодежь. В каждом случае, наверное, были какие-то поводы высказать одно из приведенных тяжких обвинений. Даже в ежедневной прессе постоянно можно встречать факты, как бы подтверждающие сказанное. Допустим, что все это так и есть. Но если мы посмотрим в причины происходящего, то ведь прежде обвинения молодежи нужно призвать к ответу старшее поколение.

Много ли сердечности в семье? Притягательна ли домашняя обстановка? Есть ли возможность серьезных устремлений среди быта современности? Есть ли что-то ведущее и восхищающее в трудовой домашней обстановке? Прилежит ли само старшее поколение гуманитарным предметам? Кем указана дорога в техникумы? Кто прокурил дом свой? Молодежь ли наполнила домашнее вместилище спиртными напитками? Хотят ли в семье говорить с молодежью? Устремлена ли семья к будущему? Где именно рождается равнодушие к добру и злу? Где начинается рассадник осуждений? Где впервые услышала молодежь анекдоты кощунственные? Где впервые слышат много разрушительного и очень мало созидательного? Потому вместо осуждения молодежи посмотрим, так ли она плоха, как часто досужие языки болтают.

Спросим себя: "Знаем ли мы молодежь истинно трудящуюся?" — Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, несущую в семью все свои заработки?" ¬Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, сердечно мечтающую о будущем?" — Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, устремленную к серьезным книгам и обсуждениям?" — Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, которая умеет жить в согласии?" — Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, устремленную к поискам прекрасным?" — Конечно, знаем. И так мысленно перебирая все лучшие высоты человеческие, мы на каждой из них найдем и прекрасное выражение молодежи. Эти труды молодежи не будут относиться лишь к одной какой-то стране. Они будут раскинуты по всему миру.

С радостью вспоминаешь, как в Париже сходятся просвещенные молодые труженики. Как глубоко устремлены они именно к высоким человеческим задачам. Мы знаем, как им

безмерно трудно, знаем, как им приходится преобороть и условия страны и домашнего быта, и тем не менее они находят в себе неисчерпаемые силы идти путями верхними. Находят в себе неутомимость утверждать добрые вехи. И все это благо творится среди несказуемых трудностей. И все-таки благо творится, и все-таки, когда вы хотите вспомнить о чем-то радостном, вы вспоминаете о таких утверждениях молодого поколения.

Вспоминаем и другое, где содружества молодежи нередки. Нью-Йорк. Тоже все трудящиеся, добывающие хлеб упорной и тяжкой работой, а по вечерам ободренные и приодетые слетаются они, чтобы омыться в живой воде философии, науки, искусства. Они так привыкают жить общими стремлениями, что даже пробуют селиться вместе, маленькими общинами.

Помнятся три комнаты. Живут в них восемь девушек. Все трудящиеся. Кто продавщица, кто секретарит, кто стенографит или работает на фабрике. Спрашиваем:

— Давно ли живете вместе?

— Три года.

— А много ли раз ссорились?

— Смеются…

— Не приходилось.

Разве это, по нынешним временам, не чудо, чтобы люди могли собраться из разных областей. Могли бы после трудной работы утомленные сходиться вместе и не только не ссориться, но и оживлять, и обогащать друг друга высокими возможностями. А сколько вдохновенных и убежденных суждений можно слышать именно от молодежи! А кто же так сердечно встает за правду и возмущается несправедливостью, как не молодые сердца!

Как только осмотримся без предубеждений, так сейчас же найдутся во множестве прекрасные знаки и самоотвержения, и стремления к познанию, и любви к прекрасному. Тем, кто вообще осуждает молодежь, нужно оберечься от брюзжания. Наверное, они видят, что во многих областях современная жизнь мятется и безобразится непониманием. Но когда осудители начинают искать виновных, то очень часто они устремляются по случайно ближайшему пути. Они видят только последствия, но избегают помыслить о причине. И причины не так уж страшны, если их осознать и общественно начать изживать эти пыльные наросты.

Если каждый непредубежденный обозреватель найдет так много прекраснейших и трогательных примеров среди молодого поколения, то не так уж трудно подтягивать общественное мнение именно к этим проявлениям настоящего блага. Если молодые люди, иногда еще и неопытные, все же так мужественно и вдохновенно противостоят темным силам, то как же бережно

нужно поддержать их тем, кто считает себя уже умудренным. А поддержать можно лишь примерами жизни. Никакие разглагольствования отвлеченные не дадут жатвы. Только действия в делах, пример жизни могут быть убедительными.

Если молодежь сама познает радость труда и вдохновительного общения, то ведь уже умудренные жизнью должны прежде всего ободрять именно эту радость. Невозможно осудительствовать там, где столько прекрасных примеров находимо. Если по условиям времени всем трудно, то нужно думать лишь о том, чем преобразить эти трудности в радость. Молодые сердца знают это. Потому всячески поможем молодым сердцам встречаться на путях блага и вдохновения.

Можно равняться по худшему, и такое равнение будет деградацией. Всякое же равнение по лучшему будет ростом. Разными народами хранилась легенда о том, что даже ради одного праведника был сохранен целый город. Эта легенда, так многообразно и прекрасно заповеданная, указывает, что во всем важно качество, а не количество. Потому каждый добрый пример покрывает собою множества отрицательных показаний.

Ценно, что печать века творится многими народами и потому тем легче собрать добрые знаки. В разных наречиях, в различных обычаях эти иероглифы добра особенно вдохновительны.

Малыш тянется опустить в почтовый ящик письмо. Прохожий хочет помочь ему и видит на домодельном конверте каракули: "Николе Чудотворцу". Спрашивает:

— Что это?

— Мамка помирает, а никто не хочет помочь. И таким путем сердце малыша молит Николу Чудотворца, который и помог. Так малое и юное находит пути к самому высокому.

19 Февраля 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Tactica adversa

Чингис-хан нередко прибегал к притворному отступлению, чтобы завлечь врага в преследование и тем легче ударить ему в тыл запасными частями.

Так говорят. Также говорят, что неутомимый завоеватель иногда поджигал степь, чтобы тем ускорить движение войска. Может быть, рассказы о разнообразной военной технике великого победителя и правы. Во всяком случае, они правдоподобны, ибо в своих больших походах Чингисхан, наверно, применял самую различную технику, неожиданную для врагов его.

Ему же приписывается, что, желая сохранить здоровую суровость быта, он приказывал своим сановникам раздирать дорогое шелковое платье о терновник, чтобы показать неприменимость таких одеяний. Говорят также, была симулирована заболеваемость от ввозных напитков, чтобы привлечь население к местным молочным продуктам.

В древней истории можно находить многие примеры самой неожиданной обратной тактики, дававшей самые убедительные последствия.

В битве человек не может распознать, когда именно подвергался он наибольшей опасности. Во время самого столкновения невозможно усмотреть, которое именно обстоятельство было самым опасным или самым благодетельным. Какой-то удар спасал от удара еще большего. Упавший конь падением своим защищал от нежданной гибели. Случайный крик заставлял обернуться и тем миновать смертельную посылку. Потому-то так правильна древнейшая мудрость, обращавшая внимание на конец, на следствие всего происшедшего: "Respice finem!"[73] Невозможно преднамеренно установить конец, но по концу можно видеть, для чего складывалось многое предыдущее. Нужна для этих наблюдений испытанная внимательность, но также нужно и знание о том, что такое есть тактика адверза. Это последнее обстоятельство, так спасительно действовавшее во многих исторических событиях, часто не усматривается. Правда, люди любят повторять: "Не бывать бы счастью, да несчастье помогло", — но в этом речении предполагается как бы случайность какого-то несчастья; а ведь тактика адверза не знает несчастий. Она знает лишь планомерные действия, учесть которые трудно в чрезмерной от них близости.

Каждый путешественник знает, как четко и прекрасно рисуется снеговая вершина на расстоянии и насколько она теряет форму во время острых опасных подходов к ней. В событиях

также трудно осмотреться в чрезмерной близости. Но тактика адверза говорит успокоительно, что там, где есть чистое огненное стремление, там и все сопровождающие явления сделаются планомерными. Но много утонченного сознания должно быть приложено, чтобы оценивать необычные действия обратной тактики. Истинная непобедимость всегда будет сопряжена с крайнею находчивостью. Люди не могут познать ведущих путей и, со своей стороны, должны применять всю чуткость находчивости и подвижности.

Каждый деятель знает ценность подвижности. Как далека должна быть эта истинная подвижность от мелкой суетливости, которая может лишь осложнять правильное движение. Когда деятеля спрашивают, КАК ИМЕННО он пойдет, то всякий ответит, что КАК ИМЕННО ему известно, но КУДА ИМЕННО он знает твердо от часа отправления. Тем самым никакие "неожиданности" пути не могут смущать истинного деятеля. Он уже предпослал, что во всем случившемся будет элемент полезности.

Он также знает, что некоторые встреченные противодействия должны быть доведены до обратной крайности, ибо только тогда выявится их смысл, а тем самым найдутся и панацеи. Каждая нелепая выходка приобретает тем большую явность нелепости, если ей помочь докатиться до края. Тогда развернется вся мерзкая инфузория и даже самые мало осведомленные зрители поймут степень безобразия.

Сколько раз опытный предводитель, уже имея возможность пресечь поток нелепости, останавливал своих сотрудников, говоря: "Пусть докатится". Опытный предводитель вызывал засадные полки лишь тогда, когда действительно исполнялись меры надобности. Какой же он был бы предводитель, если бы вызывал крайнюю помощь раньше времени? Враг еще не был бы вполне явлен. Вражеские силы еще не достигли последнего напряжения, а запасные полки уже были бы израсходованы. Потому обратная тактика прежде всего знает, что такое бережливость.

Неопытный зритель восклицает: "Прекратите! Ведь это нелепо!" Но опытный деятель поправит его: "Это не только нелепо, но и безобразно. Повремените еще минуту, и вы сами увидите несносную степень безобразия и невежества, которое пожрет самое себя".

История разных народов не случайно постоянно твердит нам о различных проявлениях обратной тактики. Эти повторения позволяют затвердить примеры победительного способа от обратного. Ведь народ говорит: "Дайте вору веревку, он сам повесится" или: "Не махайте, не махайте, он сам войдет". Но та же

народная мудрость предполагает, что веревка должна быть дана, а ожидание самовхода тоже происходит не в небрежении, но наоборот, в полной внимательности и озабоченности.

Сколько раз самые добрые заветы, сколько раз апостольские послания говорят о поражении тьмы. Значит, поражение тьмы должно происходить, и поэтому обратная тактика должна быть лишь способом борьбы, но никак не допустительным бездействием. Когда народ говорит: "Дайте вору веревку, он сам повесится", в этом предусматривается целый ряд действий. Вор должен быть обнаружен. Веревка должна иметься, должна быть достаточна и должна быть дана. А вор тоже должен произвести действие, ибо он должен на этой веревке повеситься.

История не рассказывает, как Иуда нашел свою веревку. Думается, что нашел он ее как-то особенно, ибо его неслыханное злодейство привело его к самоуничтожению. Только наблюдайте, и вы увидите, как злодейство само поражает себя. Уже приходилось писать вам о многих наблюденных случаях разнообразного поражения злодейства. Действительно, в этом разнообразии самовозмездия заключена необыкновенная изысканность законов.

Вот мы говорили о справедливости, а ведь обратная тактика живет около этого понятия и своими, часто неизреченными воздействиями, помогает обнаруживанию всей степени зла. Для строения нужно очищенное место. Каждый строитель прежде всего озаботится о почве, на которую положит фундамент. Он осмотрит, нет ли расщелины и опасных трещин. Всеми лучшими мерами он отведет разъедающую влагу и прежде всего закрепит трещины.

При возведении постройки никто и не представляет себе, какие глубокие подземные работы произошли для крепости стен и башен. Прежде, чем применить свои надземные соображения, строитель примет во внимание все глубокие неожиданности. Если показалась влага, он не станет ее сразу забрасывать глинистой почвой, но очень осмотрит, каковы ее окончательные размеры и где истоки ее. Знаем, как иногда задерживались даже спешные постройки, пока не были приведены в порядок подземные неожиданности.

"Благословенны препятствия, ими мы растем". Сказавший это знал и все размеры препятствий, мог по опыту своему оценить их и применить их во благо. Строение во благо неутомимое, бережное, внимательное. Какая красота заложена в этом неисчерпаемом создавании!

20 Февраля 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Защита

Была надежда, что теперь в деле Пакта уже миновали какие-то недоумения и зловредности, и работа по защите Культурных ценностей может пойти нормальным ускоренным порядком. Но видно, эта надежда была преждевременна. Нашлась некая газета, которая с явно зловредно-клеветнической целью допустила грубый выпад. На этот раз выпад был особенно направлен против деятелей Пакта, обвиняя их в ничегонеделании.

Газета, в состав редакции которой входит один из членов Комитета Пакта, не желает видеть действительность.

В газете со специальной целью нужно клеветать в надежде, что хоть что-нибудь от ее клеветы останется во вред Культурному делу. Вместо того, чтобы помочь Культурному делу, газета представляется, что она будто бы ничего не знает ни о движении Пакта, ни о работе комитетов Пакта.

В том же самом городе, где издается эта газета, были многократно опубликованы как мои статьи, так и многие другие сведения о работе комитетов Пакта.

Всякий доброкачественный человек, казалось бы, должен радоваться, что и в наши мятежные дни, несмотря на многие трудности, все же может продвигаться Культурное дело.

Чтобы еще раз подтвердить уже много раз написанное, приведем следующую выдержку из моей статьи, напечатанной в том же самом городе, где пытается клеветать и некая газета. В моей статье я говорю:

"Вспоминаем горестные кощунственные разрушения Симонового монастыря, Спаса на Бору, Храма Христа Спасителя. Куда же дальше идти? Наш Комитет, в лице председателя Французского Комитета барона М. А. Таубе и генерального секретаря Д-ра Шклявера, по предложению Центрального Комитета, горячо протестовали против такого варварского кощунства как в Париже, так и во время нашей международной конференции в Брюгге. Здесь же мне приходилось слышать вопросы, основанные на очевидном незнании, что почему наш Комитет не протестует при таких губительных вандализмах. И я отвечаю на это: нашито Комитеты, конечно, неукоснительно протестуют, но печально то, что общественное мнение сравнительно мало отзывается на эти протесты и даже не стремится узнавать о них. Вместо того, чтобы спросить, где именно были протесты, люди просто восклицают: "Почему таких протестов не было?" В таком обороте речи можно чувствовать уже какое-то недоброжелательство к делу охранения памятников

Культуры. Вместо того, чтобы сойтись в дружном стремлении и взаимном понимании, некоторые люди предпочитают бросить в пространство злобно разъединительные формулы. Мы протестовали и при разрушении Храма Христа Спасителя, протестовали против разрушения монастырей при революции в Испании, протестовали против изуродования знаменитой картины Милле и теперь мы также протестуем против разрушения знаменитого Собора Овиедо".

Но, очевидно, написанное в Октябре годится и для Февраля. Казалось бы, каждый хотя бы цивилизованный человек, должен понять, что в деле заботы о Культурных ценностях нужно сотрудничество, а не клевета. В моих недавних записях — "Вандалы", "Охранение", "Правда нерушима", "Друзья сокровищ Культуры", "Возобновление", говорилось исключительно о разных обстоятельствах Пакта. Из этих записей две, а именно ¬"Охранение" и "Правда нерушима", были уже напечатаны в дальневосточных газетах.

Каждый вандализм, по мере того, как он доходит до сведения Комитетов Пакта или моего, немедленно осуждается. Общественное мнение призывается широко сотрудничать в этих осуждениях, чтобы пробудить культурное сознание в широких массах. Ведь читающим людям известно, что Пакт находится в периоде ратификаций. Каждый здравомыслящий понимает, что до ратификации Пакта могут производиться лишь общественно моральные воздействия.

В прессе еще недавно приводился знаменательный отзыв министра агрикультуры Соединенных Штатов — Генри Уоллеса. Также известны отзывы о Пакте покойного председателя Гаагского трибунала Адачи, и только-что вышел второй том материалов по обсуждению Пакта, в котором приведены многие вдохновенные речи государственных и общественных деятелей 36 стран.

Как же мы должны понимать выпады некоей газеты? Как исключительную невежественность или сознательное вредительство Культурному делу. Трудно предположить такую крайнюю степень невежества для редакции газеты, тем более, что много сведений о движении Пакта прошло в том же городе.

Кроме того, если бы мы имели дело только с невежеством, то в городе, где существует Комитет Пакта, член которого входит в состав некоей газеты, можно бы предположить, что прежде клеветнической статьи редакция пожелает ознакомиться с действительностью.

Трудно предположить такую исключительную степень невежественности, значит остается прискорбный вывод о

сознательном вреде Культурному делу.

Неужели примитивный стыд настолько вытравился в некоторых двуногих сообществах, что ради клеветы и вредительства они готовы наносить ущерб общеполезному делу?

Неужели же где-то человеческое сознание пало настолько низко, что лишилось даже простого рассудка?

В то время, когда страны поднимают Знамя Пакта, когда официальные делегаты правительства об этом сообщают на конвенции, некая газета, захлебываясь, пытается хоть чем-нибудь опорочить работу Комитетов, многих бескорыстно преданных Культурных деятелей, лишь бы сотворить зло.

Если кто-нибудь добросовестный ознакомится с составом Комитетов Пакта в Америке, во Франции, В Бельгии и в других странах, то найдет ли он в этих Комитетах хотя бы одно лицо, которому можно бы было бросить клеветническое осуждение в ничегонеделании. Само продвижение ратификации Пакта достаточно доказывает, что в мировом масштабе многое полезное в деле Пакта творится неутомимо.

Члены Комитетов Пакта, каждый в своей области, неутомимо производят воздействия, где только возникает опасность вандализмов. Они выступают и со своими личными и групповыми заявлениями и участвуют как наши делегаты во всевозможных конференциях охранения Культурных сокровищ.

Каждый здравомыслящий человек понимает, что до окончания ратификации Пакта мы можем воздействовать лишь морально, опираясь на сотрудничество общественности. И вот вместо того, чтобы встретить повсюду благожелание общественности, мы встречаем клевету некой газеты.

Кто бы мог подумать, что кроме защиты Культурных сокровищ, придется также защищать членов Комитетов Пакта от клеветнических наветов.

Но, видно, темное вредительство крепко организовано. Оно пытается опорочить все, относящееся к делу созидания. Разрушители под разными масками ведут свое губительное злодейство.

В записных листах — болезнь клеветы, мне уже приходилось говорить об этой ужасной заразе клеветы. Если мы знаем об этой опасности, то тем более мы подадим друг другу руку дружбы, сотрудничества и удвоим наши усилия.

Вспоминаю, как председатель нашего Комитета Пакта в Париже, барон М. А. Таубе во время Бельгийской конференции Пакта закончил свою речь именно этим горячим призывом.

Удвоим наши усилия. И многие лучшие голоса разновременно и повсеместно ответят: "Всегда готов".

21 Февраля, 1935 г.
Пекин
Публикуется впервые

Монголы

Знамя Чингис-хана было белое, при этом в разных походах употреблялись символы многих изображений: лев, конь счастья, кречет, барс.

В основе монгольский цвет — синий, но и посейчас живут заветы великого хана. Также посейчас упоминаются и законы его, среди которых многие могут жить и посейчас. Перечень суровых наказаний за кражу, убийства, прелюбодеяния и другие недостойные действия не упадут со страниц законодательства и в настоящее время. Также и прочие государственные деяния, требования к чиновным лицам и заботы о преуспеянии страны были широко установлены великим ханом.

Для уничтожения в ханах гордости и тщеславия Чингисхан запрещал принимать пышные титулы. Соблюдалась веротерпимость и свобода слова, лишь бы признавалась любовь к Богу. От общественных работ освобождались духовные лица и врачи. Смертная казнь полагалась также для шпионов, лжесвидетелей, колдунов, лихоимцев. Относительно браков ¬запрещалось вступать с родственницами в первом и втором колене. Для подъема чувства чести запрещалось брать монголов в услужение. С целью уничтожения пьянства Чингис-хан восставал против употребления крепких напитков, всячески их ограничивая и предлагая их совсем не пить. Также известно постановление, имевшее целью истребление чрезмерного суеверия, имеются и указы о развитии гостеприимства среди кочевого населения и доставлении безопасности при следовании по обширным владениям империи. Также были определены районы для кочевок. Юрты были разбиты на десятки, сотни и тысячи. По караванным путям были устроены станции и поставлена стража. Были учреждены почтовые станции на расстояниях одного дня пути. Войска были подразделены также на десятки, сотни и тысячи, и десятки тысяч. Смертная казнь была положена всякому начальнику, который покинет определенное ему место.

По всему дошедшему до нас, Чингис-хан действительно был великим вождем и строителем.

"Боже, упаси нас от монголов" — такие записки находили в разрушенных городах. Датские рыбаки не выходили в море на ловлю из опасения монгольского нашествия.

Вот одно из наиболее ранних описаний монголов, преподнесенных Европе в XIII столетии:

"Для того, чтобы человеческие радости не могли быть особенно продолжительными и чтобы мировое благополучие не

длилось слишком долго без "воплей", — писал Матью Пэрис, — в этом паду (т. е. в 1240) отвратительные порождения самого сатаны, то есть бесчисленные полчища татар, прорвавшись, ринулись из пределов своих, горами окруженных стойбищ.

Стелясь наподобие саранчи по земной поверхности, они причинили ужасные опустошения в восточных частях Европы и обратили их с помощью огня и меча в пустыню. Они бесчеловечны и звероподобны, представляют из себя скорее чудовищ, нежели людей, всегда жаждут крови, которой и упиваются, рвут на части и пожирают собачье и человеческое мясо. Одеваются в бычьи шкуры, вооружены железными пластинами, малорослы, дородны, дюжи, сильны, непобедимы, с незащищенными ничем спинами и грудями, покрытыми доспехами. Они с наслаждением пьют чистую кровь животных своих стад, лошади их толсты, сильны и едят сучья и даже деревья; на этих лошадей им приходится влезать с помощью трех ступенек, ввиду короткости их бедер… Они не знают человеческих законов, совершенно не имеют понятия о комфорте и отличаются большей свирепостью, нежели львы или медведи… Они не щадят ни возраста, ни пола, ни положения. Не знают никакого разговорного языка, кроме своего собственного, которого никто больше не понимает, так как вплоть до самого последнего времени к ним не было никакого доступа, и сами они, в свою очередь, не показывались вне пределов своей страны. При таких условиях не имеется никаких сведений об их обычаях и личности, которые узнаются путем взаимных сношений людей друг с другом. Они бродят со своими стадами и женами, причем последние приучены сражаться не хуже мужчин. Эти-то существа появились вдруг с быстротою молнии на поругание христианства, опустошая и избивая все на своем пути, наводя на всех ужас и внушая к себе невообразимое отвращение".

Вот какова была репутация монголов, когда имя их впервые достигло Европы, сопутствуемое ощущением ужаса, которое предшествовало их движению вперед. Самое слово "татарин" заставляло всякого содрогаться. Их считали Божьим наказанием. Старые писатели называли их "испытанием Божьим" демонами, посланными в наказание людям.

Европа не считала монголов за людей, — она им отказывала в чести быть врагами или обычными неприятелями, а считала их какими-то сверхъестественными существами. В те времена люди в Европе искренне верили, что у монголов собачьи головы и что они питаются человечьим мясом. Вот какой дикий ужас охватил всю Европу, предшествуя появлению здесь татар. Грозящая человечеству опасность понималась здесь настолько

преувеличенно, что даже датские рыбаки не рисковали пускаться в море из боязни монголов.

Одну и ту же картину приходится наблюдать в это время, как в пределах крайнего Востока, так и в пределах крайнего Запада — как по берегам Тихого океана, так и по берегам Черного моря. Один из китайских историков этого периода восклицает с отвращением, что "со времени сотворения мира ни одна из наций не была еще никогда настолько могущественной, насколько могущественны сейчас монголы. Они истребляют целые государства с большей легкостью, нежели кто-либо вздумал вырывать траву. Отчего же небеса терпят это!"

Другой писатель, изображая последствия монгольского верховенства следующими знаменательными словами, отмечает, что в Азии и в Восточной Европе вряд ли и собака может лаять без разрешения монгола.

Монгольское нашествие, которое, пронесясь по всей Азии, достигло преддверия Европы, оказалось настолько подавляющим, что правители последней начали оживленно советоваться друг с другом о том, какие меры им следует предпринять против грозящей опасности. Решено были прибегнуть к содействию совместных выступлений, чтобы задержать этот человеческий поток, так как ни одно государство не могло в одиночку справиться с ним. Ничто так не свидетельствует о боязни, внушенной ордами монголов даже и в пределах величайших европейских государств того времени, как призыв Фредерика II, священного Римского императора, ко всему христианскому миру в целях отражения нашествия ужасных монголов. Представьте только себе послание, адресованное "Германии ¬пылкой в боях, Франции — выкармливающей на своей груди неустрашимое воинство, воинственной Испании, Англии — могущественной своими воинами и кораблями, Криту, Сицилии, дикой Иберии и холодной Норвегии — с призывом организовать интернациональный крестовый поход против кочевников-завоевателей, явившихся в Европу из далекой Монголии".

Выдержки из этого послания красноречиво оттеняют тот "монгольский ужас", который охватил Европу в 1240 году. "Народ, — писал император,¬ вышедший из крайних пределов света, где он долгое время скрывался в обстановке ужасающего климата, вдруг жестоко обрушился на северные страны и усеял их наподобие саранчи. Никто не знает, откуда эта свирепая раса получила свое наименование татар, но несомненно одно, что не без явного промысла Божия последние были сохранены с незапамятных времен в качестве орудия для наказания людей за их прегрешения и, может быть, даже на гибель христианства. Эта

свирепая и варварская нация не имеет ни малейшего понятия о законах человечества. Они, однако, имеют вождя, которого чтут и приказанию которого слепо подчиняются, называя его земным богом. Люди же низкорослы, дюжи, сильны, выносливы и отличаются непоколебимой верностью, и по малейшему знаку своего вождя бросаются со стремительной храбростью на самые невообразимые опасности. У них широкие лица, скошенные глаза и они издают самые ужасные крики и вой, которые вполне соответствуют обуревающим их сердца чувствам. Они не знают иных одежд, кроме воловьих, ослиных и лошадиных шкур, и вплоть до настоящего времени у них не имелось никакого иного вооружения, кроме грубых, скверно сплоченных железных пластин. Но уже теперь — и мы не можем произнести этого без стона — они начинают улучшать свое снаряжение, раздобывая его грабежом у христиан. Скоро, по-видимому, гнев Божий разразится над нами, и нас эти варвары начнут постыдно убивать нашим же собственным оружием. Татары ездят верхом на прекрасных лошадях и в настоящее время отъедаются самыми лакомыми кушаньями и одеваются богато и изысканно. Они бесподобные стрелки; говорят, что их лошади в тех случаях, когда не имеется под руками иного корма, могут питаться листьями, корой и корнями деревьев и, несмотря на это, сохранять свою бодрость, силы и проворство".

Так Европа оценивала монголов. Затем, со временем оценки уточнились и обусловились. Так, например, Тимур, вместо прежней оценки лишь разрушителя получил от французского ученого Груссе совсем другую характеристику. Груссе говорит, что Тимур, сочетавший в себе стремление к изысканности Ирано-Индийской культуры с суровым укладом аскета, явился одной из наиболее красочных фигур Индо-Иранского мира. Таким образом, правнук Чингис-хана, через Барласский род, остается в нас уже под освещением вдумчивого ученого. Так же точно многие властители мира, спешно осужденные, вдруг вырастали в совершенно ином освещении. Не то же ли самое произошло и в русской истории с Иваном Грозным и с Петром Великим?!

Идя от характеристики Груссе, вспоминая отметки Плано Карпини о внимании монгольских ханов к искусству и наукам, мы можем кульминировать монгольский апофеоз в лице великого Акбара. Конечно, некоторые пристрастные суждения пытались иногда и его представить кровожадным тираном, но в конечном итоге развернулась блистательная картина светлого объединителя и культурного правителя великой страны. К уже найденному великолепию Акбара новая литература добавит лишь новые ценные знаки. И народная мудрость, справедливая в основе

своей, добавляет к изображению великого императора и сияние Святого. Так народ в веках умеет чтить постоянное великое служение.

К характеристикам монголов вспоминаю и другие отметки современных им путешественников. Много ценных и благоприятных знаков. Вспомним также из священных монгольских книг хотя бы заветы о Бодхисаттвах, со всеми указаниями на сострадание, самоотвержение и помощь ближнему. Вспомним и несторианские времена. Словом, ничем не умалим то многое, что действительно было в жизни сильного и мужественного народа.

Сколько прекрасных часов вспомним и мы из наших странствий по Монголии. Помню сердечный приветственный знак монгола Ринчина. Многого стоит огненное восклицание седого бурята: "Свет побеждает тьму". Помню, как монголы мужественно показали себя при столкновении с разбойниками, помню постройку Субургана и доброхотное принесение сокровищ.

Если пойдем по знакам блага, их наберется очень много. Как бы ни перерождался народ, все-таки его основы неизбываемы. То же самое мы можем наблюдать и на многих других народах. Изменяются условия, приходит счастье или несчастье, но душа народа остается. Последите народную душу по старым песням, по сказаниям и притчам. В этих нерушимых народных памятках вы увидите лучшие характеристики.

Если вы припомните законы монгольских ханов, если вспомните героический эпос этого народа, то во всем отразится натура твердая, мужественная, нередко аскетическая, терпеливо переживающая случайности времен. Если Вы видите эти заветы прошлого, которые не погибли в потоках современных ощущений, то разве не следует помочь такому народу, желающему мирного преуспеяния.

Когда-то условия быта и сердечное влечение увлекали монголов в далекие поиски. Человеку часто кажется, что где-то вдали есть что-то лучшее ¬"славны бубны за горами". Но современное мышление обращает монголов к сокровищу их земель. Познавать свое, научиться ценить определенное судьбою — это большая заслуга.

Случилось так, что Монголия как таковая, занявшись в "дали далекой", еще не использовала свое внутреннее сокровище. Не использовать ¬значит не истратить. Потому-то справедливо устремлены взоры на Монголию, и пусть будут они устремлены благосклонно и дружелюбно.

В ошибочном суждении уже никто не скажет: "Боже, упаси от монголов", наоборот, каждый углубленный мыслящий пошлет

сердечный привет мирному возрождению народа.

Сам Ригден-Джапо на коне в светлых доспехах мчится. Монголы не забывают видение Большого Ламы, бывшее в 27-м году.

Также в пророчествах сказано: "На стороне восхода солнца обнаружится белый камень с надписью. Вырубишь топором эту надпись, она не исчезнет, она появится снова".

22 Февраля 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее". (В сборнике "Врата в Будущее" концовка очерка в другом варианте)

Чутким сердцам

Сколько глав! Сколько золоченых и синих, и зеленых, и со звездами, и с прорисью! Сколько крестов! Сколько башен и стен воздвиглось вокруг сокровища русского! Для всего мира это сокровище благовестит и вызывает почитание. Уже сорок лет хождений по святыням русским. Напоминается, как это сложилось.

В 1894-м — Троице-Сергиева Лавра, Волга, Нижний Новгород, Крым. В следующем году — Киево-Печерская Лавра. Тайны пещер, "Стена Нерушимая". Стоит ли? Не обезображено ли?

В 96-м и 7-м, по пути из Варяг в Греки — Шелонская Пятина, Волхов, Великий Новгород, Св. София, Спас Нередецкий, все несчетные храмы, что, по словам летописца, "кустом стоят". В 98-м — статьи по реставрации Святой Софии, переписка с Соловьевым, Стасовым, а в 99-м ¬ Псков, Мирожский монастырь, погосты по Великой, Остров, Вышгород. В 901-2-м — опять Новгородская область, Валдай, Пирос, Суворовское поместье. Места со многими храмами древними от Ивана Грозного и до Петра Великого

В 1903-м — большое паломничество с Еленой Ивановной по сорока древним городам, от Казани и до границы литовской. Несказанная красота Ростова Великого, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Владимира, Спаса на Нерли, Суздаля, всего Подмосковья с несчетными главами и башнями! Седой Изборск, Седно, Печеры и опять несчетные белые храмы, погосты, именья со старинными часовнями и церквями домовыми и богатыми книгохранилищами. Какое сокровище! Ужасно подумать, что, может быть, большей части его уже не существует.

Тогда же впервые оформилась мысль о нужности особого охранения святынь народных. Доклад в обществе архитекторов-художников. Сочувствие. Но не могло человеческое воображение представить, что через двадцать лет придется оплакивать гибель Симонова монастыря, знавшего самого Преподобного Сергия. Придется ужаснуться разрушению Спаса на Бору и Храма Христа Спасителя и негодовать при угрозе самому величественному Успенскому собору.

В статье "По старине" и во многих писаниях о храмах и стенах Кремлевских говорилось о том, чем незабываема Земля Русская. В 1904-м — Верхняя Волга, Углич, Калязин, Тверь, Высоты Валдайские и Деревская Пятина Новугородская. Одни названия чего стоят, и как незапамятно древне звучат они! Через многие

невзгоды и превратности устояли эти святыни. Неужели найдется рука, которая на них поднимется?

В 1905-м Смоленск, с Годуновскими стенами, Вязьма, Приднепровье. В 907-м Карелия и Финляндия, славные карельские храмы. От 908-го до 13-го опять Смоленск, Рославль, Почаев. В 910-м раскопки Кремля Новгородского, оказавшегося неисследованным, а затем, до войны, и Днепровье, и Киевщина, и Подолье. В 1913-м — Кавказ с его древностями, а в 1914-м при стенописи в Святодуховской церкви в Талашкине получилась первая весть о Великой Войне. Нужно хранить!

Война, со всеми ее ужасами, еще и еще напоминает охранение всего, чем жив дух человеческий. Война! И Государь и Великий Князь Николай Николаевич сочувственно внимают предложению всенародной охраны Культурных сокровищ. Вот-вот уже как будто и состоится! А вместо того ¬беда всенародная! Неужели нарушат?!

В 1917-18-м Карелия, Сердоболь, Валаам, со всеми его островами. Святой остров! Владыко Антоний. Немало уже нарушено. В 1919-м после Швеции и Норвегии — Лондон. Доклады и статья в защиту сокровищ искусства. О нерушимости святынь. О сокровищах народных. Во всех далеких странствиях думается о том же.

Бесчисленные развалины всюду напоминают о зловещих разрушениях. Исследуем. Запоминаем. И только в 1929-м оформился Пакт по сохранению Культурных сокровищ. Спасибо Парижу и Америке, которые поняли, поддержали. Но ведь это еще только воззвание. Нужно, чтобы его услышали. А кругом столько гибели. С трудом вмещает сердце дикое разрушение. Но ведь взорван Симонов монастырь, запечатленный Преподобным Сергием! Ведь уничтожен Храм Христа Спасителя!

Погублен Спас на Бору! Что-то с Киевской Лаврой?! А где мощи Преподобного Сергия?

Всеми силами спешим с Пактом. Но не коротки пути к миру. И не везде благоволение. Нужно преобороть и превозмочь. На конференции в Бельгии — протест против разрушения Храма Христа Спасителя. Наши М. А. Таубе и Г. Шклявер подписывают протест. Печатаются статьи о Симоновом монастыре. Подчеркивается гибель Спаса на Бору. Статья "Охранение", в дальневосточной и русско-американской прессе, молит об Успенском соборе.

"Пьяные вандалы", "Друзья сокровищ Культуры", "Возобновление", "Охрана", "Правда нерушима", "Защита". Под всеми доходчивыми до сердца человеческими словами молим о сохранении Святынь Культуры.

"Твердыня Пламенная" в статьях: "Конвенции Знамени Мира", "Знамя", "О Мире и Культуре моления" и во многих других статьях, обошедших прессу Европы, Америки, Индии, говорилось все о том же охранении.

В моем обращении к городу Брюгге сказано: "Прилагаю мое воззвание, которое по постановлению нашего комитета в Нью-Йорке будет 27-го сего февраля прочтено во всех храмах. Не сомневаюсь, что собор Святой Крови и другие храмы Бельгии присоединятся к благому обращению нашего комитета".

Две конференции в Бельгии под председательством Тюльпинка и под покровительством Адачи, с выставкою священных и исторических памятников, принесли много пользы. Наш Парижский комитет, под председательством барона Таубе и при деятельном генеральном секретаре Шклявере, много поработал над введением Пакта в сферу международного права.

Наконец, в ноябре 33-го года Вашингтонская конференция под покровительством министра агрикультуры Генри Уоллеса и под председательством Л. Хорша привлекла уже представителей тридцати шести стран, которые подписали единогласное постановление, рекомендуя своим правительствам ратификацию Пакта.

Сейчас именно протекает ратификация Пакта. Приходится слышать о согласии на ратификацию из разных концов мира. В то же время деятельно сочувствуют и общественные комитеты. И в Латвии и в Болгарии находятся новые действенные друзья. Понимаю, что кто-то в нетерпении: "Когда же? Когда же?" И мы сами в еще большем нетерпении. С еще большим трепетом оглядываемся на всякие развалины, искажения или небрежения.

Если люди давно понимали ценность священных Культурных сокровищ, то сейчас, в мировом смятении, они должны еще ярче вспомнить всю красоту лучших творений духа, чтобы тем сознательнее и упорнее ополчиться оружием света на защиту сего священного, прекрасного, научного.

Сведения о всяких разрушениях и искажениях поступают почти ежедневно. Если темные силы так действенны и организованы, то неужели же работники Культуры не найдут в себе объединительного сознания? Неужели сердце их не подскажет им, что взаимные умаления, оскорбления, разложения лишь останутся позорною страницею человечества?

Конечно, силы тьмы не желают видеть и считаться с действительностью. Они ведь питаются тлением и разрушением. Но будут ли носителями оружия света те, которые своим же будут наносить раны и вредить во имя того же тлетворного разложения? Прежде всего нужно знать и оценивать честно. Само

сердце подскажет всю ценность сотрудничества, и все сотрудники во благо со всех концов мира убежденно воскликнут: "Тесно время! Удвоим усилие!"

Итак, после долгих усилий Пакт Охранения Культурных Сокровищ вступил на новую ступень и приближается к осуществлению. В это время требуется сотрудничество всех, для кого слово КУЛЬТУРА не является только пустым звуком. Бережно, сочувственно, в благом сотрудничестве нужно помогать тем, которые во многих странах и часто в больших трудностях устремлены ко благу и созиданию.

23 Февраля 1935 г.

Пекин

"Свет". Рига, 1935, 22 марта

Туман

Сколько людей приезжает полюбоваться величественным видом Гималаев, неделями живут в Дарджилинге. Нередко за все время видят перед собою лишь серый беспросветный туман и уезжают в полном разочаровании. Местные снимки с гор их не только не удовлетворяют, но вероятно, им кажутся какими-то поддельными. Ведь они сами не видели горного величия. Они остаются в пределах очевидности. А случайная очевидность им уделила лишь серый туман. Трудно людям отделять очевидность от действительности. Серый подавляющий туман так часто скрывает прекрасную действительность. И не образовано воображение. Коротки мысли для того, чтобы огненно представить себе скрытое туманом.

"Но не известно будущее, и стоит оно пред человеком, подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот: безумно летают в нем вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя ястреба, ястреб — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей погибели…"

Сколько непоправимых горестей соделано в тумане. Сколько непоправимого происходит в туманах гнева, раздражения, смятения и страха. Все туманы разноцветные, но всегда отягченные серыми и алыми насыщениями. И черные туманы бывают. В Лондоне при черных туманах люди не могут найти даже свой собственный дом. Блуждают беспомощно, выходят из себя, теряют терпение. Только подумайте, если зримый туман может называться черным туманом, а сколько этой чернейшей тьмы обуревает, искажает сознание человеческое.

Газета рассказывает следующий "роковой случай": "Несколько дней тому назад в Харбине в Модягоу произошла потрясающая трагедия, повлекшая за собой смерть 8- летнего мальчика. Знакомые подарили мальчику щенка. Мальчик кормил собачку из своих рук, играл с ней целыми днями и даже брал ее с собой спать в свою кровать. Между ребенком и собакой установилась самая нежная дружба.

Отец по утрам открывал клетку с канарейкой и выпускал ее летать по комнатам. Щенок подкараулил канарейку, ударил ее лапой и придушил. Отец схватил щенка за задние лапы и на глазах своего сына ударил щенка головой об стену и убил его. Ребенок был страшно потрясен этой картиной жестокой расправы отца со своим любимцем. Спустя несколько времени, мальчик стал жаловаться на сильную головную боль, указывая, что

очевидно, также болела голова у его щенка, когда отец убивал его, ударив о стену.

На следующий день у ребенка поднялась температура. Вызвали врача, который высказал подозрение на нервную горячку и потребовал, чтобы родители перевезли ребенка в больницу. На третий день болезни врачи, по характерным признакам западания головы назад, определили у мальчика заболевание менингитом. Причиной заболевания, возможно, послужило то потрясение, которое ребенок пережил, наблюдая картину убийства отцом его любимой собачки. На пятый день мальчик умер. Его смерть явилась большим ударом для родителей.

Отец и мать переживают сейчас большую трагедию. Мало того, что оба убиты свалившимся на них горем, между ними происходят ежеминутные ссоры. Мать умершего мальчика упрекает мужа, называя его виновником гибели ребенка. Отец посетил нескольких врачей и справлялся у них, может ли случиться заболевание менингитом от такого потрясения, какое пережил мальчик. Врачи ответили утвердительно".

Действительно, страшная драма, непоправимая, порожденная уродливым бытом. А сколько таких драм и ужасов происходит, не попадая на газетные листы. В молчании и неизвестности эти ужасы остаются неявленными и не предупреждают многих, уже готовых к совершению страшного дела. Страшные дела бывают разные. Топором рубят головы, удушают и не однажды, а трижды… Мало ли какие ужасные изобретения существовали, а, может быть, и еще существуют.

Но еще гораздо больше страшных дел творится и без топоров и без шнурков-удушителей. В тесном быту, при закрытых дверях и окнах, калечатся жизни. Какие-то люди берут на себя ответственность за извращение чужой жизни.

Иногда, подобно средневековой инквизиции, они думают исправительствовать, но чаще всего действуют просто в тумане, в алом и черном тумане. В таком тумане, в котором они уже не распознают своего собственного очага, в котором они готовы разрушить ими же сложенный дом, лишь бы произвести акт безумия. Конечно, это несомненно безумные действия. Но от того, что они безумные, на земле не легче.

Вы представляете себе сверлящую мысль умирающего мальчика о том, что его собачке было так же больно, когда ее убивал его отец. В этом "так же точно" выражено очень многое. Наверное, когда мальчик говорил это, то никто толком и не обращал внимания на тяжкий смысл сказанного, а вот теперь, когда он умер, тогда и его слова запечатлеваются, и, конечно, над ними думают.

Как-то приходилось спросить, почему именно так долго оставались непризнанными некоторые замечательные сочинения. На это отвечали: "Не менее пятидесяти лет от смерти автора должно пройти, чтобы люди уверились". Когда одного философа вели на костер, он сказал окружающим: "Мысль нуждается в огненной печати".

Великая скорбь в этих словах. Ведь сказавший это имел в виду не предопределенный процесс светлой мысли, но искалеченную, извращенную мысль, для которой осознание придет лишь после непоправимого.

Они, отемненные черным туманом, неужели никогда не помыслили о всем глубоком значении слова НЕПОПРАВИМОЕ? Ведь самый первый урок сочувствия, самоотвержения и терпения уже избавил бы этих готовящихся преступников от совершения злого дела. Конечно, судебные защитники будут говорить о большой разнице сознательного и бессознательного содеяния. В обстановке суда словно БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ звучит, но когда вы подумаете над ним, оно распадается на множество делений со значениями и последствиями и последствиями весьма разнообразными.

Если данный злой поступок был бессознательный, то посмотрим, откуда произросло это несознательное житие. Конечно мы увидим много и алого и черного самопорожденного тумана. Оправдываться условиями среды, трудностями быта принято и, в конце концов, делается легким и избитым. Зачем складывать вину на какую-то среду, из которой человек и не пытался уйти? Не лучше ли поискать ближе… в самом себе?

Быт всегда труден. Лишь по незнанию люди думают, что кому-то легко, а только не им. Часто там имеются те трудности, о которых эти люди и вообще не думали. Трудно везде. А чтобы увидать эти трудности, прежде всего нужно освобождаться от тумана. Ведь туманы происходят от земных испарений. Каждый душевный туман будет от земного, от телесного. Если это твердо запомнить, то при первом же слое этого тумана еще можно одуматься, еще можно сообразить, насколько постыдно это погружение в рудиментарный хаос.

И опять-таки для соображений о земных туманах не нужно ждать каких-то войн, смятений, преступлений кричащих. В тиши быта, при запертых дверях и окнах родится черный и красный туман. Там совершаются непоправимые накопления.

На море и на улицах при тумане зажигают двойные огни; указывают опасность сиренами и гудками. Вот и гибельная опасность душевного тумана должна быть предупреждаема какими-то голосами и внешними и внутренними. Зазвучи, сердце!

24 Февраля 1935 г.
"Прометей", 1971 г., № 8

Oeuvre

Ясное и в то же время почти непереводимое слово. Можно сказать "творение", но все-таки придется согласиться в том понимании, в котором "oeuvre" вошло из французской литературы.

Об искусстве во всех его проявлениях принято судить очень легкомысленно. Кто-то прочел два стихотворения и уже говорит о поэте. Кто-то увидал три-четыре картины или воспроизведения картин — и уже судит о художнике. По одному роману определяется писатель. Одна книга очерков уже достаточна для бесповоротного суждения за чашкой чаю.

Не раз отмечено в литературе, что знаменита" "чашка чаю" ни к чему не обязывает. Может быть, и суждения, произнесенные за столом, тоже не должны обязывать, а между тем часто они имеют очень глубокие последствия. В таких беседах за "чашкой чаю" люди и не думают о том, что отдельные произведения являются лишь лепестком всего oeuvre. Вряд ли бы даже опытный садовод или ботаник взялся бы судить о всем растении по одному лепестку цветка.

Каждому приходилось слышать определеннейшие суждения об авторах, причем на поверку оказывалось, что был прочтен какой-либо один том из всех сочинений. Уже не говорю, как часто произносятся суждения лишь по одним газетным критикам, вообще не утруждая себя никакими чтениями. И вот тогда понятие oeuvre, понятие всего творения в той или иной области, должно быть выдвинуто особенно ясно. Не только полное ознакомление со всем творчеством любого автора нужно, но для составления справедливого представления нужно усвоить произведения и в хронологическом порядке их создавания.

Целое творение — подобно ожерелью, подобранному в определенном порядке. Каждое произведение выражает тот или иной психологический момент творца. Жизнь художника складывалась из таких моментов. Чтобы понять следствие, нужно знать причины. Нужно понять, почему произошла та или иная последовательность творения. Какие внешние и внутренние обстоятельства наслаивались и давали новую пищу творчеству. Поэтому насильственно вырывать непоследовательные осколки всего творчества ¬это значило бы судить о рисунке всего ожерелья лишь по одному или двум звеньям его.

Решительно во всех родах творчества — и в литературе, и в музыке, и в живописи — всюду нужно внимательное и бережное отношение. Каждому приходилось читать и слышать, как авторам

навязывали многое, им совершенно не свойственное, цитируя лишь обрывки из их неразрывного потока мыслей. Ведь не только случайные люди берутся судить. В каждой области есть свои самоопределенные судьи.

Помню, на юридическом факультете студенты соображали, как они применят усвоенные знания. Кто хотел быть администратором, кого прельщала адвокатура, кто устремлялся к роли обвинителя; а один, к тому же очень веселый студент, сказал: "А мне уж наверно придется судить вас всех". Кто знает, быть может, эта шутка и впрямь подвинула его к судейской карьере, к которой в конце концов он не имел никаких особых преднамерений.

Так же, как во многих профессиях, так и в суждениях о творчестве, многое складывается совершенно случайно. Но из этой случайности часто проистекает почти непоправимое последствие.

Говорят, что общая оценка изменяется трижды в столетие, так, как бы по поколениям. Понаблюдать эти извилины оценок очень поучительно. Сколько посторонних соображений будет влиять на общественное мнение. Соперничество издательств или корысть продавцов художественных произведений, наконец, всякие разнообразные формы зависти и вражды так сложно отражаются на оценках, что будущему исследователю-историку часто совершенно невозможно разобраться. Можно бы привести к этому множество примеров.

Вспоминаем, как два соперника-издателя старались похулить намеченного ими автора, чтобы тем дешевле приобрести право издания. Но ведь такие специфические умаления в каких-то анналах зацеплялись. Помним, как некий торговец картинами всеми способами временно старался умалить ценность художника, чтобы достаточно скупив его произведений, поручить кому-то вновь воскресить забытого или отверженного.

Не будем вспоминать некоторые эпизоды из мира собирателей, когда соперничество доводило людей до самых недостойных поступков. Важно только помнить, что оценки творчества необыкновенно извилисты и личны. Вспомним, как некий любитель музыки предупреждал известного музыканта не играть, ибо у влиятельного критика в тот день болели зубы. Но когда ко всем этим жизненным случайностям присоединяется желание вообще не ознакомиться со всем oeuvre, тогда положение становится поистине трагическим.

Вспомним любого многотомного писателя. Можно ли судить о нем, не зная последовательно всех его трудов. Конечно, можно судить отдельные произведения автора, но тогда это будет

суждение о произведении, но не обо всем творческом oeuvre. И не только как биография большой личности, но еще более ценно следить накопление творчества и все пути его выражения. Вот тогда еще раз вспоминается это удачное в смысле своем слово oeuvre. Оно заставляет особенно широко помыслить, заставляет очертить целое явление и широко рассмотреть его влияние и последствие.

Историк, переходя от oeuvre личного, оценивает и oeuvre целой нации, целой эпохи. Если историк не научится на малом доступном, то каким же способом он приблизится и охватит широкие задачи? Прежде, чем думать о таких широких задачах, надо помыслить о добросовестности суждений частных и личных. Тот, кто поставил себе задачи всегда оставаться в пределах истины, тот научится разбираться во всех случайностях и бережно сопоставит причины и следствия. Одно дело — просто порадоваться какому-либо одному произведению, но другое дело порадоваться прекрасно сложенному целому ожерелью, в котором найдется много самоцветов в нежданных сочетаниях.

Сейчас, когда так много преломлений и смешений, каждое четкое и честное и сердечное схватывание предмета будет особенно нужной современной задачей. Мы только что читали, как Стоковский определенно выразился о вреде механической музыки для истинного творчества. Стоковский справедливо напомнил, что даже в самих вибрациях, передаваемых непосредственно или механически, огромная разница. А некоторые инструменты вообще неощутимы при механической передаче.

Во время, когда и музыка, и сценическое искусство, и живопись подвержены всяким механизациям, именно тогда оценки творчества должны стать еще точнее, глубже и обоснованнее. Именно теперь, когда современный уклад стремится к краткости, отрывчатости и случайности, тогда нужно особенно устремиться к оценкам на основе всего oeuvre. Хотя и трудно переводимое, но выразительное слово oeuvre.

25 Февраля 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Одичание

Бывают сведения, которые можно повторить лишь в строго сохраненной форме. Ни буквы лишней. Ни восклицательного знака. Может быть, в том же мелком шрифте и на том же нижнем уголке — совершенно так, как прочли его. Тут же писали о каких-то денежных знаках. О футболе. О собачьих гонках. О продаже подержанных вещей…

Среди всего быта и обихода притаилось сообщение об одичании. Как же иначе назвать? Когда дикарь вдевает кольцо в нос — над ним смеются. Когда голый человек покажется на улицах города, требуют блюстителя порядка. Когда пьяный безумствует, его убирают в больницу. Но когда одичалый безумствует, тогда почему-то стараются оправдать его всеми материальными теориями.

Все реже сведения о дикарях диких, даже каннибалы-дикари вывелись как будто… Но зато сообщения об одичании умножаются. Не только умножаются, но и воспринимаются уже довольно легко. Обвыкли. Приучились.

Сами сообщения приобретают эпическое спокойствие обреченности. Сегодня шестьсот произведений погибнут. Завтра горячим паром изведут весь музей. Затем "за ненадобностью" можно разобрать древнейшие памятники. А там можно подумать и об уравнении или изъятии мозгов. Может быть, песий или свинячий мозг окажется пригоднее. Материалистическая диалектика!

Опытные врачи и психологи очень тонко отмечают процесс одичания. В некоторых отношениях он принадлежит к сфере безумия, но вроде прогрессивного паралича, он похож также на атрофию каких-то центров. Одни центры атрофируются, а другие приходят в неуравновешенное состояние. Когда люди говорят о распущенности, они часто и понимают под этим состоянием процесс одичания. Дикарь в большинстве случаев не человеконенавистник, но одичалый прежде всего таковым становится. Также он становится и подозрительным, и болезненно завистливым, и конечно, в основе всего, напыщенно самомнительным.

В то время, когда истинно ученый, истинно просвещенный человек отличается скромностью, самоуглубленностью и, естественно, дружелюбием, тогда одичалый черствеет, ожесточается и готов стать каким-то паразитом.

Состояние одичалости не есть какое-то отвлеченное или свойственное далеким эпохам. Оно происходит во все времена и

как бы отвечает наступательной борьбе хаоса. Одичавший прежде всего с необычайной легкостью берется судить о многом, чего он не знает. Он даже не умеет и не силится промолчать там, где его доводы оказались бы необоснованными. Одичалый или буйствует, или сидит в унынии. Равновесие утеряно, ибо нужные для этого центры заглохли или отравлены. Одичалые с пренебрежением относятся к своему ближнему и страшно ожесточаются, если заподозрят в ком-нибудь большее знание или большее равновесие, нежели у него. Конечно, из такого буйственного состояния порождаются всякие разрушения. Даже в обычном раздражении человек пытается что-то разбить или исковеркать. Сами пальцы как бы в судорогах стараются что-то испортить или извратить. В этом нанесении ущерба уже выглядывает бесформенный лик хаоса.

Потому-то против разрушений нельзя бороться одними запрещениями. Это будет лишь самой малой частью достижения. Нужно бороться всеми мерами, какими следует бороться против одичалости.

Неистовый человек оправдывает свой злобный поступок словами: "Я вышел из себя". Подумайте, какое нелепое и недостойное для человекообразного выражение. Человек должен быть в себе, в равновесии и в благоволении. А из себя выходит даже бык, бросаясь в слепом неистовстве. Какое же в этом оправдание?

Мы говорили, что безумие будет врачевано, что клевета будет излечиваема как форма безумия, и одичалость должна быть вразумлена терпеливыми, неутомимыми средствами.

Женщины, ведь ваше участие во врачевании одичалости должно быть особо существенным. Вас зовут, когда в доме трудно. Сколько раз, когда мужчинами овладевало постыдное уныние, именно женский зов возрождал мужество и подвиг. Сколько неуловимых в домашней жизни улучшительных мер применяет женщина, приручая и оживляя одичавшее сердце.

Из этого пусть не будет понято, что предполагается одичалым только мужское сердце. Бывают ведьмовские женские сердца. Чего не бывает!

И тем не менее сейчас высокая задача возлагается на женщину. Если говорить о хранении духовных сокровищ, то кто же, как не она, будет таким внимательным заботливым хранителем. Кто же в сердечном бережении подумает о том, как бы лучше создать жизненные условия.

А ведь сейчас создание жизненных условий, иначе говоря, изжитие духовного и материального кризиса, занимает все сущее, от хижины и до правительств.

В своих благих трудах женщина встретится со многими видами одичалости и ответит на нее так же разнообразно и внушительно.

Знамя охранения Культурных сокровищ сшито руками женщин, а сердце женщин пусть исцеляет многие опаснейшие приступы одичалости.

26 Февраля 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Corason

Hridaya, Kokoro, Sin, AI-Kulub,

Del, Cor, Nying, Dzuruhe.

Точно бы заклинание. Но о сердце так взывают народы. Испания, Индия, Ниппон, Китай и Аравия, Персия, Италия, Тибет и Монголия.

Heart, Coeur, Herz, Сердце.

Всеми начертаниями народы хранят память и кричат и шепчут друг другу драгоценное слово о сердце.

Триста языков Индии, да столько же остальной Азии, да столько же в русских просторах. Да столько же в Америке, да в Африке, да по всем островам как грянут то же слово огня и любви и подвига. Слов нет перечесть, сколько мерзости развелось на земле. Замарались колеса жизни. А все-таки через все ямы, через все ухабы и падения по миру звучит слово, которое означает сердце, хранилище Света.

Люди дожили до сердечных болей. Люди запылили сердца и обрастили их шерстью. Скорчили сердца в страхе и ужасе. И все-таки не забыли слово, которое напомнит о сердце, о средоточии жизни.

Уж кажется испоганили люди все сокровище. Солгали на все самое священное. Умалили все высокое, но не забыли сердца, колыбели любви.

Отемнились люди всею тьмою. Очернили язык самым черным предательством. Разбили сосуды самые ценные. Удушились мерзостью самою тяжкою. Но сохранили память о сердце, как о последнем прибежище.

"Приходя в новую страну, прежде всего спрашивайте, как зовется там сердце. Встречаясь с новыми людьми, если даже не узнали, в каком звуке они выражают свое средоточие, укажите им от своего сердца к их сердцу. Почти все воспримут это свидетельство искренности, лишь немногие удивятся и, может быть, застыдятся, и совсем немногие вознегодуют. Имейте в виду, что эти вознегодовавшие окажутся и в делах людьми темными. Не ждите от них дружбы и благоволения, они уже смердят".

Все-таки еще нет институтов сердца. Есть целые огромные учреждения, посвященные борьбе со всякими бичами человечества, но особых институтов сердца, изучающих этот важнейший двигатель жизни, все-таки нет. Постепенно производятся очень значительные опыты над сердцем. Только что пишут, что в Италии удалось вернуть к жизни сердце, переставшее биться. Сообщается из Милана от 22 февраля —

человек, смерть которого была вполне засвидетельствована всем присутствующим медицинским персоналом в Миланском госпитале, вчера был возвращен к жизни вспрыскиванием адреналина. Этому отдается сегодня много места во всех городских газетах.

Пациент страдал тяжкой формой болезни сердца и подвергался лечению всеми способами, доступными науке. Но несмотря на все принятые меры, все-таки скончался. Хотя врачи вполне удостоверились в наступившей смерти, но один из них сделал вспрыскивание адреналина в виде опыта. Через 30 минут сердце начало слабо биться. Через несколько часов оно уже работало нормально, так что врачи сейчас утверждают, что человек уже находится вне опасности.

Приблизительно подобные же действия адреналина были известны и ранее; остается также исследовать, как отзывается этот сам по себе сильный яд на дальнейшие функции организма. Известно много случаев, где фатальный конец предвосхищается вспрыскиванием адреналина, принося лишь краткую отсрочку кончины. При этом замечены, в данном случае я говорю о детях, признаки усиления нервности, даже какой-то необузданности. Конечно, может быть, это происходит от совсем других причин, но только что приведенный случай особенно заставляет подумать о значении такого радикального средства.

Из народной медицины иногда передаются эпизоды неожиданных излечений самыми непредвиденными средствами. При этом обычно эти непредвиденные и даже странные средства остаются без должного исследования и погибают в области анекдотов.

Припоминаю, как в семье одного священника от воспаления легких или плеврита в удушении скончался ребенок. После смерти потрясенный священник схватил ребенка и бросился в церковь к алтарю, молясь в полном исступлении. Как-то случилось, что ребенок оказался вниз головою, и отец, сам того не замечая, держа его за ноги, неистово встряхнул его. Кровавый сгусток вдруг выскочил, ребенок кашлянул и начал дышать. Сердце постепенно вернулось к деятельности.

Значит, сколько же всяких разнообразных проявлений кажущейся кончины может быть предусмотрено. История полна сообщений о пробудившихся мертвецах. Различные виды летаргии наблюдаются и, в конце концов, не поддаются окончательному исследованию. Почему останавливаются функции жизни? Почему опять они возвращаются, даже в таких, казалось бы, невозможных условиях, после погребения? Конечно, этому существуют многие объяснения. Но пока мир сердца не

будет исследован полностью, до тех пор все это будут лишь счастливые или прискорбные случайности.

Конечно, глубокая жизнь сердца, может быть, труднее всего укладывается в словесных формулах. Именно сердце должно быть изучаемо не только в болях и терзаниях, но и в здоровом состоянии. Если нервная система растений реагирует на малейшее изменение температуры, на дальние облачка, на самые слабые прикосновения, то сколько же прекрасных и замечательных звучаний и биений происходит в сердце. Кроме того, трудно утверждать, что такое здоровое и что такое больное сердце. Известно, что многие быстро кончаются от сердечных припадков при так называемом здоровом сердце, а другие, давно приговоренные к сердечной катастрофе, живут очень, очень долго.

Пульс ведь не только в количестве ударов проявляет себя, но прежде всего в качестве своем, и это качество сердечных биений еще так мало наблюдено и объяснено. Когда говорят — берегите сердце, это прежде всего будет значить — не раздражайтесь, не злобствуйте; а с другой стороны, не огорчайтесь, не впадайте в уныние.

Каждая малейшая подробность жизни отзвучит прежде всего не в мозгу, но в сердце. Именно сердце познает и отвечает даже на самые удаленные землетрясения как лучший сейсмограф. Но ведь не принято советоваться с сердцем своим. Не принято через него внимать Высочайшему. Когда же люди читают прямые советы о насущности таких обращений, они осуждают их как нечто отвлеченное, изобретенное какими-то далекими пустынниками и неприложимое. А ведь оно приложимо всегда к происходящему в сердце, лишь бы только откровенно и чистосердечно прислушаться.

Человек, который уверяет, что он не замечает многих совершенно реальных явлений, прежде всего и не хочет их замечать. Он уже предполагает в надменности своей, что ничего не будет, он ничего не услышит и ничего не нарушит его покой. Ведь именно самомнение мешает человеку воспринимать действительность. Иногда сердце, как молотом, пытается стучаться в поддельное сознание. Человек готов излить на это сердце всевозможные яды, чтобы заглушить его. Но не подумаем, от чего бы такого так возбуждено сердце, что худого или хорошего случилось, какая польза или какой вред постучался.

От малейшего и до величайшего вмещает в себя сердце. Звучит оно обо всем сущем. Трогательны и мудры древние напоминания о великом значении сердца.

"Дух, который в сердце моем, меньше зерна риса, меньше

зерна ячменного, меньше зерна горчичного, меньше малейшего проса. Тот же дух, который в сердце моем, больше всей Земли, больше пространства, больше небес, больше всех миров".

"Посланник всего действия, всего желания, всего восприятия, обоняния, вкуса, всеобнимающий, молчаливый, далекий — таков дух, который в моем сердце. Это Брахман сам. Тот, который говорит: "Выходящего от сего мира я сопровожу". Поистине, нет для него никакого сомнения". Так гласит Чандогия Упанишады.

27 Февраля 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Ученые

Обращаясь к целому классу деятелей, невольно прежде всего вспоминаете какое-либо имя из этого светлого ряда великих работников.

Вспоминаю давнишние заседания Русского Археологического Общества, на которых выступал Тураев, этот замечательный исследователь Египта и древнего Востока. Сама внешность его, вся скромная искренность и сердечность, свойственная большой Душе, сразу привлекали к нему. Первый раз, еще не зная его, я спросил моего соседа Веселовского: "А кто там еще молодой человек, который так славно улыбнулся?" Мне пояснили, что это Тураев. И тут же почему-то было указано мне, что он и замечательный египтолог, глубокий знаток религии Египта, и очень религиозный человек сам, и прекрасный в семейном быту. Так была дана полная характеристика Тураева.

Замечательный ученый, сам высоко религиозный и прекрасный участник общественной и семейной жизни. Затем около Тураева собралась целая группа выдающихся молодых ученых и, можно себе представить, как проникновенно руководил он стремящимися к познанию!

Вот уже будет пятнадцать лет, как ушел от сего мира Тураев.

Предисловие к его труду "Классический Восток" говорит: "23 июля 1920 г. смерть исторгла Б. А. из ряда живых и оставила жизни память о его великой личности, а науке многочисленные труды его и созданную им школу, тоже когда-то многочисленную. Этой школе, ряды которой и после смерти Б. А. продолжали редеть, предстояла ответственная задача сохранить и ввести в научный обиход литературное наследие своего учителя. Ученики, как в Петербурге, так и в Москве, бережно следили за сданными в печать трудами Б. А. В Петербурге вскоре после его смерти удалось издать несколько исследований, посвященных памятникам Музея изящных искусств в Москве и большому папирусу собр. Прахова в Известиях Российской Академии истории материальной Культуры".

Затем тот же Струве дает следующую справедливую характеристику Тураева: "Создавая свой громадный труд, Б. А. проявил громадную эрудицию в почти необозримой литературе о древнем Востоке, но эта литература не властвовала над его мыслью; он решал все проблемы на основании изучения самих источников. Широкое знакомство с почти всеми языками изучаемых им культур давало Б. А. возможность всесторонне использовать бесчисленные эпиграфические памятники,

подаренные науке неисчерпаемой почвой Востока. По отношению к этому материалу Б. А. с одинаковым мастерством выявлял глубокий анализ филолога и широкий синтез историка".

"Наряду с эпиграфическим материалом с одинаковым успехом им были использованы и памятники вещественные. В своих выводах Б. А. был всегда чрезвычайно осторожен и, извлекая из источников все то, что они могут дать, он никогда не прибегал, ради достижения большего, к искусственным и рискованным толкованиям, никогда не навязывал источнику свой собственный домысел. Все эти достоинства труда Б. А., поразительная объективность и разносторонность, громадная эрудиция, всеобъемлющее знание всего доступного ему материала, как эпиграфического, так и вещественного, и осторожность в выводах на основании этого материала делают "Классический Восток" краеугольным камнем для дальнейших работ, посвященных этому периоду всемирной истории".

Справедлива характеристика, к которой хотелось бы еще добавить о самой притягательной личности Тураева. Характерно отметить и то, что никто из служителей религии не удивлялся, как в нем жила и собственная религиозность, и большое уважение к изучаемым религиям. Хотелось бы не забыть, как Тураев, будучи сам не крепкого здоровья, всегда замечательно отзывчиво уделял время для приходящих к нему.

Как и многим ученым, Тураеву жилось нелегко, но эти трудности тонули в океане научного энтузиазма. Именно энтузиазм познавания удержал Тураева на высокой бесспорной стезе исследователя. Муть жизни, всякие смятения оставались в нем там, где они и должны оставаться, то есть не нарушая его основного смысла движения вперед. Он работал необыкновенно усидчиво и всегда поступательно. Так же он не принадлежал к тому разряду ученых, которые, чтобы избежать ответственности, избирают себе вполне ограниченную задачу, в пределах которой они не рискуют никакой критикой.

Тураев, наоборот, не боялся ответственных задач, складывая свои исследования в обоснованные выводы. Его увлекали большие задачи. Причем частичные исследования необыкновенно гармонично вливались в его основные построения. Ничто не загромождало его кругозора, и в то же время пути его следования были твердо ограждены. Теперь, когда особенно требуется осознание обоснованного синтеза, память о таких великих ученых, как Тураев, должна быть сохранена в руководство для многих.

Такие же были устремления и у недавно ушедшего Владимирцова, и особенно выделяется сейчас их сверстник, наш

великий и всюду оцененный ученый Ростовцев. Многочисленные труды его и новы, и глубоко обоснованны, и увлекательны в чтении. Эти три обстоятельства совсем не так часто встречаются в сочетании.

Сколько раз всем читателям приходилось жалеть, что очень нужные соображения бывают изложены в таких условных нагромождениях, что смысл их прямо раздробляется в этих чрезмерных насаждениях терновника. Но книги Ростовцева являются частями его огромного познания Востока. При этом как истинный ученый он одинаково понимает и звучит как на древнейшее, так и на новейшее.

Будучи глубоким знатоком вещественных памятников, Ростовцев является и справедливым ценителем современного искусства. Археолог, историк, ценитель искусства, он всегда обновляет библиотечные познания и раскопками, и путешествиями. Слово его ясно звучит как о древнейших периодах истории, так и о нашей современности. Его хватает на все. По справедливости он сейчас признан авторитетом и в Америке, и во всех европейских странах. Книги его можно видеть и в книгохранилищах университетских, и в самых неожиданных библиотеках, и всюду они будут сопровождены знаками частного чтения. Как нужны такие ученые! Нужны они и для нас, для соотечественников, и для всего мира. Радуюсь, что труды Ростовцева печатаются на разных языках и тем доступны огромному числу читателей.

Сейчас сюда приехал Свен Гедин, всегда справедливо привлекающий к себе внимание мира. Сколько воодушевления нужно иметь в себе, чтобы вдохновить такое огромное число почитателей, оценивших великого исследователя и ученого. Глубокий познавательный синтез заложен в достижениях великого шведского исследователя. Он горит ко всему познавательному, он звучит на нужды государственные. Ко дню его семидесятилетия притекли к нему множества приветствий. Как же не приветствовать деятеля, всегда молодого духом, огненно познающего, неутомимого. Мы рады видеть его имя на почетном листе нашего музея. Мы рады приветствовать его и восхищаться его глубокими достижениями.

И другой замечательный шведский исследователь сейчас в Китае. Профессор Освальд Сирен, этот глубокий знаток не только искусства Китая, но и староитальянского. Вспоминаю наши встречи в Швеции и в Лондоне. Вспоминаю, как Освальд Сирен звучал и к научным исследованиям, и к философии, и к современному искусству. Ведь он замечательный знаток и современного искусства и умеет сказать о нем не только

критически, но и широко вдохновительно. Чтобы сохранить всю вдохновительность истинного ученого, не впадая в излишнюю популярность, и в то же время уметь оценить, обобщить и сказать прекрасно, это будет знаками действительного, настоящего ученого. Привет!

28 Февраля 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Лучшее будущее

О будущем иногда думают, но очень часто оно не входит в бытовые обсуждения. Конечно, не в человеческих силах вполне определить будущее, но стремиться к нему следует всем своим сознанием. И не к туманному будущему нужно устремляться, но именно к лучшему будущему. В этом стремлении уже будет залог удачи.

"Слава в вышних Богу, а на земле мир, в человецех благоволение". Торжественный день возносится в такое моление. Не о туманном чем-то утверждает оно. В нем выражены три основы: осознание высочайшее, мирное земное строение и благоволение как основа быта. Без этих трех основ строение невозможно' но предпослать их нужно не отвлеченно, а в полной и неотложной реальности. Казалось бы, что третья преподанная основа должна быть самой обычной в повседневном быте. Только благоволение! Только доброжелательство и дружелюбие! К кому же? Да к таким же людям. К тем же самым, с которыми положен урок пройти это жизненное поле.

Кажется, никаких глубоких изучений и образований не нужно для благоволения. Казалось бы, оно уже предполагается при каждой человеческой встрече. Разве можно приближаться к такому же человеческому существу без основного благоволения? Что же, неужели приближаться с ненавистью или подозрением, с уже замышленным злодейством!? Где же, в каких же таких Заветах писанных или неписанных предуказано злодейство и подозрение?

"Человек человеку — волк". Ведь это одно из самых зловредных изречений. А ведь самовнушением достигается так многое. Если от колыбели слышать о добре, то ведь оно и останется руководящим началом. Даже все смущения извращенной жизни не искоренят понятия добра. А там, где человек привык жить в добре, он оценит и все замечательное значение слова БЛАГОВОЛЕНИЕ. Ведь это слово очень повелительно. Воление, оформленная воля…, это уже нечто созданное, сделанное!

Воление не может быть только инстинктивным. Оно производится в полном сознании, за полною ответственностью. Может быть, каждое государственное совещание должно быть начинаемо знаменательным вопросом: "Есть ли благоволение?" И промолчавший не должен бы судить. Вероятно, скажут, что именно самые-то злодеи и закричат о благоволении. Вот тут-то запечатление человеческих излучений и доказало бы истину.

Притворно никак не докажете благо в излучениях сердечных. Как пятнисты будут излучения притворные, неискренние! Человек, не задумывавшийся над глубоким значением благоволения, часто вообще не поймет. О чем тут говорить! Почему подчеркивать слова и без того всем известные, которые к тому же никогда ничего не улучшили. Ведь возможны и такие уродливые суждения.

Нередко продавец выкликает нечто очень полезное, совершенно не думая о значении произнесенных им слов. Часто ли переписчик знает содержание переписанного? Иногда даже читающий вслух для другого тем самым как бы освобождает себя от понимания прочитанного. Таким образом, часто ценнейшие и неотложные соображения попадают в разряд так называемых "птичьих слов".

Возможно ли лучшее будущее без благоволения, без благоволения во всем его торжественно-повелительном значении? Какой же это будет мир на земле без благоволения?! И какая же это будет "слава в вышних" без углубленного и непрестанного воления блага?

Лучшее будущее! Ты должно быть лучшим. Ты должно быть лучше дня вчерашнего. Если не захотеть этого, то ведь из самого замечательного, уже сужденного, можно извлечь лишь ничтожный огарок. Все великие знаки могут быть в готовности. Но если не желать блага ради им следовать, то какая же их часть видимо осуществится? Кто же имеет право испортить или умалить сложенное великими путями? Ведь это не мечтательство пустое, но ответственность несущего письмо.

Даже простой почтарь в сумерках и во тьме идет с осторожностью. Чтобы не оступиться, чтобы ветка не хлестнула по глазу, чтобы избежать диких зверей. А ведь он несет чье-то чужое письмо, о котором он ничего не знает. Когда же человек мыслит о будущем, когда он учитывает все его условия и все благожелания, насколько устремленнее и бережнее пойдет он готовый и настороженный! Пойдет он зрячий и проникновенный. Поспешит он, чтобы не украсть часа сужденного, а в сердце его будет стучать и слава в вышних, и мир на земле, и благоволение к ближнему.

Благоволению нужно учиться. Мир нужно установить. Славою в вышних нужно восхититься всем трепетом сердца. Лучшее будущее!

Примеры ковки лучшего будущего можно почерпать из разных областей. Один из них уже от ранних школьных лет остался в памяти.

Нам всем чрезвычайно врезался рассказ о Шлимане —

знаменитом исследователе Трои. Все мы восхищались, как он от ранних лет, поставив себе задачу будущих исследований, начал готовиться к ним во всех областях. Как он упорно обогащал себя знаниями, а в то же время так же настойчиво складывал свое богатство. Ведь он зрело обдумал все средства, которые ему понадобятся.

После многолетнего сознательного труда он внес в науку свой ценный вклад и остался прародителем многих шедших за ним блестящих исследователей. Можно себе представить, как в свое время коммерсанты пожимали плечами на ученые задания Шлимана. Так же можно видеть, как ученые, вероятно, не однажды рядили его в любителя и усмехались над его затеями. Но он своеобразно и неотступно складывал свое научное будущее.

То, что для другого бы уже было достижением, для конечной утлой пристани, для Шлимана было лишь средством, имеющим прикладную относительную ценность. В таких многолетних сознательных трудах есть большая доля самоотвержения.

Опять-таки вспомним прекрасное слово "благоволение". Поистине сознательные ковачи лучшего будущего; они полны настоящего благоволения.

1 Марта 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Восхождение

На древних перстнях можно видеть две спирали. Спираль восхождения и спираль нисхождения. Говорится, что даже очень высокий дух так же скоро может подняться, как и спуститься. Очень грозное и справедливое предупреждение.

Издавна люди понимали, что, как восхождение, так и нисхождение, могут быть чрезвычайно быстры. Ничто не удержит даже высокое существо от нисхождения, если оно допустит себя до низших вожделений. Этот путь, или, вернее, скачок в бездну, не однажды запечатлен и в восточной, и в западной литературе от времен самых древних. И в форме поэтических произведений, и эпических сказаний, и сказок, и романов — всюду в разнообразных формах отмечена та же истина. Очевидно, народная мудрость предчувствовала, как часто нужно напоминать людям как о нужности движения вверх, так и об опасности низвержений.

Иногда люди спрашивают:

"А как же бывает со всеми достигнутыми утонченими и восприятиями при низвержении? Ведь, казалось бы, однажды познанное и усвоенное — не может оно стать не бывшим. Каким же образом достижения уже совершенные уместятся в низверженном состоянии?"

Такой вопрос вполне логичен и затрагивает сложные соображения. Нужно очень ясно усвоить себе принцип преображения как вверх, так и вниз. При преображении вверх все возможности и достижения как бы развертываются, как бы в торжественном шествии развертываются знамена и являются их внутренние знаки. Так же при отступлении и низвержении знамена свертываются. Знаки, только что сверкавшие, погружаются в глубокие тайники.

Часто люди удивляются изысканности и познаниям служителей тьмы. Но ведь никто не сказал, что они всегда были служителями тьмы. Может быть, они низверглись, о чем дан такой замечательный символ. В низвержении свернулись и преобразились вниз их достижения. Правда, изысканность осталась, но она обратилась во зло. При восхождении все встречаемое, все познаваемое преобразуется в добро. Так же точно при обратном процессе; все уже достигнутое во зло обратится. Обратится во вред всему светлому, всему проявленному. Будет затемнять, смущать и обращать в хаос.

В конечном итоге не так уж трудно, хотя бы и человеческим разумением, рассмотреть, что идет к проявлению и созиданию, а

что к разложению, к хаосу. Именно, как говорилось, — "Рассмотрите в приумножении, и тогда каждая частность встанет в очевидности".

Но суждение в перспективе не так легко дается. Какие-то мудрые правители оставили изречение: "Управлять — значит предвидеть". А для того, чтобы предвидеть, нужно посмотреть далеко. А в зрительных трубах — увеличительные стекла. Опять-таки кто-то может сбиться и принять различение горизонта за самохвальство, за хвастовство о настоящих его познаниях.

Если прозрения и озарения могут быть скоропостижны, то и отемнение, и смущение тоже бывают стремительными.

Человек может найти клад вдруг, но сколько раз приходилось людям терять свое сокровище тоже вдруг и безвозвратно.

Один большой художник и деятель говорил мне, как однажды на совершенно определенном месте, где никаких прохожих не было, на гладком берегу моря он потерял драгоценный для него перстень. По его словам, он перебрал каждую песчинку на этом месте. Он заметил это место и приходил на него многократно и никогда не нашел памятного для него перстня. И другой случай известен, когда ценный перстень в доме неожиданно пропал, а через три недели нашелся, сверкая на бархатном сидении дивана.

И нахождения, и потери так замечательны, если сообразить их вместе с окружающим.

Возможность восхождения! Может ли она делать человека самомнительным? Нет. Она сделает его осмотрительным, мужественным и неутомимым. Опасность нисхождения, может ли обратить человека в мнительного труса, в беглеца дрожащего? Нет. Она лишь обострит его память, умножит осторожность в действиях и только напомнит, насколько радостно ему поспешать вперед. Можно привести также из различных памятников литературы прекрасные слова, посвященные великому понятию "вперед".

Именно действие постоянно поступательное оградит от многих опасностей. И стрела не так легко достигнет устремленного. И между ужасов пройдет он, не замечая их, и умножит, и охранит он силы свои своим непреложным устремлением. В устремлении станет ему ненужной роскошь. В устремлении благодушно отнесется он к толчкам, в толпе неизбежным. В стремительности ему легче прощать многое, что для медлителей является предметом бесконечных обсуждений.

Также давно сказано, что в действии легче прощать. А ведь это приучит вообще к одному из самых благодетельных качеств — к прощению. Цветы прощения — прекрасны, а сад обид — зрелище весьма отвратительное. Соизмеримость большой

ответственности, большой готовности к трудам и вообще — мер больших дает и большие следствия. Всякое же ограничение, произойдет ли оно от необдуманности, легкомыслия, лености, неподвижности — все равно от чего, оно будет также нарастать стремительно.

Прогрессы нарастаний замечательны. Во всех законах движения можно видеть ту же основу. Также и прогрессия мысли или немышления, видия и авидия, — все это так же точно и движется, и нарастает. Мужество ¬ нарастаемое качество, и в действии оно умножается. Так же быстро умножается и страх — постыдная боязливость, которая от бездействия овладевает ужасно.

Тот, кто помещал на перстнях, всегда носимых, спирали восхождения и нисхождения, тот хотел постоянно напомнить о возможностях как вверх, так и вниз. Казалось бы, если так часто упоминается о низвержении, то люди должны бы принимать всякие предосторожности, чтобы избежать его. Но не так-то бывает в жизни.

Из самых высоких и прекрасных символов люди ухитряются сделать бытовые, никому не говорящие предметы. Потому и в движениях самой жизни так страшно омертвение, опошление, которое внедряется во весь смысл существования, овладевает всем складом мысли и оставляет на всем свою позорную печать. Замечающие это были бы пессимистами, если они будут думать лишь об этой стороне. Но ведь первая спираль ¬восхождение, она должна остаться первою, самою привлекательною и самою вдохновительною.

Спуск с горы всегда порождает какую-то грусть, но восхождение всегда сопряжено с великою радостью.

2 Марта 1935 г.

Пекин

"Восхождение". Москва, 1990, I

Самое простое

Приходят люди за самым простым. Иногда можно подумать, что требуется уже нечто более сложное. Подумается, что уже многое известно, и потому, естественно, следует остерегаться повторения. Но, прочтя очень многое, люди все же приходят за самым простым. Как работаете? Какие мысли побуждают к работе? Какое время для работы наилучшее? Что есть утомление? Опасаться ли разнообразия работы? Насколько погружаться в памятники древности? Применимы ли заповеди древности для современной жизни? Возможно ли строительство? Где найти силы против всяких огорчений? Как освободиться от страха? Слушать ли внутренний голос? Как запоминать его слова?

Бесконечное множество вопросов. Уже давно разъясненных, уже много раз затронутых; но каждый хочет иметь ответ на вопрос в его форме. Конечно, предполагается, что и ответ должен быть именно тот, который ожидается. Это опять очень старое и, казалось бы, всем известное, но люди вопросами своими покажут вам, что это им совсем неизвестно, или, вернее, они совсем забыли о нем.

Когда вы видите бесчисленные тома разъяснений и повторений, накопившихся около заповедей самых кратких, самых ясных и самых простых, разве не удивляетесь вы, к чему и каким образом накопились все эти пояснения? Самое простое возбуждение и опять-таки самые простые вопросы. Эти вопросы, казалось бы, о том же, но в разных преломлениях, вызывали пояснения опять-таки в своеобразно личных выражениях. Итак, усложнялось колесо жизни, начиная от самого простого.

Приходит человек. Спрашивает о том, что было много раз упомянуто. Упоминаний этих он не читал и читать не собирается. Он хочет слышать желательный для него ответ. Если самый основательный ответ не совпадет с его уже внутренне предпосланным ответом, то все сказанное будет признано неубедительным. Ведь так случается в жизни, довольно часто, и все-таки это относится к известному разряду людей вопрошающих. А за ними есть значительная толща, которые вообще ленятся формулировать хотя бы для себя вопросы. Иногда они пытаются оправдать эту леность как бы скромностью, но когда сердце пламенеет, человек не впадает в бездеятельную скромность. Он ищет, стучится, даже вторгается, лишь бы достучаться.

Замечательно вспоминать, как пламенные сердца иногда превозмогали необыкновенные трудности и все-таки находили

ключ даже к хитрейшим затворам. Помню, как один опытный деятель говорил молодым сотрудникам:

"Если хотите — убедите меня". Слушая первые доводы, он качал головою и сокрушенно улыбался: "Все еще неубедительно. Все еще не зажгли меня. Придумайте еще что-нибудь значительнее".

Затем он выслушивал дальше и опять качал головой: "Видите, вы даже не заставили меня вскочить с места. Даже не заставили меня прервать вас восхищенным восклицанием. Значит, найдите какое-то такое убедительное слово, чтобы оно преобороло все другие соображения и явилось бы непреложным". А затем шепотом он добавлял: "Вероятно, это слово будет самое простое". Во всех перестроениях жизни, особенно сейчас, душа людей взыскует именно о простом и сердечном слове. Если люди приходят с вопросами о самом простом, то и ответ должен быть прост. Должен быть прост не только по смыслу, но и в выражениях. Тот же солнечный свет, то же основное стремление к добру. Та же улыбка одобрения должна выразиться в простом ответе на простой вопрос.

В объемистой книге такой ответ может быть в разных формах дан не однажды. Но часто книги читаются как-то отвлеченно. В самом печатном слове где-то еще остался призрак отвлеченности. Иногда сами люди ищут найти какое-нибудь самоизвинение, ссылаясь на будто бы неясную им форму изложения. Известны случаи, когда люди отрекались от своих собственных слов, казавшихся им неподходящими к данному случаю. Все это не простота, а ведь сейчас как никогда нужен простой ответ, выросший из любви и из лучшего качества. Именно в сердце своем человек вполне понимает, что такое простота. Именно сердце лишний раз стукнет от всяких ненужных придатков. Просто! Просто на добром слове! На добром действии!

3 Марта 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Свет опознанный

Не угасал свет. Всегда напоминали о себе излучения и сияния и земные, и надземные. Люди ходили к врачам, прося прекратить такие непрошенные прозрения. Потребовались многие усилия, чтобы даже грубые аппараты оправдали дар человеческого зрения.

Когда люди уверяли, что они видят свет, их оговаривали. Называли выдумщиками. Впрочем, каждый близорукий не верит дальнозоркому. Излучения человеческого тела отвергались или относились в область мистики, или приписывались испорченному зрению.

К древнему знанию, к тому же издревле опознанному, проторились новые пути. Поверх всех изуверских запретов вдумчивые наблюдатели усмотрели убедительные показания.

"В германском медицинском журнале "Фортшритте дер Медицин" помещена обстоятельная статья проф. Пауля Добнера об излучениях человеческого тела. Профессор Добнер нашел реактив, позволяющий установить, хотя и косвенным путем наличие человеческого излучения. Это обыкновенная алюминиевая пластинка. Алюминий обладает радиоактивными свойствами, и пластинка этого металла, приведенная в соприкосновение с фотографической пленкой, чернит ее, как если бы она светилась. Проф. Добнер установил, что человеческие излучения обладают способностью усиливать на короткое время радиоактивность алюминия: если алюминиевую пластинку положить сначала на руку, а затем — на фотографический слой, то она зачернит его гораздо интенсивнее, чем пластинка из того же металла, этой предварительной операции не подвергнутая.

По степени затемнения можно судить об интенсивности ауры той части человеческого тела, с которой алюминиевая пленка находилась в соприкосновении. Проф. Добнер установил, что поток человеческих излучений сильнее всего на кончиках человеческих пальцев и непосредственно перед глазами. Это совпадает с теорией магнитных "флюидов", истекающих именно из пальцев и глаз магнетизера. Другое важное обстоятельство обнаружено проф. Добнером: характер излучений человеческого тела зависит от состояния крови. При болезнях крови интенсивность излучения тела падает, а у раковых больных аура совершенно исчезает.

У здорового человека аура распространяется на расстояние до 40 метров вокруг тела".

Уже не открытие, но подтверждение. Но ведь свидетельства

нужны. Сколько неведомых слушателей поблагодарят за подтверждение того, что они давно утверждали, за что переносили насмешки и глумления. Еще врач говорит:

"Громадное влияние имели на медицину идеи Гиппократа, господствовавшие в ней на протяжении чуть ли не целых двух тысячелетий.

Медицина как научная дисциплина в современном смысле создалась лишь во второй половине прошлого века в связи с изучением анатомии, появлением наук физиологии и биологии. Только тогда, когда стали известны причины тех или иных болезней, борьба с ними стала действительно на научную почву, и медицина вышла из тех потемок, в которых она пребывала на протяжении почти всей ее истории, особенно в эпоху средневековья, когда главными методами лечения были молитвы и заклинания тех злых и нечистых духов, которые считались возбудителями различных заболеваний.

Подчеркнув незыблемость основной идеи Гиппократа, высказанной более 2000 лет тому назад, что человеческий организм сам стремится излечивать себя от тех или иных болезней, докладчик указал, что роль медицины сводится к помощи организму в этой борьбе, причем эта помощь должна оказываться не тому или другому заболевшему органу, а всему организму в делом, и в этом отношении громадное значение в медицине имеют психологические факторы — вера пациента в искусство врача, в знания последнего".

Правильно замечает врач о глубоком значении в медицине факторов психологических. Сколько раз приходилось слышать от мудрых врачей замечания при счастливом исходе лечения: "Вы сами помогли мне вас вылечить".

В этом имеется в виду и притяжение, и отталкивание, магнетические токи и лучи, а в конце концов, все, что входит в понятие того же света. С разными намерениями люди подходят все к тому же самому, глубоко основному, которое глубоко пропитало и связывает сущее.

"В Парижской обсерватории производятся в настоящее время опыты сонаризации звездного неба. Как известно, всякий световой луч можно превратить при помощи так называемой фотоэлектрической клетки в звук ¬и обратно. На этом основан говорящий кинематограф. Свет небесного тела, уловленный в телескоп и направленный на фотоэлектрическую установку, дает определенный звук: звезда, в буквальном смысле слова, поет.

Из всех перепробованных звезд наиболее мелодичный звук дает Вега. Свету, из которого этот звук рождается, нужно 27 лет, чтобы дойти до Земли".

Конечно, цвет и звук неразделимы. Конечно, звучание светил небесных должно обратить мысль к величайшим осознаниям. Язык звучания и иероглиф света неисчислимы в пространстве. Когда предполагается мыслить о дальних мирах, ведь не только об астрономических проблемах предполагается. Какие великие расширения сознания зазвучат и засияют! Даже, можно сказать, грубыми способами уже опознано, что пораженный болезнью организм не излучает свет. То же можно наблюдать не только при болезни, но при всяких других омрачениях злобы, при гневе или раздражении или при унынии. Все это известно с времен древнейших. В прекрасных выражениях много Раз это произнесено лучшими мыслителями.

Поэтому собственно и открытие того, что давно известно, быть не может, но зато может быть опознание не всеми рассмотренного. И за это опознание нужно быть глубоко благодарными ученым. Они в выражениях современных в пределах общепризнанной очевидности вводят в широкие массы соображения глубокого значения. Если люди подумают еще и еще раз о свете и звуке, если они услышат звучания светлые, они подвинутся по пути расширения сознания. Не простое накопление сведений, но расширение мира созерцания и устремление к наивысшему выведут людей из бездны быта.

Запах кухни заменится высокими пространственными ароматами. Вместо закоптелого огарка чаще засверкают сияния света нездешнего. И тишина зазвучит. Все это — и высокое, и безбрежное, и неисчислимое удержит человечество от постыдных отрицаний и приведет к высокому созданию благоволения. Как это нужно!

4 Марта 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Изуверство

"Прагер прессе" рассказывает следующую историю. В одном германском закрытом учебном заведении четыре воспитанницы в возрасте от 14 до 19 лет вынули ночью из сумки подруги коробку с пудрой и деньги, оставив взамен записку: "Германские девушки не пудрятся!"

Пострадавшая принесла жалобу администрации. Родителям четырех девушек было предложено взять их из учебного заведения. Родители вынесли этот случай на общественный суд, заявляя, что их дети стали жертвами оговора товарки: "Словам девушки, которая пудрится, нельзя придавать веры".

Германская печать раздувает эту историю, становясь на сторону родителей. Газеты считают, что четыре девушки поступили совершенно правильно "с точки зрения германской чести" и видеть в их жесте мелкую кражу может только "враг молодой Германии".

Любопытно, что в последней книжке журнала "Цетшрифт фюр Югенкундэ", посвященного вопросам школьной психологии, напечатана большая, в 5 страниц, статья какого-то профессора. Это — анализ поступка четырех девушек "с точки зрения расовой психологии". Само собой разумеется, автор всецело оправдывает их поведение, "продиктованное интересами чистоты расы".

Оговоримся, что это лишь газетные сведения, оговоримся, что очень часто газетные сведения погрешают против истины. подустим всевозможные оговорки, но все же смысл сообщенного поражает. Чтобы именно в стране, где так было глубоко изучено римское право, вопрос о похищении так легко переводится в совершенно другую плоскость, все же это будет неслыханно.

Похищены деньги и предмет. Похищение предмета объяснено. Похищение денег остается необъясненным. Но оно замалчивается, и тем самым выдвигается смысл какого-то изуверства. Само значение этого слова ¬изуверство совершенно ясно: была вера, из которой при невместном понимании произросло нечто уродливое. Так же и в приведенных газетных сообщениях. С одной стороны, право, римское право во всей его обоснованности, а с Другой стороны, сокрытие преступления. В том же римском праве можно найти и о сокрытии преступлений. Конечно, каждому понятно, что и без всякого особого права уносить чужие предметы нельзя. Если какой-то предмет может быть понят как вредный и недопустимый в жизни, то ради общественной безопасности можно его привести в негодное состояние или уничтожить, но, во всяком случае, так или иначе

присваивать его нельзя. В данном случае, кроме похищения, имеется еще и проникновение в чужое хранилище. Обстоятельство со стороны права очень трудно объяснимое. Но если бы злосчастная пудра была бы просто рассыпана или приведена в негодное состояние, а деньги не тронуты, то можно бы обсуждать действия и со стороны идейной. Но и при таком суждении вряд ли можно бы избежать нарекания в изуверстве. Изуверство как таковое очень часто выявляется в жизни. Нетерпимость, основанная на малом знании, может порождать самые прискорбные деяния. При этом допускаются не Только вторжения в чужие сферы, но и, в буквальном смысле, в чужие хранилища сердца.

Оборачиваясь опять к упомянутому эпизоду, можно вполне понять, что современное раскрашивание лиц, ногтей и всевозможные, явно неестественные, условности туалета могут возбуждать в ком-то негодование. Ведь нередко такое рабское служение моде, поистине, безобразит человека, но не суждением расовым или классовым, но просто по общечеловеческой очевидности можно убеждать, что такие безобразия происходят от невежества. Любопытно наблюдать, как замыкаются кольца. Человек хочет прикраситься. В конце концов, ничего в этом противоестественного нет. Затем в стремительности подражания люди без всякой соизмеримости доходят постепенно до безобразия. Человек хотел уйти от безобразия и, утеряв равновесие, к безобразию и вернулся…

Публикуется впервые

Основание

Радоваться к нашему памятному дню 24-го Марта. Радоваться сотрудникам, идущим уже пятнадцать лет по светлому пути. Обернемся на весь этот немалый срок и посмотрим, не было ли в чем отступлений? Рассмотрим путь и внешне, и внутренне. Ведь могут быть внешние и внутренние отступления, и наоборот. Мысленно обследуем пройденный путь, чтобы не было самообольщения. Будем судить по всей правде. Смотрю назад год за годом, через все горы и океаны, через все удачи и затруднения. И говорю Вам отсюда, издалека, откуда может быть виднее, что отступления не было. И на этом шлю не только привет, но и поздравление.

Начинаю от протекшего года. Год был очень трудный. Мировой кризис отозвался на всех учреждениях. И тем не менее не только не было отступления, но даже этот, один из труднейших годов, протек в преуспеянии. Ведь в этом году закончилось сложнейшее дело, порожденное условиями мирового кризиса. После трехлетней борьбы опять создалась новая ступень возможности. Это была большая победа. Луис Хорш, вынесший главную тяготу битвы, знает, сколько и душевных, и материальных сил было потрачено. И победа налицо.

В этот же трудный год не только не застыло, но и значительно продвинулось дело Пакта. Происходящие ратификации увенчивают труды многих наших друзей и сотрудников, приложивших и усилия, и знания к этому большому культурному делу. Это большая победа. Ни одно из наших учреждений не отмерло в течение этого года. Наоборот, все мы можем назвать новые сообщества, создавшиеся несмотря на труднейшие условия. Много новых друзей подошло. А сколько еще неучтенных, неожиданно познаваемых веточек разрослось за этот год! Есть среди них и молодые побеги, которые должны приучаться к несению культурного дела, к несению через тьму, через непогоду и невзгоды. Нести победно и радостно.

Некоторым нашим учреждениям и обществам в этом году угрожали большие опасности. Так, например, наше Латвийское общество потеряло своего светлого руководителя доктора Лукина. Но прочие сотрудники в Латвии, оплакав эту огромную потерю, сплотились для дальнейшей работы. И даже в этом труднейшем году они уже преуспевают. Такое прохождение опасностей следует отмечать как лучший признак жизнеспособности.

Несмотря на трудный год, продолжались и лекции, и

концерты, и выставки. Открылись новые отделы Музея. Местными отделами опубликованы новые книги и брошюры, как, например, в нашем Аллахабадском центре. Производился ряд научных работ как в Гималайском Институте, так и в других отделах. Из совсем неожиданных мест поступали запросы и приношения, которые показывали, что далеко за пределами физического кругозора дело растет в различных образованиях.

В местностях, в которые, можно было думать, что следы работы не могли проникнуть, неожиданно оказывалось самое трогательное и внимательное знание наших культурных дел. Так, вспомните страницу тибетской газеты с трогательным и восхищенным описанием нашего Пакта и Знамени.

Сотрудники могут поздравить друг друга в том, что там, где в обиходе могли бы порождаться отрицания, там этот червь не допускался. Может быть, само разнообразие горизонтов культурного строительства являлось здоровым началом продвижения. Стремительное накопление дел тоже побуждало к сосредоточенности и доброжелательности. "Все за одного, один за всех". От первых дней этот девиз не только жил, но и был отмечаем многими посторонними зрителями. Так же отмечалась доброжелательная улыбка, которая даже в очень трудные часы не превращалась в гримасу уныния. Все, работавшие в разных организациях, подтвердят, что сказанное не есть преувеличение, но лишь действительность.

Благоволение и дружелюбие споспешествовали делам. Многие изумлялись, какими средствами достигается такое быстрое разрастание культурных учреждений. Конечно, первыми из этих средств остаются любовь к делу, преданность к труду и благоволение. Среди многого ненавистничества, среди многих клевет остается правда нерушима. В полном сознании мы можем учесть даже в течение последнего года многие наскоки сил темных.

Уже приходилось изумляться сплоченности разрушителей и сотрудников тьмы. Их изобретательность, грубость, изысканное разлагательство могут быть отражаемы лишь благоволением, неутомимостью, устремлением и твердостью. И все эти качества были явлены в достижениях наших сотрудников. Им есть, что вспомнить. Жаль, что в многообразных продвижениях многие прекрасные подробности остаются не отмеченными. А ведь такие добрые отметки будут хорошими вехами для будущих привходящих молодых сотрудников.

Сколько раз нам приходилось слышать, как вновь подошедшие удивлялись неожиданным для них сочетаниям дел, ибо многое, выросшее в разных странах, конечно не сразу может

быть учтено. Потому можно лишь твердо знать общее направление дел, но пределы разрастаний нужно предоставить жизни. Каждое Растение может быть поддержано в своем росте, но не должно быть искривляемо. Так же и в наших организациях пусть прежде всего охраняется благое начало дружественной самостоятельности. В этом будет залог постоянного продвижения.

Обратимся к самому началу. Опять заглянем в ту одну комнату, из которой все начало расти. Вспомним неисчерпаемый энтузиазм, помогший продвижению. А затем мысленно год за годом, посмотрим, был ли такой год или месяц, который можно бы и не вспомнить. А ведь такого не было. Всегда что-то говорилось не рутинное, но поступательное. Большое ободрение заключено там, где каждый час напоминает о вновь приложенных трудах.

Итак, даже труднейший год дал рост и преуспеяние. Продолжим с тем же благоволением, в тех же трудах нашу общую работу во благо Культуры. Сердечный привет к памятному дню 24-го Марта.

6 Марта 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Удача

Говорят, в Китае бывал урожай пшеницы — сам четыреста. Каждый колос уберегался. Каждая грядочка окучивалась. Каждое зернышко собиралось. Добрая земля! Но где-то бывало и так, что вместо ожидаемых сам двадцати выходило — сам пять. Земля ли?

Нередко бывает, что какое-то начинание, казалось бы, со всех сторон обдуманное, все же почему-то не вполне удается. Можно предусмотреть разные окружающие условия. Можно приберечь, казалось бы, лучшие средства, можно избрать подходящее время. Словом, все внешние условия как бы будут налицо, и все-таки результат почему-то выйдет не тот, который ожидался. Что-то помешало лучшему выражению. Обычно в таких случаях обращаются взглядом далеко кругом. Предполагают чуть ли не космические причины. Подозревают козни незримых сил темных и стараются найти самооправдание в неудаче. Но сказано: ищите ближе.

Действительно могли быть предусмотрены многие внешние условия. Были использованы лучшие возможности. Были потрачены большие запасы энергии. Но причина, отодвинувшая удачу, не лежала во внешних условиях. Не посторонние злодеи воспрепятствовали. Маленький незримый собственный злодеи приложил свое старание, и долгожданная, глубоко промысленная удача дала, может быть, лишь сотую часть следствия. Как же имя этого тайного злоумышленника, уместившегося тут же. около сердца человеческого? Смятение, раздражение, подозрение, сомнение, саможаление, самомнение… Мало ли как называет себя темный злодей, протягивающий свою руку во вред. Главное его имя, вероятно, будет "предательство".

Ведь люди самыми разнообразными раздражениями и подозрениями уже предательствуют. Большею частью им даже и в голову не приходит такое название их мыслей и поступков. Но смотря вглубь, вы видите только предавание самого лучшего. Не то, чтобы человек плохо помыслил о самом протекающем деле. Может быть, к этому делу он остался вполне расположен. Может быть, именно от него он ждал самой большой своей пользы. Ведь темное начало не действует прямо.

Самые лучшие стремления можно подрезать мимолетными темными стрелами. Очень часто человек даже не осознает этих посылок. Они промчатся в пространстве будто бы незамеченные. Сколько раз сам пославший будет отрицать наличность несправедливого суждения. Из этих маленьких обиходных несправедливостей, из крошечных раздражений и подозрений

образуются трудно залечимые раны. Ох уж эти черные стрелы! Сколько о них сказано и написано. Зачем повторять! Но если вы опять видите их, то можно ли молчать, можно ли не напомнить? Если кому-то это напоминание излишне, то другому оно будет неотложно полезно. А многим ли оно излишне?

"От свечи — дом сгорает". От тех же малейших причин иногда губительно откладывается, а то и вовсе теряется уже сложенное. Человек знает, что его позовут. Смотрите, он уже сшил и одежду для продвижения. Он говорит об этом в восторге и в восхищении. Но приходит жданная минута, и целое множество маленьких соображений помешает. Что-то не выйдет, что-то опоздает, кто-то нс дойдет, кто-то шепнет нечто страшное. Даже не предусмотреть всех этих маленьких домашних мохнатых, которые, как перекати-поле, выскакивают из темных углов. Как и что происходит — не будем судить, но срок-то утеривается. А за этим сроком, может быть, искривляются и многие другие сроки. Удар в одном месте отзвучит где-то совсем неожиданно. Кому и где нанесется вред? Все эти, казалось бы, давно известные слова оказываются неиспользованными на деле.

Как часто бывает, что очень хорошие, очень сердечные люди вдруг в отемнении посылают стрелку вредную. Так иногда на одежде своей гость, сам того не ведая, приносит или ядовитое насекомое, или какие-то зачатки болезни. Конечно, он не хотел этого, но все же принес, ибо где-то в нужную минуту не соблюл осмотрительность. Говорят: благодать — пугливая птица! Так же и удача — очень необъезженный конь. Стоит незаметно подложить под седло колючую ветку, и даже под опытной рукой конь может закинуться. Как же нужно во всем обиходе избегать все колючее и все, что может нарушить какие-то сроки.

В описаниях битв вам приходилось читать, как подчас все было установлено и исчислено, но кто-то не приходил в назначенное место и выпавшее звено нарушало весь строй. Итак, не только ждите удачу, но сберегите ее. Если же можно, чтобы удача превысила сужденное, то к такому подвигу приложите особые силы и особое умение. Это уже будет ваш подвиг.

Как неразрывно понятие подвига с понятием удачи. Ведь подвиг — во благо. Удачу можно мыслить тоже лишь во благо. Какая же такая удача во вред!? Это противоречило бы самому слову. Именно подвиг только добрый, и пусть будет удача только добрая. А уж сохраните ее, как самый цветок драгоценный.

7 Марта 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Бережливость

Если удача зависит в большой степени от наших внутренних предпосылок, то как нужно научиться следить за собою, чтобы не отравлять пространство. Такая заботливость приучит к истинной бережливости. Мы не имеем права покушаться на чужую энергию — самовольно потратить чужие ценности. Ведь это нельзя как в материальном, так и в духовном плане. Между тем из самых, казалось бы, добрых намерений нередко происходит растрата чужих сил. При этом люди думают, что взяли от одного, а между тем самовольный заем произошел совсем от другого. Люди думают, что они оберегли что-то, а на самом деле — они усугубили и отяготили.

Много раз приходилось видеть, как по незнанию даже друзья в самый напряженный момент посылали очень отравленные стрелы. Может быть, накануне очень ответственного действия именно дружеская стрела, опрометчиво пущенная, наносила опасную царапину. Конечно, предполагалась посылка стрелы по другому направлению, но пославший не рассчитал все внутренние связи и невольно задел именно то, что предполагал оберечь. И чем больше сотрудничество уже спаивалось, тем опаснее могли быть эти нерассчитанные удары.

Чувства любви и преданности должны бы достаточно предупреждать неосторожных лучников. Чувство доверия как основа сотрудничества должно бы напомнить об осторожности.

Врожденное чувство доброжелательства должно бы создать осмотрительное благоволение. Но, очевидно, всех этих сочетаний недостаточно. Может быть, кроме сердечной заботливости, нужно развить в себе то, что называется бережливостью.

В каждом опрометчивом действии непременно будет вред и для других, и для себя. Если человек еще не научился вполне заботливо относиться к другим, то пусть он хотя бы и для себя самого поостережется. Всякое покушение на чужие ценности будет уже похищением, и вред от него будет тем же вредом, как от каждого покушения на чужое достояние.

Бережность или бережливость! Эти оба понятия вполне связаны, хотя, на первый взгляд, как бы имеют в виду различные действия. Приучение себя к понятию сотрудничества помогает осмыслить все трогательное значение бережности и бережливости. При осознанном сотрудничестве прежде всего разовьется уважение к действиям сотрудника.

Если кто-то что-то делает, то, значит, у него есть достаточное основание именно к этому способу выражения. Сотрудник,

прежде чем заподозрить, что действие несовершенно, прежде всего отнесется с полным доверием и доброжелательством. Когда же после дружелюбного исследования поступка у сотрудника явится соображение, что нечто могло бы быть сделано иначе, то он всеми лучшими способами постарается разъяснить, почему его соображения более действительны.

Разве возможны среди сотрудников выражения, восклицания недружелюбия или злобы? Какие же они после этого сотрудники? Если в одном случае могла загреметь и завизжать злоба, значит это возможно и в другом случае. Кто знает, может быть, среди самого ответственного действия могут вспыхнуть те же самые языки алого пламени. Значит, вино еще не готово. Значит, сотрудничество еще не состоялось. Если же так многое еще нс оформилось и не установилось, то возможно ли ответственное действие? Испытание всегда приходит на малом.

Есть старинная сказка о том, как некий царь заявлял, что он произведет очень серьезные испытания. Все готовились к ним и ждали их, и удивлялись, почему они отложены. Разве, они вообще отменены? Но совершенно неожиданно все сотрудники были созваны и было объявлено новое распределение труда. Оказалось, что испытания уже произошли.

Люди были испытаны на самых для них незамеченных обиходных проявлениях. Было отмечено, когда и кто раздражился, когда была неточность, когда была расточительность. Словом, все было взвешено в то время, когда люди ожидали, что испытания будут происходить в каких-то торжественных собраниях.

Люди выучили на тот случай какие-то благозвучные формулы. Запоминали наизусть изречения. Чертили на память формулы и вычисления. А в то же время в обиходе, сами того не замечая, достаточно выявили свои внутренние качества и свойства.

Недаром в сказаниях и в высоких учениях говорится о нежданности. Приготовить себя к таким жданным нежданностям можно лишь постоянною настороженностью и бережливостью. Оберегая друга и сотрудника — люди оберегают самих себя. Когда же будет понято, что всякое неосновательное суждение есть уже признак неподготовленности к ответственным действиям? А ведь одно искривленное или нарушенное действие влечет за собой множество прискорбных искривлений. Выпрямлять эти искривления гораздо труднее, нежели вообще не допустить их. Друзья! Будем очень бережливы. Будем очень бережны.

8 Марта 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Зверье

В Китае считалось особенным счастьем быть съеденным тигром. Рассказывают очень знаменательный способ охоты на льва в Африке. Выходят на выслеженного царя пустыни даже без ружья, но с большою сворою маленьких, яростно лающих собачек.

Лев, укрывшийся в кустарнике, долго выносит облаивание, но, наконец, среди веток начинает появляться его грозная лапа. Опытный охотник говорит: "Сейчас будет скачок"; и действительно, грозный зверь высоко взвивается и падает в следующий кустарник.

Тогда к своре добавляется новая, свежая стая. Собачий лай усиливается. Опытные охотники говорят: "Теперь уже недолго, теперь он не выдержит". Затем наступает странный момент, когда собаки в охватившей их ярости устремляются в кусты. Ловцы говорят: "Идемте, он уже кончился". Царь пустыни не выносит облаивания, он кончается от разрыва сердца.

Приходилось наблюдать в Индии суд обезьян. На высоком утесе сидит кругом целый ареопаг старейших седобородых судей. В середине круга помещается обвиняемый. Он очень встревожен, очевидно, старается что-то доказать и жестами, и криками, но ареопаг неумолим. Происходит какое-то решение, и осужденный, поджав хвост, с жалобным писком подбирается к обрыву утеса и бросается в гремучий поток. Так бывает в предгорьях Гималаев.

Конечно, если послушаем рассказы про больших обезьян, живущих около снегов, то тут можно собрать целые книги. Приходилось видеть этих горных обитателей, чинно сидящих в семейном кругу на площадке около пещеры. Зрители говорили: "Нет ли у них еще и кремневых орудий?" В них очень много человекообразности.

А вот и еще животное чувство, близкое человеку. В студеную зимнюю пору на Тибетских нагорьях под снегом пропал подножный корм. Верблюды посылаются за три или четыре дня пути, где предполагалась трава. Оказалась и эта надежда тщетной, и там выпал глубокий снег, и корму не нашлось. В течение двух недель погибли все верблюды. Помним в нашем стане яркое зимнее утро, по блистающему снежному нагорью издалека движется какое-то животное. Верблюд! Без человека.

Медленно и величаво приближается к шатрам одинокий, отощалый верблюд. Уверенна его поступь. Из последних сил он спешит туда, где его раньше кормили. Он признал стан своим домом и не ошибся. Конечно, из последних остатков зерна он был накормлен. Были распороты вьючные седла, чтобы достать клок

соломы. И все-таки он выжил, этот единственный и верный верблюд. Он выжил и потом дошел с нами через все перевалы по узким карнизам до Сиккима. Мы подарили его сиккимскому магарадже, и, может быть, еще и сейчас он живет на его землях. Это был первый двугорбый верблюд, пришедший в Индию от Тибета. Все окрестные жители сбежались глазеть на него, а он спокойно помотал головою, и, как темный агат, были глубоки и блестящи умные глаза его.

Вероятно, тоже полны выражения затуманенные слезою глаза косули, когда охотник спешит заколоть ее, подстреленную. Более чуткие сердца, однажды взглянув в эти глаза, увидав эти слезы, более не заносят нож над зверьем.

Если бы люди решались на убийства животных лишь тогда, когда наступает крайняя необходимость, пищевая необходимость. Всякое вожделение убийства когда-то должно быть оставлено. Врачебные записи о распространении рака показывают, что этот бич человечества особенно развит там, где усилена мясная пища. Опытный врач всегда предупредит, что рано или поздно от мяса придется отказаться, если нежелательны камни в печени или подобные неприятности. А со стороны питательности почти постоянно в научных журналах пишутся убедительные статьи о витаминах, далеко превышающих мясную необходимость. Надо надеяться, что прошли те времена, когда звероподобные врачи прописывали сырое мясо и кровь. Какой это ужас, даже прописывалось кровопийство.

Если же даже вопрос сохранения здоровья, если научные опыты и советы врачей не убеждают, то не убедит ли, наконец если заглянуть в глаза животных?

Друг дома — собака. Одни глаза верного пса могут рассказать так много, кроме того, и видят они больше обычных людей. Сколько раз можно было наблюдать, что собака чувствует что-то незримое и видит, и щетинится, и предупреждает рычанием. Можно припомнить очень многие рассказы о таких чувствованиях животных. Нам кажется, что собаки чувствуют больше других животных, но, может быть, это нам только кажется — мы наблюдаем собак больше других зверей. И собака больше вошла в наш обиход, и люди привыкли к собачьим выражениям.

Одна овчарка требовала монеты, собирала их за щеку, а затем, придя в булочную, выбрасывала их и лаем требовала булку. В Париже мы знали собаку, ходившую за газетой. Помимо всяких обиходных проявлений, сколько известно самоотверженных поступков собачьих, когда они готовы были замерзнуть сами, отдавая тепло своим хозяевам.

Много звериных глаз можно бы припомнить. Многому могли

бы опять у зверей поучиться люди.

Сегодня у нас появился новый пес — Нохор. По-монгольски — друг.

9 Марта 1935 г.

"Нерушимое"

Напутствие

"Все вижу и слышу: страдания твои велики. С такою нежною душою терпеть такие грубые обвинения; с такими возвышенными чувствами жить посреди таких грубых, неуклюжих людей, каковы жители пошлого городка, в котором ты поселился, которых уже одно бесчувственное, топорное прикосновение в силах разбить, даже без их ведома, лучшую драгоценность сердечную, медвежьего лапою ударить по тончайшим струнам душевным, — данным на то, чтобы выпеть небесные звуки, — расстроить и разорвать их, видеть, в прибавление ко всему этому, ежедневно происходящие мерзости и терпеть презрение от презренных — все это тяжело, знаю. Твои страдания телесные тяжелы не меньше. Твои нервические недуги, твоя тоска, которою ты одержим теперь, — все это тяжело, тяжело, и ничего больше не могу сказать тебе, как только: тяжело! Но вот тебе утешение. Это еще начало; оскорблений тебе будет еще больше: предстанут тебе еще сильнейшие борьбы с подлецами всех сортов и бесстыднейшими людьми, для которых ничего нет святого, которые не только в силах произвести то гнусное дело, о котором ты пишешь, — дерзнуть взвести такое ужасное преступление на невинную душу, видеть своими глазами кару, постигшую оклеветанного, и не содрогнуться, — не только подобное гнусное дело, но еще в несколько раз гнуснейшие, о которых один рассказ может лишить навеки сна человека сердобольного. (О, лучше бы вовсе не родиться этим людям! Весь сонм небесных сил содрогнется, от ужаса загробного наказания, их ждущего, от которого никто уж их не избавит). Встретятся тебе бесчисленные новые поражения, неожиданные вовсе. На твоем почти беззащитном поприще все может случиться. Твои нервические припадки и недуги будут также еще сильнее, тоска будет убийственнее и печали будут сокрушительнее. Но вспомни: призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований — на битву мы сюда призваны; праздновать же победу будем ТАМ. А потому мы ни на миг не должны позабыть, что вышли на битву, и нечего тут выбирать, где поменьше опасностей: как добрый воин, должен бросаться из нас всяк туда, где пожарче битва. Всех нас озирает свыше небесный Полководец, и ни малейшее его дело не ускользает от Его взора. Не уклоняйся же от поля сражения, а выступивши на сражение, не ищи неприятеля бессильного, но сильного. За сражение с небольшим горем и мелкими бедами немного получишь славы. Вперед же, прекрасный мой воин! С Богом, добрый товарищ! С Богом, прекрасный друг мой!" (1846 г.).

Ведь это сказало не действующее лицо пьесы Гоголя, а сам писатель, сам мыслитель. Сам, который имел право сказать: "Все вижу".

Не потому выписываем Напутствие Гоголя, что его книга под руками. Не потому, что будто бы случайно купился этот том, где также знаменательно сказано о Ломоносове и Державине. Не случайно потел с нами по китайским и монгольским землям сердцем русский. "Все вижу и слышу". С давних пор этот спутник близок: "потому идем и видим и слышим".

"Все вижу и все слышу" и тогда иду вперед. Бодрое напутствие. Ведь не слепому же идти. Не глухому же знать голоса. Не запугивание. Только трус природный молит: "Не говорите об опасностях"; "увольте от правды". Но ведь это значило бы идти во лжи. Недостойно хождение во лжи и во мраке. Именно во мраке может содрогнуться сердце, но в свете не ужасно чудище. Самое из них размалеванное будет не чудищем, а чучелом.

"Все вижу и слышу". Если кто-то хоть отчасти забоится, он уже не все услышит. Можно уметь не слышать. Если кто развил в себе эту способность во благо в мужестве и твердости тогда он отлично установит степени слышания, но можно и все слышать, и всему найти место. Гоголь, который так замечательно описывал битву, который через все тяготы жизни шел к великому и светлому, он-то знал, что знание опасностей есть предохранение от страха. Готовность к наихудшему всегда даст возможность напрячь особые силы. Много сил в человеке, только нужно, чтобы вовремя их вынули из хранилища. Глубоки бывают такие хранилища, и сложны к ним входы. Изучать к ним затворы можно в сообществе с великими ведунами. Нужно быть уверенными в этих великих спутниках. Нужно чуять, что они не будут напутствовать ни в чем дурном, и тогда идти легко, тогда все призрачные препятствия уложатся в особом узоре.

Между спутниками не будет дурных мыслей, совершенно исключится бранное слово как остатки звериного рева. Очень важно, чтобы спутники, хотя бы даже случайно, не употребляли друг про друга скверных наименований. Не будем требовать непременно уже любовь, которая не так-то легко приходит, но взаимное уважение в пути необходимо.

В караванах можно замечать, как иногда, следуя людским мыслям и чувствованиям, сами животные подражают своими поступками. Приходилось видеть, как при людском раздражении до тех пор дружные собаки бросались друг на друга. Кони и верблюды пугались, — такие наглядные показания, о которых отлично знают опытные караванщики, должны бы остаться в

памяти у всяких спутников.

Спутник это уже сотрудник, а сотрудник это уже не случайный встречный. Совместное делание остается неизбывным. Пребудет где-то навсегда. Думают неопытные: разбежимся и все будет кончено. На деле же совсем не так. Даже в чисто материальном плане вы видите, как возвращаются бумеранги. Тот, кто действует в сознании ответственности, уже понимает, что каждым действием куется день завтрашний.

Враг рода человеческого изобрел всякое опьянение. В нем заключено лишение ответственности. Какие же безобразные нагромождения получаются от всякого опьянения. Потому трезвы спутники.

Народ помнит, что "идешь на день, а хлеба бери на неделю". Это сказано в большой опытности, истинно всякого хлеба нужно взять в семь раз больше. Также мудрость заповедует, что расставание радостнее встречи. Ведь встреча предполагает расставание, а расставание уже предчувствует встречу. А на каких путях будет встреча, о том не будем озабочиваться, надо предпослать, что на путях добрых.

Гоголь при всех своих выспренных устремлениях все же говорит о битве. Другое наименование и не подойдет. На Курукшетра тоже битва. Все народы знают такие битвы, ибо никак иначе вы не назовете это продвижение. Когда же сердце будет соблюдено вне всяких опьянений, оно очень тонко подаст знак, где слагается строй добрый и крепкий. "Вперед же, прекрасный мой воин".

10 Марта 1935 г.

Пекин.

"Врата в Будущее"

Невидимки

Об одном издании писем некоего мыслителя кто-то удивился, почему автор как бы возвращается к одному и тому же предмету. Читатель не сообразил, что письма написаны в разное время, а главное, адресованы разным лицам в очень отдаленные местности. Для читателя эти невидимые корреспонденты слились в одно. Ведь для него они остались невидимками. Читатель, вероятно, вообразил, что письма имеют в виду только его самого, не принимая во внимание ничьих посторонних условий. Невидимые друзья, невидимые слушатели, невидимые сотрудники — все это как бы относится к области сказочной шапки-невидимки.

Не так давно всякую невидимость или отрицали вообще, или называли шарлатанством, или оставляли в области гипнотизма. Труднее всего обывателю привыкнуть к тому, что он может быть окружен какими-то невидимками. Когда говорилось об Ангелах-Хранителях, то ведь и это предпочиталось оставлять в пределах рассказов старой няни. Но издревле говорилось и о железных птицах, и о слове, слышанном за шесть месяцев пути, и о железных огнедышащих змеях.

Так же точно упорно в разных фольклорах жила и живет идея шапки-невидимки. В самых лучших сказках и эпосе идея невидимки проводилась весьма упорно. Во время войны прилагалась для невидимости дымная завеса. Это было грубейшее решение всяких преданий и сказаний. Но вот сейчас мелким Шрифтом газеты сообщают следующее: "Лучи-невидимки"

"Одному из молодых венгерских ученых удалось, по-видимому, осуществить и превратить в действительность сказку о Шапке-невидимке. Демонстрация лучей-невидимок происходила на одной из площадей перед статуей. После того, как аппарат был пущен в ход, статуя внезапно исчезла из глаз, ее присутствие можно было установить только при прикосновении. Через несколько минут статуя снова появилась на глазах у всех, как будто вынырнув из тумана".

Итак, предвидения или запоминания фольклора опять входят в жизнь. Так же точно, как уже летят железные птицы и перевозят людей железные змеи, и оглушающе звучит слово по всему миру, так же входят в жизнь и невидимки. Можно себе представить, какие трансформации обихода создают все эти новейшие открытия.

Еще недавно рассказывалось, как некий господин пошутил над своей доброй знакомой. Переехав в новый дом, он увидел в

противоположном окне свою знакомую, только что вставшую с постели. В той же комнате находился и телефон. Шутник позвонил ей по телефону и среди разговора упомянул ей об успехах телевизии. Знакомая его усомнилась. Когда же он стал ей описывать ее ночное одеяние и всякие другие подробности, то собеседница в ужасе бросила трубку.

Эта шутка в другом виде на днях сообщалась в газетах, когда, услышав об успехах телевизии, некоторые обитатели Лондона серьезно обеспокоились о неприкосновенности их дома. Работникам телевизии пришлось объяснять, что с этой стороны опасности нет. Иначе говоря, в данную минуту опасности нет, ибо, вступив в область невидимок, можно предположить любые следствия невидимости. Важно установить принцип.

Вспомним примитивный дагерротип и современные нам успехи фотографии. Ведь до сих пор в некоторых странах, например, еще не знают простое применение фотостата вместо легко подделываемых копий документов. Зато в иных судах фотостат уже считается как документ. Или вспомним примитивную железную дорогу, образчик которой выставлен на Гранд-Централь в Нью-Йорке. Ведь она не имеет ничего общего с теперешними достижениями. Итак, если принцип невидимки найден, то из него могут произойти самые потрясающие усовершенствования.

Отгораживаться от таких механических достижений нельзя, ведь они все равно могут так или иначе проникнуть в жизнь. Значит, нужно посмотреть, какими же другими естественными средствами можно достигать равновесия. Вспомним опять о том же, о естественных благодатных свойствах духа человеческого. Если собака чует невидимок, то во сколько же раз больше может все это знать настороженный дух человеческий. И как естественно может приходить это знание. Сперва оно будет бессознательным чутьем, затем перейдет в осознанное чувствование, а от него уже развивается и определенное чувствознание. Тогда всякие механические невидимки будут прозрены. Да и весь обиход изменится, но только в лучшую, в высокую сторону.

Когда вы читаете труды синаидских и многих других отшельников и пещерников — сколько в них отмечено высокого, пламенного знания! Они щедро раскинули в своих заповедных наставлениях жизненные основы. Проходят века, меняются способы выражения, но истина остается незыблема. Все преподанное о так называемом "умном делании", о "сердечной молитве", так отмеченное в "Добротолюбии", конечно, неизменно. Конечно, бывшие старцы премного огорчились бы, что некоторые их последователи сознаются в том, что они не вполне сознают,

где помещается сердце. От этого недоразумения происходят всякие расстройства. Но великие старцы, пустынники и пещерники, безошибочно знали, где сердце, как обращаться к нему и как вызывать его благодатное действие. Какое чудесное слово БЛАГОДАТЬ!

Перед этими высоко естественными путями всякие механические лучи являются и бедно ограниченными, и недостигающими. Но для тех, кто не хочет знать о большем, и это меньшее уже будет началом пути. Если кто-то писал об этом в одну страну, он, вероятно, найдет надобность написать и во многие другие. На разных языках, иначе говоря, в разных построениях мысли, люди все-таки устремляются в созвучия эпохи. Значит, все, кто слышат об этом созвучии, они обязаны создавать из него истинное благозвучие. Поучительно видеть, что очень важное достижение происходит не в одном каком-либо народе, не в одной стране, а иногда в самых неожиданных.

В каких-то мировых очертаниях устремляется мысль. Там, где по неведению или по убогости люди чураются от путей высоко духовных, там являются как наименьшие пути механические. Но и эти пути ведут все-таки по пути тех же достижений. А духовные врата так нужны. Так многое напоминает об этом неизбывном пути. Сами странные заболевания последнего времени. Все эти какие-то, как бы ожоги организма, все эти самоотравления газолином и всякими прочими веществами и неосмотрительно вызванными энергиями — ведь все это стучится. Читаем: "Сто лет назад, в июне 1835 года, барон де Морог, член Верховного земледельческого совета, прочел во французской — Академии наук доклад о безработице и социальных бедствиях, Которыми угрожает Франции и всему миру введение в промышленность все новых и новых машин. Парижские газеты извлекли из архивов академии этот пророческий труд и печатают из него выдержки, поистине занимательные:

Всякая машина, писал де Морог в своем докладе, заменяет человеческий труд, и поэтому каждое новое усовершенствование делает в промышленности излишним работу какого-то количества людей. Принимая во внимание, что рабочие привыкли свободно зарабатывать средства к существованию и что у них по большей части нет сбережений, легко представить себе раздражение, которое постепенно вызовет в трудовых массах машинизация промышленности.

Докладчик предвидит, что, "несмотря на улучшение технически производства, материальное положение рабочих будет ухудшаться", откуда — "опасность моральная, социальная и политическая". Доклад де Морога произвел на академию такое

сильное впечатление, что она отправила королю в 1835 году специальную записку о необходимости регулировать машинизацию производства. Эта записка движения не получила".

И вот другими путями люди опять приходят к соображениям об урегулировании механических достижений. Это уже будет не вопль против машин, не невежественное ворчание против усовершенствований, но "зов" о правильной соизмеримости. Ведь столько бывших невидимок стало "видимками", и зато многие узренные давно видения сделались невидимками.

11 Марта 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Пламень вещей

"Путеводимые благодатью всегда ощущают, что как бы мысленный какой-то луч проходит по стихам написанного и отличает в уме внешние слова от того, что ведению души говорится с великою мыслью. Если человек многозначащие стихи читает, не углубляясь в них, то и сердце его остается бедным, и угасает в нем святая сила, которая при настоящем разумении души доставляет сердцу сладостнейшее вкушение. Душа, имеющая в себе дух, когда услышит мысль, заключающую в себе скрытую духовную силу, пламенно принимает содержание этой мысли. Не всякого человека побуждает к удивлению то, что сказано духовно и что имеет в себе сокровенную великую силу. Слово о небе требует сердца, не занимающегося землею".

"Писание не истолковало нам вещей будущего века, но оно просто научило нас, как ощущение наслаждения ими мы можем получить еще здесь до естественного нашего изменения при исходе из этого мира. Хотя Писание, чтобы возбудить в нас вожделение будущих благ, изобразило их под именами вещей, у нас всегда желаемых и славных, приятных и драгоценных, но когда говорит, что "не видел того глаз, не слышало ухо" и другое то этим возвещает, что будущие блага непостижимы и не имеют никакого сходства с благами здешними".

"Точность именований устанавливается для предметов здешних, а для предметов будущего века нет подлинного и истинного названия; есть же о них одно простое ведение, которое выше всякого именования и всякого составного начала, образа, цвета, очертания и всех придуманных имен".

"Не тот любит добродетель, кто с борьбою делает добро, но тот, кто с радостью принимает последующие за ним бедствия". "Крест есть воля, готовая на всякую скорбь". "С разорением этого века немедленно начнется век будущий".

"Что такое ведение? — Ощущение бессмертной жизни". "Что такое чистота? — Кратко сказать: сердце, милующее всякую тварную природу. Что такое сердце милующее? — Возгорание сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных".

"Человек боязливый показывает, что страдает двумя недугами: телолюбием и маловерием".

"Устрашающие и ужасающие человека мысли обыкновенно порождаются его мыслями, устремленными к покою".

"Надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое".

"Кто не знает, что и птицы приближаются к сети, имея в виду покой".

"Прежде всех страстей — самолюбие; прежде всех добродетелей ¬пренебрежение покоем".

"Не старайся горстью своей удерживать ветер, т. е. веру без дел".

"За всякою отрадою следует страдание, и за всяким страданием ради Бога следует отрада".

"Бойся привычек больше, нежели врагов".

"Немощь чувств не в состоянии встретить и вынести пламень вещей".

Так в начале 8-го века заповедал Преподобный Исаак Сирин. Из монастыря Мар-Матфея, из Ниневии сохранились до нас эти замечательные огненные советы, которые звучат непобедимой убедительностью. Будут ли они сказаны вчера или в начале 8-го века — они остаются теми же неотменными.

О Преподобном Исааке Сирине осталось в литературе много упоминаний, как он ограничением в пище и всякими другими духовными устремлениями преобразил весь образ своей жизни. Пробыв пять лет епископом, он ушел обратно в пустыню. Там, в пустыне тишайшей, он укрепил свои наставления, чтобы оставить их в выразительной, краткой, незабываемой форме.

Само выражение "пламень вещей" показывает необыкновенное погружение в тончайший мир. Конечно, потому-то заповеданное Преподобным Исааком так сердечно убедительно, ибо оно основано на познании огненной сущности. Многие труды Преподобного Исаака пропали, не дошли до нас, но они были и это видно из неоднократных упоминаний в литературе. И не в том дело, что там-то усматриваются гносеологические пути св. Исаака. Кроме определения "пламенного пути", никакое другое определение не будет удачным.

Во всех заповеданных наставлениях прежде всего особенно звучит все, что огненно овеяно. Та мысль, то слово будет иметь особое последствие, которое свилось в пламени сущности. Записать и запомнить советы огненные уже будет укреплением на всех путях. Крепость не от земли потрясаема, но от неба. Эту огненную твердь осознавали и ощущали в себе познавшие священный трепет сердца.

"Духовное созерцание. И отыскивается оно не работою мысли, но может быть вкушаемо только по благодати. И пока не очистит себя человек, до тех пор не имеет он в себе достаточно сил даже слышать о нем; никто не может приобрести его изучением".

"Как тому, у кого голова в воде, невозможно вдыхать в себя

воздух, так и тому, кто погружает мысль свою в здешние заботы, невозможно вдыхать в себя ощущения нового мира".

Итак, от преходящих здешних забот св. Исаак устремляет к ощущениям нового мира. Поистине, св. Исаак знает духовные ценности, когда говорит: "Никого не раздражай и никого не ненавидь", "Не воспламеняйся на него гневом, да не увидит он в тебе признаков вражды". Советы истинного строителя, знающего, что воспламенение гневом есть бедствие.

Св. Исаак мог бы замечательно сказать о необходимом; "Возмущение воды при нисхождении ангелов". Но это "возмущение" не есть ни гнев, ни напасть, но лишь всплески священного огня, который одухотворяет все сущее в пламени вещей.

"Неопалимая купина". О прекрасном высоком чуде напоминает эта икона, полная огня. И "Премудрость" Божья мчится на коне огненном, и "Ангел-благое молчание" тоже непременно огненный. Первописатели этих символов понимали их не как отвлеченное мудрование, но как незыблемую истину, как действительность. В этой сердечной действительности пламень вещей и близок, и понятен, и прекрасен.

"Немощь чувств не в состоянии встретить и вынести пламень вещей".

12 Марта 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Тибет

"Грандиозная природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны — _ознаменовала себя тем же духом подавляющей массивности и в обширном нагорье, наполняющем южную половину центральной части этого материка". В таких выражениях говорит Пржевальский о Тибете.

Все-то говорят о Тибете особенно — и Плано Карпини, и Рубруквис, и Марко Поло, и Одорик Фриюльский и многие другие путники отмечают что-то особенное о Тибете. Так Тибет и остался чем-то особенным.

Сейчас говорят, что в Лхасе уже будет радио. Толкуют о каких-то автомобильных путях. Толкуют о воздушных путях. Словом — какая-то заманчивая тайна подвергается всяким атакам. Уже давно Уадель хотел рассказать о Тибете, но, в конце концов, сказал не так уж много. Больше отметила Девид Ниль, но и то, касаясь преимущественно одной, так сказать, тантрической стороны.

Сейчас многие страны делятся как бы на два бытия. Одно механическое, роботское, технократическое — завершение в этих условных понятиях. И машины взбираются на горы. И около высочайших пиков чертят воздушные корабли. И всякие аппараты, и точные, и неточные — вымеряют и вычисляют. Ценные металлы заменяются бумажками. Словом, к старинному базару добавляется модернизованный базар со всеми его "усовершенствованиями". И тем не менее во всех этих вновь технократизированных странах остается и прежняя страна со всеми ее исконными ценностями, преимуществами, достижениями и устремлениями.

В наши дни черты мира проходят очень извилисто. Когда-то можно было сказать о ретроградах и новаторах. Когда-то каменный век легко заменялся бронзовым, а теперь все стало гораздо сложнее. Каменный век прикоснулся к железному. Ретроградов и новаторы получили совершенно новые ранги. Ретроградов впитали в себя и механические условности. Истинные новаторы бережно прикоснулись к древнейшей мудрости. Потому-то в технократизированных странах деления можно производить лишь очень бережно.

Вероятно, и в Тибете, с одной стороны, завопит радио, и горный воздух много где будет отравлен отбросами фабрик; и все же Тибет особенный сохранится.

Только что мы упоминали о невидимках. Могут быть всякие невидимки. Приходилось видеть посетителей очень замечательных мест, которые решительно ничего не усматривали.

Когда-то существовала игра, в которой играющие неожиданно спрашивали друг друга: "Что видите?!" И поспешные ответы бывали необычайно странными. Люди ухитрялись отметить такую ненужную чепуху, что простая игра иногда обращалась в великое психологическое упражнение.

Если бы люди усматривали все замечательное, то, наверное, до сих пор на земном шаре было исследовано гораздо больше всяких ценностей. Между тем мы видим, что еще только теперь исследуется римский форум. Только теперь Египет, Палестина, Греция и Иран открывают свои сокровища. А что же говорить о других, менее посещаемых местах. Даже кремли не исследованы. Даже известные фрески еще не рассмотрены. А сколько неузнанного было пройдено мимо, пока без всякого внимания.

Особенно сейчас одолела технократия. Все она вырешила на бумаге, а как только она прикасается к действительной жизни — все ее точнейшие формулы тонут в тумане неприменимости. В плане обычности нестерпимо-надоедливо трещит телефон. Сверлят мозг взвизги джаза. Звонко хлопают оплеухи драки-борьбы. Вся эта обычность последнего времени все же не касается того необычного, особенного, к которому все-таки обращается человеческое сердце.

Приходилось видеть людей, глубоко разочарованных нс только Тибетом, но даже Индией, Египтом — всем Востоком. Так же точно, как несчастливцы в туманные дни не могут видеть сияние горных высот, так же точно этим путникам не посчастливилось попасть в значительные места и обстоятельства. Ведь можно видеть прекрасный исторический Париж, а можно увидать его и в очень отвратительных современных аспектах. Можно увидеть один Нью-Йорк, а можно попасть на его очень непривлекательные улицы.

Эти два часто взаимоисключающих аспекта останутся везде. И потому нечего опасаться, что Тибетские нагорья особенные — сделаются Тибетом вульгарным. И теперь на некоторых тибетских базарах вы не увидите ничего особенного, кроме красочной этнографии. Как же проникнуть за эти пределы? Конечно, язык всегда нужен. Но одним языком физическим все-таки не обойтись. Нужен язык внутренних созвучий. Или он найдется, и многое станет доступным, или он не зазвучит, и сочетания никак не получится.

Говорится, что особенно на Востоке нужен этот сердечный язык. Думается, что он нужен всюду. Какой бы технократией ни

прикрывались люди, они все-таки будут и расходиться, и сходиться иными путями. И для этих иных путей все тибетские нагорья, все недра гор высочайших — останутся особенными.

Приговор мудрых путников, произнесенный в течение многих веков, имеет же основание. Многоопытны были эти самоотверженные искатели. Многие их умозаключения остались вполне убедительными. Дневники этих путешественников и теперь читаются с глубоким вниманием, настолько верно они отмечали виденное и запечатленное.

Когда Франке сообщает, что дальше известного места в Гималаях проводники отказались идти, говоря, что за теми горами — особенное, то этот серьезнейший исследователь отметил сообщение вполне спокойно. О том же особенном говорил и замечательный человек недавнего прошлого — Пржевальский.

Далай-лама новый все еще не найден. Необычно долгий срок. Вспоминается Великий Далай-лама Пятый. Никто не знает о последних годах его жизни. Когда он ушел? Куда он ушел? Как был необычайно скрыт его уход! Это опять входит в особенность Тибета. Тибет особенный.

13 Марта 1935 г.

Пекин

"Врата в Будущее"

Новые грани

Поднялся вопрос, когда жизнь прекращается с законной точки зрения. Из Лондона пишут: "Когда человек умер? Когда после остановки сердца и дыхания нужно считать, что жизнь покинула человеческое тело?"

Странный эпизод пятидесятилетнего садовника из Арлей — Джона Пекеринга, который сейчас поправляется после операции, когда сердце и дыхание его уже остановились на пять минут — сейчас производит целую революцию в медицинском мире.

Случай Джона Пекеринга опрокинул указания медицинских справочников. Все присутствовавшие при его операции, согласно показанию врачей, удостоверились в его смерти.

Каждый врач, конечно, засвидетельствовал бы смерть при полном отсутствии пульса, дыхания и сердечных рефлексов, как было в случае Пекеринга.

"Принципы и практика врачебной юриспруденции" Телера говорят:

"Если никакого звука и сердцебиения не обнаружено в течение пяти минут, в периоде, который в пятьдесят раз больше, нежели требуется для наблюдения, то смерть должна быть рассматриваема несомненной.

Имеются все основания полагать, что если сердце абсолютно перестает биться за период длиннее одной минуты, то смерть уже несомненна. Те же наблюдения касаются и дыхания".

Противоречия, возникшие в случае Пекеринга, означают, что справочники должны быть пересмотрены. Они были написаны до открытия адреналина, этого жизнь дающего двигателя, который возвращает людей к жизни из того состояния, которое, по суждению медицинских авторитетов, уже называлось смертью.

Последствия очень обширны, и их даже трудно предвидеть. Прежде всего родственники теперь будут требовать дальнейших воздействий своих врачей при случаях кажущейся смерти.

Возникают и вопросы в области общественности и законов. Например, как быть с завещанием в таком деле, как случай Пекеринга? Могут ли быть затребованы страховые премии? Может ли быть расторгнут брак такою смертью?

Конечно, кроме этих возникающих вопросов, могут быть перечислены и многие другие, не менее значительные. Вообще, момент так называемой смерти становится чрезвычайно условным и действительно подлежит пересмотру.

Так, например, передавался случай, когда под гипнозом уже возвещенная неминуемая смерть была значительно отсрочена.

Так же точно передают, что, так сказать, умерший под влиянием внушения произносил какие-то слова. Наверное, кто-нибудь скажет, что это невозможно. Но ведь так же точно составитель широко употребляемого справочника полагал, что выше отмеченный из Лондона случай тоже должен был бы быть признан окончательной смертью.

Не будем возвращаться ко всем ошибочным или неточным заключениям, которые в свое время вводили человечество в заблуждение. Можно вспомнить, как в свое время опорочивались опыты с силою пара, с электричеством и со многими другими явлениями, ставшими сейчас общеизвестными даже в начальных школах. Можно лишь пожалеть, что так же, как теперь, так и в прошлые дни, очевидно, преобладало отрицание, и многое затруднялось этим разрушительным рычанием.

Много раз приходилось советовать людям вести дневники или записи, чтобы вносить узнанные достоверные факты. Так же точно, как метеорологические наблюдения должны производиться повсеместно и неотступно, и так же многие другие факты должны быть отмечаемы во всей их необычности.

Приходится читать о рождении четверни и даже шестерни. Факт сам по себе необычный. Но когда и такие факты наслаиваются, то наблюдения над ними могут быть очень поучительны. Вообще без всяких отрицаний нужно научиться пристально всматриваться в действительность. Когда робкие люди восклицают: "Это невозможно!", то к таким негативным воплям нужно относиться более чем осмотрительно. Все те новые грани, которые сами стучатся в обиход современного человечества, должны быть опознаны, и прежде всего во благо.

Даже когда говорится о новых гранях, то можем ли мы утверждать, что они новые и что они грани? Кто возьмет на себя дерзость настаивать, что это самое не было уже когда-то известно? Может быть, забыт тот самый язык, на котором эти же факты произносились, но никто не скажет, что в существе своем они были неизвестны.

Радостно замечать, как опознание прошлого, а вместе с тем прогнозы возможности расширяются и углубляются. Достоверная запись пытливого обывателя может принести несчетную пользу, уничтожая суеверия и невежество и подкрепляя истинных пытливых исследователей.

14 Марта 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Волны жизни

Сообщается: "В жизни каждого человека бывают, что называется, удачные дни, характеризуемые необычайно хорошим настроением и удачей во всех начинаниях. Но наряду с ними случаются и "черные дни", когда неприятности сыпятся как из рога изобилия, неудачи преследуют на каждом шагу и все кажется окрашенным в черный цвет".

"На этом, казалось бы, совершенно случайном явлении немецкий ученый Ризе построил целую научную теорию. Все в мире, от великого до малого, говорит он, подчинено закону волнообразных колебаний — точно так же и в жизни каждого человека существуют особые ритмы повышения и понижения всех его физических и психических свойств".

"Опытным путем Ризе установил, что человеческая жизнь определяется тремя видами ритмов: "мужским", имеющим период в 23 дня и регулирующим физические процессы в организме, "женским" с периодом в 28 дней, ведающим душевными явлениями, и, наконец, ритмом симпатической нервной системы, управляющим умственными процессами. Эти ритмы образуют особые кривые, то повышающиеся — и тогда все наши способности и качества проявляются наиболее ярко, — то понижающиеся, когда тело, душа и мозг работают замедленно и неудовлетворительно".

"Эти колебания не зависят ни от каких внешних явлений, на них не действуют даже болезни, и они всегда, для каждого данного человека, сохраняют свою закономерность. Ризе берется даже вычислить для каждого субъекта жизненную кривую и заранее предсказать те дни, когда ему, что называется, везет, и дни, когда лучше ничего не предпринимать".

"Ризе при содействии известного спортсмена Тросбаха проверил свою теорию на людях, занимающихся спортом, и при помощи ее объяснил, почему те или иные спортсмены вне зависимости от подготовки то внезапно показывают большие достижения и побивают рекорды, то так же неожиданно сдают и проигрывают более слабым соперникам. Ризе вычислил жизненную кривую знаменитого немецкого бегуна Пельцера и доказал, что во время спортивных состязаний в Германии, предшествовавших мировой Олимпиаде, эта кривая показывала определенное повышение — тогда, как известно, Пельцер показал рекордное время; во время же самой Олимпиады в Лос-Анджелесе кривая Пельцера пошла вниз, и поэтому он бегал несравненно хуже, чем обычно".

"Научные круги пока воздерживаются от суждений по поводу теории Ризе, но ею весьма заинтересовались спортивные круги Германии, которые намерены поставить массовые опыты для проверки".

Сообщения доктора Ризе, конечно, интересны не только в отношении спорта. Так же точно эти волны могут быть изучаемы и с точки зрения воздействия мысли. При этом имеет значение не только мысль самого субъекта, но также и мысли окружающих.

Наверное, нашлись бы целые сообщества добровольцев, которые продолжали бы начальные наблюдения испытателя и со стороны мысленных воздействий. При некоторой внимательности и, конечно, при абсолютной честности можно отмечать замечательные взаимные воздействия.

Можно видеть любопытные взаимодействия — как в повышающую, так и понижающую сторону. При вхождении кого-то настроение присутствующих падает или окрыляется. Может быть, в этом действует мысль, а может быть, и другой контакт.

"Батюшка, жить стало совсем нельзя. Еще хуже стало". Духовник сказал:

"Я тебе помогу. Пойди и купи вторую козу и всели ее. Через три дня приди рассказать".

В назначенный срок несчастный обыватель пришел уже в совершенном безумии и плакал: "Так жить уже нельзя".

Духовник сказал: "Теперь продай этих коз".

Через несколько дней обыватель пришел и сказал, что козы проданы. Духовник спросил:

"Ну что, лучше стало?"

"Свет увидели".

Итак, от противного было внесено психическое облегчение. Сейчас время больших наблюдений за человеческой мыслью. Множество факторов, смущающих и усложняющих, вторгается в современное существование. Если врачи уже мыслят о механических причинах, то так же точно будет помыслено о причинах психических.

16 Марта 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Сад будущего

В статье "Да процветут пустыни", вошедшей в книгу "Священный Дозор", было сказано о том, что даже мертвые сейчас пустыни Азии могут быть обращены в цветущий сад. Указывалось, что подземные реки шумом своим стучатся наружу и напоминают о близких и блестящих возможностях.

Сейчас мне особенно приятно читать заключение великого путешественника Свен Гедина о том же. Вернувшись из путешествия по Туркестану, он заявляет: "Пустыня Туркестан — это сад будущего. Она может зацвести использованием подземных рек".

Глубокий знаток Азии замечает: "Огромные пустыни Центральной Азии когда-то были обитаемы миллионами людей и могут зацвести опять, вызвав наружу исчезнувшие реки". Так говорит Свен Гедин, называя свое последнее путешествие самым необычным и опасным из всей его жизни. И еще говорит он: "Наши исследования убедили нас еще раз в величайших возможностях Туркестана, где большие реки, не имея выхода, пропадают зря под песками пустынь.

Во времена Марко Поло Туркестан был цветущей страной, благоденствуя агрикультурою и питая многие города, которые являлись знаменитыми центрами образования. Однако пустыня постепенно сдавила эту территорию. Реки начали исчезать, обращаясь в подземные потоки, и столетия войн уничтожили обиталища, препятствуя населению сохранить плодоносность их земель".

Другой выдающийся французский ученый о. Лиссан убедительно выдвигает соображение о том, что мертвенные пустыни произошли именно по вине их первобытного населения. Еще во времена каменного века, следы которого так многочисленны в средне-азиатских областях, население, естественно, имея обширные стада и не умея урегулировать пастбища, постепенно само уничтожило растительность.

Это соображение чрезвычайно убедительно. Во-первых, потому что средне-азиатские раскопки безусловно подтверждают наличность растительности в теперешних средне-азиатских пустынях. Во-вторых, как я уже говорил в статье "Да процветут пустыни", нам приходилось наблюдать подобное же явление в некоторых гималайских областях. Так, например, долина Кангры в Пенджабе еще во времена императора Акбара славилась своею лесистостью. Но сейчас, благодаря вредительству стад, уже потеряла свои лучшие лесные богатства. Эта проблема, знаем,

очень беспокоит местное правительство, которое изыскивает ряд полезных мероприятий.

Конечно, легче не допустить первоначальное заболевание местности, нежели потом бороться с мертвенной стихией. Заключение о. Лиссана тем более убедительнее, что оно уже неоднократно ставилось на очередь при изучении проблем каменного века.

Конечно, не скроем от себя, что нечего только винить козлов и баранов, ибо сами двуногие жестоким и часто бессмысленным истреблением лесов действуют с еще большей вредоносностью. Не будем перечислять примеры.

Тем благороднее задача тех правителей, которые стараются предупредить это бедствие человечества и, насколько возможно, залечивать раны, причиненные когда-то чьим-то неведением.

Конечно, окраинные барханы монгольской Гоби являются наилучшей областью для наблюдения над засухостойкими растениями. Те породы трав и прочей растительности, которые удержались, несмотря на соседство страшных песков Такламакана, конечно, представляют из себя достойных пионеров для зарождения растительности в оголенных местах. В этом случае чисто ботаническая задача является и делом гуманитарным в полном его значении.

Если посадка каждого дерева заключает в себе уже мысль о будущем, то мысль об оживлении целых пространств есть уже настоящее устремление к светлому будущему. В те дни, когда человечество особенно чувствует отравленность нагроможденных городов, естественно, мышление должно устремляться к запыленным от былой небрежности пространствам. Мы должны пристально и терпеливо наблюдать все окраины, не поддавшиеся омертвлению.

Ведь эти пустыри глубоко в недрах хранят признаки былой жизни. Эти пустыни являются для человечества убедительным предостережением и в то же время своими недрами убеждают, что при любовном, терпеливом отношении и они могут превратиться в сад прекрасный.

Хочется спросить как советы китайских ученых, так и наблюдение опытных скотоводов монгольских, бурятских, тибетских. Именно слово опытного хозяина всегда дает новое жизненное наблюдение.

Поистине, в самой задаче оживления пустынь есть устремление к прекрасному будущему. Познавание, оживление, процветание — всегда будут неотложным заданием человечества.

17 Марта 1935 г.

Пекин

Истоки

Кто назвал горы и реки? Кто дал первые названия городам и местностям? Только иногда доходят смутные легенды об основаниях и наименованиях. При этом нередко названия относятся к какому-то уже неведомому, неупотребляемому языку. Иногда название неожиданно соответствует наречию из совсем иных стран. Значит, путники, переселенцы или пленники запечатлели на пути свои имена.

Вопрос географических названий сплошь и рядом выдвигает энигмы неразрешимые. Конечно, если люди обычно уже не знают, как сложилось название их дедовского поместья, то насколько же невозможно уловить тысячелетние причины. Такие же задачи ставит и изменение самих наречий.

Если мы возьмем словари, изданные даже на нашем веку, то за десятки лет можно видеть самые необычайные изменения. Сложились и вторглись новые слова. Расчленились прежние. Даже само толкование значений колеблется в течение одного поколения. Когда люди говорят о сохранении чего-то старого, нужно отдать себе полный отчет, о каком именно старом предполагается.

Те же поучительные наблюдения дают песни и мелодии народные. Если в творческих формах самые новаторы часто невольно обращаются к урокам древности, то вполне естественны вообще одинаковые выражения чувств. Посмотрим ли мы на историю орнамента, которая сохранена в издревле дошедших образцах гончарства. Мы видим, конечно, подобное естественное выражение человеческих украшательных чувств.

Исследователи нередко удивлялись, что в каменном веке на различных разделенных материках оказывалась та же техника и те же приемы орнаментации. Конечно, не могло быть предположения о сношениях этих древних аборигенов. Просто мы свидетельствуем одинаковые выражения человеческих чувствований. Сопоставляя эти аналогии, можно получать поучительные психологические выводы о тождестве человеческих выражений. Значит, и пути к вызыванию этих выражений должны быть тождественны.

Только что сообщалось из Англии о большом открытии в музыкальном мире:

"Мелодии, раздававшиеся среди холмов Уэльса тысячу лет тому назад, теперь воспроизводятся на арфах и других современных инструментах. Ведь это, может быть, те самые мелодии, раздававшиеся вокруг костров древних бриттов до

появления цезарских легионов.

Эта исконная музыка сохранилась в одном древнем манускрипте, и Арнольд Дольмеч, который уже полстолетия работал над возрождением старинной музыки на старинных же инструментах, теперь воспроизводит эти мелодии.

Он говорит, что недавняя находка манускрипта, которая содержит более 90 страниц этих мелодий, является величайшим музыкальным открытием, когда-либо сделанным. Особенно интересно отметить, что настоящие национальные песни Уэльса, так же, как и других английских провинций, мало отличаются от древних мелодий.

Найденный ценный документ подтверждает, что Уэльс многие столетия тому назад уже имел свою несравненную музыку. Если бы не находка этого древнего манускрипта, то, конечно, древние мелодии не могли бы быть утверждаемы".

Конечно, такие древние документы необыкновенно ценны. Могли они сохраниться лишь совершенно случайно. Нам приходилось видеть источенные червями как музыкальные, так и другие исторические документы с навсегда погибшими датами и конкретными указаниями. Кроме того, в некоторых народностях инструмент и голос обозначались своеобразно, например, волнистыми линиями. Вполне установить их точное значение можно, прислушиваясь к пока еще живущему фольклору.

Но ведь во многих местах фольклор уже не сохраняется. Кое-где он попал в недвижные отделы музейные, и лишь случайно на него наткнется музыкант или писатель, пожелающий оживить эти пергаменты и свитки. Каждый из нас знает, как в наше же время уничтожались ценнейшие музыкальные черновики и исторические письма.

Такое же небрежение к домашним артистам, конечно, бывало во все времена. Когда мы однажды хотели обратиться к семье, дед которой был замечательный художник, один умудренный друг наш сказал: "Не теряйте времени искать в семьях. Наверное, там-то уже ничего не осталось". Само собою, что суждение не всегда правильно, но горькая истина о небрежении к близкому, к сожалению, ведома многим народам. Потому-то так трудно бывает искать на местах. И всякая неожиданная счастливая находка является особенно ценной.

Так же точно, как в орнаментах люди выражали однообразно свои чувства, так же, как крик радости или ужаса будет извечным выражением, так же и мелодии человечества будут свидетельствовать о вечных истинах.

С начала текущего столетия в разных странах появились прекрасные общества по изысканию и старинной музыки, и

старинной литературы. Всем приходилось слышать отличные оркестры, исполнявшие на старинных инструментах мелодии уже вековые. И это вовсе не было чисто археологическим занятием. Это было радостным прикосновением к душе народов.

Так же, как в нашем современном орнаменте можно указать невольно повторенные древнейшие сочетания, так же и в странных мелодиях и музыкальных статьях часто звучит вовсе не примитивность, но тонкое и убедительное выражение чувств. Эти свидетельства заставляют нас еще бережнее заглядывать в прошлое и наблюдать чисто психические задания и выражения.

Только немногие невежды скажут: "Что нам до наших истлевших праотцев". Наоборот, культурный человек знает, что, погружаясь в исследования выражения чувств, он научается той убедительности, которая близка всем векам и народам. Человек, изучающий водохранилища, прежде всего заботится узнать об истоках. Так же точно желающий прикоснуться к душе народа должен искать истоки. Должен искать их не надменно и предубежденно, но со всею открытостью и радостью сердца.

18 Марта 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Вперед

Вчера пекинские научные организации чествовали Свена Гедина в его семидесятилетие. Такое признание со стороны Китая и других участвовавших стран — прекрасно. Именно этими путями взаимопонимания и признания куется широко сотрудничество целых стран. Во всей жизни Свена Гедина, во всей его устремленности и неутомимости звучит зовущее чудесное слово: "Вперед".

Возьмем Свена Гедина как понятие собирательное. Великому исследователю исполнилось семьдесят лет. Недавно сообщалось, что он приглашен на большое воздушное обследование Бразилии. Конечно, Гедин не отрицает и эту возможность. Сейчас он едет в свой родной Стокгольм. Но никто не думает, что он едет для того, чтобы, как принято говорить, успокоиться. И эта поездка для него будет лишь очередным этапом.

Не от того ли чудесного заклинания "вперед" исследователь выглядит так бодро?! Не этим ли приказом он преодолевает трудности и опасности? Никто не будет отрицать, что Свен Гедин сейчас является необыкновенно зовущим примером для молодежи. Посмотрите, сколько серьезнейших и увлекательнейших книг им написано. Какие незабываемые открытия им даны человечеству. Величественные Транс-Гималаи навсегда будут связаны с именем Свена Гедина.

Подобно подлинному викингу, он непрестанно устремлялся к славных мирных завоеваниях. Именно в таких явных, богатейших результатах звучит благословенный приказ — "вперед!"

Каждый, кто проследит от самого начала исследования Свена Гедина, справедливо будет поражен непобедимостью этого неповторенного духа. Когда обывательский ум может заподозрить какое-то окончание, тогда быль викинга оповещает лишь начало следующей блестящей главы.

В этом неустанном восходящем пути даже не хотелось бы произносить какие-то подробности, упоминать отдельные многочисленные открытия, перечислять опасности и преоборенные трудности. Все это необычайное научное завоевание дарится человечеству от щедрости неутомимой. В каждом путешествии Свена Гедина закладывается та или другая большая идея.

Без устали великий ум указывает на новые возможности, на новые пути, на возможный расцвет будущий. Великий ученый не может не быть и великим гуманистом. Чем шире ум — тем целостнее протекает перед ним река жизни. Можно радоваться,

что прекрасное исследование Свена Гедина оценено. Но также должно радоваться самому тому факту, что такая огромная сила работает теперь в наше время. Когда столько смущений и сомнений отемняет человечество, тогда светлый викинг неутомимо указует на увлекательные чудесные дали и говорит о путях сказочно широких.

Настоящее творчество всегда полно оптимизма. Творец не может быть в унынии. Строитель полон знания в избрании лучших материалов. Живое сердце понимает, как нужно сейчас дать людям возможность строения. Великая гуманная задача в этой вдохновительной помощи. Тот, кто может своими неисчислимыми трудами вдохновлять молодые сердца, тот, конечно, и сам может творить бодро. В нем не будет признаков усталости. В нем не будет ни сомнения, ни отчаяния. Он скажет во все времена упоительное светлое слово "вперед".

Этот клич не может быть сказан тем, кто не засвидетельствовал его своими трудами. Этот приказ будет не убедителен в выражении робости и колебания. Потому-то так драгоценны все те явления, которые в убедительной действительности могут развернуть знамя светлого приказа "вперед". Этому знамени люди могут приносить лучшие цветы. Этому призыву пошлют лучшую улыбку. Даже в серых буднях люди и возрадуются, и возревнуют о каких-то новых полезных трудах. Если исследователь, завершив седьмой десяток лет пути, и бодр, и радостен, и светло звучит на будущее, значит, светлое "вперед" было его руководящим знаком.

Саги и сказки говорят нам о героях, о чудесных строителях, о творцах добра и славы. Саги знают и лебедей белокрылых, и быстрых кречетов, и отважных орлов. Ученые разъясняют, что мифы есть отображение действительности. Мифы говорят об истинных жизненных героях, свершавших свои подвиги здесь, на земле.

Если мы можем убеждаться, что подвиг не есть нечто отвлеченное, но прекрасные деяния земные, то каждое напоминание о прекрасном пути земных достижений нас должно сердечно радовать, вдохновлять и вливать новые силы. Справедливо быть признательным всем тем, кто в земных путях светло сказал великое слово "вперед". Кто не убоялся, не умалился, но всегда обновляясь, как мифический Антей, усиливался от новых прикосновений к земле!

Будем же радоваться, когда видим здесь, среди нас, живой пример труда светлого, непоколебимого. Устремление живо священным зовом "вперед".

19 Марта 1935 г.

Пекин
"Нерушимое"

Благоухание

Сады, переставшие благоухать. Так сказала на своей лекции в клубе американских женщин мисс Эйскаф.

Она говорила: "В древние времена китайские богачи и административные лица взращивали сады, чтобы создать у себя дома иллюзию природных холмов и полей провинции. Наслаждаясь этим отдыхом и переменой обстановки в черте города, они доставляли удовольствие также и своим женам. Особенно для китайских женщин, принужденных вести замкнутую жизнь, эти сады были украшением жизни. При устройстве садов китайцы стремились подойти возможно ближе к подражанию тем пейзажам, которые им нравились. Эти сады не занимали большого пространства. Китайцы слишком ценили землю как площадь, пригодную для земледелия. Но на сравнительно небольшом участке земли искусство китайских садовников позволило им создавать подлинные произведения искусства".

Как на пример мисс Эйскаф указывает на сад некоего Кан Эна, взращенный им в пределах Шанхая в 1577 году: "В этом саду были ручьи, пруды, холмы, бамбуковая роща, субтропические цветы, павильоны и долины".

Говоря о китаянках, докладчица также высказывает сожаление, что в настоящее время они так же изменились, как и старинные сады. Как ни странно, хотя китаянки теперь несравненно больше эмансипированы, чем в прежнее время, они тем не менее утеряли многое в том влиянии, которое они имели в жизни страны. Раньше, почти нигде не показываясь, ведя затворнический образ жизни, они все же умели оказывать нужное им воздействие на своих мужей.

Лекция мисс Эйскаф приобретает тем больший интерес, что докладчица является известной переводчицей древних китайских поэтов, занимая пост почетного библиотекаря Королевского Азиатского общества, замечает газета.

Когда однажды меня спросили, какая разница между Востоком и Западом, я сказал: "Лучшие розы Востока и Запада одинаково благоухают". Нам приходилось читать очень осудительные книги о разных странах. Каждое такое суждение вызывало отпор из страны осужденной. Появлялась новая, иногда очень спешно написанная книга, полная самых ужасных приговоров.

Один собиратель книг показывал в своем книгохранилище особую полку разноцветных книг, говоря: "Здесь собрание

осуждений". Книги так и были подобраны в порядке отрицаний и осуждений.

Собиратель-философ очень ценно отметил в этой последовательности, насколько распространяется яд осудительного приговора. Хронологически рассматривая эти своеобразные накопления, можно было видеть и прогрессию злобной отравленности. В осуждениях своих авторы спешили погружаться лишь в отрицательные стороны. Допустим даже, что они не хотели намеренно лгать, но сделали лишь своеобразный словарь отрицаний. Подчас так их порицательные собирания напоминали того некоего шутливого критика, который из целого тома подсчитывал, сколько раз там было употреблено отрицательное "нет" и патетически заключал: "Разве может быть хорошей книга, в которой 700 раз сказано "нет"?"

Конечно, в своем осудительном настроении критик не пытался подсчитать, сколько раз в той же книге было сказано "да". Во всяком случае, когда вы видите целый отдел книгохранилища, составленный из взаимных отрицаний, то становится жутко. Ведь одни отрицания не утешительны, думается, что без произнесения панацей мы и не имели права осуждать.

В сложности жизни можно находить новые уродливости, и все-таки мы не в состоянии будем сказать какое-то общее осуждение. Автор "Доброй Земли" пытался противопоставить два как бы взаимоисключающих течения. Это уже не есть осуждение, но сопоставление. Вообще мы не должны говорить просто худо без того, чтобы сказать, что хорошо или как можно сделать хорошо.

В каждом саду бывают периоды, когда цветы не распустились и когда даже ни листьев, ни почек не видно, и садовник вас предупредит, что через три месяца вы бы уже и не узнали такого сада. Все расцветет, все распустится, все примет новые формы. Зимний рассказ о летних садах всегда будет носить особое словесное выражение. Зимою особенно мечтается о лете.

Также и о женском труде, о назначении женщин. Часто требуется от женщины все большего и большего ввиду того, что внутренне ей отводится значение особое. Сейчас повсюду говорится о равноправии женщины. Уже как-то старообразно звучит эта формула. Уже становилось невозможным вообще говорить о ней. А как же иначе, где же может быть недопускаемо равноправие? Иногда принято говорить о том, что бабушки знали что-то лучше своих внучек. И это сравнение будет совершенно условно. Лучшие розы одинаково прекрасны. Вот уже за окном зеленеют почки, вот уже покрываются вишни цветочным убором,

и не может быть сад без благоухания.

Лишь бы был сад, лишь бы процвели пустыни, лишь бы вышли опять наружу животворные подземные реки. Сады будут благоухать.

19 Марта 1935 г.

Пекин

"Нерушимое"

Калган

Казалось бы, что писать о Калгане. Очень многим это место знакомо. Торговые люди, пушнинники и всяких местных продуктов, шерсти и кишок поставщики слишком хорошо знают эти места. Но для нас в Калгане было три обстоятельства, которые всегда хочется отметить.

Когда вы выезжаете за Великую Китайскую Стену, то сколько бы раз вы ее ни видели, всегда подымается особенное ощущение чего-то великого, таинственного в своем размахе. Только подумать, что за три века до нашей эры уже начала созидаться эта великая стена со всеми ее несчетными башнями, зубцами, живописными поворотами — как хребет великого дракона через все горные вершины. Невозможно понять сложную систему этих стен с их ответвлениями и необъясненными поворотами, но величие размаха этой стены поразит каждого путника, поразит каждый раз.

И второе обстоятельство для нас незабываемо. Ведь Калган даже и по значению своему — врата. Он и есть врата в милую нам Центральную Азию. Все горы и возвышенности, окружающие Калган, уже действительно средне-азиатские. Самый воздух этого плоскогорья уже тот самый, который доходит и до великих высот. Караван, выходящий за Калганские Стены, — ведь это тот самый средне-азиатский караван.

Нагромождение стен около калганской цитадели уже полно далеко ушедшими веками. Да, это несомненно врата в Центральную Азию, врата, знавшие славного Чингиса, свидетельствовавшие о великих движениях. И это обстоятельство для нас было милым.

Китайские власти никаких затруднений не делали. Наоборот, все визы были устроены без промедлений. Нам это особенно приятно, ибо является полною противоположностью тому, что когда-то мы претерпели в Хотане от дао-тая Ма. Не будем вспоминать о препятствиях, нам чинившихся, тем более, что, как говорят, он уже не жив. Но и тогда среди препятствий и задержек я повторял в моих книгах, что такое отношение мы не принимаем как отношение Китая. Везде и всюду могут быть отдельные неприятные личности. Теперешние встречи подтверждают мои соображения.

Стоим в гостеприимной американской миссии методистов. Глава миссии ¬старый швед Содербом делает для гостя остановку незабываемо радушной. И другой его сотрудник Дэй, молодой, откровенно сердечный готов поделиться добрым советом. Тут же

и представитель генерала Хорвата, и привлекающий к себе сердечное расположение китаец Чжу.

Из окон миссии широко раскидывается Калган, а на взгорьях окружающих ¬опять толпятся старые сторожевые башни. Правда, клубится лессовая мелкая пыль, и уже нужно запасаться теплым. Но это пыльное облако пролетит. Вечером необыкновенно прозрачно лиловеют горы и ало пылают под заходящим солнцем песчаные склоны.

До трав еще далеко, а до семян еще дальше. И не близки еще монастыри с целительными записями, но врата уже пройдены. За воротами — бодрость.

Оказывается, и дальше найдутся и почтовые, и телеграфные возможности. Еще не знаем, где встретим наших бурят и монголов. Еще вдали убегает последняя ниточка поезда, но ворота уже пройдены.

* * *

"Ни один великий человек не пострадал столько, как Конфуций, от глупости, лжи, извращения, от отсутствия симпатии и благородства, а в особенности и от глубокого невежества его осудителей", — так говорит Л.Джайлс и продолжает:

"Конфуций был князем философов. Мудрейшим из мудрецов. Высоким моралистом, высокого и глубокого интеллекта, когда-либо появлявшегося на свете. Он был и государственный муж, и бард, и историк, и археолог. Его широкая объемлимость могла бы устыдить самых знаменитых древних и новейших философов".

Затем тот же автор справедливо указывает, что для вящей славы Конфуция послужили не годы его признанности, но, наоборот, время, в которое он подвергался особым нападкам, клевете и осуждению. Но сравнительно в недавнее время с великой фигуры Учителя была снята пыль веков. Итак,

даже этот, в конце концов, очень ясный и жизненный философ непременно должен был пройти через закалку клеветою.

Эти строки о Конфуций особенно вспомнились при проезде Великой Китайской Стены. Стена действительно великая, и философ — Учитель жизни тоже действительно великий. Разве не странно, что этот вестник мира должен был иметь всегда запряженную колесницу, будучи готовым бежать от нежданных преследований.

Только подумать, что именно Конфуцию в его время применялись названия шарлатана и лживца, а в лучшем случае

его называли мечтателем и осуждали за неприменимость жизни. А этот мечтатель на вопрос о том, что такое небо, отвечал: "Как я могу судить о небе, когда я еще не знаю столько земных вещей". В конфуцианском словаре часто встречается выражение "джен", которое переводится или добродетелью, или доблестью. Так оно выражено в первых английских переводах. При этом сами исследователи не скрывают, что такое определение лишь относительно за неимением лучшего выражения. Для нас это понятие будет скорее словом "подвиг" во всем его высоко строительном значении.

Выходя за Великую Стену, хотелось подумать о чем-то великом, и мысль о великом мудреце Конфуции была особенно близка.

* * *

Построение Великой Стены обозначено замечательным сказанием. Для защиты государства был пущен белый конь, и там, где прошел этот светлый посланец, там через все хребты и была воздвигнута Великая Стена. Опять-таки белый конь.

21 Марта 1935 г.

Калган

"Врата в Будущее"

Великаны и карлики

"Телеграмма Рейтера из Бомбея сообщает, что индусская археологическая комиссия нечаянно обнаружила в районе Батнагара (княжество Барода) окаменелые останки невиданно маленького пигмея: рост этого взрослого человека при жизни не достигал 15 дюймов. По любопытному совпадению, в том же пласте рядом с окаменелым скелетом карлика найден окаменелый скелет столь же крошечной коровы, длина которой равняется 18 дюймам. Возле них лежат миниатюрные кремневые инструменты и тросточка длиною в 10 дюймов.

Подлинность находки не вызывает в ученых, открывших необыкновенные останки, никаких сомнений. Речь может идти лишь о том, что найдены останки не представителя карликового племени и карликовой породы коров, а случайные патологические экземпляры недоразвившихся существ.

В связи с находкой газеты вспоминают место из "Илиады", где говорится о существовании "народа крохотных людей, живущего в далеких южных землях". Легенда, на которую ссылался Гомер, повествовала как раз об Индии.

Самые мелкорослые племена, известные современной науке, живут в Центральной Африке. Доселе самыми маленькими считались пигмеи из бельгийского Конго, средний рост которых все же почти достигает четырех футов. Недавно испанские антропологи обнаружили в бывшей немецкой колонии Камерун карликовое племя, средний рост представителей которого немногим больше трех футов.

Ученым известно несколько уродов, рост которых был еще меньше. Но были лишь отдельные индивидуумы. Самыми крохотными людьми, известными теперь, считаются два карлика, выступающих в Европе и в Америке на открытой сцене. Каждый из них меньше двух футов ростом.

Английские ученые, узнав о находке в Барода, заявляют, что сообщение столь удивительно, что они его считают фантастическим.

Итак, для начала изысканий какие-то ученые сочли это известие фантастическим. Конечно, мало ли странных, неизвестно откуда почерпнутых известий появляется в печати. Но, в конце концов, почему принцип карликовых существ должен так противоречить всему сущему?

До сих пор мы видим и почти карликовые племена, и людей необыкновенно малого роста, о причине которого судить не приходится. Сплошь и рядом упоминается о том, что нынешние

маленькие ящерицы являются потомками гигантских ящеров доисторических времен. Наряду с этими карликовыми породами, которые выражены и в растительном царстве, мы до сих пор встречаем настоящих великанов, далеко превышающих обычный человеческий рост. Помню в Монголии одного такого великана, обращавшего на себя всеобщее внимание. Значит, и преувеличенные размеры против нормального существуют. В конце концов, говоря о нормальных размерах, правильнее было бы сказать — средний размер.

Еще недавно в газетах сообщалось о какой-то ферме, где почему-то народились многие животные неестественного вида. Конечно, является странным, почему такие аномалии приурочиваются к одному месту. Не значит ли это, что, кроме внутренних условий, могут влиять и какие-то внешние обстоятельства? Во всяком случае, окажется ли объявленная находка в Индии подлинной, но известие о ней заставляет еще раз вспомнить все сказания о карликах. При этом весь нибельгейм[74] не считался чем-то сверхъестественным.

Древнейший фольклор знал об этих племенах. Рассказы о мулу-курумбах в Южной Индии так же точно никого не удивляют, как и высокий рост тодов и гималайских пастухов, и гучжаров, так же, как и другие крайности, часто приурочены к определенным местностям и, во всяком случае, являют собою вовсе не сказку, а разнообразие действительности.

Сколько насмешек было по поводу пресловутого чудовища Лохнесса, и тем не менее все время оказываются новые свидетели, подтверждающие его существование. Наконец, и само море начало выбрасывать новые виды обитателей глубин. Кто-то заявил в газетах, что это были не чудовища, но новые виды. В конце концов, это просто игра слов, чтобы выразить нечто, дотоле неизвестное.

Каждое сведение о чудесном, иначе говоря — необычайном, действует особенно вдохновляюще. Каждое такое сведение усиливает уверенность в размерах еще неизведанного. Мужество порождается в каждых новых возможностях, и новая зоркость должна быть обострена каждым путником.

Вышедший искать карлика, может быть, найдет великана. Вышедший искать аэролит, может быть, найдет алмаз. Следящий за полетом бабочки, может быть, откроет новый вид растения. Поистине, зоркость должна быть обострена. Внимательно должны быть выслушаны сказания и песни, и должно быть подумано, почему люди выражают что-либо в тех, а не в иных словах.

От начальных дней школы следует вдохновлять молодые сердца к исканиям, открытиям и преуспеяниям. Esse, Scire, Velle!

[75]

23 Марта 1935 г.
Калган
Публикуется впервые

Памятные дни

О днях знаменательных имеются разные мнения. Одни не хотят удержать их в памяти, считая уже в прошлом, но для других именно такими памятными днями держится под благодатными вехами прямой путь в будущее. Попробуйте спросить друзей, хотят ли они отбросить память о тех днях, которые навсегда стали и стражами, и вестниками.

Обращаясь к нашему памятному дню, разве не знаменательно, что одновременно он будет вспомянут и в Индии, и в Китае, и в Америке, и в Латвии, и во Франции, и в Югославии, и во многих странах, где имеются наши общества? Еще раз друзья, друг другу невидимые, почувствуют объединительное крепкое звено. Никогда, как теперь, не требуется так повелительно обращение ко всему объединяющему. Это не будет условностью, не будет суеверием, но будет сиять, как знамя утверждения дружбы и сотрудничества.

Сколько раз приходилось поминать о целительных следствиях мысленного единения. Люди не сразу овладевают тем, казалось бы, простейшим осознанием, что именно мысль творит. Еще совсем недавно пришлось слышать от человека, казалось бы, занятого духовными предметами, удивление о том, что мысль значительнее слова и действия. Он признался, что об этом ему никогда не пришлось подумать. Между тем именно занятие духовными предметами должно бы прежде всего навести мысль на это исконное соображение.

Именно в памятные объединительные дни еще раз вспомним, как прочно и доброкачественно объединит всех нас мысль, направленная к одному благу. Конечно, мы все уже достаточно знаем, насколько необходимо мысленно объединяться, насколько творяща мысль добра. Но в памятный день, ради которого мы и соединились в сотрудничестве, должна быть особенно четка мысль дружбы, сотрудничества и несломимого преуспеяния. И не будет самости в этой мысли, ибо не о себе зазвучит она, но об общем строении. И не будет ни малейшего сомнения в этой мысли, ибо никакого другого пути и нет в сознании блага. И не будет никакого раздражения в этой мысли, ибо все знают вред самоотравления. И будет в этой мысли торжественность, когда развертывается знамя с начертанием великим. Удержать в себе торжественность, не запылить ее рутиною каждодневности — будет признаком осознания служения. И сохранить бодрость духа будет качеством пути.

Все знают, как ценно твердое сознание о наличности хотя бы

и невидимых, но верных друзей. За дальностью расстояний, конечно, подумают они в разные часы, но все же это будет в течение одного дня. Радостно представлять себе, как именно вспомнят памятный день в разных частях света. Наверно, вспомнят его цветами, вспомнят собраниями, задушевными беседами. А если кто и в одиночестве окажется к этому дню, то он окружит себя изображениями и светлыми воспоминаниями, и сияющими устремлениями.

Памятные дни в духовном и в государственном, и в семейном значении утверждают торжественность жизни. Люди омываются, приодеваются и телесно, и духовно, и каждый вносит в жизнь, ставшую обычной, луч особенный. Среди лучших мысленных посылок всегда будет сиять и мысль о мире всего мира. Все религии, все верования в своих выражениях запечатлевают это моление. Великими трудами и борениями слагается мир всего мира. И тем не менее каждое человеческое сердце отзвучит на этот светлый приказ.

И в наш памятный день вспомним и о мире всего мира. Сделаем в каждом доме нашем знак этого стремления. Пусть в каждом книгохранилище будет избранный отдел о мире. Пусть туда начнут накопляться книги и писания, относящиеся к этому великому молению. Если в каждом книгохранилище будет сиять надпись о мире всего мира, то тем самым этот клич повторится еще и еще во всех концах земли. О мире всего мира.

24 Марта 1935 г.

Калган

Публикуется впервые

За великой стеной

"В пути со своими учениками Конфуций увидел женщину, рыдавшую около могилы, и спросил о причине скорби. "Горе, — отвечала она, — мой свекор был убит здесь тигром, затем мой муж, а теперь и сын мой погибли тою же смертью". "Но почему вы не переселитесь отсюда?" "Здешнее правительство не жестоко".

"Вот видите, — воскликнул учитель, — запомните: плохое правительство хуже тигра".

"Какие основы хорошего Правительства? Почитай пять превосходных, изгони четыре мерзкие основы. Мудрый и хороший правитель добродетелен без расточительности; он возлагает обязанности, не доводя народ до ропота; желания его без превышения; он возвышен без гордости; он вдохновителен и не свиреп. Мерзости суть: жестокость, держащая народ в невежестве и карающая смертью. Притеснение, требующее немедленного исполнения дел, не объясненных предварительно. Нелепость, дающая неясные приказы, но требующая точного их исполнения. Препятствие производством в скупости правильного вознаграждения достойных людей".

"Познавать и прилагать в жизни изученное — разве это не истинное удовольствие? Прибытие друга из далекой страны — разве это не истинная радость?"

"Человек без сострадания в сердце — что общего он имеет с музыкой?"

"Благородный ни на мгновение не отступает с пути добродетели. В бурные времена и в часы напряжения он спешит по тому же пути".

"Человек знания радуется морем, человек добродетели радуется горами. Ибо беспокоен человек знания и спокоен человек добродетели".

"Человек духовно добродетельный, желая стать твердо, разовьет твердость и в окружающих. Желая быть просвещенным, он озаботится просвещением ближних. Чтобы сделать другим то, что он желает себе".

"Искренность и правда образуют желание культуры".

"Благородный человек выявляет лучшие стороны других и не подчеркивает дурных. Низкий поступает обратно".

"В частной жизни покажи самоуважение, в делах будь внимателен и заботлив, в действиях с другими будь честен и сознателен. Никогда, даже среди дикарей, не отступи от этих основ".

"Благородный тянется кверху, низкий устремляется вниз".

"Благородный человек не знает ни горя, ни страха. Отсутствие горя и страха — в этом знак благородства! Если в сердце своем он не найдет вины, чего горевать ему? Чего страшиться ему?"

"Сделай сознательность и правду ведущими началами и так иди творить обязанности о твоем ближнем. Это высокая добродетель".

"Смысл милосердия в том: не причиняй другим то, чего не желаешь себе".

"Благородный заботится о девяти основах. Видеть ясно. Слышать четко. Глядеть дружелюбно. Заботиться о низших. Быть сознательным в речи, быть честным в делах. В сомнении быть осторожным. В гневе думать о последствиях. При возможности успеха думать лишь об обязанности".

"Духовная добродетель заключается в пяти качествах: самоуважение, великодушие, искренность, честность и доброжелательство. Докажи самоуважение, и другие будут уважать тебя. Будь великодушен, и ты откроешь все сердца. Будь искренен, и поверят тебе. Будь честен и достигнешь великого. Будь доброжелательным и тем сообщишь и другим доброе желание".

"Благородный сперва ставит праведность и затем мужество. Храбрец без праведности — угроза государству".

"Отвечай справедливостью на несправедливость и добром на добро".

"Основа милосердия делает место привлекательным для житья".

"Благородный человек не имеет ни узких предрассудков, ни упрямой враждебности. Он идет путем Служения".

"Благородный прилежен в познании пути Служения, а низкий человек ¬лишь в делании денег".

"Мудрец медленно говорит, но быстро действует".

"Все люди рождаются добрыми".

"Смысл высокой добродетели. В жизни веди себя, как бы встречая высокого гостя. Управляя народом, веди себя как на торжественном священном Служении. Чего не желаешь себе, не причиняй другим. Как на людях, так и дома, не выражай злую волю".

"Кто грешит против неба, не может рассчитывать ни на чье заступничество".

"Можем выйти из дома лишь через дверь. Почему не пройти жизнь через врата добродетели?"

"Разве далека добродетель? Лишь покажи желание о ней, и вот она уже здесь".

"Чей ум уже испытан против медленно приникающего яда клеветы и острых стрел оговоров, тот может быть назван ясновидящим и дальнозорким".

"Вывести неподготовленных людей на битву — все равно, что выбросить их".

"Если человек всюду ненавидим или он повсюду любим, тогда необходимо ближайшее наблюдение".

"Ваши добрячки — воры добродетели".

"В 15 лет мой ум склонился над учением. В 30 лет я стоял прочно. В 40 лет я освободятся от разочарований. В 50 лет я понял законы Провидения. В 60 лет мои уши внимали Истине. В 70 лет я мог следовать указу моего сердца".

Итак, познавание, освобождение, понимание законов, внимание Истине ¬все привело к следованию указам сердца. Это кратчайшее и полнейшее жизнеописание кончается сердечною молитвою о путях праведных. И не пожалел великий философ о том, что была в запряжке колесница его. Кони взнузданные, готовые домчать до путей сердца, были уже благословением. Не к великим ли домам должна была нести колесница не изгнания, но достижения?

Княжеское освобождение от горя и страха, мощь Тао умостили путь прочный. "Бестронный король", — так называли Конфуция. Не он ли на колеснице шествует по Великой Стене в страже несменной?! Не его ли кони следуют по следам белого коня Великой Стены? Кто его видел? Кто уследил его всходы и спуски? Поверившее сердце за белым конем прошло стремнины и горы. Не предрешим ход коня.

Ко всем своим путям Конфуций мог прибавить еще одно заключение. Все враги, его гнавшие, были людьми темными и мерзкими. Имена их или стерлись, или остались в истории на черном листе. Значит, и в этом отношении праведность Конфуция и утверждена, и прославлена историей.

Только что сообщалось: "Работа по реставрации Мавзолея в Чуфу обсуждалась шантунгскими властями".

"Обширные работы по восстановлению Мавзолея Конфуция в Чуфу в Шантунге были решены в заседании в присутствии представителя Нанкинского Правительства. Провинциальные власти, кроме сотрудничества по восстановлению Мавзолея Конфуция, который находился много лет в небрежении, также избрали Комитет для восстановления Дня Конфуция повсеместно в Китае. Сообщается, что Центральное Правительство даст особые почести потомку великого мудреца".

Опять победа Конфуция. День, посвященный ему, будет днем Культуры.

Странно читать известие, где так скорбно и обычно говорится о том, что Мавзолей Конфуция в течение многих лет оставался в небрежении. Что это значит в течение многих лет? Какие именно потрясения и перемены заставили забыть даже о величайшей гордости Китая? Впрочем, это забытие лишь односторонне. Может быть, Мавзолей и был забыт, но память и заветы Конфуция продолжали жить, ибо Китай без Будды, Лаоцзы, Конфуция не будет Китаем.

Какие бы новые познания ни входили в жизнь, все же устои древней мудрости остаются незыблемы.

Монголы могут узнать много новых вещей, но имя Чингисхана и его наставления будут жить в сердцах народа, и само это имя произносится с особым вниманием. Так же точно, как когда-то мы писали о звучании народов, так и памятные имена и места все же жить будут.

Конечно, надо предполагать, что Мавзолей Конфуция уже не может опять впасть в небрежение, ибо страна в своем развитии все глубже и выше будет беречь всегда живые заветы мудрого. И действительно, какой бы вышесказанный завет ни вспомнить, он одинаково будет касаться и к нашему времени.

Лишь в очень отсталых умах не будет понятна разница между отжившим и вечным. Пусть и до сих пор лучшие заповеди не исполняются — это не значит, что они не должны были быть даны, а сейчас повторены. Уже чего проще: "Не убий", "Не лги", "Не укради", а каждый день и эти повелительные Заветы не исполняются. Что же?

Отставить ли их за неприменимостью? Или продолжать настаивать? Впадать ли в одичание или настойчиво выплывать на гребень волны? В наставлениях Конфуция нет безвыходного осуждения. Как и все благие наставления сказаны им близко к жизни. Если он отставляет что-либо, то только для того, чтобы выдвинуть нечто лучшее и более полезное. Подчас наставления Конфуция обсуждались несправедливо, и им приписывался смысл, явно не относящийся к их содержанию. Это значит, что кто-то подходил к рассмотрению его заветов с какой-то предубежденностью.

Но рассматривая большого человека, неуместна ни предубежденность, ни преувеличенность. Пусть будут приняты во внимание действия и слова в их полном значении. Конечно, говоря о последнем значении, мы не должны забывать, что во всех языках, а в том числе и в китайском, и в санскрите, есть свои непереводимые выражения, которые можно понять и изложить, лишь вполне освоившись как с языком, так и с устоями местной жизни. Сколько бедствий произошло из-за переводов, из-за

толкований!

Всякие злотолкования и умышленные извращения — ведь они должны быть судимы как умышленные преступления против чужой собственности! Иногда же эти умышленные извращения равны покушению на убийство. Из жизнеописания Конфуция не видно, чтобы он впадал в отчаяние или страх.

То, что он был вынужден держать колесницу наготове, обозначает лишь его предусмотрительность для вящей полезности будущих действий.

"Я молиться уже начал давно", — так отвечал Конфуций при одном важном обстоятельстве. Неоднократно в жизнеописаниях Конфуция употребляется выражение, что жизнь его была непрестанной молитвой. Торжественно он переплывал океан. Потому-то, оборачиваясь на Великую Стену, мы опять вспоминаем Конфуция как признак Китая. Мы уверены, что предположенный день Конфуция выльется в настоящее торжество Культуры.

29 Марта 1935 г.

Цаган Куре

"Врата в Будущее"

Эрдени Мори

Видели белого коня Святого Егория.

Видели белых коней Флора и Лавра.

Видели белых коней Световита, и на белых конях мчались валькирии. Слышали о коне Исфагана. Видели стерегущих храмы оседланных коней Арджуны. Слышали о коне Гесэр-хана, даже видели удары подков его. Знали коня Химавата с огненной ношей Чинтамани.

На картинах китайских олени несут то же пламенное сокровище. Словно бы олень Святого Губерта. И поступь коня белого очерчивает пределы государства. И опять герои на белых конях. И в Монголии Цаган Мори ¬белый конь — будет отмечен всякими сказаниями. Мчится на нем и Ригден-Джапо, и в отсветах пламенных конь становится огненным. И когда народ ожидает будущее с одной стороны, Великий Всадник обращает лица ждущих в сторону другую — туда, куда нужно.

Именно белый конь в сказаниях народа принадлежит герою. Именно белому коню предоставлено и одному ходить, принося великую весть.

Когда-то рано погибший Леонид Семенов-Тяньшаньский принес мне свою огненную поэму "Белые кони". Поэт не знал тогда о легендах белого коня. Несмотря на азиатскую фамилию, полученную от деда, поэт был далек от Азии. Но он был настоящий поэт и потому своими путями пришел к восточному сознанию.

Помню беседу с Владимиром Соловьевым у Стасова, когда обсуждалась моя картина "Световитовы кони", а философ приговаривал, теребя свою бороду: "Восток, Восток!" Конечно, все помнят его пророческое стихотворение о Кукуноре.

На скифских бронзах кони занимают такое существенное место. Конечно, они — носители быта. И в сказках коню приписываются вещие качества. Богатырь влезает в одно ушко и усиленным, мудрым вылезает из другого. Конь в сагах предупреждает воина. И в курганах конский костяк не расстается со своим хозяином.

* * *

Из предсказания мудрого монгольского пророка Молон-Бакши, записанного его внуком Санги Цибиковым, переведенного монголом Шагдаровым и Шондор Дабаевым:

"В год цикла свиньи будет землетрясение. В год собаки будет брожение среди начальствующих и власть имущих. В хате родится великий. Хан проедет, не привлекая к себе постороннего внимания. Мимо же дома будут проходить войска. Люди, не имеющие потомственного рода и звания, станут у власти и будут править народом. Честные люди удалятся и займут место у порога, тогда как лживые займут место в доме.

Наступит время, когда истина уступит место лицемерию. Змей пятнистый съест голову свою, а змей же краснопегий — мясо своего туловища.

Лошадь, съедая свой зад, съест и голову свою. Отсюда начальник, присваивавший народное достояние, поплатится своею головою.

Дальше наступит время, когда деревянная телега будет стоить с коня, а простая — с быка.

Плохому коню путь далек, а скупому человеку друг далек. Как у мертвого нет звания, так и у бедного нет имущества. Топором, не имеющим обуха, будешь колоть дрова. Свет земной окутает железный змей, но зато весь мир — огненный змей.

В 1903-4 годах произойдет большое событие. В год быка будет большое событие. В год тигра произойдет уничтожение. В год зайца будет год терпения и выносливости.

По восточным окраинам будут грабежи, ибо начальник пустит волка на стадо баранов, загнанное во двор.

Наступит время так называемое "ни мое — ни твое", будет нужен медный котел и кожаный сундук. Ко времени переселений повсеместно будет огненный змей. На стороне восхода солнца обнаружится белый камень с надписью. Вырубишь топором эту надпись — она не исчезнет, она появится снова.

Дальше этого камня будет пустыня, до которой дойдете. Достигшие этой страны люди станут людьми, а животные — животными. Будет трудно старикам и малым. Вещи будете вьючить даже на быках, на коровах и на лошадях. Иконы и книги будете носить на себе. Для стариков будете сушить мясо и жарить зерно; пить черный чай — питательно".

Со слов Селаринов Молон-Бакши предсказал, что позже придут два-четыре человека, которые подавят своих бунтовщиков и будут созидать религиозные государственные правопорядки.

Молон-Бакши скончался, достигши восьмидесяти лет, в год быка. Его песнь была:

"По правой стороне Селенги
Почему качается камыш?
По той стороне Худара
Почему качается камыш?

И, предчувствуя в жизни страдания,

Почему мне чувствуется печаль?"

Веспевая эту песню, он, бывало, рыдал.

Вот и еще:

"Великий Киданьский народ не погибнет. Он узнает народ Шамбалы. Он принесет очень старательно священные изображения и порядки государственные.

От белого камня он прочтет и позовет Ихе Бакшу рассказать слово Истины.

Как от великих костров, засияет надпись на камне. Что это идет? Отчего качается ковыль? Что же шествует?

Эрдени Мори сам идет. Эрдени Мори сам выступает. И люди не останутся в прежнем положении.

Что же светит поверх ковыля? Отчего стали светлыми обоны? Отчего засиял большой субурган?

Там, где прошел Эрдени Мори, там засветился ковыль. Там замолчали волки. И полетели кречеты очень быстро".

* * *

Издавна ходит Эрдени Мори, и светит его сокровище. На восходе и на закате солнца затихает все, значит, где-то проходит великий конь белый, несущий сокровище. Пока народы знают о суждением сокровище, они все же останутся на пути. Путь их, хотя бы и долгий и не обычный ¬неизбежен. Так же неизбежен, как служение совершенствования. Кому-то ¬сказки. А кому-то — быль. Кто-то убоится. А кто-то развернет страницы книги принесенной.

И голубиная книга с небес упала. И сокровище сверху пришло. И не сразу нашли мудрого для прочтения книги. И разные народы помнят об этих принесенных благовестях. И всем чернопегим невыносим Свет. Почему они так ощетинились? Ведь они ужасаются о себе самих, когда не прочли книги, когда отвернулись от Света. И, отвернувшись от Света малого, разве выдержат их глаза Свет Великий разогревшийся, Свет просиявший!

Менхе Тенгри!

Уж так широка пустыня Монгольская! Уж так необъятна степь! Уж так несчетны горы, холмы, гребни, буераки и складки, где захоронена слава!

Точно бы и пустынна ширь, а на склоне вырастет становище. Гляди, затемнели юрты, или нежданно выглянул белый-пребелый монастырь или субурган. Или засинело озерко.

Словно бы вымерла пустыня. Но скачут всадники в ярких кафтанах или в желтых курмах и красноверхих шапках. Серебром выложенные седла, не служили ли они и при Чингисе? Только где саадаки, колчаны? Где стрелы?

Где же и прочие живности? Но тянется темная черта каравана. Чернеют стада яков. Рассыпались табуны конские. Забелели на солнце отары баранов, а не то замелькали дзерены, мчась по холму. Или юркнул в нору тарбаган, или бурундук. Верблюды, волки, лисицы, зайцы, мало ли всякой живности…

И птиц точно бы нет. Только разве беркут чертит круги. Или запестрят в небе вороны или клушицы. Или жаворонок зальется. Или перепел вспорхнет. Или от воды потянут турпаны, гуси, утки, куличье всякое… Или вытянется из ковыля дрофа. Или замашут крылами журавли и цапли… Есть и птицы…

Откуда же молчанье твое, пустыня прекрасная? От высоты ли твоей? От необъятности? От чистоты голубого небесного купола, от великого Тенгри, милостивого к Чингису?

Ночью горят все звездные палаты. Сияют все чудные знаки. Открыта Книга Величия. За горою полыхнул луч света. Кто там? Там кто прошел? Не Эрдени Мори?

31 Марта 1935 г.

Пинцог Деделинг

"Врата в Будущее"

Легкие трудности

Особенно трудно бывает людям переменять условия быта. Невольно вспоминается древняя поговорка, что "старую мебель не следует передвигать". Но пословица мудро определяет, что не следует передвигать нечто старое. Значит, всякие трудности относительны лишь нашему сознанию. Действительно, очень часто люди говорят о трудностях, создав их в своем воображении и утвердив их предубежденным сознанием.

Городской житель, обуянный условностями городского комфорта, считает, что жизнь в шатрах или в юртах будет самым ужасным существованием. Если он с таким предрассудком попадет в условия степной жизни, то, конечно, он сам же и надстроит всякие ужасы. Если же он придет во всякие условия с представлением о том, что люди живут везде и условия жизни создают они сами, то и все миражи ужасов рассеются. Недаром дети, пока они еще не заразились условными суевериями, так стремятся к передвижению, к познаванию и легко приспособляются ко всевозможным условиям.

Кто знает, что, может быть, все переселения народов, созданные последствиями великой войны, — не что иное, как урок — испытание для обновления и расширения сознания. Вспоминаю, как одна просветленная высокодуховная женщина когда-то ужасалась, что неужели ей придется пробыть всю жизнь в благополучных городских условиях. Действительно, если представить себе, что все обитатели Земли дошли до маленького благополучия, то ведь в этой маленькой ограниченности будет заключаться великая опасность омертвления. И вот великий перст указал народам опять пространствовать, опять встряхнуться для восприятия обновленно-углубленных строительств.

За все эти годы всякому, видевшему многих людей, приходилось убеждаться в существовании двух определенных типов. Одни выплывали даже среди неимоверных опасностей. И не только выплывали, но и приносили посильную пользу окружающим. Несмотря на семейные и всякие имущественные положения, они оставались и бодрыми, и светлыми, и дружелюбными. Другой же тип даже и при посторонней помощи все же шел книзу. Не мог примириться с изменением условий и наименований. Не только считал себя несчастным, но и вносил то же серое, скучное несчастье среди окружающих.

Всякое передвижение для этих людей было уже каким-то наказанием свыше. Они не только не познавали новые местные условия, но погрязали лишь в неосновательных осуждениях всего

для них непонятного. Одним из главных утешений для них оставалось взаимоосуждение и взаимоумаление, точно бы, умаляя кого-то, они надеялись тем возвыситься сами. Вместо того, чтобы научиться приспособиться, понять, сострадать и продвигаться, они предпочитали медленно погружаться на дно, как в старой украинской пословице: "Не трать, куме, силы напрасно, опускайся прямо на дно".

Такие явления, как мы видели за эти годы, не относились к какой-либо одной народности. Они были чисто международным явлением, из которого живые духом могли научаться в жизни преимуществам действенного оптимизма и ужасам невежественного пессимизма. Конечно, эти два основных типа человечества, один ведущий, преуспевающий, одухотворенный, а другой — омертвленный, невежественный, погрязающий, были всегда. Но годы особого мирового смущения лишь выявили их с особою четкостью.

Опытные воспитатели всегда понимали, что детей нельзя отрывать от природы, ибо лишь в ней они сохранят подвижность, находчивость и решимость. Мудрый врач всегда советовал горожанам держаться ближе к земле, и последствия таких мудрых жизненных советов мы видели часто. Всякие соколы, скауты, разведчики, костряки и другие здоровые сообщества, выводящие горожан в природу, явились одним из самых здоровых явлений последних лет. Все, что призывало к дружественному костру, у которого все должно было быть сделано самим, все это укрепляло дух. И не только все должно было быть сделано самим, но и все должно было быть обдумано в какой-то новой, а может быть, и лучшей мере.

Изобретательность должна быть упражняема. Кто знает, мог ли бы образоваться такой великан изобретательности, как Эдисон, если бы он оказался в маленьком городском благополучии. Каждый из нас видел много примеров, когда даже более или менее способные люди были заедаемы обстановкою пошлого благополучия. Помню, как один выдающийся педагог, выпуская в жизнь своих питомцев, говорил некоторым из них: "Жалею, что родители ваши богаты, как бы вы не попали в золотую клетку". А другим он говорил: "Не отягощает металл крылья ваши. Летите высоко и далеко".

Как бы в оправдание этих советов, вдруг затряслись условные ценности. Даже такое прибежище, как земельные бумаги, и те оказались как бы в землетрясении. Некий житель во время землетрясения, выбегая из дома, жаловался: "Вот тебе и недвижимость!"

Много таких максим предлагает сама жизнь. Одни,

предназначенные для ужаса, ими ужасаются, а другие разумно принимают вещи так, как они есть. Одни увлекаются неразумно миражами, а другие отлично разбираются, где мираж, а где действительность. Но ведь для того, чтобы разобраться в миражах и иллюзиях, нужно прежде всего видеть эти миражи. Вспоминается индусская притча о семи слепых, описывавших слона каждый от своего понимания. Так же точно никакими словами вы не расскажете впечатление миража тому, кто его не видел. Но в городе миражи незримы. Чтобы увидать их, нужно побывать в пустыне и там, на месте, научиться отличать действительность от иллюзий.

Убежденные горожане очень трудно разбираются в истинных впечатлениях. Помню, как один из членов экспедиции, впервые оказавшийся в пустынных условиях, решил отправиться из стана к прекрасному миражному озеру. Все мои убеждения о том, что это озеро не существует, не повели ни к чему. Заблудший путник вызвал двух провожатых и ко всеобщему изумлению сказал, что через час он уже будет у этого озера и что он верит своим глазам больше, нежели нашим убеждениям. Через несколько часов бедняга усталый вернулся обратно и сердито отказывался далее обсуждать предмет о несуществующем озере.

А ведь нужно было видеть, с каким самомнением он критиковал наш распорядок, когда мы остановились у жалкого колодца вместо того, чтобы пройти еще час до прекрасного, окруженного деревьями озера.

Вопрос о миражах всегда очень поучителен. Отучить от миражной самомнительности может лишь истинный опыт, а опыт жизни лучше всего дается в природе.

Но нельзя выйти в природу, лишь теоретически решив о полезности такого опыта. Толку от такого рассудочного решения будет мало. Надо природу понимать. Надо войти в нее как бы сотрудником ее, не осудительно, но восхищенно.

Все помнят прекрасную легенду о Фалунском руднике, так картинно пересказанную Гофманом. Властительница рудника сурово обходится с рудокопом, который не от любви к самому делу, а из других личных побуждений приходит отнять скрытое сокровище.

Голоса природы звучат для тех, кто вступает в нее с открытым сердцем, доброжелательно. Антей прикасался к земле для наполнения силою, для обновления мощи духа. Конечно, не в опьянении он падал на землю, но сознательно он прикасался к земле, и тогда она сообщала ему здоровое обновление. Антей назывался могучим великаном. Не от целебных ли прикосновений к земле он получил навсегда это мощное наименование?! И разве

могли ему казаться тяжкими трудностями те смущения, которые обуревают в закрытых подвалах, под сводами и в тесных стенах?

Вероятно, Антею такие условные трудности казались бы даже просто непонятными. И, таким образом, от природы "легкие" трудности делаются не парадоксом, но настоящим определением.

"Нагружайте полней, когда иду в сад прекрасный". Разве это не есть точное указание о том, где и как преображаются трудности?

Когда волхвы устремляли взоры свои в бездонное небо, тогда они видели руководящие звезды. Если бы они не смотрели в глубь небосклона, то они бы и не увидали звезду. Благословен тот, кто в свое время вооружил их знанием наблюдений над законами природы и тем пробудил их зоркость, тем насторожил их и сделал вестниками чудными.

О каких же трудностях можно сокрушаться, когда бодрствует звезда руководящая? Тот, кто сказал: "Благословенны препятствия, вами мы растем", тот знал и руководящую звезду.

2 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Нерушимое"

Тайны

На Каракоруме, на девятнадцати с половиною тысячах футов — на этой самой высокой в мире дороге конюх Гурбан допрашивал меня:

"Что же такое захоронено в этих высотах? Должно быть, там скрыто большое сокровище; ведь трудна дорога к этому месту. А как дойдешь через все перевалы, попадешь как на свод гладкий. Гудит что-то под копытами. Не иначе, что здесь великие тайники, а входа в них мы не знаем. Будут ли когда в книгах открыты записи, где и что захоронено?"

А вокруг этого величественного Каракорумского свода блистали ослепительно белые вершины. Так, во весь горизонт без перерыва возносилось одно чистейшее сверкание. На самом пути, словно бы напоминания, белели множества костей. Не за кладами ли шли какие-то путники? Конечно, за богатством пересекали Каракорум бесчисленные караваны!

* * *

Тут же вспомнилось и другое предание о кладе. В Италии, в Орвието, мне рассказывали знаменательную легенду о захороненных художественных сокровищах. Сказание относилось чуть ли не к самому Дутчио или к одному из его современников. Говорили высоким слогом, который так идет славнозвучному итальянскому языку.

"Так же, как и теперь, и в прежние времена не всегда понимали лучших художников. Затемненному глазу трудно было оценить образы особо высокие. Требовали лишь исполнения старых правил, но красота часто не бывала доступна. Так же случилось и с великим художником, о котором мы говорили. Лучшие из картин его, вместо того, чтобы восхваленно умилять сердца людей, подвергались осуждениям и насмешкам. Художник долго выносил это несправедливое к нему отношение.

В божественном экстазе он продолжал творить многие произведения.

Вот однажды написал он предивную Мадонну, но это изображение завистники воспрепятствовали поставить в предназначенное ему место. И случилось так и не раз, и не два, а несколько раз. Если ехидна начинает ползать, она заползет и во дворец, и в хижину.

Но художник, уже умудренный и зная безумие толпы, не

огорчился. Он сказал: "Птице дано петь, и мне дано в силах моих восхвалять высокий образ. Пока птица живет, она наполняет мир Божий пением. Так, пока живу, буду и я славословить. Если завистники или невежды препятствуют моим образам, то не буду я вводить злых в горшие ожесточения. Я соберу отвергнутые ими картины, уложу их сохранно в дубовые сундуки и, пользуясь благорасположением моего друга аббата, скрою их в глубоких монастырских подземельях. Когда будет день сужденный, их найдут будущие люди. Если же по воле Создателя они должны остаться в тайне, ¬пусть будет так".

Никто не знает, в каком именно монастыре, в каких сокровенных подземельях скрыл художник свои творения. В некоторых обителях, правда, случалось находить в криптах старинные изображения. Но они были одиночны, они не были намеренно уложены, и потому не могли относиться к кладу, захороненному великим художником. Конечно, и в подземельях они продолжают петь "Славу в Вышних", но искателям кладов не посчастливилось найти указанное самим художником.

Конечно, у нас много монастырей. А еще больше храмов и замков лежит в развалинах. Кто знает, может быть, предание относится к одному из этих уже разрушенных и сглаженных временем останков.

С тех пор думали люди, что великий художник перестал писать картины, но он, слыша эти предположения, лишь усмехался, ибо с тех пор он трудился уже не для людской радости, но для красоты высшей. Так и не знаем, где хранится этот клад драгоценный".

"Но уверены ли вы, что этот клад сокрыт в пределах Италии? — спросил один из слушателей. — Ведь уже в далекие времена люди бывали в чужих странах. Может быть, и клады так же неожиданно разбросаны или, лучше сказать, сохранены в разных странах". Другой собеседник добавил: "Может быть, эта история относится вовсе не к одному мастеру. Ведь людские обычаи повторяются часто. Потому-то мы находим в истории постоянные как бы повторения человеческих и заблуждений и восхождений".

* * *

Конюх Гурбан, когда дошли мы до середины Каракорумского свода, сказал мне: "Дай мне пару рупий. Я закопаю здесь их. Пусть и мы прибавим к великому кладу".

Я спросил его: "Неужели ты думаешь, что там, внизу, собраны

сокровища?" Он оглянулся удивленно, даже испуганно: "А разве саиб не знает? Даже нам, маленьким людям, известно, что там, глубоко, имеются обширные подземелья. В них собраны сокровища от начала мира. Там есть и великие стражи. Некоторым удавалось видеть, как из скрытых входов появлялись высокие белые люди, а затем опять уходили под землю. Иногда они появляются и со светочами, и эти огни знают многие караванные люди. Зла не делают эти подземные народы. Они даже помогают людям.

Мне достоверно известно, как один местный бей в пургу потерял караван и в отчаянии закрыл голову свою. Только кажется ему, что кто-то шарит около него. Оглянулся, — в тумане показалась не то лошадь, не то человек — не доглядел. А когда опустил руку в карман, то нашел пригоршню золотых монет. Так помогают великие жители гор бедным людям в несчастье".

* * *

И опять мне вспомнились рассказы о тайных магнитах, заложенных учениками великого путника Аполлония Тианского. Говорили, что в определенных местах, там, где суждено строиться новым государствам или созидаться городам великим, или там, где должны состояться большие открытия и откровения — всюду заложены части великого метеора, посла дальних светил. Даже было в обычае свидетельствовать верность показаний ссылкою на такие заповеданные места. Говорилось: "Сказанное так же верно, как под таким-то местом заложено то-то и то-то".

* * *

Конюх Гурбан опять приступил с вопросом: "Почему вы, иноземцы, знающие так много, не найдете входа в подземное царство? У вас ведь все умеют и хвалятся, что все знают, а все-таки и вам не войти в тайники, которые берегутся Великим Огнем".

"В тайне бо живет человек.
Тайнам же несть числа".

3 Апреля 1935 г.
Цаган Куре
"Нерушимое"

Ягиль

Корень ягиль отмечен во многих преданиях, сказках и песнях. Он защищает от ведьм и бесов. Он очищает преступные места, он врачует израненное сердце. Много имен у корня.

Он и лесной ладан. Он и чемер. Он и катыр. И мариань, и белголовник, и бедрец, и кошачья радость, и балдриан, и мяун, и лихорадочный корень, и одолень, и серьпий глухой, и уразница, и сорокоприточник, и одеян, и домобыльник, и балдырь, и варагуша, и козиолкы, и переполох, и очный корень, и ходрейник, и глесник, и семяшник, и грудовка, и веснушка, и балдырьян, и катнавика, и пятношник, и рябинка, и копровник, и оверьян, и стоян, и ладоница… Невесть как зовут в разных местах корень целительный.

Все тот же валерьян — валерьяна официналис, свойства которого широко знают народы. В разных странах много сортов его: и узколистный, и серединный, и очереднолистный, и бузинолистный, и высокостройный, и мутовчатый, и сибирский мяун, и многие другие разновидности, свойства которых еще исследованы очень мало.

В большом разнообразии названий видно и многоразличное применение корня. В различных местах на него возлагают надежды частичных исцелений. Где лечат сердце, где грудь, где глаза, а в сущности корень оздоровляет всю нервную систему.

"В народной медицине корнями валерьяны пользуются от лихорадки, отваром поят детей от крика или от весновки, от худобища, от сердечной болезни, от пропасницы и порухи. В ветеринарии валериановый корень служит как болеутоляющее и противосудорожное средство.

Какие из разновидностей наиболее пригодны для лекарств, не имеется никаких исследований, и наша фармакология их совсем не отличает. О различии корней валерьяны имеются противоречивые сведения. Проф. В.Тихомиров в курсе фармакогнозии говорит, что главное достоинство этого товара определяется содержанием эфирного масла, которое весьма непостоянно: чем суше и возвышеннее почва, тем его больше, а чем влажнее и низменнее, тем меньше.

Так как в России корни валерьяны собираются дикорастущими на низменных местах, а в Германии это растение культивируется на возвышенных, то следовало бы, что русская валерьяна по достоинству ниже немецкой. Между тем представитель крупнейшей фирмы Р. Келлер на междуведомственном совещании сообщил, что русская валерьяна

содержит больше жирного масла и дает настой (тинктуру) зеленого цвета, германская же валерьяна содержит меньше жирного масла, но более экстрактивных веществ и дает настой буро-желтого цвета. Разница в содержании масла и в цвете настоя, по мнению этого представителя, происходит от роста на мокрых и сухих местах: во-первых, растения имеют меньше экстрактивных веществ, но больше эфирного масла. Если это верно, то дикорастущая русская валерьяна заслуживает предпочтение, и разводить валерьяну нет надобности. Между тем тот же представитель утверждает, что для экстракта из корней растений, выросших на сырых местах, обработка невыгодна, так как экстракта получается очень мало. Необходимо для разрешения этих противоречий точное исследование, очень важное для установления характера культур.

Несмотря на то, что в диком состоянии валерьяна растет на низменных местах, в Западной Европе культуру ее ведут на местах возвышенных, с сухою каменистою почвою, на которой она получается низкорослою, около трех четвертей аршина вышины. Такая валерьяна называется горною, или малою. В небольшом количестве ее можно возделывать в огородах с суглинистою почвою, где она развивается роскошно, без удобрения. Корни выкапываются на третий год поздно осенью или следующей весною.

У нас предлагают возделывать валерьяну на тощей почве бесплодных полей, выбирая открытые и сухие места; неизвестно только, какого достоинства получатся тогда корни валерьяны. В сахарном районе ее предлагают ввести в свекловичные поля, в междурядьях свекловицы, что составляет уже полную противоположность первому совету, так как свекловица для своего роста требует питательной почвы".

Эти указания, относящиеся к 1918 году, очень характерны, ибо еще раз показывают, насколько мало мы умеем обходиться даже с издревле известными лекарственными растениями. Вместо того, чтобы очень бережно и заботливо исследовать лучшие условия культуры этих растений и познавать их отличительные качества, часто предпочитают попросту отказываться от этих высокополезных лекарств. Так, мы слышали, что валерьяна исключена из некоторых фармакопей. Можно только подивиться такому нелепому решению, ибо целебные свойства валерьяны засвидетельствованы многими веками. Ведь издревле валерьяна входила в состав двенадцати так называемых основных лекарств.

Конечно, с валерьяной иногда обращались совершенно нелепо и противоестественно. Так, ее предлагали в соединении с эфиром, с аммиаком или в виде спиртовой тинктуры, между тем

как все эти ингредиенты должны действовать как раз обратно основному качеству валерьяны. При дознании уточнятся и качества.

Наиболее опытные врачи предлагают валерьяну в виде настоя, или так называемого валерьянового чая, который приготовляется очень просто, подобно всем прочим чаям. Так же точно существовало большое недоразумение относительно самого способа приема валерьяны. Откуда-то произошло предположение, что валерьяна может действовать скоропостижно. Потому ее давали в случаях нервного потрясения и ожидали немедленного эффекта. В этих случаях эффект мог быть скорее от самовнушения.

Валерьяна как восстановитель нервной системы требует очень продолжительного приема в течение не менее полугода — регулярно по чашке валерьянового чая перед сном. Мы уже имеем перед глазами множество прекраснейших последствий такого продолжительного лечения. Конечно, еще полезнее вообще не прерывать подобный прием валерьянового чая и ввести его как предохранительное, укрепляющее средство. Такая профилактика тоже испытана многими и в течение целого ряда лет.

Вполне естественно, что в народном понимании валерьяне приписывали такие разнообразные целительные свойства. Получая облегчения в различных болезнях, люди упускали из виду, что воздействия на общую нервную систему, конечно, благотворно влияли и на весь организм.

Как и во многих других лекарственных растениях, так и в отношении валерьяны следует применить очень вдумчивые и бережные изыскания. Даже на глаз и на вкус можно утверждать, что валерьяна германская весьма отличается и от русской, и от индусской, и от китайской. Такие явные различия должны отражаться и на степени полезности. Потому так необходимы сравнительные станции культуры лекарственных растений.

Как и во всем, нужен длительный и доброжелательный опыт. Конечно, примитивнее всего идти путем отрицания. Просто исключать все то, что недостаточно понято и дознано. Но такие темные отрицательные пути не приведут ни к чему доброму. Так называемая позитивная наука довольно легко отказывалась от многих полезных наследий. Даже эфедра — кузьмичева трава исключалась из фармакопеи. Но сейчас, благодаря счастливой находке в китайской старой фармакопее, этот полезный хвойник оказался лучшим средством против тяжкого бича человечества ¬астмы. Очевидно, то же самое произойдет и во многих других случаях.

Именно теперь, освободившись от предрассудка отрицания,

люди опять заглянут в древние записи и почерпнут полезные соображения из опыта веков.

Один современный философ, очевидно, опасаясь замарать о старину свои модернистические одеяния, осторожно заметил мне: "Ведь не всю старую фармакопею принять можно". Замечание было довольно наивно. Кто же говорит о принятии всех старинных фармакопей. Но прочесть их и извлечь некоторые полезные соображения, конечно, следует. А для того чтобы прочесть, нужно знать языки. В этом-то часто и заключается камень преткновения. Следует преобороть и это затруднение.

Сколько самых обычных растений пренебрежительно попирается ногами, но их древние имена показывают, что когда-то внимательный глаз уже усмотрел их значение. Желтоцвет весенний — адонис, борец — аконит, арника, белладонна, трава богородская, дягиль, наперстянка, полынь ¬артемизия во всех ее многих разновидностях, разве это не зовет часто заглянуть под ноги, вместо того чтобы высокомерно попирать ее? Разве не замечательно показание Плиния о полыни, что пешеход, который несет это растение с собою или привяжет к ноге — не чувствует усталости. Оттуда и бодрое название — артемизия партенион. Каждый путник, вдыхающий душистую полынь степных и пустынных просторов, в ободрении этим ароматом вполне согласится с замечанием Плиния.

Великими именами отмечены названия полезных растений. Дочь Коцита, прохладная нимфа Минте, дала свое имя успокоительной, свежесть несущей мяте. Недаром и валерьяна от корня "валере" напоминает нам о здоровье.

* * *

На псковских холмах старушка-знахарка выкапывает какие-то корни. "Что ты, бабушка, ищешь?" "А ягиль-корешок, голубчик, ищу". "А что же исцелит твой корешок?" "А залечит он твое сердечко, родимый".

4 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Врата в Будущее"

Бичи

За прошлый год в одних только Соединенных Штатах Америки погибло от рака сто тысяч человек. Прибавьте к этой потрясающей цифре еще все жертвы, унесенные раком в Европе и Других странах, и получится цифра потерь целой войны. Бедствие раковых заболеваний внешне отличается от прочих эпидемий. Раком ужасаются. Строят еще одну больницу. Объявляют в газетах о средствах, вполне излечивающих рак, а цифры жертв не только не уменьшаются, но, пожалуй, угрожающе возрастают.

Рак не так бурно, как чума или холера, но верно продвигается, пока не будут приняты настоящие профилактические меры и не начнутся внимательные и длительные исследования. Этим мы не хотим обидеть тех самоотверженных врачей, которые неустанно стараются остановить мертвую хватку рака. Известны примеры действительно удивительной самоотверженности врачей.

Дело не во врачах только, но в самих народах, которые ради условных привычек не нарушают вредных сторон своего быта. Уже неоднократно сообщалось, что статистика повсеместно установила мясоедение как одну из причин раковых заболеваний. Так же точно общее потрясение нервной системы в нездоровых современных городских условиях также является способствующим условием для страшной болезни.

Между тем известны местности, где рак неизвестен вообще или проявляется лишь в случаях занесенных. Также известно, что высоты как бы являются началом, охраняющим от рака. Значит, казалось бы, прежде всего нужно начать исследования в местностях, где рак вообще неизвестен, и досмотреть, какие именно местные условия являются отличительными. Также известно, что тибетские ламы излечивают некоторые случаи рака. При этом лечение, свидетелями которого мы были, производится растительными веществами, но при условии пользования ими в определенных горных местностях. Это обстоятельство сразу вызывает необходимость различных исследований и самих лекарств и особых условий предписанной местности. Может быть, качество минеральных вод или почвы, или близость ледников, изобилующих метеорной пылью — мало ли какие условия могут влиять и кроме очищенного горного воздуха и солнца.

Казалось бы, эти указанные обстоятельства уже должны побудить кого-то, или заболевшего или преисполненного филантропическими намерениями, помочь этим исследованиям. Но на деле выходит совсем не так просто. Люди интересуются, но

дальше расспросов и беспредметных желаний дело не подвигается. Допустим даже, что такие исследования потребовали бы значительное время. Допустим, что среди них произошли бы и частичные разочарования. Тем не менее и статистические данные, и уже наблюденная возможность излечения хотя бы некоторых форм рака должны бы являться достаточной причиной для пробуждения сердец к такого рода исследованиям.

Сами потрясающие цифры жертв должны бы заставить подумать о приумножении способов исследования. Одним только городским лабораторным путем не всегда удается уловить извилистый путь ехидны. Если же является хотя бы предположительная возможность обогатить способы исследования, то ведь ею нужно пользоваться, не упуская ни дня, ни часу. Таким образом, находя профилактические условия выздоровлений самого быта, можно, с другой стороны, указать и те уже существующие естественные условия, которые являются предохранителем от страшного заболевания.

Зачем же терять время там, где уже могла бы идти бодрая поступательная работа? Зачем же отвлеченно ужасаться числам жертв, когда еще что-то и где-то может быть сделано на спасительных путях?

Такие расследования скоро потребуются и не только для рака. Надвигается и другой новый бич, пока носящий название испанской инфлюэнции. Многие врачи считают эту форму чрезвычайно близкой легочной чуме. По некоторым симптомам, это действительно нечто весьма сходное. Каждый год можно видеть волну таких заболеваний, протекающую в разных странах. Во всяком случае, в этом есть какая-то новая форма заболевания. Если когда-то то, что мы называем насморком, было в смертельных формах, то и давно известный грипп, наоборот, возрос до опасных форм испанки.

Только что читаем о том, что сейчас много людей тяжко больны от странной формы воспаления легких, приписываемой недавним неслыханным по силе пыльным ураганам. Даже животные подыхают при подобных же симптомах. И здесь, в Китае, прошла тяжелая форма каких-то подобных же заболеваний. Думают, что из долины Ян-Цзе вихри несут какую-то зараженную пыль с определенными бактериями.

Так или иначе, опять мы встречаемся с усиливающейся легочной и гортанной формой заболевания. Если же сообразим все умножившиеся случаи сердечных болезней, странного усиления давления крови, менингита и других нервно-сердечных форм, то опять можно видеть поднявшийся на человечество бич,

который не замечаем в кинема и дансингах, на скачках и в кулачных боях.

"Пир во время чумы" в представлении гениального поэта всегда напоминает те неразумия, которые так легко ведут к малопоправимым последствиям.

Со времени Великой войны среди всех мирных конференций народы истратили шестьдесят биллионов долларов на вооружение. Сейчас опять гремят войсковые призывы. Возможность войны висит в разных частях мира. Поучительно было бы знать, сколько за это время было затрачено на борьбу с чудовищными бичами человечества, как рак, сердечные болезни, виды инфлюэнций и прочие угрозы. Не будем считать в этой Цифре уже существовавших госпиталей и прочих научных медицинских учреждений. Эти достижения уже были кем-то выполнены. Знаменательно было бы посмотреть размеры цифр на новые изыскания и сравнить их с цифрами вооружения. Говорят, что дети до пяти месяцев вырабатывают сами свой витамин, но после четырнадцати месяцев это свойство пропадает.

Тогда уже требуется особая профилактика. Почему же не думать о ней, хотя бы в тех пределах, которые легко доступны каждому человеческому мышлению? Конечно, не следует устрашаться заразительностью болезней. Ведь теперь признают, что и рак заразителен, и легочные формы. Было бы одинаково неразумно наполнить сознание боязливостью и тем самым открыть доступ всяким заразам. Думать своевременно о профилактике не должно быть признаком страха. Это должно быть просто бережливостью жизни, чтобы она могла быть выполнена в превосходном и гармоничном напряжении энергии. Там, где можно предусмотреть уменьшение страданий, их и нужно предусмотреть, и нужно достичь этого всеми человечными мерами.

Нельзя возлагать всю заботу лишь на врачей. Все люди должны быть сотрудниками в деле широко понятого Красного Креста. Так часто принято, собравшись за пресловутой чашкой чая, поболтать и ложками, и языком, и разойтись потом без всяких последствий. Необходимо, чтобы каждая беседа вносила бы нечто действенное. Из этих, хотя бы малых зерен сложится самое большое и самое неотложное.

Бич сам не подымается, его подымает рука. Нужно, чтобы эта Рука не подняла бич. Нужно, чтобы бег и преуспеяние народов не нуждались в бичах, когда суждено так много прекрасного.

5 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Врата в Будущее"

Пример

Чан Кай-ши издал следующий приказ:

"Доктрина Конфуция дошла до нас из глубины двух тысяч лет. Она является основою нашей национальной жизни. Из нее образовались национальные добродетели — законности, сыновней любви, дружелюбия, любви, порядочности, праведности, честности и чести.

Храмы, воздвигнутые в честь мудреца, потому должны быть охраняемы и восстановляемы.

Посему приказано воспретить повсеместно войскам занимать храмы Конфуция.

Там же, где эти храмы уже были заняты, войска немедленно должны быть переведены в другие помещения.

Если какой-либо ущерб был причинен храмам, исправления немедленно должны быть произведены провинциальными, городскими или областными управлениями, чтобы народ мог взирать с почтением на эти храмы как на источник вдохновения и поощрения.

Это есть дело огромного значения не только для благосостояния государства, но и для воспитания народа.

Настоящий приказ должен быть передан всем соответственным подчиненным для строжайшего исполнения". Сердце радуется, читая такие приказы! Среди волнений, среди подавлений бунтов, среди мировых кризисов глава правительства ясно и безотложно указывает о сохранении великих народных ценностей.

Безоговорочно, твердо, мужественно напоминается народу о хранении подлинных сокровищ. Там, где глава правительства имеет такие знаменательно звучные слова, там расцветут побеги Культуры.

Именно для строжайшего исполнения должны принять указ должностные лица. В таких государственных решениях не может быть сокрытий, умолчаний, изворотов и отлагательств.

И средства найдутся, когда указано неотменно и неотложно. Люди знают, как находились средства в военные времена. Но ведь это тоже битва. Священная битва Света со тьмою.

Если бы собрать все указы глав правительств о сохранении Культурных ценностей! Ведь получился бы очень поучительный сборник, отражающий внутренние состояния государств. Там, где сам вождь государства не забывает об истинных ценностях, там можно ждать расцвета. Там, где совет министров, где национальное собрание возможно чаще обсуждает дела

Культурных преуспеяний, там можно ожидать мирное строительство. Там и многие другие проблемы разрешатся в более самобытном и неожиданно практичном виде. Говорю "в неожиданно практичном виде" для тех, кто все еще считает Культурную часть жизни чем-то отвлеченным.

Если бы во всех концах мира раздались голоса власть имущих так же твердо и бесповоротно о значении и о сохранении всего истинно ценного! Ведь везде есть большее или меньшее преступление против мировых ценностей.

Под видом занятия политикою много где не берегутся самые лучшие путеводные вехи. "Не время!", "Мы заняты!", "Важные дела" — точно бы высшие ценности Культуры не есть дело самоважнейшее.

Мы видели голодающих учителей (позор!). Видели грозящие разрушения, обветшалые храмы и памятники искусства (стыд!). Слышали грубые голоса против гуманизма и наук, с ним связанных (невежество!).

Но политико-экономы все же настаивают на верности цифр, которые обычно кончаются выпуском новых осенних листьев — бесценных бумажек. Или людям преподнесут такую диалектику, что позабудется примитивная санитария.

Между тем обращение к незыблемым законам бытия дает эпоху расцвета. Один приведенный выше приказ — уже как влага на иссохшую почву. Сколько осуждений смывается признанием высоких ценностей.

Нужно ли напомнить о чести? Очень и очень нужно. Нужно ли повторить о дружелюбии, о честности, о праведности? Как же не нужно, когда озверение и одичание всюду стучатся. Ведь во всем мире!

И честь, и праведность, и дружелюбие скажутся вместе с красотою и со знанием — с духовными прозрениями. Не можем думать, что все благополучно, когда несчастья глядят с каждого газетного листа.

Покрыть невзгоды можно только большим куполом. Из ларца Пандоры многое невозвратно разлетелось, но все-таки на дне притаилась надежда.

"Мысли о дальних мирах как принимающий в них участие", — так говорил один из самых блестящих правителей-философов Марк Аврелий. Если и о дальних мирах справедливо предлагалось мыслить как о реальности, то насколько же ближе, проще, хозяйственнее уберечь великие наследия, оставленные нам людьми лучшими.

* * *

Все-то вам некогда заняться соглашением о сохранении Культурных ценностей. Как бы не пришлось опять пожалеть, что этот договор еще не всемирен. Знаете, кому говорю.

6 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Нерушимое"

Пути золотые

Родные, как хорошо, что вы читаете "Добротолюбие". Поистине, это источник мудрости, запечатленный жизненным опытом. Когда Святой Антоний говорит: "От неведения все пороки" или "Ад есть невежество", ¬то ведь это произносится не как только осуждение, но как глубокое по смыслу своему определение. Все там сказанное не есть отвлеченность, но навсегда остается великим историческим поучением. Выписываю места, вас поразившие:

26. "В другой раз Святой Антоний открыл своим ученикам, как от умаления ревности расслабеет монашество и померкнет слава его. Некоторые ученики его, видя бесчисленное множество иноков в пустыне, украшенных такими добродетелями и с таким жаром ревнующих о преуспеянии в святом житии отшельническом, спросили Авву Антония:

"Отче! Долго ли пребудет этот жар ревности и эта любовь к уединению, нищете, смирению, воздержанию и всем прочим добродетелям, которым ныне так усердно прилежит все это множество монахов?"

Человек Божий с воздыханием и слезами ответил им: "Придет время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо их в богатые города, где вместо этих пустынных пещер и тесных келий воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств; смирение заменится гордостью; многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию; любовь охладеет; вместо воздержания умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах не меньше самих мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником; и несмотря на то, что будут жить среди мира, будут называть себя уединенниками (монах ¬собственно "уединенник"), притом они будут величаться, говоря: Я Павлов, я Аполлосов (1 Кор. 1, 12), как бы вся сила их монашества состояла в достоинстве их предшественников; они будут величаться отцами своими, как иудеи — отцом своим Авраамом, но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас; ибо блаженнее тот, кто мог преступить и не преступил, и зло сотворить и не сотворил (Сир. 3, II), нежели тот, кто влеком был к добру массою стремящихся к тому ревнителей. Почему Ной, Авраам и Лот, которые вели ревностную жизнь среди злых людей, справедливо так много прославляются в. Писании".

Или как замечательна "Последняя цель всего и совершенства":

58. "Это Боговселенье, или жизнь в Боге, и есть последняя цель всех подвижнических трудов и верх совершенства. Сам Бог показал сие Святому Антонию, когда он сподобился такого откровения в пустыне; есть в городе некто подобный тебе, искусством — врач, который избытки свои отдает нуждающимся и ежедневно поет с Ангелами Трисвятое (т. е. при совершенстве любви к ближнему в Боге живет и пред Богом ходит)". Разве не замечательно и следующее:

50. "Насколько самомнение пагубно, столь же, напротив, спасительно самоуничижение. Это представляет пример башмачника, о котором Святой Антоний имел указание свыше. Святой Антоний молился в келий своей и услышал глас, говоривший ему: "Антоний, ты еще не пришел в меру такого-то башмачника в Александрии". Святой Антоний пошел в Александрию, нашел этого башмачника и убедил его открыть, что есть особенного в его жизни.

Он сказал: "Я не знаю, чтобы когда-нибудь делал какое-нибудь добро; почему, вставши утром с постели, прежде, чем сяду за работу, говорю: "Все в этом городе, от мала до велика, войдут в царствие Божие за свои добрые дела; один я за грехи мои осужден буду на вечные муки. Это же самое со всею искренностью сердечною повторяю я и вечером, прежде чем лягу спать". Услышав это, Святой Антоний сознал, что точно не дошел еще в такую меру".

Разве эти золотые предания не переносят нас ко временам великого русского подвижника Преподобного Сергия? Разве нс живут те же заветы в жизни последователей Преподобного Сергия, Святого Нила Сорского, Святого Кирилла Белозерского и всех подвижников и старцев северной Фиваиды? Разве нс претворяются и в старчестве Оптинском, которого так часто не понимали и даже гнали, но народная тропа к нему не зарастала.

"Золотые пути равновесия", заповеданные в огненных прозрениях Святого Антония, напитали все отшельничества. И теперь, если вы слышите о ком-то, погруженном в сокровища "Добротолюбия", будьте уверены, что этот человек углубленный и не зря подошедший к великому источнику. Особенно же уместно вспомнить золотые заветы истины в день Благовещенья.

7 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Победа

Победа. К 24-му Февраля была одержана большая победа. Из писем и газетных вырезок видно, что эта победа была преуспеянием не только в нашем Культурном деле, но и составила прецедент для многих других таких же случаев.

Только подумать, что в течение трех лет неразумная и злая воля пыталась искривить пути культурно-образовательного начинания. Сколько несправедливых клеветнических выпадов свидетельствовать можно. Сколько обходов законов, сколько злых попыток с негодными средствами пришлось вынести всем участникам Культурного дела. А сколько энергии при этом было потрачено — и не учесть. Сколько ущерба было причинено там, где просветительные начинания могли продвигаться беспрепятственно.

Поистине, неисчислим вред и убытки, причиненные темными поползновениями. А теперь представитель вражеского стана выражает свое сожаление, что вместо попыток к сотрудничеству была применена вредная ненависть. Конечно, эти заявления противников лишь будут еще одним свидетельством истинной победы. Ведь противники за все три года не выказали истинной доброй воли. Они принуждены были лишь признать судебные постановления. Они пытались ходить по разным инстанциям. Злоумышленно они обращались в учреждения других округов, они старались извратить все, казалось бы, точные данные и не скупились на отвратительные намеки по адресу честных деятелей.

После трех лет попыток с негодными средствами противник выражает сожаление. Но ведь представители противников вовсе не так глупы, чтобы только теперь понять, что они действовали недопустимо. Ведь за этот длинный промежуток, более чем в тысячу дней, сколько раз им предлагалось дружелюбное взаимное обсуждение. Они отлично знали, что переоценка ценностей произошла в силу общего падения цен, вызванного кризисом, начавшимся в 1929 году. Противник отлично понимает, что, злоумышляя против Культурного дела, они не могут рассчитывать на общественное сочувствие. Сознательно и добровольно они занесли свои имена в темный список вредителей Культуры. Долго, долго они будут чувствовать последствие своего приобщения к стану темных вредителей.

Темное, антикультурное вредительство навсегда оставляет выжженную печать на лбу такого человеконенавистника. Не только стыд за позорное деяние, но беспощадный бумеранг

справедливости так или иначе настигает злобных вредителей. Можно сказать, они сами себя настигают и пожирают в том же неистовстве, в каком они пытались замарать честь достойных людей. Можно только сожалеть о тех, которые вызывают против себя действия законов справедливости. Это уже не судебное постановление, которое могло бы быть поколеблено следующей инстанцией. Нет, это тот непоправимый путь, который злая воля слагает для себя самой.

Конечно, прежде всего нужно посмотреть, чтобы хотя бы косвенно не пострадали люди невинные. При всяком изменении к лучшему общих условий нужно всегда помнить, чтобы внутренняя справедливость была выполнена. Протекшая трехлетняя битва еще раз показала преимущества обратной тактики. Все дошло до крайнего предела, но на этой черте создались незабываемые возможности. Уже пишут, что это дело не только стало пресловутым в глазах юристов, но оно даже повлияет на законопроизводство целого штата. Значит, произошла великая заслуга, которая благотворно отзовется на многих других культурных обстоятельствах.

Пионерам всегда трудно, но именно труды пионеров слагают благосостояние и добропорядочность будущего. Именно они закладывают краеугольные камни прочные, на которых возводятся дальнейшие просветительные сооружения. Каждая битва, выдержанная пионерами во славу общего преуспеяния и Культуры, есть не только победный, но и почетный знак. Враги Культуры особенно яро набрасываются на все, где они замечают прочные корни. Эти грызуны-вредители пытаются подгрызть все добрые основы. При этом в своей ярости вредительской они подчас действуют прямо во вред себе и отверженно ставят себя на позор и посмешище.

И еще одно обстоятельство следует отметить во всех вражеских натисках на Культурное начинание. Среди многочисленных вредителей вы не найдете ни одного имени, которое вам бы захотелось приобщить в списки добрые. Начиная от уже проявившихся криминалов и кончая жестокосердыми невеждами, все их темные списки будут лишь отбором элементов негодных и вредных. Нужды нет, что некоторые из жестокосердцев несправедливо продвинулись на деловом поприще. Просмотрите их деяния, и вы увидите, что несправедливо они протиснулись хотя бы в холодно деловом рассуждении. И какую участь готовят они для имен своих, для своей памяти, писанной и неписанной.

Итак, среди многих полезных следствий подобных побед нужно помнить, что этим порядком производится и отбор

негодных элементов. Вредителям как бы дается возможность выказать все свои темные свойства, чтобы то, что еще вчера было прикрыто искусною маскою, проявилось бы в полном безобразии ужасающей личины.

После каждого такого финала имена вредителей особенно ясно запечатлеваются. Они конгригируются как бы в отдельную, одинаково обозначенную свору. И этот отбор самый естественный и самый прочный. Ведь иначе чьи-то маски, искусно размалеванные, остались бы неразгаданными, но происходит поединок Света со тьмою, и поверженные оказываются с открытыми забралами. Наивные люди при этом восклицают: "Кто бы мог подумать!" Но вот именно для того, чтобы все подумали, такие поединки Света с тьмою и являются всенародным показателем.

Пусть же и все защитники Культурного дела не печалуются, что темные вредители бросали в них грязью и отнимали у них ценную энергию, которая нашла бы лучшее применение. Печаловаться не нужно. Наоборот, нужно радоваться, что предоставилась еще одна возможность поразить тьму. Была дана сила и мощь, чтобы сделаться сотрудниками сил светлых. Каждая битва лишь изощряет зоркость, бдительность, внимательность. Все эти качества так пригодятся при будущем строении. Малые бойцы будут жалеть о силах своих потраченных. Но великие воины за правду знают, что силы, принесенные добру, неистощимы. Там, где тьма свирепствует, там есть нечто, которое вызывает эту сугубую ярость сил злых.

Можно приветствовать светлых воинов с победою. Они знают, что эта победа лишь звено в ожерельи многих других побед за высшую правду, за красоту и Культуру.

Итак, к 24 Марта все сотрудники Культурного дела могли оглянуться в сознании, что труды были принесены не напрасно, и воссияла еще одна справедливость.

8 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Держатели

"Держатели бывали и в наших аилах. Никто не знает, когда Они проедут. Неизвестно, откуда и куда, но большею частью поспешают. Говорят, что Они ищут клады, а другие говорят, что они что-то заложат там, где нужно. Иногда места прохождений Их люди отмечали субурганами или хотя бы простыми обо. Когда узнают люди о проезде Их, то надолго водворяется радость в окрестных аилах. Слышно, что и болезни минуют эти места. А также приходит всякая удача и в помышлениях, и в делах", — так рассказывал старый бурят, и по его проникновенному говору можно было понять, что предмет для него и близок, и торжественен.

Мы спросили: "Если говоришь, что помыслы и дела становятся удачнее, может быть, внушается это в мыслях. Ведь часто известны такие внушения?".

"Про эту силу мы знаем и сами думаем, что удача посылается. Однажды, говорят, самого Его спросили — правда ли, что по мысли Его совершаются разные полезные дела, а также спросили, как это Он внушает? Говорят, что Он ответил: И так, и этак, а главное то, что вы делаете потом так, как нужно. И поспешают они, чтобы дать людям больше добрых мыслей, чтобы повсюду люди могли сделать самое полезное ко времени". Мы спросили: "Скоро ли признают Их люди?"

"По правде сказать, только немногие Их признают. А другие как-то только после ухода одумаются. И тогда опять начинают ждать. Глупые люди, когда что приходит — не соглашаются, а только стоит уйти, как начинают опять ждать".

Мы спросили: "А если Они приезжают, то где Они останавливаются?"

"Иногда и в своей палатке, а то больше куда-то уезжают, и никто о Них толком не знает, из-за каких гор и куда ляжет их путь. Но умные люди ждут Их, сильно ждут. А уж если пройдет слух о проезде, то повсюду как бы пролетит радость. От аила к аилу скачут гонцы. А не успеет собраться народ, Он уже и уехал. Конечно, говорят, что у Них есть и подземные ходы, но только этого никто не знает. Когда Они появляются в середине пустыни, то можно подумать, что откуда же и как сделан этот долгий безводный путь? Может прийти в голову, что где-то и есть ходы подземные. Даже находили такие долгие-долгие пещеры, и конца краю не видно. Может быть, что-то и есть в них, но никто в этой тьме пещерной не нашел хода".

Мы спросили: "Все это из давнего прошлого или же и теперь

бывает?"

"И было, и есть, и будет. Они берегут людей. Они держат справедливость. Они посылают новые мысли. И недавно, и теперь, а может, и сегодня покажется Всадник. Или один, а не то и вдвоем, никто путей Их не знает".

Мы спросили: "А есть ли какие-нибудь признаки их приезда?"

"Вот уж никаких, никогда. Да ведь и все чудное бывает нежданно. Уж так нежданно, что и уму не помыслить. Но сердце, может быть, и чует. Когда надлежит Им приблизиться, может быть, и тоскует, и стремится сердце, и летит навстречу. Сколько раз, как птица, трепещет сердце, а ведь, может быть, что Они проезжают поблизости. Сколько раз конь заржет, неведомо от чего — может быть, Их коней зачуял. Сколько раз собаки насторожатся и уйдут назад; потому пес на Них не залает. И в караванах бывает, на ночлегах. Увидит, что будто едет кто-то, а начнут слушать — ничего не слыхать. Бывает, что особый запах замечательный, как от лучших цветов, пронесется среди песков. Тоже говорят, что это от Их приближения. Видели как-то и белую собаку, будто бы борзую. Старые люди говорили, что это Их собака. А бежит она одна, как бы за делом. На зов не отзывается. Наверное, поспешает. Тоже говорят, что видели иногда белых птиц, как бы голубей. Думают, что Ими они посылаются. Вообще, много знаков и в нашей пустыне. Уж такие иногда замечательные камни находим. Не иначе, что кто-то заложил их. Потому обделаны они иногда с надписями, а иногда как бы круглые, что твое яйцо".

Мы сказали: "Вот вы видите много знаков в пустыне, а для проезжих все одна дичь и мертвенность".

"А потому, что вы не знаете наших языков пустынных. Вы и ветра не разберете, и запахов не услышите, да и Они, если проедут, то вы Их не признаете".

Мы добавили: "А как же Они из себя? Ведь видели же Их люди".

"А так, как по месту нужно. Так, чтобы людей понапрасну не удивлять. Вот мне говорили, что в одном становище Их приняли за торговцев, а в другом — за табунщиков, а где-то еще — за военных людей, каждый судит по-своему. Но Они нашим суждениям не обижаются. Один признавший допытывался, а как ему понять, что он сделает так, как нужно. А Он ему ответил — все равно, как нужно, тогда и сделаешь. Об этом не беспокойся, но твори добро всегда и во всем. Они всегда учат добро делать".

Мы опять спросили: "Но почему же Они терпят пустыни неплодородные?"

Собеседник посмотрел на нас очень хитро и сказал: "И это

придет вовремя. И реки подымутся, и леса встанут, и трава побежит всюду. Всему срок. Как ушло по погрешности людской, так и придет по Держательской мысли. Они пошлют, когда нужно, когда мы сумеем опознать и принять".

Мы спросили: "А нет ли у кого каких-нибудь знаков или вещей от Них?"

"Может быть, и есть. И даже, наверное, имеется. Но только, если кто получил их, тот о них уже не скажет". Мы спросили: "А имена Их знаете ли?"

"Они могут быть под разными именами, но, опять же, если кому выпало счастье знать имя, то он никогда никому не повторит его. Никто не преступит это уложение".

Собеседник замолчал и долго следил за какой-то двигавшейся точкой на дальних барханах. Может быть, он думал, а вдруг! В глазах его загорелась нежданная жданность. Виделось, что он знает, слышал и видел и еще многое. Но сколько же нужно посидеть у одного костра, чтобы растворилось сердце. Даже если бы оно и хотело раствориться, то воля знает, насколько эти врата могут открыться проезжему. Для нас, для проезжих, не сказаны многие тайны пустыни. Она их может поведать лишь своему, лишь тому, в ком есть окончательная уверенность. Тому, кто может мыслить спокойно и о прошлом, и о будущем, кто может довольствоваться тем малым, которое даже не учтено для нынешней роскоши.

Пустыня приняла тот лик, в котором видит ее проезжий, чтобы сокрыть свое значение и свое величие. Серединная Азия притаилась со всеми своими богатствами, со всеми глубоко захороненными знаками, а сыны ее умеют беречь заповеданное.

9 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Врата в Будущее"

Вехи

Другу моему жаловалась одна знакомая: "Всю жизнь жду я знака. Посылаю лучшие мысли и не имею ответа. Справедливо ли?"

Друг мой попросил ее рассказать ему ее жизнь. Оказалось следующее: "Я была очень богата, и это давало мне возможность помогать людям и поддерживать очень многих. Затем не по моей вине пришло разорение. Правда, я еще не голодаю, но уже лишена возможности приносить прежнюю помощь. И в этом мое постоянное горе. И я не могу понять, зачем нужно было лишать меня средств и тем самым поставить меня в вечную жалобу на невозможность помочь".

Мой друг разъяснил ей: "Видите, жданный Вами ответ уже состоялся. Но Вы не поняли его. Вы приняли совет блага за несчастье. Ведь Вы, к сожалению, вообразили, что помощь может быть лишь денежной. Тем самым Вы уничтожили самое ценное сознание о том, что духовная помощь может достигать гораздо больших результатов, нежели просто денежная. Сознайтесь, что Вам было приятно давать от избытка, не подвергая себя ни лишениям, ни опасностям, ни затруднениям. Вот и сейчас, ведь вовсе не все от Вас отнято. Вы далеко не голодаете. И, казалось бы, могли еще больше помогать людям Вашим жизненным опытом, Вашим сердцем, Вашим состраданием. Сколько новых полезных советов Вы могли бы давать. На собственном опыте Вы могли бы указать на ничтожность материальных средств, если они так легко разрушаются. Но если Вы будете считать ваше теперешнее положение несчастьем, то какой же дальнейший ответ Вы можете ожидать? Только когда Вы осознаете полезность Вашего теперешнего состояния, когда поймете, что деньги как таковые были извращены в Вашем прошлом представлении, тогда придет и дальнейшее".

Тот же друг мой рассказал и другой случай. Ему было указано показать одной особе в Чикаго известный портрет. Особа эта необыкновенно взволновалась при виде портрета и сказала: "Откуда Вы знаете о драме жизни моей? Однажды в Париже мы были с нашими американскими друзьями и сидели в маленьком кафе. Неожиданно вошел тот самый, портрет которого Вы мне показали, и, сев около двери, начал пристально смотреть на меня. Я поняла моим сердцем, что должна подойти к нему, и в этом будет заключаться цель моей жизни. Но, с другой стороны, условности приличия шептали мне, что было бы недопустимо на глазах моих друзей подойти к незнакомцу. Большая борьба

происходила во мне, а он продолжал смотреть, ожидая, как я решу судьбу мою. Прошло еще некоторое время, условные приличия приковали меня к месту, а незнакомец встал и вышел. Я поняла, что не сумела ответить на зов и решила судьбу свою по условным приличиям. В этом драма моей жизни".

Другой мой друг рассказал мне еще одну примечательную веху. Ему было указано открыть в одном городе просветительное учреждение. После всяких поисков возможностей к тому он решил переговорить с одной особой, приехавшей в этот город. Она назначила ему увидеться утром в местном музее. Придя туда, "в ожидании" мой друг заметил высокого человека, несколько раз обошедшего вокруг него. Затем незнакомец остановился рядом и сказал по поводу висевшего перед ними гобелена: "Они знали стиль жизни, а мы утеряли его". Мой друг ответил незнакомцу соответственно, а тот предложил ему сесть на ближайшую скамью и, положив палец на лоб (причем толпа посетителей — это был воскресный день — не обратила внимания на этот необычный жест), сказал: "Вы пришли сюда говорить об известном Вам деле. Не говорите о нем. Еще в течение трех месяцев ничего не может быть сделано в этом направлении. Потом все придет к Вам само".

Затем незнакомец дал еще несколько важных советов и, не дожидаясь, быстро встал, приветливо помахал рукой со словами "хорошего счастья" и вышел. Конечно, мой друг воспользовался его советом. Ничего не сказал о деле приехавшей затем знакомой, а через три месяца все совершилось, как было сказано. Мой друг и до сих пор не может понять, каким образом он не спросил имени чудесного незнакомца, о котором более никогда не слыхал и не встретил его. Но именно так и бывает.

Еще веха. Приятель-художник рассказывал, что во время его выставки в одном приморском городе ему безотлагательно нужна была определенная сумма денег. Но при всем внешнем успехе выставки продажа не продвигалась. Казалось, чем больше внутренне желал мой приятель, тем затруднительнее становилось положение. Тем более, что ему не хотелось оповещать нужду в деньгах. Точно бы всевозможные непредвиденные обстоятельства ополчились — кто-то заболел, кто-то уехал или еще не вернулся. Выставка шла к концу, и приятель находился в очень огорченном состоянии. За несколько дней до закрытия, утром, еще не было и восьми часов, раздался телефон, и молодой женский голос спешно и нервно сказал: "У меня всего пятнадцать минут времени до отхода парохода. Я нахожусь у дверей вашей выставки и во что бы то ни стало должна иметь Вашу картину. Будьте добры, приезжайте немедленно посоветовать мне выбор". Нечего и говорить, что мой приятель поспешил приехать и нашел у входа

очень милую барышню из Гонолулу, которая с чеком в руках ожидала решения о картине. Решив покупку, она тут же сняла картину со стены и, несмотря на протест заведующего выставкой, устремилась к ожидавшему ее автомобилю. Конечно, вы не сомневаетесь, что чек оказался именно на сумму, нужную моему приятелю. Также вы не сомневаетесь и в том, что эта молодая особа не знала и не могла знать, какая именно сумма нужна была моему другу. Именно так и бывает.

Помню и другой многозначительный эпизод. Мои друзья собрались ехать в некую страну, тогда как им была указана именно совсем другая часть света. Из добрых намерений друзья мои тем не менее упорствовали и даже уже озаботились билетами в желанную им страну. Но все же указание должно было быть выполнено; и произошло нечто необычайное. Все приготовленные для поездки средства самыми странными способами в течение двух-трех дней расстроились и исчезли. И таким образом моим друзьям ничего не осталось, как выполнить указание. Такая веха очень определенно показывает, какие меры иногда должны быть принимаемы, чтобы охранить предуказанное.

И еще веха. Один из моих друзей должен был повидать человека, чрезвычайно для него опасного. Конечно, все помыслы были к тому, чтобы по возможности избежать это роковое свидание. Странным образом несколько раз это свидание не состоялось — появлялись какие-то неожиданные препятствия. Но в конце концов, по-видимому, избежать этот опасный час было уже невозможно. Видимо, сила посылаемой мысли уже не могла помочь. Итак, мой друг, явившись в назначенное место, ожидал. Время уже настало. Опасный человек еще не появился. Вдруг поднялось какое-то волнение, и оказалось, что этот злобный человек все-таки не доехал — сердце лопнуло. И такие меры бывают, когда уже нельзя иначе предотвратить.

А вот еще веха долгой памяти. Тетка моей жены с мужем и с сыном в зимнюю стужу ехали в дальнее поместье. Заблудились. Настала ночь. Вьюга усилилась. Нужно было думать о каком-либо ночлеге. Вдруг замечают какую-то незнакомую усадьбу. Подъехали. Оказалось, что владельцы давно не живут, но сторож согласился отпереть дом для ночлега. Как только сани остановились у крыльца, приехавшая — никогда не видавшая этого места — воскликнула в ужасе: "Я ни за что не войду сюда. Здесь произошли страшные дела". Когда же муж и сын стали ее убеждать, она сказала: "Войдите и убедитесь". И затем она описала им внутреннее устройство дома и точно указала об одной комнате, где должен был висеть большой портрет женщины в белом платье. Когда встревоженные путники прошли

в дом, они в трепете узнали все описанное, а когда дошли до комнаты с портретом, то и сами, потрясенные, спешно оставили это несчастливое жилище. И таких вех бывает много, если только мы находим достаточно внимательности в себе, чтобы рассмотреть их.

И еще веха ответа. Наши друзья переезжали в новый дом. Вещи уже были перевезены. Среди них старинные, испорченные, никогда не заводившиеся часы. Хозяйка нового жилья задумалась, долго ли придется прожить на этом месте. И вдруг никем не заведенные, испорченные часы звонко пробили десять раз. Это было число лет, прожитых в этом доме. А ведь многие и не обратили бы внимания на какой-то бой часов.

Еще веха. Было указание о том, что получится очень ценная посылка. Время прошло. Друзья наши уже как бы забыли об этом обстоятельстве, приехав в Париж. Однажды из банка "Бенкерс Трост" приносят оповещение о получении пакета. Оказалось, что этим наиобычнейшим путем была доставлена самая необычная посылка. Как видите, и так бывает.

А сколько писем, неизвестно откуда присланных, а сколько книг нужных и как бы случайно указанных, а сколько сроков очень примечательных может быть услышано внимательным ухом. Сколько добрых знаков подается в жизни. Если знаки эти ведут к добру, если их единственное назначение ¬помощь человечеству, то это уже будут истинно добрые знаки. Некоторые недомыслящие люди опасаются, как им рассмотреть, добро ли? Но посмотрите в увеличительное стекло будущего и послушайте в мегафон грядущего, и вы ясно увидите, каково назначение этих знаков блага. Если знак подается для возвышения сердца, для исцеления, для преоборения трудностей, для веры и восхищения, значит полезен такой знак, и его нужно уметь рассмотреть. И опять повторим, что не нужно ждать лишь тех знаков, которые ждались бы по самости, по эгоизму ограниченному, ибо всякий эгоизм уже туп и ограничен. Следует найти в себе достаточно благовместимости, чтобы воспринять знак в той форме, в том выражении, в котором он свыше признан наилучшим.

Когда люди молятся об охранении от ночных призраков, это будет одним из очень насущных молений. Действительно, нужно охраниться от всяких темных призраков, от всего погружающего во тьму, а прежде всего охраниться от невежества. Нежелание знать, нехотение воспринять, ведь это уже будет подпадение под власть темных призраков. Человек, уходящий от земли и не помысливший о будущем, ведь это будет подобно получившему в дар прекраснейшую книгу и не раскрывшему ее ради переплета.

Внимательность в жизни не будет какой-то условной и

мрачной отвлеченностью. Наоборот, чем внимательнее человек, тем большие красоты для него откроются. Каждую минуту сосредоточения и молчания он признает как еще одно погружение в высь прекрасную. Он одумает и уложит бережнее накопленное им ранее. И накопленное не призрачно, но в духе нетленном.

Помню один морской рассказ достоверный. Некий капитан корабля впал в неизлечимую болезнь и должен был быть помещен в лечебницу, навсегда оставив любимое им судно. Новый капитан, тоже хорошо знавший дело, проходя вдалеке от одного каменистого острова, прилег отдохнуть. В это время, сквозь дремоту, он слышит голос: "Право на борт". Но он все же не поднялся. Тогда второй раз он слышит тот же приказ. И, наконец, оглушительно он слышит его в третий раз. Тогда капитан вскочил и выбежал на рубку, повторяя приказ "Право на борт". И было время, ибо судно шло прямо на буруны береговых рифов. В то же время в далекой больнице бывший капитан корабля выбросился из окна с тем же самым приказом на устах. Адмирал Т. подтвердит этот подлинный эпизод.

Некоторые люди называют всякие такие вехи святочными рассказами или не заслуживающими внимания совпадениями. Большинство из этих якобы скептиков очень боязливы сами и потому опасаются даже подумать о том, что, помимо их повседневности, помимо их лопуха огородного, существует еще нечто, что мощно заставляет помыслить и отнестись внимательнее к жизни. Спазматические обращения к вере или к урывочному чтению соответствующих книг помогают мало, ибо для всего требуется упорное и бережное, и зоркое устремление. Еще ничего не значит, если человек иногда допускает некоторую внимательность со своей стороны. Нужно уметь быть внимательным всегда. Нужно вчитываться в окружающие обстоятельства, как в глубокую прекрасную книгу, данную для повседневного приложения. Опять-таки некоторые неразумцы назовут этот образ мышления отвлеченной философией. Ведь они понимают это высокое слово в каком-то обидном нежизненном смысле. Но ведь из любви к здравому размышлению складываются самые твердые непреоборимые факты. Это же мышление упасет и от жестокости, и от грубости. Ведь утончение и возвышение сознания могут идти лишь рука об руку.

Какое чудное впечатление оставляет человек, в котором можно быть уверенным, что он не допустит ни жестокости, ни грубости. К тому же однажды достигнутое утончение сознания уже спасет от опасности одичания. Если вы встречаете человека опустившегося, одичавшего, то можно быть уверенным, что ранее

он не потрудился и над общею пользою, и над самим собою.

На засыпанной снегом равнине иногда торчат жалкие веточки, кем-то установленные для показания скрытой дороги. Иногда путник зорко усмотрит их и направит своего коня по этим вехам. Но бывают и самомнительные проезжие, которые, удивляясь неразгаданным изгибам пути, отправляются, не приняв этих указаний в соображение. Сколько неожиданных затруднений и опасностей они могут навлечь на себя среди скрытых бугров и лощин. Опытный ямщик, увидав потом след, отбившийся от заботливо указанного пути, сожалительно машет рукою: "Эк, их понесла нелегкая!"

Именно темная сила, именно невежество и самомнительность отвлекают неразумных от вех, заботливо для них сбереженных. Уроки внимательности будут и опытами благожелательства, и на этих путях уже приуготовлена верная охрана. По этим вехам пройдут путники.

10 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Обитель Света"

Почта

Весь день было необычно холодно. Из-за бугров несся холодный сиверко. А ночью заморозило. Дольше обычного мы остались около лампы в байшене. И вдруг из темноты радость: на ослике прибыл китаец-почтарь с разною почтою, с телеграммами и даже с несколькими чужими письмами, которые мы ему и вернули.

В городах почта как таковая теряет свои чары. Она до того обычна, часто до того отяготительна, что бумажная корзина немедленно наполняется. Но когда вы знаете, что на конечную станцию почта приходит через два дня, а затем почтарь в течение десяти дней развозит ее за десятки и сотни верст, то приход почты оказывается необычайным, а тем самым и особенно значительным.

Помним мы и других бегунцов-почтарей с копьем и рожком. Помним, как мысленно заботимся, чтобы никакие горные обвалы не затруднили их дальний путь и никакие другие неожиданности не заставили бы их заночевать в неуказанном месте. Дай Бог здоровья почтарю, чтобы налаженная, хотя и долгая нить доставки не прервалась.

Как же не радоваться почте от дальних близких и от всех разнонародных друзей. В дальнюю почту пишутся и новости особо значительные. Даже рука не подымется сообщать через горы и океаны о каком-то уже изжитом обиходе. Итак, около необычных условий накопляется и значительное. Телеграмма из Америки сообщает: "Пакт подписывается в Белом Доме при участии Президента". Эта весть чрезвычайного значения. Президент Рузвельт мог и не присутствовать при подписании Пакта, ибо он уполномочил Уоллеса для подписания. Но тем, что сам Президент Рузвельт также принимает участие в этом торжественном акте, тем самым Культурному событию придается особое значение.

Еще недавно мы писали, что по степени личного участия глав государств в Культурных делах познается и будущий расцвет самой страны. Там, где подан личный пример, там произойдет и прямое действие. Если глава государства среди всяких неотложных дел признает существенным свое личное участие подписания Пакта о сохранении Культурных ценностей, значит, страна ведется по истинно Культурному курсу. А в будущем справедливо могут гордиться все страны, которые ранее прочих откликнулись на Культурно-охранительное начинание.

В деле Красного Креста в свое время Соединенные Штаты

оказались одним из последних государств, приобщившихся к этому гуманитарному благотворению. Но теперь именно Америка в своем полном составе, оказалась первою в деле Красного Креста Культуры, как в общежитии называют наш Пакт. Среди военных затмений, среди вихрей бряцания вооружениями Америка устанавливает свое первое место заботе о Культурных ценностях. Честь и слава.

В той же почте пекинская газета сообщает: "Папа говорит о современном кризисе, угрожающем человечеству".

"Рим. Апрель, 2. Папа Пий XI в своем обращении к собранию консистории продолжительно отметил ужасающий экономический, политический и, поверх всего, моральный кризис, ныне обуявший человечество, с теми глубоко фатальными последствиями, которых можно опасаться в будущем. Грозовые тучи, ныне омрачающие горизонт, могут далеко превысить ущерб, нанесенный последней войною.

Папа сказал, что новая война была бы ужасающим преступлением. Он не может верить, чтобы те, которые сердечно хранят счастье и благосостояние народов, могли бы допустить человечество опять к кровопролитию, разрушению и нищете. Кто бы ни задумывал совершить такое страшное преступление, должен помнить молитву псалмопевца: "Боже, уничтожь народы, которые ищут войны".

Все миротворцы, все берегущие мир должны радоваться, слыша мощный голос, осуждающий преступное кровопролитие и мировое разрушение. Именно голоса власть имущих должны громоподобно звучать в охранение мира. Особенно же сейчас, когда весь мир содрогается в смятении, нужны голоса звучные и решительные, чтобы остановить несущихся в бездну.

Потрясает, что приходится говорить в нашем веке, если не в веке Культуры, то хотя бы в веке высокой цивилизации о темных, невежественных преступлениях.

Власть имущие! Скажите твердо и решительно, что подобные разрушения недопустимы. Если мы хотим достигнуть настоящего, действенного мира, мы прежде всего должны думать о проведении в жизнь неотложных основ Культуры. Разрушитель, лжец, извратитель не может быть носителем мира. Твердящие о мире должны запечатлеть этот принцип и во всей своей жизни. Ведь мир есть справедливость, достоинство, благородство, сознательность, терпимость, созидательность и все то, что не входит в понятие невежества. Как справедливо сказано: "От неведения все пороки". Но если ехидна невежества и вонючка злобы поселились в доме, то этих мерзких пришельцев терпеть невозможно. Если та или иная форма невежества и

ограниченности вошла в жизнь, то нужно всеми мерами вводить благодатное ведение, которое знает пути мира и созидания.

Миротворец не тот, кто твердит слово "мир" и носит вражду и ненависть в сердце. Власть имущие! Скажите еще и еще громче о том, что разрушение Культурных сокровищ недопустимо и навсегда оставит на позорном листе разрушителя.

Сейчас наш стан среди пустыни. Кто-то когда-то по неведению уничтожил обширные леса, остатки которых мы видели. За лесами ушли и травы, И воды скрылись под землю. Пустыня! Так же точно по невежеству и по злобе можно все разрушить. И кому же нужна будет эта пустыня вещественная и духовная. Сама очевидность говорит о вреде взаимных разрушений. Мы все пережили — и кризисы войны, и кризисы материальные и духовные. Мы воочию убеждались, как быстро, как сухой лес в пожаре, поглощаются человеческой яростью всякие достижения. На наших глазах близорукие люди думали, что Великая война на три месяца, что экономический кризис на шесть недель… как-то все устроится. Но для строения нужна добрая воля. Можно построить дом, если действительно его построить хотят. И вот именно добрая воля должна быть проявлена во всей деятельности нынешнего века.

Власть имущие, скажите решительно! Повторите и твердите о мире и созидании.

* * *

За юртою кричит почтарёв ослик. Может быть, он торопит почтаря в дальнейший путь за новыми известиями. Среди розовых утренних песков уходит вдаль почтарь-китаец. Он не знает, что он принес, что уносит и зачем вновь пересечет он пустынные пространства. Пусть он принесет добрую весть.

11 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Чаша

Чаша в представлении всех народов является предметом знаменательным. Начиная от священных, родовых и военных чаш и кончая символическими наименованиями нервных центров, всему придается Особенное заботливое внимание. Чаше вещественной посвящаются целые исследования. На изображениях, от самых древнейших, видим пламенеющие Чаши. На каменных изваяниях в Средней Азии можно видеть, как эти стражи пустыни держат у сердца своего Чашу, огнем процветшую.

Так, в древнем представлении понятие Чаши и Огня особенно часто соединяется. Если же мы вспомним то же древнейшее знание о нервном центре Чаши, служащем как бы хранилищем всех восприятий, то всякие подобные сопоставления углубляются еще более. Центр Чаши, имевший в некоторых старинных писаниях и некоторые другие названия, тем не менее всюду не обойден.

Даже самые неопытные люди подчас ощущают этот знаменательный центр. Они говорят о каком-то стеснении в груди. В общежитии такое явление приписывается или желудочному, или сердечному воздействию. Но более вдумчивые и знающие люди подумают, нет ли еще каких-либо причин, вызывающих это напряжение, которое может быть даже тягостным. Иногда можно проследить любопытное явление. Такие ощущения могут совпадать с очень значительным психическим переустройством организма. Особенно же это может чувствоваться, когда человек уже мог бы значительно продвинуться в психическом отношении, но вольно или невольно небрежет эту возможность.

Также иногда люди называют это состояние тоскою или грустью, прибавляя соображение о беспричинной тоске. Правильно, что это напряжение очень похоже на некоторые явления тоски. Кто-то даже сказал, что, может быть, сердце его тоскует о чем-то невоспринятом. Такие ощущения еще раз показывают, насколько бережно и внимательно нужно относиться к знакам, подаваемым самим организмом. Без суеверия, без предрассудков и без невежественных страхов человек должен ясно отдавать себе отчет, что именно наиболее полезное он совершить может. Как именно неотложнее воспользоваться ему каждым данным обстоятельством. Ведь часто людям дается полнейшая возможность приобщиться новой ступени знания. Они уже замечают мгновенные сверкающие знаки, обращающие их внимание. Они ощущают неожиданные ароматы, они, может быть.

даже слышат кое-что, но наносная огрубелость не позволяет им подумать ясно и четко, какие благостные возможности так близки от них.

Говорим об огрубелости, ибо обычно всякие возможности сопряжены с бывшим или с происходящим утончением. Но лишь огрубелость, вследствие каких-либо препятствующих обстоятельств, как бы закрывает возможность ближайшего осознания прекрасных знаков, а вместе с ними и своей ответственности. Очень часто люди издалека гораздо более бережно относятся к своим возможностям. Но когда они находятся, может быть, даже совсем близко от источников, они начинают мечтать о каких-то других водах, минуя ближайшую данную возможность.

Но сердце и так связанный с ним центр Чаши стучатся и горестно напоминают о том, что наиболее всего существенно. До болезненности гремят эти напряженные стуки, а человек вместо того, чтобы прислушаться к ним, старается их омертвить всякими грубо нелепыми средствами. Наверное, когда-то этот неразумный оглянется, осмотрится и увидит, что вместо маленьких повседневностей он мог легко прикоснуться к большему и незаменимому.

Как бы ни пытался он оправдать себя или возрастом, или намерением в будущем поступить лучше, но каждый миг остается неповторенным. Будущие намерения могут создать множество новых возможностей, но это будет чем-то уже другим, и прежняя задача останется уже невыполненной. Между тем каждое пренебрежение, а тем более к вопросам духа, рано или поздно даст себя знать. В Чаше отложатся эти невыполненные или извращенные задачи.

Осматривая историю человечества с точки зрения данных задач и полученных следствий, всегда можно убеждаться, что утерянные духовные возможности напомнят о себе, как ухабы на дороге. И опять-таки нельзя относить все эти жизненные обстоятельства к чему-то исключительно большому, по людским мирским измерениям. Иногда и самое маленькое зерно перевешивает глыбы золота. Иногда, казалось бы, самое сокрытое внутреннее соображение явно окрашивает неминуемые последствия.

Рано или поздно людям приходится возвращаться к духовному пути. На каких бы цветистых жизненных лужайках не резвились легкомысленные мотыльки, им придется приобщиться и к чему-то другому, в основе лежащему. Когда же люди вольно или невольно, сознательно или бессознательно, по своим срокам или чужими касаниями обращаются к пути духа, тем яснее

стукнет сердце обо всем когда-то неправильно утаенном, обо всем недонесенном, извращенном и оставленном в пренебрежении.

Всякие условные страхи, всякие перерожденные обычаи — все это встает в плеске вещества Чаши и люди опять бросают в пространство мучительный вопрос: "зачем?" Но все-таки каждую минуту еще не поздно хотя бы что-то сделать в исправление. Да, это будет уже нечто другое, оно уже не так четко сопряжется с Высшею Мыслью. Но все-таки всегда можно обернуться в правильном направлении.

Центр Чаши, являясь истинным тайником памяти, хранит навсегда сложенные и сокровища, и горести. В жизни, в бурлении, в плеске перерабатываются эти духовные отложения. Залечиваются многие раны, но все же или внешние, или внутренние рубцы остаются. Потому так часто центр Чаши и само сердце напоминают о себе. Пытаются направить мысль по правильному руслу, чтобы не утеривалось то, что вот-вот уже лежит у порога. Как на дозоре, сердце и Чаша напоминают, что не должно быть отложено на завтра все, что может быть воспринято сегодня, а всякое светлое восприятие не должно быть замарано хотя бы малым темным соображением.

Нехорошо испортить чей-то праздник. Так же точно недопустимо отемнить светлое восприятие. Какие же маленькие темные мысли могут вторгаться даже среди торжественного великолепия. И это бывает особенно безобразно, все равно, что среди величественной симфонии молот упадет на струны. Опять же, не подумаем, что величественная симфония заоблачна, а мы здесь пресмыкаемся в грязи земельных отбросов. Именно, "как на небе, так и на земле", и здесь, среди быта раздаются отзвуки самых высоких песнопений. Не замараем эти светочи, не потушим светлое пламя над Чашей.

Не случайно и самые великие акты человечества, и обиходные проявления связаны с великим образом Чаши. Язык символов от древнейших времен живет и посейчас. Правда, люди часто в неведении играют великими символами. Твердятся самые прекрасные обозначения в легкомыслии, без желания отдать отчет, где и как прилично произносить их. Всякая обязанность не будет скудным ханжеством, если она осознана в радости духа. Каждое поникновение духа тоже отложится в Чаше. Но как прекрасно подлинным адамантом загорится в ней каждая духовная радость.

Кто-то сказал, что именно наша современность изгоняет из жизни всякую радость, тогда как жизнь даже некоторых примитивных народов все же сохраняет искры радости во всей жизненной обиходности. Красива радость духа. Не преломим ее

никакими гримасами мертвого черепа. Дух и Огонь. Пламя над Чашей. Чем светлее оно, тем прекраснее сокровища сохранные.

Даже в пустынях стоят стражи пламенеющей Чаши.

12 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Чандогия Упанишады[76]

"Дыхание насыщаемо, глаз насыщаем, солнце насыщаемо, небеса насыщаемы и все, что под небом и под солнцем, насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?"

"Виана[77] насыщаема, ухо насыщаемо, луна насыщаема, державы небесные насыщаемы, все, что под ними и под луною, насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?"

"Апана насыщаема, слово насыщаемо, огонь насыщаем, земля насыщаема. Все, что под огнем и землею, насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?"

"Самана насыщаема, дух насыщаем, вихри насыщаемы, ураган насыщаем. Все, что под вихрями, в урагане насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?"

"Удана насыщаема, воздух насыщаем, пространство насыщаемо. Все воздушное и пространственное насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?"

* * *

"Кто, зная сие, служительствует Агнихотре[78] — тот служительствует во всех мирах, во всех сущих, во всем".

"Как дети теснятся вокруг матери, так приникают сущие вокруг Агнихотры — вокруг Агнихотры".

* * *

"От Тончайшей Сущности все одухотворено. Это единственная Действительность. Это Атман[79]".

"Истинно, мертво тело, покинутое духом. Дух же не умирает. Тончайшею Сущностью все одухотворено. Это единственная Действительность, это Атман".

"Брось эту соль в воду и вернись ко мне завтра утром". "Попробуй теперь эту воду, что находишь?" — "Она соленая". — "Зачерпни эту воду поглубже, что находишь?" — "Она соленая". — "Попробуй ото дна. Что находишь?" — "Она соленая". — "Еще

попробуй и подойди ко мне". "- "Она все такая же". — "Итак, истинно, мой друг, ты уже не замечаешь вещества, но оно всюду".

* * *

Скажи мне все, что ты знаешь, и скажу тебе последующее".

"Знаю Риг-Веду, Аюр-Веду, Сама-Веду, Атарвану-Веду,[80] древние сказания, Веду-Вед, знаю обряды, знаю вычисления, науку предсказаний, познавание погоды, логику, правила поведения, этимологию, науку священных текстов, науку оружия, астрономию, познавание змия и гениев, вот, что я знаю". "Все, что ты перечислил, это только слова". "Слова — Риг-Веда, и Аюр-Веда, и Сама-Веда, и Атарвану-Веда, и древние сказания, и наука предсказаний, и познавание времени, и логика, и правила поведения, этимология, и наука священных текстов, и наука оружия, и астрономия, и наука змия и гениев: все это только слова. Пойми правильное понимание слов".

"Когда кто понимает в словах брахмана, он может все, что желает, в державе этих слов". — "А есть ли что-нибудь высшее, чем эти слова?" — "Конечно, есть нечто высшее, нежели эти слова". — "Учитель, скажи мне это".

"Оно, Слово, истинно больше, чем все слова. Это Слово дает понять Риг-Веду, и Аюр-Веду, и Сама-Веду, и Атарвану, и древние сказания, и грамматику, и правила вычисления, и науку предсказаний, и знание времени, и логику, и правила поведения, этимологию, и науку священных текстов, и науку оружия, астрономию, и знание змиев и гениев, небо и землю, воздух, эфир, воды, теджас, высших сущностей, людей, животных, птиц, растения и деревья — все творения до малейшего, и насекомое, и до муравьев, и праведное, и неправедное, истинное и ложное, благое и злое, приятное и неприятное. Если бы Слово не существовало, ни праведное, ни неправедное не было бы познано, ни истинное, ни ложное, ни благо, ни зло, ни приятное, ни неприятное, это Слово дает различить все. Прими правильное понимание Слова".

* * *

"Единственно, когда Служение происходит правильно: без жертвенности не будет правильности. Это единственно делает Служение правильным, но нужно желать познать Служение".

"Только когда ощущаешь внутреннюю радость при Служении.

Не служит тот, кто в страдании. Только лишь, когда преисполнен радости, тогда происходит Служение; но нужно познать радость".

"Нет радости вне беспредельности. Нет радости в конечном.

Радость есть беспредельность, но нужно желать познать беспредельность".

* * *

"Кто устремляется к миру отцов, тот с ними и пребудет. Окруженный миром отцов, он может быть счастлив. Кто устремляется к миру матерей, лишь подумать, с ними и пребудет. Окруженный миром матерей, он будет счастлив".

"Истинно зрящий не видит ни смерти, ни болезни, ни страдания. Истинно зрящий видит, и всюду он достигает всего".

* * *

"Атман, единственная истинная действительность — в сердце. Это то, что объясняет выражение: Он — в сердце. День за днем, он, который это знает, достигает мир небесный".

* * *

Незабываемо высокое настроение, когда индус напевно сказывает священное предание. Прекрасно умеет сказать их великий поэт Тагор, который всем своим чутким сердцем держит великие ритмы.

В Индии, несмотря ни на что, всюду остается одна основная радость, когда сказываются стихи Махабхараты, Упанишад и прочих Пуран. При всем новом, неминуемо вошедшем в Индию, эти старые напевы остаются всегда живыми.

В переводе можно удивляться многим, как бы намеренным повторениям. Но когда вы слышите старинный напевный ритм, то становится совершенно ясно, что сами повторения являются как бы необходимым дополнением напева. Кроме того, в этих повторениях часто подчеркиваются именно те места, которые заслуживают особо углубленного усвоения. Не забудем, что многие века как Риг-Веды, так и прочие стариннейшие предания передавались только устно, и таким образом сам ритм способствовал точному запоминанию.

Когда вспоминаете особенно большое количество

философских и религиозных журналов и книг, издаваемых в Индии, то вы должны будете отвесить почтительный поклон народу, который так хранит и заботится об искусстве мышления. Истинное утверждение получится, когда вы будете собирать знаки добрые. Ведь один добрый знак уже покрывает многие несовершенства.

Во всей Индии, от опаленного юга до вознесенных Гималаев, живут знаки, о которых вы вспомните во всякой стране. Во всех них вы по справедливости воздадите почтение тонкости и возвышенности мысли.

Любой индус, от самого ученого до простого кули, будет рад побеседовать о предметах высоких. Даже за короткое время вы поймете, что поверх личного быта, поверх общественности и государственности для индуса будут самыми значительными высокодуховные предметы. Именно достигая этих предметов, индус становится реален, ибо для него они будут, как сказано, единственною истинною действительностью.

Также, несмотря на все современные смятения, в Индии все же живет учительство в трогательном и высоком понимании. Гуру все же живет в Индии. Соотношение между Гуру и учениками всегда будет поучительным. Такого сознательного, благородного почтения теперь уже трудно найти в других странах. Это не есть рабство, не подавление личности, не суживание горизонта, но есть возвышенное, благородное понимание Иерархии. Даже в мелочах обихода, и в глаза и за глаза, ученик действительно почитает и хранит достоинство своего учителя. Конечно, эти качества могут развиться лишь от соответственной взаимности. Учитель истинно является отцом и советником, руководителем во всей жизни.

Забота о внутреннем и внешнем преуспеянии учеников является неотъемлемым качеством Гуру. Но и ученики, со своей стороны, находят незабываемо прекрасные выражения в отношении своего руководителя. Не будет допущено никакого, хотя бы обиходно малого, умаления. Будет приложено все заботливое старание понять и охранить сущность познаваемого. В таких взаимоотношениях создается искусство мышления, творится радость о предметах высших. И эта радость живет не только во дворцах и около храмов, она проникает в самые убогие жилища и претворяет неимоверные трудности жизни в ношу легкую.

Кто побывал в Индии не туристом прохожим, но прикоснулся к сущности жизни страны или, вернее, великого континента, тот никогда и нигде не забудет очарования великой Индии. Можно всюду выполнять различные полезные задачи, можно

примениться к любым условиям, можно понять разные языки, но все же ничто не затмит необычное очарование Индии.

И сердце Индии отзывчиво там, где оно почует взаимность. Никакие слова и уверения не сравняются с великим знанием сердца. Зато и неизменен приговор сердца. Оно знает, где настоящее добро, под любою поверхностью сердце определит сущность. В Индии к этому сердечному языку прибавляется еще и неповторенная психическая чуткость. Даже на расстоянии вы можете взглянуть на кого-либо из толпы, и он сейчас же оглянется, как бы желая ответить. Сколько раз нам приходилось убеждаться в этой необыкновенной чуткости.

Невозможно чем-либо насильственным или противоестественным развить в себе эту чуткость. Лишь веками, в великом ритме, в постоянном мышлении о предметах высоких развивается это чрезвычайное качество. Но чтобы познать искусство мышления о высоких предметах, нужно полюбить и сделать обычным для себя этот способ мышления. Но чтобы полюбить, нужно возрадоваться. Правильно указано в Упанишадах, что служение может быть действительно лишь в радости. Эту внутреннюю сердечную радость нужно не только воспитать, но ее нужно суметь удержать, чтобы она поселилась в сердце. Добрая радость сердца сделается уже неотъемлемым качеством и преобразит собою все сумерки и потемки.

Думать ли о величественных замысловатых строениях юга Индии или мечтать о неповторенном величии Читора или Гвалиора и множества твердынь Раджпутаны, или перенестись мысленно в торжество Гималаев ¬всюду будет выражена радость великого мышления. В лунном Ганге, в тайне ночи Бенареса или в великом ритме гималайских водопадов будет то же неповторенное настроение. В повторении множества древнейших имен, от Ману, от Арджуны, от Кришны, от всех Пандавов, героев, творителей и строителей утверждается крепость в любовном почитании этой древности. И от Матери Мира, от царицы Мира, от всех носительниц домашнего и государственного очага проникаемся всегда цветущим очарованием великой сердечности.

Хороша Индия. Хороша она и в явном, и в тайнах, бережливо охраненных. Милая, Прекрасная Индия.

13 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Врата в Будущее"

Монсальват [81]

Полагают, что человеческий организм главным образом развивается всяческим спортом. Естественно, что упражнения нужны в особенности, когда они происходят на чистом воздухе. Но о способе упражнений существуют различные мнения. Полагается также, что главное гармоническое развитие должно происходить в нервной системе, а не столько в мускулах.

Нервным равновесием и здоровою нервною напряженностью человек достигает многого, чего никакими мускульными утрировками достичь нельзя. Все согласятся, что каждый однобокий спорт, выявляющий лишь определенную группу органов, есть нечто ограниченное и тем самым нечто низшего разбора.

Правильно, что прежде всего нужна разумно использованная прана чистого воздуха. Также необходимо некоторое движение, естественное для человеческого организма. Если это движение не будет нарушать нервную систему и протечет ненасильственно, то оно будет лишь правильным пособником развития тела и духа.

Всем известно, что в моменты нервного напряжения человек оказывается сильнее и выносливее всяких искусственных атлетов. Искусственное ограниченное напряжение создает и ограниченное мышление. "Золотое равновесие" мышления происходит лишь при гармоническом равновесии всего организма. Прискорбно вспомнить о всяких современных марафонах, которые тем или иным нелепым занятием выбивают никому не нужное число часов. Спрашивается, кого поучает или радует то обстоятельство, что человек может бессмысленно танцевать семьдесят два часа, а, может быть, и больше, уже являя при этом все признаки безобразия? Кому нужен многочасовой поцелуй, который тоже является, в конце концов, безобразным зрелищем?

Если заняться анализом всяких современных "марафонов", то можно лишь убедиться в профанации старого имени, запечатленного в подвигах. Ведь после марафона греки шли в академию, где внимали и беседовали с великими учеными и философами. И таким образом вовсе не происходило однобокой, затягивающей в тину профессии. Другие испытатели скажут, что при должном гармоническом развитии нервной системы вовсе не требуется бешеных телесных движений. Известно, как перипатетики в прогулках собеседовали о высших науках, гармонизируя тем самым и материальное, и духовное преуспеяние.

Уродливость чисто физических состязаний можно изучать,

сравнивая, например, классические состязания в Греции с уже упадочными римскими цирковыми забавами. Греческие игры не требовали ни мучительства, ни крови, которые оказались так существенными в римских цирках. Увы, и теперь толпы людей привлекаются зрелищем казни. Вот в Германии теперь опять начали рубить топором головы женщин. Кажется, это происходит на тюремном дворе, но боюсь, что если бы такое зрелище вынести на площадь, то амфитеатр зрителей был бы и теперь, в наш "цивилизованный" век, битком набит. Если бы назначить цены мест для такого зрелища, то, кто знает, может быть, платили бы гораздо больше, чем за благотворительные билеты.

Пришлось слышать один рассказ, как некие дамы были очень огорчены, что казнь сожигания живьем была заменена простым удушением. Вот куда оборачивается уродливое ограниченное развитие лишь некоторых центров и инстинктов. Многие падения и одичания именно происходили от уродливостей и ограниченностей. Вздувался один какой-то мускул, обнаруживался лишь один нарыв садизма или одичания, и прорвавшийся гной заливал весь мозг и сердце.

В противовес уродливо физическому развитию и однобоким ограничениям существует теория, что правильным упражнением нервной системы можно управлять и развивать мускулы и все органы. Конечно, мысль заставляет приходить в движение и мышцы, и всякие другие функции. Существуют такие ограниченные люди, которые даже этой простой аксиомы не могут осознать. Но тем не менее в этом может убеждаться каждый, который того захочет. Иногда приходилось видеть людей, уделяющих сравнительно очень мало времени физическим движениям, и тем не менее остававшихся в расцвете как мыслительной, так и физической возможности. Естественно, они не только устремлялись к высшим предметам, но и хотели жить и тем самым балансировали свои органы.

Ценить дары жизни. Хотеть жить для труда и пользы есть великий импульс, который помогает сильнее всяких прививок и массажей. Мыслительный массаж, осознанный, направит и должную энергию в ослабевший орган. Самая простая пранаяма, то есть вдыхание праны и направление ее туда, где есть необходимость в укреплении и развитии, будет очень показательным примером.

В обиходе часто приходится видеть самую уродливую профилактику. Человек опасается бессонницы и не находит ничего лучшего, как придаться наркотикам или алкоголю. Или человек чувствует какие-то странные ему симптомы и по-невежеству начинает курить или принимать яды, совершенно

упуская из вида, что одно такое послабление потребует лишь усиления таких же вредных нелепостей.

Говорили о радости Служения. Но какая же радость может быть в агонии наркотиков, никотина или алкоголя? Это уже не радость развития и восхождения, но постыдное бегство во тьму.

Врачи знают также, сколько болезней имеют причиною своею увлечение современным спортом. Постоянно приходится слышать, что та или другая тяжкая, а подчас и неизлечимая болезнь зародилась от спортивных излишеств. Самые различные органы бывают поражены, а более всего бывает переутомлено сердце. Сердечный невроз, уже не говоря о других более серьезных поражениях сердца, дает себя чувствовать на всю жизнь, если не доходит до фатального решения.

Однобокие спортсмены к тому же малопригодны даже среди обычной физической деятельности. Они оказываются какими-то набухлыми оранжерейными растениями, приспособленными лишь для одного какого-то выражения. Если всякая профессия вызывает и ограниченную специализацию мышления, то тем более спортивная специализация делает мышление уродливо однобоким. Если прислушаться к интересам боксеров и других подобных профессионалов или искателей призов, то очень часто можно усомниться в современной цивилизации.

За последнее время как будто потеряли остроту привлекательности бои быков. Впрочем, может быть, мы хотим ошибиться в этом. Может быть, нам хочется, чтобы они потеряли привлекательность, но где-то, может быть, по-прежнему толпа ревет от постыдного удовольствия. Конечно, никто не сопричислит к профессиональным уродствам здоровое сокольство, которое может благотворно заполнять досуги. Так часто и разнообразно повторяется о золотом равновесии. И так мало выясняется его ценная сущность.

На подступах к Монсальвату среди восходящих путников вряд ли можно встретить профессиональных боксеров и ловцов призов. Другие деятели неустанно стремятся к высотам Монсальвата. Чтобы взойти, чтобы не убояться горных тропинок, чтобы претерпеть трудности, нужны и физические усилия. У искателей Монсальвата найдется достаточно сил и

физических, и духовных, чтобы не свернуть трусливо с намеченного пути. Необходимые для подвига физические силы будут почерпнуты не из призового источника. В прекрасном равновесии, без ущерба духовному росту сердца, горящие Монсальватом взойдут.

Монсальват — уготован. Произнесен на всех языках. В постоянном развитии не коснемся конечного, оконченного. Не

ошибемся, приняв телесное за исход и венчание. Лишь духу сужден венец.

Отдадим себе отчет, в каких обстоятельствах зарождается представление о Монсальвате. Воспитатели не забудут, когда именно и почему возникло в жизни это ведущее понятие. На подступах к нему можно еще раз вспомнить, что ничего нет оконченного в великой относительности. Сколько раз каждому учителю придется повторить эту простую истину вступающим на трудовой путь.

В труде, в повседневности, казалось бы, так далеки высоты Монсальвата. Можно видеть людей, делающих сбережения и с нежностью приговаривающих: "Пригодится, когда пойду туда". Это не скупцы, которые, обуянные землею, закрепощают дух свой материальными сокровищами. Это соколы, расправляющие свои будущие крылья. И знают они, что им придется идти, им будет позволено идти. И прежде всего в этом сознании будет избегнуто мрачное чувство одиночества, которое так мертвит и устрашает людей, в неведении пребывающих.

О высоком могут быть лишь высокие выражения. Слова подлые, обиходные не укладываются около понятий высоких. Хотящим узреть есть многое видимое. Для хотящих слушать уже звучат голоса. Монсальват — уготован.

14 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Нерушимое"

Дар небесный

Дары Небесные в сознании сопрягаются с какой-то молниеносностью. Все Вышнее, все от Высоты естественно вливается в представление о Свете, о сверкании, о немедленности. Так оно и есть. Величайшие претворения могут быть молниеносными, мгновенными. Но еще одно обстоятельство на земном языке должно быть осознано. Ведь то был язык небесный, а наш язык земной. Даже для самых прекрасных понятий мы имеем лишь скудно-обычные выражения.

Если около понятия дары Небесные мы нагромоздим все условные определительные, то все-таки это будет скудным и ограниченным выражением о Несказуемом.

Сердце осветит такие выражения, как торжественность, величие, восхищение, трепет, радость. Без сердечного преображения все лучшие слова останутся мертвыми созвучиями. Потому издревле говорится о том, как лучшие дары должны быть восприняты и достойно приближены к земному обиходу.

Любовь мгновенна, но она должна быть воспитана и утверждена в полном сознании, иначе даже и это великое чувство будет лишь миражным трепетанием.

Принесения Небесных даров в земные условия рассказаны во многих эпосах. Этими былинами пытались остеречь людскую опрометчивость и ввести сознание в восприятие достойное.

Дар Небесный, не введенный любовно и заботливо в жизнь земную, будет какими-то отрезанными крыльями, которые даже при всей их ослепительной ощутимости могут остаться все же отрезанными. Но ведь Вышнею волею крылья даны для благих полетов. Без истинного стремления к полетам человек не вспомнит о крыльях, которые запылятся в домашнем хламе.

Маленькие серенькие домашние выкатятся из всех углов, чтобы одеть серые скучные одежды на истинное посланное великолепие.

Чучела птиц с мертвыми расправленными крыльями всегда вызывают какую-то скорбную мысль о том, что символ движения и высшего полета пригвожден на запыление и обречен как ненужный обломок.

Культура Небесных даров в земных условиях представляет собою трудную науку. Именно трудную, ибо это познание рождается в трудах. Именно науку, ибо многие опыты, многие испытания должны произойти, прежде чем цветок Небесного дара расцветет без повреждений во всем своем суждением великолепии.

Не только какие-то будто бы избранные могут заниматься и заботиться о процветании даров Небесных на земле. В каждом жилище должен быть этот священный сад, куда принесут в великой бережности дар Небесный и окружат его всем лучшим, на что способно сердце человеческое.

Временами люди начинают воображать, что не посылаемы более дары Небесные. Но при этом они не подумают, зорки ли их глаза, чтобы среди света солнечного узреть и свет незримый. От дождя Благодати не спасаются ли люди под зонтик? От очищающих гроз, от державных волн света не убегают ли люди в подвалы?

Из самого великолепного не делается ли самое убогое? И какая это скорбь, если дар Небесный, если это щедрое восхищение к прекрасному будет брошено на посмешище или заперто в сундук скупца?

Эти отвергшие, не будут ли они искать всевозможные причины, чтобы сложить на другого собственное невежество и грубость? Немного физических усилий нужно потратить, чтобы сорвать любой цветок. Совершенно так же очень мало нужно грубой силы приложить, чтобы опоганить высокий дар Небесный. Кто бы ни стал говорить о том, что все это давно уже известно, но ответить ему можно словами Вивекананды: "Если вы знаете, что это хорошо, то почему вы не поступаете по Заветам этим?" В перефразе этих знаменательных слов звучит прямой вопрос всем, и во многих случаях, когда попирается нечто знаменательное. Если кто-то скажет — не нужно твердить, скажите ему — если какое-то безусловное благо не применено, то каждый обязан твердить об этом. Непристойным был бы разговор о том, нужно ли помогать в тех случаях, когда помощь возможна. О чем говорить! Решительно каждый согласится, что помогать следует. Значит, если где-то и что-то небесно ценное находится в небрежении, то следует твердить об этом, пока хватит голоса. Если кто-то видит, что гуманитарная основа попираема ступнею невежества, он должен указать на это, если только он сам понимает истинную ценность.

Разнообразны дары Небесные. Во всем многозданном величии и в щедрости посылаемы эти прекрасные пособники в делах человеческих. Ливень Благодати ниспадает в щедром благоволении, и лишь капли этой ценности достигают. Но каждая мысль о дарах Небесных укрепляет сердце. Особенно сейчас, когда сердца так растеряны и обезображены болями, нужно думать о высоком целении, о дарах Небесных.

14 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

Nicholas Roerich. "Himalayas Abode of Light". London, 1947

Знамя

В Белом Доме сегодня с участием Президента Рузвельта подписывается Пакт. Над нашим байшином[82] уже водрузилось Знамя. Во многих странах оно будет развеваться сегодня. Во многих концах мира соберутся друзья и сотрудники в торжественном общении и наметят следующие пути охранения культурных ценностей.

Не устанем твердить, что, кроме государственного признания, нужно деятельное участие общественности. Культурные ценности украшают и возвышают всю жизнь от мала до велика. И потому деятельная забота о них должна быть проявлена всеми.

Сколько бы стран ни подписало бы Пакт сегодня, все равно этот день сохранится в истории как памятное культурное достижение. Начало государственное уже приложило свою мощную руку, и тем самым открылись многие новые пути для всех подвижников Культуры. Может быть, сегодня же обнаружатся и какие-либо темные попытки. Такой отбор Света и тьмы неминуемо должен происходить. Это не есть разделение мнений, но именно отбор созидательного и разрушительного, положительного и отрицательного.

Как успех подписания Пакта, так и какие-либо противодействия, и то, и другое должно одинаково поощрять всех сотрудников к дальнейшему преуспеянию. Будем хранить в памяти этот день как знак светлого будущего, как еще один импульс к полезным строительным достижениям. Подчеркиваю, что выражение "разделение мнений" было бы сейчас совершенно неприменимым. Свет и тьма никогда и не соединяются, и потому и разделяться не могут. Но если тьма чувствует себя в опасности, она рычит и визжит, и противоборствует. Она не могла отделиться от Света во мнении, ибо ее сущность всегда была противоположна Свету. И так же всегда она будет тем темным фоном, на котором еще блистательнее сияющие искры.

Да не подумает кто-либо, что именно сегодня, в день достижения и праздника, будто бы неуместно говорить о тьме. Но если понимаем ее как противоположение Свету, как нечто Светом рассеиваемое, то именно в День праздника Света можно вспомнить о том, что некая часть тьмы сегодня же была рассеяна. Мы никогда не скрывали, что тьма в своей мрачности сильна. Мы не скрывали, что каждая победа над тьмою будет следствием большой и трудной борьбы. Потому-то и велика победа Света над тьмою. Лишь в полном осознании условий этой борьбы мы можем

воистину радоваться каждой победе Света.

Все знают, что Свет и тьма, о которых говорится, вовсе не отвлеченность. Это не только действительность, но даже очевидность, доступная каждому глазу. Здесь, на земле, в труде и борении мы видим служителей Света. Здесь же мы усматриваем и злобных, исполненных ненавистью ко всему сущему, слуг тьмы. Здесь, в жизни, мы научаемся приемам шествия Света, а также убеждаемся и в мрачной согласованности темных легионов. Последнее не может огорчать, ибо было бы неуместно огорчаться и тем обессиливаться тогда, когда призваны все полки Светлые. Наоборот, можно всегда радоваться каждому блистанию Света, как молнии, очищающей сгущенные тучи.

Истинно, будет и должен быть памятным сегодняшний день 15-го апреля. Выявился еще один маяк, который будет сближать друзей дальностранных, заокеанных, загорных, раскинутых по многим весям земли. Попросим их всех еще раз высказаться обо всем полезном и неотложном. Во многих странах хотя бы один сегодняшний день уже научит многому. Если соберем все эти испытанные нахождения, то уже получится целое хранилище полезных и неотложных советов. Итак, посоветуем друг другу, сообщим все наши накопления и наблюдения. Ведь даже в обычные дни, когда, казалось бы, ничего особенного не происходило, и то появлялись самые неотложные соображения. Но теперь, когда действительно произошло важное и знаменательное, сколько же новых устремлений должно возникнуть. Если в обычные дни постоянно возникали знаки бедствия и требовалась неотложная помощь, то срок знаменательный должен сообщить всем сотрудникам Пакта еще большую зоркость и прозорливость. Именно прозорливость необходима в деле хранения Культуры. Ведь нужно предусмотреть многие следствия. Причины могут быть очень сокрытыми и раскрашенными в защитные цвета, но они могут вести к потрясающим последствиям. И вот рассмотреть, где притаился коготь, — тоже будет отличной задачей для всех хранителей культурных ценностей.

Мы столько раз уже говорили о множестве опасностей для культурных ценностей в наши дни. Теперь правительства подают нам мощную руку помощи. Мы понимаем эту поддержку как великую возможность новых достижений. Пакт не должен остаться на полке законохранилищ. Каждый памятный день Пакта должен быть лишь жизненным поводом для поднятия и укрепления Знамени Охранителя.

Вот и в пустыне над пустынными башнями развевается Знамя. Но ведь пустыни могут быть очень различны. Если где-то

соберется толпа невежд темных, то ведь это тоже будет пустыня, безводная, бездушная, бессердечная.

Пусть Знамя развевается и над очагами Света, над святилищами и твердынями прекрасного. Пусть оно развевается и над всеми пустынями, над одинокими тайниками Красоты, чтобы от этого зерна священного процвели и пустыни.

Знамя поднято. В духе и в сердце оно не будет опущено. Светлым огнем сердца процветет Знамя Культуры. Да будет! Свет побеждает тьму.

15 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Нерушимое"

Сущность

Сущность людей в основе своей добрая. Первый раз это сознание укрепилось во мне во время давнишнего опыта с выделением тонкого тела.

Мой друг-врач усыпил некоего Г. и, выделив его тонкое тело, приказал ему отправиться в один дом, где тот никогда раньше не бывал. По пути следования своего тонкого тела спящий указал ряд характерных подробностей. Затем ему было указано подняться на такой-то этаж дома и войти в такую-то дверь. Спящий обрисовал подробности прихожей, говоря, что перед ним дверь. Опять ему было указано проникнуть дальше и сказать, что он видит. Он описал комнату и сказал, что у стола сидит читающий человек. Ему было указано:

"Подойдите и испугайте его".

Последовало молчание.

"Приказываю, подойдите и испугайте его".

Опять молчание, а затем робким голосом:

"Не могу".

"Объясните, почему не можете?"

"Нельзя — у него сердце слабое".

"Тогда не пугайте, но насколько можно, без вреда, наполните его своим влиянием. Что видите?"

"Он обернулся и зажег вторую лампу".

"Если не вредно, то усильте ваше влияние. Что видите?"

"Он вскочил и вышел в соседнюю комнату, где сидит женщина".

По окончании опыта мы позвонили к нашему знакомому и, не говоря в чем дело, косвенно навели его на рассказ о его чувствованиях. Он сказал:

"Странное у меня сегодня было ощущение. Совсем недавно я сидел за книгой и вдруг почувствовал какое-то необъяснимое присутствие. Стыдно сказать, но это ощущение настолько обострилось, что мне захотелось прибавить свету. Все-таки ощущение усиливалось до того, что я пошел к жене рассказать и посидеть с ней".

Помимо самого опыта, который так ясно показал причины многих наших чувствований, для меня лично одна подробность в нем имела незабываемое значение. В земных обстоятельствах человек, конечно, не стал бы соображать, слабое ли у кого сердце. Он испугал бы, обругал, причинил бы зло, ни с чем не считаясь. Но тонкое тело, то самое, о котором так ярко говорит Апостол Павел, оно в сущности своей прилежит добру. Как видите,

прежде, чем исполнить приказ — испугать, явилось соображение очувствовать сердце. Сущность добра подсказала сейчас же, что было бы опасно повредить это и без того слабое сердце.

Один такой опыт в самых обычных, обиходных обстоятельствах уже выводит за пределы телесно ограниченного. Получилось не только выделение тонкого тела, но замечательное испытание доброй сущности. Сколько темного груза должно отягчить светлую тонкую сущность, чтобы люди доходили до человеконенавистничества. Опять, как говорил Святой Антоний, "ад — невежество". Ведь весь темный груз прежде всего от невежества. При таком положении, насколько нужны добрые мысли, которые своими незримыми крыльями касаются отягченного, отуманенного чела.

Когда люди в невежестве говорят: "К чему эти сосредоточения мысли, к чему эти ушедшие от мира отшельники? Ведь они эгоисты и о своем спасении только думают". Большое заблуждение в таком суждении. Если даже на самом обиходном опыте мы могли убеждаться в доброй и благородной сущности тонкого тела, если мы видели, что мысль добра превысила все приказы, так несомненные в таких случаях, то насколько же нужны эти мысли добра. Сколько простой, трогательной бережливости сказывается в простом ответе о слабом сердце. А разве мало сейчас слабых сердец и кто имеет право отягощать их? Разве мало сейчас смертельно пораненных сердец, которые под одним неосторожным толчком уже не выдержат более? И будет это такое же точно убийство, как убийство кинжалом, пулею или ядом. Разве не яд проникнет в сердце при злобном нападении? Какое огромное количество убийств настоящих, умышленных, злобных в своей длительности происходит вне всяких судов и приговоров. Отравить человека нельзя, задушить человека нельзя; это правильно. Но тогда почему же можно разгрызть и разорвать сердце человеческое? Ведь если бы люди хотя бы иногда, хотя бы кратко в час утренний помыслили о чем-то добром, вне их собственной самости, это было бы уже большим приношением миру.

Конечно, невежественные циники, наверное, будут ухмыляться, считая, что мысль это ничто, во всяком случае, не более былинки в воздухе. Всякий цинизм о мысли, о духе, о внетелесных возможностях будет ярким примером грубейшего невежества. Когда же эти невежды, злобно кривясь, скажут: "Куда уж нам, малокультурным, погружаться в океан мыслей", ¬это будет сказано вовсе не в смирении и робости, но будет словом безобразнейшей гордости.

* * *

Часто люди втайне мечтают приобщиться чему-то, как они говорят в просторечии, сверхъестественному. Точно бы в естестве великом может быть естественное и, как противоположение, сверхъестественное. Конечно, это обычное выражение, как противоречащее обиходу, не приводит к верному сознанию. Но главное дело то, что, как только людям доводилось прикоснуться хотя бы к началу такого необычного явления, они впадали в такой безудержный сердечный трепет, что явление останавливалось. Прекращалось оно по той же самой причине, как и в вышесказанном опыте. Становилось ясным, что невоспитанное сердце и неопытное сознание не выдержали бы ничего сверхбудничного.

Очень часто говорится о каких-то необъясненных сердцебиениях. Их вносят в рубрику половую или чрезмерной работы, или каких-либо излишеств. Но немало случаев нашлось бы среди этих явлений, когда какие-то прекрасные крылья уже касались ждущего или нежданного, а он от одной близости этой уже смертельно содрогался. Это тоже будет так часто несовместимая разница между языком земным и языком Небесным.

Сколько добра и сострадания заключено в простом соображении о слабом сердце. Если бы люди даже в обиходе чаще допускали бы себе эту человечную мысль о чужой боли, о переутомленности и слабости сердца, то ведь они уже тем самым становились бы во многих случаях человечнее.

* * *

Явления мертвых рассказаны во всевозможных повествованиях. Они совершенно несомненны. Среди них несомненно и то, что много раз, являясь с целью очень нужною, родные и Друзья не могли сказать свою благую весть только из-за опять-таки животного страха тех, кому они являлись. Известны случаи, когда, желая спасти человека от опасности, усопшие должны были предпринимать целый ряд постепенных приближений, чтобы освободить человека прежде всего от страха. Именно страх так часто мешает принять самую добрую весть.

Об этих явлениях, о таких добрых вестях и желаниях помочь, написано так много, что невозможно вдаваться в перечисление отдельных эпизодов. Начиная от теологических и через многие философские, исторические и поэтические рассказы, всюду

утверждается, что и смерти как таковой нет, и близость миров может быть ощущаема даже среди обихода жизни. Все это несомненно. Но злоба и ненависть, так обуявшие человечество в наше время, понуждают еще раз вспомнить о том, что сущность человеческая добра, а все злое, безобразно вредное будет наносным, прежде всего в силу невежества.

Очень темные, глубоко павшие сущности проявляют свое влияние прежде всего на невеждах. Их излюбленное средство опять-таки будет через многообразное запугивание. Они постараются настолько омрачить и понизить сознание уловляемого, что он почувствует себя изолированным, одиноким и, наконец, увидит счастье свое лишь в общении с темными. Темные также постараются лишить уловляемого всех истинных радостей, подсунув ему всякие постыдные суррогаты самоуслаждения.

Человек хочет забыться. Вместо того, чтобы хотеть возможно яснее помыслить и вооружиться на духовную битву, его заставляют забываться. В дурмане забытья, чего легче им овладеть и сделать его послушным орудием, ублажая его в невежестве. Между тем лишь мысль добра, лежащая в основе, может подвинуть и к жажде знания. И тогда человек не упустит ни дня, ни часу, чтобы узнать, улучшить и украсить все, что возможно. И в этом процессе мысль добра будет и мыслью прекрасною.

16 Апреля 1935 г.
Цаган Куре
"Нерушимое"

Мысль

Кто не знает тех, Свыше прилетающих и легко касающихся сердца нашего, мыслей? Трудно опознать их, еще труднее запомнить. В часы предутренние, словно касания легких крыльев, прилетают эти мысли. Можно удержать их, повторить, еще раз затвердить, и все же в большинстве случаев они улетают безвозвратно. Приходят они от тех сознаний, язык которых, поистине, разнится от нашего. Потому так трудно входят они в наше здешнее осознание и мышление. Часто остается лишь где-то внутри понятое нечто прекрасное и полезное, а иногда и очень нужное. И все же вы не сумеете перенести это сразу на слова земные.

Бывает, в случаях особо спешных, что благая весть сопровождается каким-то физическим звоном или шумом, чтобы еще больше насторожить, отрезвить спящее сознание. Говорят о появлениях как бы звона серебристых колокольчиков или аромата, а не то и просто какой-то предмет падает со стола, чтобы создать еще более ясное бодрствование. При одном редком явлении предварительно пролетел большой орел как бы для того, чтобы глаза присутствовавших, следя за ним, усмотрели и нечто другое.

Велико разнообразие восприятий и утверждений посылок. Лишь очень сознательные и сердечно развитые люди могут не упускать этих вестников радости, пользы и помощи.

Но даже для среднего сознания остается совершенно ясна граница между своим помыслом или помыслом навеянным. Человек отлично знает, что рожденную в себе мысль он и запомнит, и очень легко всегда вызовет ее. Но мысли навеянные, они трудно прирастают к человеческому сознанию. Потому-то развитое искусство мышления всегда будет полезно во всех отношениях, во всех случаях жизни.

На Востоке в монастырях еще остались уроки такого развития мышления. Вы можете видеть, как молодежь под наблюдением старших быстро задает друг другу вопросы, ответ на которые должен последовать также немедленно. При этом вопросы задаются не только неожиданно по существу, но и неожиданно обращаются к одному из присутствующих. Характерный удар в ладоши сопровождает эту скоропостижную посылку. Если же вопрошаемый не найдется с ответом или ответ его будет неудовлетворительным, то он останется на посмешище общее.

Такие уроки мышления, сохранившиеся и до сего времени, напоминают нам о давних прекрасных школах мысли.

Напоминают о тех временах, когда глубина и изящество мышления считались одним из самых благородных упражнений. Эти времена дали многие эпохи расцвета. Это может быть прямым доказательством того, что мысль процветает прекрасно.

Теперь многое как бы облегчено. Появились всевозможные энциклопедии и справочники. Обыватель, приобретя многотомную энциклопедию, восклицает: "Слава Богу! Уже не нужно мне засорять мою память!". С гордостью он покажет на золотом тисненную полку и скажет: "Вот моя память". Но рядом с этим среди молодого поколения часто начинают проявляться излишества в употреблении справочников. Таким образом, иногда совершенно упускается из вида, что память как таковая требует воспитания постоянными упражнениями мышления.

Уже в пределах труизма находится истина, что лучшие основы преуспеяний должны быть воспитаны в великом труде и внимательности. И любовь, и свобода, и дисциплина, и взаимоуважение, и преданность труду — все это закрепляется постоянными испытаниями и воспитывается так же, как и познание всех прочих условий жизни.

Философия, давшая столько примеров утонченного мышления, не только пробуждала сознание, но и упражняла его. Естественно, всякое упражнение не может быть спорадическим. Спросите об этом любого виртуоза-музыканта. Ведь он не только упражняет свои пальцы, но в трудных заданиях он держит свое музыкальное сознание на гребне волны. Человек может впадать в большое безразличие, говоря себе: "Не сегодня, так завтра". Он потеряет не только ценнейшее время, но также потеряет для себя самую ценность своего предмета. Безразличие уже будет омертвением.

В древности сказавший: "Благодать — пугливая птица" знал необходимость всей бережности ко всему, извне приходящему. Если человек откроет врата добра, то к нему добро и войдет. Наверное, на это утверждение возразят очень многие несчастные в жизни. Они будут утверждать, что врата добра они открывали, и ничто, кроме горя, не вошло. Но на пороге врат не оставался ли маленький скорпион или тарантул? Не был ли запылен этот вход, и не осталась ли какая-то грязь за порогом?

Опять и опять нужно всегда сознавать значение хотя бы очень маленьких, мимолетных, но смертельно жалящих мыслей. Всем нам приходилось видеть людей очень хороших, которые среди доброкачественных соображений вдруг допускали невозможную по своей вредности мысль. Иногда, может быть, даже для них самих неожиданно с уст срывалось соображение, приличное разве самому дикому человеку. Правда, они спешили оговориться.

Утверждая, что это как-то сорвалось. Но ведь сорваться-то нечто может лишь из какого-то хранилища. Значит, где-то глубоко еще имеются груды ветхого рубища. Совершенно так же, как в открытых старых тайниках часто находится какое-то никому не нужное, затхлое тряпье. Исследователь с удивлением соображает, зачем наряду с прекрасными сокровищами в хранилище попали какие-то бесформенные тряпки. Но они все-таки как-то там оказались. Они все-таки заражали воздух своим гниением. От их гниения вырастала сильнейшая ржавчина на соседних предметах. От них разлагалась ценнейшая резьба и еще быстрее истлевали свитки нужнейших рукописей. А ведь эту кучу тряпья в свое время кто-то просто забыл. В темном углу накопились какие-то лохмотья, точь-в-точь, как лохматые бесформенные мысли, от которых подгнивает самое ценное достижение.

В умении мыслить скажется и качество терпимости к окружающему. Нетерпимость есть не что иное, как дикость. Нетерпимый человек, то есть тот, который допустил в себе губительное свойство нетерпимости, не пригоден для общественности. Он не только не поймет окружающего мышления, но он легко может оскорбить самый утонченный оборот мысли своего друга. Такие оскорбления мысли будут самыми тяжкими. Чтобы избежать их, нужно, попросту говоря, подумать. Из того же заботливого помысла породится и ценность к чужому времени, осознается та благородная напряженность, которую люди в невежестве часто клеймят самыми позорными именами.

Когда испытывалось мышление, человека не оставляли в библиотеке со всеми справочниками. Наоборот, его оставляли в пустом помещении, чтобы он мог остаться лишь с самим собою и вызвать из своих хранилищ испытанные соображения. После излишеств материализма человечество опять придет к справедливой оценке гуманизма и всех тех высших областей, с ним всегда связанных. Люди, зараженные излишеством справочников и тому подобных облегчений, вероятно, будут полагать, что после нашего века уже невозможно возвращение к осознанию духовных возможностей. Это и не будет возвращением, ибо всякое возвращение, в конце концов, невозможно в стремительности всего сущего. Но в той же стремительности люди опять нащупают, где истинная ценность. Они опять научатся услышать голос Вышний.

17 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Nat-og-Dag

Щит древнего скандинавского рода разделен пополам: черное и белое — ночь и день. Девиз — "горечь со сладостью". Много смысла вложено в этот щит. Даже горечь принимается со сладостью как неизбежное и даже поучающее. Смысл и ночи, и дня также напоминает о преданности основам не только днем, но и ночью, иначе говоря, во все времена. Именно по всем временам проходят самоотверженные утверждения подвига.

Писались эти иероглифы чести на щитах, которые висели у шатров. Каждый мог читать исповеданную сущность владельца щита. При этом, как знаем из истории, эти родовые скрижали не были простым размышлением. В них всегда в основе лежал или какой-нибудь геройский поступок, или государственная польза.

Щит ночи и дня, среди множества дошедших до нас символов, останавливает внимание своею краткостью и четкостью символа. Каждое запечатленное служение именно будет служением полным. Будет дозором несменным и днем, и ночью. И в ночные часы, даже во сне, соприкасаясь с миром тонким, человек, проникнутый идеей Служения, будет настороже, будет накоплять всевозможные полезные опыты и присоединять их к прежним испытаниям. Для руководящей своей идеи воитель будет и себе напоминать щитом своим, что именно есть неотложное и несменное.

Nat-og-Dag — ночь и день! Часто не знаем, когда именно совершилось самое важное, самое решающее. Когда люди предаются сну в одной части Света, ведь в другой в дневные часы могут протекать решительные события. Истинный страж и в часы полуночные держит сознание свое открытым для восприятий и ответов. Не так легко создаются возможности к такому единоустремлению. Невозможно их предпослать вдруг. Сознание не будет отвлечено чем-то посторонним, а может быть, даже и злоумышленно подброшенным. Сколько бывает этих темных подкидышей. Как далеко они могут заводить человека, еще не вполне укрепленного в своих хороших устремлениях. Всякие лесные и русалочьи голоса на болотах и топях, совершенно как в сказке сказано, безвозвратно заводят спотыкающегося путника.

Маленькое двуличное сознание и тут найдется, чтобы сочинить оправдательную пословицу: "Не согрешишь — не покаешься". Таким образом, слабовольный преступник всегда может доказывать, что он преступил лишь для вящего покаяния. Какое множество обиходных преступлений творится в надежде, что они вообще не будут открыты, а если и будут, то остается

аргумент раскаивания.

Но тот, кто вложил в сердце свое как девиз жизни "и днем и ночью", тот даже и в часы потемок осветлит их своей непреложной, добровольно принятой задачей. Ведь Служение может быть принято лишь добровольно. Из великого сознания самопожертвования вырастает и мудрое знание, что и сама горечь будет полна сладости совершаемого подвига. В таком девизе нет никакой самости. Нет никакой похвальбы, как в некоторых других щитах, в которых выставлена не возложенная на себя задача, но случайное достижение.

Можно находить щиты и девизы очень сложные. В нагромождениях постепенных на щитах уже сказывалось не служение рода, но гордость и самохвальство. Но многие древнейшие иероглифы чести очень просты. Они напоминают собою о возложенных на себя задачах. Они не усложняются вехами постепенных прохождений. Они держатся четко, ибо возложенная на себя задача так же бесконечна, как и все сущее.

Наука о родовых знаках и девизах чрезвычайно психологична. Она не только помогает изучению истории, но именно неоценима со стороны психологии. Каждый век вносил в эти традиции свои особые знаки. Они остаются открытой книгой для каждого непредубежденного исследователя. Такие исследования будут совершенно далеки от известной басни о гусях, спасших Рим. Наоборот, они будут вещественными признаками для изучения быта. В этих знаках отложились основы и гуманизма, и чести, и достоинства, и духовных стремлений, и мужества, и Служения. На каких бы языках ни произносить эти качества, начало, ведущее в них, все-таки останется. Во имя человечества, почему мы стали бы влагать самовольно в перечисленные качества лишь какие-то плохие побуждения? Всякое сотрудничество может процветать лишь на доверии. Если к чему-то мы отнесемся предубежденно-недоверчиво, то тем самым мы лишаем себя права быть судьями.

Разве будет историком тот, который приступит к труду своему уже в преднамеренности доказать то или другое, ему показавшееся или ему выгодное? Мы знаем много писаний, оплаченных и совершенных лишь в судороге предубеждений. Эти личины не имеют ценности. Рано или поздно кто-то, по природе справедливый, докажет весь подлог, совершенный ради самости или подкупности. Всегда и во всем лучше ошибиться в хорошую сторону, нежели в дурную. Но ведь и это качество нужно воспитать в себе в неистощимом терпении, денно и нощно.

Опять напоминание о ночи и дне. Хорошо сказано о ночи ранее дня. Ведь ночные познания мы принесем в день и проявим

во дне, в свете. К состоянию сна начали относиться сознательно лишь сравнительно недавно. Вредно недосыпать, но еще вреднее развить в себе пагубную привычку слишком долгого сна. Ведь мы и не должны оставаться в том особом состоянии духа, которое дает сон чрезмерно долгий. Этим самым мы будем отрывать часы бодрствования и не успеем сознательно обмыслить то, к чему мы прикоснулись в Тонком Мире. Очень характерно отметить, что на высотах сна требуется меньше, чем в низинах. Это обстоятельство дает многие темы для размышлений. Прежде всего оно доказывает, что отравленная, стелящаяся по земле атмосфера вызывает большую потребность к освежению в условиях Тонкого Мира. Во всяком случае, более чем характерно, что на высотах требуется минимум сна, но и менее пищи. И об этом можно достаточно подумать.

В конечном равновесии естественно знать о Тонком Мире во время бодрствования, а в ночные часы из достижений во сне приносить наибольшую пользу своему возложенному на себя Служению. Если мы исключим из соображений сны, являющиеся следствием наркотиков, опьянения, объедания и всяких непотребных излишеств, то мы увидим перед собою очень поучительные здоровые и многозначительные сновидения. Обычно запечатлеваются они при состоянии сердечного, душевного покоя. Конечно, понимаем покой не как бессмыслие, но как истинное равновесие.

Наверное, вам приходилось много раз слышать, как люди жаловались, говоря: "Сколько раз хотел я то или другое увидеть во сне, и никогда этого не случалось". Действительно, наши здешние предубежденные предпосылки будут много отличаться от того, что действительно полезно или действительно спешно нужно.

Nat-og-Dag, ночь и день. Всегда готов! Всегда знаю, что каждое испытание будет принято в сладости познания нового.

18 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Терпение

В "Добротолюбии" приводится такой пример терпения: "Такого терпения я хочу представить вам два, по крайней мере, примера, из коих один показала одна благочестивая женщина, которая, желая усовершенствоваться в добродетели терпения, не только не бегала искушения, но еще искала, чтобы ее огорчали, и сколь ни часто была оскорбляема, не падала от искушения.

Женщина эта была в Александрии, происходила от знатного рода и в доме, оставленном ей родителями, благочестно работала Богу. Однажды, пришедши к блаженной памяти архиепископу Афанасию, просила дать ей на содержание и упокояние какую-либо вдову из презираемых на церковном иждивении. Дай мне, говорила она, одну из сестер, которую бы я успокоила.

Первосвятитель, похвалив такое доброе намерение женщины и ее усердие к делу милосердия, приказал выбрать из всех такую вдовицу, которая бы превосходила бы всех честностью нравов, степенностью и обходительностью, чтобы желание являть такую щедрость не было подавлено худостию имевшей пользоваться ею и чтобы имевшая являть ее, быв оскорблена злонравием сей последней, не потерпела вреда в вере.

Итак, приняв такую избранницу, она привела ее в дом и стала ей услуживать во всем, но, видя ее скромность и тихость и получая от нее каждую' минуту почет в благодарность за дело своего человеколюбия, она через несколько дней опять пришла к помянутому Первосвятителю и сказала: "Я просила, чтобы ты приказал дать мне такую, которую бы я упокоивала и которой служила бы с полным послушанием".

Он сначала не понял, чего ради такая речь и чего желает эта женщина, и, подумав, что ее прошение по беспечности смотрителя за вдовицами было пренебрежено, не без душевного смущения спросил о причинах такого промедления. Ему сказали, что к ней отправлена честнейшая паче всех вдовица. Тогда он, догадавшись, чего искала та мудрая жена, велел дать ей вдовицу, непотребнейшую из всех, которая всех превосходила бы гневливостью, сварливостью, буйством, болтливостью и суетностью.

Когда нашли и дали ей такую, она, взявши ее в свой дом, с таким же или еще с большим усердием стала служить и этой, как служила первой. В благодарность же за такие услуги получала от нее только то, что та оскорбляла ее недостойною бранью, злословием, поношением и, укоряя ее с язвительным ругательством, роптала, что она выпросила ее у архиепископа не

на успокоение, а на мучение и перевела более от жизни покойной к тяжелой, чем "от" тяжелой к покойной. Такие оскорбления предерзкая эта женщина простирала иногда до того, что не удерживала даже и рук, а та — госпожа — усугубляла за это смиренные ей услужения, научаясь побеждать ее разъярения не сопротивлением, но более смиренным себя ей подчинением и укрощать ее неистовство человеколюбивою кротостью.

Такими опытами, утвердившись вполне в терпении и достигши совершенства всей желаемой добродетели, она отправилась к помянутому Святителю поблагодарить его и за мудрый его выбор, и за собственное благодетельное обучение, за то, что он, наконец, совершенно согласно ее желанию назначил ей такую достойнейшую учительницу, непрестанными оскорблениями которой укрепляясь каждодневно в терпении, она достигла самого верха сей добродетели. "Наконец, ты дал мне, Владыко, для успокоений такую, какую именно я желала иметь. А та, первая, своим почтительным ко мне отношением скорее меня успокаивала и утешала, чем я ее".

Этого достаточно сказать о женском поле, чтобы воспоминанием о таком деле не только назидать, но и пристыжать себя; так как мы, если не запрячемся в келии, то терпения сохранить не можем".

Итак, во все века прилагаем этот пример практического познавания терпения. В последних строках заключается и другая постоянная истина. Часто можно замечать, что истинное терпение обнаруживается в скромном обиходе, а не в среде людей, принявших на себе руководительство в разных сферах.

Действительно, в программу так называемых государственных экзаменов следовало бы ввести испытания терпения.

Справедливо мы восхищаемся каждым актом самообладания, проявленным вождями и руководителями. Иногда люди пытаются отнести это несломимое самообладание лишь за счет мужества того лица. Но для такого рода выявлений прежде всего потребуется и терпение, воспитанное в себе в разнообразных к тому упражнениях. Безразлично, будут ли эти испытания сознательно себе назначенными или же они будут восприняты бессознательно из глубин жизни, важно то, что какие бы они ни были, они дадут крепость духу. Они же воспитают и то победное мужество, которое не остановится ни перед одним препятствием.

Говорилось, что в стратегии одинаково изучалась наука как стремительного наступления, так и осадного дела. Это последнее, конечно, требовало особого напряжения терпения. Постоянно указывается, что при длительных осадах войско, как бы от

бездействия, легко разлагается, впадает в излишества и делается небоеспособным.

То же самое можно замечать и на всяких прочих действиях, требующих долгого времени. Конечно, для вождя осада не будет бездействием, наоборот, каждая фаза ее будет мудрым достижением. Но для воинов, не посвященных во все предпринятые задачи, может казаться такое стояние лишь тратою времени. В основе будет лежать опять-таки знание или незнание.

Каждое испытание терпения есть действительно один из самых важных опытов. Неиспытанному в терпении разве может быть поручено достижение, которое бы требовало размышления и решения основательного?

Кроме того, каждая нетерпеливость часто будет соприкасаться и с несправедливостью. Вспышка нетерпеливости будет связана с некоторою мерою раздражения, а всякое раздражение уже есть основа несправедливости. В конце концов, каждый раздраженный человек — он уже пришел в это стыдное состояние из-за где-то проявленной нетерпеливости. Из-за нетерпеливости произносится столько стыдных осуждений там, где, может быть, нужно лишь благодарить за бережливость.

Терпеливость не нужно смешивать с медлительностью. Ведь медлительность не считается со следствиями, ею порожденными. Она может погубить целое предприятие своею неподвижностью. Но терпение не есть неподвижность, наоборот, терпеливость будет означать ряд самых разнообразных и разумных действий.

В терпении человек не омертвляется, но постоянно напряжен в нахождении лучших путей, чтобы победить чье-то неразумие или неистовство. Нетерпеливый человек будет и неистовым. А ведь неистов тот, кто не понимает смысла равновесия. В скачках неистовых человек не только впадает в безобразие, но он может стать вредителем, ибо одна степень неистовства непременно породит и следующую конвульсию. Человек может довести себя до пены на губах, до судорог и конвульсий, до позорнейших проклятий. И все это оттого, что когда-то он промедлил опытом терпения. Можно вспомнить, что опытные водители считали знание осадного дела не менее важным, нежели прямое наступление. Они говорили: "Не тот воин, кто умеет лишь рубиться, но тот, кто во всех положениях сохранит ясность и твердость духа и находчиво, терпеливо достигнет следствия через все препятствующие твердыни".

Известны случаи, когда при принятии новых работников над ними незаметно для них производили испытания терпеливости. При этом замеченные в нетерпеливости или отвергались, или в лучшем случае получали назначения менее ответственные и

низшие. На терпении ведь испытывается и любовь к труду. Потому во всяком напоминании о примерах терпения, доходящих до нас из разных удаленных эпох, можно всегда почерпнуть еще одну веху устойчивости, несломимости.

Воспитатели диких животных проявляют иногда необычайные примеры долготерпения. Избранная ими профессия заставляет их не испортить ценное для них животное хотя бы одним нетерпеливым жестом. Их собственная выгода является стимулом для обуздания своих же низших яростей. На опыте они знают, что если животное заметит хотя бы один непоследовательный, неистовый знак или движение, оно уже перестанет уважать своего хозяина. Каждый воспитатель животных понимает, что запугиванием он ничего не достигнет. Он должен проявить осмысленное терпение, и тогда его питомцы будут именно уважать его. Сама его строгость при случае должна быть знаком явной справедливости, и тогда она будет принята как должное.

Итак, от малых примеров с животными до великих человеческих стратегий и трагедий остаются те же основы великого качества терпения.

Уже часто говорилось, что сейчас утериваются многие качества труда, мысли и задач. Пусть среди небреженных качеств не окажется утерянным и терпение. Утеря его означала бы торжество сил темных. Но кто же будет хотя бы косвенно способствовать темным силам, если и в любом обиходе имеется прекрасное против них оружие Света!

19 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

"Пирровы победы"

Не случайно в изучении истории так закрепилось сказание о "Пирровой победе". Глубокая трагедия заключалась в том, что царь Пирр после, казалось бы, блестящей победы над могучим Римом, принужден был воскликнуть: "Еще одна такая победа, и я останусь без войска".

В устах победителя особенно трагично звучит это признание об израсходовании сил. И другие такие же победы известны в разных эпохах человечества. Известны они как в государственном, так и в общественном и частном быту. Живо можно представить себе положение полководца, который поразил врага и не может двигаться дальше, ибо его собственное войско исчезло.

Переводя на современный язык, фабрикант может великими трудами поразить всех конкурентов, а в итоге убедиться, что у него не осталось средств далее пустить в работу свои машины. И такие случаи из современной жизни можно легко найти. Конечно, современные вожди могут искать оправдания в том, что даже мощный царь Пирр не мог предусмотреть, сколько именно сил ему потребуется на победу над врагом. Но все же, вероятно, и сам царь Пирр в послебитвенной тишине своего шатра мучительно терзался мыслью о том, что не был заготовлен еще один запас, который так спешно пригодился бы.

Это все относится к вещественным Пирровым победам. Но возможны также Пирровы победы и в духе. Деятель напрягает все свои внутренние силы, чтобы преоборотъ темные препятствия. Крайнее напряжение произведено. Враг отбит. Но после победы вдруг обнаруживается, что внутренние силы дотла израсходованы. Это представило бы из себя одну из величайших трагедий.

Конечно, вы скажете на это, каким же способом могут быть израсходованы духовные силы, если столько раз повторено о неисчерпаемости этого источника.

Правильно, источник духа неисчерпаем. Но он будет неисчерпаемым в осознании его. Дух вечный, неизносимый, нерастрачиваемый питает все энергии. Но опять-таки для этого действа дух должен быть осознан. Психическая энергия должна быть хранима как величайшее целительное средство.

Когда может почувствовать себя исчерпанным какой-либо деятель? Только тогда, когда он предварительно не озаботился осознанием своего духа. Дух всегда живит тело, но, чтобы признать его, ведь нужно к нему обратиться и, растрачивая его на борьбу, нужно в то же время непоколебимо знать его

неистощаемость.

Тот, кто сделал духовную жизнь неотъемлемой основой своего бытия, тот никогда, в духовном смысле, не может оказаться в положении Пирра-победителя. Такой духовный воитель, прежде всего, будет знать, что начатая им битва начата изначала и будет лишь звеном бесконечного ожерелья духовных битв.

В таком осознании уже в начале каждой битвы воин мысленно предпошлет, что великий запас сил ему потребуется по окончании этой битвы. Он будет знать, что конец этой битвы лишь означает начало нового сражения. Это грядущее неотложное начало нового сражения воин будет приветствовать как еще одну ниспосланную ему возможность.

Он еще раз, еще яснее осознает, насколько неизбежны темные враги и насколько также неизбежно иметь именно их своими врагами. От изначала бытия формировались именно эти враги, со всею яростью невежества. Ведь ярость невежества всегда будет самою неистовою. Невежда все-таки где-то терзается своею невежественностью. Он не желает допустить

знание, ибо тогда он потерял бы свою темную службу. Но и в темнейшем сердце все-таки шевелится горчайшее ощущение чего-то неопознанного.

Воитель за светлую истину, за просвещение не может огорчаться наличностью темных противников. Если бы они, темные, на него не нападали, это значило бы, что он ими не признан как противник. Это значило бы, что тьма не считает его в ряду деятелей и воинов Света. Тогда это было бы, поистине, прискорбно.

Легко можно усматривать разные слои сознания. В неглубоких слоях неопытный деятель подчас сожалеет о себе, видя борьбу нескончаемую. Но глубокое сознание, воспитанное сердце радуется, что оно призвано к почетной борьбе.

Тогда Пиррова победа невозможна, зато суждена истинная победа, в которой обнаруживаются неисчерпаемые силы и возможности.

Приходилось видеть таких творцов за правое дело, которые в самую, казалось бы, для них трудную минуту восклицали: "Как это хорошо! Как именно это полезно!" Потом, когда обстоятельства оборачивались в их сторону, и, действительно, бывшее положение оказывалось полезным, этих деятелей спрашивали:

"Ведь когда было так, казалось бы, безысходно трудно, не могли же вы знать, что эта трудность породит возможности и победу? Ведь в тот момент, когда вы восклицали о полезности, по

человечеству, вы не могли же знать все следующее течение обстоятельств?"

Деятель улыбался и говорил:

"Рассудок мой, может быть, и не мог знать череду грядущих обстоятельств. Но сердце мое всем своим чувствознанием утверждало конечную победу. Когда я так решающе говорил о полезности положения, это не было призывное заклинание в пространство, сердце мое не только знало, но утверждало грядущее".

Именно нужно отличать заклинания отчаяния от чувствознаний сердечных. В отчаянии могут израсходоваться все силы, тогда как чувствознание в великой заботливости охранит запасы, нужные для будущего.

В выражении "Пиррова победа" звучит большая ирония. Конечно, какая же это победа, которая приуготовила лишь самое ужасное поражение. Поражение Пирра началось от этой победы, значит, это поражение было уже таковым, когда звучали победные трубы. Наступающий на Москву Наполеон был уже побежденным, а отступающий Кутузов уже был победителем. Наполеон израсходовал свои силы, ибо по известной, совершенной им ошибке он утерял духовное руководство. В то же время Кутузов мудро сообразил все силы и накопил свои будущие победы. Москва горела, освещая заревом своим поражение двунадесяти языков. Такое событие потребовало больших костров.

Но для поучения вспомним, сколько невежд осуждали действия Кутузова! Сколько безумцев и вероломцев требовали от него, чтобы он израсходовал всю армию и породил бы будущее несчастье. Но старый военачальник, притворяясь иногда как бы сонным, знал свой путь, и его лавровый неувядающий венец победителя всегда будет истинным поучением.

Среди уроков жизни, среди занятий Живой Этикой, пусть руководители ведомые отличат, где истинное поражение, а где настоящая сбереженная победа.

20 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Нерушимое"

Кольца

Много говорилось о кругах завершения, о циклах круговых и о кольцах заключенных, но может ли быть круг завершенный, кроме как в чертеже ограниченном? В стремительности всего сущего вместо завершенного круга окажутся кольца-спирали. Правда, если на любую спираль смотреть в перспективе снизу или сверху, она покажется кольцом, но в объективном наблюдении можно будет различить течение неприкасающихся друг к другу колец. В спирали заключено понятие стремительности. Круг конечности может сомкнуться. Но в бесконечности, в беспредельности будут незамкнутые, вечно устремленные спирали.

Когда говорится о повторениях и завершениях, нужно внимательно посмотреть, будет ли это повторением. При рассмотрении, может быть, найдем, что показавшееся нам повторение есть лишь следующий свиток спирали. Есть продолжение свивания того же вещества, но в новых оборотах. Понятию неповторимости не всегда отводится должное место. Когда в легкомыслии люди восклицают: "Все это уже было повторено", то обычно они вовсе не знают, когда и как прошлый свиток спирали был продолжен. Всегда будет в каждом свитке спирали то место, которое почти прикоснется к прошлому обороту. Но каждый оборот будет уже новым и верхним, если спираль образуется.

Каждое напоминание о неповторимости будет поучительным в образовании новой ответственности. Даже уже сказанное или написанное нельзя повторить, ибо каждое чтение будет протекать уже в новых обстоятельствах, и тем самым оно вызовет новые вибрации. Предлагается время от времени вновь прочитывать основные Заветы. Как бы ни казалось, что они достаточно известны, все-таки каждое такое перечитывание вносит новое понимание. Много раз и в поучительных, и в поэтических формах указывалось, что каждый момент все окружено уже чем-то новым, каким-то новым сочетанием. Но в обиходе это обстоятельство мало признается, и с трудом мастер, создающий новые вещи, понимает, что он творит всегда нечто новое. Если в производстве гвоздей мало кто представит себе, что каждый гвоздь — новый, то в мировоззрениях это исконное обстоятельство всегда будет ликующе животворным. Символ вечных путников кого-то устрашает, но в ком-то вызывает и счастливую улыбку.

В ускоренных путях сообщения сам наш земной шар оказался очень маленьким. Если допустить впечатление замкнутости, то,

пожалуй, все постепенно сделается неувлекательным. Но даже в ускоренных путях сообщения нельзя вернуться буквально в то же самое место. И место, и люди, и сочетание обстоятельств — все будет новое. И таким образом увлекательная сказка жизни вьется в кольцах бесконечной спирали.

Когда в Тихом океане вам объявляют, что следующего дня вообще не будет или, наоборот, будет лишний день, то вы и не удивляетесь, но лишь чувствуете, что перед вами еще одна условность для удобства человеческих отношений. Также для удобства иногда кольца делаются неспаянными, напоминая некоторую подвижную спираль. В таком виде они более пригодны для разных положений. Именно в непрерывности и в подвижности спирали заключается зримое доказательство постоянного незавершения.

Когда издревле говорилось об играх мира сего, то в этом определении не было ничего преднамеренно иронического. Наоборот, великая игра, великое бурление элементов — все держит в постоянном движении.

Каждый, кто способен согласиться на неподвижность, тем самым лишит себя лучших достижений. Какая простая вещь — понятие подвижности всегда и во всем, и тем не менее ее так многие боятся. В то время, когда сглаживаются архейские хребты, тогда же обостряются и новые горы. В каждом метеоре, блистательно оповещающем о какой-то, казалось бы, катастрофе, есть лишь новое формирование. В стремительной спирали несутся около земли и ниспадают к ней вестники дальних миров. Если наблюсти каждое напряженное действие, можно различить его спиральность.

В наблюдениях каждого дня, без особых аппаратов можно убеждаться, насколько не замкнутое кольцо, но вибрирующая спираль будет в основе новых движений.

Тот, кто привыкнет к этому соображению и примет его как закон непреложный, тот тем самым уже сохранит свою дееспособность, свою духовную молодость, обостренную постоянным стремлением. Даже на маленьком земном шаре всякая законченность будет признаком усталости или, вернее, неведения. Сколько раз люди доходили до самых постыдных решений лишь потому, что впадали в иллюзию безысходности. Но единственно, чего не существует — это одиночества или безысходности. Вся беспредельность вопиет о путях бесчисленных. И все неисчислимое живое бытие заявляет о невозможности одиночества. И то и другое, в конце концов, будет лишь от неведения и от самости. Человек сам запирает все свои выходы! Человек сам обрекает себя на иллюзию одиночного

заключения.

Когда-то мы указывали замечательный пример одного тибетского ламы. Будучи неосновательно посаженным в темницу, он затем, когда его хотели выпустить, упорно отказывался выйти оттуда, говоря, что это прекраснейшее для размышлений место. Пришлось употребить всевозможные уговоры, чтобы он покинул такое полюбившееся ему уединение.

В вечных оборотах спирали, часто почти касающихся друг друга и все же всегда делающих новый рисунок бытия, заключено возвышающее и расширяющее понятие. Большое оздоровление в том, что ничто не кончится, и тем самым бесконечны пути устремления и совершенствования. Как прекрасно, что и среди самого запуганного обихода никто не может отнять светлое сознание живой бесконечной спирали бытия. Per aspera ad astra. [83]

21 Апреля 1935 г.
Цаган Куре
Публикуется впервые

Школы

Главное, не забудем о школах и сотрудничестве. Сейчас под сотрудничеством понимаю, кроме взаимного содействия, и устройства всяких кооперативов. При каждом нашем Обществе может быть если не целая просветительная школа, то хотя бы действенная помощь уже какой-либо школе существующей.

Школьные цветы нуждаются в тщательной поливке. Кроме преподавательских и родительских комитетов, могут быть с великою пользою и друзья той или иной школы. Тогда как преподаватель и родители в известной степени будут субъективны, эти друзья школы всегда смогут принести нечто новое и нежданно полезное. Кроме того, и сами учащиеся часто хотели бы выслушать или обменяться мыслями с кем-то новым, вне уже сложившегося обихода. Как ни странно, но часто слово доброжелательного друга будет выслушано даже с большим вниманием, нежели совет каждодневного преподавателя. Потому-то друзья школьного дела могут принести особую пользу.

Также в образовании всяких полезных кооперативов и артелей при наших обществах будет заключаться здоровый рост просветительного дела. Помню, как мы радовались, когда при Латвийском Обществе появилась идея кооперативной хлебопекарни на оздоровленных основах. Привожу этот пример именно потому, что мне приходилось слышать изумление: какое-де имеет отношение хлебопекарня к искусству и науке? Тогда приходилось опять вспоминать о соотношении хлеба телесного и духовного. Покойный председатель Латвийского Общества доктор Лукин, наш незабвенный друг и сотрудник, прекрасно оценивал такие, для некоторых людей неожиданные, сочетания. Если мы говорим, что наука и искусство — для всей жизни, то и вся жизнь в высоком ее качестве будет для науки, для творчества, для красоты, для всего Наивысшего.

Отдельные дружественные гильдии, артели, кооперативы могут лишь укреплять понимание общности творческого начала. С одной стороны, люди собираются для собеседований и чтений, и разнообразных проявлений искусства. Это непременно нужно. Оно изощряет мышление и спаивает в дружественных схождениях. Но, кроме того, полезен и какой-либо совместный труд, освещенный теми же высокими понятиями.

В былое время в Школе Общества Поощрения Художеств мы имели среди двух тысяч учащихся добрую половину из детей рабочего класса, а не то и самих рабочих различных фабрик. При этом обнаруживалось одно замечательное следствие. Все эти

рабочие люди, являясь на свои фабрики с новыми данными, приобретенными в нашей вольной школе, получали наибольшее к себе внимание и лучшие должности. Итак, мы имели еще один яркий пример, насколько приобретенное просвещение немедленно же способствовало получению более ответственной, высокой работы.

Кроме разнообразных прикладных мастерских и художественных классов, весь этот рабочий люд оставался в близком общении с прекрасными образцами Музея Общества и, видя эти былые достижения, возвышал свое сознание.

Такое воздействие образцов искусства следует особенно сейчас очень напомнить. Может быть, кому-то приходилось услышать даже от лиц, окончивших высшие учебные заведения, о том, что нужно ли существование музеев при наличности такого множества безработных? Конечно, такое суждение показало бы полную неосведомленность о путях просвещения. Ведь и безработица, ныне обострившаяся, прежде всего происходит от недостаточного или неправильного просвещения. Значит, тем более все наши просветительные общества должны озаботиться, чтобы искоренять такие суждения, происходящие от неосведомленности. При этом следует сообразить, каковы же эти высшие учебные заведения, которые, устремляя лишь к узкой специальности, не дают широкого взгляда о путях образования. Разве возможны школы без существования библиотек, музеев, лабораторий — всего того, что на незаменимом примере показывает высшие формы действительности.

Кому-то покажется странным, что сейчас приходится говорить о пользе вещественных примеров. Но жизнь дает нежданно печальные показания, которые доказывают необходимость и этих утверждений, даже для лиц, окончивших высшие учебные заведения.

Мы всегда поощряли лекции и классы в самих музейных и лабораторных помещениях. Сама атмосфера этих хранилищ, наполненных образцовыми примерами, уже напрягает сознание. Во всей жизни мы не были сторонниками отвлеченного. Наоборот, все наиболее жизненное, наиболее нужно применимое могло давать непосредственную радость познания. К той же жизненности должны быть направлены и все наши общества. Мы не будем их ограничивать одною программою. Ведь каждая страна, каждое сообщество, каждые формы образования вызовут и особые возможности. Если в одном месте будут заботиться о хлебопекарне, то в другом, может быть, захотят иметь печатню или какую-нибудь совершенно неожиданную, приложимую к жизни работу.

Мы уже имели выставки в госпиталях, в тюрьмах, в школах. Постоянно следствием этих выставок являлись самые трогательные запросы. Из этого можно видеть, насколько нуждается и стремится народное сознание к пище просветительной. Лишь бы давать ее доброжелательно, легко, свободно, в полном взаимном уважении и сочувствии. Всякие такие полезные начинания могут быть производимы в любом размере. Главное же, они требуют прежде всего добрую волю, не нуждаясь в каких-либо особых затратах. По нынешним временам это последнее обстоятельство имеет особое значение.

Мир, потрясенный моральными и материальными кризисами, сейчас очень скуп на все просветительное. Потому служителям просвещения приходится прежде всего думать о путях, не требующих особых расходов.

На этих путях добрых сколько истинной радостной пользы может быть творимо всеми, кто щедро, с улыбкою поделится своим опытом. Опять же не будем думать, что если библиотеки, музеи, театры, лаборатории существуют, значит, уже что-то сделано в достаточной мере. Все это существует как готовое пособие, которое должно быть внесено в народное понимание в наиболее прекрасной и полезной форме.

Экспедиции исследователей проходят страны одним своим путем. Но это еще не значит, что вся эта область уже исследована. Прорезана нить познания, но все обширное, вдалеке лежащее, все же не исследовано. Так же точно и всевозможные научные и художественные манифестации в народонаселении освещают лишь один слой народа, а сколь многое остается недостигнутым. Если даже в сравнительно образованных людях вы можете встречать признаки абсолютного неведения, то всевозможные удаленные поселения, поистине, лишены оживляющих сведений. Посмотрите на их развлечения, на заполнение досугов, и вы поймете, насколько неотложно нужны принесения полезных сведений. Добрые сестры и братья должны неутомимо входить во все слои жизни и в великом терпении приносить живописные истины.

У нас сейчас восемьдесят восемь самых различных культурных учреждений. Каждое из них, большое или малое, может образовать группы преданных делу людей, которые, помимо взаимных встреч и самообразования, предпримут полезные хождения по всем местам, где они смогут принести освежающую пользу. Все эти организации делались не для эгоцентричности, наоборот, они должны были служить лишь как возможность новых многочисленных побегов.

Как радостны могут быть встречи таких сотрудников, когда

каждый может сообщить, куда ему удалось принести нечто полезное. Никакие кризисы не могут воспрепятствовать этим полезным осведомлениям. Сколько освещающих возможностей может быть подсказано людям, которые по неведению, может быть, уже близки к отчаянию.

Уже одно то обстоятельство, что среди помянутых учреждений столько находится в различных странах, может служить еще одним средством для полезности обмена. Там, где любовь к делу, там и безграничны возможности. Там, где терпение, там не может быть поражения в светлых задачах. Там, где мужество, там нет запертых врат.

Итак, в годы кризиса будем говорить о доступном для всех строении. Если бы все и везде было хорошо и благополучно, то и не требовались бы эти СОС, спасительные ладьи по всем направлениям. Пусть никто не подумает, что это было бы в пределах гордыни, если он пожелает нести приобретенный им опыт на общественную пользу. Не гордыня это, но священная обязанность. Ведь никому не позволено быть скупцом и зарывать серебро в землю, чтобы оно там почернело. Как говорят на Востоке: "От зарытого серебра почернеет и лицо твое".

Пусть каждый в добром сотрудничестве, в истинном дружелюбии вокруг себя просветительно улучшит все возможное. Пусть он не задается мыслью о том, будет ли это велико или мало, пусть оно будет полезно. Принести пользу обязан каждый.

Желавших добро ввергали в тюрьмы, поносили и всячески пытались оклеветать. Но высоким знаком добра даже из узилищ они выходили укрепленными и светлыми. Точно бы эти стигматы, нанесенные им темными элементами, явились признаком чести и добротворчества. Старо было бы повторять о полезности препятствий, но не убоимся подтвердить эту древнюю истину еще и еще. Ведь те наши друзья, которые будут пытаться широко нести полезное осведомление, наверно, встретят многие препятствия, иначе и быть не может. Но именно тогда они и вспомнят ярко и просветленно Завет: "Благословенны препятствия — вами мы растем". А расти они будут на истинное просвещение народов.

Среди всех наших начинаний обратите особое, спешное внимание на школы и кооперативы. В сущности и то, и другое будет лишь обширною школою жизни.

22 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Врата в Будущее"

Институт Объединенных Искусств

Записанное вчера о школах и кооперации, конечно, прежде всего относится и к нашему Институту Объединенных Искусств. Кроме существования различных мастерских и классов по разным областям искусства, нужно подумать об экспансии Института и на внешних полезных полях. Не случайно учреждение называется институтом, а не мастерскими. Понятие мастерских заключалось бы именно в работах в них, тогда как Институт действует как внутри, так и внешне.

О наших внутренних программах было своевременно уже говорено. Их следует выполнять в пределах создавшихся обстоятельств. Если что-то в силу не зависящих от Института обстоятельств не могло еще быть проведено в жизнь, то это еще не значит, что оно вообще отставлено. Конечно, не отставлено, но ожидает ближайшую возможность.

Теперь же следует подумать еще планомернее о внешней работе Института.

Всегда было радостно слышать о выступлениях директора и деканов Института с лекциями и демонстрациями в посторонних как нью-йоркских, так и иногородних учреждениях. В архивах Института хранится длинный ряд всевозможных признательностей, запросов и предложений, связанных с такими выступлениями.

Также было радостно слышать об образовании ученической гильдии и некоторых других внутренних групп, объединенных полезными идеями.

На основе того, что уже было сделано, особенно легко ввести внешнюю работу Института в планомерность, которая бы была отражена как в отчетах, так и в будущих предположениях учреждения.

Как из среды преподавательского состава, так и из старших учащихся следует подготовлять кадры наставников. Эти подвижные носители основ творчества в различных областях искусства и знания будут выступать во всевозможных образовательных, промышленных, деловых и прочих установлениях с живым словом о задачах творчества и познания. Естественно, что в тех случаях, где слово может быть сопровождено музыкальной, вокальной или какой-либо иной демонстрацией, это всегда будет полезно. Вопрос вознаграждения, конечно, будет индивидуален, в зависимости от возможностей приглашающего учреждения.

Повторяю, что многое в этом смысле уже делалось, и это

лишь подтверждает насущность планомерности такой внешней работы Института. Такая работа, помимо своей абсолютной полезности, может создавать и всякие другие созидательные возможности.

Среди имеющихся классов имеется класс журнализма. Желательно, чтобы наряду с журнализмом также преподавались бы и основы общественных выступлений. Такая тренировка совершенно необходима, ибо в ней испытуемые получат ту убедительность и энтузиазм, которые так нужны в живых просветительных выступлениях.

Эта внешняя работа Института, для которой могут быть приглашаемы и лица, не входящие в состав преподавателей или учащихся, может сделаться как бы значительной частью институтской программы. Нести свет познания и утверждать основы творчества всегда радостно. Потому можно себе представить, что при планомерности этой работы эта часть занятий Института найдет своих искренних энтузиастов.

За годы существования Институт, конечно, имеет в своем распоряжении, кроме действующих кадров, также и значительное число окончивших бывших учащихся, из которых так же точно могли бы быть почерпаемы полезные деятели для предположенных внешних выступлений. Будет ли то в народных школах или в больницах, или в тюрьмах, или в храмах, или на удаленных фермах — все это будет теми высокополезными посевами, которые входят в нашу общую обязанность. Если мы уже видели, что врачи благожелательно способствуют такому общению, если мы имели многие выступления в церквях, то также будет приветствовано и агрикультурными управлениями хождение со светочем творчества в удаленные фермы.

Кроме новых познаваний, эти беседы могут положить основу возрождения кустарной, домашней промышленности. Каждое сельское хозяйство имеет такое сезонное время, когда всякие домашние изделия явились бы великолепным подспорьем. Входя в старинный дом германского или французского крестьянина, мы поражаемся отличному стилю домодельных предметов. Эти старинные сельские изделия сейчас имеют большую ценность на антикварных рынках. А ведь творились эти предметы в часы досуга сельского. В них закреплялось врожденное чувство творчества и домостроительства. Вместо бегства в отравленные города создавался свой самодельный прекрасный очаг. Можно легко себе представить, насколько такие художественно-промышленные эмиссары будут желанными гостями на трудовых фермах. Сколько утончения вкуса и качества работы может быть вносимо так легко и естественно.

Когда же мы заботимся о сохранении Культурных ценностей, то такие прогулки по всем весям государства будут и живыми хранителями традиций Культуры. Там, где вместо разрушения, порожденного отчаянием, вновь пробудится живое домостроительство, там расцветет и сад прекрасный.

Сказанное не есть отвлеченность. Эти утверждения испытаны многими опытами в разных частях света. Всюду сердце человеческое остается сердцем, и питается оно прекрасною пищею Культуры.

Вспоминаю прекрасную персидскую сказку о том, как несколько ремесленников в пути должны были провести очень томительную ночь в дикой местности. Но каждый из них имел при себе свой инструмент, а в развалинах нашлось упавшее бревно. И вот, во время дозорных часов каждый из ремесленников приложил к обработке этого куска дерева свое высокое искусство. Резчик вырезал облик прекрасной девушки, портной сшил одеяние. Затем она всячески была украшена, а в результате бывшее с ними духовное лицо вдохнуло в созданное прекрасное изображение жизнь. Как всегда, сказка кончается благополучием, в основе которого лежало мастерство в различных областях.

Другая же сказка рассказывает, как один из калифов, будучи пленен и желая дать весть о месте своего заточения, выткал ковер с условными знаками, по которым он был освобожден. Но для этого спасения калиф должен был быть и искусным ткачом.

Также еще раз вспомним мудрый завет Гамалиила, что "не давший сыну своему мастерства в руки готовит из него разбойника на большой дороге". Не будем вспоминать множества других высокопоэтических и практических заветов и безотлагательно направим внимание Института на такие возможности внешней высокополезной работы.

Эта запись дойдет до вас к лету. Кто знает, может быть, уже и среди ближайшего лета что-нибудь удастся сделать в этом направлении. Но во всяком случае с будущей осени уже можно принять этот вид работы планомерно — и тем еще раз исполнить девиз Института. Эту задачу мы все добровольно возложили на себя пятнадцать лет тому назад. Тем своевременнее будет развивать работу и на новых полях.

23 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Врата в Будущее"

Мухобоязнь

Наш Нохор чумится. По-английски собачья чума — дистемпер, иначе говоря — расстройство. Это определение вполне правильно. Именно происходит в собаке полное расстройство, и физическое, и психическое. Кроме странностей в еде, в походке и в отношении к окружающему, появились всякие страхи. Ко всем этим разновидностям страха присоединилось еще одно любопытное явление. Мы стали замечать, что Нохор вдруг оборачивается стремительно, как бы на что-то невидимое, подскакивает и, поджав хвост, куда-то в угол спасается. Зная, что собаки часто видят нечто для нас незримое, мы приписали эти необъяснимые движения ужасного страха чему-то нам непонятному. Объяснение оказалось очень прозаичным. По весеннему времени появились первые маленькие мухи, и оказалось, что именно они были причиною этого ужаса.

Наверное, в нормальном состоянии большая собака не обращала бы внимания на первых маленьких мошек. Но чумное расстройство, очевидно, сделало этих крошечных мошек какими-то воображаемыми чудовищами. От чумной собаки всего можно ожидать. Все лишь пожалели, что расстройство может до такой степени внушать нелепые идеи. Ведь и у людей во время помешательства являются самые невообразимые соображения. При этом точность и конкретность этих воображений всегда поражает.

Кто слышал, как душевнобольной описывает что-либо, якобы им увиденное, всегда удивляется той несказанной убедительности, которая будет звучать во всех подробностях описания. Даже когда вы сами отлично знаете, что ничего подобного не было и быть не могло, то все же испытываете неприятное ощущение от нагромождения якобы реальных подробностей.

Мысленно вспоминаю всякие рассказы о страхах, которые обуревают людей, считающихся нормальными, вы невольно вспомните о мухобоязни собаки. Конечно, наше время полно всякими смятениями. Конечно, люди имеют полное право ко всяким предпосылкам и подозрениям. Конечно, в такие напряженные времена воображение особо болезненно настроено. Но все же, когда вы встречаетесь с очевидною мухобоязнью, всегда делается душевно жаль людей, этих двуногих разумных существ, которые так постыдно обрекают сами себя на миражные ужасы.

Среди этих ужасов особенно звучит эгоистическое

подозрение: что обо мне подумают? При этом совершенно упускается из виду, о ком именно предполагается. Подумает ли муха, подумает ли свинья, подумает ли волк, пес, подумает ли последний негодяй или подумает ли самый достойный человек. Совершенно упускается соображение, что или можно принимать во внимание думание последнего негодяя или мысль достойнейшего человека.

В минуту миражного ужаса люди совершенно забывают, что мышление последнего преступного негодяя не совпадает с мышлением достойнейшего культурного мыслителя. Наоборот, было бы неестественно, если низкое подлое мышление могло бы мыслить в тех же путях, как и мысль самого высокого существа.

В миражном ужасе люди забывают, что или они хотели бы считаться с мнением преступных подонков, подчеловеков, или они хотят основываться на суждениях высоких и чистых умов. Ведь и то и другое никоими мерами не совпадет.

Приходилось видеть людей, глубоко огорченных тем, что какой-то подлый подчеловек изругал их. Когда же их спрашивали, разве обрадовала бы вас похвала из уст этого негодяя? — они, вздрогнув, немедленно отвечали: было бы еще хуже ругани. И действительно, такою похвалою они сопричислялись бы к рангу похвалившего. И действительно, они оказались бы признанными преступными подонками, и это было бы вообще наихудшим.

Но для того, чтобы помыслить ясно об этом выборе, нужно прежде всего излечиться от страха. В этом излечении нужно отдать полный отчет, где именно мощное чудовище, а где именно те мухи, которых так боялась бедная чумная собака. Когда человеку страшно, когда он допустил овладеть своею сущностью ужасам, все окружающее начинает как бы вопить о всяких страхах. По истечении времени, уже при другом настроении, при иных условиях, человек разумный увидит, что устрашившие его чудовища были маленькими мошками, уже приклеенными в обсахаренной мухоловке. Страшные когда-то мошки сами налетели на предательский для них сахар и будут выброшены с прочим мусором.

Чума страха даже мешает человеку свободно передвигаться. В вещевом ужасе человек предпочитает загнивать в подвале, лишь бы не выглянуть на свет Божий. Когда кто-то скажет этим ужаснувшимся о людях сильных, которые хотя бы в виде корабельного юнги, но все уже увидали свет, они назовут этих смелых безумцами. Для устрашенных всякое мужественное решение уже покажется безумием. Именно ужас помешает им даже помыслить о передвижении. Вот и наш Нохор, бедный, уткнулся носом в темный угол и, вероятно, больше всего на свете

боится маленьких мушек.

Рассказывают, что некие путешественники в Центральной Африке, среди племени каннибалов, увидели клетку, в которой откармливались пленники соседнего рода к столу местного вождя. Естественно, путешественники захотели помочь этим обреченным и выкупили их. Но пленники не пожелали выйти из своей клетки, ибо они боялись, что их не будут кормить так хорошо и заставят передвигаться. Съедят или не съедят их — это для них оставалось лишь вопросом, но готовая пища сегодняшнего дня для них была важнее всяких прочих размышлений. О будущем они, вероятно, вообще не умели и подумать. Но запах пищи уже приковал их крепче всяких кандалов.

Вспоминается и другой рассказ из средневековья. Некий вельможа получил доказательства предательства со стороны своего капеллана. Удивлению близких, знавших о преступности капеллана, не было предела, когда они узнали, что тот не только не был изгнан или казнен, но получил какой-то особый вкусный стол. Когда же, наконец, спросили вельможу, что это значит, он сказал: "Не следует убивать духовное лицо. Видите, какой он толстяк. Если мы ему прибавим еще вкусных яств, то это лишит его всякой подвижности и деятельности". И, позвав своего главного повара, вельможа сказал ему: "Смотри, чтобы святой отец не похудел у тебя; а если он растолстеет вдвое, ты получишь от меня пригоршню золота".

Значит, оковы сегодняшнего дня, кандалы излишеств, окажутся очень мощными. А в основе все-таки будет лежать животный страх за брюхо и самоуслаждения.

Если, с одной стороны, сопоставить неподвижность самоуслаждений, а с другой — вспомнить пример ужаса перед мошками, то станет совершенно ясно, что какими-то увещаниями нужно освободить людей прежде всего от страха.

Бедная чумная собака. Боится мошки. И все сожалеют, видя такое безумие. Но ведь люди не чумные собаки и, казалось бы, могут давать себе отчет, где именно мошки, а где действительная опасность. Опасность во всем значении этого слова.

Мухобоязнь неприлична людям.

A noctis phantasmatis libera nos, Domine.[84]

24 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Врата в Будущее"

Истинная сила

Среди первых необузданных опытов внушения остаются в памяти несколько подлинных эпизодов. Передают, что человек, выпив стакан совершенно чистой воды под внушением, что он принял сильный яд, умер при всех симптомах именно этого отравления. Человек, положенный в совершенно чистую постель, под внушением, что в этой постели умер тяжко заразный, получает все признаки этого заражения. Человеку внушается, что началось наводнение, и он тонет в своей комнате, и он почти погибает от всех несомненных признаков утопания. Человеку внушается, что он переходит бурный горный ручей, и при большом обществе находящийся под внушением снимает сапоги и часть одежды, осторожно пробираясь по воображаемым камням.

Некий врач заявил сильному гипнотизеру, что тот может воздействовать лишь на людей слабонервных, а он как врач никогда не поддастся этим шарлатанским воздействиям. Гипнотизер улыбнулся, сказав: "За эти ваши слова сейчас, когда вы пойдете от меня, вы упадете на ваш затылок и тогда, может быть, начнете думать иначе". Многочисленные присутствовавшие наблюдали за этим своеобразным поединком. Врач очень бодро и возмущенно повернулся и стал удаляться от гипнотизера. Но через несколько шагов он вдруг остановился, пытался продвинуться дальше, как бы преодолевая какое-то препятствие, потом снова остановился и постепенно, несмотря на все свои усилия, хлопнулся спиною на пол. Поражение материалиста было встречено хохотом присутствующих. Потерпевший поражение конфузливо встал и, потирая затылок, поспешил покинуть зал.

Этот маленький эпизод манифестации внушения мог бы быть сопровожден множеством фактов, когда люди делали мысленно им приказанное, не отдавая себе отчета, что именно заставляет их поступить так, а не иначе. Кроме сознательных внушений, конечно, еще больше происходит не только бессознательных восприятий, но и бессознательных приказов.

Итак, выходит, что симптомы яда порождаются мыслью. Симптомы заразных болезней вызываются не самою заразою, но тою же мыслью. При этом для заразы или для яда нужен инкубационный период. Но мысль вызывает те же последствия, производит все предыдущее молниеносно. И тем мысль сильнее всякого яда, всякой заразы.

С другой стороны, если мысль может быть сильнее самых губительных вещей, то естественно она же может быть могущественнее и самых целительных воздействий. Всем

известны случаи, когда врач, ради пользы больного, должен предписывать подсахаренную воду, которая дает самые прекрасные последствия. Естественно, не щепоть сахара, но мысль принимающего так могущественна. Казалось бы, всем уже достаточно известны факты могущества внушения, и все же постоянно и в профессиональной практике, и просто в быту значение внушения или забывается, или, еще хуже, продолжает отрицаться. В этом можно наблюдать исконную борьбу узкого материализма с безграничною, высокообразованною духовностью.

Прискорбно вспомнить, как часто самые малые соображения превышают спасительные посылки. Это не значит, что посылка была слаба. Могло, попросту говоря, не найтись для нее места у воспринимающего. И, таким образом, вместо чего-то очень полезного вдруг пересилило самое маленькое, ничтожно бытовое. Обычно происходит это в той среде, где о мысли как о таковой вообще не помышляют. Ведь есть такие целые семьи, где рассуждение о мысли вообще не было бы допущено и во всяком случае было бы осмеяно.

Итак, часто самый важный двигатель, самое духовное начало, подвергается самым яростным отрицаниям и осмеяниям. Рассказывается, что некое воинственное племя, когда идет для получения отпущения своих прегрешений от своего духовного главы, всегда воздерживается от нападений и разбоев. Но после получения благословения разбойные воины становятся особо ярыми и поспешно предаются всяким нападениям.

Не получается ли приблизительно то же самое, когда вы видите людей, казалось бы, после молитвы выходящих из храма и немедленно предающихся всякому злословию. Не то ли же самое часто делается очевидным, наблюдая людей, только что приобщившихся к глубокой трагедии или будто бы потрясенных духовным словом и тем не менее сразу же погружающихся в несносные подлые сплетни и клевету. Во всех этих прискорбных случаях можно видеть примитивное состояние мышления. Именно настоящее невежество заставляет людей не распознавать, где и в чем заключается истинная сила.

Между тем познание истинной силы мысли может прийти лишь добровольно. Никакими лекциями и книгами, если к ним не раскроется сердце, нельзя просветить.

Некий педагог всячески предлагал своим ученикам думать. Но за его спиною необузданные невежды называли его несчастным многодумцем. Если бы этот эпизод перенести в окружение классических греческих академий, то какому бы остракизму были бы подвергнуты невежды, позволившие себе гоготать над благородным словом о мысли. Как благородно и

дружелюбно должно входить в сознание понятие ценности мысли. И какой это неотменный друг и советник, истинный доброжелатель появится этою очищенною, сбереженною мыслью. Истинная сила привлекается и усвоится там, где облагорожена мысль.

25 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Нерушимое"

Россия

Начальные главы Вашей работы догнали меня уже в монгольской пустыне. Хотя знаю, что эта моя весточка дойдет до Вас нескоро, но все же не могу не написать Вам.

Уж больно глубоко и правильно чуете Вы Россию. Мало где встречались мне определения, подобные Вашим. В яркой мозаике Вы сложили многообразный лик великой России. И сложили этот лик в дружелюбии ко всем частям его. Именно прошли по вехам добрым. Лишь добрые знаки отмечают путь верный.

Вы говорите: "Россия не только государство… Она — сверхгосударство, океан, стихия, которая еще не оформилась, не влегла в свои, предназначенные ей берега. Не засверкала еще в отточенных и ограненных понятиях, в своем своеобразии, как начинает в бриллианте сверкать сырой алмаз. Она вся еще в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных желаниях и бесконечных органических возможностях.

Россия — это океан земель, размахнувшийся на целую шестую часть света — и держащий в касаниях своих раскрытых крыльев Запад и Восток.

Россия — это семь синих морей: горы, увенчанные белыми льдами; Россия — меховая щетина бесконечных лесов, ковры лугов, ветренных и цветущих.

Россия — это бесконечные снега, над которыми поют мертвые серебряные метели, но на которых так ярки платки русских женщин, снега, из-под которых нежными веснами выходят темные фиалки, синие подснежники. Россия — страна развертывающегося индустриализма нового, невиданного на земле типа, неопределенного пока…

Россия — страна неслыханных, богатейших сокровищ, которые до времени таятся в ее глухих недрах.

Россия — не единая раса, и в этом ее сила. Россия — это объединение рас, объединение народов, говорящих на ста сорока языках, это свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония.

Россия — не только страна мгновенного настоящего. Она — страна великого прошлого, с которым держит неразрывную связь. В ее березовых солнечных рощах по сей день правятся богослужения древним богам. В ее окраинных лесах до сей поры шумят священные дубы, кедры, украшенные трепещущими лоскутками. И перед ними стоят бедные глиняные чашки с кашей — жертвой. Над ее степями плачут жалейки в честь древних божеств и героев.

Россия — страна православия, этой самой живой религии, безнасильной, бесспорной, тактичной, которая никогда не преследовала своих противников. И в то же время Россия — страна многих религий, которые все уживаются между собою, соединяясь не в человеческом ограниченном догматическом плане, а в верхних райских подоблачных высотах.

Россия есть страна византийских куполов, церковного звона и синего ладана, которые несутся из великой и угасшей наследницы Рима ¬ Византии, второго Рима. И придают России неслыханную красоту, запечатленную в русском искусстве. Россия — могучий, хрустальный водопад, дугою вьющийся из бездны времени в бездну времен, не охваченный доселе морозом узкого опыта, сверкающий на солнце радугами сознания, гудящий на весь мир кругом могучим утверждением всеславянского бытия. Россия грандиозна. Неповторяема.

Россия — полярна. Россия — миссия новых времен. Россия — единственная страна в мире, которая величайшим праздником своим славит праздник утверждения жизни, праздник воскресения из мертвых, радуясь заре весеннего расцвеченного дня, с огнями крестных ходов под утренним яхонтовым, парчовым, заревым небом".

Не странно ли, что в письме к Вам выписываю Ваши же слова. Но слова эти так верны, так душевны, так красивы, что просто хочется в них еще раз пережить запечатленные в них образы. Ведь их нужно не только знать, их нужно полюбить. Чем больше мы всеми звуками и красками, всеми иероглифами бытия их запечатлеем, тем больше будет явлено правды, а ведь это так нужно. Так спешно нужно.

В дальнейшем Вашем обзоре строения русского самобытного искусства вы правильно помянули В. В. Стасова. С Вами вместе и я мысленно еще раз помянул его. Ведь он, так сказать, впервые ввел меня в хранилища Публичной библиотеки. Он допустил меня к сокровищам этого хранилища и поддержал в моих первых зовах о России.

Помню нашу переписку с ним. Всегда я ему писал в виде старинных русских грамот, и он всегда радовался, если слог и образность были исконными. Иногда он отвечал мне тем же исконным слогом. А иногда добродушно подсмеивался, говоря: "Хотя Ваша пожелтелая грамота и припахивала свежим кофием, но дух-то ее оставался русским, настоящим русским". Помню его фельетон о моей картине "Поход", в котором он понял желанное мне основное устремление. У Курбатова была фотография наша, снятая у его знаменитого отягченного книгами стола в Публичной библиотеке. Когда Вы приводите Стасовские цитаты,

мне так живо рисуется и Публичная библиотека, и все те хорошие, замечательные люди, приходившие к его радушному столу. Он же, Стасов, свез меня и познакомил с Львом Толстым после моей картины "Гонец".

Когда же Вы поминаете Мусоргского, дядю Елены Ивановны, то тем самым вызываете во мне обиход Шаховских, Путятиных, Голенищевых-Кутузовых и всех, родственно связанных с нашим великим композитором. Трагедия жизни Мусоргского тоже была истинно русской трагедией. Может быть, при встрече я уже поминал Вам, что в одном имении, по неведению, были сожжены многие рукописи великого творца.

Не помню, говорили ли мы с Вами о семье Римских-Корсаковых, о других членах "могучей кучки", и о передвижниках, с которыми мне еще пришлось встретиться. Ведь Куинджи, Шишкин, Репин, Суриков, Нестеров, Васнецовы — все это было и близким, и поучительным.

Вы правильно поминаете и нападки на все национальное. Между тем именно этим-то национальным, русским, искусство России было так оценено на Западе. Казалось бы, этот яркий, всем известный пример должен быть достаточным укором для всех тех, кто пытался свернуть мощную реку русского творчества в чуждое ей русло. Правильно Вы поминаете слова Стасова: "Всякий народ должен иметь свое собственное национальное искусство, а не плестись в хвосте других по проторенным колеям, по чьей-либо указке". В этих словах вовсе не было осуждения иноземного творчества. Для этого Стасов был достаточно культурный человек, но как чуткий критик, он понимал, что русская сущность будет оценена тем глубже, если она выявится в своих прекрасных образах. А сколько прекраснейших и глубочайших образов дает Россия. Сказанное и несказанное, писанное и неписанное, как в старинных синодиках, остаются неизреченными образы величественные. В этой еще несказанности и заключается та скрыня народная, та чаша неотпитая, о которой и Вы так сердечно чуете.

Надеюсь, что и дальнейшие Ваши главы, хотя и медленно, но достигнут меня и принесут еще радость. Помните мою картину "Три Радости". Хожалый гусляр повещает поселянину о трех радостях. Сам Святой Егорий коней пасет, сам Никола Чудотворец стада уберег, а сам Илья Пророк рожь зажинает. Не знаю, где осталась сама картина. В книге Эрнста есть маленькое воспроизведение ее. Всякие еще несказанные радости живут в сердце.

Сегодня ночью, с вихрем, ударил сильный мороз и снег. В наших юртах стало холодно, даже часы остановились. Утром

засияло красно солнышко, в буквальном смысле, а все бугры и горы забелели, зарозовели и засинели в нежданном снеговом уборе. Со ступеней бывшего храма окружающая местность мне напомнила две моих картины. Одну — из далекой Карелии, другую — из тибетского Чантанга. Такие же холмы были и в моей картине 15-го года "Зовущий". Все зовы о том же. Величие простора едино. Спасибо за Ваше слово о России, которое мне так по сердцу.

26 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"Нерушимое"

Влечение

Ливингстон только мертвым мог быть увезен из Африки, настолько его привлекала к себе именно эта часть света. Казати насильно был увезен из той же Африки, в которой он единственно чувствовал себя как дома. Весь остаток своей жизни, проведенной в Италии, казалось бы, на родине, он чувствовал себя несчастным.

Множество всевозможных примеров таких же, как бы непонятных влечений к определенной части света или даже к определенному месту, можно перечислить. Вот перед нами кровные испанцы, которые возлюбили или Гавану, или Южную Америку. Вот перед нами британцы, привлеченные навсегда в Индию. Вот перед нами шведы, французы, русские, которые могут дышать лишь воздухом Азии.

В жизни человеческой столько трудно объяснимых влечений. От самых высоких и до самых повседневных. С одной стороны, мы видим влечения к месту своего рождения. Это находит себе многие пояснения. Но как же можем мы разгадать необъяснимое, властное влечение к какому-либо удаленному месту земного шара. Часто люди попадают туда как бы случайно. И вдруг находят себя опять-таки как бы в природной обстановке. Ведь никто не изгонял их из места их рождения. Никакие оскорбления или преступления не гнали их за далекие моря и горы. Значит, было какое-то другое основание, какой-то другой магнит, который заставлял их всем сердцем устремиться туда, куда и рассудок не мог бы посоветовать.

Такие влечения, они совершенно отличны от справедливого желания молодежи куда-то уехать, куда-то вырваться, где-то на новом воздухе расправить крылья. В час таких решений юный искатель даже не задается мыслью, куда именно ему хочется. Он лишь знает зовы, а может быть, и вопли сердца, влекущие его еще что-то узнать. Обычно благородные характеры выясняются в таких искателях. Они добровольно ищут какое-то испытание. Эти первые дни самостоятельности навсегда останутся для них маяком бодрости.

Мысленно шлем привет одному нашему американскому другу, который сейчас, в преклонных годах, с особенною живостью и ласковостью вспоминает свое первое путешествие в качестве юнги на корабле. Этот же деятель рассказывал мне, как, в свою очередь, он послал внука своего одного, верхом, от Тихого океана к Атлантике, чтобы приучить десятилетнего мальчика к полной самостоятельности. Наверное, где-то по намеченному пути была незримая забота о юном путешественнике, но все же он

должен был выполнить задание, предоставленный своей находчивости и разумности. А ведь передвижение по Америке при необыкновенно сложном и насыщенном движении иногда бывает полным всякими неожиданностями. При этом было даже наставление, чтобы всадник не только хранил свое здоровье, но и привел бы коня в добром состоянии. Наверное, такая поездка останется в памяти на всю жизнь.

Также все мы читали о молодых людях, бежавших в Америку за поисками новой жизни. И в таких случаях привлекало само передвижение, искание новых решений жизни, но все-таки это нс было всегда нахождением желанного места, в котором хотелось бы сосредоточить труд и жизнь.

Иначе звучит рассказ об одном пятилетнем тибетском мальчике, который неоднократно, неудержимо уходил в какой-то свой дом. Малыш одевался как бы в дорогу. Привязывал себе на спину запас пищи и священную книгу, а затем находил удобный момент исчезнуть из дому. Когда же бросались его искать, то находили идущим по горным тропинкам. Его пробовали возвращать домой. Ему говорили, что он должен вернуться в дом свой. Но мальчик уверял, что он именно идет в свой настоящий дом, что дом, где он жил до сих пор, не его дом, и что он должен спешить в свой настоящий дом, где он должен остаться. Мы проезжали это место как раз во время четвертого ухода этого мальчика и не знаем, чем это кончилось в будущем.

Во всяком случае, это было какое-то непреодолимое влечение, и, весьма возможно, что если оно осталось бы невыполненным, то малыш засох бы, как цветок без влаги. Изумительно было наблюдать, что пятилетний мальчуган так серьезно толковал о своем настоящем доме, в который он должен дойти.

Вот и Ливингстон, и Казати, и все те бесчисленные путники к дому своему, они засохли бы, если им не пришлось бы достичь своего назначения, так ясного их сердцу. При этом особенно поразительно от обстоятельство, что эти устремленные не искали только благорастворения природы, не стремились к какому-то благоустроенному жилью. Наоборот, их дом, их свой дом, бывал очень труден. Такой желанный дом бывал часто почти непереносим для их тела, и все же их дух ликовал и чувствовал себя в назначении.

"Не по хорошу мил, а по милу хорош". Эта поговорка заглядывает глубоко. В ней подчеркивается внутреннее значение, которое превышает все внешнее. Если такой путник нашел свой дом, то бывает губительно отрывать его оттуда по каким-то внешним обстоятельствам. Никакие повышения служебные,

никакие заманчивые выгоды не могут возместить человеку найденного им своего дома. Он не сделается членом народа или племени, среди которого находится этот его необъяснимый дом. Он привлекается туда не столько людьми, сколько всеми прочими обстоятельствами бытия. Ведь когда человеку хорошо, то обычно он даже не может объяснить словами, почему ему хорошо. Иногда это хорошее чувствование возникает даже при очень трудных обстоятельствах.

Так же точно человек, встречая своих спутников или противников, часто не отдавая себе рассудочного объяснения, по глазам и по сердцу знает многое, что не может быть рассказано словами. Люди должны со всею бережностью относиться к таким влечениям. Они должны улавливать их даже в самых зачатках, чтобы не потушить и не раздробить их оковами рассудка. Если в человеке проснулось такое влечение, то можно извратить человека, можно навсегда его исковеркать, но ничем не удастся изъять из него то, что сердце его, что дух его знает.

Знаем и навсегда пораненных людей. Или кто-то когда-то не допустил их до своего опознанного дома. Или кто-то и что-то лишило их найденного сопутника. Невежды считают такие влечения чепухою, предвзятостью, которую нужно прекратить всякими мерами. Эти невежды никогда не задумаются, откуда, по какой причине приходит его знание. Но зато можно видеть, какое огромное значение для всей жизни человеческой приносит нахождение этого своего опознанного дома, нахождение и своего сужденного, когда-то уже встреченного спутника. Если бы даже по каким-то причинам человек добровольно, для блага должен был бы временно разлучиться со своим домом, со своим спутником, то все же вся его деятельность, в течение временного отсутствия, пройдет под знаком совершившегося опознания.

Человек нашел свой дом, человек нашел спутника, человек укрепился давними магнитами, и тем яснее и звучнее может он приносить ближним своим великую пользу. Сердце знает, когда довлеет опять прикоснуться к каким-то другим домам и когда настанет час воодушевить каких-то других спутников. Такое сердечное чувствознание не обессилит человека, оно лишь преобразит его деятельность, и многие спросят себя, откуда берутся такие силы и такая уверенность? Они происходят от опознания желанного дома, от взаимоукрепления желанным спутником. Семья, воспитатели должны бережно относиться к каждому проявленному влечению. Дом может быть и очень близко, а может быть и за горами, и за долами. И спутник найдется тогда, когда ничем не отемнены истинные, сужденные влечения.

27 Апреля 1935 г.
Цаган Куре
"*Нерушимое*"

Нереченное

Ученые говорят, что абсолютного нуля достигнуть нельзя. "Профессор Лейденского университета В. де Хаас, достигший в своих лабораторных опытах одной пятитысячной градуса выше абсолютного нуля, заявил, что абсолютного нуля никогда нельзя будет достичь.

Абсолютный нуль — 459,6 градуса ниже нуля по Фаренгейту. При этой температуре все газы делаются массивными и всякое движение прекращается".

Итак, еще одна абсолютность признана невозможной. Так же точно при разложениях и обратных сложениях получается маленькая разница. Выходит так, что механически сложенное теряет нечто бывшее и даже уловимое по весу при начале опыта. Известный опыт с разложением и механическим сложением картофеля показывает, что остается нечто ускользающее от формулировок.

Такое же нереченное можно наблюдать во всевозможных явлениях. При этом именно в таком неуловимом для формулировки обстоятельстве будет заключаться нечто особо существенное. Опять-таки приходится вспомнить о том, что вес человека, погруженного в интенсивное мышление, разнится от его обычного веса.

Такое нечто, с одной стороны, разочаровывает исследователей в своей недосягаемости. Но с другой стороны, именно это нечто, даже уловляемое нашими грубо физическими аппаратами, всегда останется и зовущим и воодушевляющим. Можно ли быть огорченным, разочарованным, когда такие явные возможности. Уже доступны даже земным выражениям. Наверное, будет допущен еще какой-то новый подход в исследованиях, который вместо воображаемой абсолютности даст новую беспредельность.

Рассказывают, что некоторые знаменитые полководцы во время самых ответственных сражений оставались в своей ставке как бы погруженные в какое-то механическое обычное занятие. Люди незнающие допускали всякие иронические соображения. Некоторые даже полагали, что в эти моменты полководец хотел мысленно уйти под влиянием страха. Но знавшие этих великих людей ближе отлично понимали, что в это время происходил какой-то, тоже нереченный, процесс.

Вождь сделал все от его рассудка зависящее. Рассудочно он не мог в эту минуту изменить там где-то уже примененных его приказов. Вождь хотел отставить язык рассудка и дать чему-то

нереченно глубокому создать новый влиятельный процесс. Какое-либо маленькое механическое занятие вовсе не было простым времяпрепровождением. Наоборот, это был один из способов переключить свое сознание. Само собою разумеется, что и без механических отвлечений сознание может быть переключаемо. Но для этого надо, наряду с искусством мышления, вполне овладеть и обратным искусством остановки мысли.

Если искусство мысли нелегко, то и умение остановить мысль иногда может быть еще более трудным. Ведь для этого нужно, чтобы данный процесс мысли остановился бы вполне, чтобы новое образование в сознании возникло бы ничем не отягощение. А это очень трудно, ибо опять-таки абсолютности не бывает и при таком опыте.

Очень часто люди предполагают, что они перестали мыслить о чем-то, но все же это останется их миражом. Они себя заставляют насильственно думать о чем-то другом. Но само это насилие уже будет оставлять какие-то рефлексы прошлой мысли. А ведь чтобы переключить сознание, нужно тоже достичь каких-то мельчайших многонулевых цифр. И это все-таки будет относительность.

Но издревле, от высот сказано: "Если хочешь стать новым человеком, вздохни о Нереченном. Во вздохе едином перенесись в края беспредельности".

Итак, не длинными вычислениями, но во вздохе едином о Нереченном обновляется сознание. И там, где казался недосягаемым непроходимый утес, там неожиданно открываются зовущие дали.

Но все должно быть добровольно. В этом понятии заключен закон величайший. Никакое насилие, никакое принуждение не позволит сознанию возвышенно переключаться. Добровольность обычно остается очень не истолкованным понятием. Всякая вольность, в обиходном понимании, часто не уживается с добром, с сердечностью к ближним.

Конечно, всякие испытания и жизненные опыты достаточно покажут на деле, насколько преображает все действия светлая добровольность. Ведь это прекрасное желание изойдет из глубин чаши сознания. Оно дает и самоотверженность и желание постоянного творчества во всем одухотворенном труде.

Опять-таки очень трудно различить, где истинная добровольность и где какие-либо посторонние, навеянные соображения. И в воинских частях бывают добровольцы. Но среди них лишь некоторые будут истинными добровольцами, тогда как добровольство прочих будет окрашено тем или иным соображением. Есть целые военные части, куда идут как бы

добровольно, но в сущности, чтобы избежать или покрыть ту или иную житейскую драму.

Во всех мыслительных процессах добровольность играет главную роль. Без нее останется лишь грубый мираж, который никогда не обновит сознания.

Какой же светлый вздох о Нареченном может производить необъяснимое относительными формулами? Какой же перенос сознания в Нареченное сможет обратить материю в дух или, вернее сказать, одну степень состояния в другую? Где-то уже кончится воля, где-то погаснет желание, где-то не найдет слова приказ, и там обновит все единый вздох о Нареченном.

Самая изысканная пранаяма окажется недействительной там, где в пространствах пронесется вздох о Нареченном.

Читаются книжные слова о самом великом. Прекрасны эти слова, но там, где Слово, там самые лучшие слова требуют еще чего-то, еще большего ¬ Нареченного.

Спрашивает — "Мне ли мыслить о Нареченном"? — "Да, да, именно тебе, именно на всех путях земных и небесных…"

28 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Взаимность

"Взаимность есть основа соглашений".

Сколько раз эта старая французская поговорка повторялась. Твердилась она и на лекциях международного права, и при заключении всяких договоров. Наконец, произносили ее в бесчисленных случаях всяких жизненных пертурбаций.

Не только сама непреложная истина заключена в словах поговорки. Каждый человеческий ум на всех ступенях своих отлично понимает, что без взаимности всякая договоренность будет лишь пустым и стыдным звуком. Без взаимности непременно будет участвовать ложь, обман, который рано или поздно даст все последствия, творимые обманом.

Вот мы говорили о добровольности. Но и взаимность может расцвести лишь на основе доброй воли. Ничем нельзя вызвать так называемую взаимность, если этот прекрасный цветок не расцветет лотосом сердца.

Волны бьются о скалы. Скалы встречают их без взаимности. Правда, волны могут источить скалы. Волны могут образовать целые подводные пещеры и в постоянстве своем могут разрушить каменных гигантов. Но ведь это будет не соглашение, не договоренность — это будет натиск. Это будет насилие, а всякое насилие непременно окончится тем или иным разрушением. Поднявший насилие от насилия и погибнет.

В примере волн и скал как бы встретились два несогласимых элемента. Но даже и скалы, если их породы позволили бы, они могли бы ввести даже противоположное начало в полезные для бытия каналы.

Но вряд ли можно предположить, что сердца человеческие так же мало согласимы, как вода и камень. Ведь даже и вода может быть в твердом состоянии, и породы камня могут издавать влагу. И ведь эти элементы лишены сознания. По крайней мере, их сознание нам недоступно. Но не может же быть такого человеческого сердца, которое, с одной стороны, не могло бы дать влагу благодати, а с другой стороны — не было бы способно к адаманту мужества.

Общая всем векам и народам человечность все-таки неистребима. Какими бы наркотиками и алкоголем, и никотином ни убивать ее, она все-таки как-то и где-то может быть пробуждена.

Великий преступник бывает трогательным семьянином. Значит, если его чувства все-таки способны пробудиться по отношению к своему, тем самым при каком-то усиленном

процессе они могут быть продолжены и ко всему сущему. Сейчас уже не ставится идеал Святого Франциска Ассизского, говорившего даже волку — "брат волк". Даже не задается идеал подвижников, обладавших сердечным языком, понятным и птицам и животным. Помимо этих высоких идеалов, слыша о которых люди обычно восклицают: "Мы ведь не Франциски", может быть основание общечеловечности.

На этой сердечной основе все-таки можно открыть даже самое затворенное сердце. Помимо всех своих торговых дел, в которых сами люди сложили тоже поговорку "не обманешь — не продашь", помимо всей многообразной торговли, люди не могут избежать прикосновения к духовным сферам. Люди, непривычные к таким касаниям, иногда вместо благодати ощущают даже болезненность. Это происходит от непривычки к таким ощущениям. Ведь человек, никогда не ощущавший электрической искры, всегда уверяет, что даже малейший разряд для него крайне чувствителен. "Так меня и обожгло" или "Так меня и пронзило", — говорит новичок, а вскоре, при повторности, даже и не замечает еще больших разрядов.

Конечно, эти восклицания происходили вовсе не от повышенной чувствительности, а от закоренелого предубеждения. Разве не бывает именно такое же нелепое предубеждение и в человеческих отношениях, где волна разумности и сердечности бьется о скалу враждебности или тупости.

Странно и то, что люди так часто воображают взаимность в деле какой-то официально государственной договоренности. Но ведь без семейной, дружеской и общественной взаимности какая же может быть речь о государственности. Потрясая основы общежития, люди тем самым потрясают и все прочие основы. Можно потрясти основы брака, и в результате государство получит целые миллионы внебрачных, беспризорных, дичающих подростков. Можно сделать гнусную шутку из употребления всяких ядов и можно окончить почти отравою целого народа. Разве мы не видим примеры?

В каждом из таких случаев, превратившихся в народное бедствие, в начальной основе можно бы усмотреть какое-то тупо эгоистическое действие. Кто-то один помыслил лишь о своем самоуслаждении или преступной выгоде, и от этого одного злобного уголька вспыхнули пожары народных бедствий. Поистине, озверелый эгоизм есть прежде всего враг взаимности.

Общежитие дает множество возможностей для воспитания взаимности. Ведь все чувства должны быть воспитаны. Но много истинной человечности и терпимости нужно проявлять, чтобы сама идея взаимности могла бы расти свободно и добровольно.

Взаимность напоминает и об ответственности. Ведь каждый отказавший в предложенной ему взаимности в делах блага тем самым принимает на себя и тяжкую ответственность. Во взаимности сочетаются и разум и сердце. Сердце, по благодати, чует, где оно должно простереть свое благоволение. С другой стороны, разум напомнит о той ответственности, которая будет порождена жестоковыйностью или невежеством.

Опыт маленьких сотрудничеств, малых ячеек, собравшихся для добротворчества, дает многие испытания возращения взаимности. Все лучше испытывать прежде всего на обиходе. Посмотрите, как будут претворяться обиходные будничные задачи и столкновения, и вы поймете, как в мегафоне они отразятся во всеуслышание. Самость и самовыгоду можно проверять тоже по мегафону. Какой ужасный раздирательный рев и вой может получиться из самого, казалось бы, ничтожного домашнего недоразумения. Недаром в старинных школах жизни руководитель подчас умышленно бросал испытание терпимости и взаимопонимания. Тем, кто в сердечности не мог понять нужное, те хотя бы по разуму могли предостеречь самих себя от возникающей ответственности. Можно ударить по какому-либо звучащему предмету в одном углу дома и получить отзвук в нежданно противоположном помещении. Совершенно так же точно и в создании ответственности и взаимности.

Если бы только люди могли скорейше осознать, что для блага народных преуспеяний взаимность не должна оставаться в пределах поговорки, но должна войти как основа сотрудничества. "Взаимность есть основа соглашений".

29 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Ни дня, ни часа

Сменная езда является отличным упражнением. Всадник все время находится в напряженно-внимательном состоянии. Не только он сам должен быть готов к самой неожиданной для него команде, но он должен и коня своего держать в той же готовности. Приобрести готовность будет значить, что на всю жизнь откроется какой-то внимательный и заботливый глаз. Если бы в разных видах во всех учебных заведениях производились бы испытания готовности, то это создало бы целые кадры подвижных и здоровых сознанием своим людей.

"Всегда готов" — этот прекрасный девиз скаутов выражает желание быть всегда готовым. Но ведь, помимо желания, нужно быть испытанным в готовности. Следует уметь приложить это качество во всяких обстоятельствах.

Должна быть готовность к самым разнообразным действиям. Должна быть готовность к терпению. Должна быть готовность к выносливости. Должна быть готовность к ясным решениям в самых различных и противоположных обстоятельствах.

Часто люди понимают готовность лишь ко внешним действиям. Но ведь это будет лишь одна часть сознания истинной готовности. Человек должен доказать себя не только в говоре, но и в молчании. Не только в движении и шуме, но и в безмолвной недвижности телесной. Человек должен научиться готовности не только в приятных ему обстоятельствах, но и показать себя именно среди таких условий, которые он, по случайным привычкам его, не любит. Ведь не может человек оправдать какое-либо свое поражение тем, что будто бы условия действия не соответствовали его прежним привычкам.

Эта же напряженная готовность навсегда освободит людей и от скуки. В конце концов, что такое скука? Прежде всего это будет неумением пользоваться имеющимся в руках временем. Со скуки человек начинает впадать в безмыслие или предаваться предвзятым идеям. Но ведь каждый момент бытия может быть использован для познавания чего-то неотложно полезного, и в этом ощущении полезности скука будет уничтожена.

Каждому приходилось наблюдать нелепые споры о том, что одному нравятся рубины, а другой может говорить лишь об изумрудах и восхищаться только ими. Такие бессмысленные споры создают лишь тягостную атмосферу. Пусть будет один привлеченным к рубинам, а другой пусть восхищается изумрудами. Но если "рубинный" человек будет мертв, чтобы оценить прекрасное сияние изумруда, то он будет лишь

неготовым к широким восприятиям. Так же точно ограниченность "изумрудного" человека принесет ему в жизни лишь огорчения. Все самоцветы прекрасны — каждый в своем преломлении и в своем сверкании. Может быть таинственная принадлежность к тому или иному минералу, цвету, звуку. Но помимо этой, может быть, прирожденности должна быть воспитанность ко всем прочим красотам.

Один человек уверяет, что он находит восторженное настроение, любуясь сверканием Венеры. Другой чувствует, что влекущая тайна Ориона дает ему вдохновение. Третий увлечен созерцанием Полярной Звезды, Большой Медведицы, а кто-то мечтает о созвездии Южного Креста. Много глубоких причин к тому. Но почитатель Ориона или вдохновленный Южным Крестом будут очень ничтожны в своей готовности, если они не найдут в себе радости всем прочим обителям небесным.

Все это, казалось бы, очень просто и понятно. Но почему же тогда в обиходе каждого дня люди так упорно проявляют неготовность, невоспитанность к широким восприятиям? Пусть глубоко в сердце горит мечта о созвездии Трех Магов, но тем самым не умалится восхищение к Семи Старцам. По какой-то причине кому-то то же самое созвездие напоминает о Большой Медведице, а кому-то о Семи Старцах. Такое различие подхода вовсе не исключает радости о том же созвездии. Итак, радостей много. Нужно лишь иметь готовность их воспринять и жить ими.

Если кто-то будет отрицать несомненные красоты природы только для того, чтобы ограничить себя лишь одной частицей их, он лишь покажет, сколь многие уроки готовности должны быть еще восприняты им. Каждый встречал настолько узких специалистов, что они могли мыслить лишь об одной, почти незримой, частице бытия. Ведь они, в конце концов, вызывают лишь сожаление о том, что, очевидно, им просто не приходилось соприкасаться со многим другим, чтобы осознать соизмеримость. Так и хотелось бы перебросить их в совершенно непривычные им условия и сказать: "Ну-ка, брат, выплыви". Тогда произошло бы великое испытание. Многие почувствовали бы себя несчастными и впали бы в какие-то крайности. Но те, в которых уже полна их внутренняя чаша, они достали бы из нее все приложимое к данному положению и вместо несчастья создали бы еще одно счастье и радость.

Всякое создание радости есть уже укрепление и процветание бытия. Да процветут пустыни духа там, где прежде всего способна возникнуть радость. Чем глубже будут корни этой радости, тем цветистее и плодоноснее будет преображение пустынь.

Нужно ли поспешать? Может быть, в беспредельности всякое

устремленное поспешение будет нелепо? Но когда вы соображаете о скоростях, существующих в пространстве, то можно понять, насколько поспешность духа будет уместна всегда. Именно готовность лежит в сознании, в духе. Потому и воспитание готовности прежде всего должно происходить в духовном осознании. А потенциал скорости духа, быстроты мысли вполне соответствует скоростям пространственным.

Всякая невежественная ограниченность прямо противоречит беспредельности. Потому каждый час земной жизни должен быть преисполнен устремлениями, чтобы хотя относительно соответствовать беспредельности.

Конечно, многое будет казаться фактически несоизмеримым. Но в духе не существует материальных измерений, и потому те же самые крайние меры готовности будут лишь истинным путем.

Да не подумает кто-либо, что суета базара есть хороший пример подвижности. Ведь подобная суета очень поверхностна, а волнение океана вовсе не измеряется наносными верхними движениями вод. Эти воды мимолетные не затруднят движения корабля. Но глубокие гороподобные перекаты океана могут уничтожить самый оснащенный корабль.

Когда говорится о неотложной готовности, то именно уместно напоминание "ни дня, ни часа". Остановка здесь настолько коротка, что каждое мгновение ее должно быть использовано и внешне, а главное, внутренне.

Какая же это радость ощущать и вмещение и готовность! Ведь готовность без вмещения еще будет далеко не полна. В этой развитой чувствительности можно осознавать, где истинная возможность и где настоящая, непоправимая опасность. Как сравнительно мало опасностей телесных и много опасностей духовных. Истинный хозяин всегда держит воды источников дома своего в чистоте. Он знает, что если не заглянуть в источник каждодневно, то мусор обихода несомненно загрязнит его. Будет ли это пыль, ветром занесенная, или по чьей-то злобной или невежественной воле в источник будут брошены предметы тления, безразлично, забота об источнике должна быть постоянною.

Утомительны для глаза постоянно мигающие огни. Они вредны для зрения. Так же вредоносны всякие спазмы и судороги, и припадки. Но еще более вредительствуют припадки и судороги настроений. Эти мигающие огни не пригодны для созидания. Свет ровный, неугасимый, растущий полностью, осветит все возможности работ. Не будет тех пугающих сумерек, в минуту которых проникают злобные вредители.

Большая готовность требуется, чтобы возжечь свет

негасимый. В каждый час дня и полуночи этот свет не позволит приблизиться темным вредителям. Эту лампаду сердца без всякой отвлеченности нужно сохранить.

Человек может попасть как бы в место пустое. Если он ограничен и спазматичен, он придет в уныние и тем покажет свою негодность. Он будет пытаться мысленно засадить это место своими где-то произросшими предрассудками. Но тот, кто готов к строению, кто устремлен сознательно и непобедимо, тот обследует мираж пустого места и, может быть, найдет, что именно тут произошли великие события, полные поучительных возможностей. Место пусто будет лишь в неготовом духе. Но в готовности, в несломимом рвении человек оживит и пустыни. "Ни дня, ни часа!"

30 Апреля 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Неприязнь

"Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно". Как многое звучит в этих словах апостольских. Одно это "о том же" вызывает глубокое размышление. Можно изумляться той адамантовой стойкости, которая порождала это спокойное сообщение там, где в других случаях, в других устах уже произошло бы раздражение. Именно "не тягостно", ибо писавший эти слова мудро знал всякие степени духа, знал, насколько нелегко повернуть руль в правильное течение мысли.

Среди многих подлежащих повторению понятий будет всем известная неприязнь. Всякий, кто будет и просить и указывать о том, чтобы неприязнь не взращивалась, уже тем самым будет в рядах строителей.

Одно дело, справедливо обоснованное негодование против разлагающих попыток сил темных, но совершенно другое — искусственно сотворенная и легкомысленно питаемая неприязнь. Из очень маленького и неглубокого источника истекает начало неприязни. Как часто в основе ее будет крошечное личное чувство, малюсенькая обида или несоответствие в нажитых привычках. Обычно человек сам и не замечает, когда именно проникла в его чашу эта маленькая ехидна. Течение неприязни обычно очень длительно. Она накопляется от всяких предпосылок и миражей. Человек, когда-то почувствовавший маленькую обиду, затем уже в самотворчестве начинает, как безумец, прилеплять к этому зародышу и хвостик, и крылышки, и лапки, и рожки, — пока не получится настоящее маленькое чудовище, неотступно живущее за пазухой.

Опять-таки множество раз эти самодельные чудовища бывали описаны в народной литературе. И тем не менее почти все читающие о них никогда не отнесут описанное к своему же обиходу.

Сначала, попросту говоря, что-то не понравилось. Это нечто, вероятно, произошло в самом обиходнейшем смысле, а затем эта повседневность перенесется и в более широкий план, а затем закрепится, как раковый нарост, в самом опасном виде.

Человек дойдет до того, что, даже не отдавая себе дальнейшего отчета, он не в состоянии будет встречаться с кем-то или с чем-то. Постепенно самовнушением человек убедит себя, что именно эта маленькая житейская подробность для него всегда была самым существенным условием жизни.

Каждому приходилось встречать таких печальных чудаков, которые сами нагромождали около себя непроходимые заторы

миражного хлама. Каждый может вспомнить о людях, уверявших, что их организм не принимает ту или иную пищу. В то же время, когда им давали именно эту же пищу под другим названием, то их организм отлично воспринимал ее без всяких последствий. Значит, первоначально создалась неприязнь, которая самовнушением достигла чудовищных размеров овладения.

Из любой житейской области можно перечислять множества подобных примеров. Человек уверяет, что он не может пройти по краю пропасти, но преследуемый диким зверем он пробегает еще более опасное место, даже не замечая того. Наверное, каждый имеет в запасе множество подобных примеров.

Тем не менее вопрос самовозращенной неприязни остается в жизни одним из самых вредоносных. Иногда пробуют объяснять такую неприязнь к чему-либо или врожденным легкомыслием, или избалованностью, отсутствием дисциплины или, попросту, возрастом. От всех этих объяснений легче не станет, ибо чудовища неприязни будут по-прежнему жалить как самого их создателя, так и вредить окружающему. Из обихода, из частной жизни они разнесут свой яд среди общественности и будут вредительствовать вплоть до коренных государственно-мировых проблем.

Наверное, каждому приходилось иногда спрашивать своих друзей о причине их неприязни к чему-либо. Также, наверное, многие из спрошенных уверяли, что это чисто врожденное непреоборимое ощущение. А в сущности все же оказывалось, что где-то и как-то создалась та или иная привычка, а затем какое-то обстоятельство просто не ответило этой привычке. Когда-то кушанье показалось слишком соленым, а ожидаемый цветок не расцвел к назначенному сроку. Даже такие пустяки могут постепенно накручиваться в целую идиосинкразию.

От наносной неприязни следует излечиваться как от зачатка безумия.

Много раз сама жизнь покажет, что именно то обстоятельство, которое было, казалось бы, непреоборимым предметом неприязни, вдруг сделается полезнейшим, а то место, которое казалось пустейшим — окажется богатейшим. Тогда со многим стыдом человек должен будет отобрать все свои преждевременные заключения. Много раз внутри он пожалеет, что допустил самодельным чудовищам до такой степени овладевать им.

Если несправедлива неприязнь, то также несправедливо лицеприятие. Человек, окруживший себя негодными призраками-любимцами, достоин такого же сожаления, как и породивший неприязнь в себе. Ведь и создателю лицеприятия придется рано

или поздно сознаться в своей неосновательности тоже с великим стыдом. А ведь у людей, неглубоко мыслящих, этот стыд породит раздражение и создаст новое вредительство. Конечно, и самодельная неприязнь и неразумное лицеприятие одинаково стыдны, ибо их одинаково придется изживать. А всякое хождение в оковах очень тягостно. Так же тягостно, как всякое нарушение естественной справедливости.

В римском праве изучаются различия между фас и юс. Процесс порождения одного из другого очень сложен. И все же можно изумляться тем глубоким умам, которые проникали эти Тонкости образования человеческих отношений. Если мы имеем перед собою всевозможные примеры здравого обсуждения и желания наиболее правовых решений, то это и в обиходе должно понуждать к очень сознательно заботливому отношению к своим поступкам.

"Слово не воробей, выскочит — не уловишь", — предупреждает народная мудрость. Конечно, здесь предполагается не только внешне звучащее слово, но и значение породившей его Мысли. Если каждая мысль производит какой-то зигзаг в пространстве, то ведь этот иероглиф где-то останется и всегда будет напоминать, прежде всего, нам самим же о том, как прискорбно наполнять пространство необдуманными иероглифами. За каждый из них мы ответили и ответим в пространственном мегафоне.

"От падения лепестка розы миры содрогаются". Гнусит радио, монотонно и неумолимо нечто пронзает пространство. Что это? Лицеприятие? Или неприязнь? Будем надеяться, что создается еще один пространственный иероглиф справедливости.

1 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Семидесятилетие

Дорогой мой, только что я узнал об исполнившемся Вашем семидесятилетии. Не могу не послать Вам привет, хотя бы запоздало, хотя бы из далекой пустыни.

Прежде всего я никак не мог допустить, что Вам уже семьдесят лет, и считал Вас своим ровесником. А теперь слышу не только о годах Ваших, но и историю всей Вашей болезни. Подумать только, быть привязанным к постели, в постоянных страданиях и при этом сохранить всю тонкость и возвышенность мысли. Это прямо удивительно. Все должны запомнить, что существует внутренний светлый огонь, который среди всех горестей и трудностей хранит ту необычайную свежесть и убедительность мысли, которою Вы обладаете.

Ваш пример для каждого разумного человека является самым убедительным в том, что не о хлебе едином жив будет человек. Как бы болезнь Ваша, сама по себе такая необычная, ни потрясала организм, но дух готов преобороть даже наиболее тяжкие натиски страдания. Не о теле едином жив человек.

Всегда вспоминаю с глубокой сердечностью все наши встречи. Во всех беседах Ваших звучала глубокая искренность, утонченность мышления и прежде всего и во всем желание добра.

Думаю, что и всегда в Вас жила эта необыкновенная убедительность и доброжелательность. Слышал я, что Вы всегда выглядели очень моложаво. Слышал я, как после какой-то Вашей речи Ваш оппонент назвал Вас молодым человеком, противопоставляя своему умудренному возрасту. Когда же он спросил, сколько Вам лет, а Вы ответили — 42, то Ваш совопросник в изумлении извинился, ибо ему было всего 41. Я не знаю, о чем была эта дискуссия. Но чувствую, что, как обычно, с Вашей стороны она была убедительна по свежести мысли, а со стороны Вашего супротивника это, наверное, были лишь сухо рассудочные расчеты.

Знаю я также, что от студенческой скамьи Вы любили чтения. Не ограничивали себя каким-либо предвзятым кругом, но шли к светлым источникам. Новые познания Вас не только не пугали, как часто бывает, но лишь окрыляли для дальнейшей бодрости мышления и радости бытия.

Также слышал я о всех многих опасностях и трудностях, которые встречались в Вашей трудовой и просвещенной жизни. Сколько враждебных, незаслуженных оскорблений, сколько отравлений, так неизбежных с горными работами, Вы вынесли неслыханно бодро. И вот случайное отравление несвежим

продуктом вызвало это бесконечное воспаление нервов. Какие же должны были быть сделаны своевременно духовные запасы, чтобы даже организм мог противостоять всем этим, казалось бы, губительным потрясениям.

Без большого духовного сокровища никакой организм сам по себе не устоял бы под давлением всяких зол. Целых четыре года быть прикованным к постели и среди страданий обратить эту напасть в духовный праздник ¬это поистине незабываемо.

Прийти к Вам в течение всего прошлого лета было для меня настоящею радостью. Не было случая, чтобы рядом с постелью Вашей не лежал уже целый лист значительнейших соображений, вопросов и заданий. В то время, когда у многих других с трудом формулировались хотя бы одна тема или один вопрос, а у Вас этот источник живой неустанно давал новые значительные темы. Только в духе, воспринявшем действительно многое, только в чаше, где накоплено постоянное сокровище, могут жить и сверкать в возношении все те нужные, неотложные и прекрасные вопросы и задания, которыми Вы не только живете, но горите светлее любого молодого. Не для холодной дискуссии нужно Вам такое жизненное благо. Вы живете им и несете его всем тем, кого Вы видите. Около Вас не может быть пустого легкомысленного разговора. Все сведется к чему-нибудь очень значительному, очень светлому и чистому. Именно во всем будет та соль, о которой так глубоко отмечает Апостол Павел.

Нет такого человека, который стремился бы уйти от Вас. Наоборот, Вы сами видите, как к Вам идут люди и как Вы им нужны. И еще не забуду, что идут к Вам люди всех возрастов и самых различных настроений. И в этом разнообразии всегда прозвучит единство прекрасного и трогательного устремления.

Большая ценность в том, что Ваша светлая убедительность достигает сердца всех возрастов. Около постели Вашей не есть лишь совет старцев или школа юношества. Именно около Вас одинаково ценно побыть и освежиться духом каждому, приходящему с целью блага.

Когда меня спросят, как же дает дух неистощимую силу и телу, я скажу: побеседуйте с моим другом Грамматчиковым и Вы почувствуете все значение духовных проникновений.

Потому-то я приветствую Ваше семидесятилетие не как обычную выслугу лет, но как необычайную заслугу горения духа на благо человечества. Пусть все мыслят так же широко, так же доброжелательно, и пусть чтут источники блага без всяких мертвенных отрицаний, без взаимоукушений и подозрений. Ваш пример, необычайный по своим внешним и внутренним условиям, должен запечатлеться всем, кому тепло и радостно

около Вас.

Мало быть просто хорошим человеком. Надо еще проникнуть к сердцам человеческим со всею убедительностью блага. Так же точно нужно, чтобы люди чувствовали, что для Вас самих это не просто процесс беседы или просто ознакомление с новыми книгами. Необходимо, чтобы люди воочию убеждались, что Вы сами живете этими светочами вечности. Именно Вы доказываете это и словом и делом. И потому убедительность Ваша так свежа и возвышенна.

И еще новые собеседники подойдут к Вам, и Вы им дадите от той же неотпитой чаши, которая питает и Вас. Послать Вам привет — для меня истинная радость. Только на таких живых примерах неугасимого горения мысли люди могут утверждаться в путях блага и истины.

И Вам, и милым собеседникам Вашим наш сердечный привет.2 Мая 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Зигфрид

В сказаниях о Гесэр-хане можно находить как бы отзвуки Эдды, а временами как бы звучит рог самого Зигфрида. Даже имя жены Гесэр-хана — Бругума невольно напоминает имя Брунгильды.

Сейчас мы не задумываемся, кто именно подслушал или подсказал сходство и подобие, может быть, великие готы подслушали, а может быть, кто-то из еще более древних путников. Сейчас не в том дело. Так же точно мы ведь не знаем, какие именно "друиды" запечатлели в Карнаке те самые каменные сооружения, те самые мегалиты, которые поражают путника и в Тибетских Гималаях. После того, как Алансон имеет связь с древними аланами, мы все меньше и меньше изумляемся старинным движениям и аналогиям.

Сейчас хочется записать о том, как часто определенные звуковые и цветные задания относятся именно к определенным местам. Звучит ли рог Зигфрида в Египте? Конечно, не звучит. Звучит ли он в долинах Индии? Конечно, нет. Звучит ли он в Бирме, Сиаме, Китае? Конечно, нет.

Но как только вы вступите в монгольские широкие пространства, то в переливах холмов и оврагов вполне зазвучит рог Зигфрида — друга побед.

В каждой стране напеваются вам и вспоминаются те или другие соответственные мотивы. Нужно быть бесчувственным, чтобы всюду питать свои вибрации одной и той же песнью. Это значило бы, что мы выражали про себя лишь свои настроения, не впитывая ничего из окружающего.

Потому ли вспоминается в горах и холмах Монголии Зигфрид, что Вагнер творил свое Кольцо в горах Тироля и Италии, в которых вполне мог звучать рог Зигфрида. Ведь и готы запечатлевали звуки своих побед там же.

Когда вы оказываетесь в местах, звучащих на известные задания, то невольно тот или иной из ваших любимых композиторов оказывается вам наиболее близким. Трудно дать себе отчет, чем именно тот или иной любимый композитор овладевает вашим сознанием. Лежит ли это в самой гармонии его произведений, в характерной тональности или в самих заданиях творчества, или, наконец, в самом характере творца, который неразрывно связан с его произведениями.

Вагнер нам дорог, по-видимому, по всем трем условиям. Несомненно, что и сама личность великого композитора, его жизненная трагедия со всеми и огорчениями и победами не

может не захватить сознание. Не то, чтобы мы твердили себе о том, как протекла жизнь Вагнера, какие трудности он преодолевал и какую твердость духа он запечатлел. Мы не вызываем этих обстоятельств насильственно. По-видимому, вся личность Вагнера до того связана с его произведениями, что как само задание, так и сам творец, всегда останутся неразрывными.

Есть композиторы, которые не настолько связали себя со своими произведениями. По-видимому, эти произведения приходили к ним извне. И потому иногда при всей красоте в них же все же не было обоснованной повелительности. Можно было чувствовать, что это произведение могло быть написано, могло где-то быть наслушано, но и без него автор мог увлечься чем-то иным. Не так с Вагнером. Он не мог не написать того, что было рождено в его сущности. В последовательности своих произведений он выражал то, что даже независимо от его рассудочных желаний должно было вылиться полно и властно.

Читая жизнеописание Вагнера, как и во многих других биографиях, мы находим многие случайные подробности его жизни. Но мало где выражена его сущность во всех ее путях и накоплениях, вне зависимости от случайных встреч или расхождений.

Если в готическом соборе звучит даже без органа хорал и фуга Баха, то Вагнеровские концепции преимущественно зазвучат в вас вне всяких строений. Правда, когда вы в Каме слушаете о замке Гесэр-хана, в котором вместо балок положены боевые мечи, вам начинает казаться — не присутствуете ли вы во времена Гунтара и Гегена и не поведут ли между собою речь эти призраки по-тибетски.

Но все же рог Зигфрида зазвучит не в стенах замка. Он зазвучит в широких просторах, и сам герой выедет из-за горы. Он четко выступит на склоне холма и покажется таким большим-пребольшим, как часто кажутся увеличенными предметы в пустынных просторах.

Наверное, некоторые мои друзья удивятся, с чего это Монголия может вызывать память о Вагнере и о Зигфриде. Наверное, кому-то покажется непонятным такое единение. Скажу еще, как некоторые назвали бы некую ересь. В некоторых песнях монгольских и тибетских, в кларнетах и в огромных трубах монастырей нам тоже звучало нечто от Вагнера. Я убежден, что если бы Вагнеру пришлось послушать трубы тибетских и монгольских монастырей и некоторые песни, то они были бы необыкновенно близки его сознанию. Но ведь и эти трубы и эти песни требуют прежде всего простора, так же точно, как рог Зигфрида не звучит в запертом подвале.

Помню, как Руднев записал несколько монгольских песен. Из них был сделан марш для финских войск. В скалах Финляндии этот марш звучал очень призывно и благородно. Вот вам и еще одно срастание. Всюду же, где может звучать срастание, а не дребезжать разбитость, всегда вы вспомните о том зовущем и утверждающем роге Зигфрида, победителя змия.

Иногда кажется, что Вагнер следует за преданием. Вот, как будто оно уже всецело повторяет его, но несмотря на это "как будто", вы все же видите личность Вагнера, который во всем мужестве и, неся на себе всю ответственность, делится со всеми звучанием души своей.

В Парсифале Вагнер возносит наполненную Чашу. Как истинный Галахад, он не страшится огненного места и утверждает вопреки всем боязливым и ускользающим. Галахад прямо идет к своему огненному месту. Ничто не страшит его, а ведь призраки были устрашающи. Эти примеры бесстрашия, примеры возношения Чаши Св. Грааля, конечно, останутся на высотах, по пути к которым услышится не однажды рог Зигфрида.

Наш Ванг тоже знает о Гесэр-хане. Он ведь от Куку-нора, а там это сказание всем известно. Много версий гесэриады уже опубликовано, но постоянно вы встречаете новые детали геройской эпопеи. Наверно, в свое время Чингис-хан слышал и вдохновлялся подвигами Гесэра. И многие другие друзья победы — многие Зигфриды почерпали звучность своего рога от подобных же вечных источников.

3 Мая 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Труд

"Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь".

Сколько раз это мудрое речение употреблялось и сколько раз оно толковалось ложно. Каждый пытался пояснять значение труда по-своему. Сапожник понимал, что труд это есть сапожное дело, кузнец в себе знал, что истинный труд заключен в кузнечном молоте. Жнец потрясал серпом как единственным орудием труда. Ученый естественно понимал, что труд ¬в его лаборатории, а воин настаивал о труде военных познаний. Конечно, все они были правы всегда; но, судя в самости, они прежде всего хотели понять о себе, а не о другом.

Чужой труд смотрелся через уменьшительные стекла. Никто не хотел искренне понять, насколько все виды труда зависят и сотрудничают друг с другом.

Ведь это просто? Конечно, просто. Ведь это всем известно? Всем, от мала до велика, известно. Это применяется в жизни? Нет, не применяется.

Получились самовольные разделения труда на высший и низший. И никто толком не знает, где именно граница оценки труда. О качестве труда по нынешним временам часто вообще СУДЯТ очень странно. Наряду с развитием механических производств люди начали всецело полагаться на машины. Но ведь и в любой машине будет лежать в основе качество труда, в зависимости от умения применять эту машину.

Не раз говорилось о том, что даже машина иначе работает в разных руках. Больше того, достаточно известно, что одни мастера благотворны и для самой машины, другие же как бы носят в себе какое-то разрушительное начало. Люди издавна понимают значение ритма в труде. Приходилось видеть, как для общественных работ присоединялись местные оркестры для вящей успешности. Даже в далеких гималайских лесах дровосеки носят деревья под удары барабана. Всем это известно, и тем не менее сознательная согласованность труда все-таки является чем-то ненужным и неопознанным в глазах большинства.

Уже не будем говорить о том, что некоторые стороны труда, очень тяжкие, требующие большой подготовки, часто совершенно игнорируются.

Взять хотя бы труд народного учителя. Всегда он был и несправедливо мало оплаченным и всегда оставался под сомнением ото всех сторон. В то же время решительно каждому известно, что воспитание детей может быть поручаемо лишь человеку, действительно образованному, имеющему в своих

предметах основательные познания и вполне обеспеченному, чтобы не рассеиваться в отыскании побочной работы. Неправда ли, все согласятся с необходимостью сказанных условий? Тем не менее и в общественных и в государственных масштабах народный учитель останется в прежнем бедственном положении. Мало того, если в казначействе не окажется наличных сумм, то, вероятно, прежде всего народный учитель, врач, ученый, будут исключены из бюджета. Уже не говорим о писателях, художниках и прочих лицах свободных профессий, которые так необходимы для народного образования и вызывают наименьшие заботы государства. Скажите, что это не так?

В основе всяких таких прискорбных и продолжающихся недоразумений все же лежит невежественное понимание о труде. Естественно, все желают, чтобы их государство преуспевало. Все довольны, когда общественные начинания кем-то похвалены. Вместе с тем обычно лишь как исключения люди понимают всю меру ценностей труда. Апостольское речение безусловно правильно. Никакие дармоеды и паразиты не имеют права на существование. Но при этом, насколько нужно воспитать народное сознание в истинном понимании, что такое труд во всеобщее благо.

Не случайно человечество знает многие поучительные житейские примеры. Великий пример сапожника Беме или мастера линз Спинозы, примеры некоторых епископов, бывших превосходными ткачами, и другие такие же поучительные житейские опыты должны бы достаточно показать оценку качества труда. Наконец, мы всегда имели пред собой потрясающий в своей убедительности пример Преподобного Сергия Радонежского, который не принимал даже куска хлеба, если не считал его заработанным.

Такие ясные зовущие примеры должны бы быть рассказаны вполне убедительно во всех школах. Тем самым внеслось бы равновесие трудовых оценок. Стерлись бы многие гордыни, но" с другой стороны, и сердечно понялась бы радость о каждом прекрасно исполненном труде. Если все это так не ново, то почему же оно много где не применяется?

Почему же до сих пор министерства народного просвещения или трудовой промышленности и сельского хозяйства — иначе говоря, всего, что связано с мирным преуспеянием, находится на третьих и четвертых местах? А иногда даже вообще поглощается какими-либо другими соображениями. Ведь это так, и никто не может уверять, что сказанное есть преувеличение.

Сказанное не только не есть преувеличение, но оно недостаточно повторено. Из того, что некоторые люди вообще

избегают мыслить о культурных ценностях, избегают хранить их и поставить на должное в цивилизованном государстве место, уже из этого одного видно, насколько люди мало берегут то, что лежит в основе мирного труда и творчества.

Заслуженно твердо сказал Апостол о нежелающих трудиться и тем самым не признающих значения труда. Они могут и не есть, они не нужны для жизни, они — сор и мусор. Вот как оценивается небрежение к понятию труда.

В настоящее время, во дни всяких механизаций, требуется тем большее внимательное отношение к труду, требуется справедливость к труженикам всех родов и всех областей. Люди уже догадались, что увлечение роботами не есть высшее достижение. Тем самым будет осознано и качественно творческое начало каждого труда.

Опять-таки посмотрите, как живут и трудятся истинные труженики. Каждый день в полном порядке, в полной прилежности и терпении они создают что-то и создают не для себя, но чьей-то пользы. В этой анонимности заложено так много величия! Заложено много понимания, что все это есть, в конце концов, условный иероглиф, как каждое имя, каждое понятие. Эти имена становятся вполне именами собирательными. Когда произносится "Эдисон", то уже не думается именно о Томасе Эдисоне, но как о мощном собирательном понятии изобретательности на пользу человечества. Так же точно, будет ли произнесено имя Рафаэля или Рубенса, оно уже не будет чем-то чисто личным, оно попросту будет характеристикой эпохи.

На старинных китайских изделиях имеются своего рода марки. Они тоже не имеют в себе ничего личного. Они стали тою печатью века, о которой так много говорилось.

Пусть будет печатью нашего века широкое и справедливое осознание труда. Пусть не будет забыт каждый полезный творящий работник. Пусть во всех государствах вопросы образования, просвещения, труда будут на первом месте.

4 мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

Черви

Всякий вред заключен в злоречии. В каждом вредительском речении можно найти все мерзостные и стыдные пороки. Каждое злоречие будет заключать в себе и ненависть, и ложь, и предательство, и все то, что так препятствует благосостоянию человечества.

Если даже в основе всех этих пороков будет лежать невежество, то все-таки не легче от этого современному сознанию. Какая же глубокая мерзость заключается во всяком предательстве, в каждой лжи, в клевете и в желании повредить ближнему! Издавна эти пороки ставились в ряду самых отвратительных животнообразных проявлений.

Апостол Павел в первом послании к Тимофею ставит ложь, клевету, клятвопреступничество в ряд следующих отвратительных проявлений:

"Зная, что закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокорных, нечестивых и грешников, развратных и осквернённых, для оскорбителей отца и матери, для человекоубийц";

"Для блудников, мужеложников, человекохищников, клеветников, скотоложников, лжецов, клятвопреступников и для всего, что противно здравому учению".

Видите, в какой позорный ряд включены лжецы и клеветники, и всякие вредители. А между тем, как легко среди современных цивилизаций произносится ложь, клевета, предательство и все, что может хотя бы остановить нарастание полезных предметов. Как-то уже говорилось о самоотвержении зла, которое в ярости своей, поистине, доходит до самоотвержения. Готово поразить самое себя, лишь бы посеять ложь.

А ведь как легко проделывается всякое предательство. Иногда люди даже себе самим не отдают отчета, что своим делом или словом они разрушают то самое, с чем еще вчера соглашались и чему служили. Произошло какое-то крошечное злоречие, может быть, от внешнего раздражения, а может быть, от каких-то глубоко затаенных мыслей. И вот эти, казалось бы, малые причины побуждают человека начать предательствовать, хотя бы вредя и самому себе.

Конечно, каждое предательство, как и каждая ложь и клевета, прежде всего отразится на самом злоречивце. Это остается непреложной истиной. Но не легче благосостоянию народов от того, что какой-то предатель или клеветник получит им заслуженное. Все-таки огород и бурьян злоречия потребует

многих новых усилий, чтобы его опять расчистить.

Злоречие, конечно, не упадает с неба. Оно порождается в низах быта. Нарастает медленно, но неумолимо, если только было посеяно. Сперва человек научится злобно ухмыльнуться, злобно пожать плечами, потом произнесет опять-таки злобную шутку, восхитится раздражением или одобрением собеседника, а затем незаметно привыкнет к самому подлому злоречию.

Злоречие так же, как и брань, прежде всего — дурная привычка. Апостол совершенно правильно поставил ложь и клевету в ряд противоестественных пороков. Любой из названных им пороков, конечно, в глазах цивилизованного общества является чем-то недопустимым. Но не так — с клеветою и с предательством. Они ведь не изгнаны из быта, подобно скотоложству. А ведь все это одинаково свидетельствует о скотском состоянии.

Вредное насекомое разводится от грязи и небрежности. Из такого небрежения порождаются и черви предательства. Предупреждают, чтобы собак не кормить сырым мясом. От сырого мяса у них появляются черви, которых иногда бывает очень трудно вывести. Не в мясной ли пище заключены все те грубости обихода, которые так вредоносны? Не от тех же ли причин, как у псов, разводятся черви клеветы и предательства?

Иногда пытаются объяснить предательские и клеветнические действия малодушием. В конце концов, что же есть малодушие? Ведь зерно духа, в конце концов, у всех имеется. Но оно может быть запылено и загнано в подвалы сознания. Тогда вернее сказать — не малодушие, но подлодушие. И этот порок тоже не будет всецело природным, но будет взращенным среди уродливостей затхлого быта.

Заразительность пороков можно наблюдать даже на самых малых из них. Стоит в какую-либо группу попасть одному, вовлеченному в тот или иной порок, и рано или поздно он найдет себе последователей. Иногда эти уже внутренне готовые последователи порока даже будут осуждать порочные свойства, усмотренные ими. А затем мало-помалу переймут вредоносные привычки. Поразительно бывает наблюдать, как постепенно внедряется порочная привычка. Несомненно человек стыдится ее. Сперва непременно старается скрывать ее, но затем, видя явный пример и замечая, что окружающие вовсе не изменяют своего отношения к нему, он выносит свою гнусную привычку наружу. И ничего, продолжает пребывать в человекообразном обществе.

Существуют всякие виды червей. Врачи утверждают, что некоторые из них очень трудно искореняемы и всегда возможен рецидив. Но не бывает организма изначала зачервивевшего. Эти

ехидны влезут очень постепенно. От зависти, от саможалений, от тупости и вообще от невежества.

Об этих вредоносных червях не говорится в школах. Может быть, скажется лишь тогда, когда они проявятся в каком-то безобразном поступке. Но ведь тогда уже будет поздно. Тогда уже потребуется не профилактика, а какие-то экстренные меры с принятием очень невкусных лекарств. Большинство же людей очень бережет свои вкусы и не любит невкусных лекарств. Если врач даже пропишет их, то все же они попытаются выбросить эти медикаменты в мусорную корзину. Легче не заводить червей, нежели потом бороться с ними.

Существует ужасная болезнь, в конце которой все поры тела начинают источать червей. Говорят, что царь Ирод окончил жизнь в таком смердящем разложении. А разве упорный предатель и клеветник не испускает в каждом дыхании своем тех же ужасных червей, в незримости своей еще более опасных?

Да, у псов черви заводятся от сырого мыса. От какого же такого сырого мяса разводятся людские черви, заражающие всю окружающую атмосферу? От какого же мяса люди приходят в такое отупение, что лишаются отличать цвета и не могут слышать и уразуметь самых простейших вещей? Не от людоедства ли?

У псов от сырого мяса заводятся черви. Откуда же берется и грубость человеческая, которая доходит до такого кусательства, что даже самые прочные связи оказываются порванными? От очень неприметных пошлостей и подлостей разводятся человеческие черви. Пример червоточивого царя Ирода отмечен в истории. Скотское состояние Навуходоносора тоже рассказано не без причин. Люди стараются избежать и уничтожить крыс, разносителей заразы. А как же насчет червей и видимых и невидимых?

5 Мая 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Notre Dame

Разве можно забыть Нотр Дам? Разве можно забыть Шартр или сапфировые миниатюры Музея Конде в Шантильи? Забыть прекрасное — уже значило бы одичать. Что бы ни происходило в Париже, какие бы новые надстройки ни происходили над старой Лютецией, все же в памяти остается старинный Париж со всеми витражами, со всеми башнями, так много видевшими, могущими рассказать огненные повествования. Оживленна жизнь новейшего Парижа. Это мощный нерв мира. И все же без Нотр Дам никакие эйфели и трокадеру не помогут сохранить чудесное привлекающее впечатление.

Говорилось о каком-то почти чудовищном проекте высочайшего сооружения, которое должно затмить Эйфелеву башню. Кому же нужно будет такое затмение? В газетах перечислялись и торговые ряды внизу (точно бы мало лавок в Париже), и венец нового достижения — ресторан наверху башни. Ох, уж эти рестораны. Не так давно мы видели тоже ресторан, устроенный в священном месте. Причем в ногах священного изображения стояли опорожненные бутылки и всякие объедки. Вот вам и Культурные ценности!

Разве всякие рестораны под небесами могут создать ту истинную радость сердечную, которая огненно возникает, когда вступаете под своды Нотр Дам? Не знаем, какие славословия будут возноситься в поднебесном ресторане, но неоднократно убеждались, что под сводами Нотр Дам, будет ли то в обряде или молчаливом сердечном почитании, но ничего безобразного не произносится. Есть подлинное восторженное очарование в сияющих розеттах и в переливах цветных стекол на древних колоннах. Сколько пришедших и сидящих в истинном успокоении видели мы каждый раз при посещении величественного Нотр Дам.

Св. Женевьева спасла Париж от огня и нашествий. Под знаком великого заступничества Нотр Дам тоже наслоились многие великие события

Франции. Этот светоч всегда останется сиять, как прибежище. Приходя в Париж, тем самым придете и под своды Нотр Дам. В этом сиянии найдете примирение и решение будущего.

И все-таки будет звучать:

"Leva manus luas in superbias corum in finern".

"Et gloriati sunt qui oderunt te, in medio solemnitatis tua".

"Posuerunt signa sua, signa: et non cognoverunt".

"Incenderunt igni sanctuarium Tuum".

"Quiescere faciamus omnes dies festos Dei a terra".
Корона Мариана!
6 Мая 1935 г.
Цаган Куре
Публикуется впервые

Продвижение

15-го апреля в Белом Доме при личном участии Президента Рузвельта все государства Америки подписали наш Пакт. Этот торжественный акт не только является большим продвижением Пакта, но и делает незабываемой заботу американских государств об охранении Культурных ценностей. В истории Культуры день 15 апреля останется как вещественное доказательство действенной заботы об истинных ценностях человечества.

Около этого незабываемого действа нельзя не вспомнить несколько мнений о Пакте, как бы предуказывающих его дальнейшее продвижение. Покровитель третьей конвенции Пакта и почетный председатель Постоянного Комитета министр Уоллес неоднократно исчерпывающим, убедительным словом выражал свою уверенность в том, что Пакт будет принят и послужит знаменательною ступенью в развитии мировой Культуры. Прозрения министра Уоллеса уже исполняются.

Конгрессмен Блюм закончил свою речь на последней конвенции Пакта словами: "В каждой цивилизованной стране пламя Культурных устремлений освещает путь прогресса. Мужи и жены, занимающие влиятельные положения, объединятся в установлении Знамени Мира как вечного знака о том, что не умерла надежда мира. Божественная искра, посеянная Богом милосердия и надежды в сердцах людей, не перестанет вдохновлять нас к тем божественным идеалам, которые ведут нас к Нему".

Продолжаю в последовательности тома второго материалов о Пакте. Министр Персии Джафар Хан Джалал утверждает: "Знамя Мира будет служить прибежищем во времена войн и смятения. Спешу прибавить мое приношение к великому проекту, который Вы выдвигаете. Но вызывает глубокое одобрение и сердечную поддержку человечества, ибо сокровища искусства и науки являются огромным двигателем человеческой жизни. Не только они просвещают нашу современную цивилизацию Культурою наших предков, но они служат как проводник и вдохновляют нас следовать в том качестве искусства и блага, которое делает жизнь утонченной и благостной".

Представитель Китайской Республики Цун Лин Цзу высказывает поддержку своего правительства в следующих вдохновенных выражениях: "Проект объединить все нации под одним знаменем для охранения Культурных сокровищ против разрушения как во времена войны, так и мира, имеет благородную цель и заслуживает поддержки от каждого человека.

Истинная Культура и настоящая наука в своих приношениях для цивилизации и благосостояния человечества не знает национальных границ. Их творения и святилища потому должны быть невредимы от всяких посягательств во времена международных столкновений. Музей Рериха заслуживает добрые пожелания от всех народов в успехе этой конвенции".

Маститый д-р Джемс Браун Скотт, директор Карнеги Института для международного мира и президент Американского Института международного права заключает свою замечательную речь: "Владетели Культуры прошлого, хранители Культуры настоящего для будущего, мы подписью этого мирового Пакта воздвигнем мировой штандарт Культуры и человечества, прошлого, настоящего, будущего и в то же время мировой штандарт для народов и их международных сношений".

Профессор де ла Прадель, профессор международного права Парижского Университета, вспоминает, что знак Знамени был на щитах крестоносцев, и кончает свою речь следующим утверждением: "Охранить творчество — это значит спасти человеческий гений. Это цивилизующее действие заслуживает убедить правительства, общественное мнение, моралистов и техников, артистов и юристов сойтись под Знаменем Триединости".

Доктор Александр Альварец, член Академии моральных и политических наук, генеральный секретарь Американского международного права высказывает пожелание: "Принятие Пакта и Знамени для охранения памятников позволит выполнить новый прогресс международного права и будет победою Культуры человечества. Желаю полного успеха конференции в Вашингтоне".

Профессор Луи Ле Фюр, профессор международного права Парижского Университета среди пожеланий полного успеха Пакту говорит: "Это будет завершением конференции. И от всего сердца я желаю успеха, который послужит для охранения памятников и творений искусства, которые являются общим достоянием человечества".

Барон Михаил Таубе, профессор международного права, член государственного совета, член Института международного права и член Академии международного права в Гааге кончает свое приветствие: "Пусть Знамя Мира, со всеми идеями, заключенными в нем, развевается во всем мире и хранит идеал мира и союза между народами, осмысленного на нерушимой базе истинной цивилизации, на синтезе искусства, науки, религии".

Д-р Михаил Макуайт, министр Ирландии, заключает: "По счастью, каждая цивилизованная нация может гордиться памятниками славного творчества и Культурными достижениями.

Чтобы сохранить эти творения, в которых выражена история, предлагается настоящий Пакт, и я верю, что интеллектуальные силы мира приведут его ко всеобщему принятию".

Д-р Тошихико Такетоми, делегат Японского Императорского Правительства, так заканчивает свое приветствие: "Мир есть естественное условие существования, и война является лишь преходящим феноменом. Сегодня мы стремимся построить прочное строение международного мира. Больше того, серьезность положения экономического мира заставляет нас осознать, насколько взаимозависимы народы, и я верю, что дружественные Культурные сношения, существующие между Западом и Востоком, послужат наибольшим ручательством к разрешению мировых проблем. Итак, имеется действенное свидетельство нашей искренности и сотрудничества: именно сегодня, ноября 17-го, Знамя Мира Рериха может быть видимо развернутым над музеем департамента просвещения в Токио. Таким образом, этот символ во имя Красоты и Знания опять сводит вместе Восток и Запад".

Д-р Веверка, министр Чехословакии, сказал: "Считаю большим преимуществом быть среди тех, которые выражают свое восхищение и уважение великой идее, которую мы почтим сегодня. Мое присутствие здесь уже есть знак, что Чехословакия от полного сердца поддерживает благородную задачу международной конвенции Знамени Мира".

Генеральный секретарь общества "Маха Бодхи" Деваприя Валисинка заключает привет общества: "Всякий успех трудам конвенции. Мы не сомневаемся, что буддийские страны вполне симпатизируют этим движением и если представления будут сделаны их правительствам, они окажутся среди первых, кто подпишет Пакт".

Маститый маршал Франции Лиоте пишет: "Имею честь свидетельствовать мою глубокую симпатию к работам конференции в Вашингтоне для всеобщего принятия правительствами Пакта Рериха. Миссия, преследующая охранение памятников исторических и творений искусства во время войны, имеет глубокое значение для сохранения цивилизации и традиций".

Генеральный товарищ секретаря Лиги Наций Пилетти приветствует конференцию: "Желаю Вашей третьей конференции полного успеха, я прошу Вас держать меня в курсе всех постановлений и трудов Вашей организации".

Президент французского Красного Креста маркиз Лилльер свидетельствует: "Имею уверить Вас в полной симпатии французского Красного Креста в пользу успехов конференции в

Вашингтоне, которой мы от полного сердца желаем великую успешность".

Камилл Тюльпинк, президент нашего Международного Союза в Брюгге, пишет: "С глубоким почтением мы храним в архивах союза благосклонное пожелание Папы и Его Величества Короля Бельгии. Также мы всегда вспоминаем высокий интерес, проявленный Лигой Наций, Конференцией по разоружению, Французской Академией, учеными учреждениями и бесчисленными деятелями, которые выразили нам свое сочувствие".

В приветствии Шибаева, секретаря Гималайского Научного Института, кроме прекрасных мнений председателя Гаагского суда Адачи и членов того же суда Антонио Бустаменте, Рафаэля Альтамира и д-ра Лодера, а также президента Императорского Университета в Куюши Мацуура и министра народного образования Нанкинского правительства Чанга, указываются приветственные слова графа Мориса Метерлинка: "Всем сердцем я присоединяюсь к подписывающим Пакт Рериха. Объединимся вокруг этого благородного идеала всеми нашими моральными силами". Там же приведены и достопримечательные слова д-ра Рабиндраната Тагора, сэра Джагадиса Боше и сэра Рамана, а также профессора Анезаки и покойного первого министра Хамагучи.

Не забудем, что министр народного просвещения Нанкинского правительства Чанг выразился именно в следующих словах: "Пакт представляет собою неисчислимую гуманитарную ценность, ибо сокровища искусства являются мировым достоянием и принадлежат не одной стране. Сожалею лишь о том, что об этом не было помыслено ранее".

Из далекого Тибета лама Лобзанг Мингиюр Дордже желает: "Знамя Мира должно получить признание всех правительств. Все должны озаботиться, чтобы это Знамя было признано и законно установлено всеми странами".

Большое ручательство заключено в этих пожеланиях, приветствиях и утверждениях делегатов правительств и глубокими авторитетами международного права. От этих свидетельств уже нельзя отступиться, ибо это было бы позорно для международного сознания, которое выражено было в таких ясных и непререкаемых выражениях. Я привел лишь немногие приветствия и утверждения, но вспомним, что их были тысячи, имевшие за собою миллионы людей. После сказанного кто же может сказать, что охранение Культурных ценностей для него несущественно.

День 15-го апреля является незабвенною ступенью в

преуспеянии Пакта. В том же благоделании и дружелюбии накопятся и все остальные ратификации.

Директор Американского Музея д-р Пауль Хессемер в своей недавней благожелательной статье справедливо замечает, что если для окончательного установления Красного Креста потребовалось такое продолжительное время, то из этого вовсе не должно следовать, чтобы и Пакт охраны Культурных ценностей нуждался бы в таких же необъяснимо долгих сроках. Это было бы позорно для человечества. Вполне естественно, что директор музея особенно принимает к сердцу Культурную задачу Пакта. Впрочем, все вышеприведенные мнения правительственных делегатов и авторитетов науки так ясно говорят, что введение Пакта в жизнь не должно быть отложено.

На предыдущей конференции Пакта в Бельгии барон Таубе справедливо закончил свою горячую речь ярким призывом: "Удвоим наши усилия!"

8 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

Промедление

"Промедление смерти подобно".

Так сказал Петр Великий. Что же в этом нового? Почему это изречение так часто поминается? Разве этого никто не знал раньше? Нового ничего нет в этом речении. Тем не менее оно и поминается, и будет поминаться. Оно должно быть написано надо всеми государственными и общественными учреждениями. Оно должно пройти как подзаголовок всех календарей. Оно должно быть на первой странице школьных учебников.

Дело не в том, что сказано нечто абсолютно новое. Вообще не есть ли новое лишь во времени и по обстоятельствам? Но в том дело, что сказано это, и в такой повелительной форме, что должно быть во всех делах человеческих. Это не есть повторение, ибо форма сказанного, вероятно, вполне оригинальна в своей краткости и убедительности. Просто сказано то, что нужно, что нужно всем, нужно для каждого дня. Сказано то, что люди пытаются позабыть насколько возможно. Пытаются противопоставить другое циническое речение: "Не делай сегодня того, что можешь сделать завтра".

В цинизме и в лености люди стараются сложить и поговорки, и побасенки, лишь бы чем-то отложить труд. Значит, для них всякий труд есть и тягость, горе, значит, для них труд есть проклятие. А разве не ужас, когда сужденная радость обращается в проклятие, в ужас, в горе?

Промедление бесконечно однообразно в своих свойствах. Как умело оно бывает прикрыто, так прикрыто, что даже опытный глаз не всегда рассмотрит, где оно уже приключилось. Причин к этому можно находить до бесконечности. А ведь всякий знает, что человек в безумии своем бывает находчив и изобретателен до невообразимости.

Бывает промедление по незнанию, по тяжеловесности характера. Бывает от доверчивости к другим, также бывает от намеренной злобности. Словом, можно почти все происходящие действия квалифицировать по той или иной степени медлительности. Если бы только эта медлительность не вредила в конечном результате. Но всякое несовершенство, так же как и всякое зло, неминуемо должно отозваться где-то и как-то. В каждой истории государств можно находить поразительные примеры, как маленькая медлительность порождала великие следствия. Значит, это промедление не было таким малым, как оно могло казаться земному глазу; значит, в нем уже был заключен весь эмбрион последующего. Если бы рассмотреть такие

промедления под микроскопом, то можно бы увидеть уже готовый огород всяких бактерий.

Если бы все промедлившие уже осознали сотворенное ими грядущее, то, наверное, многие из них ужаснулись и удесятерили бы поспешность и прилежание. Но о будущем вообще думают так мало. Мы уже не раз говорили, что в школах не приучают мыслить о будущем. А ведь без мысли о будущем человек будет как бы слепым. Ослепшие видели прошлое для них и уже не увидят будущего своего. Всякая слепота должна быть избегнута лучшими медицинскими воздействиями.

Бывает и так, что люди как бы готовятся к будущему, но когда наступают признаки его, то их не опознают. Бывает, давно сказано, что придет вестник, но когда он приходит, то его не признают. От этого самые нужные и спешные письма могут попасть в руки злоумышленные.

Такие неопознания, в конце концов, тоже заложены в промедлении. Само слово "промедление" достаточно говорит, что нечто было промедлено, иначе говоря, опоздало. Можно опоздать положить яйца под курицу, и тогда не нужно удивляться, что цыплята не произойдут. Пример яйца очень убедителен, ибо в нем уже готовы все элементы для следующей эволюции. И от простого промедления или от неосторожной забывчивости нечто предусмотренное и готовое предается тлению. Разве имеет кто-нибудь право по недобросовестности порождать тление?

Речение Петра Великого действительно и уместное, и великое речение. Стоит вспомнить его собственную жизнь и работу неустанную, чтобы понять, сколько вожжей правитель умел держать в своих руках одновременно. Есть люди, которые умеют держать в руке несколько вожжей, а другие, не развив в себе это умение, с трудом удерживают и одну. Какой же будет возница с одною вожжою в руке? Такие сравнения были бы смехотворны, если бы подчас они не являлись такими скорбными.

Не следует думать, что все прирожденное уже имеется в готовом, обработанном виде. Ведь все нужно воспитать и испытать. При этом испытания не могут быть случайными, они должны быть встречены в полном сознании, с полною готовностью и разумностью.

Такая готовность и зоркость уже упасет от промедления.

Разве в полете метеора может быть промедление? Разве орбита светил могла бы допустить промедление? "Промедление смерти подобно".

* * *

"Не оставляйте мед слишком долго открытым". Тоже речение о промедлении. Каждый испытал на себе, как может изменяться вся судьба его от минутного запоздания. Сказано: "Преждевременность судима, а опоздание уже осуждено". И в этом старинном речении выражено тоже предупреждение о своевременности.

Опять-таки, нужно ли повторять всякие старинные предупреждения? Ведь они так древни, так много веков они предупреждали людей. И предупреждали, и просили, и доказывали их же собственную пользу. И тем не менее маленькие привычки быта яростно противостояли всем благим поучениям. На каждый добрый совет изобретались извинения.

Наши дни приносят всевозможные ускорения. Но все эти призы на быстроту еще не значат, что великие речения о промедлении делаются уже ненужными. Можно пропустить срок, и тогда уже никакая быстрота не поможет. Наоборот, каждая запоздалая быстрота вызовет лишь глубокое прискорбие.

Что-то уже сложенное и нуждавшееся лишь в последнем толчке замерло в искусственной обстановке. А что же может быть неестественнее, нежели зрелище человека, остановившегося на одной ноге? Нельзя устоять на одной ноге долго. Нельзя и проехать на одной вожже, особенно же, если и она некрепко будет держаться.

Как бы сделать так, чтобы уговорить опрометчивых о том, что промедление опасно прежде всего для них самих же. Ведь они думают, что пусть кто-то подождет, но они непременно забудут о том, что такое ожидание будет стоить им самим слишком дорого. "Промедление смерти подобно".

9 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Порадуемся

Чему бы такому порадоваться? Не успеешь усмотреть радость, как она превращается в новую заботу. Не успеешь почувствовать победу, как она обращается в новый поход. Кто-то бы сказал — просто беда.

Но какая же такая беда, когда это есть жизнь. Стоит вспомнить целый ряд деятелей времен итальянского Возрождения и удивиться остроте волн, и вниз и вверх взмывающих. Сама пена является только знаком нового накопления. Именно среди этих сильных характеров можно наблюдать, до какой степени остро соприкасались между собою величайшие их напряжения и происшедшие за ними величайшие достижения.

Лишь в школе жизни, когда никто, казалось бы, не печется о достижениях этих деятелей Возрождения, опять выковывались необыкновенные возможности. Сейчас мысленно вспоминаю несколько определенных примеров, и вместе с их биографами можно удивляться, каким образом могли создаваться новые решения и возможности, когда, казалось бы, никакого пути уже не было.

Так могло казаться с узкой земной точки зрения. Но у этих сильных мыслью и делом людей путь всегда находился. Находился этот путь в необыкновенной новизне и неожиданности. Уже тогда, при несовершенных путях сообщения, были слагаемы пути заморские и загорные. Если кому-то теперь кажется что-то неимоверно трудным, то насколько труднее это было когда-то тогда, когда оставалось столько пугающе неизвестного.

Так же, как теперь, тогда отмирали целые города и страны, а сильные духом продолжали свою славную одиссею. Какую же одиссею нужно почитать теперешним людям, чтобы и среди забот все же порадоваться. И порадоваться в полной вере, ибо без веры нет осуществления. Как же подойдут они без веры к высокому и мощному, одно приближение к которому уже может наполнять трепетом. А в вере — все легко. Ведь вера есть, попросту говоря, знание.

И вот по вере, по знанию видно, что можно радоваться. Можно радоваться постоянно новым путям, так же неисчислимым, как неисчислимы светила небесные. Разве только случай приводит к нахождению новых путей? Именно не случай, ибо и случая-то почти не бывает, но всегда идет пришествие новых, уже когда-то сложенных возможностей.

Если кто говорит, что дальше так нельзя, то именно в этом

"так" он лишь останется правым. Так нельзя, но иначе можно. Для этого "иначе" соберем всю нашу память, очистимся от ненужной ветоши и попробуем посмотреть глазом новым.

Ведь для обычного жильца место представляется изжитым, но стоит прийти к тому же месту новому человеку — и он найдет в нем новые рудники и новые горизонты. Ибо посмотрит он глазом новым. Вот в этом-то постоянном обновлении, в возможности такого поновления и будет заключаться неиссякаемая радость. Если же мы знаем, что этот источник неиссякаем и может быть замутнен лишь нами самими, то, превозмогая себя, мы опять приобщимся к вечным святыням восхождений.

Если кому-то почему-то очень грустно или смутно, то пусть он напомнит себе сознательно и повелительно о том, что радость возможна, что она есть и будет. Кто-то называл такое утверждение "заклинанием радости". Может быть, это недалеко от истины. Если вы чего-то хотите — вы должны об этом думать, и вы должны магнитом сердца привлечь это. Когда вы скажете себе "порадуемся" — это никогда не будет отвлеченным бессмыслием, но будет лекарством особым и мудрым. "Радость есть особая мудрость".

10 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

Монголия

Хочешь лететь, лети над Монголией. Хочешь опуститься — для железной, птицы всюду место найдется.

Хочешь спешить на моторе — спеши по всем дорогам и по целине равнинной. Редко, где можно покрыть такие пространства без препятствий.

Хочешь мерить пустыню верблюжьими шагами — шагай до устали. Никаких препятствий не предвидится. В достатке будут верблюжьи колючие кустарники.

Хочешь скакать на коне — скачи! О дву-конь преодолевались монголами огромные пространства. Орды Чингис-хана тому свидетельство.

Как будто безводная пустыня, а между тем очень часто почвенные воды совсем близко. Иногда на два, на три фута уже появляется вода. Кроме того, мы не раз уже писали о подземных потоках, которые через крупную гальку и валуны слышны и до сих пор. Хочешь проявить воду — яви, это в твоей власти.

Многие овощи могут произрасти на лёссовых и песчаных почвах. Хочешь заняться ими — займись и получи, что тебе желательно.

Хочешь ли иметь улучшенных коней — скрести местную лошадь с туркестанскими и афганскими породами. В двух- или трехлетнем прилежании уже получишь начало следствий.

Хочешь ли иметь улучшенную породу овец и коров — никто тому не препятствует. Лучшие образцы могут быть очень легко привезены.

Хочешь ли иметь леса в будущем — никто тебе не препятствует. Не только в древности все эти места были лесоносны, но даже и в недавнем прошлом, какие-нибудь десять лет тому назад, еще повсюду имелись деревья. Жестокость невежества их вырубила. Ведь жестокость и невежество о будущем не мыслят.

Хочешь ли иметь образцовое показательное хозяйство — никто не мешает немедленно начать образцовые фермы под руководством людей знающих и благожелательных. Сколько полезного обсеменения, сколько полезного травосеяния может быть введено в самое короткое время. А как легко может быть улучшено скотоводство. И школы могут быть при таких образцовых хозяйствах.

Таким путем, не теряя своих исконных качеств, народ может преуспевать в истинном продвижении.

Кроме того, всякие домашние ремесла, всякие трудовые

артели могут так легко быть установлены. Во время великих морозов, вьюг, весенних буранов руки и народное воображение могут творить множества полезных предметов. Странно упоминать об этом, но когда вы видите врожденное художество монголов в плетениях, в узорах, вы понимаете, что легче легкого показать невидевшим людям, сколько полезного может быть творимо. При этом может быть это все творимо, не отказываясь от своих старинных устоев, не подражая чуждому, но работая в исконном, но сознательном продвижении.

В дружбе с китайским правительством строится Автономная Внутренняя Монголия. Центр ее в Батухалке, куда от железной дороги ближайшая станция Кокохото или Гуйхуачен. Во главе правительства стоит местный князь. Главным фактическим двигателем является князь Барун Сунита. Все прочие князья время от времени съезжаются, чтобы решать течение дел. Автономное монгольское правительство по договору с Нанкинским правительством решает все внутренние дела свои. Хотя минеральные богатства Монголии не использованы, но одни соляные промыслы от Великих Соленых озер дают уже сами по себе крупные доходы. Всем известно, что Монголия так же изобилует хорошими сортами каменного угля, нефтью, железом и золотом. На присутствие последнего указывают сами названия некоторых хребтов Монголии. Нам самим приходилось видеть довольно крупные самородки и золотой песок, намываемый в речных руслах. Приходилось видеть и заброшенные прииски. При этом оставалось неизвестным, брошены ли они в силу иссякания или по неумению работать, или вследствие каких-то прежних военных действий.

Когда-то приходилось писать о неотпитой чаше. Такая же неотпитая, но сокрытая чаша и сейчас находится перед нами. В разных областях жизни каждому приходилось встречаться с некоторыми особо сокрытыми обстоятельствами. Иногда невозможно понять, случайно ли сокрыты возможности. Впрочем, случая вообще не бывает. Значит, бывает сокрытым нечто в каких-то больших планах.

Особая бережливость и доброжелательность должны быть применены там, где почему-то сокрыты прекрасные возможности. Помогать всегда нужно. Идея помощи и взаимопомощи является самой действенной, гуманитарной задачей. Но вовремя и в разумных средствах должна быть каждая помощь. Невелика будет помощь — помочь младенцу обжечься от огня. Пусть опыт нарастает в наилучших условиях.

Медицинская часть в Монголии пока что находится в руках шведских, американских, бельгийских и японских врачей, а также

и в руках местных монгольских лам. Вы знаете, как внимательно относимся мы к фольклору и местным фармакопеям. Но везде должно быть применено как изучение, так и распознавание, тем более, что, как всегда, во всяких местных сведениях часто чувствуется какой-то символический, условный язык. Конечно, нужды населения требуют очень хорошо поставленную врачебную помощь.

* * *

Многосотенные стада дзеренов, часто ходящие вместе с косяками коней, напоминают, насколько еще разрушительные свойства человеческой руки не коснулись этих равнин. С общечеловеческой точки было бы особенно жаль, если какие-то новые силы вошли и начали бы и здесь применять лишь мертвые условия механической цивилизации. Лишь в добром опознании местных условий, лишь в истинном дружелюбии и в настоящем стремлении к строительству можно найти и взаимность. А вы знаете, что сердце так неопровержимо чует, где живет истинная доброжелательная взаимность.

Кто-то рассказывал мерзкий анекдот о том, как какие-то проезжающие научали трудолюбивых монголок кроваво красить губы. Вот такая безответственность проезжающих недопустима. Если условная цивилизация имеет свои ошибки, то это вовсе не значит, чтобы именно этими прискорбными обычаями заражать неповинных в них людей. И так уже много заражений разнесено.

Нужно найти и доброе мышление, и добрый глаз, и доброе действие. Каждый проезжающий должен нести по пути своем посильную помощь. Может быть, он едет с ограниченною целью, но благая помощь его может быть безгранична.

11 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

Безымянное

Сколько бы ни упоминать о восхищении и удивлении перед безымянным творчеством, раскинутым по всему лицу земли, все же каждый раз восхитишься, видя новые примеры.

Когда на опасных горных перевалах вы находите гигантские изображения на скалах, кем-то трудолюбиво высеченные, каждый раз в вас проникнет уважение к такому стихийно образованному творчеству.

И в монгольских пустынях вас всегда остановит это безымянное творчество. Так трудно понятное теперь. Сколько рассуждений вызывали так называемые "каменные бабы". Еще не так давно им пытались приписывать чуть ли не портретно-монументальное напоминание о погребенных. Основа к тому заключалась в исторических деталях костюма. Конечно, заставляла подумать о происхождении своем чаша, часто находившаяся в левой руке изваяния. Иногда чаша процветалась огнем. Такое изображение имелось на моей картине "Стражи пустыни".

Во всяком случае, пламенеющая чаша уже не вязалась с представлением о погребальной потребности. В этой подробности уже заключалось напоминание о каком-то культе. Тем более обращала на себя внимание чаша, что повторялась она в изваяниях многократно и всегда как-то ритуально установлено.

К тому же пониманию о каком-то ритуале, о каком-то культе, направили наше внимание и бронзовые маленькие фигурки, принесенные нам монголами. Одна из них приобретена и находится в собрании Юрия, за другую такую же монголы просили чрезмерно большую цену, и ее не пришлось достать. И на том и на другом изображении над головою имеется кольцо, показывающее, что оно было, вероятно, носимо на груди. Полированность от употребления показывает как долговременность, так и постоянное ношение. А главный интерес заключался в той самой чаше, которая так привлекала внимание на изображениях каменных баб.

Несомненно мы имеем дело с каким-то культом, притом очень старым. Пламенеющая чаша напоминает так о многом, что было бы неосторожно сразу предложить какие-то решения. Во всяком случае, этот вопрос необыкновенно интересен.

Приносят также и маленькие нательные бронзовые крестики древнего типа — наверное, несторианского происхождения. Ведь невдалеке от Батухалки находятся развалины старого города и около них остатки несторианского кладбища. Может быть, это

памятники монгольского князя несторианина.

Незабываемое впечатление безымянного творчества представляют из себя также раскинутые по пустыням, выложенные из белого кварца изображения. Среди них можно найти и определенно священные изображения, изображения больших субурганов, а не то и какие-то неожиданные человекообразные фигуры, явно фаллического содержания. Всякое анонимное и, по-видимому нужное для автора творчество вызывает к себе особое внимание.

Вы особенно ясно чувствуете, что такие творения вызваны какою-то глубокою потребностью. Труд, на них положенный был священным трудом. Кому-то для нас неизвестному требовалось потратить свои силы и время, чтобы в самых неудобных иногда условиях оставить анонимный памятник в назидание каким-то неведомым путникам.

Всегда увлекательна неистощимость познавания, прикоснувшегося к большой древности. Встречаемся с такими особыми психологиями, с такими чуждыми нашей современности потребностями, что каждый добросовестный исследователь почувствует особенную радость об этой неистощимости.

Много трудов опубликовывается, но сколько записок и даже вполне обработанных крупных исследований остается в манускриптах. Каждому из нас приходилось находить в частных книгохранилищах, а иногда и на толкучем рынке такие очень ценные манускрипты. Иногда они уже были кем-то оценены. Заслужили заботу о себе, выраженную в красивых кожаных переплетах с очень знатными экслибрисами. Но также часто вы видите варварски оборванные листы и целые, навсегда исчезнувшие части труда, может быть, пошедшего на самые низменные употребления.

Сколько безымянного творчества в этих манускриптах. Кому-то они были очень нужны. Если не в целости, то в частях своих они выражают многое знаменательное и трудолюбиво наблюденное.

Этим безымянным трудам принесем цветок, который почтит их внутренний смысл.

12 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

"Совершенно новое"

"Передача мыслей на расстояние. Профессор Гарвардского университета Джозеф Раин после четырехлетних опытов заявил себя решительным сторонником возможности передачи мыслей на расстояние.

Он произвел свыше ста тысяч опытов. В его распоряжении был штат молодых ученых Гарвардского университета, и ему содействовал известный американский профессор психологии Вильям Мак Дугал.

Первые опыты Раина свелись к занятиям со студентами, которые угадывали его мысли. Ему удалось отобрать группу из тридцати молодых людей, отличающихся особой телепатической восприимчивостью.

Затем с этой отобранной группой начались систематические опыты, сложность которых повышалась с течением времени. От разгадывания простых мыслей группа перешла к решению разных математических задач по заданиям Раина, таившего их в секрете от студентов.

К первому же периоду опытов относятся совершенные с особой пачкой карт: Раин изготовил пачку из 25 карт с сериями различных рисунков.

Взяв любую из карт, Раин предлагал студенту, сидевшему в соседней комнате, нарисовать на бумажке рисунок этой карты. Когда студенты стали разрешать такой опыт, тогда профессор приступил к следующей серии: он перемешивал карты и раскладывал их на столе рисунком вниз. Студент из-за двери должен был рассказывать, в каком порядке лежат все карты на столе, и все тридцать человек через короткое время безошибочно стали называть порядок всех 25 карт.

Затем эти же опыты были повторены со студентами, уже находившимися не в соседней комнате, а в другом доме за несколько кварталов. Опыты совершались в присутствии контролера, и никаких трюков быть не могло.

Потом, также на расстоянии, началось чтение мыслей, и дело дошло до того, что поэты, приглашенные Райном в его лабораторию, писали стихи, а студенты в то же самое время по телефону, с другого конца города, читали их профессору вслух".

Из другого источника сообщают:

"Из Тибета в Берлин вернулся руководитель недавней экспедиции на Гималаи профессор Диренфурт.

Каждый из участников экспедиции — говорит он — все время ощущал на себе влияние какой-то враждебной силы, влияние

демона, караулящего, по верованиям тамошних жителей, вершины Гималаев и карающего смертью смельчаков, которые дерзают забираться в запретные места.

Далее профессор рассказал о необыкновенной обостренности восприятий жителей Тибета. Телепатия — говорит профессор — также широко развита в Тибете, как и телефон в Европе. У нас в горах скончался один проводник. Мы послали гонца в его родную деревню. Посыльному пришлось затратить на дорогу двенадцать суток. Но еще до того, как он добрался до деревушки, к нам явился гонец из этой деревушки, вышедший в день смерти носильщика. Он сам сказал, что в деревне знают о смерти односельчанина. Там состоялось уже соответствующее моление, и его прислали сказать нам, чтобы мы похоронили мертвеца в горах.

Жители Гималаев, по словам Диренфурта, путем самовнушения умеют себя согревать в самые сильные морозы. Так, например, они в состоянии спать без одежды в любой мороз на снегу, и им достаточно, чтобы чувствовать тепло, прикрыться одной лишь рубашкой. Температура тела их так высока, что мокрые одежды, которыми их накрывал Диренфурт, через несколько часов совершенно высыхали". Еще сообщают:

"В шведском сенате недавно был установлен особый электрический аппарат для подсчета голосов. Как только сенатор нажимает на зеленую кнопку, на соответствующей доске зажигается зеленая лампочка, означающая "да". Красная означает "нет". Когда происходит голосование, на доске загорается столько огней, сколько сенаторов находится в зале, механический счетчик производит точный подсчет красных и зеленых огоньков, и на другой доске появляются соответствующие цифры, причем автоматический фотографический аппарат производит моментальный снимок. Фотографии хранятся в архивах как вещественное доказательство голосования. После каждого голосования председатель нажимает на свою кнопку, и все огни на доске гаснут.

Этим усовершенствованным аппаратом шведские сенаторы пользовались с полным доверием в течение некоторого времени. Но вот на днях рассматривался какой-то вопрос, казавшийся почти бесспорным. А между тем на доске загорелось 46 зеленых лампочек и 42 красных: В зале поднялся спор. Председатель сената тогда заявил:

— Наш робот, по-видимому, не в порядке. Может быть, он считает неправильно. Давайте лучше прибегнем к старому способу поименного голосования.

Сенат последовал совету своего председателя, и оказалось,

что за резолюцию голосовало 53 человека и 34 против.

Поднят вопрос о проверке всех результатов голосования, начиная со дня установки робота. Возможно, что целый ряд законов был принят роботом вопреки желанию парламентариев".

Что же тут нового? Во всех трех сообщениях, казалось бы, нет ничего нового. Уже старо, что робот-машина не заменит человеческий организм. Не ново сообщение о передаче мыслей на расстояние. Издавна это известно. Так же точно известно и то, что рассказано профессором Диренфуртом. А в то же время радуешься всем таким сообщениям. Для кого-то они очень стары, но и тем повторения такого старого всегда полезны. А другим такие сообщения будут новее нового. И, быть может, впервые заставят подумать о силе мысли.

Многим людям нужно, чтобы сведение произошло от лица с научным дипломом. Тем лучше, если профессора, среди которых столько было неисправимых узких материалистов, начнут во имя справедливости обращать внимание на действительные факты. Опять-таки было бы чрезвычайно полезно, если и читатели таких сообщений не поленятся написать или авторам сообщений, или в редакции газет факты, встреченные в их жизни. Очень просим, не поленитесь добросовестно, хотя бы кратко, сообщать наблюдаемые вами факты. Ведь такими вашими наблюдениями вы можете затронуть внимание самых неожиданно полезных людей. Кроме того, такими наблюдениями и сама механизация жизни станет на должное место.

Не следует отрицать, но всегда нужно соизмерять и прилагать по справедливости. Не забудем, что даже такой большой ум, как Наполеон, не понял и отверг первое предложение парохода и торпеды, ибо не мог понять силу пара. Мало ли ошибок произошло, но из этого не следует, чтобы эти ошибки продолжались и за них пришлось бы стыдиться впоследствии.

Пусть честная действительность во всем своем богатстве, во всей высоте будет убедительным руководящим началом.

13 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Подражание

Обычно люди очень огорчаются обнаруженными подражаниями. Между тем вся жизнь полна всякими степенями подражания. Каждый учитель, если заметит, что ученик его вполне овладел его предметами и в его методе, может назвать это тоже подражанием.

Человек усвоил себе какие-либо изречения. В них он тоже подражает источникам, давшим их. Человек усвоил тот или иной стиль работы, можно думать, не подражает ли он этому стилю? В конце концов, подражание и преемственность довольно соприкасаются, и лишь внутренний импульс может доказать истинные побуждения.

Вообще, если начать огорчаться подражаниями и всюду их усматривать, то можно наполнить жизнь совершенно ненужными горькими ощущениями. Что же из того, если кто-то возымел влечение к тому или иному методу и способу выявления. Конечно, при этом могут быть и очень низко корыстные цели. Может оказаться подделка, чтобы завладеть тем или иным рынком. Тогда это будет уже попросту предусмотренное уголовное преступление, и каждое законодательство обращает внимание на такие подделки. В сущности своей такое стремление к подделке лишь докажет, что оригинальный продукт был действительно хорош и заслужил поползновения повторить его.

Об этих предусмотренных законом подделках нечего и говорить — судьба их ясна. Но бывают другие подражания, которые не подлежат никакому закону. Может быть, например, какое-либо учебное заведение с оригинальными и практическими методами. Кто-то, оценив приложимость этих методов, откроет такое же заведение на ближайшей улице. Конечно, это будет подражание, но запретить такое состязание совершенно невозможно. Или кто-то напишет книгу или составит словарь, а другой, ловкий промышленник, обернет этот словарь наоборот или использует целиком треть книги, связав ее какими-то водянистыми доказательствами. Несомненно, это будет подделка, и также несомненно, что ловкий промышленник избежит осуждения. Даже если кому-то будут известны все обстоятельства таких заимствований и подражаний, то ведь никакие законные статьи не осудят подражательную ловкость.

Размеры всяких соперничеств и подражаний бесчисленны. Главное же и мудрое правило будет при обнаружении их — не огорчаться. Они всегда будут в той же пене жизни, как и всяческая клевета, которою занимается низкое и преступное

мышление.

Если клевета является лишь своеобразной оценкой больших размеров творимого, то и подражание есть лишь доказательство правильности и убедительности первоначально сделанного.

Среди свойств невежества можно видеть и грубость, и неблагодарность, и лживость, и всякие предательства. Эти темные свойства прикроют собою истинные причины и всяких подделок и подражаний. Очень много явных подделок имеют в основе своей неблагодарность. Поэтому благодарность во всех древних заветах считалась высоким отличительным качеством. Часто человек под личиною друга притворно приближается, чтобы высмотреть то, что он считает успешным и убедительным, чтобы своекорыстно выдать это за свое. Мало ли случаев! Иногда грубый дикарь просто хочет сделать то же самое, что ему понравилось, даже не отдавая себе отчета, что именно он этим нарушает. То, что увидел, то он и считает своим. И таких примеров прискорбного опошления очень много.

Конечно, могут быть и предательства, которые попытаются сделать из всего полезного просто кривое зеркало, чтобы тем унизить или погубить опасный для них принцип. Сколько всяких родов предательства. В конце концов, какое предательство лучше: сознательное или бессознательное? Оба они, в конце концов, то же самое, ибо следствия их могут быть равнозначащими. Неисчерпаема тема о предательствах. Сколько ценного и неповторимого погубляется каким-то крошечным предательством, самолюбием, самомнением, гордостью или простым пререканием.

Так часто только что совершившие какое-то предательство будут усиленно отрицать это и убеждать самих себя, что произошло нечто совсем другое.

Сейчас мы хотели лишь отметить о том, как следует относиться ко всяким неизбежным подражаниям. Из разных стран нам приходится слышать о том же, слышать и недоумение, и негодование о том, что какое-то неумелое подражание нарушает уже созданное полезное дело. В таких случаях вы уже ничего не поделаете. Единственно, что можно посоветовать — не огорчаться и только удваивать высокое качество своего дела. Если творимое вами высоко в своем качестве, то можете быть спокойны ¬всякое подражание окажется и подлым, и пошлым, и пожрет самое себя. Если же подражание, в конце концов, превысит ваше дело, то оно сделается уже преемственностью и должно даже вызывать с вашей стороны известную долю признательности, видя рост семян, вами посеянных.

Итак, подражание, соперничество, соревнование, если оно не будет иметь в основе своей вредительскую зависть, оно является

лишь неизбежным разветвлением ваших же начинаний. Каждый сеятель должен прежде всего радоваться, если семена, им брошенные, вырастают в полезные злаки. Так всегда было и всегда будет, и пусть дела, даже близко возникшие, лишь взаимно побуждают к улучшению качества.

14 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Искра

Все как будто на месте. Словно бы все было предусмотрено. Ничто не забыто, а искры нет.

Недвижим мотор. В чем дело? Не дает искру. А если не даст, то к чему и вся машина. А затем выясняется, что пресловутая искра была в зависимости от самого маленького обстоятельства. Как только оно усмотрелось, так немедленно все пришло в порядок. Даже и порчи особенной не было. А так… пришлось сделать маленькую изоляцию, и машина заработала. Как-то Шаляпин говорил: "Иногда, вот уж как будто все предусмотрено, чтобы в цель попасть, будто бы в середину попал, а звонок не зазвонил".

Вот эти звоночки и искры! И сложны и просты пути их. Чем же высекается искра сердца человеческого? Когда именно из хранилищ памяти добудется нужное сокровище?

Какое такое созвучие ударит по молчащим струнам и создаст так нужное сейчас обстоятельство. Память пробуждается от совершенно неожиданных намеков и звучаний. Каждый может припомнить, какие, казалось бы, случайные и даже нелепые условия вызывали в нем самые нужные сведения, будто бы уже давно затонувшие. Когда-то думалось:

"Роман, поэма, философское сочинение даже в целом своем виде иногда не дадут определенного пластического образа. Тогда как пролетит в окне птица, застучит дождь по крыше, как-то особенно проскрипит дверь — и тотчас врывается какой-то неожиданный элемент, вдруг тут-то и возникнет что-то самое главное, живой и глубоко жизненный образ того, что звучало в речи, в музыке или в философской мысли, но всегда проходило как-то неожиданно и как бы вскользь…"

Неожиданные многозначительные шумы и звоны, шелест крыла птицы, сверкание бабочек, а не то и самые, казалось бы, прозаические отзвуки жизни, они, как кремень, высекают искры в хранилищах памяти.

Воображение — ведь та же память. Плотно уложено накопленное сокровище. Никаким человеческим определением не обозначить, как именно и когда именно будут опять вызваны к жизни эти склады поучительные. Ясно одно, что, чем меньше будет в них пыли, тем проще можно сделать из них полезные выемки. И еще одно обстоятельство необходимо — нужно приступать к ним в полном бесстрашии.

Когда ребенку дают в руки кремень и металл, чтобы он впервые попробовал высечь искру огня, то непременно ободрят

его предложением: не бойся. В страхе удар будет неверен, и само появление живоносного огня не будет так поразительно и убедительно. Но если ребенок не боится и сразу высечет дождь искр, то у него останется навсегда светлое представление о том, что добыть огонь вовсе не так трудно. Он избежит, тоже навсегда, страха и неуверенности. А когда-то в будущем он вспомнит этот свой первый опыт мужества и поблагодарит мысленно тех, которые его научили не бояться.

Неожиданно и необъяснимо нашим языком вызываются искры из складов памяти. Наверное, эти кажущиеся нам ненужными и случайными звоны и шумы, и сверкания — они же сопровождали и отложения в память. Но мы-то их не опознали и не приметили. Когда же прозвучал тот же звон или мелькнуло светлое крыло, то в сокровищах памяти отозвалось соответственное. Потому-то будем так бережны ко всему сопровождающему.

Опять приходится вспоминать о таких знаках, которые большинству представляются ненужными подробностями. Но кто же возьмется судить в наших земных понятиях, который именно знак был наиболее существенным. Искра убедительности, искра восхищения, искра воодушевления или преданности, или мужества, когда именно она вспыхивает? Обычно этот момент остается неуловленным. Мы можем ощущать лишь совершившееся воздействие. Но особенно было бы поучительно для психолога распознать, какой именно момент являлся решающим для возникновения такого импульса.

При обострении такой внимательности можно бы было иногда и припомнить такое же привходящее действие, которое потом явилось возбудителем и вызывателем памяти, иначе говоря, воображения.

Такие мимолетные вестники могли бы предуказывать путь ко многому очень значительному. Не всегда искра бывает поражающей и мощной. Бывают искорки очень маленькие, но и они уже доказывают некоторое накопление энергии. Важно, чтобы факт этих накоплений состоялся. Не нам судить о количестве энергии. Мало ли от чего это количество может зависеть, но нужно, чтобы энергия как таковая аккумулировалась и вообще начала бы проявляться. Там, где малая искра, там может быть и большая, если дух столкнется с препятствием и напряжется. Но опасно, если вообще не проявится искра, и вся машина останется, как мертвое сцепление частей.

Люди очень радуются, замечая всякие искры. Даже светляки или фосфористые мушки особенно привлекают внимание. Но если бы увидать искры сердца в близких и в себе самом, вот это

было бы настоящей радостью!

"Так и ударило в сердце", — говорят люди. Не получилась ли в это время искра? Эти напряжения могут быть и от радости, и от печали, и от всяких потрясений. Не потому ли испытуется дух человеческий потрясениями, чтобы создать благотворные искры? Некоторые люди до взрослых лет не решаются испытать разряд электричества на себе. Они уверяют, что их организм не выносит таких прикасаний. Может быть, такой организм не потерпел бы и вообще возникновения сердечных искр. Ведь каждая искра все-таки обеспокоит. Она не позволит пребывать в условном упокоении. А кому-то именно упокоение, хотя бы и бессознательное и самое тупое, будет ближе и дороже возникновений искры познавания. Благословенны искры.

15 Мая 1935 г.

Цаган Куре

Газета "Рассвет", 21 октября 1935 г.

Videbimus [85]

Сколько позорных моментов человечества сопровождалось этим восклицанием: "Посмотрим!" Сколько уже сложенных, прекрасных обстоятельств было жестоко и безжалостно разбито оппортунизмом этого "посмотрим". На самых разных языках, всячески, во всех интонациях произносилось это убийственное слово. Если вместо него будет сказано "маргаш" или "манана", то и эти выражения будут означать то же самое оппортуническое выжидание.

Многие правители стран, понтифы и вожди не затруднялись громко произносить это слово. При этом они, наверное, не давали себе отчета, что тем самым они произносили и самим себе приговор.

Кто же говорит увинчивающее "посмотрим"? Только тот, кто не знает пути и хочет прикрыться чужими обстоятельствами. Больше того, каждый такой уклоняющийся вообще не знает, что он хочет. Ведь невозможно строить что-то прочное лишь на непредвиденном стечении чужих обстоятельств. Справедливее и честнее было бы просто сказать: "Отложим это дело". Но говорящий "посмотрим" хочет уловить нечто постороннее и воспользоваться им.

Кто получит такой ответ в виде сакраментального "посмотрим", может вполне ответить: "Вот так рыбак" или "Вот так маска". Он будет совершенно прав в таких определениях, ибо его собеседник, наверное, хотел выиграть время, чтобы или прикрыть что-нибудь, или выудить что-нибудь постороннее.

Изабелла д'Эсте послала Цезарю Борджиа подарок — сто масок.

Этот многозначительный дар лишь показал всю ее острую находчивость и остался в истории как справедливое определение Цезаря. Так же точно в одной из восточных историй рассказывается, что некий повелитель послал своему коварному соседу в подарок рыбу со словами: "Для Вас выудил". Этим было показано знание хитроумных замыслов.

"Посмотрим, посмотрим", — говорит желающий оттянуть какое-то решение.

"Ладно, ладно", — замечает желающий переменить тему разговора. И никакого лада нет в этом желании укрыться, избежать, лишь бы отложить. Люди даже изобрели утешение себе: "Что отложено — не потеряно". Но обычно отложенное именно уже потеряно. И сколько полезного, своевременно нужного было отложено ради каких-то совершенно неуместных соображений.

Чтобы не отложить и не испортить тем чего-то, тоже нужно иметь сердечную искру. Приходилось слышать, что когда мудрый правитель узнавал нечто неотложно полезное, он сознавался, что как бы трепет по спинному хребту пробегал и как бы волосы шевелились; конечно, не от ужаса, но от трепета правильного чувствования. Значит, уже само сердце стучалось и напоминало, что ни мгновения не должно быть упущено.

Обиход в жизни больше всего располагает к откладыванию и упущению. Столько маленьких рутинных обстоятельств возникает, что всякое новое творчество уже начинает казаться отвлеченным и заоблачным. Чем же превозмочь тяготу обстоятельств? Искры и пламень сердца покажут, где истинный путь.

Византийские императоры носили на шее особую регалию, ладанку с зашитою в нее землею. Называлась она "акакия" и символизовала принятие на себя земной тяготы. В этом обычае, вероятно, отозвалось нечто очень древнее, которое мелькнуло своеобразно и в мифе об Антее, и в других сказаниях разных народов. Но тягота земная — должна ли она быть подавляющей или же возложение ее есть как утверждающее основание?

Регалия по смыслу своему не могла быть лишь символом тягости. Она могла быть лишь знаком утверждения. Также каждый знающий и обязанность, и ответственность, и путь свой не будет вдаваться в уклончивые дебри "посмотрим". Он знает свой путь, и потому всякая условность ему не нужна. Он скажет: "Вижу" или "не вижу", но никогда не унизит себя признанием в своей слепоте и в надежде, что обстоятельства других выведут его.

В истории известны целые системы политики, основанные на "подождем ¬ посмотрим". Но эти эпохи никогда не отличались расцветом. В течение такой политики удавалось несколько просуществовать, но всякое мощное построение требовало ответственного утверждения.

Если правитель знает какие-либо достоверные факты, почему-либо еще неизвестные его собеседнику, он скажет: "Обожду". Ему нечего будет высматривать и оглядываться. Ему просто нужно будет определенное время для созревания уже посеянных зерен.

Все это очень близко одно к другому. Кто-то скажет: "Какая же разница между "подожду" или "посмотрим"? Но ведь разница будет огромная. В первом случае — ответственное утверждение, а во втором — условное уклонение. Можно уважать неизвестные вам причины, заставляющие обождать, но классическое "посмотрим" всегда наполнит вас сомнением в качестве намерений вашего собеседника.

Ваш собеседник в последнем случае как бы говорит: если вы будете успешны, то и я с вами. А ведь такой союз немногого стоит.

Хорош был бы архитектор, который скажет при начале постройки: "Посмотрим, каково-то это выйдет". Мало доверия вызвало бы такое построение. Скажут: "Не будет ли это придиркою, выводить из, может быть, случайного выражения его непременный смысл?" Но ведь на то слова и существуют, чтобы они выражали определенное понятие.

Итак, не "видебимус", но "види". Тогда и конец этого речения будет такой же, как он предполагался Цезарем.

16 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Священный Дозор

Друзья, вы негодуете о том, что книга "Священный Дозор" уже более шести месяцев запрещена харбинской цензурой. Вы меня спрашиваете о причинах такого запрещения. Откровенно скажу вам, что, напрягая все воображение, я не могу распознать эти причины. Тем необычайнее судьба этой книги, что она почти исключительно состоит из статей, уже появившихся в харбинской печати.

Казалось бы, если статьи прошли газетную цензуру в том же городе, то что может препятствовать им появиться в виде сборника. Но логика и смысл, очевидно, в данном случае отсутствуют.

Беру оглавление "запрещенной" книги. "Священный Дозор" — статья, в которой напоминается о преимуществах высокого гуманизма — казалось бы, это обстоятельство неприступно. Следующая статья — "Спас", посвященная русскому исконному иконописанию. Неужели некто против иконописания? Статья "Дом Милосердия" говорит о полезности благотворения и напоминает о великом русском слове — "мило сердие". Статьи "Огни испытания", "Черта мира", "Каменный дождь", "Самоотвержение зла" говорят о борьбе тьмы со Светом, об оружии Света и о победе Света. Не может же быть запрещено провозглашать победу Света.

"Пределы" напоминают о пределах прискорбных заблуждений человечества, о черной магии, наркотиках и других преступных извращениях. Только черный маг может запрещать говорить против черной магии и колдовства.

"Славное сибирское казачество" — этот привет уже напечатан в юбилейном сборнике сибирского казачества в том же Харбине и не вызвал никаких нареканий со стороны цензуры.

Приветы "Русскому Комитету в Париже", касаясь исключительно предметов Культуры, не могут быть воспрещены культурною цензурою. Так же точно статьи: "Утверждение", "Изучение жизни", "Слово друзьям", в свое время публично прочитанные, не могут содержать в себе ничего разрушительного или заслуживающего запрещения.

"Роботы", "Строение", "Тьма против Света" — казалось бы, одними названиями своими достаточно выказывают свое благое назначение. Статья "Да процветут пустыни", посвященная ботаническим соображениям в связи с нашей правительственной американской экспедицией, не может нарушить ничьих интересов. Казалось бы, чем чаще будет произнесено воззвание

"да процветут пустыни", тем скорее можно ожидать возникновения полезных мыслей об этой неотложной задаче.

"Венец женщины" — неужели цензор женофоб? Затем следуют четыре статьи, посвященные нашему Пакту об охранении культурных ценностей. Неужели цензор против духовных сокровищ? Неужели одно напоминание о хранении истинных ценностей может возбуждать ненависть цензора? Сейчас уже столько государств ратифицировало Пакт, что было бы вандализмом запрещать говорить о нем.

"Светлой памяти Короля Александра" посвящена статья, оплакивающая эту незаменимую потерю. Неужели цензор возмущен добрым словом по отношению к нашему царственному другу, которого весь Культурный мир почитает? Неужели цензор против памяти Короля Александра?

Статья "Матери городов", вспоминающая о Киеве и Новгороде, разве она не нужна для молодого поколения, которое так часто лишено исторических источников? Последняя статья в книге — "Государев иконный терем" является описанием трудового дня русских иконописцев. Полагаю, что всякое напоминание о русском исконном иконописании чрезвычайно нужно и своевременно.

Кроме того, все эти статьи были уже напечатаны как в периодической прессе Харбина, так и в русской прессе Соединенных Штатов и Европы. В английском переводе они появились во многих журналах Индии, а по-испански — в Южной Америке. Нигде никаких запрещений они не вызывали. Явно, что харбинский цензор оказался своего рода феноменом. Что же могло руководить им? Было ли это, по выражению нашего друга А., "глубоким невежеством", или же это было проявлением злой воли? Злая воля в лице ответственного государственного цензора, конечно, неуместна. Итак, неужели первое?

По счастью, у нас имеется один полный экземпляр этой книги, и потому никто не заподозрит, что в ней все-таки скрывалось нечто антигосударственное или безнравственное. Мы могли бы повторить эту книгу в любом городе, что мне уже и предлагалось. Кроме моего вполне понятного авторского недоумения, еще одно обстоятельство заслуживает определенного вопроса. Книга была издана в пользу харбинского Дома Милосердия. Неужели же цензор настолько немилосердный человек что осерчал, как бы призреваемые не получили лишней монеты? Впервые мне приходится встречаться с таким необоснованным и, чего Боже сохрани, злоумышленным запрещением.

Уже шесть месяцев мы пытаемся узнать точную

формулировку запрещения. Но нам на все это отвечают, что, может быть, книга еще будет разрешена. Это обстоятельство уже совершенно непонятно. Каким образом нечто запрещенное в ноябре или декабре может быть без всякой новой причины разрешено в мае или июне? Это было бы даже обидно для достоинства цензуры. Оно значило бы, что или декабрьский цензор замерз, а в мае сердце его оттаяло. Но ведь не овощ это сердце.

Записываю об этом пресловутом эпизоде цензурного запрещения, ибо многие друзья и наши учреждения справедливо спрашивают о судьбе "Священного Дозора". Нам в этом обстоятельстве скрывать нечего, но не будет ли стыдно харбинскому цензору, который пытается воспрепятствовать книге, исключительно посвященной вопросам воспитания и Культуры. Если бы мы могли заподозрить антирелигиозность цензора или его безграмотность, но и тогда такое лицо не стали бы держать на должности, прежде всего требующей достаточной меры просвещения и доброкачественности. Итак, в Харбине "Священный Дозор" не вышел.

17 Мая 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Жестокосердие

"Ибо, что блокада не могла отрезать и что было даже проталкиваемо врагом — это были вести мертвящие, каждодневные, деморализующие слухи, доносящиеся об оргии святотатства и вандализма в Риме, о бешенстве фанатического иконоборчества, о том, что Святой Петр обращен в конюшню и ландскнехты ставят своих коней в Станцах Рафаэля в Ватикане, об извержении из гробницы тела Папы Юлия, об отрубании голов Апостолов, о шествии лютеран с копьем Святого Лонгина, о святотатстве над платом Святой Вероники, о вторжении в Святое Святых, о ночных бесчеловечных жестокостях, о кардинале в шутовском погребении и воскресении в своем гробе, об убиении аббата за отказ отслужить мессу мулу — весть за вестью, доходящие до трещины в куполе и проверенные ежедневно своими глазами на процессиях священнослужителей, проходящих по улицам к местам их продажи и кульминирующихся в ночном конклаве пьяных ландскнехтов, под стенами самого замка кощунствовавших над мессой…". Так рассказывал историк о разграблении Рима испанцами и ландскнехтами при Папе Клименте.

Другой очевидец добавляет: "Голод и чума следовали за вторжением. Город был истощен, и армии грабили уже не из-за золота, но для хлеба, разыскивая его даже в постелях больных. Молчание, пустынность, зараза, трупы, разбросанные здесь и там, потрясали меня ужасом. Дома были открыты, двери выломаны, лавки пусты, и на опустелых улицах я видел лишь фигуры озверелых солдат".

Приводим строки из описания именно этого очередного разграбления Рима, ибо о нем сравнительно с другими вторжениями обычно рассказывается сравнительно мало. Обычно в школах знают, что Папа Климент должен был провести некоторое время в замке Св. Ангела, но действительные ужасы вандализма и святотатства не упоминаются. При этом и император и прочие короли не считали это даже войной. Если мы вспомним другие документы этого же злосчастья, то увидим, что при некоторых дворах это отмечалось как печальный непредвиденный эпизод. Когда же прибыли испанские уполномоченные для урегулирования положения, то и они совместно с генералами грабившей армии не могли сразу овладеть положением — до такой степени вандализм, озверелость и кощунство овладели испанцами и ландскнехтами.

Откуда же могло произойти такое ярое кощунство и

жестокость? Оно, конечно, произошло от жестокосердия вообще. Но откуда же вдруг могло вспыхнуть такое неслыханное жестокосердие? Разгорелось оно, конечно, от ежедневной грубости. Мы все знаем, как незаметно вторгается в жизнь зараза грубости. Начало хаоса проявляется всюду, где, хотя бы на минуту, забыто продвижение. Нельзя же на мгновение оставаться в прежнем положении — или вниз, или наверх. О нравах ландскнехтов и других военных наемников достаточно написано литературных произведений и накоплено всяких хроник. Вот из этой повседневной грубости, питаемой и дозволенной, и вспыхивает безобразнейшее кощунство, святотатство, всякие вандализмы и всякие ужасные проявления невежества.

Пароксизмы невежества, уже не раз отмечалось, прежде всего устремлены на все самое высокое. Невежеству нужно что-то истребить, нужно отрубить чью-то голову, хотя бы каменную, нужно вырезать дитя из утробы матери, нужно искоренять жизнь и оставить "место пусто". Вот идеал невежества. Оно приветствует безграмотность, оно улыбается порнографии, оно восхищается всякой пошлостью и подлостью. Ведь где кончается одно и начинается другое и наоборот, отмерить очень трудно. И вообще меры весов невежества неисповедимы.

Если жестокосердие порождается каждодневною грубостью, то как же заботливо нужно искоренять из каждого дня всякое огрубение. Как трудолюбиво нужно изъять эти, хотя бы маленькие, огрубения из всякого быта. Ведь всякая грубость совершенно не нужна. Даже дикие животные не укрощаются грубостью. При всяком воспитании грубость уже давно осуждена как не дающая никаких полезных результатов и только продолжающая поколения грубиянов.

Когда мы читаем исторические примеры всяких несчастий, происшедших, в конце концов, от повседневного огрубления, когда мы видим, что эти несчастья продолжаются и до сего времени, то разве не нужны спешные меры, чтобы и в школьном, и в семейном быту предохранить молодежь. Непроявленному хаосу чувствований нетрудно заразиться всякою грубостью. Очень легко вводятся в обиход грубые, непристойные слова. Называются они нелитературными. Иначе говоря, такими, которые недопустимы в очищенном языке.

В противовес очищенному языку, очевидно, будет какой-то грязный язык. Если люди сами говорят, что многие выражения нелитературны и тем самым считают их грязными, то спрашивается, зачем же они вводят их в обиход? Ведь хозяйка или хозяин не выльют среди комнаты ведро помоев или отбросов. Если же это и случится, то даже в самом примитивном жилье это

будет названо гадостью. Но разве сквернословие не есть то же ведро помоев и отбросов? Разве сквернословие не есть просто дурная привычка? Детей наказывают за дурные привычки, а взрослых не только не наказывают, но ухмыляются всякому их грязному выражению. Где же тут справедливость?

Привычка грубостей, сквернословий и кощунства развита до такой степени широко, что ее даже попросту не замечают. Если люди вспомнят все существующие кощунственные анекдоты, вызывающие такой потрясающий хохот, то не покажется ли странным, что сегодня эти же люди идут во храм якобы для молитвы, а назавтра лишь ухищряют свое потрясающее сквернословие.

Никто не будет отрицать, что грубость вторгается очень незаметно. Давно сказано — "сегодня маленький компромисс, а завтра большой подлец". Всякая грубость потрясает не только своей жестокостью, но и бессмысленностью. Невозможно представить себе ничто более бессмысленное, нежели сквернословие.

Часто люди фарисействуют, будто бы болея о потере чистоты языка, но разве сами они не потворствуют подчас именно этим нелитературным отбросам и загромождениям. Среди всякого сора заразительная грязь грубости порождает ужасные микробы, и они разражаются целыми губительнейшими эпидемиями.

Разве так уж трудно не грубить, не сквернословить, не проявлять бессмысленную жестокость? Вовсе не трудно. Но среди просветительных учреждений, от низших до высших, от младших до старших, всюду должны быть отставлены все признаки грубости.

18 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

Ко времени

Необычно было на днях писать княгине Екатерине Константиновне Святополк-Четвертинской так: "Могли ли мы с Вами думать, когда впервые я приехал в Талашкино в 1903 году, что через 32 года я буду писать из Монголии в С. Клу из американской экспедиции, снаряженной департаментом агрикультуры.

Задачи экспедиции, как Вы уже знаете, очень благородны и заманчивы. Оживление пустынь всегда увлекательно, ибо этим оживляются и пустыни материальные, и духовные. Когда 30 лет тому назад Вы мне говорили о Днепровских лугах, о подробностях травосеяния, могли ли мы думать, что сейчас я буду занят вопросом: представляет ли местный "вострец" обычный вид русского пырея или особенный. Для скота здесь это одно из лучших питаний. По местным условиям и по большим пространствам требуется много времени для наблюдений. Здесь уже действительно и сухостойкая и ветростойкая растительность. Если что выдержало такие засухи, как здесь, и такие вихри и бураны, то это уже будет действительно настоящей стойкостью. Да и морозы доставляют большие испытания. Весна очень поздняя, а на днях ударил 15-ти градусный по Реомюру мороз, и травы примерзли. Удержались одни маленькие ирисы — их много на песках, так же, как и всяких сортов полыни. Так люблю запах полыни…"

Действительно, когда в Талашкине, бывало, Екатерина Константиновна рассказывала о своем любимом коневодстве, об улучшенных породах и о всяких полезных сельскохозяйственных нововведениях, мне это казалось очень интересным, но не близким. Мысли были с М. К. о музейном деле и о церковной росписи. Но оказывается, что все сельскохозяйственные разговоры Е. К. были чрезвычайно ко времени. И вот сейчас мы с Юрием вспоминаем и талашкинские Днепровские луга, и коней, и многие опытные наблюдения Е. К.

Если обернуться спокойно и достать из памяти многое бывшее, то ко времени окажутся и другие, и ранние, и более поздние встречи и наблюдения.

Вот Извара, индусское название которой отметил Тагор. Вот опять всякие агрикультурные реминисценции. Искусственное устройство заливных лугов. Водоносные каналы и шлюзы — вот если бы и здесь и в других пустынях открыть такие же водные артерии. Много бы городов можно было оздоровить выводом части населения из них в природу, в благодать, в труд

благословенный.

А вот и другое, тоже ко времени. У отца собирались: Менделеев, профессор агрономии Советов, историк Мордовцев, монголисты — Голстунский и Позднеев. Если сейчас сообразить эту неожиданную комбинацию специальностей и характеров, то опять-таки получится, что приближение к этим людям действительно ко времени.

Вот и споры наших профессоров Томского университета Коркунова и Курлова о тибетской медицине Бадмаева. Споры ожесточенные и жестокие. Если официальная медицина нападала на Бадмаева, то голоса лиц, лично встречавшихся с ним и получивших облегчение от его лекарств, были отважными защитниками "тибетского знахаря", как его называли. А затем уже и из медицинского лагеря начались признания полезности восточной медицины и в отношении рака, и туберкулеза, и других бичей человечества. Жаль, что наступившие общественные и государственные смятения помешали тогда же более систематично углубиться в эти полезные области.

Кто же скажет, что и эти встречи не были ко времени, не были отменным введением в будущее. Еще более замечательными вехами были и такие незабываемые обстоятельства, как тайна дяди Елены Ивановны, "пропавшего" на далеком Востоке. История этого исчезновения в свое время очень занимала умы петербургского общества. Первоначально дядя Елены Ивановны предпринял длительное путешествие по Востоку. Затем совершенно неожиданно приехал, удивил всех роскошным костюмом индусского раджи, в котором он был на придворном балу, после чего путешественник опять спешно уехал и никогда более не появился. Конец этой истории совершенно необыкновенен и застуживает особого внимания.

Также вспомним, как в 1916 году Елена Ивановна настойчиво собралась ехать в Финляндию… Это ли не ко времени? Во всех вехах "ко времени" сколько было досмотрено, и, конечно, многое было, попросту говоря, не досмотрено. Так часто бывает в жизни, что самое необычайное, на которое, казалось бы, нужно и уши развесить и глаза раскрыть, в обиходе кажется совсем обыкновенным. Но проходят года, и это обыкновенное становится в совершенно другой разряд самого нужного.

Вот Юрий, который начал самоучиться читать и писать в самых ранних годах, написал свою первую поэму, которая начиналась: "Наконец я народился". А затем рассказывалось о каком-то путешествии на верблюдах. Тогда все мы читали такие записи с любопытством, думая, откуда у четырехлетнего, если не трехлетнего, малыша непременно верблюды; а ведь теперь никто

не сказал бы, что такое воображаемое путешествие на верблюдах не было бы ко времени.

А сколько раз у каждого в жизни бывали такие обстоятельства, тоже ко времени, которые по маломыслию человек считал великим для себя несчастьем. Но через многие годы человек должен был по справедливости сказать себе, какое замечательное "стечение обстоятельств" произошло. Лишь бы вовремя заметить; иначе сколько прекрасного творчества пропадает неоцененным. Из этой же наблюдательности укрепятся и самые высшие устои. Чем яснее и глубже будем мы наблюдать, тем большее и лучшее заметим.

Помню, как о том же самом болел душою Леонид Андреев. "Вот если бы только ухватить все, что так близко и так замечательно" — так устремлялся большой мыслитель, прозорливый и устремленный в грядущее. Помню наши беседы на хвойном берегу в Териоках в 1918 году: "Не досмотрели, вот не досмотрели чего-то! А ведь оно было и было так близко", а в это время Кронштадт грохотал какими-то неведомыми залпами. Не уберегли Леонида Андреева. И тогда говорил, и теперь говорю это.

Нужно быть бережливее. К людям нужно быть бережливее, к таким особенным в дозоре болеющим, как Леонид. Ведь в свое время и Менделеева не хотели выбирать в Академию Наук. Но он все-таки вписал вечную скрижаль Менделеевской таблицы. Препятствовали и Позднееву в его устройстве Восточного института. Довели княгиню Тенишеву до суда только за то, что она любила и действительно охраняла от расхищения русские древности. Этот суд с генералом Верещагиным (прости ему Господи) остается любопытным документом в истории русской Культуры.

Зачем же люди будут мешать и препятствовать там, где столько складывалось именно ко времени. Но, может быть, тоже ко времени должно было происходить прискорбное судоговорение, чтобы была запечатлена голгофа памятников искусства. Может быть, нужен был невыбор Менделеева в Академию, чтобы тем светлее сияли самоцветы его элементов. Может быть может быть. Но все-таки, видя такую явную небережливость, особенно сейчас, после всего происходящего, нельзя не пожалеть, что строились многие препятствия там, где должна была быть особая внимательность и забота. Конечно, благословенны препятствия, но и они не должны нарушать строительной гармонии.

Чтобы не расточить зря полезных строительных материалов, надо прежде всего научиться наблюдать и внимать всему, что так

неисчислимо щедро дается каждому. Решительно всякий человек, в конце концов, вспоминает, что им было потеряно. И обычно эти потери бывали от малейшей ненаблюдательности. Помню характерный эпизод из студенчества. По поручению студентов мы должны были посетить известного издателя Маркса. Чрезвычайно скромный Маркс сидел в своей конторе, почти тут же у дверей, за маленьким столиком. Один из делегации, не дав себе труда рассмотреть, с кем он говорит, обратился к Марксу довольно высокомерно. Не забуду, как удивленно привстал почтенный издатель с тихим ответом: "Я Маркс". Делегация была потрясена.

Сколько таких, казалось бы, маленьких эпизодов ненаблюдательности каждый может припомнить и, конечно, желать, чтобы они не повторялись более. Многое, очень многое дается "ко времени", делается так, что ни дня, ни часу нельзя отодвинуть. А люди ходят, по старинному выражению, спустя рукава, думая, что велика, мол, важность. Да, немала она. И сколько государственных потрясений и огромнейшего значения обстоятельств слагалось от трясения спущенными рукавами.

Откуда произвелось слово "разгильдяйство"? Определяет оно очень многое. Может быть, в нем когда-то выразился отказ от гильдии, иначе говоря, небрежение к гильдейскому упорядоченному строю. Гильдии великой Ганзы навсегда запечатлелись в великом Новгороде. Много ганзейских обычаев вкоренилось в устои северных народоправств, о которых так замечательно писал Костомаров. Каждый истинный историк прежде всего обладает справедливостью. Она-то и дает его выводам убедительность. Тот, кто опознал убедительность, тот понимает и значение "ко времени". Если бы сохранить все данное ко времени, сколько несчастий сменилось бы часами истинной радости. Лишь бы ко времени.

19 Мая 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Самонужнейшее

Что же делать? Нужно делать самонужнейшее. А разве мы не делаем именно это нужнейшее в каждодневной работе? Конечно, всякая сознательная работа — уже нужнейшая, но бывают настолько сложные и уплотненные времена, что и среди нужной работы следует выбирать наисамонужнейшую.

Как же уследить, которая работа будет наиболее неотложной? Даже если будем применять и внимательность и заботливость, о чем так много всегда говорилось, то все же не может ли случиться, что особая спешная работа может потонуть в рутинных занятиях? Вот именно это обстоятельство и приходится особенно иметь в виду в дни особых сложностей.

Даже и среди рутинных занятий как будто нет таких, которые бы можно назвать ненужными. Иначе они были бы вообще изъяты из трудового обихода. В настоящем обиходе ведь все как будто нужно и не излишне. И все же так зорко нужно уследить за всем тем, что является в данный момент руководящим.

В морском деле существует приказ "действовать по способности". В такие ответственные минуты каждому поручается проявить лучшие свои способности познания, находчивости и мужества. Этим многозначительным приказом как бы вызывается из недр существа чувство особой ответственности и высокой обязанности. Приказ апеллирует к лучшим качествам души.

Но может быть и другой приказ, переносящий внимание не только на личные качества, но именно на окружающие обстоятельства. Такой приказ может гласить "действовать по надобности". В нем, вызывая в себе лучшую находчивость и подвижность, придется облечь себя в ответственность, в такую ответственность, которая позволила бы правильно судить об окружающих обстоятельствах.

Деятель должен взять на себя решить, действовать ли ему или для пользы дела выжидать. Такое выжидание тоже будет своего рода действием. Ведь оно не будет простою медлительностью, преступным промедлением и отложением — оно будет лишь координацией многих незрелых для других людей обстоятельств. Если же деятель решает действовать, то как же осмотрительно и неотложно он должен избрать лучшие пути действия. Ведь колеблющийся перенос удара уже во время нанесения его лишь ломает даже самое лучшее оружие. Неопытный рубака может раздробить самый ценный клинок.

Среди множества представляющихся действий не так-то легко деятелю избрать наиближайшее и наинужнейшее. Говорят, что

опытность даст скорый расчет. Но, может быть, вернее сказать, что опытность даст наилучшие чувствования. Сколько раз обманывает расчет, и сколько раз торжествует справедливое чувствознание.

Воспламененный и окрыленный чувствознанием деятель может разобраться во всем комплексе создавшихся обстоятельств. Все эти дела дней сих как будто одинаково нужны, как будто и неотложны и насущны. Но это лишь мираж. Среди них есть и старые, уже изжитые пути, но, конечно, имеются и новые, живоносные. Тот, кто, несмотря на всякие опасности и препятствия, усмотрит живоносность, тот уже уследит и самонужнейшее. Он не удивится, что это самонужнейшее будет окружено наибольшими опасностями и трудностями. Ведь тьма будет особенно насторожена там, где проявляется жизнь.

Выбрать самонужнейшее никогда не значит полюбить наилегчайшее. Самонужнейшее не будет наилегчайшим. В миражах всякой легкости достижения будет нехорошая майя. Даже в сказках всегда предлагаются три пути, причем путь с наименьшею потерею будет самым малым. Где велика ставка, там и большое нахождение. Там и ручательство.

Кто-то скажет, но ведь это в сказках. До сказок ли сейчас, когда сердце разрывается от тягостей жизни. Но в тех же сказках всегда говорится: "скоро сказка сказывается — не скоро дело делается". Тем самым достаточно показывается, что между словами сказки остается много нерассказанного дела. А ведь где дело перед действием, там и много трудностей.

В исторических повествованиях мы видим обычно лишь символические иероглифы достижений. Видим, так сказать, барсовы прыжки. Но даже самому могучему барсу сколько приходится преодолевать, прежде чем он может сделать победоносный прыжок. Когда барс лежит, накапливая грядущий прыжок, разве он бездействует? Шакалы своим воем и визгом сопровождают все свои намерения. Но ведь это шакалы.

Из звериных примеров не нужно выводить представление о какой-то кровожадности в действиях. Кровожадность уже — грубость и жестокость, и потому она неуместна в обиходе грядущего. Истинные достойные действия всегда будут именно далеки от жестокости и кровожадности. Но в них будет твердость и неуклонность. И еще будет и стремление, и нахождение новых путей. Даже колодцы на путях иссякают. Нужно время, чтобы влага вновь набралась из почвы. Если место колодца выбрано правильно, то влага непременно соберется; лишь дайте нужное время для этого нового образования. И в то же время не обрушьте в колодец грязного мусора. "Не плюй в колодец — придется воды

напиться".

А сколько раз неразумные путники ухитрялись наплевать в свой же колодец в надежде, что им-то не придется более воспользоваться этой водой. А выходило как раз наоборот.

Знаю, что вы очень напряжены, чувствуя, что самонужнейшее где-то очень близко и требует сосредоточения всего внимания. В природе бывают такие настороженные моменты. Перед своим наибольшим взрывом природа точно настораживается и даже замолкает. Путники знают, как перед бурей замирает ветер, а кто-то неопытный примет эту тишину, как лучший момент для прогулки.

Знаю, что нельзя не волноваться внутренне, когда стучится самонужнейшее. Именно стучится, отбивая этот внутренний стук и во внешних ударах сердца. А еще сложнее становится от невероятных мировых нагромождений настоящего часа. Где внутренне, а где уже и внешне закипают эти наслоения. В кипении, и в искрах, и в брызгах раздробляется лик самонужнейшего. Сколько признаков могут быть приняты именно за то, что лучше всего и неотложнее всего. И где мера великих или малых признаков?

Каждый может поведать множество историй о том, как люди не опознавали самое для них наинужнейшее. Когда же оно уже проходило и было безвозвратным, только тогда эти слепцы прозревали и хватали себя за волосы.

При каждом отбытии океанского судна вы непременно увидите жалобную фигуру опоздавшего. Но корабль уже отошел, мостки давно сняты, и жалкие жесты оставшегося сливаются с развевающимися платками проводивших. А ведь, может быть, этот опоздавший должен был плыть именно на этом корабле, но задержало его ничтожнейшее обстоятельство. Так много самонужнейшего надвинулось. Гремят все приказы: "действовать по способности", "действовать по надобности", "действовать по неотложности".

В троекратности действия — по способности, по надобности, по неотложности уже обозначаются черты самонужнейшего. В этих благородных напряжениях найдется оно — таинственное и неизбежное самонужнейшее. Чем моложе сердце, тем оно скорее ощутит зовы этого самонужнейшего. А ведь молодость сердца исчисляется не количеством лет. Сколько бывает дряхлых и замороженных сердец у еще только вступающих в жизнь. Сколько бывает сердец, отемненных беспричинною грубостью и жестокостью, когда они выражают свое жестокосердие во всех повседневных методах действия.

Даже так называемые незлые люди иногда могут быть очень

жестокосердными. Но это свойство заслонит от них лик самонужнейшего. С однобокими мерами не подойти к самонужнейшему. Даже собрав все накопления, и то можно почувствовать недостаток твердых, объемлющих выражений.

Самонужнейшее прежде всего требует для своего опознания объемлемость, требует синтез, который всегда будет истинным признаком Культуры. Вы можете справедливо настаивать на том, что задачи Культуры всегда будут являться главными чертами наинужнейшего. Это правильно. Но и среди задач Культуры одни будут как бы задачами многолетними, а другие будут требуемыми неотложно, мгновенно. Опять придется разобраться в сердце своем: которая же из этих лучших задач, в свою очередь, будет самонужнейшей.

Думайте, думайте, думайте! Самонужнейшее требует напряжения мысли. Лишь в напряжении этой энергии вспыхнет огонь, в блеске которого самое, казалось бы, сокрытое самонужнейшее выявится вдруг. А размеры этого грозно прекрасного лика не ужаснут, но привлекут и наполнят сердце новою победною силою.

"И как над пламенем грамоты тайной неясные
строки вдруг выступают,
Так выступит, вдруг, пред тобою
видение".

20 Мая 1035 г.
Цаган Куре
"*Врата в Будущее*"

Бывшее и будущее

Швейцария. Лето 1906 года. Приехала ясновидящая. Многие хотят побеседовать с нею.

"Хотите ли, она прочтет в закрытой книге?"

В это время Е. И. приносят с почты какой-то закрытый пакет с книгою из Парижа. Е. И., не раскрывая пакета, называет страницу и строчку, и женщина, с закрытыми глазами, читает это место, точность которого тут же при всех и проверяется при вскрытии книги.

"Где мы будем жить будущее лето?"

Следует описание каких-то водных путей. При этом добавляется:

"Вы едете на пароходе. Кругом Вас говорят на каком-то языке, которого я не знаю. Это не французский, не немецкий, не итальянский; я не знаю этого языка".

На другой год мы совершенно неожиданно жили в Финляндии.

Затем следовали описания судьбы моих картин в Америке, на выставке, устроенной Гринвальдом. Затем, как видно теперь, были описаны потоки крови Великой войны и революции, смерть императора, а затем начало учреждений в Америке. При этом была любопытная подчеркнутая подробность, что в новых делах будет "очень много исписанных листов бумаги. Разве это указание не характерно, когда припомним всю многочисленную переписку со всеми учреждениями в разных странах?

Другой случай, тоже в Швейцарии. Задумываются разные легко и трудно исполнимые задания, а женщина с завязанными глазами берет задумавшего за руку и стремится выполнить приказанное. Причем выполняет не задуманное обычным гипнотизером, нет, она готова выполнить приказы самых случайных для нее встречных. Она пересчитывает деньги в карманных кошельках, читает метки на платках, причем читает во французском своем произношении. Например, вместо Борис говорит Бори. Указываются приближающиеся письма. Описываются лица, думающие в данный момент о ком-либо из присутствующих.

Можно припомнить множество подобных эпизодов как в Европе, так и в России и на Востоке. Когда нечто подобное происходит, мало кто отдает ему должное внимание. Чаще всего эти замечательные, наводящие на многие размышления свидетельства остаются в пределах любопытного анекдота. Но проходят года, и когда совершаются потрясающие события, так

легко в обиходе рассказанные, так непосредственно соединявшие бывшее с будущим, тогда запоздало всегда будут произнесены сожалительные формы о том, как многое могло бы быть своевременно еще более углублено. Искреннее пожалеется о том, что бывшие у всех на глазах опыты остались тогда же незаписанными.

Ведь так легко было тогда же осознать значительность необычных показаний. Но у многих слушателей являлось постыдное соображение: не подумает ли кто, что мы придаем значение словам какой-то проезжей, может быть, авантюристки. При этом даже самое первоначальное значение слова "авантюра" понимается не дословно, а в каком-то чисто условном значении. Ведь так много слов, первоначально обозначавших нечто замечательное, потом оказывалось на столбцах словаря подозрительности и суеверия.

Из другой области вспоминается, как в Агре на большом пестром ковре седенький индус раскладывает всякие человеческие и животные фигурки. Затем он начинает на дудочке наигрывать прекрасную душевную мелодию, под которую все эти воины, раджи, баядерки, купцы, слоны, тигры начинают шевелиться, подымаются, исполняя всякие замысловатые танцы.

Зрелище получается фантастическое, усугубленное всей экзотической обстановкою. Но один из присутствующих, ради истины, с улыбкой замечает индусу:

"Я знаю, как вы делаете. Ведь у вас под каждой фигуркой протянуты нити, которые вы и шевелите, играя".

Старичок скорбно-обиженно обернулся, молча встал, собрал свои фигурки и ушел в очевидной обиде. Конечно, было совершенно явно, что фигурки могли шевелиться только по проводам, не видным на пестром ковре. В этом никто не сомневался… Но очарование было нарушено. Было жаль произнесения того, что было всем ясно. Так же точно при всяких проявлениях тонких энергий требуется встретить их и сопроводить соответственно гармонично. В этой естественной гармонии энергии будут расти, не нанося ущерба и усталости тому, в ком они проявлены.

Сколько раз при всяких ответственных опытах присутствующих просят проявить величайшую внимательность и осторожность. Не нарушать тишину шумом или несдержанными восклицаниями. При этом, как бы от своеобразного самовнушения, людям непременно потребуется кашлять, чихать, шуметь стулом или корчиться от необъяснимого смеха. При этом они никогда не хотят сознаться в том, что их непрошенные выступления могли быть кому-то вредны. Они скажут: "Что из

того, что я кашлянул. Какие же такие проявления, которые и кашля боятся? Неужели уже нельзя и пошевелиться?" Так люди плотного мира ни за что не хотят признать или хотя бы подумать об условиях тончайших энергий.

Плотные люди, при случае, будут жаловаться на то, что с ними ничего особенного не происходит, а из этого они выведут мертвящие заключения о том, что вообще нигде ничего особенного не происходит. И кончат они эти свои умозаключения: итак, выпьем! От нежелания подумать о лучших условиях для своего ближнего люди часто впадают в грубо эгоистическое соображение: я не чувствую, значит, никто не чувствует. А из этого разрушительного предположения вытекает и другое: я не знаю, пусть и другие не знают. Иначе говоря, со скрипом и визгом открываются врата замка невежества.

Так же, как самое особенное происходит в обиходе, так же и неизлечимо невежественное возникает в том же обиходе, среди объедения, среди самоусыпления и погружения в суеверия.

Но ведь если приложить хотя бы бывшее у каждого, то самое бывшее, за которое он может поручиться, то уже и будущее складывалось бы под совершенно особым знаком. Получалось бы продвижение и разумное и быстрое, а тина застойная разметалась бы в движениях нового прекрасного сознания и труда.

21 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Обитель Света*"

Святослав

Получаем снимки с последних картин Святослава. Некоторые сняты в цветной фотографии и потому еще более напоминают о тех сверкающих красках, которыми насыщены его картины. Если возьмем сравнить его достижения за последние годы, то можно увидеть, как неустанно совершенствуется та же основная песнь красок. Форма и раньше была четкой и выразительной. Краски были сильны, но сейчас с каждым годом вы изумляетесь прозрачности и возвышенности этих красочных сочетаний.

Будет ли это портрет, или этюд лица, или пейзаж — во всем будет и воздушность, и убедительность, и какой-то совершенно особый, присущий ему реализм. Этот реализм, конечно, скорее может быть назван реальностью, но никак не условным реализмом, как его понимали в недавнем прошлом.

В каждой картине Святослава есть и то, что мы называем композицией. Иначе говоря, то, что выявляет индивидуальность мастера. Иногда малознающие люди думают, что портрет не есть композиция, а сочинение будет исключительно в каких-то исторических нагромождениях. Но прирожденный композитор выразит это свое качество решительно во всем. Он "увидит" портрет. Он возьмет человеческий облик так, что выявятся наилучшие выражения черт, и, как в высоких мастерских портретах, вы не подвинете изображение ни на одну линию.

Некто привел своего сына к Ван Дейку и, прося принять его в мастерскую, уверял, что сын его уже умеет писать фон портрета. Великий мастер справедливо заметил: "Если Ваш сын умеет писать фон портрета, то ему у меня уже нечему учиться". В этой истории подчеркнуто, насколько каждая часть картины является ее нераздельным существенным выражением.

В картинах Святослава замечаем именно гармоническую напряженность всех частей картины. Великое качество произведений, если в него не вкралось безразличие. Так же, как в самой жизни лишь мертвый глаз может предположить безразличие хотя в малейшей подробности, так же точно в искусстве, в творчестве мастера будет жить решительно все. В этой взаимной вибрации заключена мощь великих произведений искусства.

Брюллов говорил: "Искусство весьма просто. Следует лишь взять определенное количество краски и положить на нужное место". В шутке большого художника заключалось необычайно меткое определение. Именно только нужен определенный состав краски и следует наложить его на определенное место полотна.

Вот и все. И действительно, большой мастер не сумеет словами рассказать, почему именно ему нужен этот, а не другой состав краски, и почему он вливает эту комбинацию тонов в соседнюю гармонию.

Мастер творит. В творчестве всякий земной язык оказывается неприложимым и невыразительным. Но зато движения мастера непреложны. Он должен сделать так, а не иначе. Сама преемственность основ творчества в малом сознании будет подражательностью, но в истинном мастерстве она остается благородною преемственностью.

Так же, как неотменна Иерархия, так же неотменна и преемственность лучших начал бытия.

"У чистых все чисто" — говорит Апостол Павел. Этот завет особенно приложим в искусстве, которое является синтезом в жизни. Но к этому созвучию нужно дойти. Нужно воспринять его из тайников прошлого и, утвердившись на нем, творить светлое будущее.

Когда мы видим прекрасное произведение, оно вызывает в нас все лучшее. Под сводами великолепного собора отметаются ссоры, и в звуках мощной симфонии неуместны сквернословия. Но чтобы отдельная картина доставляла такое же синтетическое преображение, она должна быть глубоко гармонична, именно напряжена в этой глубокой симфонии всех своих частей. Или эти качества выльются в произведении, и оно сделается радость носящим, или чудотворность не войдет в расположение красок и линий, и это будет формальное заполнение холста.

Вот почему мне так радостно мысленно рассматривать помянутые картины ¬в них именно выкованы симфония и гармония. Все безразличное, рутинное не посмело войти в это огненное творчество. Именно не посмело. Ведь пошлость может вползти в каждую щель, если по какой-либо неосмотрительности будет допущена трещина.

Скучно вспоминать какие-нибудь формальные картины. Ни условный сюжет, ни их мысленное назначение не покроют их формализм. Но как радостно видеть прекрасные цветы молодые, когда они будут рассыпаны щедрою рукою творца. Никогда вам не наскучит любоваться самоцветами. Так же и в великих произведениях искусства эта самоцветность и самобытность вносят еще одно светлое творение в многообразие бытия.

Как бережливо нужно относиться ко всему, что приносит радость и свет! Кто же разобьет светильник, чтобы погрузить жилище во мрак. А ведь каждое высокое творческое произведение есть именно такой богоданный светильник. В радости любования таким творением мы еще раз любим все Высшее, мы еще раз

складываем прекрасную молитву духа. Прекрасно, если можно любоваться звучными творениями.

Прекрасно, если дан в жизни этот высокий дар, которым все темное, все бедственное превращается в радость духа. И как радостно мы должны приветствовать тех, которые волею судеб могут вносить в жизнь прекрасное.

22 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Из литературного наследия*"

Сравнение

Доктор Хассельман, проезжий врач из Манилы, справедливо жаловался нам на стеснение средств для научных изысканий. Совершенно правильно доктор заметил, что на некоторые уже обычные изыскания средства еще продолжают притекать, но всякое новое задание встречает или отпор, или ледяное молчание. Между тем появляется постоянная нужда в исследовании именно новых, нешаблонных областей.

Появляются совершенно новые наблюдения, а также и новые болезни. При этом эти, как бы новые бичи человечества бывают настолько переплетены между собою, что требуются особые наблюдения, дабы расчленить их и найти новые методы борьбы. Кроме того, также справедливо замечается, насколько некоторые болезни делаются как бы модными и поглощают на себя то внимание, которое должно бы быть распределено и на другие знаки бедствий.

Мы-то сами знаем и чувствуем, насколько верны эти наблюдения практического врача. Мы-то сами знаем, что средства на каждое малое исследование притекают необыкновенно туго. Даже, как мы уже не раз отмечали, трудно достать средства на исследование борьбы с таким бичом человечества, как рак.

Казалось бы, столько и самих больных, и их ближайших родственников должны быть заинтересованы, если открывается новая возможность исследований. Казалось бы! Но на деле даже такие требующие особого внимания меры останутся лишь в рутинных рамках. Если уже существуют учреждения, противодействующие раку, значит, никаких других наблюдений будто бы и не должно происходить.

Даже когда существуют примеры излечения рака в некоторых особых местностях, даже когда это засвидетельствовано врачами, и то рутинное воззрение воспрепятствует новым поискам.

Скажут, что сейчас время такого кризиса, что ни о чем новом думать нельзя. Но если кто-нибудь вздумал бы удовлетвориться таким объяснением, то не покажется ли ему странным готовность огромных, поистине, неисчислимых средств, только не на целительные цели, а на смертоубийственные.

Журнал "Нэйшен" дает под названием "Танец смерти" любопытную сводку данных, касающихся этого года. Вот указывается, что в Лондоне военные нужды в текущем году потребуют 124 250 000 фунтов, иначе говоря, на 10 539 000 фунтов более прошлого года.

В Японии военный бюджет текущего года является

крупнейшим в истории империи. Армия получает 490 000 000 иен и флот 530 000 000 иен. При этом морской министр, адмирал Осуми, предупреждает население о грядущем самопожертвовании, "хотя бы мы принуждены были питаться одним рисом".

Москва увеличивает армию почти вдвое; причем военные расходы выразятся в этом году в шесть с половиной миллиардов рублей.

В Вашингтоне 318 699 000 долларов посвящается военным нуждам. Комитет признает эти расходы наибольшими со времени войны. В Париже принуждены производить огромные затраты на новые укрепления и постройку гигантских военных судов. В Берлине образуется новая полумиллионная армия, требующая всех соответственных огромных расходов.

Вспомним, что и во всех прочих государствах соответственно возникают экстренные расходы на возведение укреплений, новых военных баз и увеличение вооружений. Итак, цифры говорят сами за себя. Действительно, если так спешно развивается братоубийственная надобность, то где же думать о новых путях к сохранению человеческой жизни?

В это самое время уже где-то перевозятся войска, и на каких-то границах готовы вспыхнуть военные действия. И никто не знает, будет ли это каким-то "частным эпизодом", или же будет спичкою для сокрушительного мирового костра. Если мировое мышление загипнотизирует себя лишь в необходимости смертоубийства, то всякие другие меры, целительные и созидательные, могут показаться несвоевременными.

Кому-то покажется неуместным вообще осуждать мирные мероприятия. Ибо какой же мир, когда жерла орудий готовы изрыгнуть смерть и заготовлены всякие яды, вероятно, достаточные для того, чтобы прекратить вообще всю человеческую жизнь на земле. Недавно еще возникал вопрос: к чему марафоны быстроты, если они не могут нести в себе мирное, созидательное начало?

Но приведенные выше цифры достаточно показывают, что быстрота, вероятно, будет использована именно вне мирных заданий. От душевных смущений разве не будут умножаться и новые виды болезней? Что же будет, если на построение пушки будут готовы любые средства, но целительное, культурное строительство будет отвергаться якобы за неимением средств?

Эти сравнения и сопоставления не нуждаются в длинных пояснениях. Ясно одно, что самодеятельность созидательной Культуры должна быть всемерно усилена. Носители Культуры не препятствуют и не разрушают, но строят и создают неустанно.

Для этой неутомимости нужно взаимное понимание, нужно истинное сотрудничество. Чем труднее время, тем большее взаимное доверие и прекрасное сотрудничество необходимо.

Каждые сравнительные цифры лишь покажут, насколько спешно нужно обращение к основам созидательной Культуры. Если есть решимость духа и самоотверженность, то создадутся такие твердыни, которые никакие яды, никакие орудия не разрушат. Во имя строения пошлем взаимный привет.

23 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Дары Востока

Перед нами старинная монгольская монета. На ней и солнце, и луна, и семизначное созвездие Большой Медведицы, или Семи Старцев. Широкая мечта о поднебесьи. Мечта о чудесах и красотах Чингизова Великого Синего Неба. Широкоохватно.

Разве не широкоохватно, что монголы купали коней своих в Адриатике? Бывали монголы в Париже, в Лионе, в Валенсии. Монгол поставлял шлемы войску Филиппа Красивого. Алансон — от аланов. Аланы в ставках монгольских.

Широкоохватно, как и все проникновение Востока на Запад под знаком Крестовых походов и по следам Великих Путников. Часто Запад забывает, сколько наследий Востока он воспринял во все века, в века Марко Поло, Плано Карпини, Рубруквиса, Лонжюмо, д'Анселино и других смелых духом.

"В блеске татарских мечей Русь слушала сказку Востока, которую когда-то сказывали и хитрые арабские гости по пути из варяг в греки".

В 1202 году итальянец Леонардо да Пиза издает математический трактат "Либер абаци" с арабскими цифрами. У него же впервые и арабское "зифир" — нуль, пустота. Арабские цифры. Но сами арабы называют их индийскими. Дары Востока безграничны. И сейчас хазары в Афганистане.

Алгебра, алидад, зенит, надир, азимут, наконец, Альдебаран, Алгол, Алтаир — все от арабов, все от Востока.

Оттуда же многое в медицине и естественных науках — алкоголь, аламбик, алкал, бура, амальгама — все от Востока. В Испании — арабский университет в Кордове и на юге Италии — в Салерно. Врач египетского султана излечивает Людовика IX. Слова: сироп, эулеп, элексир, камфора и многие другие запечатлены в восточной медицине.

Даже в земледелии Восток дал полезные советы Западу. Маис — из Азии. Сахарный тростник, рис, индиго, шафран, целый ряд фруктовых деревьев и овощей имели родину в Азии. Всякие пилигримы несли в заплечных мешках всевозможные семена и насыщали ими свою родную землю. Абрикос именовался грушею Дамаска. Эшалот от Аскалона. Артишоки, шпинат, эстрагон — все это арабские имена. Вина Кипра, Газ, Аскалона, изюм Греции и Палестины — все дары восточные.

Арабские кони — Карабахи, карашары, ослы, мулы, наконец, гепарды, так прекрасно изображенные на картинах Гоццоли — все из глубин Азийских. Утверждают, что ветряные мельницы — из Азии.

Промышленность Востока издавна прельщала Европу. Сахар Антиохии и Триполи. Хлопок Бейрута, Алеппо, Акры. Шелк Тира, Тортозы, Тивериады. Муслин от Моссула. Муар, тафта, шифон — от арабов. Ковры иранские. Восточные составы красок. Кордуанская кожа, испано-маврские фаянсы.

Среди терминов мореплавания — буссоль, адмирал, арсенал, муссон, фелюка, корвет, шаланда, тартана — все от Востока.

На полях битв войска Востока не были малым неприятелем. Не раз Запад среди войн с Востоком учился новым войсковым порядкам, дисциплине, бдительности, охранению и наблюдательности. Целые военные ордена создавались именно после приближения к Востоку. Западные войны заимствовали от Востока прекрасное оружие. Дамасские клинки и до сих пор звучат, как нарицательное лучшего качества.

Малые щиты-торчи. Сарацинские кольчуги, зарцала и бахтерцы, восточные шлемы-мисюрки и сколько другого всевозможного и вооружения, и конского снаряжения имеет свое происхождение на Востоке. Не забудем, что повсеместно принятое слово "улан" есть слово чисто монгольское. В русском обиходе пестреет множество монгольских слов, глубоко угнездившихся: есаул, куяк, мерен, тамга, ям, ярлык, яр, караул, доха, чумбур, аргамак и множество других обычных для русского уха.

На Востоке крестоносцы, чтобы различаться в бою, начали начертать на щитах первые символические изображения, сохранившиеся потом как родовые гербы. Много из геральдических животных имеют свою восточную основу: единороги, слоны, львы, грифоны. Сама раскраска щитов, даже в названиях своих, напоминает и Персию, и другие страны Востока.

Бесчисленные благовония, духи, помады и косметики притекали с Востока. Названия мебели и обихода оттуда же: диван, балдахин, альков, сундук, графин, джар — все оттуда же, так же, как и названия многих драгоценных камней. Даже слово "галета" напоминает нам Галату.

Часто восточные народы изображались нетерпимыми, жестокими, безнравственными, предательскими. В то же время мы имеем несомненные доказательства их терпимости, человечности, благотворительности. Мы восхищаемся храбростью и мужеством Чингис-хана и всех прочих воителей и Дальнего и Ближнего Востока. Сарацины назывались невежественными варварами, а в то же время по школам их и по их цивилизации, по наукам и по искусству их можно было видеть, насколько иногда они превосходили гордый Запад. Соприкасание с народами Востока явилось одним из важнейших импульсов средневековья.

Оно вызвало во всех областях неожиданное пробуждение. Это был первый расцвет, первый Ренессанс.

Послушаем, что говорит о современных монголах Ларсен, посвятивший Монголии более сорока лет своей жизни. Конечно, Ларсен встречался со всевозможными монгольскими родами и знает их в разных проявлениях основного характера. Такие свидетельства, почерпнутые из многолетнего опыта, всегда ценны. В книге своей о Монголии Ларсен замечает:

"Общие впечатления иностранца, проезжающего через Монголию, будут о безнадежности военной силы этой страны, но в действительности военная мощь Монголии вовсе не так мала, как случайный наблюдатель может думать. Каждый монгол — хороший наездник и прекрасный стрелок. Все население увлекается охотою, как спортом. Монголы стреляют с седла и с детства приучаются к луку и стрелам и к лассо на скачущих конях.

Лук и стрелы, даже в недавнем прошлом, были главным монгольским оружием. Соревнования в стрельбе из лука являются годовым праздником во многих монгольских родах… Требуется верный глаз и твердая рука, чтобы пустить стрелу в цель, обернувшись во время скока лошади. Монголы, научившиеся этой верности со стрелами, оказываются чудесными стрелками из винтовок, с которыми они научаются обращаться с неожиданной легкостью. Монголы, вооруженные винтовками, посланные в битву, редко минуют, чтобы не свалить врага каждым своим выстрелом.

Монголы любят свою страну, много превосходя в этом глубоком чувстве все народы, с которыми я встречался. В защите своей страны они всегда имеют преимущества. Они испытаны в распознавании расстояний, приучены к чистому воздуху и к высотам и могут судить о дальности расстояний лучше посторонних. Монголы очень умны в маневрировании и испытаны в преследовании своего врага и в окружении его.

Монголы обладают необыкновенной выносливостью и могут проходить большие расстояния без пищи или воды и выдерживать превратности погоды. Физически они необыкновенно приспособлены. И ламы и светские люди закалены всякими переходами и ежедневными продолжительными скачками на своих необъятных равнинах… В дополнение к активному сопротивлению монголы обладают терпеливою мощью сопротивления пассивного, победить которое еще труднее. Они не поспешают в битву. Население Монголии, живя в юртах, может уйти в течение ночи. Стада будут угнаны, источники будут уничтожены, так что вторгающийся в Монголию найдет себя в

совершенной пустыне без пищи и воды, оставленный среди немилосердной природы.

В течение моей жизни в Монголии многое случилось, которое убедило меня, что монголы вполне способны выдержать натиск врага, что и отмечено в летописях о днях самого Чингисхана".

Показания таких свидетелей, не случайных проезжих, но посвятивших жизнь Монголии, чрезвычайно ценны. Швед Ларсен принадлежит именно к типу людей наблюдательных и сам знающий, что значит суровые условия природы. Ларсен совершенно верно отмечает и активную и пассивную мощь монголов, эту же мощь можно отметить и на всем Востоке.

Запад действительно многое самое ценное воспринял от Востока. И религии, и философии, и многие другие ценнейшие нахождения по справедливости должны быть отнесены именно к Востоку, к Азии. Почему это так, а не иначе — не нам судить. Историк лишь может считаться с действительностью. И никто никакими предположениями и доводами не может поколебать эту великую действительность даров Востока.

В свое время я был рад получить книгу доктора Хара Давана о Чингис-хане. Автор сам принадлежит к народам Востока, и потому его проникновенные оценки еще более убедительны. Он знает, о чем говорит. Также необыкновенно глубоко понимал великого воителя Азии и недавно скончавшийся Владимирцов. Как ценно встречать в жизни справедливые суждения.

Признательность есть качество Архатов. Следуя этому примеру, будем признательны о всех великих дарах во всей их своеобразности и значительности. Великое Синее Небо.

24 Мая 1935 г.

Цаган Куре

Nicholas Roerich. "Himavat". Allahabad, 1946

Все тихо

Некий наставник предоставил ученикам своим самодеятельность. Сказано: "Пылайте сердцем и творите любовью". Вернувшись, наставник спросил, что было сделано, как протекло творчество и как прекрасно пылала любовь. Ученики ответили: "Мы не поссорились". "Но ведь я вас спрашиваю о добротворчестве и об укреплении любовью".

"Мы не поссорились". "Не ссорятся и на кладбище. Я вас спрашиваю не о ссорах, которые вы уже давно предоставили диким зверям. Спрашиваю о том, что сделано. Что помыслено доброго и неотложного? Что приложено в жизнь?" "Мы все-таки не поссорились".

"Не хватало, чтобы вы без меня начали сквернословить и дурно относиться друг к другу. У вас уже достаточно одно сердце. Вы уже достаточно можете думать не о себе, но о других". "Мы могли поссориться и не поссорились". "Оставьте навсегда ваши рассуждения о ваших взаимных ссорах. Тот, кто говорит о том, что он не поссорился, уже носит в себе зачаток ссоры. У человека добротворствующего вообще нет ссоры даже в рассуждении. Повторяю, спрашиваю вас не о ссорах, но о творчестве". "Мы собирались и беседовали".

"Это уже хорошо, если беседы имели доброе последствие. Если беседы возвышали вас и побуждали к усиленному добротворчеству".

"Мы много часов провели вместе и часто возвышались духом".

"Прекрасно, если вместе проведено много часов и пространство наполнено добрыми полезными мыслями. Были ли эти мысли о вещах неотложных?"

"Мы беседовали о разных возвышенных предметах и в тишине гармонии возносились духом".

Тишина очень хороша, если она не напоминает тишину кладбища. Мы столько раз говорили с вами о действии, что, кроме гармонической тишины, хочется знать, что было сотворено среди окружающих".

"Мы старались всячески сохранить свое настроение".

"Сохраняющий только себя и не мыслящий о других — уже ограничивает себя. Что же в том, что мы только не ссоримся или только пребываем в тишине; если в соседних жилищах будет свирепствовать пожар, то ведь вы не останетесь в тихих посылках, но устремитесь к посильной помощи. Вы не будете отрицать, что вокруг много злых пожаров. Пламя их может пожрать самое нужное. Что же будет, если мы сохранимся для тихой беседы в то

время, когда вокруг нас произойдут губительные разрушения? Кто позволит нам думать лишь о самосохранении, когда стихийные бури сметают жилища ближних? Тот, кто говорит "все тихо" — глубоко заблуждается. Наоборот, кругом все гремит в столкновениях, и пространство вопиет о неслыханных ужасах. А вы пребывали в тишине и достигли великого нахождения — не поссорились. Дорогие мои, не будем подражать кладбищу. Не будем заимствовать о кладбищах никаких настроений. Вам сказано: "пылайте сердцами — творите любовью". Хотите — можете сказать этот Завет наоборот, и он все же останется таким же нужным и неотложным. И не думайте так много о себе. Как невод, забросьте ваше помышление вдаль, где требуется всякая помощь, а более всего помощь духовная. Если мы добьемся только того, что все будет тихо и мы не поссоримся, то ведь в этом проявится много самости. Кому же нужна будет такая тишина, и велик ли подвиг в том, что вы не поссорились? Совсем не о том спрашиваю. Вам поручена самодеятельность. Вам открыты врата духовного творчества. Вам доверен огонь и чаша благая, а вы стараетесь уверить, что все тихо и совершилось великое дело — вы между собою не поссорились. Особенно все тихо на кладбище. Жители кладбища ушли от земных ссор. Вы же лучше шумите, но сделайте".

25 Мая 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Добрые вести

По возвращении из очередной поездки нас ожидала большая почта со многими вырезками из газет и журналов о подписании Пакта в Белом Доме 15 апреля. Нельзя не отметить, что все речи, при этом акте произнесенные, необыкновенно глубоко отметили внутреннее Культурное значение Пакта. Таким путем еще раз доказалось, что основная объединяющая Пакт мысль жива и растет в сознании многих народов.

Вечером, в день подписания Пакта в Пан-Американском Союзе, министр иностранных дел Холл, произнося свою речь как председатель этого учреждения, выразил надежду в том, что все нации соберутся для взаимного процветания под "Знаменем Мира". Приведу дословно текст речи Президента Рузвельта при подписании Пакта. Беру текст из газеты "Вашингтонская Почта", апреля 16.

Привожу текст по-английски, дабы в переводе не лишить точности выражения.

"It is most appropriate that on this day, designated as PanAmerican day by the chief executives of all the republics of the American continent, the governments, members of the Pan American Union, should sign a treaty which marks a step forward in the preservation of the cultural achivements of the nations of this hemisphere. In opening this Pact to the adherence of the nations of the world, we are endeavoring to made of universal application one of the principles vital to the preservation of modern civilization.

This treaty possesses a spiritual significance far deeper than the text of the instrument itself. It is but one of the many expressions of that basic doctrine of continental responsibility and continental solidarity which means so much to the American republics.

On the occasion of this celebration of Pan American day let us again dedicate ourselves to the task of translating into deeds the essential unity of interest of the nations of this continent. Let us also bring renewed allegiance to those high principles of international cooperation and helpfulness which, I feel assured, will be a great contribution to civilization by the Americas"[86].

Не забудем слова Президента Рузвельта: "Этот договор заключает в себе духовное значение гораздо более глубокое, нежели выражено в самом тексте". Президент подчеркивает ответственность и солидарность, которые так много значат для настоящего и для будущего. Заключает президент поминанием высоких основ кооперации и взаимной помощи, которые послужат для процветания цивилизации.

Когда 19 стран объединяются под этими принципами, тогда действительно наш Пакт может называться Красным Крестом Культуры. Ведь не для одного холодно-формального охранения создается Пакт, но именно для углубления Культурного сознания, которое поведет к охранению живому и благодатному. Если мы всегда понимали музей как музейон ¬древнегреческий дом муз, то мы тем самым понимали всю жизненность Культурных начинаний. Именно подчеркиваем жизненность во всей ее плодотворности и благодатности.

В то время, когда пресса Америк благожелательно подчеркивает значение Пакта, и в других концах мира раздаются такие же обоснованные и доброжелательные голоса. Большой лондонский журнал "Вокруг Света" помещает в качестве руководящей статьи прекрасный очерк британского полковника Мана, в котором также сильно подчеркнуто значение Пакта и Знамени для будущего. Аллахабадский журнал "Твенти Сенчури" и мадрасское "Едюкешонал Ревю", синтский "Дон", журнал "Махаботхи" и целый ряд высококультурных изданий Индии отводит первое место Пакту. Один из лучших латвийских поэтов Рудзитис вдохновенно определяет значение Пакта, и такие же сердечные строки проходят и по остальной прессе.

Значит, совершается не только формальное признание надобности охранения Культурных ценностей, но свидетельствуем общественное мнение об этом Культурном деле. Именно насущность такого общественного выражения является необходимой для углубления Культурных идей. Мало того, что люди где-то внутри сердец своих будут соглашаться на Культурных основах, нужно, чтобы они не поскупились выразить это свое свидетельство с полным мужеством и справедливостью. Каждый хорошо думающий про себя все-таки уподобляется скупцу, лишь для себя собирающему сокровища. Как говорят на Востоке: "Потемнеет лицо зарывающего серебро в землю так же, как почернеет в земле серебро зарытое".

Потому-то так бесконечно важно, чтобы общественное мнение не скупилось на выражение своих соображений о Культурных ценностях. Мы уже достаточно говорили о всяких днях Культуры, желая, чтобы эти дни сделались бы и повседневными часами и минутами, в течение которых будут жить и применяться основы Культуры. И в школах, среди преподавания Живой Этики, основы Культуры будут подчеркнуты всячески. Если главы правительств так глубоко чувствуют и возвещают духовное значение Культуры, то насколько легче всем общественным организациям бодро и ясно примкнуть к той же радостной улыбке во имя Культуры.

Американская пресса, помещая портрет президента Рузвельта, секретаря Уоллеса и посланника Аргентины, подписывающего Пакт, говорит: "Подписание договоров — иногда только очень серьезное дело, но вчера, когда подписывали Пакт Рериха представители 19 наций, это казалось и счастливым актом". Действительно, если подписание Пакта Культуры вызывает не только наморщенный лоб, но и светлую радостную улыбку, это будет истинным показателем мирного строительного устремления.

Из далекой пустыни пожелаем и президенту Рузвельту, и всем представителям стран, подписавшим акт 15 апреля, чтобы их высокая строительная работа протекала в радостном сознании великого творчества на процветание народов.

28 Мая 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Нужное слово

"Произносит ли Благословенный слово, которое справедливо, разрушительно и неприятно?" Ответ был — нет. "Но если слово справедливо, полезно и неприятно?" — "Да, когда он находит это нужным". "Но если слово справедливо, полезно и приятно?" — "Да, когда он находит для этого время подходящим".

Из древних времен приходит этот совет о хранении нужного слова. Поистине, какая же польза в слове разрушительном? Те же древние советы наставляют о том, что строитель добрый употребляет в благоразумии разнообразные материалы для созидания. Строитель сам по себе не может называться разрушителем, ибо эти два понятия несовместимы.

Также скажет ли созидатель словно неприятное, если в нем будут начала разрушения? Конечно, он такого слова не скажет. Не будем думать, что будут произносимы лишь подслащенные слова, которые будут граничить с неискренностью. Если жизнь как таковая сурова, то и справедливые слова тоже могут быть суровыми. Но суровость эта не будет иметь окраски преднамеренной оскорбительной неприятности.

Даже и в суровом слове будет звучать такая справедливость и неотложность, что оно не оскорбит никакого самолюбия. При строении могут быть поднимаемы очень тяжкие столбы. При строении многие установки как бы не пожелают сразу стать на сужденное место. Каждый мастер знает, сколько терпения нужно приложить, чтобы части постройки легли равномерно и ладно.

Слово "ладно" — от лада, от ритма. Каждая постройка нуждается в общем ритме. При работах поют одну общую согласную песнь. При работах применяют музыку и ритм барабана. Войско нуждается в ритме музыкальном в своих передвижениях.

Общий лад, общий ритм работы позволяет всем сотрудникам распознать, в чем заключается истинно нужное слово, без которого не состоится то, что должно возвысить и упрочить текущий час. Без лада, без взаимного понимания, без сотрудничества даже самое благорасположенное слово может быть злонамеренно или обидчиво истолковано во вредную сторону. Не сказавший это полезное слово, но обидчиво истолковавший его, конечно, будет виновником вредных последствий.

Какое же оправдание в том, что по обиде ли, по злонамерению ли или по непониманию произойдет вред? Недопустимо самопоявление вреда как такового. Кто-то назовет

всякое появление вреда предательством, кто-то назовет — неразумием, кто-то назовет — небрежением. В конце концов, все сводится к одному и тому же. Вредительство может иметь самое разнообразное оперение, и все же оно будет принадлежать к распространенному виду вредительств.

Будет ли вредительство личным и направленным лишь к одному лицу. Будет ли оно угрожать коллективу или народу. Но останется всегда в каждом темном вредительстве момент вредительства против Культуры. А это уже будет вредительством и поношением духа, то есть самого священного, что движет сердцами человеческими.

Во всех старинных заветах мы видим произнесенное на всевозможных языках предупреждение против злоумышленного вредительства. В самых разнообразных формах сказано одно и то же. Высокие мыслители не утомлялись предупреждать человечество, насколько вредоносны разрушительные злоумышления. Ведь эта вредоносность, как зараза, не проявляется сразу, она имеет свой инкубационный период. Тем более нужно опасаться посеять зерно злое.

29 Мая 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Serencipity

Д-р Кеннон, профессор физиологии Гарвардского университета, недавно прочел в Пекине лекцию о значении удачи в научных открытиях. После приведения многих примеров из различной научной практики профессор пришел к выводу, что "удача следует только за теми, кто принимает ее".

Отличная формула. Совершенно правильная и приложимая во всех областях жизни. Действительно нужно, кроме добросовестной дальнозоркой работы, проявить еще способность усмотреть признаки зарождения удачи. Сколько раз уже приходилось писать о том, что удачу нужно суметь понять, что она "пугливая птица".

Столько раз приводились старинные пословицы о том, что "кто не рискует, тот не выигрывает", которые разными народами на своих языках толкуются по-своему, но все в том же направлении. Бесконечное число сказок и легенд говорит о неудачливых простофилях, которые по неразумию сами выпускали Жар-птицу.

Именно из рук выпускали Жар-птицу. Она была уже найдена. Мудрые предостережения говорили: "Возьми Жар-птицу, но не бери золотую клетку". Неразумец же непременно тянулся и за золотою клеткою и тем выпускал драгоценный дар, заключенный в Жар-птице. Неразумца предупреждали: "Сорвешь Жар-Цвет — не оглядывайся". Но как раз в этот момент нечто начинало казаться, и ротозей, конечно, оглядывался, и все уже найденное исчезало. Поистине, удачу нужно взять. Взять твердо, неотступно и единоустремленно. В этом едином устремлении выразится та вера, которая уже будет граничить с великим реальным знанием.

В тех же предупредительных сказаниях всегда выводятся многие обстоятельства, которые способствуют нахождению удачи. Начиная от серых волков или неведомых доброжелательных нищих и прохожих, многие обстоятельства являются пособниками в удачах. На это вдохновляющее пособничество тоже нужно обращать большое внимание. Мало того, что нужно усмотреть таких преуготовленных пособников, но в общественном строе нужно и создавать споспешествующие обстоятельства. Именно такие обстоятельства нужно создавать.

Зарождение удачи есть уже не личное дело, оно есть государственное преуспеяние. Ведь каждая частная благотворная удача есть и успех государственный. Значит, само государство должно сознательно заботиться, чтобы такие успехи могли бы быть достигаемы. Достижение всего самого лучшего происходит

через все самое высокое. Значит, государство как таковое должно давать своим гражданам все лучшее, все истинно культурное.

Как и всегда, говорим не о количестве, но о качестве. Что же из того, если газеты будут выходить в количестве многих десятков листов, но качественно они могли бы быть с успехом сокращены наполовину. Что же из того, если всякие сомнительные рестораны и шантаны будут расти, как грибы, и засорять мышление народа. Недаром какой-то восточный человек никак не мог понять разницы между шантаном и шайтаном.

Вчера среди пустыни мы слушали радио. Слушали около двух часов.

Перебирали всевозможные волны, в них побывали в самых различных странах. Что же мы услышали? Правда, где-то, кажется, в Америке мелькнул отрывок из Лоэнгрина, но все остальное было настолько в разряде ресторанных, фокстротных напевов, что еще раз пришлось ужаснуться, чем наполнено пространство. Ведь все эти звуки, и проявленные, и непроявленные, влияют на человеческое сознание.

Достаточно известно, что пространство наполнено, но очевидно недостаточно усвоено, что наполнение пространства есть величайшая ответственность человечества. Сущность качества есть тот разнообразный строительный материал, из которого строится удача цивилизации, а за нею и Культуры. Человек, цивилизованный фокстротом, потеряется на путях к Культуре. Ему покажутся эти благословенные пути уже недостижимыми.

"Где уж нам", "суждены нам порывы, а свершить не дано". Вот в какой пессимизм может удариться даже не дурное сознание, но отягощенное подлостью обихода. Тот же, кто скажет такие отрицательные пессимистические слова, уже откажется тем самым от строительства. Сколько бы ни показывать такому человеку признаки благотворных удач, он на все махнет рукой, как на недостижимое, и пойдет заливать горе в соседний кабак.

В пресловутом "залитии" горя сказывается тот же трусливый пессимизм. Видите, двуногому нужно насильственно залить. Он думает, что он заливает свое горе, а между тем он или заливает, или прокуривает свое достижение. Если сейчас само пространство гремит ужасом пошлости, то разве не дело каждого правительства заменить пошлость явлениями высокого качества?

Нам уже приходилось неоднократно говорить, что напрасно клевещут на народ, что он исключительно требует пошлость и подлость. И то, и другое навязывается сызмальства. Но дайте прекрасное созвучие, прекрасное пение, прекрасное слово — и народ к нему тянется чистосердечно.

Темные силы всюду имеются. Они всюду ведут свою разлагающую работу и мечтают лишить народы тех удач, которые уже суждены. Конечно, сужденное можно значительно отсрочить, но оно все-таки проявится. Каждая такая отсрочка уже есть мерзкое преступление против человечества. Всякий, кто хочет кого-то загнать во тьму и лишить Света, есть уже сотрудник тьмы. А ведь народы как таковые вовсе не сотрудники тьмы. Как бы слуги тьмы ни вовлекали их в мерзость и пошлость, рано или поздно они отрезвляются. Против всяких заливаний и закуриваний, и отравлений возникают целые народные восстания. Благо тому правительству, которое понимает, что нельзя держать народ на низшем уровне, давая ему продукты низкого качества. Тогда и само пространство не будет рычать и визжать, но сольется в Прекрасном.

Будут ли удачи в научных открытиях, будут ли они в облагораживающем творчестве, наконец, будут ли они в простом обиходе, который тоже так нуждается в удаче — безразлично; всюду удачи должны быть усмотрены и приняты. Достаточно рассказано в сказках о ротозеях и простофилях, прозевавших счастье. Век строения новой Культуры должен быть веком удачливых людей, которые, каждый в своем, усмотрят свой клад, свою удачу сужденную. "Удача следует за теми, кто принимает ее".

30 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Народный учитель

На недавнем съезде английского национального союза учителей председательствовал народный учитель Браун из Соммерсета. Одно это обстоятельство, что народный учитель из далекого местечка избирается председателем, уже показывает всеобщее уважение к этому педагогу. Действительно, в своем президентском обращении этот народный учитель высказал несколько положений, имеющих приложение во всем международном объеме. Приведем несколько положений из этой речи:

"Полагаю, что должно быть государство, в котором будет приложено справедливое распределение справедливого блага, касаясь ли богатства, отдыха, счастья, здоровья. Но затем и еще более существенно, это должно быть такое государство, в котором все жертвуют и планомерно, и глубоко кооперируют в создании и в росте этого "общего блага".

Это не может быть совершено в одном поколении. Оно нуждается в усилии твердом и мудро распределенном. Нужно образовывать народ — если хотите, пропагандою и возбуждать энтузиазм.

Должна быть законодательная планомерность, промышленная планомерность, торговая планомерность, здравоохранение и поверх всего, образование в его широчайшем значении — лишь это сделает народ готовым для мира, в котором они живут, и образует в народе желание и способность совершенствования. Я обращаюсь о планомерности образования для будущего.

Когда некая политическая или все политические партии поставят образование не только на первое место в их программах, но на первейшее место в их практике? Вместо никчемных мудрствований о настоящем, почему они не могут твердо и благородно утвердить план для будущего?

Обычный человек и женщина желают лучшей жизни для своих детей, нежели та, в которой им пришлось жить. Они, конечно, подавляюще благожелательно ответят на справедливое воззвание. Энтузиазм для великого образовательного движения может быть легко поднят. Средства могут найтись. Они должны быть мобилизованы и использованы. Религия, искусство, наука, здравый смысл — все будет участвовать. С церковных кафедр, с платформ, в прессе, на сцене, через радио разум будет убежден и сочувственно пробужден.

Общественная политика в образовании — когда мы такое

имели — была сознательной политикой для приложения будущего поколения к нуждам настоящего. Но поистине, следовало бы заботиться о том, чтобы дать каждому новому поколению способность встретиться на новых путях с новыми условиями. Если мы действительно хотим образовывать народ, это должно быть признано.

Также должна совершиться не только перемена в политике, но и перемена в самом сердце. Идея, что дети разных общественных классов должны быть воспитываемы в школах разного типа, утверждает касту и делает народность недостижимой. Обычно это не что иное, как глубокий снобизм. Вы не можете образовать народ, воспитывая его на классовых предрассудках и утверждая классовые различия.

Можно сказать, что способ образования, даваемый в начальных школах, должен был дан в лучших методах и установлен так, чтобы образовать всего человека — тело, разум и дух. Но это препятствуется многими несовершенными условиями и не очень-то продвигается. Удалите эти неудобства, и получится образование, пригодное для ваших будущих граждан, которое даст им более полную и лучшую жизнь".

Не знаю, сошлись ли бы мы с педагогом-председателем во всех деталях, но основная его мысль должна быть близка всему миру. Действительно, школьное образование в сущности своей не должно привязывать учащихся только к прошлому, но должно делать их вполне вооруженными, чтобы светло встретить улыбку грядущего. Как раз эту мысль утверждали мы в советах нашему Институту объединенных искусств и Международному центру искусств.

Самое страшное — это повернуть голову человека назад, иначе говоря, удушить его. В старину говорили, что дьявол, овладевая человеком, всегда убивает, повернув его голову назад. То же самое выражено и в обращении жены Лота в соляной столб. Она вместо того, чтобы устремляться в будущее, все-таки обернулась назад и мысленно, и телесно окаменела. Та же мысль выражена и во множестве других убедительных образов. И несмотря на все, в практике жизни и в школьном образовании она никогда почти не применяется.

Следует приветствовать каждый голос, который так или иначе устремляет нас в будущее. Также справедливо говорит английский педагог, что начальное образование, конечно, должно быть единообразным. Так же точно единообразно от младенчества нужно закладывать в юные сердца светлые основы прошлых достижений, но в устремлении их в грядущее. Истинный сын своей страны тот, кто хочет ее улучшения и

совершенствования, который понимает, что без совершенствования будет лишь отступление и регресс. Или двигаться вперед, или отступать. Стоять на месте невозможно, это сказано и повторено.

Главное же — нужно взаимно утвердиться в доброжелательных поступательных намерениях. В подробностях всегда можно сговориться. Если человеку от малых лет будет внушена светлая терпимость, он всегда найдет основу уважения к своим сотрудникам. Стоит лишь восчувствовать эту общую созидательную и поступательную основу, как и все прочие проблемы покажутся лишь техническими подробностями.

Мне уже приходилось не раз отмечать прекрасные суждения педагогов Америки, Индии и Европы, произнесенные во время всевозможных съездов и конвенций. Также приходилось горестно отмечать все те утеснения, которые так часто выпадают на долю учителей. И в этом нужно найти общий фронт, чтобы преобороть всякие темные трудности.

Английский педагог правильно замечает о том, что не только формальное законодательство должно быть изменено, но должны произойти и благие перемены в самом сердце, в сердечных чувствованиях. Без этих здоровых сердечных устремлений каждая законодательная форма останется лишь мертвым грузом. Но чтобы могло совершиться это чудесное изменение самого сердца человеческого, нужно всем, кто мыслит о культуре, — всем нужно объединиться и поддержать друг друга в светлом образовательном движении.

Общественное мнение нужно воспитывать и образовывать. Общественное мнение закладывается в школах, от первых школьных занятий. Итак, если все учителя мира помыслят о том, что так неотложно нужно всему человечеству, то и построится тот храм общественного мнения, тот Музейон всех муз, который всегда будет светлым маяком для ждущих, ищущих и совершенствующихся.

Привет английскому педагогу, привет всем учителям, идущим к той же вершине труда, терпимости и совершенствования.

31 Мая 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

Врата в Будущее

Качество прочности всегда будет очень показательным для эпохи. В конце концов, наверное, никто не хочет нарочно понижать качество. Оно снижается от окружающего несовершенства. Это снижение начинается очень незаметно. Иногда оно происходит под предлогом каких-то якобы усовершенствований. Среди многих других отступлений от прочности бросается в глаза вопрос прочности художественных материалов, делающих недолговременными творческие достижения.

Не нужно быть художником или специалистом-химиком, чтобы, проходя картинные галереи, не заметить печальных изменений красок на картинах прошлого и текущего века. Страшное впечатление производят клеенкоподобные, безобразно растрескавшиеся полотна. Точно бы какие-то кандалы наложены на живопись в кругообразных и продольных трещинах. Это уже не благородное кракле[87] старых голландцев. Это не золотистая патина[88] древних лаков, но какая-то черно-печальная вуаль, закрывающая навсегда человеческое творчество.

На других картинах мы видим новые проступившие очертания. Некоторые скачущие лошади оказываются на восьми ногах. Бывали случаи, что темная фигура на светлом фоне оказывалась светлою на черно-коричневом фоне.

Там же, где накладывались густые слои краски, они отпадали целыми пластами, производя непоправимое разрушение. Вообще, сравнивая живопись разных веков, каждый увидит, что живопись прошлого столетия оставляет необыкновенно тяжелое и темное впечатление вследствие разложившихся масляных красок.

Много думали над этими злосчастными масляными красками. Постоянно выходили зазывные объявления о каких-то новых, особо прочных масляных красках, но на деле они оказывались такими же дефектными. Художники, приходя в отчаяние от этого несовершенного материала, естественно, начали искать более благоприятный исход и вновь обратились к так называемой темпере, к яичным краскам и к комбинациям клеевых порошковых красок.

Хотя все эти способы вызывали многие неудобства и требовали затраты времени на приготовление, но все-таки в них была находима та свежесть красок, которая навсегда отличила светоносные примитивы. Конечно, в результате все должно изменяться. Это лишь вопрос времени. Но все-таки приятнее сознание, чтобы картины обращались в сны, нежели в черные

сапоги. Мы видим даже прекрасно сохранившиеся пастели восемнадцатого века. Видим многие прекрасно сохранившиеся фрески. Значит, главный дефект масляных красок будет или в маслах, или в неразборчивом сочетании совершенно ненужного множества ненатуральных тонов. Известно, что некоторые художники употребляли огромное количество всевозможных красок. Накладывали их, почти не смешивая, но в непосредственном соседстве, и таким порядком реакция несоединимых веществ все-таки происходила. Также известно, что для скорейшего просыхания художники употребляли всевозможные сиккативы, а предварительный рисунок фиксировали самыми вредными по составу фиксативами.

Последнее время часто для фиксатива употреблялся денатурированный или вообще недоброкачественный спирт и шеллак низкого качества. Если же сложить вместе все вредящие обстоятельства, то опять-таки даже не специалист поймет, насколько пагубны должны быть все эти неразборчиво употребляемые материалы.

Поэтому совершенно естественным является последнее желание художников по возможности упростить материалы и работать лишь испытанными комбинациями. В этом смысле прекрасно помогает изучение итальянских и нидерландских примитивов, дошедших до нас в лучшем виде. Они же помогают и понять процесс техники, особенно же в тех картинах, которые дошли до нас неоконченными. Таких неоконченных картин, волею судьбы оставшихся в процессе работы, имеется довольно много, и можно на них особенно четко видеть, как именно производилась работа. На таких картинах, например, Ван Эйка, можно наблюдать, как безошибочно накладывалась краска, как постепенно наносились очень четкие последующие контуры и картина доводилась до изумительного для нас совершенства в ясности мысли и твердости руки.

Не видно на этих картинах, чтобы тональные искания производились тут же, на той же самой тщательно подготовленной доске. Творчество выявлялось в простоте и ясности. Художник определенно знал, что он хотел дать и как он хотел это выразить. Конечно, эта же ясность творчества не вовлекала художника в какие-то ненужные сложные красочные смешения. Ведь звонкость и певучесть тонов вовсе не оттого, чтобы противоестественно смешивать и растительные и минеральные вещества, но от того сочетания, которое так верно определили в своем обиходе французы словом "валер".

В своей биографии Стравинский вспоминает справедливые слова Римского-Корсакова о том, что есть композиторы без рояля

и композиторы у рояля. То же самое нужно сказать и о живописцах. Одни хотят решать тональные задачи в поисках на том же окончательном холсте. Другие же решают эти задачи внутренне, четко вообразительно и поют свою красочную песнь уже в знании мастерства.

Старые итальянцы и нидерландцы, творя свои незабвенные художественные образы, решали их в себе вообразительно и затем пели свою красочную песнь ясно и четко, и просто. В этом сочетании и заключалось настоящее мастерство.

В настоящее время видим, что многие молодые художники устремляются к этим ясным и отчетливым воображениям-воплощениям. В таких стремлениях они, несомненно, избегнут того могильно-черного впечатления, которое навсегда нависло над многими картинами прошлого столетия. Ясность творчества и развитое воображение позволят художнику ограничиться и простейшими материалами. В этих сравнительно простых материалах бывали запечатлены величайшие творения.

Приходилось наблюдать, какими простейшими средствами хорошие иконописцы и посейчас достигали отличных результатов. Конечно, от них все-таки ускользали некоторые старинные качества материалов. Так, например, качество олифы для покрытия написанного имело огромное значение. Каждый хороший иконописец, помимо современно приготовленной олифы, имел у себя драгоценный сосуд, содержавший некоторое количество старинной олифы. Мастер собирал ее со старинных испорченных икон, зная, что ничто не даст такую проникновенную золотистость, как эта вековая олифа.

Казалось бы, состав олифы более или менее был известен и даже упоминается в старинных наставлениях. Но все-таки каждому бросилась бы в глаза очевидная разница между новейшими материалами и этими же старинными. Думают, что само время влияло на сочетание материалов, но другие полагают, что мастера имели свои тайны, с которыми они расставались весьма неохотно. Последнее предположение тем более не лишено основания, что многие иконописные советы писались условною "тарабарщиною", которая свято хранилась в роду. Из итальянских хроник знаем, что масло и другие материалы десятками лет хранились в монастырских скрынях прежде чем выпускались в работу.

Уже приходилось высказывать недоумение, почему так легко подвергают в настоящее время картины исследованиям вновь открытыми лучами, не зная, какие следствия в годах повлечет за собою такой опыт. Если мы говорим об охранении памятников культуры, то наибольшее внимание и во всех технических

отношениях должно быть проявлено.

Недавно пришлось читать, что некий художественный педагог, рассматривая картины своих учеников, воскликнул: "Действительно, не нужны прочные краски!" Такое пессимистическое восклицание не должно быть вообще произносимо. Во все времена были и мастера, и ученики ¬были все стадии нарастания работы. Но мастер с первых же начальных работ твердил своим ученикам об элементарном качестве материала. Мастер устанавливал стройность художественного образования во всем. Ученики являлись как бы его детьми и очень часто жили вместе, укрепляя общие основы жизни. Творчество и жизнь так нераздельны. Понявший строй жизни, вошедший в ритм созвучий, внесет те же основы и в свою работу. Во имя стройных основ жизни он не захочет сделать кое-как. В браваде невежества он не будет самомнительно относиться к тому, о чем он не знает. Мастер формировал из своих учеников людей.

Люди, понявшие обязанности и ответственность, знают, что такое есть качество, проявленное и в воображении, и в технике. Осознание качества принесет с собою и доброкачественность техники.

Вполне понятно, что и в художественной, и в общей литературе вопрос качества материалов является таким насущным. Если писатель будет знать, что чернила, запечатлевшие его творчество, должны исчезнуть через несколько мгновений, это не будет поощряющим обстоятельством. Также и во всех прочих областях, если люди думают о будущем, они естественно должны думать о всех тех качествах, за которые в будущем не придется стыдиться. Доброкачественность мысли, доброкачественность воображения, доброкачественность в исполнении — ведь это все та же доброкачественность, или врата в будущее.

1 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Великий облик

Когда великие облики доходят до нас из глубокой древности, они воспринимаются как-то особенно легко. Даже облекаясь в мифы и легенды, они становятся легко убедительными. За завесою времени — все возможно. Писатели и художники всех веков будут посвящать этим далеким обликам свои лучшие вдохновения. Целые поколения будут вдохновительно водимы этими далекими героями и героинями. Никто им не завидует, никто не думает о том, как достигались эти подвиги — остаются лишь памятные вехи человеческого восхождения.

Не так-то бывает в близком прошлом, уже не говоря о настоящем. Возьмите описание недавно прошедших больших людей. Сколько в них будет отмечено ненужного, нехарактерного, которое лишь покажет, что окончательная сущность их бытия еще не взвешена и не оценена. Непременно будут вводимы самые сомнительные, самые малодоказанные подробности, из которых будут сделаны, если не вполне отрицательные, то по возможности умаляющие выводы.

В веках, конечно, весы прошлого уравновесятся. Народный суд уберет многое, что сорило глаза ближайших зрителей. Суду веков ведь не нужно непременно умалять. Даже на расстоянии каких-то ста лет мы видим, что очень многое самосильно приходит в равновесие. Еще не истлели печатные листы, на которых большие личности были засоряемы и оплеваны. Не только в памяти дедов, но воочию можно видеть, насколько жестоко и несправедливо издевались люди над теми явлениями, которыми уже через неполное столетие их же страна, да и весь мир справедливо гордится.

Не будем называть тех писателей, поэтов, ученых, общественных деятелей и вождей, имена которых и весь их облик преобразились в общественном понимании за самое короткое время. У каждого имеется в запасе множество таких примеров. Современные нам люди называют невежественных оценщиков самыми тяжкими именами, но подчас сами же они недалеки от таких же деяний. Не раз указывалось, что словари и энциклопедии в каждом своем издании должны менять свои оценки. Можно бы назвать ряд великих имен, которые в оценках энциклопедий от шарлатанов и смутьянов дошли до самых почетных отзывов. Такие метаморфозы можно наблюдать даже в течение одного поколения. Разве это не замечательно для истории человеческого мышления?

Трудно сказать, по каким причинам происходит это

несомненное явление. По злобе ли, по зависти, по невежеству или по какой-то непростительной тупости и лености? Кто-то даже выдумал престранную пословицу: "Брань на вороту не виснет". Думается, что выдумал это странное речение, наверное, какой-то ругатель, чем и хотел как бы оправдать свои особенности.

Иногда доходит до таких нелепостей, что каждая попытка дать доброжелательное суждение, хотя бы и обоснованное, уже является чем-то несовременным и недопустимым. В то же время всякая, хотя бы клеветническая критика и извращения будут заслушаны спокойно и даже с внутренним одобрением.

Между тем сколько прекрасных, истинно великих обликов проходят в поучение человечеству вовсе не в каких-то седых веках, но тут, совсем близко. Казалось бы, эти облики своею осязаемостью и реальностью должны бы еще более воодушевлять многих. Но это случается так редко.

И не только в каких-то официальных представительных должностях, но в скрытой жизни сияют незабываемые вдохновляющие облики. И лишь немногие понимают все их глубокое значение для человечества. Когда-то и как-то и эти весы справедливости придут в равновесие, но все же странно, что люди сравнительно так мало пользуются тем, что уже им предоставлено, щедро дано и могло бы быть широко использовано.

Проходят прекрасные женские и мужские облики — истинные создатели культуры и, казалось бы, ценно их знать уже теперь же, без непостижимого и ненужного откладывания в архивы и скрыни для нарастания в народном воображении.

Вот в жизни проходит замечательный великий женский облик[89]. От малых лет девочка тайком уносит к себе тяжелое, огромное издание Библии. Склонясь под тяжестью непомерной ноши, она украдкою от больших уносит к себе сокровище, чтобы смотреть картины и, научась самоучкою, — уже читать заветы. Из тех же отцовских шкафов не по времени рано уносятся философские сочинения, и среди шумного, казалось бы, развлекающего обихода самосоздается глубокое, словно бы давно уже законченное миросозерцание. Правда, справедливость, постоянный поиск истины и любовь к творящему труду преображают всю жизнь вокруг молодого сильного духа. И весь дом, и вся семья — все строится по тем же благодатным началам. Все трудности и опасности переносятся под тем же несокрушимым водительством. Накопленное знание и стремление к совершенству дает непобедимое решение задач, ведущее всех окружающих по единому светлому пути. Болезненно ощущается всякое невежество, темнота и злоба. Где только

возможно, происходят целения и физические, и духовные. Жизнь становится от раннего утра и до вечера истинно трудовою — и все на пользу человечества. Ведется обширнейшая корреспонденция, пишутся книги, переводятся многотомные труды и все это в удивительной неутомимости духа. Даже наитруднейшие обстоятельства побеждаются истинною верою, которая уже делается прямым чувствознанием. А ведь для такого знания нужны были удивительные накопления. Такую неустанно трудовую жизнь в подвиге каждого дня, в доброжелательстве и строительстве нужно иметь перед собою всей молодежи. Когда известны все трудности, среди которых протекает такая вдохновенная работа, тогда особенно ценно знать об этих неустанных продвижениях. Ведь часто кто-то думает, что нечто уже непобедимо, что добром зла не перешибешь. Вот до каких заблуждений иногда доходит смущение человеческое. Но тут-то и важны действительно жизненные примеры. Можно радоваться, когда такие примеры имеются и ободряют всех начинающих строителей жизни.

Лишь бы знать все это. Лишь бы вместо сомнений, отрицаний и отступлений идти вдохновенно в труде ободряющем. Кто-то удаленный и заброшенный, как он о себе, думает, может узнавать, как через все препятствия, через все препоны тьмы тут же, недалеко от него, была проносима чаша нерасплесканная. Сколько новых сил, а вместе с ними и новых возможностей притечет. Сколько темного ночного бездумья сменится мыслями о творчестве, о строительстве, которое возможно во всех фазах жизни.

Разве непременно нужно быть сожженной, подобно Жанне д'Арк, разве непременно нужны эшафоты там, где ценно именно движущее, ведущее слово и пример труда? Рано или поздно человечеству все-таки придется отучиться от всего задерживающего, мешающего и огрубляющего. Тот, кто сумеет найти наибольшее количество добрых знаков, тот выполнит наиблагороднейший марафон. Истинный марафон не в стоянии на одной ноге, но именно в нахождении наибольшего количества добрых строительных знаков. В этих знаках будет найден и тот настоящий мир, о котором неустанно молятся во всех церквах.

Для собирания этого истинного мира нужно много бережливости, заботливости и доброжелательства. Неужели твердить о доброжелательстве будет лишь чем-то отвлеченным и неприложимым? Неужели же какие-то дико-звериные сердца все-таки восстанут против каждого строительного благожелательства? Не может этого быть. В каждом живущем, в сердце должен же быть какой-то общечеловеческий, добрый

подход. В подходе добром различатся и великие добрые облики и оценятся дела по справедливости.

2 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Нерушимая стена

Нерушимая Стена Киево-Софийская стоит и будет стоять. Все-таки Нерушима! Кто не помнит эту Киевскую Святыню во всем ее византийском величии, ее молитвенно поднятые руки, иссиня голубые одежды, красную царскую обувь, за поясом белый плат, а на плечах и на голове три звезды? Лик строгий, с большими открытыми глазами, обращен к молящимся. В духовной связи с углубленным настроением богомольцев. В нем нет мимолетных житейских настроений. Входящего во храм охватывает особо строгое молитвенное настроение.

"Богородица — Нерушимая Стена!" В произнесении такого народного названия, этого клика веры, вспоминаются и другие такие же храмы и изображения, неотъемлемые от смысла Руси. И в Печерском храме, и в Златоверхо-Михайловском монастыре, и в монастыре Кирилловском, и во многих других храмах были такие величественные изображения, большею частью не дошедшие до нас среди всяких смятений.

Из текста Киево-Печерского патерика знаем, что Печерский храм окружен особенными обстоятельствами, крайне значительными как с религиозной, так и с бытовой стороны. Основание этого храма восходит к Царьградскому Влахернскому храму.

"Сама Богородица Влахернская послала в Киев мастеров, дав им на местную икону мощи Святых и золота. Она избавила от потопления на море варяга Шимона. Она, раньше потопившая варяжские ладьи Аскольда и Дира. Она же избавила его от гибели на поле битвы с тем, чтобы по гласу от Распятия он шел в Киев и отнес венец золотой и пояс с отцовского Распятия строящемуся храму Богородицы в Киеве. Антоний и Феодосии встречают приходящих из Царьграда мастеров и варяга Шимона с дарами. Сам Святослав копает ров для фундаментов церкви, размеры которой обозначены золотым поясом от Распятия, принесенным Шимоном. Сама Богородица дает название церкви: "Богородичина будет церковь". И желает придти на Русь, чтобы видеть церковь — "в ней же хощу жити".

Печерский храм был посвящен празднику Успения Пресвятой Богородицы. А Влахернский храм по гробу Пресвятой Богородицы назывался "Святым Гробом". Начиная с эпохи Владимира Святого, на русской почве начинают пользоваться особенным значением именно Успенские храмы Пресвятой Богородицы. Соборный Киевский храм, знаменитая Десятинная церковь, была посвящена Успению Богородицы и имела наместную икону Пресвятой

Богородицы. Как передает Нестор в житии Святых Бориса и Глеба, Святой Глеб перед бегством из Киева идет в Десятинную церковь "и ту пад поклонися со слезами и целовав Образ Святые Богородицы ти тако изыди из церкви".

За Десятинною Успенскою церковью последовал Успенский Печерский храм, а за ним и в полной зависимости от него Успенский храм в Ростове, выстроенный по мере с повторением всей росписи Успенско-Печерского храма Владимиром Мономахом, и подобный же храм в Суздале, выстроенный Георгием, сыном Владимира Мономаха. Во Владимире и в селе Боголюбовом возникают два Успенских храма Пресвятой Богородицы, выстроенные Андреем Боголюбским, затем Успенский храм в Звенигороде и в Москве, выстроенный Иоанном Калитою, как бы заканчивают собою традицию главенства Успенских Богородичных храмов в великих княжениях. Эта традиция восходит через посредство Печерского Успенского храма к почитанию знаменитого Царьградского Влахернского храма", — так справедливо замечает профессор Айналов.

Вспоминая о знаменитом Печерском храме, нельзя не остановиться на знаменательном рассказе Киево-Печерского патерика о построении храма. Патерик повествует: "Преподобный же Алимпий предан бысть родителями своими на учение иконного писания, егда бо гречестии писцы из Царя-Града Божием изволением и Пречистыя приведены быша нужею писати церкве Печерские, в дни благоверного князя Всеволода Ярославича, при Преподобием игумене Никоне, яко о сих сказано есть в послании Симонове, еже показал еси Бог и створи чудо страшне в церкви своей. Мастером бо алтарь кладущим и Образ Пречистой Владычицы нашей Богородици и Приснодевы Марии сам вообразися, всем же сим внутрь сущим алтаря, покладываху мусиею, Алимпий же бе помогая им и учася. И видевше вей дивное и страшное чудо, зрящим им на Образ, се внезапу просветися Образ Владычици нашия Богородици и Приснодевы Марии паче солнца: и, не могуще зрети, падоши ниц ужасни, и мало возоникше, хотяху видети чудо.

И се из Уст Пречистыя Богоматери излете голубь бел и летяще горе к Образу Спасову и тамо скрыся. Сия же вей смотряху, аще из церкове излетел есть. И всем зрящим, и паке голубь излете из уст Спасовых и леташе по всей церкве, и к коемуждо Святому прилетая овому на руце седая, иному же на главе, слетев же долу, седе за иконою чудною Богородичною наместную. Долу же стоящие хотеша яти голубь и стояху вей зряще к иконе и се паке пред ними излете голубь из уст Богородичен и идяше на высоту к образу Спасову: и возопише

горе стоящим: "Имете и". Они же простроша руке хотяху яти его. Голубь же паки взлете в уста Спасовы, отнюду же изыди. С ними бе и се блаженный Алимпий, видев летел Святого Духа, припевающу в той Святой честней церкве Печерской".

Такою трогательною, чудесною памятью овеяны стены Печерского храма. Немало и других летописных и писательских показаний говорит нам о высоком благолепии храмов древней Руси, в которых так замечательно претворились наследия Византии, Романского стиля и всего Севера. Традиция Богородичных храмов напоминает и о величественном явлении из жития Преподобного Сергия Радонежского и о так называемой иконе Казанской Богоматери и о Всех Скорбящей, обо всем так пламенно овеянном народным почитанием.

Множество храмов Богородичных, множество часовен, множество киотов Владычицы Небесной "на столбах при путях" стали по всему лицу земли Русской.

В трудах академика Кондакова собраны многие варианты этих почитаемых народом изображений. Когда задумывался храм Святого Духа в Талашкине, на алтарной абсиде предположилось изображение Владычицы Небесной. Помню, как произошли некоторые возражения, но именно доказательство Киевской "Нерушимой Стены" прекратило ненужные словопрения. Тот же памятный нерушимый облик дал основу и для мозаики храма Голубевых под Киевом. При написании эскиза возобновились в памяти многие сказания о чудесах, связанных с именем Владычицы.

В этих народных сказаниях проявилась та необычайная трогательность, которая создала и ту историческую русскую традицию, о которой замечено выше. Жаление, любовь, милосердие и скорая помощь — все соединено народом в этом облике. Именно Она и есть Сторучица, скоро помогающая. В Дарджилинге местный доктор показывал мне старинную икону, которую он возит всегда с собою и не раз накладывал на больных, принося им облегчение. Икона оказалась Скоро Помогающей, о чем доктор и не знал. Ему же она дана каким-то неизвестным ему путником.

Итак, на всех путях встает тот же Великий Лик и "знамо и не знамо" творит добро великое. Та же "Нерушимая Стена", то же Благовещение, которое говорит о помощи и о радостях, щедро рассеянных по лицу Земли. Нерушимая Стена.

3 Июня 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Фредум

Так называлась во Франкских законах пеня за нарушение мирных условий, так сказать, "деньга мира", или "цена мира". Наряду с другими пенями, как-то: "цена человека" или "цена крови", или "цена мести", со всеми этими вергельд и файда, деньга мира приобретает особо знаменательное значение.

Люди, уже обусловившие нарушение мирных условий, тянулись к правовым, нравственным нормам. Не мешало бы и сейчас, среди всяких разветвлений международного, уголовного и гражданского права, опять вспомнить краеугольный вопрос о нарушении мирных условий. Такая норма могла бы внести в обиход опять многие суждения о мире. Все хотят мира. Но многие хотят его вовсе не мирными путями. А ведь мир не может строиться на чьем-то унижении, умалении и на самовозвеличивании.

Конечно, во всем и всегда должно быть охраняемо человеческое достоинство. Люди должны не только осознать, но и полюбить понятие достоинства, чести и подвига. Эти качества не должны быть отвлеченными лишь на сцене или на страницах романа. Они должны быть проявлены во всех подробностях обихода. Они должны жить, ибо лишь жизненное будет убедительным.

Приходилось не раз слышать, что понятия чести и достоинства в настоящее время являются уже пережитками. К понятию о чести непременно припоминались какие-то дуэли, кровавые поединки и взаимные оскорбления. Что же общего имеет честь с кровавым поединком? Конечно, сознание может перерастать непременно цену крови. Ведь и праведный суд вовсе не должен быть соединенным с хождением по раскаленному железу. Совершенно недопустимо соединять всегда живые понятия с какими-то средневековыми условностями.

Весьма вероятно, что боязливое мышление не решается включать в современную жизнь многое, как бы запятнанное суевериями и всякими предрассудками. Но разве достоинство человеческое, разве честь может быть включаема в разряд предрассудков? Так же точно каждое охранение мирных условий не будет ни боязливостью, ни суеверием. В каждом проявлении этого благородного намерения уже будет заключаться то миротворчество, которое заповедано во всех основных законах.

Отступление от миротворчества, всякое нарушение мирных условий, конечно, уже противоречит людскому строению. Если человек "дзоон политикой", то в этом общественном строении

прежде всего должно быть заложено почтение ко всем мирным условиям. Это не импотентный пацифизм, но мужественное и сознательное охранение достоинства, будет ли оно в пределах очага, или рода, или государства. Может ли идея охраны достоинства быть немирной? Вполне возможна мирная стража, дозор во имя мира, но дело-то все в том, что в сердцах этого дозора должен пребывать мир. Этот высокий мир будет не злоумышляющим соседом, но, наоборот, он будет соседом добрым, который по чести знает границы свои.

Завоевательство, поистине, стало тоже средневековым понятием. Можно убедить человека по чести, по разуму, по сердцу, но всякое насильственное завоевание всегда останется на определенных страницах истории человечества.

Убеждение по чести и по достоинству, оно должно быть возможным, если человек действительно существо общественное, а не дикий зверь. Но для этого, казалось бы, простейшего заключения, нужно испытать в себе все меры терпения и терпимости. Никто не говорит о самоуничижении, ибо сказано, что "самоуничижение есть паче гордости". Конечно, и на суеверии, и на ханжестве никакое понятие мира и чести не может быть построено. Если кто будет говорить о мире, наточив нож в сердце своем, то это будет нс мир, а лицемерие.

В Византийском Кенургии величавое изображение Никопойона было окружено надписями молений родителей за детей и детей за родителей. Самое интимное и сердечное было вынесено в холодно-официальные палаты. По истории Византии мы знаем, что такие надписи так и остались в пределах мертвенной условности. В холоде своем они никого не убеждали, и постепенный распад Византии может лишь подтверждать, что мертвое слово не имеет ничего общего с жизнью.

Сколько лицемерных надписей прошло по лику земному! Именно эти знаки лицемерия отвратили многих от истинного понимания великих основ, как мир, честь, достоинство. Тот, кто умел бы говорить по чести, он имел бы право говорить и о действительном мире. Ведь без чести и честности какой же возможен мир?

Пеня за нарушение мирных условий — это выражение чрезвычайно точное и обширное. В нем можно понимать не только нарушение общественной тишины, какое предусматривается полицейским правом. Можно иметь в виду нечто гораздо более обширное и необходимое.

Когда говорится об охранении Культурных ценностей, это тоже будет борьба против нарушения мирных уровни. Когда говорится против жестокости, это будет заботою о таких же

мирных условиях. Когда говорится о всем вредоносном для просвещенного бытия человеческого, это будет защитою того же прекрасного мира, понятие которого все же живет в глубине сердец.

О мирных условиях можно найти много речений в законодательствах Востока. От древних, от самых древнейших времен стоят перед нами облики великих законодателей, природных миротворцев. И в классическом мире можно указать многие стремления к тому же. Но не случайно вспоминаем фредум — норму франкских старых законов. Ведь преддверие к средневековью всегда почиталось временем особо темным. Но вот и из этой эпохи, наряду с "деньгою крови", уже приходит забота об охранении мирных условий.

В одном из прошлых писем мы говорили о мире всего мира, Для такого широкого и высокого понятия нужно соблюсти множество мирных условий, нарушать которые, даже с точки зрения первобытных законов, уже было бы преступлением. Не будем думать, что эти мирные условия живут только в каких-то государственных конференциях. Они живут во всех наших взаимоотношениях. Потому будем же стократно бережливы друг к другу. Будем знать и терпимость, и терпение. Если мы взаимно повторим эти основы несчетное количество раз, то это будет нелишним. Из этих мирных условий обновляется понятие чести и достоинства. Эти же понятия никогда нс будут пережитками, но всегда останутся в основе мудрой и просвещенной жизни.

Истинное сохранение мирных условий привлечет к себе и удачу, о которой так много говорят и так мало берегут ее. Разбить сосуд легче легкого. Но ведь склеенный он все же останется в ряду предметов поврежденных. Потому творите во всем неисчерпаемом творчестве сосуды цельные и прекрасные. Украшайте их лучшими помыслами и мысленно пожертвуйте их тому же великому миру всего мира.

4 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Летопись искусства

Не поскупимся выписать первую страницу курса Истории русского искусства, читанного профессором Айналовым на историко-филологическом факультете Петроградского университета в 1915 году. Обратите внимание, что эти слова сказаны в 1915 году.

"Я предпринял чтение настоящего курса по той причине, что убежден в важности научного знакомства с древнерусским искусством не только для студента-филолога, но и для всякого образованного русского человека. История говорит нам о деяниях, но часто за ее повествованием скрыты от нашего взора Культура и быт страны. И вот в то время, когда греческая и римская история преподаются параллельно с греческим и римским искусством и древностями, преподавание русского искусства и древностей опущено нашей университетской программой, не считается обязательным знанием для филолога с университетским образованием, а в русском древнем искусстве он не находит для себя важного дополнительного знания, способного пролить яркий свет на историю и быт древней Руси. Причины этому обстоятельству сами по себе понятны. Недостаточность штудии в области древнерусского искусства, неразработанность многих отделов наших отечественных древностей и искусства — вот главные причины тому, что древнерусское искусство не читается с кафедры. Кроме этой главной причины, есть и другая, имеющая основу в первой. Незнание своего древнего искусства повело уже издавна к ложному представлению о нем; в древнерусском искусстве видели, да и теперь еще многие видят лишь одно варварство, малопоучительное для русского человека, в особенности если поставить его наряду с искусством античной Греции или с искусством эпохи Возрождения.

Еще в 1866 году знаменитый Буслаев опровергал ложные представления о древнерусском искусстве как западных, так и отечественных ученых, почерпавших свои сведения из отзывов иностранцев о национальном русском искусстве. Так, например, в общераспространенном труде Карла Шназе "История образовательных искусств", сделавшимся классическим в известное время во всей Европе, равно как и у нас в России, и переведенном на русский язык, отзыв о русском искусстве стремится вызвать прямое враждебное недоверие и боязнь к России. Здесь мы видим и первобытную дикость нравов, и неспособность к восприятию христианских понятий, и

необозримые степи и болота, и трескучий мороз, и полярные ночи без рассвета, и титаническую борьбу с суровой природой и с дикими зверями, одним словом, все зверское, дикое и безотрадное, сгруппированное вместе, чтобы дать следующую характеристику нравов: "Отсюда смесь как бы противоречивых качеств: наклонность к покойному досугу и к возбудительным чувственным удовольствиям, способность к механической работе при недостатке собственных идей и возвышенных порывов, почти сентиментальная мягкость чувств при грубой бесчувственности, колебание между благодушием и суровостью, между раболепием и патриархальным чувством равенства…".

"Русские города кажутся Шназе безобразною смесью куполов и башен, и русская архитектура хуже магометанской. Архитектурные здания отличаются своею пышностью, пестротою, произволом и влиянием чуждых форм и воззрений; церковные образа ужасают своею мрачностью, они боязливо придерживаются первобытного предания в силу деспотизма князей, которые приказали писать иконы так, как писал их монах XIV века Андрей Рублев. В русском искусстве не нашло себе соответствующей формы глубокое настроение духа, проникающее всю жизнь и запечатленное чувством Божества. Божество является русскому в чувственных ужасающих формах. В Новгороде на одном изображении читалось: "Смотри, как ужасен Господь твой", этим вполне выражается чувство этого народа".

Такие же превратные суждения о русской Культуре и искусстве высказывают ученые Куглер и Эрнст Ферстер. К этому наш замечательный Буслаев справедливо замечает:

"Я вовсе не имел бесполезного намерения доказывать общеизвестную истину, что иностранцы нас мало знают, но полагал, что принять к соображению эти мнения будет не бесполезно для того, чтобы по достоинству оценить их отголоски в нашем отечестве и вместе с тем возвратить их кому следует по принадлежности".

Только подумайте, что всего двадцать лет тому назад профессор Айналов справедливо мог начать свой курс Истории искусств, как сказано выше. Поистине, несмотря на все происшедшее с тех пор, мы, русские, все же должны сказать, что История искусств наших все еще не написана.

"История искусств" Гнедича, "История русского искусства" Никольского, "История русской живописи" Бенуа, множество отдельных хороших статей по разным предметам искусства, наконец, неоконченный труд по Истории русского искусства под редакцией Грабаря — все это представляет отдельные части летописи Русского Искусства, все еще не сведенной в целое.

Все еще в разных странах мира появляются самые странные суждения о русском Искусстве и русской Культуре. Правда, становятся известными как отдельные течения искусства, так и отдельные личности, но все это остается и разрозненным, а главное, недоступно разбросанным. В результате же и посейчас можно видеть хаотические и вредно превратные сужения.

Что бы ни происходило в мире, какие бы ни наступали потрясения, но летопись Культуры должна протекать неприкосновенно. Истинные ценности человечества должны быть не только охранены, они должны быть рассказаны со всею справедливостью и обоснованностью. Ведь нс нуждаемся в легковесных восторгах и не засуживаем несправедливого, неосновательного оплевания. Каждое приближение к русскому Искусству, начиная от его древнейших периодов, для внимательного исследователя даст необыкновенно разнообразный и увлекательный материал.

Об искусстве ли думать? Да, да, именно об Искусстве и Культуре нужно думать во все времена жизни и в самые тяжкие. Во всех условиях нужно хранить то, чем жив дух человеческий. Для того же, чтобы хранить, нужно знать это сокровище, а для знания нужно изучать.

Ведь о блистательном творчестве, о вдохновенных творениях нужно при основательных знаниях найти и увлекательный, достойный этих сокровищ язык. Летопись искусства не будет только археологическим изданием, так же, как не будет поверхностным восхвалением или самочинным оплеванием. Здание такой летописи должно быть стройным, возвышенным, так как и самый предмет его в основе своей является предметом священным, вдохновляющим, возвышающим.

Как бы ни была трудна и сложна такая задача, но все же достоинство народа требует, чтобы всякая преднамеренная несправедливость была заменена основательным утверждением. Разве справедливо, что Культура, многогранная и увлекательная, творчество шестой части мира, нс рассказана во всем своем синтезе? На пятистах языках создавайтесь это творчество. Самые лучшие увлекательные образы древности вносились в него и усваивались в этом богатейшем конгломерате. Там, где есть что рассказать во имя справедливости, там оно должно быть сделано, несмотря на все кажущиеся трудности. Молодые исследователи искусства найдут в себе прекрасные слова и заключения, чтобы свести воедино сокровище, которым обладает великая страна.

Надобность такой справедливой летописи искусства во всем его многообразии становится очевидною перед лицом всего мира. Если же что-либо становится настолько очевидным, то найдутся и

средства к исполнению этой огромной задачи. Пусть еще одно благожелательное справедливое исследование — истинная летопись — осветит в глазах всего мира Искусство Русское.

5 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

Значительность

Уберегайте весь быт от всякого пустословия. Не совсем вижу, именно как переведете на разные языки это очень точное и многозначительное выражение — пустословие. На некоторых языках оно имеет равнозначащее слово, но на других пришлось бы выразить его описательно, а это всегда нежелательно.

Когда говорим о всяких многозначительных понятиях как добрых, так и темных, то подчас, наряду со словами страшными, вроде предательства, присоседится и такое, как бы малозначительное слово, как пустословие. Кто-то скажет: "Странно, если понятие пустоты может иметь значение, а тем более — вредительское".

Но пусть тот, нс вдумавшийся в сказанное им, раскинет умом, сколько подлинного вреда было нанесено не чем другим, как пустословием. Произносится это пустословие — "просто так", "просто сказалось", "просто зря". А выходит оно совсем непросто. Ведь "просто" есть хорошее слово, ибо всякая простота во всех приложениях уже хороша. Но то-то и есть, что произносящий эту лжесакраментальную формулу "просто так" — не имеет ничего общего с подлинною простотою, а ближе всего и чаще всего имеет отношение к невежеству.

Нередко бывает, что человек вспоминает самые грубо примитивные действия и помыслы и уверяет, что в них он чувствовал себя проще. Но ведь это не была простота — просто была одичалость. Таким порядком похуляется прекрасное понятие просвещенной простоты.

Особенно же часто всякие похудения произносятся среди бессмысленного пустословия. Из него же вытекает и сквернословие, вредительское осудительство и вообще всякое небрежение. Когда весь мир содрогается в смущениях и в судорогах, тогда особенно невыносимо всякое пустословие. Времени так мало. Не хватает мгновений на выражение самого нужного, самого значительного и неотложного. И эти драгоценнейшие неповторимые часы безумно растрачиваются на загромождающее пространство пустословие. Нередко так любят позорное пустословие, что называют его отдыхом. При этом говорится: "Не все же толковать о серьезном, просто поболтаем". А вдумайтесь в это поверхностное выражение "поболтать" и вы увидите, что оно не может в существе своем успокаивать, а будет вести к раздражению. Хорошо возмущать воду, если это имеет какой-то значительный, благой смысл.

Болтание почти противоположно смыслу, а все

бессмысленное, не будем доказывать, непристойно. Кто может сказать, когда из несерьезного произрастает серьезное? Кто возьмется судить, какое именно сорное семя быстрее всего заглушит бережливые посадки? Вряд ли имеется садовник, который наряду с бережливыми, полезными посадками будет также незабывно рассеивать семена сорняков. Такой пример, казалось бы, совершенно ясен, но в том-то и дело, что пустословие не считается сорняком. Сорные травы, сорняки, растут при грязных дорогах или около заброшенного жилья и всяких развалин, и навозных куч.

Если пустословие подобно сорняку, то и места произрастания его этим определяются совершенно точно. Пустословят на грязных дорогах, в обветшалом, пыльном обиходе. Пустословят от безделья, от невежества, от отупения. А ведь всякое отупение поведет к огрубению — к той самой ужасной грубости нравов, которая противоположна не только всякой Культуре, но и цивилизации.

В огрублении человек теряет и чувство справедливости, и соизмеримости, и терпимости. Начинается огрубение от очень малого, от почти неприметной распущенности, бравады, от допущения множества маленьких знаков, которые при зоркости и заботливости нс могли бы вообще произрасти. На произрастании злаков можно учиться многим знакам жизни. Посмотрите, как изумительно настойчиво вторгаются всякие сорняки, а там, где сорняки, значит, там место было уже чем-то опоганено. В этом обиходном примере можно запомнить всю психологию, а может быть, вернее сказать, физиологию пустословия. Коротко говоря, пустословие поганит бытие.

Во многих формах проистекает такое поганое пустословие. Оно засоряет семейный быт, оно ожесточает сердца, наконец, оно загрязняет само пространство, ибо всякий звук не только не умирает, но претворяется и далеко, и высоко. Бывает, что в семейном обиходе добровольно полагается штраф за произнесение бранного слова. Это хороший обычай. Нс мешало бы также добровольно устанавлять пеню и за всякое пустословие. Чем же можно обусловить пределы пустословий? Определить это совсем не так трудно. Если человек может формулировать, с какою именно значительною целью он нечто сказал, то это уже нс будет пустословием. Но если опять произойдет сакраментальное "просто так" или "я не подумал", то это будет в пределах пустословии, сорняка бытия.

Не молчальниками ли сделаться? Так, может быть. скажет человек, избегающий ответственности за говоримое им. Это было бы прежде всего трусливо, а всякая трусость уже будет

невежеством. Казалось бы, насколько много дано всем, настолько богато и щедро все земное и Надземное, что не хватит времени взаимно утвердиться в этих прекрасных дарах. От привычки будет зависеть, чтобы время нс тратилось на пустую болтовню и на безмыслие.

Возможно ли вообще состояние безмыслия? Поистине, заставить себя нс мыслить еще труднее, нежели заставить себя думать. Мысль сеть такое неотъемлемое постоянное условие бытия, что нужно какое-то неестественное опьянение, чтобы организм пришел в состояние комы.

Когда люди сызмальства приучаются к значительному собеседованию и постоянному мышлению, то в этом естественном состоянии они получают истинную радость. Жизнь их наполняется значительностью. Каждый день и каждый час они могут дать себе отчет, что нечто созидательное исполнено.

Не раз говорилось, что и само сонное состояние не сеть безмыслие. Во сне соприкасаются с тонким миром, во сне многому научаются и пробуждаются не только обновленными физически, как полагают, но и обогащенными духовно. Вероятно, многие замечали, что, засыпая с какою-то благою мыслью, они просыпались утром, мысленно твердя разрешение этой же мысли, очень часто в форме четкой и новой для них самих. Работа мысли безгранична.

Если эта область мысленной энергии так возвышенна и благородна, то имеем ли право засорять ее безмыслием и сорняком пустословия? Это само собою, казалось бы, понятно, но все же должно быть начертано на скрижалях каждого просветительного учреждения и во всем быту государственном, общественном и семейном. Сейчас время трудное. Тем более нужно осознавать, где притаилось все сорное и вредительское.

Маски притворства и лицемерия многоличны. Подлинность и простота должны быть применяемы во всем их настоящем ответственном значении. Это вовсе не отвлеченность, но та простая ответственность перед бытием, которая составляет долг каждого человека. И совсем нетрудно при исполнении этого высокого долга прежде всего отказаться от пустословия, от этого сорняка, от этого пожирателя ценностей времени. Один такой отказ уже внесет в жизнь ту значительность, которая созвучит со всем прекрасным, Надземным и Вечным. "О Ты, пространством бесконечный!"

6 Июня 1935 г.

Наган Куре

"*Нерушимое*"

Архивы

Всем памятно, что случилось в "Мейстерзингерах" с Бекмейстером, похитившим отрывочные записи Ганса Закса. Низкий ум похитителя хотел воспользоваться отрывочными заметками, механически склеил их и получил общественное позорное осуждение. Часто так бывает с использованием отрывочных записей, которых много остается во всевозможных архивах.

Мне приходилось не однажды разбирать частные и общественные архивы, и невольно являлась мысль: какое смущение умов произошло бы, если опубликовать все эти отрывочные, истертые жизнью заметки. Не только в частных письмах, но и в документах учреждений получается такое множество невольных криптограмм, что склеив их механически, можно получить сущую бессмыслицу даже там, где имелась в виду высокая общественная полезность.

Ужасно подумать, что исторические выводы нередко основываются на таких же случайных отрывках. Историк глубокомысленно замечает: "Летописец нс упоминает о том-то и том-то, значит, этого обстоятельства нс было" или "Посольство было принято в такой-то палате, значит, именно этому посольству была оказана исключительная честь". Можно приводить до бесконечности всякие такие условные выводы. На деле же оказалось бы совсем иное. Могло оказаться, что летописец нс вписал какое-то обстоятельство просто потому, что его позвали к трапезе в это время, а посольство было принято в важной палате, ибо в обычном помещении в это время производилась перестройка. Мало ли почему слагались иногда самые странные, труднообъяснимые в веках обстоятельства.

Лично мне известен случай, когда Высочайшее утверждение, посланное с курьером во дворец, последовало через три часа времени. Впоследствии исследователь мог бы заметить, что Государь настолько был заинтересован этим документом и настолько спешил с ним, что подписал его немедленно. На деле же эпизод выглядел совершенно иначе. Курьер, родственник личного камердинера Государя, передал портфель ему, а тот, заметив Государя на прогулке в саду, признал возможным немедленно поднести документ к подписи, и подпись была дана.

Из личных наблюдений можно бы привести многие факты, которые в глазах дальнего исследователя могли бы звучать совершенно иначе и могли бы вызвать глубокомысленные заключения. Вовсе нс хочу вдаваться в тему о значении случая в

жизни народов. Всем известны эпизоды, когда битвы выигрывались или проигрывались из-за насморка главнокомандующего. Так же точно известны потрясения государственные, происшедшие по глухоте какого-либо председателя совета. Мало ли что бывает. Мы вовсе не хотим заниматься опрокидыванием некоторых заключений исследователей, которым и без того приходится нередко изменять свое мнение перед лицом новых фактов.

Совсем о другом хочу писать Вам. Нужно хранить в большом порядке архивы. Не только в механическом порядке, но и наблюсти, чтобы нс оказалось в них каких-то случайностей, могущих вводить кого-то потом в заблуждение. Когда представляешь себе целые шкафы переписок, происходящих с разными странами, то можно себе представить, как некий историограф общественных течений будет поставлен в тупик перед этим огромным количеством иногда как бы разнородных устремлений и назначений. Кроме того, многие имена для сокращения пишутся уменьшительно или обозначаются одними буквами — сколько недоразумений может произойти от одного сходства этих букв. Потому следует в некоторых случаях, оставляя документ в архиве, сразу же пояснять, хотя бы кратко, обстоятельства, которые могли бы представить собою какие-либо затруднения в будущем.

Случалось видеть, как или в шутку, или злоумышленно иногда подставлялись отрывочные цитаты. При желании, конечно, можно даже из любого документа дать самое странное сочетание отрывков. Также следует не только на оригиналах, но и на всех копиях исправлять случившиеся описки. Помню, как однажды из-за одной буквы произошла крупная обида. Сабанеев был назван Сабакеевым и, конечно, навсегда усмотрел в этой описке умышленное оскорбление. Часто в оригиналах описки исправляются, а в архивных копиях они остаются, вводя кого-то в заблуждение. К этому же еще прибавляются опечатки, происходящие даже в правительственных приказах. Каждому из нас, наверное, памятны такие опечатки в приказах, которые могли порождать целые как личные, так и общественные затруднения. Примеры налицо.

Не думайте, что вдаюсь в излишние подробности. Наоборот, именно из кажущихся мелочей иногда вытекали неограниченные последствия. Особенно же теперь, когда в ходу столько международной переписки на разных языках и в весьма различном условном понимании. Так, например, в одном случае по настоятельной просьбе мне самому пришлось заменить в переводе слово, так мною любимое, — Культура — цивилизацией.

Но из этого не следует вывести кому-то, что для меня эти два понятия оказались равноценными.

Часто хранитель архивов сам по себе именовался чем-то архивным. А ведь это совсем неправильно. Именно в руках таких архивариусов находится вся живая история до государства включительно. Вместо механических складывателей на полку, заведующие архивом могут вести свои заметки, немедленно же поясняя всякие условности, неизбежные в переписке и делопроизводстве.

Помню и такой случай, когда документ оказался подписанным нс самим министром, но товарищем министра. Из этого было выведено заключение, что глава ведомства по какой-то причине уклонился от участия в этом деле. На самом же деле глава ведомства в этот день страдал сильной дизентерией и временно нс участвовал в делах. Помнится и другой эпизод, очень комментировавшийся, когда некий глава правительства скоропостижно должен был покинуть торжественный прием. Мало ли что бывает в жизни — ничто человеческое нс чуждо людям.

Главная цель этого письма, чтобы напомнить о необходимости высокого качества в хранении архивов. Нельзя, хотя бы кратковременно, допускать мысль, что завтра дополним то, что не захотелось сделать сегодня. Всякий признак лености и неповоротливости нужно изъять всюду, а тем более в таких обстоятельствах, которые могут вводить в заблуждение преемника. Если мы не имеем права растрачивать чужое время, то так же точно мы не имеем права по небрежности или лености вводить кого бы то ни было в заблуждение.

Ясность и четкость, и чистота достигается там, где вообще не допущена небрежность. А как приятно видеть эти качества всюду, как они очищают всю жизнь и заменяют ненужную сложность четкою, простою ясностью.

7 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Скорее!

"…Мне вообще хочется, чтобы все тяжкое и трудное, что стоит впереди меня и всего человечества, — чтобы все оно наступило скорее и чтоб единым духом все преодолеть для стремительного движения вперед, поскольку хватит сил. В прошлом и в настоящем много ужаса в мире. Чувствую, как сгущаются знаки кругом и как хочется крикнуть: "Скорее!". Больше и больше бунтует нетерпеливый дух. Не знаю, хорошо ли это".

Так пишет наш сотрудник, одаренный и вдохновенный. Его глаз, смотрящий по широкому горизонту, конечно, замечает все те нагромождения, от которых душно человечеству и хочется крикнуть: "Скорее!". Он же продолжает: "Говорят об усиленной заболеваемости. Недавно зубная врачиха удивлялась множеству воспалительных процессов. В Париже в конце мая — снег, в Токио — град величиною с двухкопеечную монету. Простой нехитрый мужичок недавно усиленно советовал моему знакомому уехать отсюда куда-нибудь, ибо — чует его сердце, что так надо. Всюду — смятение".

Не только зубные врачи, но и врачи глазные, горловые и легочные — все говорят о большом количестве каких-то воспалительных процессов. Конечно, сердечные заболевания и всякие напряжения особенно обращают на себя внимание. Сотрудник спрашивает: получили ли мы книгу об Апокалипсисе? Мы ее не получили, но много Апокалипсиса происходит вокруг. Если возьмем передовой лист каждодневной газеты, то разве не видно будет на нем апокалипсических знаков?

Только заведомо глухие и слепые не хотят видеть напряженность времени. А вот простой мужичок, как пишут, стремится хоть куда-нибудь уехать. Такое беспокойство сердечное всегда очень показательно. Все же более сознательные, конечно, не только хотят уехать куда-то, но определенно заклинают пространство кличем: "Скорее!". Они-то понимают, что без каких-то разрешительных процессов нарывы и гнойники не вскроются и зараза будет лишь углубляться, заражая весь организм.

Опытный хирург, усмотрев опасное состояние зараженного организма, тоже восклицает: "Скорее, скорее!", чтобы не допустить распространения заразы. Ведь он знает, что, если разложение достигло известных пределов, то его нужно немедленно прекратить. Если простой человек хочет просто уехать, хоть куда-нибудь, то в других сердцах это же мрачное предчувствие выражается подавленностью настроения. Кто-то

говорил: "Пусть все пропадет". Но наш сотрудник в силу своего строительного характера вовсе не хочет, чтобы все пропадало. Чутко и мудро он призывает: "Скорее, скорее!". Пусть операция будет уже в прошлом. Пусть явится еще одна возможность думать о будущем и стремиться к нему с обновленными грозою силами.

Люди разделяются на два типа в отношении восприятий грозовых явлений. Одни тупо боятся и молнии, и грома. Они готовы нелепо спрятаться, зарыться в подушки, заткнуть уши, лишь бы не слышать этих прекрасных грозовых разрядов. Другие же, наоборот, восторженно воспламеняются духом, когда грохочет гром и сверкает молния. И в этот момент они менее всего думают лишь о себе. В них нет мысли: ударит ли в них молния или нет. Но те, которые зарываются в подушки от космических явлений, они-то, наверное, где-то думали о себе, о своей "драгоценной жизни".

Представьте людей такого типа в бою и, наверное, вы увидите такую же растерянность и уклончивость. Они прикроются многими соображениями. Они скажут, что не идут вперед потому, что не имели времени обсудить, действительно ли им нужно подвергать себя опасности. Они не поспеют вовремя, ибо найдут многие причины, почему им пришлось опоздать. Они очень находчиво изложат причины, почему они уклонились от действия, от подвига. Вероятно, в сердце своем они будут негодовать на те обстоятельства, которые призывали их к подвигу. Извилисты пути всяких уклонений от добра. При этом не будут пощажены самые священные, великие основы. Если безумец может быть чрезвычайно находчивым и выносливым, если лунатик невредимо пройдет по узкому карнизу над бездной, то и безумие страха своеобразно преисполняет людей к такой же находчивости.

Но одно восклицание не будет у этих людей на устах. Они не скажут: "Скорее, скорее". Наоборот, они найдут всевозможные причины, чтобы промедлить. Конечно, по характеру своему они никогда не признаются в истинных своих побуждениях. Какие сказки и росказни будут придуманы, чтобы не только оправдаться, но даже и очернить все, что не боится молнии и смело зовет: "Скорее". Этот тип людей или по природе своей, по далекому бывшему, уже привел себя в такое состояние. Но иногда оно является подражанием тому, что безвольные люди видели с малых лет в окружающем быту.

Может быть, мать или бабушка, или дед боялись грозы. Или всякого передвижения. Может быть, ребенок видел, как кто-то от ужаса зарывался в перины или считал величайшим несчастьем переезд в новый дом. Сызмальства могли влезать в тайники духа

эти безобразия ужаса. Если же не было обратных примеров яркого мужества, достоинства и справедливости, то нередко дух слабый подпадал всем отрицательным явлениям. Просто складывались дурные привычки.

Во всех просветительных делах прежде всего нужно всеми разумными мерами отучать от дурных привычек. Часто кажущаяся маленькая дурная привычка имеет в основе своей глубокое заблуждение. Такие привычки, такие заблуждения прежде всего излечиваются личным примером. Если заболевший организм еще излечим, то каждодневным примером можно изъять из него опасные микробы разложения.

Пушкин даже в зрелых годах благодарно вспоминал свою старую няню, которая рассказала ему многие прекрасные, зовущие вдаль сказки. А разве каждая сказка не имеет в основе своей быль, но такую чудесную, что она уже кажется за пределами возможности?

Когда говорится: "Не делать жалобных выводов из-за промедления", — это будет значить, что промедления и не было и оно было лишь кажущимся для нетерпеливого духа. Ничего худого нет в том, что дух к добру нетерпелив. Наоборот, это очень хорошо. Также хорошо сознавать, что кто-то не одинок в тягостях житейских, сознавать постоянную заботливость, это уже будет тою радостью, которою, поистине, должны быть наполнены сумерки быта.

Когда кто-то вопиет в ясном предвидении: "Скорее, скорее", он уже знает, что, несмотря на всю суровость грядущего, оно проявит себя к добру, ко благу человечества. В таком "скорее" не будет безнадежности овцы, видящей нож над собою; наоборот, будет львиное устремление вперед, к подвигу, который как в земном, так и в надземном будет звучать тем же отважным торжественным призывом. Песнь песней. Песнь сердца! Именно в сердце рождается устремленный глас: "Скорее, скорее".

8 Июня 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Король Альберт

Новое сообщение из Бельгии. Король Леопольд прислал приветствие нашему учреждению в Брюгге и разрешил именовать его "В память Альберта 1, короля бельгийцев". Это наименование как нельзя более соответствует моим помыслам. С самого начала оформления нашего Пакта память о героической Бельгии и ее короле-рыцаре постоянно была и в мыслях и в упоминаниях.

Имя короля Альберта, весь его творческий подвиг во благо своей страны, его военное геройство, его широкие взгляды и глубокое доброжелательство всегда были для меня драгоценными. Поистине, радостно и в наши смущенные времена иметь перед собою такой ясный облик героя — рыцаря без страха и упрека, блестяще прошедшего всю свою жизнь в неустанных трудах к процветанию народа.

Знаменательно, когда Культурное, просветительное учреждение имеет такое прямое основание быть навсегда связанным с именем славного героя. Король Альберт находил время вникать в самые разнообразные нужды народного строительства. При всей своей огромной работе он всегда имел время заслушать и выразиться обо всем достойном.

В архивах нашего учреждения в Брюгге имеется вещественное доказательство благожелательства покойного короля к нашему Пакту. Председатель Тюльпинк справедливо поминает это обстоятельство в своем приветствии ко дню третьей международной конвенции в Вашингтоне. Вместе с нашим Бельгийским комитетом во всей радости сердца мы сливаемся в почитании незабвенного имени короля Альберта. Одушевляемся тем, что на щите учреждения будет это достойнейшее незабвенное имя.

Государства должны иметь полную возможность к тому, чтобы на щитах их учреждений, посвященных Культуре, были бы запечатлены имена их государей, их вождей, их глав, ведших народ по трудному и благому пути истинного преуспеяния. Счастливы те государства, которые в полной справедливости могут это сделать. Там, где по справедливости во главе всего может стоять имя государя, короля, вождя на всех путях жизни, там образуется импульс к следованию в грядущее.

Весть о безвременной кончине короля Альберта настигла нас в поезде около Генуи. Она показалась нам совершенно неприемлемой. Мы не могли вместить, чтобы уже ушел из мира такой герой, одно имя которого уже обязывало к утверждению подвига созидательства, которому покойный король так

беззаветно был предан. Ведь ушел не просто добрый, высокообразованный человек. Ушел герой, а героев сейчас так немного.

Человечество должно беречь своих героев. Также должно оно беречь и память о них, ибо в ней уже будет здоровое созидательное вдохновение. Жизнь уныла без героя. Тем ценнее, если такие герои не только имеются на страницах преданий, переходя в божественные мифы, но они оказываются посланными и в наше время. Они трудятся, создают и борются за благо в эти дни. Люди могли их видеть. Множество соратников могли ощущать прикосновение ободряющей руки и слышать зовущее слово. Не оставлены и наши времена. Имя короля Альберта останется в ряду этих несомненных героев, так нужных не только своей стране, но для чести и достоинства всего человечества.

Героизм — не самость. Героизм есть истинный альтруизм. В героизме живет и сияет самоотречение и самопожертвование. Слава сопутствует герою, но она является не умышленным надписанием, но естественным гербом его славного щита.

В марте 1914 года мною была закончена картина "Зарево". На фоне бельгийского замка около изваяния бельгийского льва на страже стоял в полном вооружении рыцарь. Все небо уже было залито кровавым огневым заревом. На башнях и окнах старого замка уже вспыхивали огненные иероглифы. Но благородный рыцарь бодрствовал в своем несменном дозоре. Через четыре месяца все уже знали о том, что этот благородный рыцарь, конечно, был сам король Альберт, охранивший достоинство бельгийского льва.

И еще раньше, когда мне приходилось бывать в древнем Брюгге, мы уже слышали столько задушевных рассказов о королевской семье. Старая кружевница, говоря о чудесных придворных кружевах, тут же сказывала и сердечное слово о самом короле, королеве, о их семье, такой простой, доступной, милой народному сердцу. Много знаков о Бельгии прошло передо мною. И не было в них ни разу какого-либо отемнения великого имени короля. Разве это не замечательно? Разве не знаменательно это для иностранца, который на путях своих мало ли что мог бы услыхать? Но можно свидетельствовать лишь доброе. И это будет нерушимой радостью, связанной с именем короля Альберта и его семьи.

И сейчас в пустыне Монгольской тоже является радость иметь возможность записать эти слова. Ведь в каждом добром начертании уже есть нечто зовущее, объединяющее и открывающее сердце. Мы должны быть признательны герою, который подвигом своим помогает нам открывать сердце и

дружелюбно посмотреть в глаза соседа. Вечная слава королю ¬рыцарю Альберту I.

9 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

"И это пройдет"

Вы поминаете мудрый совет царя Соломона: "И это пройдет". Вы пишете о том, что учитесь терпению. Находите многих учителей к тому. Все это так и есть. Если бы число учителей терпения даже умножилось во всех их разнообразных приемах, то скажите им искреннее спасибо. Без них, может быть не удалось бы найти такие многочисленные возможности упражнения в терпении.

Ведь все нуждается в упражнении. Требуются какие-то кремни, от которых могли бы получаться искры. Часто говорится о невозможности перенести что-либо. Всякий, не испытанный в терпении, конечно, может запнуться даже за маленькие ступени. Искушения терпения всегда будут и учебниками терпимости и вмещения. Ведь что же может быть плачевнее нежели человек нетерпимый, не умеющий вместить. Ведь вместить — значит понять, а понять — значит простить.

Нельзя предположить, чтобы решительно все могло бы быть прощено. Вряд ли Иуда в его злодейском предательстве может получить полное оправдание. Но сказано, что предательство так разнообразно в своем оперении. Если хотя бы малое перышко от предательства произрастает, опасность уже будет велика.

Испытание искренности также весьма поучительно. Искренность будет тою же самою ортодоксальностью, которая всегда необходима, лишь бы она была подлинною. Всякое лицемерие будет противоположно ортодоксальности. Ортодоксален тот, кто действительно прилежит основам добрым и устремляет все свое сознание, чтобы понять эти основы в их непреложной, первичной полноте.

Можно видеть, как в самые высокие положения иногда в веках вкрадывалась условность и чья-то нетерпимость. Но там, где нетерпимость, там легко могла зарождаться и злоба и осуждение. Множество величайших примеров нам указует, что самоотверженные подвижники не знали злобы, нетерпимости и всяких разлагающих невежеств. Следует идти тем путем, который так прекрасно рассказан в высоких обликах, ведущих человечество.

Перед Вами стоит образ Преподобного подвижника земли Русской Святого Сергия. Отовсюду мне пишут, насколько это ведущее, незабываемое для каждого русского сердца Имя сейчас возносится в разных частях света. Много светлых устремлений образуются около этого Водителя. Множество сердец, молодых и живых, звучат этим высоким примером, который в своей

неотвлеченности помогает на всех путях добрых и остережет от заблуждения.

Вы пишете, что учитесь терпению, но имея перед собою такой высочайший пример терпения, Вам легко при каждом взгляде на этот светлый образ преисполняться терпением несокрушимым. Сколько новых пониманий и расширений сознания принесет за собою водворенное терпение. Будет оно вовсе не страдальческим терпением, но светлою радостью вмещения и понимания.

Тепло и хорошо пишете Вы о близких Ваших. В письме Вашем не остается места для каких-либо осуждений. И это так хорошо и так нужно. Именно нужно, чтобы для осуждений и места бы не оставалось. Столько бы добра привлекло к себе внимание, что от искры этого блага тьма просто рассеялась бы. По апостольскому завету, конечно, оружие Света должно быть и в правой, и в левой руке, всегда готовое рассеять тьму. И мужество должно быть всегда налицо, чтобы не отступить там, где во славу добра можно совершить подвиг.

Слова "подвиг" почему-то иногда боятся и иногда избегают. Подвиг не для современной жизни, так говорят боязливые и колеблющиеся, но подвиг добра во всем всеоружии заповедан во всех веках. Не может быть такого века, такого года и даже такого часа, в течение которого подвиг мог бы быть неуместным. Добротворчество настолько необозримо, что во всех видах своих может быть выполняемо ежечасно. В своем неукротимом течении это благое творчество заполнит все время, воспламенит все помыслы, избавит от утомления. Заметив темные пятна, Вы всегда будете знать, что "и это пройдет". Чем сильнее будет водворено в сердце добротворчество, тем легче скажется мудрый завет о всякой тьме: "и это пройдет".

Конечно вы знаете, что пройти-то оно пройдет, но Вы приложите все усилия к тому, чтобы оно прошло скорее. Нельзя в доме хранить сор и хлам. От ветоши насекомые вредные разводятся. В чистоте нужно не позволить, чтобы где-то у порога образовались залежи грязи. Великое значение имеет порог, и вы знаете, как блюсти его. Всякие жители сидят у порога. Там же сидят и недопущенные торговцы духом, которые тоже в своеобразном терпении льстят себя надеждой, что может наступить час и для их входа. Но пусть этот час не наступит.

Для всего нужна бодрость. Проверьте все склады и доступы, которыми может наполнять вас светлая, молодая бодрость. Вы пишете, что откуда-то не получили ответа на ваше нужное, хорошее письмо. Вы думаете, что летнее время кого-то лишило дееспособности. Будем думать, что это так и есть. Но почему же летнее время должно лишать человека энергии, справедливости и

обязательности? Кроме того, неужели отдых может выражаться в безмыслии и в желании кого-то заставить ждать? Утрудить кого-то уже будет недостойным делом. Вы знаете, о ком и о чем говорю.

Скажите всем друзьям наш сердечный привет. Помогайте там, где можете помочь. Вливайте бодрость там, где только возможно. И сами будьте и добры и добротворны.

А трудностям всяким и препятствиям скажите с улыбкою: "И это пройдет".

10 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Доверие

Письмо Ваше говорит о доверии. Вы справедливо спрашиваете, как же, наконец, объяснить всем, всем, всем неотложную нужность доверия.

Вы понимаете, как доверие необходимо на всех созвучных путях. "Без согласия дом не строится", а согласие уже есть доверие. Если трудник в сердце своем знает о сотруднике, что тот делает именно так, как надо — это уже и будет знаком доверия.

Такое понятие, как доверие, нельзя выразить никакими наставлениями, а тем более указами. Его надо почувствовать. Или оно имеется налицо, или его нет. Если оно не зародилось, то ничем и никак вы его не надстроите. Всякое чувство строится на очень прочном сердечном фундаменте. Если фундамент не сложился, то вся постройка будет на сыпучем песке и не принесет ничего, кроме огорчения.

Доверие настолько есть чувство, что оно не нуждается в очевидности. Можно восчувствовать доверие к чему-то или к кому-то, никогда и не видев этого дела или это лицо. В своих обстоятельствах доверие похоже на убедительность. Совершенно так же убедительность является, как высшее видение, как непреложность. В ней есть и вера и сознание настоящей реальности. Те же самые обстоятельства непременно нужны при образовании доверия.

Элементы доверия настолько благотворны, что без них действительно нельзя себе представить никакую постройку, будь она земная или духовная. Доверие будет прочным цементом всякого духовного строительства.

Вы и сотрудники Ваши совершенно правы, озабочиваясь, как естественнее всего взаимно пребывать в доверии. Ведь можно вместе читать книги, можно вместе слушать лекции, можно обоюдно доброжелательствовать и все же не быть твердо уверенными в обоюдном доверии. Проверять доверие следует на всяких жизненных вопросах. Каждый должен спросить себя, может ли он совершенно быть спокойным за своего сотрудника, так же, как за самого себя.

Сказано: "Не желай другому того, что себе не желаешь". В полной мере это положение применимо в рассуждении о доверии. Также точно сотрудники должны быть обоюдно спокойными, поручая друг другу какое-либо добротворчество.

Если где-то зашевелится маленькое подозрение о том, сможет ли сотрудник выполнить поручение во всем высоком качестве, то это уже покажет, что доверия или нет или оно очень призрачно.

Конечно, нужно думать о доверии. В этих мыслях уже будет утверждаться возможность зарождения доверия. Когда Вы будете знать, и знать неотступно, насколько непременно нужно доверие при каждом общении, то Вы и будете анализировать свои чувства и мысленно обострите их в благую сторону.

Когда говорим про анализ чувств, мы не будем предполагать какое-то обдуманное мучительство чувств. Всякое такое насилование уже будет уродством, безобразием. Анализ чувств может быть лишь в утверждении их и в обнаружении их зачатков. Одно — обнаружить зачаток, а другое — насиловать и искривлять его.

Мы столько раз обменивались с Вами соображениями о значении и о силе мысли. Вот эту силу мысли и нужно обнаружить при Вашем благом устремлении к укреплению доверия. Не ищите его лично и в самости. Пусть оно цветет на непреложных фактах. Доверие не может расцветать на пустом месте и о пустом месте. Для него нужна действительность не предполагаемая, но доказанно осязаемая.

Иногда люди скажут: "Тут что-то есть таинственное". Это еще не будет осуждение. В просторечии таинственность является синонимом силы и убедительности. Иначе говоря, люди хотят сказать: "В этом что-то есть". Французы очень хорошо умеют характеризовать это нечто несказуемое, но действующее и существующее. Упоминаю о довольно излюбленном в обиходе слове "таинственность", как о примере, что некоторые своеобразные определения не противоречат понятию доверия. Также, если люди скажут: "Тут что-то неспроста" — это тоже будет своеобразным признанием.

Не однажды в литературе говорилось об обезьяньих ласках. Подобно же можно выразиться и о всяких своеобразных определительных, которыми люди иногда хотят выразить ощущение чего-то особенного. Ведь все неособенное у тех же людей не заслужит ни внимания, ни доверия.

Могут быть восстания против всего особенного. В страхе и в ужасе невежества кто-то захочет, чтобы все сущее стало бы неособенным, забывая, что тем самым он вычеркнул бы из бытия и возможности всех блестящих открытий, которыми сам же он так любит пользоваться. Какие-то изуверы в разных областях могут вопиять против всего особенного, иначе говоря, против всего, чего они не знают. Но это будут лишь пароксизмы невежества. Все же, находящееся на пути Культуры, отлично понимает, что неособенное есть смерть и тление, а особенное есть жизнь и преуспеяние. А разве сама жизнь в ее несказуемой тайне не есть высшая особенность?!

В построении доверия Вы проявите высшую меру доброжелательства. Помыслите в таком доброжелательстве, которое называется оптимизмом. Ведь границы между этими понятиями совсем неприметны. Сад прекрасный, рассадник доверия, будет прежде всего цветником оптимизма. Пусть себе кто-то ухмыляется. Можно привести из Пушкина, Гоголя, из Чехова многие примеры, когда в убедительных словах говорится о необходимости доверия и справедливости.

Прочно возрощенное доверие будет справедливо. Ошибки могут быть лишь там, где была какая-то неосмотрительность и небрежность. Дом, построенный крепко, и будет прочным, и будет служить надолго. Радостно, что Вы мыслите о том, что является прочным цементом для строения человечества.

II Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

Время

В Фатех-Пур-Сикри, в покоях супруги великого Акбара, еще различимы следы стенописи, такие возносящие мысль, столь объединительные. Многие возвышения мысли протекали под этим кровом. Сокровищница внешне безмолвная, но духовно красноречивая оставлена грядущим поколениям. Да сохранятся знаки места сего. Для кого-то они будут лишь полуистертыми остатками фресок, но внимательный глаз различит неожиданные, так много говорящие ищущему сердцу облики. Эти вещественные останки скажут и подтвердят догадки историков о том, как широко мыслили Акбар и его супруга — недаром около них выросло столько легенд, предположений и увлекательных сказаний.

Китайский путешественник VII века сообщает о том, что в городе Кушании, в долине Зарафшана, недалеко от Самарканда он видел "большое здание, где на северной стене были написаны красками портреты китайских императоров, на восточной — портреты турецких каганов и индийских владетелей, на западной — изображение царей персидских и римских". Это известие дает наглядное представление о мировой роли Туркестана, о необыкновенной широте международных связей и представлений. Может быть, ни в какой другой стране тогдашнего мира не было возможности к такой широте кругозора.

Во многих развалинах, в древних храмах, на так называемых "пустых местах", занесенных барханами, отыскиваются ценнейшие лоскутья папируса. На древних монетах, на украшениях читаются иероглифы жизни, так же широко задуманной и отображенной в великих символах. Внимательный глаз всегда рассмотрит не обедняющие, но умножающие знаки, донесенные нам с истоков человечества. В славянских церквах ¬изображения греческих философов. Нимбы над Лао-цзы и Конфуцием. Можно приводить множества примеров, исторических фактов, которые, наверное, лягут для будущих исследователей в новые расширяющие границы.

Обычно история доносит нам даже очень сложные движения народов в кратчайших обезличенных начертаниях. Лишь подготовленный к историческим процессам ум рассмотрит в кратких словах целые трагедии, целые геройские подвиги и, во всяком случае, сложнейшие, длительные переживания.

"Бумын не был сперва каганом, но женился на китайской принцессе, разбил войско жужаней и назвался каганом".

"Бабер, изгнанный врагами на высоты Памира и Гиндукуша,

многолетнею работою подготовил себе путь в Дели".

"Амбагань из киданьского старшины превращается в императора с титулом "Небесного Государя".

"Роман Диоген из простого военачальника вырастает в императора".

"Мать Чингис-хана напоминает сыну своему, что лишь его тень является его союзником, но впоследствии он же избирается монгольским хурулданом вселенским императором".

Можно выписать целую книгу из таких исторических справок. Точно бы в сказке. Все это делается, превращается, вырастает, прямо как на магическом манго вырастают фрукты. Но ведь и простые факиры употребляют много знаний и ловкости, чтобы зрители увидели на подрастающем на глазах их дереве даже плоды. Это упражнение требует многолетних испытаний и опыта. Так же точно и скупо отмеченные в истории превращения требовали в жизни многолетнего, неустанного и необыкновенно находчивого устремления. Та же история скупо отметит о том, как некто нечто удачно предусмотрел. Но и предусмотрения эти многоопытны.

Вы говорите о времени, потребном для каждого строения. Правильно, конечно, время требуется. Никакое древо вне времени не окрепнет. Но можем ли мы сказать, что в течение этого времени все мускулы и нервы этого дерева не будут в постоянном напряжении. Наблюсти рост хотя бы одного дерева, это будет уже поучительнейшим наблюдением, годным для всех житейских образований. Заглянуть в нарастания корней, ежечасно борющихся со всеми каменными препятствиями, уже будет прекрасным примером для каждого вступающего в жизнь борца за добро. Кто-то скажет, что и дерево засыпает на зимнее время. Но посмотрите, разве весною вы найдете то же состояние корней? Даже в зимнее время они уже изменились и приготовились для нового продуктивного периода.

Растительный мир может подсказать множество полезных для людей соображений, прежде всего напоминая, как может быть и должно быть использовано время. Каждый знает, что для каждого роста нужно время, но никто не сможет утверждать, что это время может быть убито и потеряно зря. Вам приведут в пример медведя, засыпающего в своей берлоге. Но ведь для незнающих людей такое засыпание будет лишь просыпанием времени. Будьте покойны, и в животном царстве решительно все бывает целесообразно использовано.

Одною из первейших задач Культурных учреждений будет наставление о разумном использовании времени. В этом отношении люди прежде всего не имеют права оказаться

безумными мотами.

Не только Вы сами будете изыскивать наилучшие способы использования времени, но Вы можете окружающую Вас молодежь убедить полюбить это разумное использование. Ведь в этом создастся тот видимый и невидимый труд, который сохранит постоянную молодость и бодрость духа. Ведь не только для каких-то выслушиваний Вы сходитесь. Из Ваших собеседований должно вырасти делание. Если кто-нибудь мне скажет, что по условиям местным делать было нельзя, он ошибется.

Делать можно во всевозможных условиях. Нет таких условий в жизни, которые обрекали бы человека на неделание. Примеры тому можно найти даже в тюремной жизни, когда заключенные, казалось бы, лишенные всякой свободы, не только писали в заключении прекрасные книги, но и изощряли себя во многих усовершенствованиях. Недаром издавна говорилось, что нет слова "не могу", есть слово "не хочу".

Будьте уверены, что если из Ваших встреч и собеседований вырастут высокополезные творческие кооперативы, артели, школы — именно всякое такое делание будет всем Вашим друзьям особенно близко и ценно. Если Вы как истинные сестры и братья милосердия найдете возможность помочь Вашим близким на всех наиболее ценных путях жизни, то не премините это сделать.

Как только начинается делание, то и время для него находится. Забудем навсегда вредное самоуспокоение о том, что будто бы не было времени. Время-то, конечно, было, но кто-то растратил его, размотал, выпил его за чашкою чая. Лежебока, соня, лентяй во всем народном эпосе отмечены как одни из самых позорных типов. Но ведь эти свойства бывают в жизни так часто. Если хотя бы однажды человек осознает всю ответственность свою для разумного использования времени, то это качество уже обоснуется в нем. Оно сделается тою сердечною радостью, которая осветит и осенит все закоулки его жизни.

Время есть делание. Время есть мысль. Во всем своем условно земном значении время является синонимом множества полезнейших и необходимейших для усовершенствования понятий. Если обсуждаются истинные ценности человечества, то прежде всего для обращения с ними нужно будет время, прекрасно наполненное. Итак, пишу Вам о времени, об использовании его и неминуемо должен окончить словом "Прекрасное".

12 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

Сеятели

Среди пустынных нагорий Монголии, где уже не видно ни единого дерева, каким-то чудом остался вяз, по-туркестанскому карагач. Сохранился ли он потому, что притаился в овраге, оживила ли его ближняя дождевая промоина, но он уцелел. Какие-то злые люди отпилили и обломали некоторые ветки, но все же не дерзнули свалить все дерево. Даже у жестоких людей иногда не подымается рука сделать нечто непоправимое.

Не только уцелел вяз как напоминание о бывших здесь лесах, но и занялся полезною деятельностью — разбросал и засеял окружающие его склоны молодыми отпрысками. Среди ирисов, востреца, дерасуна темнеют многие кустики вязовые. Если не произойдет здесь обвала или не пройдет жестокосердная рука истребителя, то в будущем окажется целая вязовая роща. Так неустанно трудится дерево, стремясь и в опустошенной почве опять создать жизнь.

По окрестностям можно находить пни и корни бывшего леса. Конечно, не природа, но людская невежественная жестокость расправилась с этими охранителями жизни. Пусть деревья не надобны после известной высоты, когда их жизнедательность уже планомерно заменяется качеством праны горной. Но ниже этих вершин пусть не поднимется жестокая рука, искоренявшая всякую жизнь. Пусть навсегда укрепится сознание о всех жизнедателях и жизнехранителях.

Вы пишете, что времени не хватает отвечать на всю разнообразную корреспонденцию. Пишете, что двух рук мало для того, чтобы переделать все, что надлежит, в течение дня. Вспомните об этом вязе, который устоял среди всевозможных опасностей и, несмотря ни на что, продолжает благое дело сеятеля. Глядя на спиленные и обломанные нижние ветви, можно представить себе, сколько раз злонамеренная рука подбиралась к дереву, чтобы или искоренить его или, по крайней мере, повредить.

Но все-таки вместо уничтожения произошел посев целой вязовой поросли. Если дерево может, несмотря ни на что, продолжать благотворную работу, то тем более люди не могут быть разочарованы и отпугнуты всякими безобразными причинами. Очень рад слышать, что у Вас времени мало. Когда времени мало, оно становится ценным, и поверьте, его хватит на все. Много времени лишь у ничего не делающих.

Если бы каждый из нас хотя бы на час почувствовал, что ему делать нечего и мыслить не о чем, то ведь это уже был бы час

умирания. В делании, в творении, в работе мысли Вы и остаетесь молодыми и Вас хватит на все полезное. Также представьте себе, что каким-то способом Вы были бы лишены возможности постоянного делания, ведь Вы не могли бы далее существовать вообще. Труд живой и ведущий к жизни отошел бы ¬вот было бы истинное несчастье. Организм, уже устремившийся к труду, немедленно разложился бы под смрадным дуновением безделья.

Труд, постоянное делание, творение есть лучшее тоническое лекарство. В этой панацее не будет включено никаких наркотиков, не потребуется никакого опьянения, но здравая, ясная радость будет источником долгой плодотворной жизни.

Может быть, кто-то, если скажете ему о Вашей занятости, пожалеет Вас. Такое жаление будет лишь по неведению. Именно будем всегда радоваться каждому делателю, каждому творцу, каждому сеятелю. Даже если пахарь и сеятель возбудят чье-то соревнование и завистливое негодование, то это будет только еще одним стимулом полезного труда. Марафон творчества! Марафон труда!

Вы пишете, что люди удивляются, как многое сделано в краткий срок. Скажите им, что это происходит потому, что требуется очень мало времени скушать Ваши две морковки, как Вы говорите, и вместо бездействия опять погрузиться в радостную для Вас работу. Без нее Вы и не могли бы жить.

Всякая просветительная работа прежде всего должна быть радостной. Если на одном секторе деятельности заметятся какие-то временные препятствия, то Вы знаете, что во всем круге работы всяких секторов великое множество. Потому не пойте "На реках Вавилонских", но зачинайте новую, бодрую песнь труда. И Сион придет не от рек Вавилонских, не от сидений, но от бодрой, неизбывной, творческой работы.

Хотя Вам, как Вы пишете, и трудно успеть ответить на все разнородные письма, но все же найдите в себе бодрость не оставить этих пишущих в неведении и не создать впечатления отчужденности. Мог бы Вам привести многие примеры, как именно чрезвычайно занятые люди всегда немедленно отвечали на письма. Они и не могли запускать это, ибо иначе плотины прорвались бы от накопившихся застоев. Вспоминая о железной дисциплине работы, приведем себе на память хотя бы Бальзака или тех обильных творцов литературы, которые находили время решительно на все. Не забудем, что Ришелье среди множайших трудов писал целые драмы. Вспомним, чего только не успевал сделать Ломоносов. Да мало ли таких примеров.

Пусть навсегда останется отличием наших Культурных учреждений любовь к труду, стремление к постоянному деланию,

желание полезных посевов. Пусть во всем будет избегнута формальность и поденщина. Все от мала до велика одинаковые трудники и трудятся не за страх, а за совесть или, вернее, за радость. Ведь если кто не познал эту радость, значит он еще не подумал о том, что есть просвещение во всех областях, на всех полях, во всех возможностях.

Буду рад слышать, что Вы по-прежнему завалены перепискою, что времени у Вас не хватает на все, что хотелось бы Вам сделать. В этом неукротимом желании делания будет Ваша сила и молодость.

13 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

Песни Монголии

"Выросший на горе Будала цветок бондорва, хотя бы дождь пошел — все же поблекнет".

"Хотя иогачари подобен бурхану, но если отступит от истины, то омрачится".

"Распустившийся в разные стороны цветок гречихи, когда ветер подует, рассыпется".

"Хотя иогачари подобен хранителю, но если отступит от истины, то погибнет".

"Богатое и белое — это золотая вселенная; пространное и чистое — это наша родина".

"То, что растет на горах — это виноград; то, что прославляет народ ¬это звучный напев".

"В воде источника разве бывает грязь? Разве можно назвать повеления Святых неправильными?"

"Вода колодца — не что иное, как священная вода. Разве можно назвать повеления Святителя ложными?!"

"Возьмет кисть в руки — писец, отправится в Пекин — делается зятем хана".

"Вместо того, чтобы быть зятем государя, лучше будем наслаждаться со своей Шуер".

"Чем быть зятем хана, лучше быть в счастье с хорчинской Шуер вдвоем".

"У каждой горы есть вершина, каждая встреча предопределена; после встречи следует заходить повидаться".

"Разве покончит когда-нибудь аист подбирать рыб Алмазного моря? Разве совсем легко перешагнуть через мучения — результат первоначальных перерождений?"

"Разве можно думать, что журавль съест всех рыб Журавлиного озера? Разве совсем легко обойти настигшие мучения — результат прежних деяний?"

"Когда хочешь рубить дуплистое дерево, берегись разрубить свои ноги. Берегись, желая ограбить другое государство, потерять своих подданных".

"Когда хочешь разрубить иву, берегись разрубить свою судьбу. Берегись, думая ограбить чужое государство, расстроить свои дела".

"Конь мой, родившийся позади горы Баян-хангай; конь мой, которым восхищались воины Бадарагулту".

"Облакоподобного прекрасного цвета и тянущий за собою при беге облако пыли, высокий, сивый конь мой, увы! куда убежал ты?"

"С глазами величиною с яблоко, с копытами величиною в чашку, ростом в вытянутую сажень, какой прекрасный конь мой!"

"С двумя волчьими ушами, с двумя глазами, как звезды, облакоподобного цвета, красивый конь мой".

"Не видели ли его, отпущенным в степи, в сокровенном месте? Не видели ли, как его увели злонамеренные похитители?"

"Видевшему его человеку надену я лисью курму, а поймавшему его человеку подарю тигровую курму". "Тот, кто строит прочное и твердое, имеет все данные жить богато; когда построят прочное правление, то это признак, что будешь вождем". "Богатство и счастье — благо!"

"Приятно быть в довольстве. Хорошо устраивать веселья. Мы принадлежим к хошуну правителя Да. Богатство и счастье — благо!"

"Силою милосердия Владык мы, обретя Высшее Благо мирно процветали; среди всяких увлечений и рассеянной жизни следует остерегаться, чтобы не потерять Высшее Благо".

"Если отнестись внимательно к правилам очистившихся мудрецов, то обретем святой путь спасения. Хотя бы мы и были подавлены всяким злом, следует стараться, чтобы не потерять правил вечности".

"То, что они нас преисполнили сил — это их заслуга. Благодаря тому, что, сделавшись людьми, мы стали лучше, — следует стараться, чтобы все-таки не потерять правил почтительности".

"Если помышлять о прочности веры и если отбросить всякое непозволительное сумасбродство, поступать по правилам Святых, то как приятно способствовать средствам святого пути!"

"Приятно, чтобы, уразумев правила закона, те, кто заключает в себе корни болтливости, лукавства и лживости, очистив свою природу, чистые преумножились счастья и святости".

"Если предаваться разного рода размышлениям, исследуя поступки живых существ прежнего времени и смену всяких времен, то из этого вытекает, что теперь очень существенно учиться".

"Отрадно, что вовеки нельзя забыть благодарности за то, что Ты соизволил, руководя нами, вести нас, заблудшихся в земном мире, по ближайшему пути Алмазной колесницы".

"Если обратить внимание на правила Святых ученых, то даже мы, одаренные дурными привычками, внимательно взирая на порядок пути к совершенству, никогда не потеряем вечного места".

"Владыки, достигшие силою милосердия этих благ, пребывающие в спокойствии, должны остерегаться, чтобы в

различных пустых увлечениях и рассеянной жизни не потерять Высшее Благо".

"Пожалуй нас в совершенстве благом и счастьем, преисполненным истинного благословения трех чтимых драгоценностей; соизволь утвердить стопы господствующих владык и князей и укрепить благоденственное и мирное правление".

"Вы, обладающие правилами тонкого, таинственного, основного разума, вечно властвующие над солнцеподобными верой и драгоценностями, Вы неизменно чисты, как осенняя луна".

"У истоков Тонкой Реки накрапывает тонкий дождь, во время восьмой луны расцветают листья и цветы".

"Восходящее солнце затмевают многие тучи, премудрый разум и мудрость подавляются злобой и неведением".

"Признаком зари, говорят, является белоцветная Чолмон: признаком мудрости, говорят, являются облачно-белые волосы".

"На макушке высокой и большой горы и с Юга и с Севера сплошь растут деревья и всяких сортов листья и цветы; в свое время они приятны на взгляд".

"Когда на тех покачивающихся прекрасных деревьях в согласии с осенними месяцами из листвы раздается пение птиц. это является прекрасным и приятным наслаждением".

"В летнее время на распустившейся мураве расцветают цветы всяких родов. Когда видишь их непреходящую красоту и вечную жизненность, то это красиво для глаз".

"Действительно, мы, живые существа многих родов, во время постоянной совместной жизни прославили и воспели те мирные, вечно прекрасные цветы". В песнях познается душа народа.

14 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

В рассеянии сущие

Анна Ярославна была супругою французского короля. Другая Ярославна была за скандинавом, за Конунгом Гаральдом. Сын Андрея Боголюбского Юрий был женат на знаменитой грузинской царице Тамаре. Влиятельная и любимая жена султана Сулеймана Великолепного была русская из Подолья, "Хурем султан", как ее называли, Роксолана. Князь Долгорукий был высокопочитаемым лицом при дворе Великих Моголов. Чингис-хан имел русскую дружину. При китайском императоре — охранный русский полк, а через несколько столетий — албазинцы. Казаки — в Америке. Иностранный легион имеет много русских. Ольга Константиновна — королева Греции.

В какие века ни заглянем, всюду можно найти эти необыкновенные сочетания русского народа с народами всего мира. Уже не говорим о странниках, о путниках, о купцах, мы видим русские имена на самых влиятельных местах. Они — любимые. Им доверяют и поручают высшую' охрану. Сейчас так часто упоминается термин "в рассеянии сущие". Связан он с последними потрясениями России. Создавая этот термин, когда два с половиной миллиона русских разлилось широко по миру, как-то забывались все прежние, глубокие проникновения русских в государственную жизнь множества стран.

Теперь мы опять видим не только в рассеянии сущих, но множество русских имен, навсегда связанных с честью и преуспеянием великих государств. Франция гордится Мечниковым, в Англии — сэр Виноградов, Ковалевская — в Швеции, Блаватская — в Индии, Ростовцев и Сикорский ¬в Америке. Барк является главою огромного финансового дела в Великобритании. В Парагвае войсками командует Беляев. Во Франции, в Югославии, в Китае, в Персии, в Сиаме, в Абиссинии — всюду можно найти на самых доверительно-ответственных местах русских деятелей.

Заглянем ли в списки профессоров европейских университетов, рассмотрим ли списки разнообразных деятелей инженерного дела, пройдем ли по банкам, фабрикам, оглянемся ли на ряды адвокатуры — всюду вы увидите русские имена. Среди ученых иностранных трудов в каталогах вы будете поражены количеством трудов русских. Только что пришлось видеть один каталог ученых изданий, в котором почти половина принадлежала русским трудам.

Уже приходилось писать о пантеоне русского искусства и науки за границей. Уже перечислялись великие имена Шаляпина,

Станиславского, Стравинского, Прокофьева, Яковлева, Бенуа, Сомова и всех бесчисленных замечательных деятелей искусства и науки, широко разбросанных по всему миру. Есть какая-то благородная, самоотверженная щедрость в этом всемирном даянии. Говорим вовсе не из гордости, ибо знаем великие имена иностранные, внесшие каждый в своей родине незабываемые совершенствования.

Вовсе не хотим сказать, — вот, мол, какие мы, русские. Совсем другое хочется отметить как факт непреложный, исторический. В будущих летописях будет отмечено это русское всемирное даяние. Происходит оно, поистине, в планетарных пределах. Тут уже не может быть случайных мелких делений. В таких размерах отпадают всякие политические и социальные соображения. Вырастает соображение творческого блага, в котором каждый может и должен приобщиться в качестве неустанного трудника.

Когда нам приходилось рассказывать иностранцам житие Преподобного Святого Сергия Радонежского, очень часто приходилось слышать в ответ: "Теперь понимаем, откуда у вас, русских, стремление даяния и труда". Конечно, такая жизнь, которую заповедал нам Сам Преподобный, Водитель, Воевода русский, Святой Сергий, всегда напомнит как от малого, самодельного сруба произрастали светлые Лавры просвещения.

Не в гордыне произносим священное Имя Строителя Лавр просвещения. Это опять-таки неотъемлемый исторический факт. Можно его толковать разными словами, но основной, высокий смысл этого светлого служения во благо человечества остается нашею богоданною собственностью. Знаем и многих других великих, светлых строителей в разных странах. Среди прекраснозвучных имен мы лишь поминаем то, что в своей несменной строительности, в своем подвиге неустанном сейчас так зовет сердце человеческое.

Без гордыни, без хвастовства поминаем о том, сколько русских людей находится на доверительно-ответственных местах в различных государствах. Не будет гордостью упомянуть о том доверии, которое вызвали к себе многие русские деятели во всем мире. Вызвать доверие совсем не так просто. Ведь оно, как мы уже говорили, должно зазвучать в сердце со всею убедительностью. Если же в различных государствах оно, это доверие, прозвучало, значит, установилась еще одна ценность ¬общенародная, всемирная.

Когда-то будет написана справедливая, обоснованная история о том, как много в разное время Россия помогала различным народам, причем помощь эта не была своекорыстна, наоборот,

очень часто страдающей являлась сама же Россия. Но помощь не должна взвешиваться. На каких таких весах полагать доброжелательство и самоотвержение? Но, во всяком случае, ценность такого доброжелательства не ржавеет, и в веках оно произрастает в доверие. Многие, многие народы видят в русском друга своего. И это обстоятельство сложилось не в каких-то хитроумностях, но во времени, в делах, в даяниях.

Великое благо, если мы можем вызывать улыбку доверия. В этих больших понятиях будет ли правильно название "в рассеянии сущие"? Какое такое рассеяние, когда от древних веков всюду можем увидеть прикасания наших предков к жизни многих народов. Те носители русских имен: и королева Анна, и Роксолана, и Юрий Андреевич, и Долгорукий — и все писанные и неписанные, знаемые и незнаемые, вовсе они не были в рассеянии, но очень сосредоточенно несли свое даяние дружелюбия народам.

И из них многим жилось трудно. Прочтите хотя бы повествование Никитина-Тверитянина. Эти трудности настолько общечеловечны, что в историческом процессе они стираются, но остаются незабываемые знаки дружелюбия, усовершенствования и благостного даяния.

Русский язык, как никогда, сейчас распространен. Как никогда, переводятся русские писатели, и в музеях утверждаются русские отделы. Какое же в этом рассеяние? Совсем не рассеяние, а совсем другое, гораздо более благозвучное и многозначительное. Если нам доверяют народы, поручая блюсти ответственные места, то и мы укрепляемся в доброжелательстве к народам. Из рассеяния вырастает строение. Пусть оно будет прекрасным.

15 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Старый Нарвский листок*"[90], *1 октября 1935 г.*

Насаждения

У подножия соседних холмов видны развалины брошенного аила. Говорят, что это жилье было брошено по причине пыли и ветров в том месте. По развалинам видно, что аил строился довольно тщательно — есть остатки развалившихся глинобитных изгородей, такие же сараи и развалины дома. Естественно, является вопрос, был ли этот аил поставлен неразумно, не принимая во внимание условия этого места, или же само место переменилось в течение лет.

Также невдалеке от этого аила было озерко, сейчас исчезающее, а на холмах были вязовые поросли, теперь уничтоженные. Весьма возможно, что от жестоких небрежностей могли измениться сами условия места.

Вчера читаем в "Норс Чайна Стар" знаменательную статью под заглавием "Песчаные бури приканчивают эру пионеров в Соединенных Штатах". В статье приводятся слова заведующего оросительным отделом департамента внутренних дел. Он указывает на умножающиеся песчаные бури и засухи, препятствующие делу земледелия. При этом замечается, что если в ближайшем же будущем не будут приняты меры для закрепления почвы растительностью, надвигающееся бедствие приблизится с необычайной быстротой.

Поистине, меры, принимаемые Президентом Рузвельтом и министром земледелия Уоллесом, неотложны и своевременны. За время одного поколения уже можно убеждаться, как меняются климатические и прочие условия местности. Даже немногие годы жестокого небрежения уже отзовутся труднопоправимо. Потому-то всякие насаждения так неотложно нужны.

Также еще вчера, когда брались образцы почв, думалось: конечно, почвы должны быть исследованы и сопоставлены. Не только почва, но даже виды насекомых могут способствовать и своеобразному размножению и питанию растительности. Но поверх всего все-таки будут полезны семена тех злаков, которые в течение столетий противостояли суровым условиям.

Несомненно, что условия Монголии на границе степи и барханной пустыни могут давать множество поучительных примеров. Когда из Гоби, из далекого Такла-Макана приносятся вихрями клубы песка и пыли, иногда можно опасаться, что местная, вообще поздно появляющаяся растительность не выдержит; но любопытно наблюдать, как, несмотря на всякие затруднения, трава все же начинает пробиваться. Можно наблюдать, что кажущиеся бедными травы очень питательны и

жадно поедаются скотом. И скот на глазах оправляется.

Не так много разновидностей этих сухостойких трав и кустарников. Очевидно, в веках произошел отбор. В то время, как в соседней Маньчжурии, где условия немногим сравнительно отличаются, имеется более восьмисот видов растений, тогда как в барханной Монголии, по-видимому, их не более трехсот. Но не в том дело. Важно иметь перед собою хотя бы и немногочисленные, но устойчивые и питательные злаки. Они вполне выполняют обе необходимые задачи — и закрепляют почву и пригодны для питания скота.

Неожиданная разнородность растительности в Маньчжурии вызвала старую легенду. "При сотворении мира все страны получили свою растительность и животный мир, но Маньчжурия почему-то была забыта. Тогда ангел воззвал к Богу об этой забытой стране. А Господь ответил: "Посмотри, что у тебя осталось в мешке и вытряхни все остатки". Оттого-то так в Маньчжурии неожиданно разнообразны растительность и животный мир. Странно сочетались образцы и жаркого и северного климата".

Эту легенду рассказывал мне генерал Хорват, много потрудившийся над всякими землеустройствами и в Маньчжурии, и ранее того в Закаспийском крае. Даже среди пустыннейших насаждений генерал Хорват вынес много оптимистических заключений. При проведении железных дорог в Туркестане была спешная необходимость укрепить движущиеся барханы, и в несколько лет эта задача была успешно выполнена. Кроме трав и кустарников, помогали насаждения вяза-карагача, тополя и некоторых пород ивы.

Конечно, местности Маньчжурии, более богатые растительностью, менее подходят для наблюдения, нежели барханные степи Монголии. Если уж противопоставлять нечто неслыханным песчаным бурям и торнадо, то нужно брать нечто самое испытанное, простейшее и полезнейшее. И в самой Монголии уже начинают думать об образцовых хозяйствах, о насаждениях и об улучшении скота.

Из недавних постановлений монгольского правительства можно видеть, что следующие нововведения для устройства страны признаны неотложными: I. Местный автономный институт должен быть учрежден для образования служебных лиц Монголии. II. Монгольские войска должны быть коренным образом преобразованы. III. Госпитали и другие санитарные учреждения должны быть устроены во Внутренней Монголии для лечения больных и для предотвращения чумы. IV. Основы движения Новой Жизни, установленные маршалом Чан-Кай-ши,

должны быть приняты во Внутренней Монголии, и новые показательные деревни должны быть учреждены. V. Культурные учреждения должны быть учреждены для улучшения образования монголов. VI. Нормальные школы должны быть повсюду открыты для образования учителей Монголии. VII. Производительные, промышленные и кредитные кооперативы должны быть установлены, чтобы развивать природные богатства страны, способствовать торговле и снабжать посредством займов средствами монгольских промышленников. VIII. Должно озаботиться построением путей сообщения во всей Внутренней Монголии. IX. Специальное бюро должно быть устроено для проведения телефона и телеграфа, и почтовых учреждений во всех сеймах и знаменах Внутренней Монголии.

Все перечисленное является высокополезными насаждениями, которые, естественно, вызывают сочувствие всех мыслящих о Культуре. Итак, мы видим в различных странах, наряду со смятениями дня сегодняшнего, истинную заботу о будущем. Являются как бы два вида работы. Одна, чтобы утихомирить напряжение и смущение дня сегодняшнего, а другая — в благородных устремлениях — построения будущего. Эта вторая работа должна наполнять каждого Культурного работника радостью. Правда, мы не увидим сегодня следствий этой благородной работы. Только завтра, когда блеснет это светлое завтра, мы увидим и зазеленевшие барханы, и повсеместные школы, и образцовые фермы. Но для того, чтобы их увидеть завтра, нужно сегодня же о них подумать и помочь им.

В одной из моих прошлых книг я упоминал легенду, слышанную в одной части Монголии. "Некогда повернулся подземный огненный змей, и раскололась земля, и разъединились родичи. И теперь ждут братья, когда железные птицы принесут им весть о дальних сородичах". Так тоскует и стремится в будущее душа народов. Она хочет лучшей жизни. Мысль о будущем уже есть наполнение пространств, уже есть приближение к светлому часу народного устремления и просвещения. Один из самых полезнейших злаков — трава благая.

16 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Человек и природа*"

Желанный труд

Часто обсуждается, насколько желанность труда повышает продуктивность и качественность. Все согласны на то, что это условие труда намного улучшает все следствия работы. Но бывает лишь разногласие в процентности отношения. Некоторые думают, что следствия улучшаются на двадцать и тридцать процентов, а другие допускают даже эти улучшения до семидесяти процентов.

Допускающие такой большой процент качественности и продуктивности желанного труда не ошибаются. Даже нельзя и сравнить произведение, сделанное под насилием, с тем прекрасным результатом, который достигается при сердечном вдохновении. То же самое сказывается решительно во всех деланиях. Будет ли это творчество искусства или будет ли это так называемая рутинная каждодневность, основа желанности будет всюду светлым знаменем победы.

Нередко каждому приходилось встречаться с особым типом людей, во всем как бы играющих на понижение. Подобно биржевым спекулянтам на понижение, такие люди во всем решительно найдут и будут упорствовать на чем-то понижающем. Обычно они сами себе причиняют огромный и непоправимый вред и тем не менее все же будут решительно на все кисло улыбаться и находить лишь дефекты. Исправлять эти дефекты они не позаботятся, ибо в них самих не будет радости создания и желанность всякого труда будет им незнакома.

Также каждый встречался и с типами поденщиков, стремящихся к безответственности. И это свойство является вследствие того же отсутствия желанности труда. Говорю о труде желанном и не смешиваю его в данном случае с трудом любимым. Любить труд любимый совсем не трудно. Не в том дело. Каждому в жизни приходится встречаться со всевозможными обязательствами, в выполнении которых он должен приложить труд. Иногда этот труд будет протекать в совершенно нежданной области. Придется спешно познавать, придется проявить доброжелательную находчивость. Достигнуть этого можно, лишь если в сердце не потухла желанность труда как такового.

Помню давнишний рассказ о том, как некто начал выговаривать себе количество праздников. Собеседник пошел ему навстречу и начал предлагать еще новые и новые праздничные сроки. Наконец сам любитель праздников начал смущаться длиннотою списка и когда подсчитал, то оказалось их в году 366. Тогда весь этот вопрос упал сам собою. Праздник и должен быть.

Праздник и есть в желанности труда. Если каждый труд осознается как благо для человечества, значит, он и будет тем самым желанным праздником духа.

Марафон качества, марафон устремленности, спешности, производительности — все это прекрасные марафоны. В них-то и испытуется качество духа. Конечно, в каждом существе есть зерно духа, но состояние и качество их различны. Так же точно, как нельзя оставаться недвижным в космическом движении, так же точно и состояние духа должно безостановочно изменяться. Пожелаем лишь и всем, и себе прежде всего, чтобы чаша духа не расплескалась. Чтобы тяжкие капли хаоса не испепелили ценную накопленную влагу чаши.

Вот говорят о засухах. Но где эти засухи? Разве только на земной поверхности. Говорят о пятнах на солнце. Только ли на солнце эти пятна? Запятнать все можно. Лучшим очищением этих пятен все-таки останется желанность труда. Эта желанность не выразится в физических мерах. Огненно она осветит все потемки и даст ту светлую улыбку, с которою нужно встретить грядущее.

17 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Будем радоваться

Получены многие Ваши письма. Пришли они сразу, и ответить на них тоже хочется сразу Вам всем. Во всех Ваших письмах в разной форме выражалась одна добрая строительная мысль. Каждый добром поминал своих сотрудников. Потому и этот привет пусть читается Вами всеми вместе.

Очень хорошо отмечено, что наш друг наполнился словом "радуйся" именно в то самое время, когда я и отсылал это самое слово. Именно как в древности приветствие начинали этим пожеланием, так и мы все не поскупимся направить друг к другу доброе пожелание.

Пусть это приветствие всегда будет в обиходе Вашем. Когда же дни будут особенно напряженны, когда будет смутно и тяжко, именно тогда укрепляйте друг друга благим напоминанием. Ведь всем тяжко. Не учтешь, кому тяжелее, кому легче. Одному — в одном, другому — в другом, во всем разнообразии чувствований и переживаний может быть как бы безысходно тяжко.

Такая призрачная безысходность рассеется от одного искреннего дружеского благопожелания. Каждая радость уже есть новый путь, новая возможность. А каждое уныние уже будет потерею даже того малого, чем в данный час мы располагали. Каждое взаимное ожесточение, каждое ращение обиды уже будет прямым самоубийством или явною попыткою к нему.

Окриком не спасешь, приказом не убедишь, но одно светлое "радуйся" истинно, как светильник во тьме, рассеет все сердечные стеснения и затемнения. Для чего же Вы сходитесь? За тем, чтобы добротворствовать, чтобы всемерно служить Благу и Свету. Среди Ваших собеседований пусть растет постоянное желание увидаться чаще, сообщить друг другу что-нибудь ободряющее и укрепляющее. Среди этих так нужных в повседневности ободрений будет одним из самых плодотворных простое: "радуйся".

Люди часто отучают себя от радости. Они окунают свое мышление в такие темные, тенистые застои, что на каждый привет подозрительно ответят: "Нам ли радоваться". Да, милые мои, именно Вам. Не может быть такого положения, в котором бодрый дух не увидел бы просвета. Не просто беспричинно Вы говорите в письмах своих, что пребываете в бодрости. Эта бодрость образована в Вас. Для нее Вы много читали и, чтобы подводить итоги впечатлений, Вы закрепляете их в Ваших собеседованиях.

Вот, я посылаю Вам выписку из одного далекого письма, в

котором также далекий корреспондент сообщает о темноте и невежественности. Знайте и такие происходящие отборы. В сообщаемом письме не видно желаний непременно умышленно очернить кого-то. Наоборот, темные факты оплакиваются. Злобная невежественность причинила душевную боль. Но и на это Вы скажете: "И это пройдет". Вы не только переживете всю подобную действительность, но зная ее, Вы бодро ее победите.

Для начала этой бодрости Вы улыбнетесь друг другу в сердечном привете — "будем радоваться". Сумеем обойтись друг с другом очень бережливо, очень задушевно и, опять-таки, очень радостно. Некоторые темные знаки являются даже в темноте своей уже предвестниками Света. В восточных языках имеется выражение: "Первый проблеск до зари восхода". Видите, не о восходе самом говорится, даже не о заре, но уже подмечается первый проблеск. Чем пристальнее будете осматриваться, тем больше светлых проблесков найдете. "Близка заря, но еще ночь", — так словами стража отвечает пророк Исайя. Несмотря на ночь, он уже видит зарю. А зарю можно приветствовать именно лучшим пожеланием: "Будем радоваться".

Хорошо, что Вы вообще не сетуете. Напрасные сетования причиняли столько вреда людям, а прежде всего самим же сетующим. Действительно, почему человек должен сетовать на то, что он в данный час находится в определенном месте и в определенном состоянии? Во-первых, и над тем, и над другим он когда-то сам потрудился; а затем, почему человек может брать на себя утверждать, что в другом месте он мог бы быть более полезным.

Может быть, именно на этом месте, где он сейчас находится, он должен выполнить большую и прекрасную миссию. Может быть, он поставлен именно на этом месте, как дозор крепкий и неусыпный. Может быть, именно на этом месте ему доверено нечто такое важное, которое он и не мог бы донести в другом месте. Часто людям миражно представляется, что куда-то нужно стремиться, и они забывают, сколь большие ценности вверено им охранять.

Что же было бы, если все добрые люди собрались бы в изолированном месте. Правда, они могли бы наполнять пространство мощными мыслями. Но все же им пришлось бы высылать доверенных гонцов для земных хождений, для работы верной и неотложной. Что же было бы, если гонцы эти не пожелают идти в путь среди ночной тьмы, среди леденящих вихрей. Конечно, идти по острым камням, ожидать из-за каждой скалы вражеский нож и слушать грубые кощунственные речи неприятно. Но как же иначе сделается мирское дело? Как же

построится храм и как иначе возможно принесение радости народам?

Потому-то так хорошо, что Вы не сетуете, что Вы понимаете смысл и значение работы на определенном месте. Конечно, Вы храните в сердце своем пути дальние в страну благословенную. Вы видите в себе, в сознании своем все благие построения, о которых обязан мыслить каждый мыслящий. Вы храните в себе и готовность пройти по всем острым камням и выслушать все угрозы и рычания, ибо Вы знаете, куда и зачем Вы должны направляться.

Теперь же, когда Вы собираетесь для собеседований, Вы наполните эти часы неподдельною радостью. Вы укрепите друг друга в том, что зло преходяще, но благо вечно. А там, где радость — там уже есть зачаток блага. Улыбка в благе — не похожа она на гримасу и усмешку личин зла. Истинная радость убережется от всякого сквернословия и кощунства. Ведь радость светла.

Только в радости Вы находите неисчерпаемые силы, чтобы неустанно продолжать добротворствовать. В радости люди стремятся сойтись вместе. Именно в радости нет одиночества. В радости и пишу Вам всем вместе, ибо не хочу ничем разъединять вас. Почему бы нужно было говорить о радости кому-то тайно?

Радость — в явности. Радость — в доверии. Радость — во взаимном укреплении. Не отвлеченно дружелюбие, о котором мы всегда говорили. Трудные дни сейчас. В эти часы особенно помянем и сбережем радость. Будем радоваться!

18 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Построения

Из нашей семейной хроники вспоминаются два эпизода, имеющие общее значение. Около нашего имения лет 55 тому назад перед великим постом сгорела церковь. Такое несчастье угрожало всей округе встретить без храма и Страстную неделю и светлый Христов Праздник. Чтобы не оставить местных жителей без этой духовной радости, отец мой широко пришел на помощь: пожертвовал одно из строений поместья с окружающею землею, и в течение шести недель усиленными трудами строение было преображено в храм. Засияла колокольня, поспел иконостас, и в Вербное воскресенье было поднятие креста и освящение храма.

Казалось бы, что могло быть плохого в этом благожелательном поступке? Но синодский строитель посмотрел на дело совершенно иначе, ибо постройка была произведена в спешности без него. Итак, вместо хорошего храмостроительного конца произошла длительная, совершенно неуместная переписка. Правда, моему отцу намекали, что если бы ко всем пожертвованным суммам присоединить еще некую сумму, то вместо неприятности последовала бы высокая благодарность. Но отец мой неких дополнительных сумм не любил и во всем предпочитал путь прямой и правдивый. К тому же искренняя радость всего местного населения, конечно, была гораздо сердечнее, нежели официальная благодарность.

Другой эпизод относится ко времени Петра Великого. Прапрадед, бывший комендантом крепости, отказался уничтожить пригородную церковь, из-за которой шло наступление. Из-за этого обстоятельства, происшедшего по его глубокой религиозности, он имел многие служебные неприятности. Этот эпизод использован в одном из произведений русской литературы.

Очевидно по семейным традициям пришлось и мне неоднократно иметь неприятности по делу храмостроения и охранения древностей. Уже не говоря об эпизоде некоей часовни, я вспоминаю препирательства с одним инженером при построении церкви в Скерневицах — Государевом имении. Началось дело с того, что инженер хотел исправить проектированные мною своды полуциркульными обычными сухариками. Мною были приведены примеры и византийских храмов, и Спаса Нередицы, и Мирожского монастыря, но инженерное соображение утверждало, что эти строения непрочны.

На это мне пришлось возразить, что если такие постройки

дошли до нас от 12-го, от 10-го и более ранних веков, то нелепо заподозривать их в непрочности. Можно лишь пожелать, чтобы наши современные строения устояли хотя бы половинное, сравнительно, время. Впрочем, в данном случае говорило не столько архитектурное соображение, сколько ведомственная зависть, что постройка прошла вне этого департамента.

Также нельзя не вспомнить нелепые неприятности, возникшие при исследовании и раскопках в Новгородском Кремле. В этом случае пришлось столкнуться уже с целым рядом враждебных обстоятельств. Некое учреждение негодовало, что эти раскопки все же состоялись, хотя кто-то настаивал, что Кремль давным-давно уже исследован. Кроме того, возникли в части городского управления сомнения в том, не потеряют ли новгородские стены от того, что около них будут выкошены сорные травы.

Уже после раскопки, которая, как известно, дала поучительные результаты и еще раз подтвердила, что Кремль не был исследован, приключилось совершенно курьезное обстоятельство. Многосаженный разрез Кремля дал замечательную картину наслоений целого ряда городов, начиная от Североваряжского поселения и до строений 18-го века. Явилась мысль, что было бы необходимо сохранить эту десятивековую неповторяемую картину в назидание народа. Сделать это было совсем нетрудно, ибо почти в центре Кремля земля была занята в то время огородами, сданными в аренду по весьма малой цене. Деньги на это уже имелись, но губернатор не разрешил. Когда же мы, изумленные таким запретом, пытались узнать причину, то нам было сказано, что это вещь опасная, ибо свиньи, ходящие по огородам, могут упасть туда. Помню, как сокрушенно мы перешептывались тогда: почему же свиньи, а не дети. Но тем не менее по причине свиней произошло свинство, и уже готовую, очищенную, дающую полное наглядное показание построения городов траншею пришлось засыпать.

Итак, даже свиньи помешали успеху археологического исследования. Право, незачем идти так далеко, чтобы поминать Льва Исавра и прочих иконоборцев. Гораздо ближе можно вспомнить, как чуть было не был продан Ростовский Кремль. Не раз мне приходилось упоминать в статьях и докладах факты действительности, которые не скроешь, но за которые многим придется краснеть.

Очевидно при каждом построении должны возникать какие-то темные трудности. Какое-то зло должно вопить против всего созидательного, должно измышлять всякие нелепости, лишь бы что-то хотя задержать, если не совсем искоренить. При этом

бросается в глаза, насколько часто лица официального положения бывают вовлекаемы в сотрудничество со злоумышленниками.

Когда-то существовал обычай при построении города закапывать человеческую жертву под фундамент. Этот языческий обычай иногда претворяется в какие-то странные, но подобные же по смыслу факты и до современности. Так бывало, как будто так и бывает, но пусть оно не будет впредь, когда потребуется так много строения. Вспомнив об исторических фактах, пусть постыдятся люди сопрягать с чем-то хорошим, созидательным непременно какие-то злые умышления.

Строение прочно на камне правды, и зыбко оно на песке неверия и злобы. Строить все-таки придется, и потому пусть в основе строения вместо бывших человеческих жертв закладывается светлая радость.

19 Июня 1935 г.

Цаган Куре

Н. К. Рерих "Берегите старину". М., МЦР, 1993

Средневековье

Сообщают, что общеизвестное изображение "Всевидящее Око", так знакомое с древнейших времен в храмах византийских и православных, ныне признано масонским изображением. При этом такая ересь твердится людьми, которые, казалось бы, должны знать историю церкви и древнейших церковных символов. Неужели же история настолько мало изучается, что всякое преднамеренно злоумышленное лганье простодушно воспринимается. Ведь это было бы более, чем прискорбно.

С другой стороны, слышно, что археология — негодная наука, ибо среди исследований древних памятников происходят и исследования древних погребений. Эта версия тоже наводит на самые печальные размышления. Точно человеческое сознание никуда не продвинулось и проживает во тьме средневековья.

Но ведь даже в средних веках уже начиналась анатомия изучаться. Конечно, с точки зрения свирепой инквизиции, такое изучение нередко приравнивалось к колдовству. Между тем, если мы попробуем стать на точку осуждения древнейших церковных символов, на точку отрицания полезности наук, то ведь такое положение вещей далеко превзойдет самую неистовую инквизицию.

Ведь таким порядком можно признать вслед за отрицанием изучения анатомии вообще вредность медицины. Можно вновь вернуться к тем темным временам, когда первый паровоз назывался в народе дьявольским конем, а безобидный картофель в ужасе назывался чертовым яблоком. На это могут возразить, что все подобные произмышления сейчас могут быть уместны лишь на Сандвичевых островах или в глубинах Африки. Но жизнь показывает совсем другое. Увы, мы встречаемся и сейчас с этими воззрениями.

Правда, каждодневно делаются блестящие открытия, за которые в средних веках полагался бы костер или, по меньшей мере, пытка. Но тоже правда, что чисто средневековые злые предрассудки и невежество не только существуют, но подобно ехиднам они ползают и заражают темным ядом все на пути своем.

При этом следует обратить внимание, что всякие суеверные смущения даже не высказываются в виде вопроса; просто они предлагаются как законченное мнение. Темные заключения утверждаются. Слов нет подумать, что в настоящее время у нас на глазах могут еще произрастать такие вреднейшие семена. Многим, кому не пришлось в жизни встретиться с такою тьмою, покажется, что эти остатки средневековья, если и имеются, то они

весьма незначительны и в бессмыслии своем могут остаться в пренебрежении.

Такое мнение, к сожалению, было бы ошибочным. Оно равнялось бы тому, что увидя опасную заразу или зачаток бешенства, кто-то предложил бы не обращать на это никакого внимания. Мы не Кассандра и не пессимисты, но во имя профилактики нельзя молчать там, где обнаруживается несомненная злоумышленная зараза.

В тех же средних веках существовали многие способы избавляться от врагов или от нежелательных соседей. Подбрасывались ядовитые змеи, дарились кольца с влитым внутрь ядом. Преподносились сладкие пироги, пропитанные бесцветными и безвкусными ядами. За здоровье подавался отравленный кубок вина. Много историй об отравленных перчатках, платьях и о всяких злоухищрениях. И это не выдумки. В истории много несомненных подтверждающих фактов. Отравления практиковались даже в самом недалеком прошлом, а хитроумные кольца и кинжалы с вместилищами яда каждый мог видеть в собраниях и музеях.

Поминая о музеях, нельзя не заметить, что еще недавно происходили дискуссии о том, нужны ли вообще музеи и нужно ли вообще охранять Культуру? Вы скажете, что таких музееборцев и культуроборцев меньшинство, ведь и зубры сейчас вымирают, как пережиток. Пусть будет по-вашему — сеятелей тьмы меньшинство, но это меньшинство настолько сплочено, настолько агрессивно и настолько не стесняется способами действий, что их деятельность дает самые ужасные результаты. Ведь много людей почему-либо раньше не подумает о Культуре, о музеях, о значении научных исследований, и когда им в грубой, настойчивой форме преподносится неистовое невежество, они могут по слабости характера поддаться по первому впечатлению.

Вы также знаете, как много значит первое впечатление и как неизгладимо оставляет оно свой след в сознании. Такое зараженное сознание хотя бы и приняло все меры впоследствии для извлечения вредных корней, но ведь даже зубной врач вам скажет, как трудно бывает иногда удалить отгнившие корни. Тем труднее производится та же операция в пределах психических. Вследствие таких заражений сколько шатаний, сколько смущений порождается в мире, а из них произрастает множество труднопоправимых несчастий.

Там, где какое-то смущение произносится в форме вопроса, там еще опасность не окончательная. Значит, у вопрошателя еще не созрела непроломимая корка вокруг этого вопроса. Значит, зерно еще может принять любую форму. Но когда вместо вопроса

вам преподносится утверждение, сложившееся мнение, тогда и всякие возможности обсуждений отпадают. Каждый из нас рад всяким вопросам, но если будет преподнесено непоколебимое антикультурное мнение, то этим будет выедена и возможность сотрудничества.

Существует рассказ о том, как два путника заметили совершенный невдалеке поджог. При этом один хотел, несмотря на позднее время, поднять тревогу и прервать путь свой, но другой сказал: "Какое нам дело, к тому же, быть может, дом и не загорится, ведь погода довольно сырая". Всякий осудит по справедливости второй эгоистический совет. Если кто-то заметит поджог, то он не может в самости продолжать путь свой и не предупредить своего брата.

Если же замечаются признаки еще не изжитого темного средневековья, то нельзя найти предлога, чтобы не обратить на них общественного внимания. Сколько отговорок наверно найдется. Кто-то скажет: "Да ведь это просто так сболтнулось" или "Да ведь это была шутка". Может быть, в свое время и Каракалла шутя жалел, что у человечества не одна голова, чтобы отрубить ее сразу. Если бы это была шутка, то, во всяком случае, шутка очень дурного тона, непозволительная. В особенности же теперь, когда люди знают о мощи мысли, о значении внушения, не могут быть допускаемы такие средневековые и древние произмышления, оставляющие по себе ужасный след.

Пусть все друзья Культуры на всех путях своих пребывают на несменном дозоре, чтобы ничто для Культуры оскорбительное не было бы произнесено и утверждаемо в жизни. Пусть не думают, что шутки и злоречия достойны лишь пренебрежения. Тьма должна быть рассеиваема беспощадно с оружием Света и в правой, и в левой руке. А с левой стороны находится и сердце, которое подскажет наилучшее во все времена.

Средневековье было, но оно миновало. Недаром этот период постоянно называется темным средневековьем. Пребывать в этом человечество не могло; и лучшие умы слагали времена расцвета, эпохи Возрождения.

20 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Предсказания

"Марс и Венера через сто лет будут обитаемы". Такое научное предсказание недавно сообщалось газетами. Выпишем дословно, как мы его читали:

"Двухчасовой рабочий день, уничтожение старости, и вместо нее вся жизнь как бы в промежутке от 22 до 35, и доставка воды на Марс, а также снабжение кислородом Венеры сделает их обитаемыми. Таковы предсказания на следующие сто лет, сделанные американским химическим обществом при торжестве химического юбилея в Америке.

Десять тысяч ученых присутствовали на этом торжестве". Предсказания эти были высказаны доктором Томасом Мидглеем, химиком и вице-президентом Этил Петроль Корпорешен.

"Д-р Мидглей говорит, что через сто лет будет уничтожена причина простуды, инфлюэнцы, туберкулеза, вероятно, рака и многих других болезней, которые сейчас считаются опасными. В синтетическом доме будущего столетия вы будете за ненужностью выбрасывать постельное белье, нагревать комнату немедленно, лишь нажимая кнопку, бросите ваши пижамы в мусорную корзину, ибо продукты целлюлозы будут настолько дешевы, что не будет иметь смысла их стирать.

Несварение желудка сделается неизвестным с открытием определенных гормонов, и принятие одной пилюли избавит от всех неприятностей.

Сон будет не тревожим, и дурные сны исчезнут. Будут такие сонные таблетки, которые будут производить лишь приятные сны, или другого сорта таблетки вообще избавят от снов.

Инженерное дело ждет от химии такое топливо, которое освободит все прочие подобные надобности. Изобретение такого топлива сделает возможным междупланетные сообщения.

Газолин, взрывчатые вещества и другие материалы получат такое преобразование, что новый запас энергии должен быть найден, может быть, в деятельности радия.

Я не хочу дать впечатления, что междупланетные сообщения немедленно станут общедоступными. Многие приготовления к этому нужны. Марс нуждается в воде, Венера — в новой атмосфере, все это требует работы будущих химиков и инженеров.

Мир будет здоровее. Лучшее здоровье, которое будет найдено, позволит развить такие условия жизни и умственных занятий, что ученые проблемы, нерешимые сейчас, будут находить разрешение в один день.

Возраст будет под полным контролем, будет найдена возможность для каждого заказать бесконечно долгую жизнь, избавляясь от случайностей и удерживая ее на приблизительно одном уровне. Жизнь может быть продолжена примерно как бы в возрасте от 22 до 35 лет.

Земледелие сделается точной наукой посредством мощных удобрителей и синтетических гормонов для производства урожая. Это будет значить также гораздо большее и гораздо скорейшее мясное распространение. Цыплята будут расти объемом не менее свиньи, свиньи — в рост коровы и корова — в величину мастодонта, но питания, чтобы воспроизвести такой рост, потребуется не больше, чем в настоящее время".

Еще раз оговоримся, что эти предсказания взяты из научного доклада, опубликованного в газетах. Многие заманчивые предсказания наводят на особое размышление. Так, например, ученый, знающий о том, что в овощах заключается больше витаминов, нежели в мясе, заключает свой доклад чем-то, вероятно, для него самого более привлекательным, а именно уродливым ращением цыплят в величину свиньи. Также забавно и то, что ученый заботится о Марсе и Венере, чтобы привести их в земные условия обитаемости. Почему-то ученый ограничивает свое мышление, желая подчинять другие планеты условиям Земли, может быть, их наименьшей сестры.

Вероятно, ученому не раз должно приходить на ум, что в то самое время, когда он мечтал бы подчинить прочие планеты условиям Земли, в то самое время на других планетах существа, там обитающие, думают о том, как бы дать Земле их наилучшие условия. Не будет ли самомнением полагать, что когда-то на других планетах обитатели их должны ходить в пиджаках и кепках земных. Неужели же величие небосклона может вызывать мысли, полные земного самомнения?

Конечно, было бы прекрасно, если предсказания ученого-химика относительно искоренения земных болезней исполнятся через сто лет. Конечно, чего лучше.

Но, к сожалению, одна химия, вместе с инженерным делом, не преуспеют в этом отношении. Истинная профилактика будет заключаться не в глотании химических таблеток, но в оздоровлении прежде всего условий быта. Можно глотать всякие таблетки и в то же время прозябать в необыкновенной грязи и неряшливости. Можно думать об инженерных открытиях и грязнить их небрежностью, лживостью и человеконенавистничеством.

Конечно, все земные жители будут приветствовать предсказания ученого-химика, если в них будет отведено должное

место духовному развитию, будет оценена великая психическая энергия, которая, в конце концов, мощнее всяких химических таблеток. Спрашивается, к чему людям долгий век, к чему внешнее пребывание в возрасте до 35 лет, если люди будут с малых лет уже духовными стариками? Зачем людям насиловать свой великий дар здорового сна, навязывая себе, подобно опиумоедам, насильственные грезы? Ведь всякие морфинисты, героинисты и тому подобные наркоманы и пьяницы тоже вместо здоровой мыслительной жизни хотят привести себя насильственно в миражное состояние. Сейчас все правительства мира начинают бороться, со злом наркомании. Значит, не насильственными таблетками, но именно здоровым бытом можно достичь и здорового, ободряющего сна. Ведь не для насильственных сновидений спят люди, а для чего-то гораздо более существенного.

Насильственное продолжение жизни так же уродливо, как и равные свиньям цыплята. В этом насильственном прикреплении себя к земным оболочкам сказывается нежелание подумать шире, именно в пределах тех бесчисленных планет и небесных тел, на которые желал бы отправиться ученый-химик, вероятно, одевшийся для такого торжественного путешествия уже не в пиджак, но во фрак.

Думается, что уже прошло то время, когда можно было кому-то мечтать лишь о грубо материальных решениях. Правда, были такие дни, когда отрубленная голова собаки под насильственными токами начинала лаять, а устроившие это насильники оповещали о том, что смерть побеждена. Такого сорта победители смерти прежде всего доказывают, что сами-то они так называемой смерти очень боятся и ограничивают свое мышление земными оболочками.

Если люди чаще заглянут в необозримый небосклон и подумают о соотношении Земли и Беспредельности, то не только о химических таблетках они помыслят. Мощь мысли, мощь психической энергии укажет им совершенно другие пути, в которых им не нужны будут насильственные сновидения.

21 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Нерушимое*"

Требование

"Никогда не быть пьяным, — не произносить лжи, никогда не делать того, что может повредить другому. Всегда быть красиво и чисто одетым. Бриться каждое утро. Никогда не вовлекаться в непорядочное соискательство с другими. Никогда не обсчитывать. Никогда не входить в соглашение с торговцами для совместного обмана. Никогда не принимать вознаграждения за что-либо купленное. Никогда не делать того, что могло бы повредить чести и достоинству Турции".

Такого сорта документ должен подписать каждый гид в Турции. Он не только должен его подписать, но по своим нравственным качествам он должен его проявить во всей своей жизни, во всех своих действиях. Итак, наконец мы узнали, где живут идеальные люди. Поистине, человек, умеющий выполнить эти десять заповедей должен быть не гидом, но, по крайней мере, членом парламента или министром…

Ведь было бы уродливо, если скромные гиды будут обладать доблестью и совершенствами такими, которыми не всегда располагают даже высшие чины правления. Не хочу этим обидеть Турцию, там мне быть не пришлось. Но и во многих других странах эти непременные качества скромного гида могут быть истинным украшением любого гражданина.

Не подумайте, что я так или иначе осуждаю вышесказанный документ. Наоборот, та страна, в которой взыскательный документ может народиться, заслуживает и одобрения и симпатии. Даже с точки зрения охранения Культурных ценностей, приведенный документ будет необыкновенно примечательным. Как ни странно, но именно в руках гидов так часто находится судьба Культурных ценностей. Они же являются произносителями репутаций.

Если вспомнить разные изречения гидов, а также всякие определения путеводителей и всяких туристических брошюр, то можно убедиться, сколь много зависит от них репутация исторических памятников, если не целых стран. Еще недавно пришлось читать, что в одном государстве были изъяты из продажи вновь изданные атласы, в которых были сохранены какие-то старые границы, чем могло нарушаться достоинство страны.

Также помню, как из одного удаленного телеграфного отделения мы хотели спешно перевести сумму денег в Ревель и не могли это сделать, ибо телеграфист уверял, что Ревель находится в России, а об Эстонии он вообще не знал. Также помню, как

некий гид, показывая в музее старинное еврейско-испанское кресло, уверял, что на этом кресле Моисей получал заповеди на горе Синае. Не будем приводить множество анекдотов из жизни гидов-путеводителей. Остается совершенно несомненным, что действительно не только историческая правда, но и множество репутаций остается в руках этих путеводителей.

Между тем во многих странах утверждаются целые министерства туризма, который непременно связан с существованием гидов и путеводителей. Допустим, что издание путеводителей будет контролировано компетентными учеными. Но в таком случае и гиды должны проходить известный экзамен в пределах тех исторических памятников, о которых они имеют необходимость разъяснять.

Итак, к десяти, хотя и строгим, но справедливым заповедям о гидах придется прибавить еще одну, а именно, чтобы они знали тот предмет, о котором они говорят. Конечно, если к строгим требованиям десяти заповедей добавить еще и солидное, обоснованное знание, то гиды, вероятно, сделаются самыми почитаемыми людьми в государствах. В конце концов, это будет недалеко от истины. Тот, кто имеет право встретить иностранца и справедливо рассказать ему о Культурных ценностях в своей стране, тот уже будет нужнейшим и почтеннейшим гражданином.

Тем более будет заслуживать почтения человек, знающий истинные ценности своей родины, что многие бытовые старожилы даже не всегда знают достопримечательности их родного города. Сколько раз приходилось встречаться с людьми, имеющими служебное положение, но которые совершенно не интересовались не только замечательными памятниками в пределах своего государства, но даже толком не знали о своем родном городе. Если же вы спрашивали их об этом, они отмахивались, отсылая вас или к местному архивариусу или в общество местных ревнителей, адрес которого тоже нередко им вообще был неизвестен. Эти же местные общества не только трудно бывает найти, но не менее трудно бывает узнать о присутственных в них часах.

Опять-таки мы не хотим осуждать, зная очень многие условия быта и предрассудки, окружающие этих преданных делу Культуры людей. Ведь и до сих пор так часто им приходится быть истинными подвижниками и подвергаться всевозможным насмешкам и поношениям. Каждый городской техник уже будет считать их какими-то паразитами и, в лучшем случае, ненужными архивными номерами. Найдутся и такие, которые будут гордиться тем, что они ничего об истории и обо всех общественных памятниках Культуры не знают. Ведь уже много

раз замечено, что все гуманитарное кем-то оставляется на последнем месте.

Конечно, это все происходит, попросту говоря, от незнания, но утешительного в таком заключении ничего нет. Лишь за последнее время люди вылезли за пределы домов своих и приучаются путешествовать. Бельгийский король к этому замечает справедливо: "Народы не могут жить здоровою жизнью, если они запрут все двери и окна. Как будто маленький, свежий воздух начинает ощущаться в мире".

Каждый врач расскажет о вреде закупоренных дверей и окон. Потому так уместно сравнение, приведенное бельгийским королем. К этому открытию дверей и окон нужно суметь приготовиться. В этих приготовлениях вопрос, с которого мы начали, т. е. вопрос о гидах, явится очень существенным. Министерства туризма находятся в одном закрытом помещении, но гиды распространены по всему лику государства. Они расскажут не только о памятниках старины, но невольно попутно коснутся и современного творчества. И в том и в другом вопросе они не должны, хотя бы невольно, распространять ложные, вредящие соображения.

Все это так понятно и в то же время так неотложно и нужно.

Некий гид рассказывал приезжему иностранцу о том, что какое-то здание строилось несколько столетий. На это иностранец заметил, что в их стране потребовалось бы на это сейчас не более одного года. Гид обиделся за свой родной памятник. На другой день, когда они продолжали осмотр города, иностранец спросил о каком-то выдающемся здании, а гид, пожав плечами, ответил: "Не знаю, вчера его еще здесь не было".

22 Июня 1935 г.

Цаган Куре

Публикуется впервые

Видения

Журнал "Ди Гейстиге Видергебурт" в январе текущего года сообщает: "Поступают сведения о странных небесных знаках, сообщаемые в ежедневных газетах. "Касселер Пост" пишет о явлении Христа на небе, происшедшем в Норвегии, в следующих словах:

"Странный феномен наблюдался в маленьком городе Гримштаде, на южном берегу Норвегии. Маленькое облачко, похожее на белую летательную машину, появилось на безоблачном синем небе при полном солнечном сиянии. От этого облака отделилось другое, разрослось и образовалось в светоносную фигуру Христа, обращенную к городу и благословляющую руками. Явление продолжалось около пятнадцати минут и затем медленно преобразилось в форму Святой Чаши. Это произвело глубочайшее впечатление на сотни народа, собравшегося наблюдать его".

"Сообщение упоминает, что не может быть никакого сомнения относительно явления в небе, ибо весь народ целого города видел его. Также сообщается, что норвежские ученые пытались объяснить сияющее облако как световой феномен, образованный преломлением солнечного света на большой высоте в микроскопических кристаллах льда. Видение же Христовой фигуры, однако, они объясняли как случайное".

Другое феноменальное явление, также сияющей фигуры в небе, было сообщено в "Нойе Фрейе Прессе" в 1934 году, в ноябре, которое гласит:

"Необыкновенно странный световой феномен наблюдался подавленной и испуганной толпою народа в маленькой греко-македонской деревне Ориссари. Сообщение об этом феномене, который появляется к вечеру, несколько разнится. Священник из Ориссари утверждает, что он из окна своего дома видел гигантскую фигуру голубого света — как бы могучий воин в полном вооружении, в шлеме и с мечом, подымающийся над горизонтом. Она оставалась несколько минут и затем мгновенно исчезала, не оставляя по себе ни малейшего следа. Поселяне, которые наблюдали это, замечали, что как бы все небо затем было покрыто языками голубого пламени, и многие из них верят, что это был дух Александра Великого, который появился, чтобы предупредить население в Греции о катастрофе".

"Этот феномен возбудил интерес ученых и газетных сотрудников, отправившихся в Ориссари исследовать его. Первоначально они полагали, что это массовое самовнушение,

пока один оператор греческой кинематографической ассоциации не получил отображения на фильме. Президент общества психических исследований в Афинах опубликовал сообщение, утверждая, что на этой фильме гигантская фигура вполне видна, она быстро потухает, после чего все небо наполняется огнем и видно, как сияющая фигура затем исчезает".

"В этом случае пытались объяснить феномен естественным путем, т. е., что испарения от болот, окружающих деревню Ориссари, могли произвести такой странный феномен. Вопрос появления фигуры, конечно, не принимался во внимание и не был никоим способом разрешен".

Любопытно сравнить эти последние сообщения также со сравнительно недавними вестями из Италии, Англии, а также из нескольких мест Азии. В одном месте толпа народа видела женскую фигуру, и затем небо как бы покрывалось языками пламени. В другом множество народа неоднократно замечало огненный крест, в третьем видели огненного Ангела, стоящего на столбах света, затем видели огненного всадника, видели чашу — и все это на сравнительно недалеком промежутке времени.

Если кто захочет объяснить все эти видения лишь самовнушением толпы, массовым гипнозом, то и такое явление заслуживает глубочайшего внимания, ибо массовый гипноз вовсе не так часто проявляется. Он был известен при некоторых напряженных эпохах человечества и не может быть рассматриваем как нечто, не заслуживающее внимания.

Если к этим помянутым видениям в небе добавить все многочисленные явления почитаемых народом Святых — Святого Преподобного Сергия Радонежского, Святого Серафима Саровского, Святого Николая Мирликийского, о которых сообщают из самых различных мест, то и эти сведения также должны заслуживать глубокого внимания.

Все можно пытаться объяснить какими-то так называемыми "естественными путями". Но прислушиваясь внимательно к обстоятельствам этих сообщений, можно увидеть, что предлагаемые "естественные пути" очень несостоятельны. Преломление света или болотные пары, или какой дым, или пепел — все это еще не расскажет, почему целые массы народов, самых разнообразных в своей психологии, все же видят определенные фигуры и убеждают в них друг друга мгновенно, а кинематографическая фильма запечатлевает то же народное убеждение.

Также к "естественным путям" относится теория случайности. Во всех случаях лишь совпадение. Но тогда следует припомнить давнишний рассказ о том, как ученик на экзамене был спрошен,

если он упадет с башни и останется жив, что это? Тот отвечал — случай. А если во второй раз? Ответ был — совпадение. А если в третий раз? — Тогда — привычка.

Вот в этих повторных, как бы в столпившихся народных видениях тоже является уже не случай, не совпадение, а уже привычка. Ведь происходящее сообщается от разных народов, с разных концов земли и связывается с определенными сроками, о которых знают решительно все народы. Так, 1936 год поминается под различными причинами в самых неожиданных странах. О нем скажут и в Японии, и в Америке, и в Монголии, и в Индии, и во Франции, и в Италии. Словом, если и эту дату, найденную совершенно различными путями, назвать массовым самовнушением, то ведь возникнет необыкновеннейший вопрос, каким путем и почему такое мировое самовнушение может быть возможно.

Стараемся быть беспристрастными. Не навязываем своего мнения. Нанизываем добросовестно лишь поступающие факты. Знаем, что эти сообщения доходят от людей, ничем между собою не связанных, от людей разного образования, разных взглядов и верований. Тем ценнее наблюдать сейчас происходящее. Ведь люди-то видят. Видевший не удовлетворится никакими объяснениями в том, что он не видел. Тот, кто видит, кто ощущает, кто сам слышит, тому никакие болотные испарения не будут убедительными. Когда же вы возьмете все образы, разными народами виденные, то разве не будет это огромным историческим моментом, который незрим лишь для слепых?

Ведь не то, чтобы кто-то от кого-то слышал, узнавал от недостоверного болтушки. Здесь вы имеете дело с целыми массами народными, которые видят и ощущают. В этих видениях заключен мировой момент огромной важности. Без всяких предрассудков и суеверий прислушаемся к этим сообщениям, за которые ручается множество народа. Как пытливые историки, соберем все эти факты воедино, чтобы еще более осветить великий мировой час, о котором могут не думать лишь умы незрелые. Прежде всего и во всем нужно знать. Современное мировое смущение имеет глубокие корни. Много зарослей прорастает, и в них не следует заблудиться. А для того, чтобы знать, нужно честно и внимательно прислушиваться прежде всего к гласу народа. А в данном случае мы имеем дело уже не с одним народом, а со многими народами, сейчас видевшими и ощущавшими.

23 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"Оккультизм и йога", 1937 г., № 9

Питание

В описании флоры Дальнего Востока читаем: "Кроме огородных овощей, китайцы, корейцы и инородцы употребляют в пищу многие дикие растения, заменяющие им культурные овощи. В этом нужно видеть приспособляемость населения к местным условиям жизни, где часто неожиданные наводнения затопляют поля и огороды, где охотничьим племенам нет времени заниматься огородной культурой, а в деревне весной не хватает зелени. Местное население, почти не употребляя в пищу мяса, должно разнообразить свой стол, но и беднейшие из него, благодаря знакомству с дикими овощами, никогда не сидят без пищи. Рано весною, когда обычно отсутствуют дожди и в огородах нет зелени, они заменяют культурные овощи молодыми листьями папоротника, побегами калужницы, стеблями белоцветного пиона, употребляют в пищу белую марь, дикий щавель, молодые стебли полыни, весенние листья одуванчика, листья осота и многие другие.

Население, живущее среди болот, по долинам рек, ест молодые ростки рогоза, клубни стрелолиста, листья нимфейника.

Из известных ныне диких овощей наиболее питательными следует признать луковицы различных видов лилий, дикий чеснок, черемшу, цветы лилейника, луковицы сароны и листья папоротника.

Из папоротников употребляют в пищу молодые листья Аспидиум Феликс. У лилейников обычно снимают цветы, сушат на солнце и заготовляют на зиму. Лепестки лилейника содержат в себе крахмал и оказываются питательными.

Молодые зеленые крылатые семена мелколистного вяза, всюду растущего, идут в пищу в сыром или в вареном виде. Интересно отметить, что цветы чакомки в вареном виде употребляются в пищу".

Затем идут описания съедобных орехов и грибов, а также всяких питательных водорослей, сорта бобовых растений, кориандра, колоказия, батата, иньяма, дикого ямса, съедобного лопуха (гобо), периллы, долихоса и других полезных, питательных и давно оцененных местным населением растений. Если же к этому огромному списку прибавить еще всякие земляничные, липовые, малинные и прочие местные чаи и растительные напитки и вспомнить, что даже обыкновенный пырей дает питательный отвар, то получается целый инвентарь полезнейших естественных растений.

При этом невольно бросается в глаза, что инородцы

действительно мало едят мяса, а вековой опыт научил их находить естественную замену этого общепринятого питания. Сравнительно с длинным списком диких, годных для питания растений окажется сравнительно коротким перечень культурных огородных овощей.

Народы, часто испытавшие голод и суровые условия природы, конечно, начали искать всякие возможности пропитания. Для них слишком обычным является стремительный, неожиданный потоп, когда поля и огороды в течение нескольких часов превращаются в песчаные бугры. Они знают ранние и поздние морозы, и веками ощутили уничтожающую мощь вихрей. Конечно, всякие такие необходимости издавна обратили внимание на возможность найти питательное, подкрепляющее питание в растительном мире.

Когда происходит голод, то прежде всего поступают жалобы об отсутствии общепринятого зерна и мяса. На многие другие возможности вообще не обращается внимание. О них просто упускается из виду, ибо никто никогда не напоминал о естественных дарах природы.

Наука достигла многого в изучении витаминов. Наука установила, что в этом отношении овощи питательнее мяса. Именно наука еще раз подсказала ту древнюю истину, что мясная пища вовсе не нужна, разве кроме случаев неизбежной необходимости. В изучении овощных витаминов наука обычно занималась культурными огородными растениями. Теперь для таких же исследований следовало бы обратиться ко всем растениям, растущим в диком виде и тем самым так легко достижимым.

И тропические и арктические климаты дают множество питательных диких растений. Как полезно и необходимо было бы обратить исследование на этих питательных помощников в жизни человека. Ведь кроме несомненной питательности, о которой могут свидетельствовать многочисленные народы, эти растения несомненно имеют и лекарственные свойства, которые помогли бы соединить питательность с прямым оздоровлением.

Даже среди культурных огородных овощей их лекарственность далеко не всегда исследуется и применяется. Так легко могла бы быть соединена и питательная и лекарственная диета. Впрочем, в стариннейших советах мы видим, как предлагалась смена пищи понедельно, чем предусматривалась не только питательность, но и лекарственность. Вместо множества патентованных суррогатов, в природе предоставлены людям самые естественные решения многих проблем.

Если не хватило бы воображения о путях, по которым искать

решения таких проблем, то опять-таки следует обратиться к истории, этнографии, к изучению быта во всех его, казалось бы, даже странных на первый взгляд подробностях. Деревенские лекари и знахари для лечения животных прежде всего подмечают, какие травы поедаются ими во время их заболевания. Таким естественным, опытным путем были найдены многие полезные лекарства.

У многих народов мы уже научились не только полезным, но и изысканнейшим кушаниям, как-то: молодые бамбуки, лепестки роз и другие неожиданные, но питательные применения из окружающей природы. Не собираемся составлять вегетарианскую кулинарную книгу, но при многих странствованиях несомненно каждому бросается в глаза потребление дикорастущих растений. Каждый ознакомившийся с широким их употреблением невольно задается вопросом, были ли они, то есть такие растения, исследованы научно со всех точек их полезности?

Видим, что и до сих пор постоянно открываются новые виды флоры. Даже с этой стороны исследования планетной растительности далеко не закончены. Нечего и говорить, что в смысле изучения питательности и лекарственности вопрос также далеко, далеко не выяснен. Но для каждого зрячего очевидно, что вековые опыты многих народов могут быть широко и полезно применены.

24 Июня 1935 г.

Цаган Куре

"*Врата в Будущее*"

Гора сужденная

"Некий поселянин из Шаньси чувствовал себя крайне несчастным. От отца ему досталась земля совершенно неплодородная. Большая часть ее заключалась в таком каменистом холме, где даже неприхотливые овцы не могли достать себе пропитания. Правда, дед когда-то говаривал, что эта земля очень хорошая, но мало ли что скажет старый человек, веривший в какие-то предрассудки. Если бы эта земля была действительно хорошей, то семья поселянина из Шаньси не пребывала бы в полной нищете. А ведь хозяин дома вовсе не был лентяем и прилагал все свои усилия, чтобы доставить семье своей счастье. Но эти проклятые камни, этот бесплодный каменистый холм разве может кому-либо доставить пропитание? Так жаловался бедный поселянин и мечтал избавиться от своего несчастного места.

Однажды к поселянину приехал его дальний родственник и пошел посмотреть на злосчастный холм. Среди обломков камней ему показалось нечто похожее на серебро. Он взял пробу, дал исследовать. Дальнейшие розыски показали, что так называемый проклятый холм является как бы серебряной горою и заключает в себе огромное богатство. Таким образом, именно то место, которое всею семьею поселянина считалось источником всех их несчастий, оказалось сокровищницей огромного богатства. Ведь нередко люди считают своим несчастьем то, в чем заключено их высшее преуспеяние".

Не думайте, что я вам рассказал притчу времен Конфуция. Рассказанный эпизод только что произошел в Шаньси и еще раз мог напомнить многим, насколько преждевременными и превратными бывали их многие суждения. Сколько раз люди не только порывали нужнейшие для них нити, но всеми силами отталкивали от себя уже стучавшееся к ним счастье.

Кое-кто, прочитавший историю серебряного холма, может быть, посмотрит на нее просто как на еще какую-то ценную находку. Может быть, он не уделил внимания тому, что дело не в серебре, но в психологии поселянина, для которого величайшее благополучие столько лет являлось предметом раздражения и проклятий. Как часто происходят подобные эпизоды и в частной жизни, и в жизни целых народов. Если спросим наших знакомцев, не оттолкнули ли они в свое время многое, что впоследствии оказалось бы их благополучием, то, по совести, очень многие сознаются, как часто не было уделено внимания именно самому нужному и самому близкому.

Не только оставалось в пренебрежении самое нужное, оно подвергалось и насмешкам и оскорблениям и называлось самым негодным.

Так же часто люди, думая, что овладели какою-то свободою, заковывали себя в цепи и навсегда ввергали в безысходные темницы.

Один из прекрасных мыслителей Индии Свами Рама Тирта горячо и справедливо говорил: "В невидимых оковах заключили себя цивилизованные нации. Они отделили себя от друзей и изгнали себя из природы, из благоухания естественной жизни в тесные гостиные — в погреба и темницы". Прекрасно сказал большой поэт, что в переводе будет звучать:

"Мирское нас обуяло, опоздалое, суетное. Захваты и траты, на 'них полагаем мы мощь. Мало в природе мы видим сужденное нам".

Именно сужденное, уже данное. Ведь каждый дар может быть использован и в дарованный час. История о серебряной горе напоминает, как иногда указывались дела серебряные и золотые, но и они могли быть использованы в срок. Может быть, владелец серебряного холма для своего же блага и не должен был найти сужденную гору раньше. Но к чему было ему преждевременно проклинать свое же сужденное счастье? Без его злоречий, может быть, обстоятельства обернулись бы для него еще более радостнее. После всякой брани о холме серебряном, вероятно, поселянину в сознании своем не так-то было легко признать свою собственную неосмотрительность и предубеждение.

Весьма вероятно, что его дед называл эту землю хорошей землей не только потому, что всякая земная твердь хороша, но, может быть, он знал что-то об этом месте более точное и лишь не успел досказать. Ведь столько и семейных, и государственных обстоятельств остаются случайно недосказанными. Такая всякая возможность недосказанности должна обращать людей к особой осмотрительности и бережности.

Недосказанности могут быть случайными, но могут быть и преднамеренными. Если посылающий не убежден в качестве своего вестника, то ведь и не скажет он ему все глубокое значение посылки. Он просто скажет бережно отнести письмо. Но в случае полного доверия он сказал бы ему и всю ценность послания. Так же и дед поселянина, может быть, имел особые причины для своих символических выражений, но во всяком случае внуку следовало бы всесторонне подумать, не было ли в сказанной притче о доброй земле скрыто что-то особенное.

Много сужденных гор, и медных, и серебряных, и золотых уготовано. Недаром в сказках люди предупреждаются о царстве

медном, о царстве серебряном и о царстве золотом, а то и алмазном. И царевна Моревна знает эти царства и помогает царевичу найти уже для него сужденное. Убеждает его не увлекаться малым, а идти туда, к самому трудному и самому ценному. Имя-то какое сложено сказками "Моревна". И сказка знает Елену Прекрасную — мудрую и вещую. В сказках ли только уготованы горы сужденные?

28 Июня 1935 г.

Наран Обо

"*Врата в Будущее*"

Рождение скуки

Среди обсуждения современной жизни кто-то пожаловался на скуку, но другой собеседник воскликнул: "Какой же Вы скучный человек!" Жалевший о скуке начал уверять, что он-то лично не скучен, но обстоятельства его жизни так однообразны и бесцветны, что не он, но обстоятельства жизни скучны.

Между тем другой собеседник продолжал настаивать, что не может быть в жизни, в природе таких обстоятельств, которые порождали бы скуку. Он говорил: "Мы сами рождаем в себе эту мертвенность, которую мы называем скукою. Мы сами скучны, а вовсе не жизнь, вовсе не природа".

Третий собеседник припомнил из жизни отшельников Индии, как, не двигаясь от входа своей пещеры, риши ощущали всю полноту бытия.

Четвертый собеседник указал на жизнь Преподобного Сергия Радонежского и Серафима Саровского, спрашивая: "Могут ли такие подвижники вообще ощущать скуку? Знакомо ли им это слово?"

Итак, первый собеседник, неосторожно отнесший скуку к окружающей жизни, получил со всех сторон отпор. Мало того, невольно он дал всей беседе неожиданное для него самого направление. Многими примерами было ясно доказано, что скука есть не что иное, как падение жизненной энергии. Это отсутствие энергии порождается условными устоями, порожденными в нас же самих. Бывает, что люди неправильно употребляют само выражение "скука". Иногда они хотят в этом выразить свое к чему-то нетерпение. Но ведь и нетерпение уже будет признаком отсутствия дисциплины, которая всегда будет следствием особого напряжения энергии.

Можно заметить два определенных типа людей. Одни по природе своей любят внутреннюю дисциплину. Их не нужно обучать этой концентрации воли. Человек, добровольно осознавший значение упорядоченности, он является и ценителем и своего и чужого времени. Распознав эти ценности, человек всегда останется и твердым, и наблюдательным, и находчивым. Он будет сильным человеком. Другой тип людей по природе своей боится и старается уклониться от всякой дисциплины. Можно быть уверенным, что этот тип людей, хотя бы даже и обладал известными познаниями, не примет на себя особую ответственность, не проявит истинного терпения и скорее всего допустит разлагающие, никчемные обсуждения. Этот тип людей не будет сильным. Они будут, кроме того, очень себялюбивы,

преисполнены самости. Они легко повторят слово "скука", стараясь возложить это тягостное ощущение на окружающие обстоятельства.

Такие люди будут стараться и окружающих их вовлечь в те же ложные обсуждения своей тягости. Они даже не подумают, что рождение скуки происходит исключительно в них самих.

Среди лекарств, противодействующих такому эгоистически-безвольному состоянию, конечно, прежде всего будет развитие искусства мышления и умения приобщаться к природе. Много раз настойчиво описывалось искусство мышления, которое должно быть воспитываемо и образовываемо. Так же точно нужно уметь приобщаться к природе. Каждому приходилось видеть несчастные типы людей, для которых совершенно закрыта книга природы. Перед ликом природы, полным несказанною прелестью, они будут играть в карты или мечтать о "прелестях" городской жизни. Они будут доходить до такой несоизмеримости, что прекрасную природу они будут готовы предать для ужаса и извращения города.

Можно себе представить, какие настоящие извращения организма, какие патологические судороги происходят, когда нечто ценное и прекрасное затемняется условным и разлагающим. Ведь сердце человеческое болезненно корчится от всего неестественного. Сердце не скажет своих ощущений в земных словах, но каждый удар по сердцу останется на многие жизни. Одним из самых болезненных ударов по сердцу, конечно, будет внедрение понятия скуки. Этой мертвенности сердце не выдерживает.

Следует во всех просветительных учреждениях от младших классов всеми мерами изгнать понятие скуки. При этом заполнение времени не должно быть чем-то чисто механическим. Нужно, чтобы времени действительно не хватало на действия и на мышление. Что может быть увлекательнее, нежели мышление и творчество перед ликом природы! Эта радость может происходить при самых различных работах, ибо настоящее мысленное творчество лишь поможет качеству каждого труда.

Столько раз говорилось о противоположениях Востока и Запада, которые уже понимались не в смысле географическом, а в смысле основной психологии. И в то же время каждый отлично чувствует, что никаких противоположений нет и быть не может, ибо как здесь, так и там, должно быть внутреннее стремление к живительному синтезу. В этом синтезе доброкачественности, терпимости и творчества не найдется ни малейшего места для безвольного проклятия, именуемого скукою.

Нужно ли о скуке говорить, если она так мертвенна и

мерзостна? Как же не нужно, если это слово так часто повторяется и старыми и малыми. Скучающие типы даже стараются облечься в позу какой-то ультрасовременности. По неразумию они полагают, что окружают себя каким-то неразгаданным, таинственным ореолом, а на самом деле они остаются просто скучными, не применившими себя к жизни отбросами. Если в какой бы то ни было форме проявится зло, не пытайтесь замолчать. Этот гнойник лишь создаст целую гангрену. Спешите отсечь это вредное понятие скуки как можно скорее, как можно решительнее. Скучающий тип боится быть осмеянным, а в то же время он прежде всего смешон в своем заблуждении.

Лохмотья скуки уже будут каким-то чудовищно нелепым шутовством. Гранд Гиньоль! И кому же захочется быть в этом страшном шутовстве?

Итак, пусть ехидна скуки не осмелится приближаться ко всему образовательному, просветительному, ко всему Культурному. Все те, кто особенно чувствует нелепость этого скверного понятия, пусть дружными усилиями извлекут все его зародыши. Поистине, скука не в окружающих обстоятельствах, не в жизни, но в самих людях.

29 Июня 1935 г.

Наран Обо

"*Врата в Будущее*"

Наран Обо

Превыше всех окрестных гор стоит Наран Обо. Наран значит Солнечный. Поистине, высокое белое Обо и встречает и провожает солнце. По рассказам, эта вершина овеяна многими священными преданиями. От нее, как на блюдечке за золотым яблочком, видны все окрестные земли. Из-за холмов высятся крыши монастыря Батухалки. За ними опять гряда холмов, а там уже пески, предвестники Алашаня. К юго-западу и западу протянутся песчаные пространства — все эти гоби или Шамо. На юг побежал путь в Кокохото — там уже смущения многолюдства. На восток протянутся земли Сунитские, на северо-запад пойдет Урат. На севере Муминган, что будет значить "Лихая тысяча". Не запомнят, где это знамя проявило свою лихость. Да и откуда она, от лихого или от лихой отважности?

Само Наран Обо стоит на землях князя Дархан Бейле. К северу обозначатся развалины монголо-несторианского древнего города. Кроме китайских и монгольских наслоений, в основании развалин найдутся и уйгурские начертания, да и кто знает первоначальную древность этих пустынных камней? К западу, говорят, находятся тоже развалины стана Чингис-хана. Непременно нужно побывать там. Это место, по-видимому, нигде не описано. Да и как же обошлась бы именитая монгольская округа без великого имени Чингис-хана? Там, среди каких-то развалин, виднеются и камни со знаками. Может быть, эти знаки-тамги или надписи дадут ключи к определению.

В том же направлении, в одном дне конного пути, уже граница Халхи. Много разнообразных и противоречивых рассказов достигает оттуда. В двух десятках верст — целое поселение беженцев халхасцев. По рассказам, выходит и так и этак. Одному одно узналось, другому другое почудилось.

Наш стан среди причудливых вулканических скал. У самого подножья Тимур-хады, что значит Железная скала. Вот и это великое имя в монгольской истории не миновало. И Чингис-хан, великий завоеватель и устроитель, и железный Тимур, а на вершине горы светит Наран Обо. У подножия той же горы, недалеко от нашего стана, находится место будущей монгольской столицы. Место было избрано и предуказано самим Панчен-Ринпоче, Таши-Ламою Тибета, который сейчас в Кумбуме. Вполне понятно, что для места будущей столицы монгольской избрано место новое. Ведь Батухалка, с ее старинным нажитым монастырем, не будет новым строением. А новое автономное правительство, конечно, справедливо хочет быть в новом

окружении. Пока правительство помещается в Батухалке в юртах. Но, конечно, такое местопребывание может быть лишь временное.

По давним примерам истории монголы хотят строиться. И место, избранное самим Таши-Ламою, намечено не случайно. Эти же горы, окружающие Наран Обо, некогда служили ставкою известного гуннского воителя. И сейчас можно видеть у скал некоторые камни, не случайно положенные. Когда-то на этих местах протекло многое. Вот перед нами среди зеленых вязов высохшее русло реки. Когда-то и здесь была вода, но сейчас она отошла от этого места и осталась лишь в окрестных колодцах и отдельных источниках. Конечно, два-три артезианских колодца дали бы новую живительную струю. Среди будущих строений об этих водных оживлениях нужно подумать в первую голову.

На почву жаловаться нечего. Всюду были леса, теперь жестоко уничтоженные. Мы сами недавно наблюдали в Цаган Куре, как на глазах проросло ивовое бревно забора. Значит, всюду, где есть хотя бы малейшая жизнь, почва позволяет ей проявиться.

Живою силою монгольского автономного правительства является Сунитский князь Де-Ванг. Нелегка задача этого князя, желающего вдохнуть новые государственные формы около древних монгольских знамен. Еще недавно во время своей поездки в Пекин князь Де-Ванг трогательно говорил многолюдной аудитории университета о том, что каждый совет на пользу монгольского строительства будет принят с благодарностью. Действительно, кто же не хотел бы помочь мирному Культурному строению исторически великой страны. У кого же найдется столько невежественной жестокости, чтобы противоречить и препятствовать мирным просветительным начинаниям. Наоборот, каждое Культурное сердце зазвучит на такое откровенное обращение. Кто же откажется подать доброжелательный совет там, где он будет так нужен, где он будет так выслушан.

В стране, где народ понятлив, где сохранены недра, где возможно и улучшенное скотоводчество и земледелие, и всевозможные промыслы, разве найдутся такие жестокосердные люди, которые будут желать гибели всех этих, таких явных возможностей? Конечно, во всем мире сейчас смутно. Конечно, каждый день может приносить потрясающие неожиданности. Все так напряжено, как бывает напряжено завершение башни или при спуске огромного корабля. Сквозь смуты и смущения всюду пробивается искание нового мира, новой жизни, нового счастья. Многое изжилось, многое обветшало и требует нового строения. Самые лучшие умы видят, что еще недавними валютами прожить

уже нельзя. Самые практические люди уже отвергают многовековой кумир человечества — золото. Также напряженно ищутся формы сотрудничества. Кооперация является лозунгом дня. Люди понимают, что всякая изоляция, подобно тюрьме, не ведет к расширению, не ведет к свету и солнцу.

В такие дни особого мирового напряжения призывно звучит каждое желание мирного Культурного строительства. Сейчас хочет строиться Монголия. Та самая Монголия, которая дала истории человечества столько потрясающих страниц, теперь хочет мирно и Культурно устраиваться. Конечно, было бы жаль, если в этом строительстве будут забыты исконные основы монгольского народа и кто-то будет насильственно вносить чуждое. Наоборот, можно видеть, насколько пригодны для строительства многие местные материалы, и нужно использовать все созидательное дружелюбие, чтобы новое здание возводилось на истинно целесообразных основах.

Приглядываясь к окружающим возможностям, мы видим, что если в свое время Самарканд, весь Хорезм, все цветущие кишлаки могли веками держать свой блестящий плодоносный уровень, то ведь и вся здешняя почва способна к тому же. Само обстоятельство долгого отдыха почвы лишь поможет новому строительству. Ведь всякая пашня должна отдыхать, так и Монголия достаточно отдохнула, чтобы с новыми силами опять напрячься в строительстве.

Нужно видеть, с каким проникновенным восторгом каждый монгол произносит священное для него имя Чингис-хана, как монголы вспоминают Тимура, Угедея, Кубилая и других строителей, и грозных, и миролюбивых, вызывавших такое внимание всего мира.

Общим местом уже сделались ссылки на Марко Поло. Но ведь не он один, а многие путники запечатлели в своих записях процветание здешних краев. Мне уже приходилось напоминать, насколько точно и богато описаны теперешние кажущиеся пустыни китайскими путешественниками. В то время описанные ими места истинно процветали. В раскопках мы убеждаемся, что они действительно могли процветать. Тем легче представить, что и новая эпоха возрождения, еще лучший расцвет вновь возможен.

Тем же, кто будет указывать на суровость местных условий, можно напомнить, что именно суровые условия так часто служили импульсом строительства. Ведь условия Скандинавии подчас очень суровы, но именно там выковался непобедимый дух викингов. И в обеих Америках, несмотря на все грозные торнадо и песчаные смерчи, когда-то слагалась высокая Культура майев. Дух человеческий не знает физических преград.

Монголия хочет иметь школы, пути сообщения, телеграфы, госпитали ¬разве это не хорошо? Монголия хочет иметь упроченную администрацию, хочет иметь кооперативы, хочет иметь промысловые артели — разве это не хорошо? Монголия хочет иметь образцовые хозяйства, хочет улучшить земледелие, скотоводство, древонасаждение — разве это не хорошо? Монголия хочет иметь товарообмен, финансовое устроение, стремиться к мирным взаимоотношениям — разве это не хорошо?

Сейчас столько в мире изжитых, смущенных обстоятельств. И тем более нужно радоваться, когда видите желание народа устраиваться, преодолевать препятствия и мирно преуспевать. Ведь это нелегко. Всюду много злобы и злоумышления. И потому каждое семя добра должно найти искреннюю помощь и дружбу. К тому же весело помогать каждому строению. Еще недавно указывали, что я люблю пословицу французов: "Когда постройка идет — все идет". Не откажусь, люблю эту пословицу. Чую, что действительно в порыве строения улаживаются многие житейские недоумения и нерешенные задачи. Потому-то и зову всех помогать строению. Каждое строительство есть не только национальное дело, оно уже есть дело мировое, ибо умножает мировое благо, укрепляет мировое достижение.

Когда мы слышим трогательно дружелюбное приглашение монголов помочь их строению, то хочется и всем далеким друзьям Культуры передать то же пожелание, ту же просьбу — соединить действенные усилия для нового строения.

Новые созидания не должны возбуждать лишь стремления к эгоистическим попыткам, к наживе или к подавлению личностей. Наоборот, знамя строения всегда будет светлым, собирательным и благожелательным понятием. Ведь не несбыточную вавилонскую башню собирается строить Монголия. Страна хочет естественно улучшиться, укрепиться. Вовсе не несбыточные средства нужны для такого строения. Богатства самой страны являются совершенно достаточною гарантиею ее возможного преуспеяния. Каждый Культурный человек лишь порадуется, слыша, что и в наши трудные дни происходит еще одно улучшение и строение.

Высоко на горе светит солнечное обо — Наран Обо. Оно напоминает о тех духовных возможностях, которые должны укрепить камни новых монгольских строений. У подножия горы обжигаются кирпичи для строения будущей столицы. Это предстроительное движение напоминает мне мою картину "Город строят". Там, где строят — там не разрушают. Каждое строение есть умножение блага. "Когда постройка идет — все идет".

30 Июня 1935 г.

Наран Обо
"*Врата в Будущее*"

Катакомбы

Где только не разбросаны всевозможные катакомбы, пещеры, подземные ходы и всякие убежища, где люди пытались охранить самое для них священное и ценное. Если рассмотреть всю психологию разновременных и разнородных катакомб, то составится одна общая трогательная страница преданности и самоотверженности.

Где-то бывали и разбойничьи пещеры, но таких притонов будет гораздо меньше, нежели убежищ во имя сохранения блага, во имя принесения на землю лучших мирных начал. Те, кто посещали катакомбы и всякие подземные ходы, те могли убеждаться, что даже самые настенные иероглифы оставляли в памяти трогательные символы.

Среди своеобразных человеческих испытаний почему-то непременно нужны или катакомбы, или заточения, или преследования. Проявление блага непременно должно вызывать противоположную ярость. Когда будете в Риме, непременно пройдите по катакомбам. Пройдите по различным катакомбам, не поскупитесь попросить показать вам длиннейшие боковые ходы, там, где, как скажут, уже опасно ходить. Подробно осмотрите настенные знаки, все надписи. Ощутите на своем теле пронизывающую сырость. Оглянитесь на мрак, наступающий из таинственных, бесконечных проходов. Вспомните, как бежали почти нагие, плохо прикрытые, босые в эту сырость, на эти каменные ложа, среди могильных надгробий.

В этом спасительном убежище стирались все условные различия. Высокородные матроны теснились вместе со вчерашними рабами, лишь бы сохранить светильник сердца своего зажженным. Каждый знак преданности и самоотверженности вливает в сердца новое мужество. Во всех веках было проявляемо самоотвержение. Как высшее духовное испытание являлись непременно нужными эти преследования, о которых можно писать повесть героическую на всех языках.

Поистине в пещерах и подземельях отыскивали сокровища. Эти ценности должно понимать во всех смыслах. Также необходимо и напоминать об этих ценностях, ибо катакомбы как существовали, так и существуют. Напрасно кто-то подумает, что всякие катакомбы уже отошли в область преданий. Далеко нет. Почетные катакомбы, почетные заточения, почетные преследования существуют в полной мере, а в разнообразии своем они лишь изощряются.

Было бы непростительной отвлеченностью говорить о том,

что почетные преследования закончились. Они по-прежнему существуют в передовом ряду борьбы за благо. И они должны быть воспринимаемы со всею твердостью и решимостью как стигматы благодати. Тот, кто не был преследован за благо, тот и не являл его. Было бы неестественно предположить, что истинные достижения приходят без борьбы.

Об одном всем известном деятеле еще недавно мы читали такую характеристику: "Любили или не любили вы его, соглашались или не соглашались с ним, но вы никогда не оставались безразличны к нему. Около него всегда было нечто, что не могло быть пренебрегаемо ¬ определенная героичность, беззаветная смелость, радость битвы, огонь убеждения. В нем не было полутонов, не было слащавости, не было пугливой уступчивости. Все в нем было светло, как день, непререкаемо, как таблица умножения, убедительно, как громы Синая".

Да, громы Синая для известного рода ушей неприемлемы и ужасны, но другим самоотверженным душам эти громы, именно эти молнии вселяют новое непобедимое мужество. В горении таким мужеством люди теряют ощущение боли и, как на огненных крыльях, сокращаются для них самые длинные пути.

Дорогие мои, знаю, насколько вам трудно, насколько нужна мудрая осмотрительность, чтобы не подвергнуть осмеянию и поруганию самое для вас ценное. Что же делать, придется пожить и в катакомбах, на стенах которых будут многие прекрасные символы. Будете чувствовать себя под этими сводами не в заключении, но, наоборот, окрыленными. Сама осмотрительность ваша будет не более той осмотрительности, когда человек старается нетушимо пронести по базару освященный огонек. Конечно, несущий эту благую лампаду должен идти очень бережно, чтобы не толкнули его, и не пролилось бы ценное масло, и не погас бы огонь.

В этой бережности не будет ни боязливости, ни самости. Если человек знает, что он должен нечто донести во имя Высшего Блага, то он и напряжет всю свою находчивость, всю свою вместимость и терпимость, лишь бы не расплескать зря свою чашу. Ведь не для себя он ее несет. Он ее несет по Поручению Оттуда и Туда, куда ему Заповедано. Для сокращения пути он пройдет и катакомбами, и проведет ночь в пещере, может быть, и не доспит, и забудет о еде — ведь не для себя он идет. Служение человечеству не есть какая-то самомнительная фразеология. Наоборот, это высокое и трудное требование каждый должен поставить перед собою как цель земную.

В творчестве, в помощи, в ободрении, в просвещении, во всех исканиях достижений перед человеком будет то же Служение. В

нем он лишь отдает долг свой. Опять-таки не насильственно отдает, но вполне естественно, ибо иначе и быть не должно. Теперь же, когда говорю вам об особой бережности, имею в виду, что могут злоумышленно толкнуть вашу лампаду. Могут разрушительно стараться повергнуть вас во тьму без огня. Но прикройте это священное пламя всею одеждою вашею, сохраните его всеми помыслами; сами видите, насколько велико сейчас ожесточение. Если много где вползает одичание, то не дайте ему опрокинуть целебную чашу.

Не думайте, что время сейчас обычное. Время совсем особенное. В такие ответственные часы нужно приложить все свои накопления, все свое внимание. На башнях и в катакомбах, на высотах и в пещерах, всюду, где пройдет дозор ваш, будьте теми же бодрыми и непобедимыми. В самых буднейших буднях находите в себе высокое слово, которое ободрит друзей ваших. Ведь придут они к вам за ободрением. Вы скажете им не только о том, что всем трудно, но найдете слова и о том, что трудности о благе уже будут частями блага. Вы расскажете друзьям о том, что трудности не о вчерашнем дне, но о том светлом завтра, для которого вы существуете.

Самые глубокие катакомбы станут для вас заоблачными высотами. Самые злейшие поругания станут для вас горнилом творчества. Хохот злобы будет для вас поощрением. Если бы вам пришлось спуститься в пещеры и в катакомбы, то вы сделаете это лишь для восхождения, со всею бережностью и вдохновенностью. Для вдохновенности вы встречаетесь в собеседованиях ваших. Пусть будут часы этих собеседований воспоминанием о самом священном, о самом радостном, о самом творящем.

Как можете вы знать, когда постучится вестник. Должен ли он найти вас на башне или должен найти в катакомбах — вы не знаете этого, да и не должны знать, ибо тогда нарушилась бы полная готовность. Будьте готовы.

1 Июля 1935 г.

Наран Обо

"*Нерушимое*"

Строитель

Может ли сеятель наверное знать, как уродится его посев? Налетит град? Достанет ли коней, чтобы вывезти данную жатву? Сеятель может лишь предполагать, но знать ему не дано. Бодрость и настойчивость даны ему в проведении каждой новой борозды пашни. Знает сеятель сроки посева и спешит не упустить их даже в одном лишь предположении.

Строители чудных храмов, твердынь не знали, будет ли им дано завершить их. Но все-таки твердо-уверенно полагали они их основание и возводили, пока хватало сил и возможностей. Иногда лишь в веках завершалось строение, но зачинатели новых основ не огорчались этим и не остывали в своем строительном рвении.

Созидание есть молитва сердца. Посев есть потребность духа. Если усомниться и заранее огорчиться всеми опасностями, возможными для будущего урожая, то ведь это будет не жизнь, но горчайшее непотребство. Если сломить дух невероятием завершения строения, то ведь это будет отступление в одичание.

Писатель вдохновляет неведомых ему читателей. Певец слагает свои зовущие лады для незнаемого ему слушателя. Творец шлет свои достижения на потребу и радость мира. Для себя или для мира поет птица? Не может не петь она каждое утро. Не боясь хищника, свивает в сужденный срок птица гнездо свое.

Строитель должен созидать. Он не может жить без строительства. Созидание есть его песнь, его молитва, его труд сладчайший. Строитель слагает основание твердынь и храмов, и хранилищ, не ослабляя себя мыслью, кто и когда завершит кровлю здания. Строитель не упустит сроков начала, зная о росте зерна.

Разве остановит строителя неуверенность в средствах для кровли? Зерно растет, и с ним растет все окружающее. Корабль не знает всех возникающих по пути его вихрей, и тем не менее вовремя распускает потребные паруса. Если мы просмотрим историю всяких строений, то именно поразимся, как возможности нарождались вместе с возведением стен и башен.

И творцу, и кормчему, и строителю незнакома боязнь. Не окрепнут основы в страхе и трепете. Семя мало, но уже имеет в себе весь запас роста и цветения, и благоухания. Семя даст и следующие семена. Сеятель не боится сеять; строитель не страшится созидать, лишь бы сердце знало неотложную нужность пашни и строения.

Для всякого начала нужно малое семя. Учить можно и в очень малом доме. Творить можно и в тесном углу. Охранять можно и в

самом скромном доспехе. В каждом стремлении к созиданию будет искание и жажда нового совершенствования. В этих поисках — обнова жизни. Ее крепость слагается неудержным стремлением к достижению. Конечно, достижения эти и целесообразны и соизмеримы.

Не будут прочными так называемые вавилонские башни, которые имеют причину свою лишь, чтобы превзойти. Истинный строитель стремится к совершенствованию, но ему чужда мысль о том, чтобы лишь превзойти что-то. Истинный строитель прежде всего и соизмеряет, чтобы создания его пребывали в пропорциях нужных и своею гармонией лишь увеличивали бы созвучия эпохи. Строитель понимает, что такое эволюция и вечное спиральное движение в своей беспредельности и непрестанности.

Всякое несоизмеримое уродство будет противно строителю. Чувство гармонии, соизмеримости является отличительным качеством истинного строителя. Нельзя обучить человека этим врожденным созидательным пропорциям и предвидениям. Если эти качества уже заложены, их можно разбудить. Сон качеств нарушается самыми неожиданными способами, иногда совершенно негаданными и нареченными. Мудрые собеседования, поиски расширенных горизонтов, искусство мышления могут разбудить в тайне сохраненные созидательные потребности. Всеми доступными средствами нужно вскрывать эти тайники, сокровища которых могут приносить человечеству истинную пользу.

Так же точно нужно развивать в себе и сознание, насколько прочное древо вырастает всегда из зерна малого. Сколько раз пытались сажать в землю уже взрослые, большие деревья, и почти никогда эти несоизмеренные посадки не давали прочных последствий. Но чтобы осознать целесообразность посадки из зерна, нужно мысленно понять и полюбить всю чудодейственную зерновую мощь.

Наблюдение и расследование зерен вызовет необычайное размышление. Даже доподлинно зная, какие гиганты вырастают из мельчайшего зерна, ум человеческий всегда запинается об этом чуде. Как это возможно, чтобы в мельчайшей оболочке уже сохранились все формы будущего строения, все его целебные и питательные свойства. Строитель должен думать над этими зернами, из которых так мощно и целесообразно вырастает все последующее древо на многие века.

Нельзя откладывать строителю его строительные мысли, пока механически соберутся все средства выполнения. Нужно помнить, что средства растут вместе с процессом созидания. Если средства как бы иссякают до окончания строения, это лишь значит, что

где-то новые запасы уже выросли, уже сложены, и надо их лишь усмотреть.

Дело строителя должно быть делом веселым. В сердце своем он знает здание свое завершенным. Чем полнее и глубже сознает строитель это завершение, тем радостнее путь. В существе своем строитель уже не может быть эгоистом, ибо ведь не для себя же он строит. Строитель прежде всего понимает смысл образовательного движения и потому в мышлении своем он не может быть недвижным.

Каждая недвижность уже есть смерть, уже есть предвестник разложения и распада. Так же точно каждое созидание есть предвестник жизни. Потому-то при каждом решении строиться — возникает прилив новой энергии. То, что казалось непереносимым вчера, становится легким, когда утвердится мысленно надобность нового построения. Поистине, в каждом новом построении выявляется прекрасное.

Разнообразны строители. Касаются они всех земных пределов. Пусть это творческое разнообразие хранится, ибо и в самом великом творчестве прежде всего несчетное разнообразие. Везде, где есть хотя бы зачаток строительности, там уже будут оживляться пустыни. Помимо всех материальных пустынь, самыми грозными остаются пустыни духа. Но каждый строитель уже будет оживителем этих самых грозных пустынь.

Да живет строение прекрасное!

3 Июля 1935 г.

Наран Обо

"*Врата в Будущее*"

Везде

Скала монастыря Шара Мурена вся усеяна синими знаками Знамени Мира. На черкесских клинках гурды тот же знак. От монастыря, от священных предметов и до боевого клинка везде тот же знак. На щитах крестоносцев можно его видеть и на тамге Тамерлана. На старинных английских монетах и на монгольских печатях — везде тот же знак.

Не значит ли эта повсеместность, что всюду о нем нужно вспомнить? Не значит ли, что поверх отдельно народных обозначений всюду живут объединительные и напоминательные знаки, лишь бы разглядеть их и запомнить твердо? Оба условия: разглядеть и запомнить — одинаково нужны. Как же запомнить то, что не удалось вообще разглядеть. Да и к чему разглядеть, если не удастся осознать и запомнить.

Сколько раз приходилось убеждаться в том, что люди могут глядеть, не видя. Одно дело просто поглядеть, но другое дело усмотреть. Говорится, что можно "дельно" увидеть или "красиво" увидеть. Это выражение определяет очень точно. Но чтобы увидеть, а не просто глядеть, как гусь на новые ворота, для того нужно изощрить глаз.

Опытные учителя не раз испытывают учащихся на всевозможных примерах внимательности. Среди этих примеров очень полезно разложить в поле зрения учащегося какие-либо символы, а затем, убрав их, спросить, видел ли он такие-то обозначения. К сожалению, очень часто придет ответ, что таковые никогда не встречались. Когда же будет доказано, что именно они только что лежали перед глазами, то произойдет и удивление, а иногда даже и нелепое негодование: "Вот, мол, как подвели". Но далеко не все пожалеют о том, что они-то и были виноваты в том, что не углядели бывшее на их глазах.

Когда люди молятся об открытии глаза, в этом заключается великая правда. Именно об открытии глаза нужно заботиться. Глаз открытый и непредубежденный увидит то, что глаз, скованный предрассудками, никогда не усмотрит. Любопытно наблюдать, что чисто психические условия так отражаются и на внешне физических восприятиях. "Особенно глух тот, кто не хочет слышать".

Если же и удастся усмотреть, то это еще половина дела. Лишь усмотренное нужно вместить, осознать и запомнить. Неразумные пытаются оправдать себя тем, что "всего не упомнишь", Однако они отлично упоминают время каждого принятия пищи. Однако они никогда не забудут тот срок, который им особенно нужен.

Значит, в конце концов, не запоминается то, что считается этими людьми для себя ненужным, а это будет большим знаком самости.

Не всегда осознается, насколько следует упомнить не только свое, но и нужное человечеству. "С глаз долой, из сердца вон". Этой пословицей подчеркнуто то узко физическое состояние, когда сердечное осознание вообще не действует. Ведь не глазом, но именно сердцем знает человек о том, что человечество, ему близкое, везде. Сердце знает, что лишь в заботах и в любви этого везде живущего человечества деятель имеет право получить нечто и о себе.

В человечестве будет и его место. Отдавая заботу о человечестве, деятель не останется немощным. Наоборот, он почувствует в заботе о человечестве и заботу человечества. Забота везде, и любовь народится везде. И не приторная, слащавая любовишка, но любовь суровая, вдохновенная, героическая.

Среди прозорливой вдохновенности усмотрятся и всякие полезные знаки. Усмотрятся они везде. Там, где по темноте глаза не хватит, там подскажет сердце, ведь для сердца нужен Свет Незримый.

Давно сказано — "глазами сердца смотри". Не думай, что по твоему произмышлению где-то найдутся знаки, а где-то их не должно быть. В том-то и дело, что действительность всегда шире личного произмышления. Было бы неразумно по личному желанию создавать какие-то насильственные пределы. Как широко нужно открыть глаз и физический и сердечный, чтобы увидеть так, как оно есть на самом деле. И упомнить нужно так же честно, как было увидено и услышано. Как часто слышимое приукрашивается своими выдумками. Даже и повторить человек не сумеет произнесенное им однажды. Так же, как всегда, впервые произнесенное будет ближе к основе, нежели все позднейшее, испещренное вымыслом.

Всякая подлинность лишь докажет, сколько знаков существеннейших рассыпано везде. Только увидеть, только запомнить, только донести. Трудно донести струи благодати. Иногда они впитаются в сердце и тогда вернее всего сохранятся. Также для того, чтобы увидеть и запомнить, необходимо и доброжелательство неискривленное, без всяких самодельных оков. Ужасны построенные темницы, но еще ужаснее темницы домодельные. А между тем везде так много чудесного, так много прекрасного.

Лишь бы усмотреть и запомнить.

4 Июля 1935 г.

Наран Обо

Публикуется впервые

Содружество

Содружество — какое милое и сердечное слово. В нем есть и от взаимопонимания, и от взаимоуважения, и от сотрудничества. Значит, именно в нем, в слове — содружество — заключается самонужнейшее. Не может жить содружество, если люди, сошедшиеся в нем, не знают, что такое взаимная помощь, не понимают, что есть самоусовершенствование.

Самоусовершенствование вовсе не есть самость. Происходит оно прежде всего не для самого себя, но человек улучшается для служения человечеству. В этом служении, конечно, он и сам сделается лучше, сделается восприимчивее, внимательнее, деятельнее во благо. Но эти качества человек будет приобретать и упрочивать вовсе не для эгоистической выгоды, но для преуспеяния человечества.

В Служении человечеству содружники выплачивают свой долг всему сущему. Тем-то и радостно подобное Великое Служение, что в нем прежде всего заключена польза ближнего. Как бы корабль, совершающий рейс не для себя, но для перевозимых путников, так и сознательный содружник несомненно ведет и поддерживает всех близких ему.

В такой поддержке не будет официальной взаимопомощи. Такие общества взаимопомощи не раз основывались и обычно кончались враждебно настроенными формальными заседаниями. Ведь в содружестве прежде всего не должно быть формализма. Как во всякой истинной дружбе, будет внутренняя духовная дисциплина, создавшаяся утонченным сознанием.

В содружестве непременно будет сердечное желание помочь и поддержать друг друга. Будет это желание как среди трудностей, так и среди радостей. При формальных обществах очень часто каждая радость встречается завистью и злошептанием. Но в содружестве друзья сумеют сердечно порадоваться радостью каждого их сотрудника.

Мир всячески мыслит о сотрудничестве, о разнообразной кооперации. Разъединение и ненавистничество как бы уже переполнили все меры. Именно содружества и являются такими очагами сотрудничества, которое может от частных небольших кружков расти до государственных размеров. Содружники являются верным оплотом истинной государственности. Содружники поймут и естественную иерархию. Содружники знают, что анархия и хаос будут синонимами.

Содружества созидательны в своей природе. Ради разрушения не может образовываться содружество. Тогда такое сходбище

называлось бы совсем иначе. Содружество растет силою сердца. Потому численность не имеет никакого значения, и это обстоятельство чрезвычайно важно для современности, когда качественность является единственным мерилом.

Когда же сотрудничество посвящается какому-либо великому примеру, явленному в жизни, в истории великих народов, то такое обоснование звучит особенно жизненно. В сотрудничестве, в содружестве, не может быть ничего отвлеченного. Все должно быть действенно, немедленно приложимо и вдохновенно. Содружники в собеседованиях своих вдохновляют друг друга. Они находят и своих дальних друзей, сношения с которыми обновляются духом.

Содружество прежде всего должно быть жизненным. Никто не заставляет содружников сходиться вместе. Лишь в силу сердечных приказов, лишь влекомые искренним желанием свидеться и укрепиться, они сходятся и являют часы радости. В этих часах радости уже заключается великое взаимное укрепление. Никакой неволи нет в содружестве. Все вольно, свободно, благожелательно.

Дорогое мое Содружество, ваше недавнее письмо о памятном годовом сроке лишь подтверждает все сказанное. Прошел год, и вы пишете, что тем более ощущаете радость в собеседованиях ваших, тем более приближаетесь друг к другу и тем крепче себя чувствуете. Именно так и должно быть. И как неизбывно и неисчерпаемо сердце, так же может быть бесконечно радостно ваше взаимное укрепление. Ваша взаимная помощь в познавании блага. Ваша радость встреч и желаний видаться и обогащать друг друга во всех областях будет источником вечно текущим.

Бывают родники, которым каждая песчаная буря уже угрожает, но бывают такие источники, которые бьют из самих скал, для которых сами камни являются не препятствием, но благотворным руслом. Сами минералы напитывают их солями и целебными свойствами. Имейте в себе соль, имейте в себе те неугасимые целебные качества, которые именно отвечают значению содружества. Когда кому-то из вас тяжко и тесно, он знает, что во всякое время он может пойти к светлому содружнику своему и в искре свидания возжечь потухающий огонь.

Горение должно быть питаемо — вы все это знаете. Смысл утушителя всегда будет темным и мрачным, но возжжение, именно возжжение сердца будет самым главным, самым нужнейшим. В этом сердечном общении вы отринете все, что похоже на негодное соперничество, на зависть, на зарождение человеконенавистничества и предательства. Вы заботливо

осмотрите доспех друга своего не для осуждения, но для радостного укрепления. И друг ваш подойдет к вам с улыбкою, ибо он будет знать в сердце своем, что лишь во благо вы с ним будете общаться. Все это так просто и так известно, но именно сейчас, именно это так неотложно нужно.

Именно сейчас так редко применяется в жизни основание благое, и потому столько вражды и огорчения отемняет человечество.

Вы делаете самонужнейшее дело. Не пишу вам в отдельности, ибо тем самым я нарушал бы общность Содружества. Ведь слово о содружестве и сотрудничестве принадлежит всем собеседникам во всех их собраниях. Вам захотелось отметить памятный день. Вы могли бы и забыть об этом, но основа Содружества заставила вас беречь сроки. Так же будем и в будущем беречь все сроки и самые священные, которые дадут неисчерпаемые силы для творчества.

Чем больше проявите основы светлого Содружества, тем большую доставите и мне и всем нашим близким радость. Помните памятные дни Святого Преподобного Сергия. Пусть эти дни будут в вашем общении особенно радостными. В этом великом вдохновении будете расти духом и делом. Оправдайте великое понятие Содружества во всем его глубоком значении. Пишите о ваших беседах, пишите о новых друзьях, будьте справедливы и добросердечны.

Пусть живут и множатся Содружества, Сотрудничества, Очаги Блага.

7 Июля 1935 г.

Наран Обо

"*Врата в Будущее*"

Дархан Бейле

Юн-Ванг, князь хошуна Дархан Бейле, является главою автономного правительства Внутренней Монголии. Мы получили приглашение побывать в его ставке, которая отстоит от нашего стана в двух часах езды. Переехали через многие сухие русла, миновали место будущей монгольской столицы, там еще приготовляются кирпичи. Особенно трогательно проезжать этим местом, сознавая, что там будет строиться, будет слагаться столица народа с таким великим прошлым. Вы знаете, как каждое строение, даже хотя бы возможность строения, уже близка моему сердцу. Сперва мы двигались на северо-восток, потом повернули к северу, туда, где в 40–50 милях уже будет граница Халхи.

По пути шарахнулось от машины несколько косяков прекрасных коней. Можно изумляться, насколько местные травы без зернового корма достаточны, чтобы держать коней и прочие стада в теле. Редкие аилы, кое-где рощи и отдельные деревья вяза — карагача, этого излюбленного дерева Средней Азии. Местами ковыль, местами высокий чий, обычный вострец, овсянка, белена и также обычный набор колючих, низкорослых кустарников. Удивительно, что не только местные верблюды, но и прочий скот приспособился и к этому колючему яству.

Между пологими холмами показалась княжеская ставка. Каре белых стен с темными наверху зубцами. Внутри крыши домов китайского характера. На воротах расписаны красочные охранители входов. Рядом в таком же каре стен стоит ямын — канцелярия хошуна. Видимо, только что прошла дождевая туча, и все полно свеженабежавшей водою. Подъезжаем сперва к ямыну, чтобы передать карточку. Нас просят войти. Целая толпа приветливо улыбающихся должностных лиц и солдат. Остроконечные соломенные шлемы солдат с красным султаном невольно напоминают, что такая же форма шлема могла бы быть применена и для шлемов защитных, сохраняя за собой всю вековую традицию.

В дружелюбном ямыне нужно присесть, пока доложат князю. Обмениваемся расспросами о пути, о добром здоровье и о прочих благожелательных предметах. В углу стоят старые русские винтовки. Видны книги и свитки монгольских писаний. Приходит чин с цветным шариком поверх красного султана, означающим его должностное достоинство, и просит к князю. Проходим через расписные ворота по мощеной дорожке двора, следуем в покои к князю. И вот находим его в небольшом покое китайского характера. По стенам, кроме священных изображений, висят

изображения должностных лиц и деятелей. Самому князю 66 лет. Его приветливое, много видевшее, многоопытное лицо напоминает изображение добрых старых правителей. Через Юрия и Чамбу (чем более передач, тем лучше) начинается дружественная беседа, которая после разговора о местных делах переходит на духовные темы. Князь очень духовный человек, друг Таши-Ламы. При упоминании о Шамбале его лицо принимает соответственно торжественное выражение. Упоминается, что лишь при твердых духовных и хозяйственных началах народ может преуспевать. Князь говорит о желании монгольского народа к мирному преуспеянию. Приятно видеть, что представитель народа так сердечно подчеркивает именно желание мирного устроения.

Обмениваемся подарками. С нашей стороны — эмалевые золотые часы французской работы, от князя — два тибетских ковра. Собирается к нам, как только его машина пройдет по сегодня размытым дорогам. Приглашает нас на ближайшее торжество в монастыре Батухалке, когда происходят годовые священные танцы лам. Выйдя, мы не могли не зайти в приветливо устроенный его домашний храм. Какая чистота и видимое желание сделать как можно лучше. В храме, кроме нескольких бурханов, изображения Ченрези и Белой Тары[91], а на стене — большая фреска битвы Шамбалы.

Горят приветливые лампады; опять видна благостная, благожелательная рука домохозяина. После ставки, взяв на машину солдата с красным султаном на шлеме, едем в недалеко лежащие развалины древнего города. Ни раскопки, ни научного описания этого места еще не сделано, но оно заслуживает обстоятельного исследования. Город разрушен, что называется, до основания. Именно приходят на память слова летописей о городах, преданных на поток и разграбление. По характерным деталям развалин и по бесчисленным черепкам и обломкам керамических архитектурных украшений сразу отмечается несколько эпох города.

Позднейшая, судя по керамике, принадлежит маньчжурской династии. Затем имеются явные признаки минской династии в виде большой, прекрасно сделанной каменной черепахи, вероятно, служившей базой для колонны. Но еще интереснее остатки монголо-несторианского времени 13-го или 12-го века с, может быть, еще более ранними основаниями. Видны гробницы-саркофаги с несторианскими крестами, которые по своим орнаментам, по белому камню могли бы быть не только во Владимире и в Юрьеве-Польском, но и в Сан-Марко или в Вероне. На этих надгробиях можно видеть надписи — на одном вероятно

уйгурского характера, а на другом — старого китайского. На последней надписи Юрий сразу разобрал многозначительное имя в китайском произношении — Илья. Это имя неоднократно встречается в китайских несторианских записях. Тут же в грудах развалин можно видеть заботливо отделанные базы капителей колонн, которые напоминают об исчезнувшем белокаменном храме. Недаром это место называется по-монгольски — Многие Храмы.

Юрий предполагает обмерить расположение города и списать надписи для их расшифрования. Чувствуется, что при исследовании могут быть обнаружены многие любопытнейшие находки. Кто знает, может быть, этот город принадлежал монголо-несторианскому князю Георгию, павшему в битве в конце 13-го столетия? Все эти времена заслуживают глубокого изучения и могут внести важные страницы среднеазиатской истории. Будем надеяться, что эти будущие находки уже займут почетное место в монгольском музее новой столицы, ведь наряду с государственными зданиями должны быть немедленно созданы и школы, и музей, который сохранит лучшие образцы народного творчества.

В то время, как мы с восхищением осматривали старинный город, вокруг бродили чернейшие тучи, и можно было видеть, как где-то поблизости они проливаются страшным ливнем. Но нас тучи не коснулись, хотя на обратном пути заплывшая целыми озерами дорога свидетельствовала о долгожданном монголами ливне. Еще более зазеленели омытые склоны. Заблестели тучные косяки коней, и еще недавно иссохшие русла уже носили следы стремительных потоков. Мы невольно вспомнили наводнение, испытанное бывшей экспедицией в Карагольчах. В Азии все необычно и стремительно.

Развалины неисследованного города еще раз подтверждают, насколько много богатых неожиданностей сокрыто в просторах азийских. Накреняясь и скользя по откосам, приближаемся к нашей скале Тимура. Само название напоминает о скрытых залежах — говорят и о железе, и об угле, и о золоте, а южнее известна и нефть. Многие озера доставляют соль, являющуюся источником большого дохода. Радостна была поездка, в которой встретились и с хорошим человеком, и с замечательными развалинами, и с нетронутыми богатствами природы. Если к этим богатствам прибавить созидательное доброжелательство, то сколько прекрасного и поучительного впишется опять в историю монгольского народа. В добрый час!

9 Июля 1935 г.

Наран Обо

"*Врата в Будущее*"

Засуха

В дружеской беседе сидели три собеседника. Один вспомнил недавний рассказ очевидца о мгновенной гибели Кветты. Как на веранде сидели вернувшиеся из театра, как вдруг послышался какой-то космический гул и рев, и они выскочили на площадку, и тут же, на их глазах, в одно мгновение Кветта была уничтожена. В этой мгновенности разрушения целого города, в пятидесяти шести тысячах жертв, в открытии нового вулкана проявилось еще одно космическое напряжение, предупреждение.

Другой собеседник вспомнил старинные знаки из Пуран[92], которыми предвещалось, как будут разрушаемы целые города, как иссохнет земля, как будут вымирать целые народы, а другие возвратятся к обожествлению сил природы. Вспоминая эти пророчества о конце Кали Юги, темного века, собеседник сказал:

"А разве сейчас мы не должны сознаться, что подобные знаки, еще недавно считавшиеся фантастикой, предстают нашему взору. Разве не вымирают целые народы? Разве число смертей не начинает превышать число рождений, с чем уже борются многие правительства? Разве не возвращаются некоторые народы к обожествлению сил природы? Разве не проявились именно сейчас такие небывалые засухи, сопряженные со всевозможными опустошениями? В журналах мы видели изображение страшных, разрушительных бурь, песчаных заносов и истребляющих смерчей. Ведь недаром более дальнозоркие правительства уже бьют тревогу, пытаясь предотвратить страшные грядущие несчастья. Леса уходят, умирают реки. Травы поглощаются песками. Ужасная картина мертвенной пустыни начинает угрожать. Много где в самомнительном безумии еще не обращают внимания на эту злосчастную очевидность. Но более дальнозоркие уже спешно думают о мерах предотвращения или хотя бы уменьшения несчастий. Вот и скажите после этой очевидности, что предусмотренное когда-то было неверно".

Третий собеседник напомнил и о библейских пророчествах: "Когда гремели устрашающие голоса Амоса и Иезекииля, Исайи и других провидцев, то, наверное, их современники смеялись и поносили их. Можно представить, в каких гнусных, издевательских ругательствах были оскорбляемы те, слова которых затем исторически были подтверждены. Ведь и теперь мы знаем немало предвидений, которые в своем чувстве знания предвосхищают грядущее. Конечно, безумцы и невежды и сейчас не обращают внимания на все, что выше их понимания, на все, что угрожает их торгашеской выгоде. Но ведь более

широкомыслящие, истинные ученые, они уже дошли и до передачи мыслей на расстоянии, они уже облагодетельствовали человечество многими прекрасными открытиями. А ведь как глумились невежды над этими, сейчас общепринятыми изобретениями. Ведь Эдисон назывался шарлатаном, отвергалась возможность и польза работы пара, глумились над железными дорогами. И не перечесть, над чем только не издевались невежды. По истории можно проследить, насколько эти издевательства являлись не только непременно терновым венцом, но и как бы аттестатом истинного преуспеяния".

Собеседники припомнили различные, очень точные, определения пророчеств Амоса, еще и еще привели друг другу на память определительные выражения из Пуран и других исторических хроник. В это время вошел четвертый собеседник, сперва сидевший молча, а затем воскликнувший: "А вы все каркаете со своими истлевшими предсказаниями. Мое-то предсказание вернее. Говорил вчера, что сегодня биржа поднимется. Так оно и вышло. Когда еще и как исполнятся все ваши предвидения, а мое уже в кармане. Велика важность, какая-то Кветта разрушилась. Может быть, это послужит повышению моих цементных шер. А разве засуха, о которой вы так вопите, не может быть полезна? Чем больше пустынь, тем лучше. Человечество сбежится в города. Мы будем питать его патентованными средствами. Мои паи кинематографического предприятия подымутся. А то, скажите, какие благодетели нашлись! Чего доброго еще вздумаете оживлять пустыни. Разгоните наших урбанистов. Но вы и сейчас пробавляетесь какой-то минеральной водой, а где же сода-виски, и курева-то нет у вас. Вот несчастные люди, право, и сидеть с вами скучно. Такой простой вещи, что чем больше пустынь, тем выгоднее, вы не понимаете и уже машете руками. Чем больше обезумеет человечество в городах, и этой пользы вы не понимаете. Если даже все ваши предсказания исполнятся, то ведь когда это еще будет. Мне лет не так много, но все же старушки-земли и на мой век хватит. А ведь не кто-нибудь, а сам король сказал: "После нас хоть потоп". И о ком вы только заботитесь? О каких таких будущих? Да, может быть, они будут сплошные мерзавцы! И какое вам дело, кто-то где-то начнет пню кланяться. Мы же ему этих пней и наделаем — десять тысяч штук из бронзы, а ежели человечество обопьется или прокурится, то какие подъемы произойдут из этого. Не о ваших подъемах, а о моих, о настоящих я говорю. Несчастные вы люди! Вот у вас стоит виктрола[93], а завести ее нельзя. Ведь такая тягучка у вас в запасе, что никакое мое человеческое ухо ее не выдержит. Считаете себя

современными людьми, а ни джаза, ни танго, ни фокстрота, ни кариоки, словом, ничем настоящим не запаслись. С вами сидеть — целый вечер пропадет".

Пришел ли пятый собеседник к этой беседе. Рассказал ли еще, почему засухи или наркотики могут быть полезны, не знаю. Но четвертый скоро убрался, очевидно, боясь, чтобы не упустить время в своих сговорах на завтра. Уходя, он даже рассердился, видя, что трое собеседников не только не возмутились его словами, но даже сделали друг другу какие-то знаки, как бы доказывая, вот вам свидетельство живое. То есть живое не в смысле жизненности, а в смысле ходячей современности.

Разве не бросается в глаза, что вопрос засух за последние годы стал таким неотложным? Начали даже припоминать всякие исторические данные о давно бывших оросительных системах. Совершенно разумно начали включать в естественно-научные экспедиции археологов, которые изучением старинных данных помогают вновь открытиям. Ведь среди открытий вообще есть много таких, которые по справедливости должны быть названы вновь открытиями, ибо уже давно это было известно и в небрежности позабыто. Недавнее газетное сообщение о золотом руне Колхиды или о Соломоновых копях говорит о том же.

Велика засуха почвенная. Но еще более велика засуха духовная. Будем думать, что в заботах оросительных будут приняты во внимание не только орошения почвы, но и вдохновения духа человеческого. Ведь без этих духовных орошений не состоится ни лесонасаждение, ни травосеяние, ни открытие подлинных источников. Все эти самонужнейшие обстоятельства состоятся лишь тогда, когда люди их действительно осознают, а главное, полюбят. В любви преобразится и качество труда. В любви процветут пустыни.

10 Июля 1935 г.

Наран Обо

"*Нерушимое*"

Расстояния

"С глаз долой — из сердца вон". Правда, и такая пословица существует, но все же она относится лишь к определенному типу людей. Часто повторяя ее, люди добавят, что "он такой человек, у которого с глаз долой — из сердца вон"! Значит, такой образ действия по существу вовсе не признается высоким.

Действительно, бывают такие, которые и видят, и слышат, и руку прикладывают, и ощущают, и все же про них придется сказать: "С глаз долой — из сердца вон". В Заветах и в истории неоднократно можно видеть этот тип людей, о нем говорится, в лучшем случае, с сожалением или с неодобрением как о людях неутонченных и невозвышенных.

Но как сердечно, как особо горячо нужно оценивать тех, которые на дальних расстояниях действуют не внешним глазом, но видят глазами сердца и слышат правду ушами ясного сознания. Особенно поразительно бывает, когда люди, физически прикоснувшиеся, обнаруживают глубокое непонимание и остаются неисправимо отемненными, а в то же время издалека духовно устремленные выявляют истинное знание и способны судить со всею справедливостью.

Такие примеры, которых каждый может припомнить во многих случаях, лишь показывают поразительную разницу глаза земного и глаза сердечного, уха земного и уха внутреннего. Не только нужно признать этот факт, но следует научиться и оценивать людей по этим признакам. Это деление обращало на себя внимание от времен древнейших. Об этом же даны и евангельские, и многие другие притчи. Иногда высоким апостолом являлся тот, который не влагал персты в раны, а наоборот, исцеленные стремительно убегали и отнекивались.

Эти примеры писаний, сказанные в разных веках, на языках всевозможных, часто не обращают на себя должного внимания. Люди повторяют их, но читают таким безразличным тоном, что ясно становится, насколько это поразительное явление о границах физического и духовного мира не обращает на себя должного внимания.

Почему же прилагавшие руку и ощущавшие так часто остаются на грубой физической коре? Не хватает ли им утонченности сознания или их несильный дух устрашается чем-то большим, от которого трусливому человеку лучше на всякий случай уклониться? Мало ли какая опасность может возникать около больших гор? Может быть, лучше оставаться на ровненькой лужайке с маленькими кустиками, за которыми разве муравей

притаится. Думается, что страх перед всем большим является одной из опасных болезней человеческих. Если же людям удается, по их мнению, нечто настолько унизить, чтобы в их глазах оно перестало быть большим, то их отношения к этому обстоятельству меняются, и они становятся много милостивее.

Может быть, это будет явлением скрытой зависти, но также вероятно, что в таком безобразном проявлении будет выявление внутренней трусливости. Ведь трусливость испытывается очень своеобразно. Известно, как в природе своей боязливые люди иногда оказывали деяния отваги, сами того не понимая. Иногда для своей же безопасности трус бросался отважно вперед, а со стороны это невольно оценивалось как сознательный подвиг.

Сейчас мне именно хочется написать Вам о том, насколько нужно ценить тех, которые на далеких расстояниях, физически не прикасаясь, полны правильных оценок, восприняв их лишь в духе. Там, где проявится такое духовное возвышение, там можно ожидать и дальнейших достижений. Всякое же смущение, сомнение и отклонение несет за собою, поистине, ужасное последствие. Появляется своеобразная анемия мозга. Человек не только теряет границы справедливости и несправедливости, но и вообще не различает недопустимого. Неудивительно, что в таком состоянии человек может дойти и до разного рода предательства.

Тем пристальнее надо научиться различать тех людей, которые могут и на далеких расстояниях судить справедливо и понимать истинное положение вещей. Надо научиться оценить таких людей и на таких же далеких расстояниях полюбить их всем сердцем, признав в них верных сотрудников. Ведь для них расстояние не существовало. Они естественно разрешили задачу передачи мысли, преобороли все препятствия дальних расстояний и овладевают настоящим языком сердца. Язык сердца! Как многим этот язык кажется нелепою отвлеченностью, но для также многих он является высокою реальностью. Не придет этот язык без помышления о внутренних восприятиях. Именно в искусстве мышления и в доброжелательстве обостряется сердечное чувствознание.

Много говорилось о том, что чувствознание должно быть воспитываемо.

Именно так. Его нельзя заспать, или запить, или закурить. Оно должно во всех обстоятельствах жизни гореть ярко, благородно, во всей готовности геройства и преуспеяния. Разве геройство отвлеченно? Разве отвлеченно преуспеяние? Разве отвлеченно восхождение? Ведь все это акты каждодневности. Для них не нужно непременно исключительных бедственных знаков. Герой — всегда герой. Безбоязненно восходящий ¬всегда и во

всем восходит. Герои не только по праздникам, когда им настойчиво твердят о высоких истинах. Герой и днем и ночью. Преуспевающий в сердце своем преуспевает всемерно и ежечасно. Для них нет будней, для них нет рутины, как ее часто понимают. Они всегда движутся и всегда восходят. Не стесняясь дальними расстояниями, они утверждают друг друга. В этих благих и мужественных взаимоутверждениях укрепляется великая мощь.

Можно собеседовать физическими словами, а можно беседовать и в духе. И какими же мерами времени обусловлена быстрота мыслей. Не в спешности физических преодолений стираются расстояния, они преодолеваются в духе. Такие духовные общения не отвлеченны. Они также являются великою реальностью. Там же, где нет расстояний духовно, там и физически они перестанут чувствоваться, и люди приблизятся друг к другу и сердечно. Сердцем преодолеваются расстояния.

11 Июля 1935 г.

Наран Обо

Публикуется впервые

Письмо

В письме Вашем Вы сообщаете о новых Культурных начинаниях. Радостно слышать, что и в наши отемненные, напряженные дни возможны новые труды на поле просвещения. Напряженность текущих дней понуждает особенно четко различать людей по их внутреннему сознанию.

Действительно, примечательно, когда, по евангельскому сообщению, видевшие и прикоснувшиеся разбегались и отрекались, а такие уже наполненные сосуды, как Апостол Павел, от одной молнии Света делались мощными Апостолами. Еще раз можно видеть, как заблаговременно наполняются такие сосуды. Насильно их наполнить нельзя. От насилия они начнут раздраженно расплескиваться, а в такие минуты всегда возможно и одержание. Думаю, в свое время Вас никто не принуждал искать Света. Несмотря на всякие житейские трудности, Вы неукоснительно устремлялись ко всему Светлому и бережно доносили засвеченные лампады.

Внимательность и бережность только отчасти могут быть воспитываемы. И то, и другое должно быть образовано многими накоплениями. Разве не поразительно видеть иногда даже в детях, выросших в очень тяжких условиях, необыкновенную внимательность и устремленность.

Всем нам приходилось встречать малышей, которые, полные внутреннего горения, горячо устремлялись к новому человеку, чтобы еще что-то узнать. Внутри их были уже такие накопления, которые лишь искали оформления. Каждая открытая струя благая непосредственно устремлялась в чашу накоплений. Как быстро преуспевали такие малыши! Преуспевали не только в механических познаваниях, но в осознании всего окружающего.

Несломимые борцы образовывались из них на жизненном поле Курукшетра ¬духовной битвы. Ничего в них не было ни грубого, ни небрежного, наоборот, они всегда были готовы к новым восприятиям, были всегда и бодры, и дозорно бодрствовали во всем сиянии духа. Ведь не отвлеченность это. Каждый из нас в своей жизни видел такие примеры и удивлялся: как, каким образом даже в удаленном захолустье могли складываться светочи просвещения. Ведь часто в огромных центрах, при всех пособиях, при возможности поучительных встреч многие оставались просто вульгарными обывателями.

Действительно, не от насилия, но от внутреннего горения складывается преуспеяние. Нужно давать возможность, нужно открыть окна и на стук отпереть запоры дверей, но именно на

стук, на зов. "Стучитесь и откроется вам". В этом кратчайшем Завете рассказан великий принцип Живой Этики. Никакая омертвленность не коснется живого возвышенного духа.

Очень часто приходится слышать, что кем-то овладели темные силы. Эти соображения уже становятся каким-то общим местом. Все равно, как если бы услышать, что кто-то опять поскользнулся на той же самой ступеньке и наставил себе еще один рог на лбу. Конечно, каждый спросит, неужели он так беспамятен и зачем же именно на этой ступеньке он опять был так неосмотрителен. Зачем же ему точно бы нравилось самому себе наставлять рога? И зачем вообще преувеличивать преуспеяния сил темных? Если будем допускать их особое преуспеяние мысленно, то ведь тем самым мы будем им давать новую силу.

Сами знаем, что темные очень организованны и изысканны. Тем не менее не будем преувеличивать их вездесущее. Темные, несмотря на все свои мрачные попытки, прежде всего будут ограниченными, О том их свойстве нужно помнить, ибо в нем их конечное поражение. Они сами знают о своей ограниченности и очень опасаются, когда такое их неизбежное свойство замечено.

Если кто-то будет настаивать на одолении силами темными, то ему нужно предложить прежде всего осмотреть, каков таков сам одолеваемый. Не сам ли он какою-то раздражительностью или грубостью, или сомнением, иначе говоря, тоже ограниченностью, вырастил чертополох, в котором укрываются всякие черти. У Вас большой запас духовной силы. Сами знаете, как накоплялся этот запас, как обширно и разносторонне и мужественно Вы искали эти достижения.

Конечно, Вы согласны со мною, что вредно приукрашать свойства сил темных, хотя бы мысленным допущением возможности их воздействия. Потому поставим себе за правило беседовать о силах Светлых, пренебрегая всякими темными ухищрениями. Невольно мы будем знать и о них и даже будем чувствовать их толчки. Но бросаемые ими осколки будут переплавляться в горниле добра.

Рассеивать тьму нужно. Выметать каждый сор необходимо. Нужно водворять чистоту ежедневно — это простое правило гигиены. Но ведь выметающий сор и немного думает о нем, просто он убирает вредных зародышей. Мне лишь хотелось подчеркнуть, что некоторые, усиливая какие-то воздействия сил темных, как бы стараются оправдать или себя, или своих близких, подпавших под крыло тьмы. Но оправдания тут не может быть никакого. Можно сожалеть, можно ожидать час, когда одолеваемый вдруг при свете солнца или при блеске молнии

озарится сознанием, что союз с тьмою прежде всего губителен.

Как только такое озарение стукнет по темени, одолеваемый затрепещет и бросится открыть окна и стучаться, всеми силами достукиваться к Свету. Там, где он только что недавно был груб и нем для всего возвышенного, там сердце его в новом трепете заставит прислушаться к мыслям и к словам блага и восхождения.

Главное же — воздерживаться от всяких предрассудков. Ведь это они своею мертвенностью влагают в мозг предрешенные, несправедливые, ограниченные соображения. Если бы написать историю каждого предрассудка, то праотцем его оказался бы очень слабый, колеблющийся и неистовый в раздражениях человек. Предрассудок как таковой уже есть нечто несправедливое. Ведь это не предвидение, но именно предрассудок. Нечто придуманное и придуманное лишь для какого-то умаления или искажения на основе и по причине самости.

Каждый стремящийся к искажению уже будет человеком неверным. А ведь так нужна верность, так нужна вера как претворение и приближение великой реальности. Каждая верность всегда была истинным украшением. Всеми лучшими поэтическими символами прославлена верность, благая верность, самоотверженная верность — героизм.

Письма проходят через всякие неверные руки. Но пускай и они лишний раз прочтут о верности, о добре и о силах Света. В одном из недавних писем от очень славного человека именно была высказана эта мысль. Пусть вскрываются письма. Пусть еще кто-то прочтет слова о добре и о строении. Может быть, если он чрезмерно погрузился во тьму, они вызовут в нем лишь яростную гримасу ужаса, но, может быть, сердце его еще не совсем окаменело, и оно вздохнет о Свете, о Строении, о Прекрасном.

12 Июля 1935 г.

Наран Обо

"*Нерушимое*"

Возрождение

Очень рад слышать, как Вы сердечно отозвались на мои соображения об истинной летописи русского искусства. Как-то Вы говорили мне, что в некоторых моих статьях Вы как бы читаете свои собственные мысли. То же самое я могу сказать и о некоторых Ваших очерках, которые не только мне близки в духе, но и в образной форме изложения. Не могу не выписать из Вашего последнего письма мысли, которые мне так близки:

"Как-то на днях ехал я на авто по Мостовой к Китайской. Смотрю, идет одна знакомая пара, муж и жена. Я посмотрел на них и вылез на углу Китайской, обогнав их. И когда я вылез, то подумал:

"Вот теперь я знаю будущее: сейчас выйдет из толпы неизвестных мне людей эта самая пара". И действительно, эта пара вышла. Значит, та идея, которую я имел на углу Китайской и Мостовой, что я их увижу, реализовалась. Пустой случай, но ясно мне показал, что идея, т. е. по-гречески образ, есть то, что будет. С этой точки зрения, чрезвычайно глубокомысленны писания Блока — он видел то, что будет.

Это правда, но обычной публике очень трудно это уловить, как было трудно Лейбницу опознать, что в теле, кроме протяженности, есть еще сила. Ведь если бы сущностью тела была только протяженность, то каждый бумажный мешок был бы камнем. А камень ведь что-то отличное от мешка. И тем не менее Декарт и прочие учили, что сущность тела — протяжение; как трудно было им оторваться от привычной схемы. И так везде — мысль очень трудна.

Зато художники, мыслящие в образах, знают эту идею отлично; образ ¬ вообще начало знания, и поэтому можно историю Культуры России изложить в великолепных образах, в которых она, в сущности, и проходила в истории искусства.

Вот примерно те мысли, которые меня сжигают очень давно и о которых я вспомнил, прочтя Ваше письмо от 6 июня. Жизнь идет, воплощая идеи, а идеи ведут ее. Возможно, что Идея Идей по-платоновски и есть добро, которое воплощается в жизни. Но в русском так называемом интеллигентном сознании, которое лежит в области мышления дискурсивного, разорванного, атомизирующего, образ считается чем-то чуждым. Вот почему русская интеллигенция дореволюционного типа оторвана от народа, мыслящего образами. И народные образы ¬художество, музыка, литература — великолепны.

Вот почему "Летопись русского искусства" надо сотворить

так, чтобы она была летописью русской истории в одно и то же время — истории как прошлой, так и будущей, мессианского типа. Запад утонул в своих каменных домах, в римском праве и прочем. Лишь в России звучат небывалые просторы в пространстве и во времени. "Россия будет!" — я убежден, говоря стальным словом Гарибальди.

В чем мы, русские, нуждаемся? В осознании, в осознании того, что уже налично, что живет в нашей душе. А то мы "и у хлеба, да без хлеба", как говорила моя бабка, не мотствуем кое-как, косноязычим. В живописи, в музыке, в литературе мы великолепны, а в мысли — рождаем какие-то полуфабрикаты, на которых потом наживаются иностранцы, рождая книги вроде Шпенглера, который есть экстракт из Леонтьева, Достоевского и Данилевского…

В дни смятения, раздробленности, неверия, малодушия и прочего ¬возродим Россию во всем ее всесветном значении, обновим так, как обновляются иконы".

Именно и нужно мыслить об обновлении. Где бы ни находиться, но всюду следует объединяться в мыслях о поновлении, о лучшем. Такие мысли, единовременные в разных частях света, создают мощную атмосферу. Лишь бы только не было мыслей взаимопоедающих. Но там, где сердце действительно устремлено к благому устремлению, там не может быть гнусного взаимопоедания.

Обновление есть естественная эволюция. Или произойдет загнивание, или расцветает возрождение. Если мы знаем, что не может быть стояния на одном месте, то каждая мысль об обновлении уже будет строительным камнем будущего. Конечно, летопись искусства, летопись творчества будет летописью Культуры. Иначе и быть не может, ибо творчество является выражением смысла жизни.

В возродительных мыслях не будем обременять друг друга какою-либо настойчивостью и преднамеренностью. Мыслящий о естественном обновлении знает все условия, могущие привести к такому возрождению. Естественные условия блага в сущности своей единообразны. Потому не может быть нелепых, неосновательных, беспричинных расхождений там, где говорится об единой основе.

Могут чуждаться друг друга те, которым неясна единая, вседвигающая основа совершенствования. Люди, не чувствующие этой основы, никогда не поймут, что летопись творчества, иначе говоря, летопись Культуры, должна быть помышляема во все времена. Нельзя думать, что такие летописи будут слагаться лишь в полном благополучии, тем более, что и само понятие

"благополучие" очень условно.

Отображение Культуры есть отложение в сокровищницу, есть священное свидетельство об истинных достижениях человечества. Потому-то эти мысли должны быть ценимы всегда, во всех положениях. Тогда же, когда они появляются среди особо трудных условий, тогда они особенно ценны. Впрочем, кто знает, почему каждому вверен дозор на том или ином месте. По человечеству можем предполагать, что было бы лучше не здесь, а там. А может быть, именно стража доверена здесь. Потому в полной готовности примем этот дозор, в сердце своем направляясь к желанным обновлениям.

Не будем думать, что положенное на сердце уже будет далеко от выполнения. Если не спятимся. Если проявим во всем мужество. Если, несмотря на всевозможных Иуд и Пилатов, добро и польза будут непререкаемы, то произрастет в жизни и все в сердце сокровенное. Ведь если мы мыслим о творчестве, значит, уже мы прилагаем мысль к самому жизненному. А такое жизнедарственное двинет и пути осуществления. Из того, что может быть сию минуту, мы не знаем, где и как вырастет летопись русской Культуры, это не значит, что мы не должны сосредоточиваться на этой мысли. Наоборот, мы должны, и в себе, и в содружествах, и в сотрудничествах и во всем мире находить к тому пути наилучшие.

И в пустынных просторах, и в пустынной тесноте города, и в песчаной буре, и в наводнении, и в грозе и молнии будем держать на сердце мысль, подлежащую осуществлению — о летописи русского искусства, о летописи русской Культуры в образах всенародных, прекрасных и достоверных.

14 Июля 1935 г.

Наран Обо

"*Нерушимое*"

Останки

Бывают и такие самомнители, которым кажется, что сейчас вообще не может быть таких разрушений, как бывали в прошлом. Для них прошлое есть кладезь всяких дикостей, а сейчас все это будто бы уже миновало. Между тем, если напомнить им развалины Ипрского собора или свести их в Овьедо, или показать порезы "Анжелюса" в Лувре, они, может быть, подумали бы несколько иначе.

Можно бы свести их и в любые развалины старых среднеазиатских городов, чтобы они удостоверились, в какие мельчайшие обломки и осколки превращались когда-то стройно возведенные стогны городов. Опять мы побывали в развалинах древнего города, теперь носящих название "Много Храмов". На обширном пространстве, окруженном останками стен и целыми курганами, в разбросанных осколках рассыпаны разновременные здания.

Можно видеть, как древние несторианские гробницы были употреблены в более позднем строении. Странно видеть, как огромная мраморная черепаха минских времен, служившая подножием колонны, осталась одиноко на пустыре. Вероятно, неоднократно пользовались прекрасно обожженными древними кирпичами для каких-то позднейших поделок. Говорят, из камней этих развалин выстроена и ставка местного князя. Говорят о нахождении каких-то золотых изображений. На наш вопрос, не буддийские ли ¬отвечают, что нет, какие-то другие. Кто знает, может быть, несторианские.

На обширном пологом холме разбросаны неисчислимые черепки посуды. Точно бы весь холм состоит из нажитых слоев, насыщенных всевозможными обломками фарфора и керамики. Рассматривая эти осколки, многие мысли приходят в голову. В каждом из этих осколков звучит вопль какой-то хозяйки, на глазах которой разбивалось ее достояние. Хозяйки этих осколков будут принадлежать разным векам, от 12-го и даже до 18-го. Спрашивается, какие же наслоения жизни, какие же повторные разрушения происходили, чтобы собрать в одно место эти бесчисленные свидетельства погубленного домашнего обихода?

Среди древнейших более примитивных гончарных поделок можно усмотреть почти неолитические орнаменты — веревочные и ногтяные. Рядом с ними будут лежать черепки прекрасного фарфора хороших китайских периодов. Прочность этого фарфора такова, что с трудом можно разбить некоторые из этих черепков. Сколько же потрудились чьи-то человеческие руки, чтобы

расколотить вдребезги целые сосуды, горшки, чашки всех размеров и форм.

Думалось: один этот холм представлял бы из себя огромнейшую ценность, если бы чья-то давно умершая злая воля не уничтожила все эти человеческие творения. Ведь среди них можете видеть черепки прекрасной китайской поделки, которая так высоко ценится. Для керамического музея или мастерской даже в этих мельчайших осколках образцы техники нескольких веков могли бы быть отличным показателем материала. Неразрешимо такое ближайшее соседство разновековых остатков. Значит, на этих местах произошло далеко не одно свирепое разрушение.

Самомнители, о которых выше помянуто, сидя в своих кабинетах, наверное, никогда не видали старинных развалин во всей их неприкрытости. Отурищенные (от слова "туристы") башни рейнских и тирольских замков, с их биргаллями, нс дадут того впечатления, как развалины в пустынных просторах, полные обломков и осколков, точно бы вражеская рука еще вчера яростно бушевала среди них. Такие вещественные кладбища являются лучшими свидетельствами о том, какова бывает ярость человеческая. Кто же решится утверждать, что ярость 13-го века будет более сильной, нежели ярость, современная нам? Ярость есть ярость. Предательство есть предательство. Гнев есть гнев — вне веков и народов. Зато и милосердие и неудержное созидательство — тоже вне веков.

Говорить о пользе путешествий, казалось бы, уже труизм. Но так многие свидетельства времен не будут запечатлены ни в книгах, ни даже в отобранных музеях; лишь на месте, среди всех естественных условий можете воспринять с особою убедительностью части истины. Так же точно люди разных национальностей производят совершенно различное впечатление у себя ли на родине или в чуждых условиях. В настоящее время уже заботятся взаимоознакомляться с народными песнями, музыкой и всеми проявлениями творчества. Это необходимо. И можно всячески приветствовать дружеские взаимоознакомления. Но при этом не забудем, что песнь различно будет звучать в концертном ли зале чужой страны или среди гор и водопадов — мест ее родины. Может быть, сама природа аккомпанирует таким проявлениям творчества. Да и певцу, конечно, поется иначе в разных условиях. Потому, чем больше будет взаимоознакомлений в наиболее естественных условиях, тем впечатление будет действительнее и неизгладимее.

Один холм, полный разновековых останков, породит множество впечатлений и заключений. Какую бы вдохновенную

лекцию ни иллюстрировать черепками сосудов, все же впечатление этих же самых осколков на том месте, где бушевала непростительная человеческая ярость, будет несравненно более сильным. А ведь нужно вызвать наиболее убедительные свидетельства, которые заставили бы человечество еще раз подумать о том, что ярость как таковая рано или поздно подлежит осуждению. Ведь ярость, заалевшая от стрел разрушительного гнева, все-таки останется недостойною человеческого совершенствования.

Те, которые пытались бы доказать, что насыщенность человеческой ярости уже изжита — лишь докажут свою неосведомленность. Газета, простой осведомительный каждодневный лист, докажет противное. Тьма по-прежнему велика, если только местами и временно она не сгустилась еще больше. Вопли мирных хозяев, лишавшихся своего достояния, звучат в каждом черепке сосуда. Может быть, этот сосуд был приобретен с большими трудностями. Может быть, он служил прямым украшением домашнего обихода. И вдруг совершенно зря он разбивается и оставляет в душе спасшихся домохозяек чувство, подобное лишению чего-то родственного. Если бы в доме каждой современной домохозяйки находился хотя бы один черепок от когда-то яростно губительно разрушенного сосуда, то, может быть, этот малейший осколок всегда напомнил бы о том, насколько должно быть хранимо творчество человеческое как вещественный знак Культуры.

Хотелось бы собрать возможно больше этих осколков и разослать их по миру всем добрым хозяйкам, чтобы они среди обихода жизни еще раз вспомнили о том, что должно быть охранено во всем добросердечии. Осколки горестных воплей еще живы в черепках прекрасно сделанной посуды. Если бы люди дослышали все горестные вопли прошлого, они бы тем ярче подумали о перестроении жизни в том виде, чтобы избежать воплей. Стон породился яростью. Ведь не стонать и вопить призвано человечество. Ему дано строить и радоваться, дано возвышаться вне горестных воплей. Потому, пусть же холмы горестных воплей через яркие воспоминания о прошлом превратятся в высоты радости для будущего.

15 Июля 1935 г.

Наран Обо

Публикуется впервые

Неизвестные

Наконец-то в Париже состоялась выставка, о которой не однажды уже приходилось говорить и писать. Уже давно казалось чрезвычайно ценным выявить так называемых неизвестных мастеров, ибо имена великих мастеров очень часто в общественном представлении являются понятиями коллективными.

Агентство "Гаваса" от 1 июля сообщает: "Выставка шестидесяти картин, восхваляемых знатоками как шедевры, но носящих подписи неизвестных людей, организована в Париже под руководством Жоржа Хюисмана и провозглашается как самая замечательная из тридцати художественных выставок последнего Парижского сезона.

Выставка неизвестных мастеров привела на память старых знатоков искусства много эпизодов относительно ошибок, допущенных в суждениях о картинах даже лучшими собирателями.

Один из них рассказывает: "Тридцать лет назад я возымел идею представить на жюри одной выставки один маленький римский ландшафт в светло-желтых и голубых тонах, а также рисунок пером, изображающий крестьянина в большой шляпе. Обе эти вещи были отвергнуты. И тем не менее пейзаж был — Коро, а рисунок — не что иное, как Рембрандт".

С другой стороны, добавляет критик, картины неизвестных авторов были неоднократно приобретаемы художественными музеями. На недавней выставке старого итальянского искусства в Париже находился знаменитый "Сельский концерт", ранее каталогированный выдающимися критиками как Тициан, а теперь рассматриваемый как шедевр Джорджоне.

Эти анекдоты, заключает автор, напоминают знаменитое изречение Тулуз-Лотрека: "Картина должна быть прочувствована". Другими словами, картина должна быть ценима по достоинству, а не по подписи. Французский мастер добавил: "Что же может значить, если портрет какого-либо Евангелиста окажется не Веласкесом, если по достоинству он может принадлежать его кисти".

Приведенные критиком факты еще раз напоминают нам многие истории из художественного мира, свидетелем которых пришлось быть. Мне уже приходилось упоминать, что в музее Метрополитен в Нью-Йорке находится приписанная Массейсу картина любопытнейшего малоизвестного нидерландского мастера Хазелаера. Подпись его, виденная на картине еще мною и

Семеновым-Тяньшаньским, видимо, снята предыдущим владельцем. Ведь на художественном рынке одно дело продавать какого-то Хазелаера и совсем другое иметь возможность повторять имя Массейса.

Также вспоминаю и письменное свидетельство одного большого авторитета о Рембрандте, между тем как с этой картины была только что снята подпись ученика Рембрандта Яна Викторса. Вспоминается и пейзаж 18-го века, под которым была оставлена подпись 17-го века, принадлежавшая варварски уничтоженному оригиналу Блоемарта. Можно приводить множество историй, которые красноречиво подскажут, что картина должна быть судима не по подписи, а по достоинству.

Собиратели различаются по двум типам. Одним из них прежде всего нужно лишь имя. Другим же более всего нужно художественное достоинство. Для собирателей первого типа и произошли бесчисленные подделки. Один антиквар, грубого, но пронырливого типа, говорил: "Подпись тридцать копеек стоит".

Сколько трагедий и драм произошло и происходит в художественном виде из-за условности суждений. Если возьмем любой обширный словарь художников, то вас прежде всего поразит множество совершенно неизвестных имен, не оставивших по себе почти никаких произведений. Тем не менее эти люди были учениками известных художников. Очень часто жили долго. Были призываемы к украшению храмов и общественных зданий, что показывает бывшее к ним доверие. Кроме того, имена их цитируются старыми историками искусства, имевшими основание давать им хорошие оценки. Действительно, по исключительно редким подписным их картинам (вроде помянутого Хазелаера) можно убеждаться, что эти не дошедшие до нас мастера были большими, прекрасными художниками и вполне заслуживали свою страницу в истории искусства.

Если сейчас у нас на глазах исчезает с картины подпись Хазелаера, то ведь подобные прискорбные эпизоды, конечно, происходили во всех временах. Рассказывали про одного известного собирателя, что он всегда имел при себе баночку со спиртом, причем при приобретении картины в процессе торговли на всякий случай стирал подпись, ибо без подписи картина, мол, малоценнее. Мало ли что происходило около художественных произведений. Мы сами видели, как некий реставратор привел отличную картину в кажущееся ужасное состояние, лишь бы под этим предлогом приобрести ее от дорожившего ею владельца.

В конце концов, можно бы написать целую поучительную историю жизни картин и других художественных произведений. Может быть, когда-то в театральных постановках вместо

человеческой личности будет представлена жизнь картин. Так много и драматических, и печальных, и высокорадостных эпизодов запечатлеваются около творческих произведений.

Сколько раз нам приходилось слышать о спрятанных картинах неизвестно кем и для кого. Помню, как эскиз Рубенса был заклеен в качестве толстого переплета книги. Прекрасный портрет Брюллова был скрыт под ничего не стоящим пейзажем. Под так называемой картиною Давида нашлась подпись Карбоньера. Во всех странах, во все века происходила вольная и невольная перестановка имен и определений. Вместе с переоценками, возникающими в течение каждого столетия, появляются и новые условности. Вместо принципиальных переоценок происходят новые сокрытия и открытия.

Мне рассказывали об интереснейшей коллекции неизвестных французских художников сравнительно новейшего времени. Один марселец начал собирать картины, остававшиеся после рано умерших или оставивших навсегда искусство художников. Накопилась большая коллекция, в которой не знающий подлинных имен зритель мог бы при желании найти как бы и Дега, Моне, Мане, Рафаэля, Менара, Латура и других известных французских художников. Были в этой своеобразной коллекции и произведения очень оригинальные. Становилось ясным, что когда-то какой-нибудь предприниматель мог бы сделать из такого собрания очень знаменательную выставку. Ведь кроме рано погибших, не выявившихся художников имелось немало и таких, которые сами про себя говорили, отставив искусство — декураже. Еще большой вопрос, справедливо ли они сами себя поставили в разряд разочарованных. Иногда какая-нибудь вопиющая несправедливость могла приводить к такому незаслуженному решению.

Один мой друг, произнося слово "неизвестный", всегда прибавлял "неизвестный для меня". В этом смысле он был глубоко прав. Почем он мог знать, известен ли другим тот, кто для него в данную минуту, в данном месте почему-то неизвестен. Такое добавление следовало бы вообще принять к исполнению. Иначе часто люди воображают, что если они чего-то не знают или чего-то не признают, это значит, что и все вообще должны не знать то же самое. Кроме того, вопрос известности и неизвестности один из наиболее условных вообще. Столько при этом обстоятельстве накопляется всевозможных случайностей, и вольных и невольных. Сколько творцов получали так называемую известность когда-то после смерти. Ведь люди почему-то очень ценят в своих определениях именно условия смерти.

Выставки "неизвестных" мастеров еще раз напомнят об

условности человеческих суждений и создадут еще одну справедливость в мире.

16 Июля 1935 г.

"*Врата в Будущее*"

У черты

Каждая черта в жизни человека требует особых и сознательных напряжений. Если рассмотреть какие-либо заблуждения или потерю правильного пути, то как ни странно, эти значительные обстоятельства обычно происходят у черты. Именно у этой грани жизни как бы опять вспоминается и напрягается все хорошее и дурное.

Казалось бы, человек, именно дойдя до черты, между периодами своей жизни, должен бы был оказываться более напряженным, справедливым и дальнозорким. Ведь даже для прыжка через ручей должна быть известная доля сообразительности и дальнозоркости. Так бывает у земных ручьев. Но перед потоками духовными очевидно в сознании человеческом применяются какие-то иные меры. Или сосредотачивается все хорошее, помогающее славно перейти предстоящую черту, или же человека обуревают восставшие дурные свойства, мешающие ему сделать этот заветный переход.

Особенно знаменательно видеть, как именно у черты, у этой долгожданной черты происходят или особо хорошие, или особо дурные напряжения. Точно бы из какого-то глубокого хранилища выявляются основные качества и свойства. Можно наблюдать, как иногда именно у этой заветной черты совершаются целые преступления, подлоги, восстания грубости и предательства. А ведь как ждалась эта черта! Сколько приготовлений именно для нее происходило! Как благословлялся именно путь к ней. С каким сердечным трепетом произносилось вызывание прекрасного будущего.

Разве не странно, что именно тогда, когда должно исполниться долгожданное и уже в сердце осознанное, именно тогда может появиться веяние темного крыла? Люди, конечно, знали о всех неминуемо вызываемых ими последствиях. Конечно, они слышали о неповторимости этой прекрасной черты перехода на следующую ступень бытия. Люди читали о том, какое горе происходило от неопознания благих намерений и приготовлений. И все же при всех этих знаниях нередко было допускаемо в такой неповторимо важный час гнусное предательство.

Разве не знали эти люди о том, что есть предательство? Разве сами они не ужасались всевозможным темным предателям? Разве не говорили они иногда с омерзением и удивлением о предателях как о величайших невеждах? Но вот когда пришло время им претворить эти наносные знания в действие, тогда они оказываются бессильными противостоять тьме хаоса. Особенно

прискорбно наблюдать такие ныряния, когда они происходят у заветной черты, которая должна была преобразить всю их жизнь. Спрашивается, для чего же они так долго собирались, накопляли возможности, упражняли дух свой в добротворчестве, чтобы в тот час, когда приходит решающий момент, тогда-то и отступить позорно. Естественно, что переход каждой грани, будет ли она физической границей или духовным достижением, будет сопряжен с напряжением всех сил. Все природные качества и свойства особенно вспыхнут у самой черты. Все лучшее и все худшее, как бы оно ни было давно забыто, опять поднимется для того, чтобы быть преоборенным. И все лучшие качества духа засияют у черты победоносно, если они уже естественно прижились в сознании.

Вообще все происходящее у черты представляет из себя замечательнейший пример эволюции и инволюции духовной. Если слышим, что кто-то проявил или светлый подвиг или темное предательство, посмотрим же внимательно, не произошло ли это у знаменательной черты его бытия. Мало когда ошибемся в таком предположении, если то или иное действие было ярким. Сколько раз люди запоминали, что нет того тайного, которое не сделалось бы явным. Казалось бы, они могли усвоить, что ни тайны, ни одиночества не существует, но как только возродятся какие-то, уже давно скрытые низменные свойства — люди забывают о всем, что они непререкаемо уже познали. Нет более печального зрелища, как эти ныряния у черты. И вынырнуть у черты очень трудно. Именно там можно, если не навсегда, то на долгое время погрузиться в темные глуби. Спрашивается, зачем же допускают люди такие свои ныряния? Столько раз сами же они повторяют соображение о силах темных. Сами же они знают и приближение знаменательной черты. И вот когда это желанное обстоятельство явно приходит, они даже без противостояний готовы нырнуть.

Твердить об опасностях духовных инволюций не будет каким-то запугиванием. Действительно, разве можно считать запугиванием каждый дельный совет, даваемый идущему в горы. Если такому путнику скажут ¬не ложись на ночь под горою, с которой может свалиться камень, разве это запугивание? Или если скажут — бросаясь в поток, испытай прежде надежный брод, — разве это будет запугивание? Если скажут — не наедайся плотно перед восхождением на вершину, это тоже не будет запугивание, но будет лишь испытанным полезным советом.

Таким же испытанным советом будет и предостережение — не погружаться в плотный мир со всеми его призраками у черты. Будет добрым советом, если скажут, что память о черте сужденной должна быть самою светлою, в которой пусть выявится

только лучшее качество духа. Часто говорилось о жителях у порога. Каждый порог представляет из себя уже определенную черту. Переступающий порог входит в новое помещение, несущее на себе иную атмосферу и приносящее с собою новые обстоятельства. Все добрые советы преуготовляют эти прохождения многих знаменательных черт в жизни. Потом когда-то человек оглянется на эти оставшиеся позади границы его совершенствований или падений. Каждое совершенствование принесет ему несказанную радость. И как горько будет для него осознать совершенно ненужное падение.

Много убийств происходит и без кинжала, и без физического яда. Много разрушений творится без вещественных ручных напряжений. Поистине, много дано человеку, лишь бы только он помнил о всех тех последствиях, которыми он владеет по предоставленной ему свободной воле. Деление жизни человеческой на периоды есть завершение испытаний, неизбежных и благословенных. Ведь только мерзкий трус пожелает, чтобы испытаний вообще не было и он не подлежал бы ответственности за свои поступки и мысли.

Бывают предательства, которые никаким сложным мышлением оправдать невозможно. Среди них особенно темны попытки предать своего же Учителя, наставника. Недаром в Индии так свято почитается взаимоотношение между Гуру и чела. Разве сознательный чела допустит какое-либо извращение указания своего Гуру? Разве он допустит какое-либо умаление и умолчание там, где могла бы быть сотворена светлая польза? Разве он покинет доверенную ему стражу? Разве он проспит посланную ему возможность? Какая радость в светлом неусыпном дозоре! Какая радость в постоянном познавании нового, в самых разнообразных формах!

У черты прежде всего упасет знание. Через это знание человек почувствует в сердце своем, какая бережность бывает нужна именно у черты. Не ради самости, но во имя соизмеримости он постарается пройти черту, как по струне бездну. Какое множество жизненных высоких заветов преподано. Ведь их читали или, вернее, могли читать. Неужели недочитали? Неужели поленились или впали в сонную одурь? Ведь этак у черты можно и ногу сломать, и мозг вывихнуть.

Пусть у черты не произойдет ничего постыдного и губительного. Ведь это черта. Та самая, долгожданная, заповеданная черта, к которой так устремлялись, которую очувствовали всем сердцем своим. Да будет благословенна черта великая, грань жизни!

17 Июля 1935 г.

Наран Обо

Печати

Много говорят о древних китайских печатях, найденных в Ирландии. Древность печатей этих относится за несколько веков до нашей эры, а некоторые думают — даже за несколько тысячелетий. На основании этих печатей обсуждается вопрос о стародавних сношениях Ирландии с Китаем. Другие замечают, что передаточным пунктом мог быть Египет или Крит, имевшие давнишнее сношение как с Дальним Востоком, так и с британскими островами, служившими источником некоторых металлов.

Конечно, все такие вопросы требуют многих утверждений и дополнительных фактов, но так или иначе нахождение древних китайских печатей в Ирландии опять напоминает о распространенности дальних сношений уже в самые далекие времена. Давно нам приходилось находить в курганах каменного века Средней России янтарь из Кенигсберга. Уже до познания металлов, во времена неолита, таким путем доказывались сношения на довольно далеких пространствах.

Все археологические находки, единообразие многих находимых типов, наконец, детали орнамента, ритуалов и прочих бытовых подробностей показывают не только общность общечеловеческих чувствований, но и несомненные далекие сношения. Общность алфавита, недавно найденного в индусской Хараппе, с начертаниями на островах Пасхи тоже подсказывает о значительных международных сношениях за много веков до нашей эры.

Без труда можно усматривать, как целые вековые периоды подтверждают развитие международных сношений, а затем как бы наступает странная племенная забывчивость, боязливая неподвижность, и память о бывших сношениях стирается. Память народов сама по себе представляет необыкновенно любопытное явление. Современному человеку иногда может показаться совершенно недопустимым, каким образом целые народы могут забывать о чем-то уже вполне известном. А между тем факты и намеки старых хроник именно указывают на возможность такой странной забывчивости.

Многие совершенно утраченные технические способы Египта, существование пороха в Китае, подробности разнообразных утраченных техник Вавилонии, некоторые предметы культуры Майя — все это напоминает о том, как целые, очень существенные открытия потом непонятно для нас забывались. При этом такая забывчивость не всегда совпадает с эпохами

расцвета или упадка. Точно бы какие-то другие психические и даже физиологические факторы изменяли русло течения народной мысли.

Среди всяких недоумений и предположений вопрос о древнейших международных сношениях является всегда очень сложным, но и особенно интересным с мировой точки зрения. Нахождение предметов определенной древности в дальних странах является вещественным признаком каких-то сношений, тем более, когда предметы находятся в старинных, нажитых слоях, действительно принадлежа когда-то протекавшей жизни. Нечто весьма вдохновляющее заключается в этих вещественных знаках, которые оказываются действительно печатями народных сношений.

Еще теперь в некоторых странах косность и неподвижность бывают проявлены так ярко, что обыватели неких городов гордятся тем, что им не пришлось выехать за пределы родного города или даже удалось сохраниться от перехода реки, прорезающей город. Всякие чудаки бывают. Но среди страннейших чудачеств такой предрассудок неподвижности всегда останется одним из самых потрясающих. А какое множество людей существует, никогда не заглянувших за пределы своей страны. Только за последние годы путешествия опять как бы входят в программу самообразования. А между тем из далекой древности доносятся к нам голоса, взывающие о пользе путешествий и международных знаний.

Пресловутый, присноупоминаемый Марко Поло должен быть рассматриваем как имя собирательное. Нередко под упоминанием его имени предполагаются множайшие путешественники, носители международных сношений. Имя Марко Поло накрепко попало в историю, но конечно, множайшие имена, проторившие древнейшие пути, остаются неизвестными.

Не в том дело. Ведь всякое историческое имя становится не столько именем, сколько понятием. Так же точно, как на древнейших находимых предметах, мы видим уже неудобопонимаемые клейма, которые служат для нас условными признаками, а когда-то они были персональным достоянием каких-то фирм, каких-то торговых компаний или определенных личностей.

Каждое напоминание о международных сношениях является как бы новою печатью под мировым человеческим договором. Не так давно в Лондоне некий испанец Мадариага произносил довольно напыщенную речь о цене мира. Вещественными признаками мира являются не напыщенные отвлеченности, а прежде всего — вещественные печати мирных сношений.

Действительно, люди думают о мире. Одни своекорыстно, другие ¬самоотверженно. Во всех случаях требуется какой-то знак, печать вещественная о том, что вне человеческой ярости и ненависти возможны были мирные сношения в разных областях деловитости.

Цена мира определяется живым человеческим достоинством. Она определяется добротворящим сердцем, широко вмещающим и благородным. Не отрицаниями Культурных сокровищ, но признанием добротворчества определяется и устанавливается цена мира.

Археология как наука, основанная на вещественных памятниках, сейчас является пособником в очень многих научных и общественных соображениях. Также и в вопросе о цене мира археология может принести много ценнейших признаков. Из давно забытых развалин, из заброшенных погребений, останков дворцов и твердынь могут быть принесены вещественные доказательства мирных международных сношений. В полуистертых надписях, в старинном иероглифе донесется сказание о том, как проникал на утлых ладьях и на истомленных конях человек в дальние страны не только в завоевательской ярости, но и в добром желании мирного обмена. Под этими сказаниями будут как бы приложены тоже вещественные печати, скреплявшие мирные человеческие договоры.

В добротворчестве всегда можно договориться, лишь в припадке злобы или темного человеконенавистничества невозможны мирные преуспеяния. И давно уже сказано на разных языках: "Поднявший меч от меча да погибнет", и погибнет в предсужденный час, который для него самого, может быть, будет очень неожиданным. Так же и в каждом споре и в каждом раздоре.

Печати не скрепляли раздорных договоров. Печати прикладывались к документу каких-то сношений, каких-то деловых установлений. А в каждой истинной деловитости уже будет и мирный элемент. Победа добром будет самой блестящей и поразительной победой. Змеиным жалом можно убить, но не победить, ведь победить — будет значить и убедить. В таких ценах мира бережно отнесемся ко всем вещественным знакам. Казалось бы чрезмерным связывать острова Пасхи с Хараппой Индии или теперь ¬Ирландию с Китаем. Но что же теперь невозможно? Печать или иероглиф начертания вполне вещественны. "Мир на земле и в человецех благоволение" тоже вполне вещественны, ибо благоволение зарождается в сердце. А что же более вещественно, как не сердце человеческое, во всем его вдохновенном биении.

Человек должен радоваться каждой печати мирных сношений. Каждый признак далеких международных соглашений является залогом возможности и грядущих договоров, сердечных и непререкаемых. Когда-то грубые воители поедали сердца побежденных, а теперь люди при каждом мирном сношении пусть помнят о живом сердце. Печати древности — для будущего.

18 Июля 1935 г.

Тимур Хада

"*Нерушимое*"

Жизнь вечная

В своей книге "Страх перед смертью в первобытной религии" Джордж Фрезер приводит мудрые слова племени омаха о смерти: "Никто не может избежать смерти, и никто не должен бояться смерти, раз она неизбежна". Также и древние Майи спокойно говорили: "Отдыхать иду". Если вспомним слова Сократа перед отходом его, перед выпитием чаши яда, или мысли Платона о смерти и даже Эпикура, уже не говоря о высоком отношении к этому акту в учениях Индии, мы увидим то же осмысленное, мудрое сознание о смерти как о перемене бытия. Увидим то же сознание о жизни вечной, которая так ясно заповедуется священными Заветами.

Между тем в смущенных умах Запада, в особенности в 18-м и 19-м веках, когда отрицание пролагало свой темный путь, мы видим какой-то животный ужас перед естественной сменой бытия. Еще недавно можно было читать о том, как интеллектуальная де Севинье выражалась: "Смерть до того страшна, что я скорее ненавижу жизнь больше потому, что она ведет к смерти, чем за тернии, которыми усеян путь в жизни". Идея смерти отравляла жизнь Альфонсу Доде, Золя, Гонкуру, Мопассану и другим, казалось бы, смелым и широким мыслителям.

В то же время среди людей, живущих в природе, часто даже слово "смерть" не употребляется вообще. Они скажут: "отошел" или "скончался", то есть скончался для этого выражения бытия. Люди, прикоснувшиеся к природе, прикоснувшиеся к основным учениям истины, люди, сделавшиеся естественными мыслителями, также естественно понимают значение смен бытия. Страх смерти, казалось бы, может происходить лишь у каких-то злодеев, омрачивших свое сознание преступлениями и умышленно несправедливыми поступками. Вполне понятно, что каждый предатель опасается такой разительной смены бытия. Конечно, внутри себя он вполне понимает, что он погрузится не в небытие, но в какое-то другое бытие. Если в теперешнем своем бытии он отяготил сердце свое множайшими темными намерениями или деяниями, то, конечно, он не знает, легко ли будет ему оказаться в каких-то незнакомых для него условиях. Человек, вчера натворивший недостойные дела, старается избежать за них ответственности. Такой ужас перед неизбежным переходом в неизвестный мир вполне понятен у людей, омрачивших свое земное существование гнусными делами, или вещественными или мысленными. Ведь не надо же опять

повторять, что мысль будет даже много существеннее, нежели слово или мускульное движение.

Не покажется ли странным, что наряду с существами преступными, и некоторые, казалось бы, широкие мыслители тоже впадали в животный ужас перед сменою бытия. Хотелось бы знать, легко ли они сменяли и свои земные дома. Может быть, и на Земле некоторые из них были нелегки на передвижение. Известно, что некоторые люди уверяют, как они могут творить и мыслить лишь в своих насиженных домашних условиях. Каждое необычное окружение им уже мешает для выражений их творчества. Но ведь, казалось бы, именно разнообразие впечатлений, именно изживание непредвиденностей и опасностей должно обострять мышление, находчивость и смелость. По мужественности можете судить и многие другие качества человека. А ведь мужество испытуется не сидя за печкою, но там, где противопоставляется и борьба со стихиями, и с тьмою, и со всем невежеством.

Каждому приходилось видеть людей, которые за спокойною трапезою произносили самые смелые речи, но когда оказывались лицом к лицу с теми опасностями, о которых они только что громко говорили, они выказывали себя совершенно в ином освещении. Вероятно, если с этими людьми поговорить о смерти, то они скажут, зачем вообще говорить о таких ужасных предметах. Значит, они сомневаются в целесообразности мироздания со всеми поразительно вдохновляющими сменами бытия. Казалось бы, они достаточно слышали о том, что все находится в движении. Казалось бы, новейшие открытия достаточно доказывают наполненность пространств, и все же они будут ужасаться при таком значительном и торжественном переходе в новый для них мир. Они будут даже при маленьких земных переездах делать духовные завещания, не столько потому, чтобы они исключительно заботились о ком-то, но также и потому, что этот акт ими мыслится нераздельно со страхом смерти.

Люди не религиозные при мысли о смерти поспешают с совершением обрядов, когда же по их мнению опасность миновала, то они первые, может быть, расскажут кощунственный анекдот. В недавнем выпуске журнала "Двадцатый век" профессор А. Р. Вадья среди очень интересных суждений об идеях и реальностях двадцатого века говорит: "Мир теряет чувства религиозных ценностей. В своем восстании против окаменелых верований и бессмысленных обрядов он впадает в опасность выбросить ребенка из ванны вместе с водою. В своей подозрительности против религий он делается слепым к смыслу и

значению Религии". Так правильно рассуждает профессор, много начитанный и бережно относящийся к высшим ценностям. Действительно, по ходячей поговорке, уже много детей было вылито вместе с ванной водою. А ведь среди этих опрометчивых выливаний человечество выбрасывало также именно то, что могло бы так укреплять его в творчестве и мысленном и вещественном.

Знающий о жизни вечной тем самым знает и свою радостную ответственность за каждое деяние и мысленное и мускульное. В молениях произносится это великое значение слова "жизнь вечная". Мыслящий при этом понимает, что жизнь всегда многообразна как в горизонтальном, так и в вертикальном значении. Даже по примитивным физическим законам он понимает, что каждоминутно все изменяется и никогда не придет в прежнее состояние. В этом движении заключена величайшая творческая щедрость. И как радостна и благостна обязанность посильно участвовать в этом всемерном творчестве!

Руссо замечает: "Тот, кто утверждает, что спокойно, без страха встречает смерть — просто лжец". Почему же большой писатель Руссо берет на себя ответить за все человечество, что оно должно бояться смерти? Конечно, этот акт выходит за пределы обыденности. Потому он должен быть встречаем в особом сердечном спокойствии. Это сознание, конечно, будет далеко от так называемого спокойствия перед принятием обыденной пищи или любым повседневным действием. Но именно в особом, вдохновенном спокойствии великой смены бытия будет настоящее великодушие, которое всегда сопряжено с мужеством.

Апостол сказал ясно и кратко: "Мы не умрем, но изменимся". Вот в четырех словах заключено свидетельство о жизни вечной. А припомните слова Бхагавад-Гиты о неделимости, неизменяемости, о вечности Сущего. Во всех веках, во всех концах мира торжественно подтверждена жизнь вечная. Значит, нужны были какие-то противоестественные, насильственные устрашения, чтобы привести человека в невежественное понимание акта смены бытия. В то же время начинают говорить о жизни на других планетах, о чем еще недавно даже значительные астрономы лишь пожимали плечами. Мы помним, как за эти утверждения Фламмарион был угрожаем лишением научности и переводом в разряд любителей. Но сейчас уже лучшие научные авторитеты относятся гораздо осторожнее к таким осознаниям жизни вечной.

Конечно, такое основное понятие может осознаваться лишь в утверждении. Каждое невежественное сомнение наносит этому ясному утверждению почти неизлечимые трещины. Печально

видеть, если интеллигентные мыслители боятся смерти и тем самым заражают невежественные массы. Почему же им не проникнуться тем светлым знанием, которое слагало древнейшую мудрость, подтвержденную лучшими мыслителями всех веков. По лучшему и придете к лучшему.

20 Июля 1935 г.

Тимур Хада

"Оккультизм и йога", 1936 г., № 6

Письмена Азии

На обветшалых, пожелтелых рукописях Турфана звучат гимны Свету, Солнцу, Вечной Живой Душе, возносятся моления о покое, о восхождении, о мире. Слово мир употребляется очень часто. Кроме множества буддийских текстов, в разновременных находках имеются рукописи китайские, манихейские, несторианские, тибетские, иранские и от всяких среднеазийских путников.

Разрушились пустынные сейчас храмы. Засыпались процветавшие города, исчезли стены и башни. Срезана, сбита стенопись. Уничтожены книгохранилища, распроданы и расхищены сокровища. Мрачность царит там, где сияли светлые краски и сверкали металлы. Что же скажет некто, кто посетит старинные места на новых путях?

Пострадали и листы рукописей, как от времени, так и от всяких недоброжелательных вражеских рук. Но все-таки и эти прерывчатые, изъеденные свитки напомнят, что и в пустынных затемнелых развалинах когда-то возникали светлые мысли и кто-то изливал душу в прекрасных зовах. В недавнем переводе турфанские гимны означают[94]: "Гимн живой душе… все грехи, колебания внутренние и внешние, все мысли, все помысленное и все сказанное! Смешение доброго и злого мышления, неосознание того и другого. Пойми свое Бытие: чистое слово, ведущее к душе! Через нее, через душу, пойми лукавое слово вождя ада, которое приведет ко тьме адовой. Взвесь, как судья на весах, все слово, выпущенное и преосужденное. Осмысли перевоплощение и тьму адову, где души терзаются в утеснении. Храни душевное целомудрие, сокровище слова… поедающий огнь человеческий! И ты, душа светлая, окрыленная, свободная в выражениях! Предопределение и перевоплощение! Удержи сердце и мысль от греховного позыва. В отчизну Света иди путем мира…

Тебя пою, Бог Всемогущий, живая душа, дар Отеческий! Будь благословенна, душа светлая. Благословенна будь. Свято дойди к своему Отечеству. Счастьем щедрая Мощь, мудрая… все… сама… в трепете… внимая…мир… к Тебе Сын Вседержителя. Все утеснение, тягость и нужда, которые Ты превзошел, кто может преобороть. Ты, Просветленный, Милосердный, Благословенный, Мощный и благородный Владыко"…

"От Света, от Бога — я, став безземельной, от вас удаленная. Будь благословен, кто душу мою изведет из нужды".

"…Вы получите вечную жизнь. Очистите светлую душу и она освободит вас. Зазвучите в чудесном гимне:…"О благе, о мире, о

доверии". Прекрасно пойте и радуйтесь мыслью: "О, Светлый Водитель души". Вострубите в веселии: "Веди души воедине ко спасению". На любвеобильный зов трубный отзовутся радостно сыны Божий. Скажите: "Свят, Свят". Воззовите: "Да будет, да будет". Звучите: "О, премудрость Светлейшая". Воззовите чистым словом: "Слово живое Истины от оков освободит заключенных". Хвалите Истину, вы. Звучите и воззовите: Пылайте страхом Божиим, в Заповедях и в Заветах воссоединяйтесь без… исхода… Света. Зовите…. Глашатай… великий мир, сокровища, которые души и глаза и уши…. Призовите Сына Божьего на пир божественный. Украсьте любимые кущи, просветите путь к Свету. Сопрягите все члены в пяти, в семи и в двенадцати. Вот они, семь сияющих благородных камней, которыми стоит мир. Их мощью живут миры и все сущие. Как лампада в доме единая, во тьме пресветлая…". "Ударившего тебя не ударь. Не мсти тебе мстящему. Не вводи в искушение тебя искушающих. Встреть дружелюбно на тебя разгневанного. Не причини другому тебе самому нежеланное. Сноси обиды от высших, от равных и от меньших. Не поранят слона цветы, в него брошенные. Не расплавят камень капли воды. Так же и обиды и поношения не поколеблят многотерпеливого. Как Сумеру гора, терпеливый высоко удержит себя. Многотерпеливый сумеет явить себя иногда учеником, иногда и Учителем, иногда рабом, иногда и Владыкою"…

"Вот путь, вот тайна, вот Великий Завет и врата Освобождения. Да будет на мне Твоя Господня воля. Да защитит меня Твое великолепие и да умножится мое терпение, правота и страх Божий. Мой глас и мое ухо…".

"Счастлив, кто в чистоте и правде твоей, о Боже, познает многообразие, человечность и чудотворность"…

"Если ученик доброго сердца и любящий Учителя. Он следует ему, держит имя его в чести и любовно во всем к нему относится… Прими этих братьев, к тебе приходящих. Когда захотят они почерпнуть от мудрости, поучи их, как детей своих".

"…Как Владыко, который оружие свое и доспех снимает и облекается в царские одежды, так посланец Света отлагает воинственность и воссядет в Свете и в Божественном одеянии, в венце сияющем и в венке прекрасном. И в великой радости сходятся к нему и справа и слева Светозарные в песнопении веселия — все собирается в Божественной чудотворности, как блеск молнии или как стремящееся светоозарение осветит столбы его восхищения во всей божественности…".

"Благородный Владыко исполнил свое обещание, Им данное: "Воссяду на облаке и к часу сужденному пошлю вам помощь".

Так звучат голоса на истлевших рукописях. В знаках пехлевийских и уйгурских сохранились в тайниках Азии голоса от стран дальних. И в стенописи сохранены черты разных народов, которые в прекрасном сочетании улеглись на тех же единых поверхностях. В образах стенописи, в технике исполнений тоже найдутся и китайские, и иранские, и индусские облики. Светлые, большеокие образы в разных символах возносят о мире моления. А из-за Гималаев звучит моление древних Вед[95].

"Пусть все сущие силы принесут нам мир. Пусть Бог нам мир засвидетельствует. Пусть мир и мир един царствует всюду. Пусть сойдет на нас этот мир".

Среди мятущегося западного вихря Данте в своем незабываемом трактате о монархии взывает:

"О человечество, какие же бури должны поразить тебя, какие потери ты должно понести, какие крушения должны ударить тебя, пока ты, как многоголовое чудовище, устремляешься к вещам противным. Ты больно в своем понимании. Ты болеешь в своих чувствах. Нерешимые соображения не помогают твоему пониманию. Ясная убедительность не убеждает твоего низкого мышления. Даже сладость Божественной убедительности не очаровывает тебя, когда она дышит в созвучиях Святого Духа. Помните братья, как хорошо и как приятно жить вместе в единении".

Молила Азия о мире, о том же взывали великие души Запада. Не в молениях ли, навсегда запечатленных, выковано свидетельство о мире, о мире всего мира?

22 Июля 1935 г.

Тимур Хада

"*Врата в Будущее*"

Урбанизм

Во всяких переименованиях можно читать историю цивилизаций. Когда-то назывались "бюргеры", то есть те, которые объединялись вокруг бурга¬замка. Под защитою его стен и башен происходило нарастание понятия горожан. Горожане, граждане, так же точно связаны с каким-то городом, с местом укрепленным. Постепенно с изжитием феодальных основ изжилось и понятие бюргерства. Долгое время оно оставалось как чисто условное наименование, потерявшее свой внутренний, когда-то очень значительный смысл.

На смену изжитым понятиям и наименованиям вырастают многие новые. Подчас они как бы продолжают и развивают прежнее понятие, но иногда происшедшая изжитость выдвигает определение такое же внешне условное, как и последыши пережитков. Около понятия города в самое последнее время в разных странах употребляется слово "урбанизм". Что-то очень стертое есть в этом производстве от латинского "урбс". Город ¬латинский "урбс" является вообще неопределенным понятием. Сходбище людей образует такое населенное место, и вы не поймете, что это — будет ли такое место укрепленным торговым Культурным центром или вообще, главным образом, будет заключать всевозможный базар. Но в то же время что-то своеобразно-определительное будет и в слове "урбанизм".

Урбанизм чем-то характеризует те холодные городские нагромождения, которые сделали из этих миллионных людских сходбищ отравленно-нездоровые места. Даже в тех городах, где по счастливой случайности еще не произошли нагромождения — сейчас и там во имя какого-то странного модернизма пытаются нагромоздить. Можно назвать целый ряд городов, которые без всякой видимой потребности, убивая весь уже сложенный характер этого места, спешат обзавестись какими-то огромнейшими зданиями, точно бы в природе более не было места.

Появились какие-то художники "урбанисты", оказались техники "урбанисты". Во многих применениях понятие урбанизма, несколько подобно недавно выдуманной технократии, проявилось навязчиво. В этой нарочитой навязчивости всегда оказывается и нечто преднамеренное, какая-то преждевременная дряхлость. Ненадолго расцвела технократия. Не помогли бы ей и вороновские обезьяньи железы. Так же точно урбанизм в своем навязчивом самоутверждении как бы догадывается сам о своей недолговечности в том виде, как он сейчас понят.

Кто же может быть против городского строения? Много мыслей было посвящаемо разрешению городской проблемы. Города-сады уже не были бы урбанизмом, который точно бы хочет противопоставлять себя житью в природе. Никакое общество не может успешно разрешать свои жизненные задачи на основании обветшалых суеверий и окаменелых ужасов. Так же точно и в проблеме города невозможно мыслить только о стародавних вавилонских башнях. Этот библейский символ, казалось бы, достаточно подчеркнул пределы однообразного мышления. Всякая обветшалость, и материальная, и духовная, одинаково непригодна.

Вместо вавилонских башен-нагромождений человечество опять начинает вспоминать о возвращении в природу. Еще недавно легкомысленные меры отрывали земледельцев от их полей и сгоняли голодающие толпы в города на безработицу. Сейчас уже понят ужас этих чрезмерных людских скопищ, кончающих в человеконенавистничестве. Опять встали мысли о природе, о возвращении к естественному труду, который при современных открытиях может быть преображен в полную и духовную и материальную жизнь.

Всюду появляются отдельные личности и семьи, и целые людские группы, которые мечтают о жизни в природе. Мыслятся в малых и больших размерах всевозможные кооперативы, которые позволили бы в разнообразном труде получить естественную и заполненную осмысленной работой жизнь. Можно только радоваться, если последние современные открытия и социальные подвижки могут приводить к мыслям о природе, о естественном совершенствовании в различных применениях труда.

Утеря городских символов и дохождение до холодно-условного урбанизма как бы является преддверием новых жизненных трудовых построений. Опять дух человеческий должен устремиться в природу, среди которой так много свободного места и неиспользованных возможностей. К тем же мыслям о природе и ко всевозможному оздоровлению относятся и задания о процветении пустынь. Пусть разумными неотложными мерами и эти запущенные людскою небрежностью пространства сделаются вновь плодоносными и полезными для заселения.

Много мыслей высказывается о лучших методах земледелия, лесоводства и прочих условий, связанных с негородскою жизнью. Недавно В. Н. Мехта в индусском журнале справедливо замечал о восстановлении сельской жизни. Он говорит: "…Многие врачи за работою об излечении болезни, приключившейся сельскому жителю. Они нашли, что он задолжал, и задолженность заставляет его находиться как бы в госпитале. Но такое

бесконечное задержание в больнице не может быть признано как лекарство в практическом обиходе, и поэтому много рецептов наполняют пространство, как бы скорее освободить такого пациента из госпиталя и доставить ему сносный период для выздоравливания".

Далее автор приходит к заключению: "Не следует с ложки кормить сельского жителя. Пусть ему будет дан внутренний импульс, чтобы оправиться. Не урбанируйте его. Ведь тогда ему предстоит судьба, которую французы прекрасно определяют словом "дерасинэ" — оторванный, без корней — зрелище, достойное сожаления и требующее особых соображений от каждого реформатора. Можно заметить два потока, устремленных от того же водоема, которые в конце концов должны сойтись в счастливой Санге. Эти струи должны удобрить почву, через которую они проходят в устремлении принести деревне обновление. Пусть в них не будет ошибки. Селянин должен быть перестроен так, чтобы кубически он мог бы умножить экономическую свою высоту и свой духовный рост".

Конечно, индус не мог не закончить свои правильные соображения именно о духовном росте. В каждой новой деревне, в каждом обиталище среди природы вопрос духовности тем сильнее должен войти во всю жизнь. Весь обиход бытия в природе не может ограничиваться какой-то технократией. Многие прекрасные и жизненные мысли будут навеяны ближайшим прикасанием к природе, в каждодневных благословенных трудах. Называя эти труды благословенными, не преувеличим их значения, ибо к ним может быть так легко приложено и все лучшее самообразование. И радио, и телевизия, и все пути облегченного сообщения — ведь не для урбанизма они; все эти благодатные возможности именно требуются в широкой природе, среди вновь зацветших лугов и наполненных житниц.

Определение "урбанизм" в холодности своей, вероятно, предназначено для того, чтобы вовремя пресечь вредность изболевшей и отравленной городской жизни. Было бы весьма печально, если не будут сразу противоставлены этим болезням жилища-сады, в которых будут сочетаемы и лучшие индивидуальности с богатыми возможностями сотрудничества ¬кооперации. Одно кончается, чтобы процвело другое — в вечной жизни. При широком горизонте нет препятствий, и никакие городские нагромождения, никакие башни вавилонские не заслонят путей к процветшему саду природы.

23 Июля 1935 г.

Тимур Хада

"*Человек и природа*"

Глаз зоркий

Достославный летописец жития Преподобного Святого Сергия Радонежского Епифаний приводит следующий случай из жизни Преподобного:

"Многие приходили издалека, чтобы взглянуть на Преподобного. Пожелал видеть его и один простой землепашец. При входе в монастырскую ограду стал спрашивать братию — как бы повидать их славного игумена. Преподобный же тем временем трудился в огороде, копая заступом землю под овощи. "Подожди немного, пока выйдет", — отвечали иноки. Крестьянин заглянул в огород через щель забора и увидел старца в заплатанной рясе, трудившегося над грядкою. Не поверил он, что этот скромный старец и есть тот Сергий, к которому он шел. И опять стал приставать к братии, требуя, чтобы ему показали игумена.

"Я издалека пришел сюда, чтобы повидать его, у меня до него дело есть".

"Мы уже указали тебе игумена, — отвечали иноки, — если не веришь ¬ спроси у него самого".

Крестьянин решил подождать у калитки. Когда Преподобный вышел, иноки сказали крестьянину: "Вот он и есть, кого тебе нужно".

Посетитель отвернулся в огорчении: "Я пришел издалека посмотреть на пророка, а вы мне сироту указываете. Никакой не вижу в нем чести, величества и славы. Ни одежд красивых и многоцветных, ни отроков, предстоящих ему… но все худое, все нищенское, все сиротское. Не до того я еще неразумен, чтобы мне принять сего бедняка за именитого Сергия".

Иноки обиделись, и только присутствие Преподобного помешало им выгнать его. Но Сергий сам пошел навстречу, поклонился ему до земли, поцеловал и повел за трапезу. Крестьянин высказал ему свою печаль — не пришлось ему видеть игумена.

"Не скорби, брате, — утешил его Преподобный, — Бог так милостив к месту сему, что никто отсюда не уходит печальным. И тебе Он скоро покажет, кого ищешь".

В это время в Обитель прибыл князь со свитою бояр. Преподобный встал навстречу ему. Прибывшие оттолкнули крестьянина и от князя и от игумена. Князь земно поклонился Святому. Тот поцеловал его и благословил, потом оба сели, а все остальные почтительно стояли кругом.

Крестьянин протискивался и, обходя кругом, все старался рассмотреть ¬где же Сергий. Наконец, снова спросил: "Кто же

этот чернец, что сидит по правую руку от князя?"

"Инок с упреком сказал ему: "Разве ты пришелец здесь, что доселе не слышал об отце нашем Сергии?"

Только тогда понял крестьянин свою ошибку. И по отъезде князя бросился к ногам Преподобного, прося прощение.

Сергий же утешил его, сказав: "Не скорби, чадо, ты один справедливо рассудил обо мне", и, побеседовав с ним, отпустил с благословением. Но простодушный землепашец до того был побежден кротостью великого Старца, что вскоре снова прибыл в обитель, чтобы уже остаться в ней, и принял монашество. Так простота и великая благость Преподобного действовали сильнее всякого великолепия".

Просто и убедительно рассказан этот многозначительный эпизод из жизни Преподобного. Чувствуется, что не один такой случай происходил около Его благодатной личности. Не однажды чудесно осеняла истинная зоркость приближавшихся к нему. Ведь не по чему другому, но лишь по предубеждению селянин впал в такое отемнение, что даже прямые указания иноков он принимал как насмешки над собою. Примеры подобного же предубеждения можно находить повсюду как в жизни великих подвижников, так и среди обихода во всех веках.

Известен случай, как один больной ни за что не допускал к себе известного врача, ибо почему-то составил себе о нем совершенно различное от действительности представление. Никакими силами не могли убедить больного в том, что пришедший к нему человек действительно тот самый врач, которому он готов был поверить. Врачу для блага дела пришлось надеть подвязную бороду, и тогда больной убедился, что такая почтенная наружность вполне отвечает назначению целителя.

Известен и другой случай, когда одна старушка-помещица привезла своего внука к известному художнику для совета о его даровитости. Но, к сожалению, наружность художника не ответила представлению старой

помещицы, которая, вероятно, хотела бы видеть Учителя в ореоле длинных серебристых волос. Итак, несмотря на все убеждения окружающих, она вынесла представление о том, что художник не захотел ее принять, а выслал к ней своего подручного.

Из времен итальянского возрождения также известно несколько подобных эпизодов, один из них касается Святого Франциска Ассизского. Посланный для встречи его епископ не признал великого подвижника за его простою наружностью. Итак, без всяких переодеваний, о чем так часто повествуют исторические хроники, но просто по предубеждению люди

способны не признать явную очевидность.

Среди молений о терпении, о вмещении, должно быть также и постоянное стремление к настоящей зоркости. Сколько благодатных посылок отталкивается и даже презирается, когда люди засорили себе глаза и не желают даже осознать возможность этого сора. Известно, что чем тупее человек, тем безапелляционнее его суждения. Сказано: "Убедить глупца ¬что дырявым решетом воду носить", но все-таки хотя и многие к тому пословицы существуют, но в будущем воспитании должна быть яснейшим способом выражена вредоносность всяких предубеждений.

Помимо того, что по предрассудку люди могут терять лучшие возможности свои, но и в каждодневном обиходе можно находить множество следов крошечных сереньких, а то и черненьких предрассудков. Часто такие предрассудки не будут ужасающими призраками. Они, может быть, лишь частично затронут какие-то условные привычки или странные, необъяснимые обычаи, но во всяком своем появлении они принесут посильный вред.

Глазной врач всячески испытывает зоркость. Прежде всего для него необходимо установить склонность к близорукости или к дальнозоркости. Так же точно и в духовной зоркости нужно прежде всего определить основную склонность, к чему она может привести человека. Может ли она оказаться благодатным просветительным познанием или же станет заслонкою, которая от времени еще и заржавеет и почернеет.

Радостно там, где находятся возможности светлых прозрений и подавлено все около заслонок заржавленных. Если даже насильственно и отчистить эту ржавчину, то в трещинах своих заслонка отразит искривленный лик ее, ведь она все-таки будет заслонкой, а не входом свободным. Зоркость, будет ли она врожденной или тщательно воспитанной, поможет человеку во многих опаснейших случаях жизни. Зачем утесняться и огорчаться там, где зоркость духовного глаза может показать путь прямой и ближайший.

24 Июля 1935 г.

Тимур Хада

Н. К. Рерих. "Древние источники". М., МЦР, 1993

Caveant consules [96]

Парфянский царь Митридат пишет о римлянах: "У римлян имеется одно неизменное побуждение для войны против всех наций, народов и королей. Это — глубоко вкорененное стремление к доминированию и захвату богатства".

По словам царя Митридата, римляне с самого основания своей республики не имели ничего своего: их жилища, их жены, их земли, их империя ¬результат грабежа и воровства. Кочевники без родины, без традиций, созданные для того, чтобы быть проклятием всего мира, без законов Божеских и человеческих, которые могли бы воспрепятствовать захвату и разрушению союзников и друзей — близких и дальних, слабых и сильных…

Такие слова как бы показывают, что Рим не пользовался симпатиями завоеванных им стран. Но ведь Митридат оказался в числе противников Рима, значит, его определения, быть может, оказывались преднамеренными и несправедливыми. Мало ли что может сказаться повергнутым противником. Может быть, лучше послушать такого общепризнанного в своих справедливых суждениях историка, как Саллюстий. Он говорит, что в ранний период, после свержения королей, приблизительно за пятьсот лет до нашей эры, римляне представляли собою высоконравственных людей, живших в согласии между собою, презиравших богатство и наживу.

По словам историка, преобладали справедливость и искренность не столько благодаря закону, сколько по своим природным качествам. Ссоры, разногласия, борьба, скорее всего, были свойствами врагов римлян. Между собою они укреплялись лишь в похвальных деяниях. На войне были храбры, в мирное время — справедливы. Их управление основывалось не на страхе, а на мягкосердечии. Они скорее были склонны к прощению обиды, нежели к мести.

"Но когда наша страна стала великой, — пишет Саллюстий, — благодаря тактике справедливости, когда были побеждены великие цари на войне, когда силой оружия покорили дикие племена и сильные народы, когда был разрушен до основания, с корнем и со всеми ветвями состязавшийся с Римом Карфаген и открылись моря и земли перед победителями, тогда счастье стало к нам жестоким и внесло беспорядок во все наши дела. Для тех, которые легко переносили трудности и опасности, заботы и нужды — безделие и богатство, иногда так желательное, оказалось бременем и проклятием. Отсюда — стремление к наживе и обогащению. Все это, я могу утверждать, явилось

корнем всех бедствий. Любостяжание делает человека бесчестным, лишает его цельности и других благородных качеств. Их место занимает бесстыдство, жестокость, небрежение богами, торговое назначение цен. Самомнение превратило многих людей в лжецов, у которых одна мысль на уме, а другая на языке. Первоначально эти пороки были мало заметны и даже преследовались. Наконец, когда болезнь сделалась губительной эпидемией, государство изменилось, и правительство, которому не было равного по справедливости и беспристрастности, стало жестоким и невыносимым".

Среди прочих Саллюстий порицает и Люция Суллу. "Захватив власть с помощью вооруженной силы, он все привел к плохому концу от хорошего начала: все стали грабить и расхищать. Одного соблазнял дом, другого ¬земля. Победители не проявляли ни умеренности, ни воздержанности, а бесстыдно и жестоко обижали сограждан". Сулла позволил своим солдатам предаваться пьянству и разгулу, грабить святыни, попирать все небесное и земное и, одержав победу, ничего не оставлять побежденным.

"Как только стали преклоняться перед богатством, — продолжает Саллюстий, — которое приносило славу, преобладание и власть, добродетель начала терять свою привлекательность, бедность стала считаться пороком, безупречность — зловолием. Стремление к богатству, роскоши и наживе в соединении с высокомерием охватило наше молодое поколение. Оно грабило и разоряло, посягало на чужое имущество. Оно позабыло о скромности, нравственной чистоте, о всем человеческом и Божественном. Словом, превратилось в людей безрассудных и отчаянных. Они действуют так, как если бы смысл управления состоял в том, чтобы делать только зло".

Так сурово выразился историк Саллюстий, которого в ряду прочих писателей считают и справедливым и основательным ценителем событий. Впрочем, не только у Саллюстия, но и у Плутарха можно найти такие же суждения. Между тем все время раздавался предостерегающий возглас — "Кавеант консулес". Народ в этом возгласе просил и поручал консулам досмотреть со всею внимательностью, чтобы справедливость не была нарушена и чтобы нравы государства не опошлялись. А между тем такое опошление все-таки происходило. Спрашивается, какими же путями, какими скачками или тайными вползаниями проникала ехидна разложения в, казалось бы, крепкое своею гражданственностью общество?

Если бы отравленность проявлялась в каких-то очевидных резких действиях, то, конечно, консулы и прочие стражи заметили бы это. В том-то и дело, что растление нравов

происходило, да и происходит, в почти незаметных для человеческого суждения действиях. Трудно заметить, как растет трава, но можно ужасаться уже нежданно разросшемуся бурьяну. Так себе, казалось, без всяких видимых причин взял да и разросся такой чертополох, что и не пройдешь. Один земледелец уверял, что чертополох растет от дурных мыслей.

В конце концов, такое суждение было недалеко от истины. Без дурных мыслей, порождающих всякую леность и небрежность, бурьян и не разросся бы. Не напрасно народная предупредительность настораживала своих дозорных, чтобы смотрели бдительнее. Если взять историю народа, то даже при хороших пособиях очень трудно будет уследить, где именно, из какого именно злого источника начало просачиваться опаснейшее растление нравов.

В Афинах назвали Аристида справедливым. А ведь были же найдены в Акрополе глиняные таблички с именами темных личностей, подавших голос за его изгнание. Вот и попробуйте от древних высоких и чистых нравов Лакедемона провести основательную кривую до изгнания справедливого Аристида. Конечно, дурные люди всегда бывали и неизбежно будут. Но ведь имеются в виду не поступки отдельных темных личностей, но отношение к ним общественного мнения. Значит, могли создаваться какие-то условия быта, при которых общественное мнение или оказывалось бессильным против отдельных злодеев, или же само заболевало такими же мерзкоразрушительными побуждениями.

Где же были в такие дни всякие консулы, всякие хранители государственности? Ведь они чего-то все-таки не досмотрели. К ним взывали голоса народа, умоляя о бдительности, о зоркости, но они мысленно отговорились какою-то холодною буквою и заткнули уши, чтобы не обеспокоиться происходящим. Общественное мнение всегда существует, глас народа жив, но нужно отличать истинный глас народа от подсунутого ему преднамерения какими-либо соблазнителями. Сказано: "По делам узнаете". Значит, не предполагайте самомнительно, не сомневайтесь зря, но наблюдайте по делам, со всею непредубежденною справедливостью.

Много раз народ просил дозорных своих досмотреть пристально, а они все-таки не досматривали. В таких крошечных недосмотрах порождалось иногда многовековое погружение во мрак, в отупение, в упадок. Вставать гораздо труднее, нежели упасть. Шлепнуться каждый умеет, а вот встать или устоять — это требует большой твердости и решимости. "Кавеант конзулес".

25 Июля 1935 г.

Тимур Хада
Публикуется впервые

Грозы

Уже который день и гром и молнии. Ночные вихри угрожают снести шатры. От ливня промокают ящики. Из газет доходит сведение не менее грозное. Как-то не менее — гораздо более грозное, если сопоставить, какое необычное напряжение и расстройство космическое становится очевидным.

В Китае губительные наводнения. Множество деревень разрушено. Города затоплены, и даже такие центры, как Ханькоу, Нанкин и Тяньцзин ¬угрожаемы. Японские острова сотрясаются от толчков подземных. В Америке, в тени, 126° Фаренгейта. Приходилось быть при жаре в 117? и потому живо представляем себе, какое мучение приносит жара в 126° Также необычны и смены наводнений и засух на сравнительно небольших пространствах. Опять висит вопрос войны. Где-то обратились к язычеству. Много где столкнулись с неразрешимыми проблемами валюты. Сменяются правительства, обесцениваются недавно еще крепкие ценности. Около золота и серебра происходит какой-то танец смерти. Человеконенавистничество во всяких видах, под разными масками, всюду кажет свой отвратительный лик.

Пусть кто-нибудь скажет, что это все не так. Ведь не от пессимизма это говорится. Наоборот, в сердце живет оптимизм. Живет чувствознание, что и грозные предостережения могут миновать. Да они, конечно, и минуют, если только люди хотя бы немного одумаются. Вот газета сообщает многозначительное под заголовком "Если не могут получить хлеба, пусть получат славу". Те же газеты поминают о всяких вторжениях и утеснениях, которые стали настолько обычными, что печатаются мелким шрифтом. На одной газетной странице помещается такое количество бедственных сведений, что прямо можно удивляться подобной конденсации. Такая прессованность плачевных сведений ведь не будет знаком расширения и возвышения человеческой деятельности. Наоборот, можно замечать, как сознание людское привыкает к повторным ударам и даже не реагирует на такие потрясения, которые еще недавно могли бы составить мировую сенсацию.

Конференции, конвенции, всякие советы и съезды принуждены думать прежде всего о том, как бы избежать прямых решений и замаскироваться в каком-то еще невиданном компромиссе. Люди привыкают не стыдиться того, что еще так недавно они сами же считали и позорным и недопустимым. Если собрать все, что написано за последнее время о Лиге Наций, то покажется прежде всего странным, каким образом целое

сообщество народов в лице их представителей может терпеть всякие такие наименования, которые все время пестрят в прессе различных стран. Или же во всех таких суждениях есть доля правды. Тогда это было бы слишком прискорбным для сообщества народов, одно существование которого уже причинило тяжкие расходы государствам.

Правительства вынуждены думать о механическом урезывании расходов. Прежде всего это урезывание неминуемо отражается на сокращении жалованья низших служащих. Если даже в процентном отношении такие сокращения кажутся кому-то незначительными, то для и без того скудного бюджета мелкого служащего они представляются тяжкими, а иногда даже и невыносимыми. Опять-таки, не в механическом урезывании спасение, но в обновлении духовности народов. Из этого обновления произойдет и преображение всех бюджетных соображений.

Самое страшное чудище безработицы тоже перестанет быть таким грозным, когда люди осмыслят, что не в безработице, а в неоплатице дело. Тогда всякая работица станет на свое место, и вокруг очага будут производиться многие домашние поделки. Процветет рукотворчество и возвысится мышление. Ведь всякое творчество умножает и мышление. Но технократия и механизация влезли даже в глубины сознания. "Что может быть лучше техники!" — восклицает неопытный молодой инженер, думая о технике в обиходном смысле. Лучше обиходной техники может быть творческая высокая духовность. И не только может быть, но она настолько выше всего земного, что только в ней могут быть ответы на как бы неразрешимые вопросы современности.

Механические вычисления завели в дебри. Появились всякие упрощающие вычисления линейки и аппараты. Но оказывается, что в руках человеческих и эти хитроумные аппараты врут. Много где понаставили роботов. Уже не раз роботы остановили городское движение, привели умы в смущение ошибочным подсчетом голосов. Робот ошибся, робот испортился, так спокойно говорят люди. Продолжают, несмотря на ужасающее количество оставшихся без работы, выдумывать новых роботов, нисколько не смущаясь, что робот в своем конечном развитии не приведет человечество ко временам расцвета. Страшна бесчеловечная механизация. Именно бесчеловечность рождается в холодных вычислениях. Где же новые поступательные духовные движения, где же оживления всяких пустынь, если в холоде сердца люди заселят эти пустыни роботами?

Все еще грохочет гром. Точно бы напоминает, что забыли еще о Чем-то, утратили представление о Ком-то и утеснили себя там,

где были суждены неслыханные преуспеяния. Конечно, робот отсчитает на своей механической линейке, что все случайно. И в этих прискорбных "случайностях", в бездне случайных несчастий, войн и злодеяний не будет места на линейке робота механически отсчитать, где же начнется просветление. Кстати, и железная рука робота дрогнет, прикасаясь к линейке, а в ряду цифр выскочит неожиданный нуль и испортит предположенный итог. В итоге робота и без того утесненному малому служащему будет предложено питаться акридами или воздухом и будет разъяснено, что будет весьма полезным для человечества, если один рейс превратится в один мильрейс, то есть станет в тысячу раз меньше. Мало ли что может происходить от дрогнувшей руки робота! От удара грома может вздрогнуть механическая рука и показать не то, что следует.

Но никакие роботы не победят дух человеческий. Поистине, не зальешь его наводнениями, не испепелишь его жарою. Все-таки проснется он, его дух вечный и одаренный, и уже не на механической линейке, но в озаренном сознании он вспомнит о добротворческом устремлении, которое ведет к вратам расцвета. И ключ найдется.

26 Июля 1935 г.

Тимур Хада

Публикуется впервые

Открытые врата

"Прошлое — ничто перед будущим". Не раз приходилось так усовещевать тех, кто сомневался в будущем и горевал лишь о прошлом.

"Из древних, чудесных камней сложите ступени грядущего". И так много раз писалось для тех, которые не хотели оценить сокровищ, накопленных в прошлом.

Странны такие противоположения. Кто обернут лишь к прошлому, а кто только смотрит на будущее. Почему же не мыслится синтез, связывающий одну вечную нить знания? Ведь и прошлое и будущее не только не исключают друг друга, но наоборот, лишь взаимоукрепляют. Как не оценить и не восхититься достижениями давних Культур! Чудесные камни сохранили вдохновенный иероглиф, всегда применимый, как всегда приложима Истина.

Естественно, невозможно жить лишь в дедовском кабинете. Сам мудрый дед пошлет внуков "на людей посмотреть и себя показать". В записи о дедовском кабинете так и сказано. Уже не говоря о многих колючих и взыскательных дедах, но даже и хорошие из них не всегда ответят будущему мужественно и открыто.

Тем не менее в дедовском кабинете накопилось то, что не найти во вновь отстроенном доме. У деда сохранились и многие рукописи, которым не пришлось быть широко напечатанными. Было бы легкомысленно вдруг отказаться от всех прекрасных накоплений.

Когда-то каждое будущее станет прошлым. Пусть шлифовка алмазов будет другая, но достоинство камня сохранится. Так говорим о полном устремлении к будущему. Конечно, будущее в своей беспредельности окрыляет и вдохновляет. И вообще, разве можно не любить будущее? Разве прошлое не является чудесными вратами к тому же будущему достижению?

Перл Бэк в своей последней статье о творческом духе Китая приводит следующий эпизод: "Мой друг, который является сыном старой конфуцианской семьи и однажды сам был последователем Конфуция, но теперь горделиво объявляет себя ничем, выразился оскорбительно: именно конфуцианизм убил в нас творчество. Конфуций учил нас смотреть лишь назад, на мертвых, как на пример для нас. Ничто оригинальное, все, не сотворенное по старым меркам, было неправильно. Этот обычай ¬равняться по другим — внедрялся в наше мозговое вещество целыми столетиями, и потребуется другое столетие, прежде чем мы

сможем сделаться самими собою". Но молодой социалист сказал: "Нет, это империалистические императоры, которые повредили нам. Они видели путь удержать народ от мышления и заставляли умы основываться на старых классиках, как единственных средствах для продвижения, так что лучшие мозги в стране были заняты изучением мертвой литературы вместо того, чтобы думать и творить в той современности, в которой они жили". А юный экономист сказал: "В конце концов, это просто вопрос экономики. Искусство и творческий дух могут процветать лишь во времена мира и благосостояния. Теперь уже годами мы не имеем ни мира, ни изобилия, как же мы можем мыслить, чувствовать и творить?"

Все три мнения подобраны чрезвычайно характерно. И нам не раз приходилось слышать умаления древних философов именно с упоминанием Конфуция. Но, в конце концов, который же из заветов Конфуция запрещал мыслить о совершенствовании, о будущем? Если кто-то изуверски извращал смысл его указаний, то об этом можно лишь сожалеть, но не умалять великого мыслителя Конфуция.

Еще недавно так же точно нападал на Конфуция известный профессор, и невозможно было понять, чем ему самому помешал древний мудрец, ибо профессор не был ни игнорамусом, ни отрицателем по природе. Наоборот, он был знатоком и ценителем отечественной и мировой литературы. Очевидно всюду в преходящих волнах жизни и пророки и мудрые должны быть временно похуляемы для будущих обновленных утверждений.

Но должна же, наконец, наступить та творческая эпоха, когда знание будет лишь отворяющим, но не отвращающим. Нет новшества в осуждении. Оковы осуждения принадлежат тюрьмам, как и всякие оковы. Время ценно. Энергия благословенна. Опыт — почитаем. Не на осуждение тратить все эти ценности. Безумна такая растрата, когда силы так безмерно нужны для устроения и создания.

Входя под древние своды, не собираемся остаться жить под ними, но всегда помним поучительные начертания, усмотренные на старинных камнях. Знание старины убережет и от излишнего самохвальства. А вдруг окажется, что когда-то что-то лучше делали или знали нечто, нами утраченное. И в катакомбах и в пещерах не замирала, но кипела такая творческая мысль, мощи которой можно лишь поучиться. Самоотвержение, познание труда, подвиг, неустанное творение вызовет не осуждение, но благую внимательность и проникновенность.

Люди различаются на осуждающих и на творящих. Но там, где заложено творчество, даже тюремные стены не подавят его. Сколько замечательных нахождений и трудов сотворено именно в

тюрьмах. По счастью, дух человеческий не знает тюремных затворов. В полной готовности к творчеству, во имя славного грядущего не будем умалять прошлого со всею его поучительностью. Чаще всего подобные умаления не что иное, как прием ораторства. Но прейдя границы минутного увлечения, люди понимают, насколько неблагоразумно пренебрежение и начинают чувствовать ценность Культуры во всем ее широком понимании.

Достаточно знаем, сколько научных данных сохранено пирамидами. Также знаем и современные государственные доходы от пирамид. А ведь сколько злословий было послано их строителям. Знаем расходы по построению Версальского дворца. Также знаем, что они равняются затратам по постройке одного броненосца, который через десятилетие признается устарелым, негодным и уничтожается на слом. Знаем и то, насколько Версаль является национальною гордостью Франции и дает поучительный образовательный отдых народным массам. Знаем и Тадж-Махал, и храмы Нары, и святилище майя, и дворцы Италии. В современных министерствах туризма все эти не раз кем-то осужденные здания занимают первые места.

Можно приводить множество примеров тому, как именно доброжелательно воспринятое знание является истинными открытыми вратами. Но всякая преднамеренность и умышленное ограничение приведет лишь к постыдным умалениям, которые прежде всего не будут полезны странам в их истинном развитии. Может быть, соображение экономиста было бы ближе к делу, но и в этом случае можно привести примеры, когда лучшее творчество проявлялось в величайшей нужде и утеснении. Во всяком случае, Конфуций, сам в свое время преследуемый и малопонятый, не может быть примером запрещающего ретроградства. Наоборот, в его четких и жизненных мыслях можно видеть прямой путь от прошлого к будущему. А любовь и преданность будущему должна быть врожденной. Никто и ничто не может лишить человека в устремлении к светлому будущему, к открытым вратам Света.

27 Июля 1935 г.

Тимур Хада

"*Врата в Будущее*"

Женщина

"Женское движение в Индии несомненно является одною из главных животворных сил в нашей национальной жизни". "Движение в Индии началось лишь недавно, и в этой начальной стадии трудно пророчествовать о его будущем, разве что, как все движения, рожденные необходимостью, оно полно скрытых возможностей. Обращаясь к действительности, следует изумиться, что широкая национальная женская организация с определенными задачами и установленной деятельностью не образовалась давно раньше". Так говорит о женском движении Лакшми Н. Менон и кончает свою интересную и многозначительную статью: "Теперь дело за мужчинами Индии помочь этому движению. Ведь это не только женское дело, это дело целой нации и, я добавила бы, дело человечества. Но если бы они в огромном большинстве и не помогли бы, движение будет развиваться и преуспеет… Прошлое полно предостережений; настоящее полно надежд. Достижение и будущее нам светят. Собаки могут лаять, но караван пойдет".

Так говорится в июньском номере "Двадцатого Века". Говорится как нельзя более ко времени, когда страшные события опять угнетают мир, и мы уже давно призывали женщин сплотиться для деятельного добротворчества.

Лакшми Н. Менон правильно говорит в своей статье о многих трудностях, препятствующих быстрому развитию женского движения. Мы вполне согласны с ней о количестве всяких предрассудков и суеверий, которые, кроме вопросов нелепого атавизма и самомнения, мешают видеть уже установленное в мире, то, что, казалось бы, изначала должно было бы стоять ясно и непререкаемо.

Казалось бы невежественным и нелепым в наши дни еще говорить о женском равноправии. Неужели же при современной цивилизации, а тем более при Культуре, о которой так много говорят, можно сомневаться в том, что полное равноправие женское есть такой труизм, о котором и говорить-то не следует. Ведь как же может быть иначе? Ведь не времена троглодитов сейчас. Ведь какой же такой невежда дерзнет сейчас говорить о различии прав мужчин и женщин.

Действительно, даже непристойно говорить о каких-то различиях, но ведь так часто еще законодательства так называемых культурных стран не отделались от этого неслыханного, уродливого предрассудка. Трудно и безнадежно заглядывать в далекое прошлое, ища там причин. Конечно, в

таких поисках можно найти множество недоразумений, злотолкований, злоупотреблений частными случаями и всяких прочих недопустимых странностей. Но ведь для настоящего, каждая минута которого является уже частью будущего, нужно лишь напрячь все силы, чтобы везде на земле воцарилось прежде всего равноправие как первейшее условие человеческого достоинства.

Конечно, будет и такая эпоха Культуры, когда законы уже не будут женскими или мужскими, но действительно будут человеческими и прежде всего человечными. Тогда и организации уже не будут делиться по полу, но по другим различным признакам Культурных задач. Конечно, такое время будет, ибо пути человеческие через все потрясения и судороги суждений все же идут по этим направлениям. Недаром нынешний век называется веком Матери Мира. В этом величественном понятии заключается и признание женщины как не только равноправного, но существа, облеченного особым доверием для выполнения неотложных мировых задач.

Среди этих действительно неотложных, нависших задач будет прежде всего внесение в мир доброты. Иначе говоря внесение самого широкого и глубокого добротворчества. У" очень недобр стал мир. Уж очень недобры люди. Объясняйте. это обстоятельство чем хотите, но все же отсутствие доброты является понятием международным. Точно бы люди утратили знание, как им прикоснуться друг к другу. Понятие сердца так часто истерлось, как бы испепелилось. Если среди высоких мировых задач Матери Мира Она прежде всего установит земную деятельность сердца, то это уже будут, поистине, открытые врата в сад прекрасный.

И о мире всего мира положит Себе на сердце Матерь Мира. Через все очевидные препятствия к миру все же именно женский сильный союз повелительно произнесет это священное для человеческого достоинства понятие. Ведь для чего же люди должны бороться, преодолевать, кипеть и пылать — ведь все для того же трудового, просвещенного мира.

Значит, не только о равноправии мы должны мыслить, понимая его как нечто уже неотъемлемое. За этим достижением встают великие мировые задачи, предложенные женщине самою эпохою. Автор приведенной статьи жалеет о том, что в Индии до сих пор еще не было национального женского союза. Ведь то же самое нужно сказать не только об Индии, но, в конце концов, и обо всем мире. К такому союзу, деятельному и благотворному, должны вести возможности широко разлитой по миру женской кооперации.

Если почему-либо нельзя создать один великий союз, то ведь можно собраться в тысячах, а может быть, и в сотнях тысяч кооперативных ячеек. Безразлично, как эти кооперативы будут нормированы. Может быть, по специальности, может быть, по духовным задачам — может быть множество решений о таких трудовых кооперативах. Главное же, чтобы они возникали немедленно. Нужно, чтобы они нарождались не только в больших городах, но и в любой деревне, внося всюду животворящую силу труда и сердца и устремления к Культуре.

Если мы начали примером Индии, то и продолжим примером из той же благословенной страны. Хамид Али, представительница одного из отделов улучшения сельской жизни, рассказывает: "В нашем округе тысяча триста деревень. Четыре раза в году мы устраиваем курсы как для женщин, так и для мужчин… Приходят женщины — индусские школьные учительницы и многие другие, без религиозного различия. В округе 17 различных каст, от брамина до неприкосновенных. Мусульмане, мараты, христиане, джайны — все работают вместе. Мы учим их поваренному делу, шитью, прачечной работе, мыловарению, тканью, молочному делу, столярному, санитарному, садовому, детскому благополучию, борьбе с болезнями, даем сведения по ветеринарии, о законах, касающихся женщин, о законах о взаимодавцах ¬словом всему, что должно делать жизнь в деревне чище и счастливее. Вечерами после классов мы даем музыку, картины, игры — улыбку радости. Ведь наши бедные люди утеряли смех. Ведь трудно оставаться веселым, имея еду один раз в день. Но вы должны послушать их теми вечерами, когда поют, слушают радио и смеются. Многие приходят и без приглашения. Я видела до двух-трех тысяч собравшихся кругом, чтобы приобщиться и послушать… Земледелие сменяется и оставляет старые, медленные, узкие методы. Под влиянием нашего движения об улучшении сельской жизни многие деревни уже ввели на свои земли улучшения, а некоторые уже объединили фермы в кооперативном порядке".

Конечно, и это полезное начинание кончается словами о кооперативах. На умносложенных кооперативах меньше всего можно ждать ссор, несогласий, недоумений. Труд созидательный, неотложность рабочих задач связывает сознания. Людям занятым некогда бывает ссориться и спорить. Надо делать, надо преуспевать. И так увлекательно убеждаться в этом очевидном преуспевании, которое дает сотрудничество.

Великая задача Матери Мира прежде всего объединительна и убедительна. Никто в мире не может препятствовать возникновению трудовых сотрудничеств. Против кооперативов

никто и не может возражать. Ныне во всех правительствах эта форма частного сотрудничества всюду широко принята. Для нее не нужно изобретать новых, смущающих кого-то законов. Значит, следует лишь объединиться в наиболее душевно-сплоченные группы и хотя бы в малых сначала размерах приступить к разнообразному труду. Подчеркиваю, что всякое зерно мало, и потому не следует сразу стремиться к обременяющим огромным размерам. Наоборот, именно малые размеры вначале могут помочь и облегчить взаимопонимание. А затем нетрудно, в деловом порядке, находить точки соприкосновения между уже спаянными крепко кооперативами.

Повсюду приходится слышать о самых неожиданных и оригинальных формах кооператива. Еще недавно можно было читать о целых предприятиях, основанных на обмене изделиями. Если возможен обмен рукоделиями, то так же точно может возникнуть и интеллектуальный, а за ним и душевный, сердечный обмен.

Среди повелительных задач наших дней будет, прежде всего, делание. Именно делание покроет собою многие недоумения. Среди женщин сейчас заметно искреннее желание делания как основы самостоятельности. Конечно, повторим, что делание-то должно быть самое разнообразное: от ручного и до высокомозгового. Уже надоели соображения о том, что труд, прежде всего, происходит на каких-то фабриках. Всякий созидательный дух возможен всюду, и всюду он ценен. А женщины умеют трудиться. Ведь свобода не в том, чтобы начать курить или излишествовать всякими другими наркотиками. Наоборот, сейчас требуется необычайная трезвость во всех областях жизни. Вера и верность приходят в трезвости. Как сказано, что неверный в малом — неверен и в большом. Но верна и прекрасна работа Матери Мира. Вдохновительница, творительница, всюду вносящая добротворчество — можно ли против этого спорить?

Когда говорят о равноправии, то даже нечто оскорбительное чувствуется в одних предпосылках о том, что кто-то может быть неравноправным. Ведь могут быть лишаемы каких-то прав лишь преступники. Но все члены человеческого общества — они прежде всего люди. Потому неужели же в нашем двадцатом веке, мнящем не только о цивилизации, но и о Культуре, могут быть препирательства о равноправии? Разве не полноправно сердце человеческое? Разве не равноправна кровь человеческая?

Автор ранее приведенной статьи кончает ее на призыве о помощи. Можно ли говорить о помощи там, где должно быть ясное, осознанное, полноправное сотрудничество. Ведь к

справедливости все должны стремиться. К добротворчеству все должны стремиться. К миру, к созидательному труду все должны стремиться. Нужно быть каким-то изменником против человечества, чтобы противостоять этим аксиомам. Нужно быть каким-то природным предателем, чтобы восставать против единства сердца человеческого.

Каждый из нас видит два определенных типа людей. Одни — приветствуют добро, а другие корчатся в каких-то судорогах при упоминании о добротворчестве. Не забудем, что темные борцы против добра подчас очень организованны. Не значит ли это, что и объединившиеся около добра, справедливости и взаимоуважения тоже должны быть очень объединенными.

Не знаю, многие ли отозвались на приведенные статьи о женском движении. Думается, что очень и очень многие должны отозваться так же, как отозвались бы на самонужнейшие неотложные вопросы. Сейчас мир в большом смятении, и потому всякое объединение на справедливости и добротворчестве должно быть неотложно. Век Матери Мира не может быть заурядным веком. В чуткой настороженности будем слушать веление улучшения жизни.

30 Июля 1935 г.

Тимур Хада

"*Врата в Будущее*"

Старинные лекарства

Д-р Бернард Рид творит благое дело. С пожелтевших, забытых и часто осмеянных листов старых китайских фармакопей он вновь открывает для ученого мира многие соображения, заслуживающие большого внимания современной науки. Нам особенно драгоценны труды этого английского ученого. Много раз уже мы указывали на необходимость изучения старинных фармакопей и всяких народных средств, среди которых несомненно находятся результаты вековых опытных наблюдений.

За такое утверждение много раз мы подвергались насмешкам. Многие современные ученые ведь так боятся, чтобы не показаться устарелыми и чтобы не утратить листок из венка модернизма. Еще не так давно мне ставилось на вид, что мои соображения могут поддерживать ретроградных ученых, вместо того, чтобы в хоре модернистов грубо отвергнуть все сделанное ранее. При этом мне приходилось утверждать, что мы никогда не говорили о том, что все древнейшие фамакопеи вполне применимы. Мы утверждали, что старинные фармакопеи должны быть изучаемы как еще один источник полезных для некоторых самоновейших заключений.

О почтенных трудах д-ра Бернард Ряда мы знали давно. Наш друг Чарльз Крэн уже несколько лет тому назад рекомендовал этого отличного ученого для сотрудничества с нашими учреждениями — так оно и состоялось. Теперь же с особенным интересом мы следим, как ежедневные местные газеты с полным вниманием посвящают целые столбцы исследованиям д-ра Рида. Звучит парадоксально: самоновейшие исследования по стародавнейшим источникам. А между тем иначе и не выразиться, ведь д-р Рид познанием стариннейших источников подтверждает самоновейшие "открытия" современной науки. Для историка особенно поучительны эти строго научные выводы, ибо ими еще раз подтверждается, насколько бережливо мы должны подходить к истокам человеческой жизни, со всею ее наблюдательностью. Ведь в таких случаях мы имеем дело не только с какою-то цивилизацией), но с Культурою во всем ее своеобразии.

"Для многих показалось бы странным применять лечение посредством шкуры осла, глаз овцы, рога оленя, собачьих мозгов, всевозможных трав ¬всего, что так связано с фольклором и могло бы считаться пустым китайским суеверием, и казалось бы недопустимым, чтобы большое доверие оказывалось таким абсурдным лекарствам.

Но длительные изыскания, предпринятые д-ром Бернардом Ридом, главою отдела физиологических наук, и его сотрудниками в Лестеровском институте медицинских исследований, значительно уменьшают такой популярный скептицизм. Лестеровский институт занят тем, чтобы в глазах современной медицинской науки Запада было введено справедливое отношение к эмпирическим наблюдениям Китая, которые составляют основу старой китайской медицинской практики. Известно, что терапевтическая практика не только в Китае, но и в Индии, существовала многими столетиями, имея связь с еще более древними цивилизациями, что выясняется по старинным манускриптам.

Работа д-ра Бернард Рида и его сотрудников заключается в том, чтобы поставить подобные эмпирические применения на рациональный базис, употребляя при этом высокую технику новейших исследователей и более основательные познания входящих принципов, и таким путем новыми возможностями оценить старое и приложить новые пути для исследований, которые окажутся ценными для самой современной медицины. Д-р Рид работал на этом поприще в Китае более тридцати лет и уже давно был вознагражден успехами в открытии вновь применения эфедрина и масла чолмогры в древности. Теперь, работая среди превосходных возможностей Лестеровского института в, Шанхае, будут даны новые ценные соображения по китайской Материа-медика. Теперь производится исследование витаминов, содержащихся среди разнообразнейших местных китайских лекарств и пищевых продуктов. В Ханьчоу последний год было продано на четверть миллиона долларов ослиных шкур лишь в одной аптеке. Такая шкура, называемая "ахчиао", называлась восстановителем крови и общепитательным веществом для слабых людей, особенно же страдающих от туберкулеза. При исследовании было найдено, что действительно она содержит многие полезные вещества.

Также было замечено, что многие симптомы скорбута, слабость колен и общая пониженность требуют лекарств, заключающих в себе определенный витамин. При этом после изысканий было установлено, что в некоторых китайских фруктах и травах, предлагаемых с этой целью, заключается этот витамин в гораздо сильнейшей степени, нежели в "греп фрюйт" и в различных апельсинах. Так же точно и вспомогательный порошок бобовых служит заместителем молока при всей своей дешевизне.

Д-р Рид утверждает, что старинная китайская медицина нуждается в глубочайшем изучении, прежде чем смотрящие назад или вперед ученые могли бы произнести о ней свое суждение. Как

исторический источник она драгоценна и для антрополога, и для натуралиста, и для физиолога. Освобожденная от фольклора, примитивной религии и изжитых философских теорий — она дает огромный запас честных наблюдений о китайской фауне и флоре, употребляемых как пища и лекарство, и тем предлагает ценные пути для исследований. Тома китайской медицинской литературы заключают в себе все исследование китайской естественной истории — замечательное собрание наблюдений за тысячелетия.

Д-р Рид чувствует, что, кроме приложимой ценности, китайская медицина нуждается в интеллигентном и сочувственном понимании со стороны современной медицины. В Азии замечается большая нужда для широкого применения научных методов, которые бы научили народ ценить древнюю медицину в ее истинном понимании и тем подняли бы понимание новейших идей в медицине во всем ее приложении.

Употребление животных веществ показывает, что именно среди них за самое последнее время найдены нужнейшие витамины. Например, употребление мозга бешеной собаки при лечении причиненной ею раны напоминает современный пастеровский способ. Д-р Рид дает таблицу, показывающую 26 частей от шести домашних животных, применявшихся в домашней медицине. Эти животные: корова, лошадь, свинья, курица, овца и собака. Рог марала очень ценится в Китае, а новейшие исследования показали, что он заключает мужской гормон. Глаза овцы, глаза сокола, попугая и некоторых рыб так же точно в последних исследованиях показали присутствие витамина А. В старых китайских фармакопеях печень свиньи рекомендовалась от слепоты, бери-бери, а теперь недавно было найдено, что она изобилует всеми пятью витаминами. Много подобных примеров может быть приведено.

Вовсе не в магизме, но в действительном применении содержания древние лекарства могут быть вновь переоценены и применимы. То же самое можно сказать и о людях, страдающих отсутствием йода. Многие столетия тому назад в Китае применялись морские растения для лечения зоба, а теперь оказывается, что эти старинные лекарства оказались вполне действительными. В Китае более чем за 50 веков сохраняются сведения о всевозможных наблюдениях в областях медицины. Эти наблюдения вовсе не представляют божественную интуицию, но эмпирические нахождения, которые были лишь затемнены неверным направлением науки прошлого столетия".

Таким путем, ничего не нарушая, без всяких несправедливых обвинений можно изыскивать новые, всем доступные полезные

возможности. Многолетний опыт д-ра Рида лишь подтверждает, что когда ученые направляются путем добросовестного благожелательства, они открывают многое такое, что осталось бы затемненным для сомневающегося злого глаза. Одно дело честное изыскание, а другое — самомнительный скепсис, который попросту можно называть просто сомнением, пути которого всегда очень темны и извилисты.

Такие же старинные лекарства, заслуживающие глубокого изучения, можно находить во всех древних наблюдениях. Части истины остаются всюду неизбывными и непререкаемыми. В каких бы непонятных для поверхностного наблюдателя формулах ни сообщалась истина, она все же останется таковою при глубоком, а главное непредубежденном изучении этого иероглифа.

Путь отрицаний уже давно сопричислился к путям невежественным. Новейшие открытия лишь подтверждают глубокую связь человеческого мышления во всех веках и народах. Непонятные нам формулы происходили или от особенности языков, или от сознательного желания сберечь лишь в определенных руках ценные знания. Такая бережливость тоже не должна быть осуждаема. "Не мечите бисер перед свиньями". Этот завет во многих формулах был повторен не без основания. "Не бывает пророка в своем отечестве". И этот скорбный завет был подчеркнут для поучения будущего человечества не без глубокой причины.

Будет время, когда невежественное, самодовольное отрицание во всех областях заменится светлым, непредубежденным изысканием. Нужно особенно радоваться каждому доброжелательному изысканию — в нем заключено истинное добротворчество.

1 Августа 1935 г.

Тимур Хада

"*Врата в Будущее*"

Зачем?

Среди зеленеющей монгольской степи белеют большие беломраморные изображения Архатов — оба обезглавлены. Тут же, среди трав, брошены два тоже беломраморных льва. Тут же и большая черепаха. Все это напоминает о минских временах. Невольно является вопрос: зачем эти мраморы валяются среди степного безлюдия? Кто обезглавил Архатов? Кто и какими чудовищными усилиями разбил пополам мраморное тело одного из них? Все эти куски мрамора очень тяжеловесны. Целые тонны. Кто же и зачем ворочал их среди степи? Кто тратил свои силы на такие сокрушения?

Вдалеке высятся красивые темные скалы. На одной из них — большой и до сих пор почитаемый Обо. Даже издали чувствуется, что это место должно быть чем-то замечательно. Приближаемся. Скалы изрыты пещерами, и малыми, и побольше. За поворотом, перед лицом реки, на скале бросается в глаза старинная, почти циклопическая кладка. Оказывается, на скалах когда-то гордо лепился целый монастырь. Судя по глазурованным черепицам и обломкам крепко обожженных кирпичей, можно догадаться, что монастырь был когда-то и кем-то сложен прочно.

В пещерах и посейчас находятся обрывки старомонгольских надписей и молитв. Много маленьких глиняных приношений с разнообразными печатями на днищах. Ясно, что здесь было большое обжитое место. Кто-то здесь заботливо строил вовсе не для того, чтобы затем это строение валялось в обломках. Мало того, кто-то очень выбирал это место. Были затрачены большие труды на кладку крупных камней. Были высечены в твердых скалах удивительно гладкие большие, поверхности, служившие одною из стен большого здания.

Кто-то любил это место и заботился о нем. Кому-то окрестные пещеры, наверное, напоминали о подобных пещерах Тибета и Гималаев, где песнопевец Миларепа прикладывал руку к своему уху, чтобы слышать голоса, другим неслышимые. В пещерах, наверное, кто-то мыслил об Архатах, о Заветах общежития мирного. Спрашиваем местных монголов: кто же по их мнению нарушил монастырское строение? Они отвечают печально-спокойно: "Дунгане". Сколько раз по всем этим местам восставали дунгане-фанатики. Монголы не раз говорили нам: "Если что устоит от дунган, тогда уже устоит против всего сущего".

О дунганах говорили нам и в Карагольчах, и в Цайдаме, и на нагорьях Тибета. Показывали большие развалины монастырей,

деревень, каких-то крепостей и при этом также эпически невозмутимо добавляли: "Все дунгане". Видали мы и нарочно закопченные пещерные фрески, безвозвратно погибшие. Видели умышленно исцарапанные лица изображений. Видели обезглавленные статуи, и почему-то все это нарушенное и погубленное местные люди связывали с какими-то восстаниями дунганскими. При всех этих рассказах звучала какая-то печаль, как бы о чем-то неизбежном.

Неужели дух человеческий может приучаться к сознанию о неизбежности умышленных разрушений? Неужели не покажется странным и недостойным человеческого бытия, что энергия должна безумно тратиться на разбитие целых каменных глыб? Если наймете каких-то поденщиков, то они, наверное, будут жаловаться о том, какими непомерными трудами им пришлось расколачивать огромные массивы. Но те, которые обезглавливали и рубили пополам огромные каменные изображения, наверное, не печаловались о своих потраченных трудах. Почему-то не жалуются люди на энергию, потраченную на что-то разрушительное.

Также удивительно, что мирные окрестности, видимо, не могли утихомирить разрушителей. Казалось бы, окружающее должно влиять. Если оно будет безобразно нагромождено, если будет полно миазмами зловония, если будет раздражать напоминаниями, то еще кое-как можно себе представить несдержанную волну неистовства. Но если вокруг будет цветущая степь, если далеко протянутся синеющие, зовущие дали, если глянут цветы разноличные, если бодро пахнет полынь придорожная, то неужели же все эти знаки мира нс успокоят яростную душу? Неужели все это благоцветение не скажет о преступности разрушений?

Уже не раз приходилось отмечать о городах, снесенных до основания. Большие труды были положены, чтобы превратить прочные строения и стены в кучи щебня. Не только проносился яростный вихрь по городским улицам, нет, злоба разрушения шла обдуманно и медленно, испепеляя дотла все на пути своем. Многие люди никогда не видали на своем веку таких разрушенных мест. Вероятно, им вообще кажется, что такие разрушения невозможны. Но не только исследователи древних разрушений, но и все побывавшие на местах недавней Великой войны уже навсегда запомнят, что есть злоба человеческая.

Посетители мест еще недавних боев во Фландрии знают, может быть, навсегда обеспложенную почву. Путники могли видеть снесенные дотла храмы, целые соборы, казалось бы, уже давно вошедшие в историю искусств. Вновь устроен собор Ипра и

Реймса, вновь подделаны разбитые колонны и застеклены окна. Но ведь техника витражей уже будет не та, это уже будет подделка, на которой следовало бы написать, чтобы когда-то новый какой-то путник не был введен в заблуждение. И резьба капителей колонн будет другая. И книгохранилища, хотя и будут вновь наполнены, но ведь это будут какие-то новые книги, а не те, уже неповторимые.

Разве недостаточно гремели вопли войны? Может быть, они уже не повторятся. Но даже не в одной части света, а в нескольких опять идут военные шепоты и скрежеты. Опять плуги перековываются на копья. Опять мир находится, может быть, еще в небывалом смятении. Много было изданий с изображениями ужасов войны. Но, может быть, их все же было еще недостаточно. Когда народные массы бывают спрашиваемы о войне или о мире, они всегда подадут голос за мир. Еще на днях подобный опрос показал, о чем мыслит сознание народа.

Но поверх сознания, поверх опыта, поверх всего сердечного мира врываются ужасающие гримасы, желающие опять покрыть землю телами обезглавленными. Всякие причины к тому будут приведены. Всякие вычисления будут доказывать полезность кровопусканий. Но все-таки неизбывный вопрос останется неотвеченным: зачем?

Зачем белеют среди цветущей степи обезглавленные мраморы, зачем разрушены стены, зачем в осколках труды человеческие? Зачем?

Послесловие к Записному Листу "Зачем"

Если, с одной стороны, возникают скорбные вопросы "зачем", то с другой стороны, слышим и прекрасные утверждения "оттого" или "для того". "Новая Заря" — "Нью Дон" является одним из ответов на прежние скорбные вопросы. Для того и народился и существует этот светлый голос почтенного Васвани, чтобы воззвать тогда, когда его призыв так особенно нужен. "Новая Заря" зовет к созиданию, к широкому пониманию и к духовным радостям. Ведь так много скорби кругом, так много изломов и надломов, что каждый созидательный зов неотложен.

В каждом обращении Шри Васвани обращает внимание человечества на неотложное. Он зовет о тех истинах, которые, казалось бы, должны явно лежать в основе человеческого бытия. Но в глубоких скрынях захоронены светлые истины. Так часто они залиты базарной тривиальностью и пошлостью извращенного рассудка. Нужно иметь подвижническую отвагу, чтобы и на перекрестках сутолоки напоминать прохожим о том, куда они идут и зачем идут.

Можно ли молчать, когда на глазах происходит явление

человеконенавистничества, когда гремит насмешка над самым священным? Можно ли молчать, когда под уловкою скепсиса потрясаются вечные корни? Кто же говорит против наблюдений и исследований? Все честные непредубежденные исследования приводят к той же неоспоримой Истине. Издания, подобные "Новой Заре", как окно во тьму открытое. Несут далеко зов и, конечно, принесут и ответ.

Широко раскинулись в мире светлые, ищущие души. Они щедро рассыпаны. Не обойдена ими планета. Но часто не знают они друг о друге. Часто скорбят они в такой справедливой напряженности. Часто пытаются заглянуть дальше, ибо сердце знает, что у них есть и друзья, и сотрудники, но, по человеческому зрению, их не видно, и в пределах человеческого слуха — они невнятны. Велика задача и обязанность каждого светло объединяющего органа. Ведь это тот самый мост, без которого друзья и не найдут друг друга, без которого и прекрасная беседа не состоится.

"Новая Заря" всходит тогда, когда мы понимаем, что для радости и любви насаждены сады благоухающие, в которых каждый труд уже будет благословением. Когда слышим благословенные зовы Шри Васвани, и в далекой пустыне мы радуемся. Ведь он зовет к тому же осознанию, к тому же сотрудничеству, к тому же взаимопониманию."Близко Заря, но еще ночь", — так говорил страж в устах библейского пророка. Уже тогда ощущались признаки Зари, а теперь они, значит, еще ближе. Сбережем для Зари наши лучшие приветствия.

2 Августа 1935 г.

Публикуется впервые

Судьба

"Рембрандт с первых же шагов своей деятельности выходит за пределы локального значения, и все его дальнейшее творчество есть явление общечеловеческого смысла. Тяжелая трагедия его жизни и деятельности теряет чисто бытовой и исторический смысл, а становится, подобно трагедиям всех великих страдальцев, огромным символом. При этом символизм искусства и жизни Рембрандта носит роковой характер. Все, что случилось с ним — должно было случиться по каким-то верховным законам. Весь ужас этой жизни приобретает именно благодаря своей чрезмерности грандиозную красоту. Это подлинная Голгофа, крест, непосильный для средних людей, которого удостаиваются лишь избранники.

Вглядываясь в эту логическую во всех своих перипетиях трагедию, постигаешь и ее внутреннюю гармонию. В ужасном финале этой жизни человека, когда видишь Рембрандта больным стариком, оставленного всеми, предающегося вину, живущего в нищете, то содрогаешься, но и понимаешь, что такой конец был самым величественным, самым достойным для гения. С точки зрения какой-то Высшей Справедливости, более достойным и прекрасным, нежели чума столетнего богача Тициана, нежели прощание Рубенса с красавицей женой и переутомление Веласкеса придворными обязанностями. Рембрандт "сподобился мученического венца" и, вопреки рассудку, видишь в этом высшую награду".

Во многом Александр Бенуа находил глубокие характеристики, но в этом суждении о судьбе Рембрандта, о мученическом венце, о красоте вопреки рассудку, он дал еще одно свидетельство глубочайшего суждения. "Вопреки рассудку" — это простое и убедительное выражение, наверное, многим казалось и неуместным и неопределительным. Тягостные дни телесного Рембрандта и Франса Гальса для многих никак не покажутся апофеозом достойным.

Придворное рыцарство Ван Дейка, наверное, кому-то кажется замечательным завершением великого художника. Но за этими внешне блестящими завершениями кажутся и другие, сияние которых настолько насыщенно, что не каждый глаз различит его. Совершенно так же электрическая искра в своем чрезвычайном напряжении делается уже недоступной человеческому глазу.

Как-то обсуждалась судьба Жанны д'Арк. Собеседники старались предположить, какой именно завершающий аккорд явился бы самым сияющим для светлой воительницы. Делались

разные предположения. Доходили до того, что кто-то видел ее королевою Франции. Но после всяких примерных суждений пришли к тому, что сужденный превышним законом аккорд был самым незабываемо величественным. Конечно, никто не забудет и не оправдает предательских судей Жанны д'Арк. Так же точно никто не будет отстаивать тех квазизнатоков искусства, которые осудили ныне знаменитый "Ночной Дозор" Рембрандта или его не принятую ратушей картину, ныне являющуюся драгоценным достоянием королевского музея в Стокгольме.

Темные осудители, невежды и предатели таковыми и остаются. Они ведь вовсе не занимались ковкою мученических венцов. Они как были исчадиями ада, так и остались в той же зловонной тьме. Но совершенно вне их соображений, вне всяких земных допущений и пониманий, самый превышний закон обращает уголь в сияющие алмазы. Наверное, каждый захотел бы прибавить к двум сказанным разнородным примерам еще множество самых замечательных свидетельств воздействия превышнего закона. От самых высоких примеров и до повседневности можно видеть, как для каких-то мирообразований, для каких-то будущих укреплений куются незабываемые венцы.

Лишь бы только знать о путях несказуемых и гореть пониманием их. Тот же Рембрандт мог закончить старьевщиком или главою местной гильдии, или капитаном стрелкового общества. Мало ли какой благополучный, с обычной точки зрения, конец можно бы приложить к Рембрандту. Ведь был он собирателем, а от собирателя до старьевщика путь не так уж сложен. Был он богатым домовладельцем — по времени мог приумножить всякую недвижимую собственность. Мало ли кем он мог быть и "покойно" почить в пределах города. Но этого не должно было случиться по закону нареченному. Ценности, выраженные Рембрандтом, были оценены на каких-то совсем других весах — невидимых.

Жанна д'Арк могла остаться сельской провидицей, могла пророчествовать и исцелять. Могла окончить работу почитаемой аббатиссой, а не то и уважаемой гражданкою. Ко всему были пути. Но Великий Закон должен был в ней найти еще одно светлое свидетельство Истины. Пламень ее сердца, пламень костра — венец пламенный — все это далеко поверх обычных законов. Даже поверх обычного воображения человеческого.

Люди говорят о судьбе. Из каких же замечательных звеньев складывается так называемая судьба? От мирного стада до костра пожирающего. От верха благополучия до высшего испытания нищетой. Какими же человеческими формами высказать такие

высочайшие построения? Высказать-то их и нельзя, но можно почувствовать. Не только можно, но должно почувствовать, ибо в них заключены светлые вехи нового мира.

Конфуций, так часто и непонятый и гонимый, заповедовал: "Когда мы наблюдаем явления, мы можем достичь знания; когда мы достигли знания, мы приобретаем доброе желание; когда мы приобрели доброе желание, сердце очищается, человек становится культурным; когда человек делается культурным, порядок царит в его семье; порядок царит и в его стране, когда же порядок будет царить в каждой стране, тогда и мир воцарится во всем мире".

Тоже как бы простой путь. От обычного проявления и до мира всего мира. В таком пути, при всей его неоспоримости, сказывается очень высокий и далеко не всем доступный мировой закон. Тоже о каких-то судьбах говорит этот закон, сказывает языком неземным. Каждый человек, каждый член семьи человеческой несет на себе ответственность за мир всего мира.

Никто не имеет права сложить с себя высокую и прекрасную обязанность добротворчества. Никто не имеет права сожигать Жанну д'Арк. Кому дано право унизить Рембрандта? В сложных для земного глаза судьбах звучат законы и высокие, и требующие особых выражений.

Нищета Рембрандта — величественна. Костер Жанны д'Арк — прекрасен. Тернии Конфуция — поучительны. Терновый венец, тот самый великий Венец, ведет мир по судьбам человечества.

3 Августа 1935 г.

Тимур Хада

"*Врата в Будущее*"

Естество

В старинном соборе Орвието на фресках Орканьи имеются торжественные, радостные возношения праведных в райские кущи. Под ними внизу демоны тащат за волосы грешников на адские терзания. Ангелы не влекут в рай насильно за волосы. Насильно увлекают за волосы в ад. Старинная пословица о том, что "за волосы в рай не тащат", имеет глубокое и всегда памятное значение. Поистине, насильно в рай не притащить.

Естеству противно все неестественное. Так же во степенях восхождения. Уместиться в них могут те, кто так или иначе в сознании своем уже восприняли это размещение. Если кто почему-то не может дышать горным воздухом, то насильно вы не можете заставить его пойти против естества своего. Мешок кислорода поможет лишь на короткое время. Впрочем, он не столько поможет, сколько даст иллюзию помощи. Как только искусственный кислород кончится, так недостача его почувствуется удесятеренно сильнее.

Если у кого-то от высот разрываются сосуды, то, значит, он на этих возвышенностях и не мог бы существовать. Естество его оказалось неприспособленным. Может быть, посредством длительных, постепенных, вполне осознанных упражнений кровообращение и приспособилось бы к новому бытию. Но насильно, скоропостижно нельзя отягощать естество, не приспособленное многими и длительными опытами.

Всякие искусственные, вернее сказать, насильственные меры обычно производят лишь грубую реакцию, разрушительное восстание, которое ни к чему доброму не приводит. Естественность будет в настоящей соизмеримости и планомерности. Восстания бывают тоже в разной степени сознательности. Конечно, можно наблюдать восстания вполне сознательные, как планомерное выражение для обдуманной цели. Но чаще всего это может быть названо просто бунтом грубой материи, вообще противоречащей возможности естественных улучшений. Восставший часто не даст никакого определенного ответа — почему, а главное, для чего он поднялся и старается сокрушить нечто, ему самому малоопределенное. Он просто пытается нарушить нечто, будто бы ему препятствующее. Но по неопытности, или, проще говоря, по невежеству, он, желая разбить что-то, прежде всего наносит себе страшные, а иногда и смертельные удары.

Очень слабо будет оправдание в том, что или какие-то внешние условия, или какая-то наследственность мешают

естеству восходить естественно планомерно. Самооправдываться — это уже значит самообвинять. Недаром тоже вошло в пословицу: "Кто оправдывается, тот самообвиняется". Есть и другая пословица, почему-то приуроченная Юпитеру: "Юпитер, ты сердишься — значит, ты не прав". Конечно, под этой "сердитостью" нужно понимать не справедливую суровость, а дребезжащую и сквернословную надутость.

Когда советуется хранить заботливо данное естество, это не значит избегать всякой опасности, всякой возможности подвига. Хранение естества вовсе не есть препятствие к самоотвержению и героическому действу. Под хранением естества следует понимать открытие всех возможностей для совершенствования, для улучшения. Именно в этом порядке естество и будет направлено естественно. Можно всеми тончайшими способами напоминать об этом естественном пути. Но неразумно, хотя бы отчасти, насильствовать, если какие-то вещества, противные для восхождений, еще не изжиты.

Мудрый наставник никогда не будет заставлять читать какие-либо определенные книги. Он предоставит возможность ознакомиться с полезными источниками, но принуждать, хотя бы косвенно, он не станет. Да и какой будет толк, если прочтенное воспримется под знаком недоброжелательства или недоверия. Отзывы о книгах являются тому доказательством. Сразу вы почувствуете, который отзыв дан непредубежденно, в прямом желании осветить данный труд, и когда к отзыву приступлено уже в темном предрассудке, сказать не о том, что написано, но именно о том, что не написано. Предрассудок является противником и губителем естества. Если почему-то сердце, это хранилище естества, окажется закрытым или залитым гноем, то никакое естественное, справедливое суждение и не может возникнуть. Тьма подскажет множество сомнений, недоумений, которые даже для ребяческого ума могли бы быть разрешимы. Но тьма наложит крепкий затвор свой.

Конечно, всякие наркотики, от самых смертоубийственных до общепринятых, являются нарушением и извращением естества. Доза таких наркотиков, конечно, совершенно различна. Вы можете часто слышать соображение о том, что на соседа даже большее количество наркотиков не оказало видимого влияния. Во-первых, что есть видимое, для какого глаза видимое, а во-вторых, мы не знаем, насколько забронирован был этот сосед какими-то своими другими накоплениями. Употребление наркотиков вообще доказывает ослабление воли, иначе говоря, на неестественное состояние естества.

Естество отпускается очень планомерно и справедливо. Сами

люди стараются исковеркать и умалить его. Хранение естества вовсе не есть ни магия, ни что-то сверхъестественное. Наоборот, это состояние и будет самым естественным. В нем-то и будет естественным порядком укрепляться воля, будет развиваться психическая энергия, и будет она самоприменяться естественно. Зачем обращаться к каким-то неестественным заклятиям там, где возможно самое естественное и плодородное устроение совершенствования. Прежде всего добротворчество, во всех его применениях, будет тоже естественным выражением жизни. Всякое освобождение от грубости и предубежденности будет тоже ближайшим подспорьем в хранении естества.

Естество не должно быть понимаемо как естество только материальное. Так как материя есть лишь одно из состояний духа, то и естество является определением всех естественных состояний. Сердце работает естественно тогда, когда мы его не замечаем. Все прочие органы, производя сложнейшую химическую работу, производят и совершают ее незаметно. Также и естественное состояние естества будет благонезаметно. Как высшее напряжение электричества, оно будет благотворно распространяться, но обычный глаз и обычное ухо не познают его. Тем самым видно, что всякое насилие, всякое выведение из естественного состояния — неприложимо.

Часто требуется значительное время и устремление к непосредственному улучшению. Часто могут произойти вспышки когда-то накопленные, но позабытые в тайниках вещества, много дается возможностей… лишь бы они воспринимались. Часто само напряжение труда или жизненные препятствия выводят сознание на естественный путь. Недаром часто указывается на полезность трудового пота. А ведь и пот может быть понимаем различно, и грубо и духовно.

Двери и окна должны быть доброжелательно открыты. Пути не должны быть заграждены ядовитыми газами. С неба не должны падать смертоубийственные снаряды. Но пушечными залпами нельзя вернуть естество доброе. О естестве добром, к добру назначенном, радостно думать. Можно встретиться в доброй беседе обо всем, что ведет к добротворчеству. Не будем пугаться нагромождения и повторения определительных о добре. Добро нужно. Добро неотложно. Добром держится твердь.

5 Августа 1935 г.

Тимур Хада

"*Нерушимое*"

Камень

Наш Чампа, полутибетец-полумонгол, родом с Кукунора, возвращается с базара — сообщает:

"Говорят, что тут где-то есть камень, в котором медный пояс".

Что же это такое, и как бы узнать, где этот камень? "Может быть, удастся расспросить. Только это трудно". Мы думаем, что дело идет о каком-то открытом погребении, или о кладе, или, наконец, о легенде. На первый взгляд, обращается внимание не столько на камень, сколько на пояс. Ведь пояс всегда был признаком власти. Не раз в истории похищение пояса или оскорбление пояса приводило к тяжким последствиям. Так поговорили о странном камне с медным поясом и подумали, что, вероятно, дальнейшее узнать о нем трудно. Если бы это оказалось каким-то кладом, то ведь о кладах будут говорить особенно осторожно.

Конечно, легенды о кладах, находимых в бурханах, или о каких-то сокрытых ценностях можно слышать часто. Иногда они будут связаны с большими именами прежних легендарных воителей. Не обойдется и без упоминания Чингис-хана, ибо это имя упоминается при всяком возможном случае.

Проходит несколько дней. Юрий занимается с приезжим бурятским ламой-лекарем. Вдруг приезжает чиновное лицо от местного князя. Князь очень просит, чтобы мы не трогали и не разбили камня с медным поясом. Опять тот же камень. Спрашиваем, полагая, что речь идет о какой-то руде, — где же он находится? Ответ уже наводит нас на некоторые мысли и воспоминания.

"Камень этот двигается и появляется около священных и замечательных мест. Здесь же, около Наран Обо, место священное. Князь знает, что вы собираете травы и цветы. Это очень хорошо. Но не потревожьте камень, который появляется то там, то здесь. Ведь он может оказаться и на вашем пути".

Значит, дело оказывается не в медном поясе, как мы думали первоначально, но в самом камне. А камень этот не что иное, как тот самый легендарный, испокон известный чудный камень, посещающий особо замечательные местности в особо нужное время. "Таким образом, скромный посланец князя совершенно деловито просит нас не нарушить чудодейственного камня. Конечно, мы просим его передать, чтобы никто не беспокоился. Камня мы не нарушим, не разобьем и не обидим.

Воображаю, как удивлены были бы местные монголы, если им рассказать все известные легенды о чудесном камне — легенды от

Тихого океана и до средневековых мейстерзингеров. В данном случае новым оказалось то обстоятельство, что не легенда рассказывалась, но просили не нарушить камень. Значит, не сказание, но бытность самого камня жила совершенно явно и непреложно.

Новая подробность о поясе на камне, быть может, означает, что камень облечен властью. В других вариантах ни о каком поясе не упоминалось.

На камне указываются знаки, которые то появляются, то уходят вглубь. Камень предупреждает своего временного владельца о всяких значительных событиях. Камень издает треск в особых случаях. Становится особенно тяжелым или, наоборот, теряет вес. Иногда камень начинает светиться. Камень приносится иногда новому владельцу совершенно нежданно какими-то незнакомцами. У камня много качеств, недаром о нем сложены всевозможные предания и песни. Упоминается он и в средневековых исторических и научных изысканиях. На Гималаях, в Тибете и в Монголии постоянно приходится встречаться с упоминаниями об этом сокровенном чуде.

Странно связывать чудесные, полные глубоких знаков и символов сказания с приездом чиновного лица, просящего не повредить и не увозить камня. Здесь ведь место особо священное. Около Наран Обо, бывало, уже появлялся чудесный камень. В этих местах запрещено убивать всех животных. Сам Таши-Лама подымался на Наран Обо и отметил это место. "Ведь Таши-Лама выдает пропуск в Шамбалу". Конечно, и это сведение понимается чрезвычайно различно. Но тем не менее до сих пор приезжают некоторые люди к Таши-Ламе с прямою просьбою дать им подобный пропуск. Опять-таки древнейшие знаки совмещаются с современностью иногда в самых неожиданных формах.

Также приходилось слышать, как нападали некоторые люди на рассказчиков о таких знаках. Ревнители тайн придут и шепнут, а рассказчик немедленно прервет повествование.

Если же начнут его доспрашивать, то он закончит какой-либо самой прозаической формой, совсем не отвечающей вдохновенному началу. Значит, и древнее установление охранения тайны живет по-прежнему. И как умеют хранить такие заповедные тайны. Как умеют вовремя перевести речь на какие-нибудь повседневные темы или нежданно обратить внимание на какое-то внешнее приключение.

Опять-таки вспоминается, как однажды один индус сказал, что он настолько не выдаст тайны, что скорее допустит утверждение, что вообще ничего подобного не существует. Как в океанских волнах пробегают два и три различных течения, так же

и глубины людского сознания умеют быть заперты затвором тайны.

Кто-то смеется над подобною стойкостью, над таким хранением основ. Но кто-то и уважает, когда видит, что вне всякой, а иногда и вопреки всякой своекорысти люди остаются несломимы, как адамант. Камень драгий — знали его многие народы. Сохранили, запрятали знания о нем в самую сокровенную сокровищницу. Если приезжает чиновник и просит не повреждать и не увозить камня, то ведь в этом еще не будет открытие тайны. Ведь он-то не сказал, о каком таком камне идет речь. Он по обязанности должен был предупредить, что таковой камень появлялся, бывало, в этой местности. Значит, этим предупреждением не произошло разбалтывания.

Посланец был рад слышать наше обещание не вредить камню. Кто знает, может быть, в постановке нашего ответа ему почудилось, что мы знаем больше, чем он полагал. Во всяком случае, наше обещание не вредить камню было принято с искренней признательностью.

Уметь хранить тайны уже значит доказать значительное качество духа. Кто возьмется отделить, где легенда граничит с фантастикой, а где в основе ее лежит действительность. Не так давно доказывалось, что герои так называемых легенд были существовавшими людьми, героическими деятелями, дела которых, выходя за пределы общечеловеческого разумения, сплетались в чудесные, вдохновляющие легенды.

Знаете ли вы, существует или нет тот камень, о котором знают так многие народы?

6 Августа 1935 г.

Тимур Хада

"*Врата в Будущее*"

Шри Рамакришна

Жарко и душно было вчера. Вдали громыхали грозовые тучи. От подъема на каменистое Ширет Обо кое-кто приустал. Уже направляясь к стану, мы заметили вдалеке огромный вяз-карагач, возвышавшийся среди окружавшей пустыни. Размеры дерева, его какие-то знакомые нам очертания повлекли к нему. Ботанические соображения подсказывали, что в широкой тени одинокого великана могут быть нужные нам травы. Скоро все присутствовавшие собрались у двух мощных стволов карагача. Тень его — густая-прегустая раскинулась более чем на пятьдесят футов. Мощные стволы наросли причудливыми наплывами. В богатой листве щебетали птицы, а мощные ветви протянулись во все стороны, как бы желая приютить всех приходящих.

На песке вокруг корней запечатлелись самые разнообразные следы. Рядом с широким волчьим следом отпечатались тоненькие копытца дзерена ¬местной антилопы. Тут же прошел и конь, а рядом с ним осталась тяжелая поступь быка. Наследили разные птицы. Очевидно, все местное население приходило под радушную листву великана. Особенно напомнил нам вяз-карагач раскидистые баньяновые деревья Индии. Каким местом благословенного схода служили такие деревья. Сколько путников под ними получало отдохновения и телесные, и духовные.

Сколько священных повествований запечатлевалось под ветвями баньяна. И вот одинокий гигант-карагач в монгольской пустыне живо перенес нас под сень баньяна. Мощные ветви карагача напомнили нам и о других могучих восхождениях Индии.

Подумалось о светлом гиганте Индии, о Шри Рамакришне. Около этого славного имени столько самых почтительных определений. И Шри, и Бхагаван, и Парамахамса — словом, все, чем народный глас хотел бы оказать свое почтение и уважение. Бывают такие самые почетные от народа пожалования именем. В конце концов, поверх наипочетнейших наименований остается одно проникшее по всему миру имя — Рамакришна. Имя личное уже обратилось в целое всенародное, всемирное понятие. Кто же не слыхал этого благословенного имени? К нему так идет слово о благе. Кроме самых черствых сердец, какое же человеческое сознание будет противоборствовать благу?

Вспоминаем, как вырастало в разных странах познание светлой сущности Рамакришны. Вне злобных пререканий, вне взаимоущемлений слова о благе, близкие каждому человеческому сердцу, широко распространялись, как могучие баньяновые ветви.

На путях человеческих исканий вставали эти зовы о добротворчестве. Мы знаем и не раз слышали, как "случайно" находились книги о Рамакришне. Елена Ивановна замечательно нашла эту первую книгу. Потому через много лет, беседуя под радушным кровом миссии Рамакришны под Калькуттой, вспоминалось, как нежданно-жданно мы познакомились с эти великим проповедником добра.

Сотни тысяч, целый миллион народа сходится в памятный день к Рамакришне. Сходится в доброжелании, поистине, добровольно и обновляется добрыми воспоминаниями и благопожеланиями. Ведь это замечательное выражение гласа народа. Это народный суд, народное почитание, которое нельзя понудить или заставить. Как лампады засветляются одна от другой и неистощим огонь, так и такое народное почитание не меркнет и светит через все дни современных мировых смятений.

А ведь много смятений сейчас. Казалось бы, смущен и отвлечен дух народный от основ духовных. Справедливо часто слышится плач о потрясении основ. Но этот миллион сошедшегося народа разве не является живым доказательством того, что поверх смущений дня сегодняшнего живут неиссякаемая духовность и устремление ко благу? В жаркий и душный день, не у боясь расстояний, сходятся путники почтить память Рамакришны. Не формальная обязанность сводит воедино всех этих разнообразных путников. Чистосердечное благое устремление повелительно приводит их к местам, запечатленным именем Рамакришны. Ведь это для наших дней так необычайно ценно. Необычайно, что среди тяжких трудов, среди сомнений, среди поникновений люди все-таки могут вспыхивать огнем светлым. Сердце их зовет сойтись вместе. Не толкаться, не буйствовать, не разрушать, но слиться единой мыслью о благе.

Великую силу имеет объединенная благая мысль. Как же должно ценить человечество те светлые явления, которые являются побудителями этих объединительных, мощных и созидательных мыслей. Мысль о благе будет прежде всего творяща. Благо не разрушает — оно созидает. Словами блага выясняются те вечные основы, которые заповеданы человечеству на всех лучших скрижалях. Если понятие Рамакришны неусыпно устремляет к творящему благу, то ведь это уже огромное счастье.

В дни потемок особенно драгоценен свет, драгоценны его сохранения. В своих притчах о благе Рамакришна никогда никого не умалил. И не только в учении, в притчах, но и в самих деяниях своих Рамакришна никогда не допустил умаления. Вспомним хотя бы его почитание страстей Христовых. Ведь такие понимания тронут самое окаменелое сердце. Широко чувствовавший

Бхагаван, конечно, обладал многими чувствознаниями. Да, исцеления он, в свою очередь, отдавал широко. Он ничего не оставил под спудом. Он исчерпывал свои силы в благословенных отдачах. И болезнь его, конечно, через эти непомерные отдачи. Но и в них, этих благородных несчетных отдаваниях, Рамакришна явил нам меру свою.

В разных частях света почитается имя Рамакришны, почитается и Свами Вивекананда, который явил лик истинного ученика. Соотношение Рамакришны и Вивекананды также останется на самых замечательных страницах истории культуры Индии. Не только так свойственная Индии глубина мышления, но именно всенародно проявленное свидетельство Гуру и чела — ведь это должно так многим напомнить о чем-то очень основном. Проходят века, сменяется качество цивилизации и культуры, но Учитель и ученик останутся в том же благом соотношении, которое издавна было преподано в Индии. Много веков тому назад были записаны слова мудрости. Но сколько же тысячелетий до этого они жили в устной передаче. И как ни странно сказать — в передаче, может быть, более сохраненной, нежели даже иероглифы свитков. Умение сохранить точность тоже истекает из окрепшего сознания о совершенствовании в применении чудесных камней прошлого, для нового светлого будущего.

Не только неувядаемая ценность учения о благе, сказанного Рамакришною, но именно нужность этого слова и для современности является несомненной. В то время, когда духовность как таковая начинает очень часто вытравляться неправильно понятыми формулами, тогда светлое созидательное утверждение особенно драгоценно. Стоит лишь справиться о цифрах изданий миссий Рамакришны. Стоит лишь вспомнить все то огромное количество городов, в которых люди собираются вокруг этого зова о благе. Цифры эти не нуждаются ни в каком преувеличении. Нет неестественной нервности или преднамеренности в происходящих тихих и мысленно углубленных собраниях. Ведь это тоже одно из ближайших свидетельств истинной строительности. Все глубоко осознаваемое не в шуме и в смятении творится, но нарастает планомерно, в высшей соизмеримости.

Мысли о благе, так щедро преподанные Рамакришною, должны пробуждать и благую сторону сердец человеческих. Ведь Рамакришна не отрицатель и не нарушитель. Он строитель во благе, и почитатели его должны открыть в тайниках своих истинное добротворчество. Деятельно это добротворчество. Естественно претворяется оно в творчестве на всех добрых путях. Собираясь к памятному дню Рамакришны, люди не боятся пыли

дорожной, не устрашаются зноя, изнуряющего лишь тех, кто не проникся стремлением ко благу, к великому служению человечеству. Служение человечеству — велик этот завет Рамакришны.

7 Августа 1935 г.

Тимур Хада

"*Врата в Будущее*"

Membra disjecta [97]

Мрачный Сет разбросал по всему миру части тела Озириса. Неутешная Изида собирает воедино это тело. Какая же радость возникнет, когда вновь все расчлененное соберется вместе целостно! Подобные легенды запечатлены многими народами. Испокон веков народы опасались расчленения. Мечтали о единстве. Предупредительны и символы вавилонской башни, которая, возбудив чувственную самость людскую, окончилась в плачевном разделении языков.

О каком же таком целостном теле, о каком единении всемирном говорится от древнейших времен? Ведь не в том дело, чтобы все люди стали, как один, телесно. Не в том дело, чтобы порушились все стены домов и жизнь всемирная стала бы как в стеклянной бутылке. Очевидно всегда, испокон веков, мыслилось о духовном единении. Высказывалась мечта, чтобы люди, покинув звериное состояние, могли бы отнестись друг к другу со всею любовью, со всею верою и со всею надеждою. А матерь всех трех — София Предвечная — охранила бы от неразумных свар и непониманий.

Можно ставить в любом порядке любовь, веру и надежду. Наверное, найдутся, которые будут доказывать особую полезность того или другого порядка этих основ. Не будем настаивать. Ведь это будет лишь порядковое обсуждение, а дело не в порядке следования, а в том, что все эти основания жизни должны непреложно храниться в сердце человеческом. Без надежды не пройдешь. Без веры куда денешься? А без любви в изверга превратишься. Без этих трех светлых дочерей и матерь их не покажется. Ведь на чем же утвердится премудрость?

От шатаний, от забывчивости непозволительной получились разбросанные члены человечества. Как же собрать Озириса? Сама Изида, хотя бы и оказалась мудрою, все же оставалась неутешна. По легенде, очевидно она чувствовала все нажитые искусственные препятствия единению. Теперь же, когда столько в мире случилось, когда события приняли хаотические и гигантские размеры, разбросанные члены мирового тела как будто отскочили друг от друга еще дальше.

Изобретены лиги и советы. Кто-то, вероятно, очень искренне хватался и за такие внешние установления, чтобы хотя этим путем напомнить о том, что так неотложно нужно человечеству. Но судьба всех этих лиг протекает перед лицом всего мира, и все замечают об их беспомощности, как только дело касается каких-то неотложных фактических решений. По миру ездят вестники

доброго желания. Появляются какие-то доселе неслыханные бродячие послы. Появляются главноуговаривающие министры. Твердится о строго деловых основаниях.

Но вдруг из-за этих строго деловых оснований показываются новые чудовищные призраки разъединения. Конечно, невозможно вторгаться в чью-либо душу. Этот дом высших чувств не подлежит строго деловым основаниям. Но без души, без сердца все строго деловые основания превратятся в страшный танец смерти, со скрежетом зубовным, с лязгом сухих костей. Там, где начинается уже не пир во время чумы, но танец смерти, как же там надеяться на объединение мирового тела? Казалось бы, и ураганы, и землетрясения, и засухи, и потопы по всему миру достаточно напоминают о том, что так называемые строго деловые основания не пригодны там, где уже вспыхивают пожары и убедительность речи человеческой испепеляется.

Быть может, именно "строго деловые" основания во всей их уродливой условности и являются одной из причин всяких разделений. Люди мыслят не о взаимной помощи, не о взаимном благополучии, не о будущем счастье, но лишь покрывают листы столбцами острых зубастых цифр, которые, может быть, верны в своих механических итогах, но глубоко ошибочны в смысле своем. Так часто побочное вспомогательное средство оказывалось поставленным в основание мышления, и из-за такого недопустимого перемещения шаталась и распадалась постройка. Каждое бессмысленное разрушение, каждое взаимное утеснение уже будет как-то и где-то разделять разбросанные члены человечества.

Если кто-то полон доброго желания, если он мыслит во благо соседа, а встречает из-за соседского забора лишь кулаки и поношения, то какое же соглашение возможно? Не становятся ли трагическими фигурами, а иногда, может быть, и комическими так называемые вестники доброго желания? Доброжелательный вестник, карманы которого, может быть, наполнены кинжалами и ядами, ведь явится поношением рода человеческого.

Очень замечательна стала бухгалтерия: и двойная, и тройная. Но при всей ее изощренности бюджеты стран разошлись, и человечество пока объединилось в том, что живет в долг. Само по себе такое положение вещей, может быть, и не было бы так страшно, если бы долги эти были в руках доброго, а не злого соседа. По добру всегда можно сговориться. Какие бы ни выскакивали непрошенные посредники, все-таки добро и благо доведут до соглашения.

Но вот если дело потечет по злому каналу, если лучшие предположения отгородятся на строго деловых основаниях, то

через такие зубчатые заборы пройти уже трудно. Благожелательство будет засыхать и поникать. Пусть не думают, что один засохший цветок благожелательства это ничто в мировом посеве. Существуют и какие-то подземные корни и связи. Одно засушенное и сожженное прекратит и многое другое. Зло посеянное тоже дает семена самые неожиданные. На каких далеких расстояниях показываются отростки злых семян. Упаси Бог от этих посевов!

В сказках постоянно говорится о воде мертвой и воде живой. От них срослись части богатырского тела, разрубленного злодеями, и влилась новая жизнь. Народная мудрость предвидит, что, несмотря ни на какие злобные ухищрения, тело героя-богатыря должно срастись и оживиться. Очень часто в сказках близкие люди, даже братья, убивают и разрубают чудесного героя из зависти.

Но народ не раньше кончит свою мудрую сказку, нежели срастит невинно пострадавшее тело.

В народном сознании решаются исторические задачи. Если они не решатся формально за круглым или длинным столом, то сама жизнь народная все-таки доведет их к культурно-историческому разрешению. Много развалин по пути неистовств, но еще больше и строений на путях народных поворотных решений. Если народному мудрецу рассказывать о разбросанных членах человечества, он лишь усмехнется: срастутся опять! Трудовому хозяину поверх всяких строго деловых основ ясно его рабочее поле, его постоянный труд и творение. В этом постоянном неизменном делании идет незримая спайка частей человечества. То, что не решится в ограниченных размерах стола, то разрешается в широких пределах поля-пашни. А матерь София-Премудрость не может быть безутешной — ведь она Матерь, ведь она Премудрость.

8 Августа 1935 г.

Тимур Хада

"*Врата в Будущее*"

Он

В полном безветрии затрепещет ли ветка на дереве, думаете: Он ли? На тихом лугу вдруг завьется, закружится травинка, а движения воздуха не слышно. — Он ли? Из далей протянется зовущий звук, точно бы звучание рога или чей-то призыв. — Он ли? Со скалы покатился камешек. — Он ли? Конь прервал бег и одинокий в степи слушает что-то; поднята голова, ноздри напряжены, грива и хвост развеялись по ветру. — Он ли? Пес вдруг остановился; поднята морда, слегка машет хвостом, глаза устремлены. — Он ли? Зашуршал на скате песок. — Он ли? Человек вышел из юрты, что-то слушает, куда-то глядит. — Он ли? Ветер запел еще неслыханную мелодию, гремит и звенит, в нем слышится какое-то почти внятное слово. — Он ли? Загрохотал гром, молния блеснула, все встрепенулись, обернулись. — Он ли? Все замолкло, так напряглось в молчании и так наполнилось. — Он ли?

Присутствие, Великое Присутствие наполняет природу. С чего бы колыхаться травинке, почему трепетать ветке дерева, откуда хруст валежника, почему срывается песок с горы, почему и куда всматривается напряженно собака? Он идет. Он приближается. Если сосчитать удары сердца, то в их ускоренности, в их наполнении можно понять, насколько сущность знает приближение. Он неслышно идет. Он не испугает. Он обережет и, если даже дотронется в ведении, то и это прикосновение будет непередаваемо земным словом,

Он — всегда жданный, всегда внутренне ощущенный. Он — запечатленный в глазу и все же незримый. Он — всегда слышимый и в буднях невнятный. Он — пламенный и рассеявший тьму. Его прохождение прекрасно. Его ждут и даже не понимают напряженности этого скрытого ожидания. К свет незримый, и гром неслышимый все-таки и зримое, и слышнее самых обыденных звучаний. В глубокой пещере звучат удары барабана. И в другой пещере они слышны. А то, другое, хотя и неслышимо, но заставляет еще сильнее биться сердце.

Можно загрубеть. Можно натереть мозоли на душе и на сердце. Можно намозолить язык паскудными выражениями. Можно дойти до усмешки над тем, что заслуживало бы лучшие почитания. Вот уже и сердце как будто окаменело. Но когда неслышимая поступь коснется близлежащего камня, когда дрогнет под шагом тихим и спешным песчинка, то и самое окаменевшее сердце содрогнется. Как бы ни бахвалилось сердце человеческое, в какую бы мохнатую шкуру оно ни пыталось

зашить себя, все-таки от неслышного гласа оно вздохнет о чем-то возможном, о чем-то отогнанном.

Кто же заставил отогнать то, что уже было так близко? Кто же понуждал затыкать уши, когда благий голос взывал и просил опомниться? Ведь одервенение не только происходит в каких-то кровавых преступлениях. Кровь сердца проливается и словами, и помышлением. Изгнана любовь, испугана вера, отброшена надежда, и скорбна отошла София-Премудрость. А ведь она крылом своим уже касалась. Ведь по псалму:

Когда утверждал основание Земли,
Тогда я была при Нем строительницей.
Я была Ему каждый день веселием,
Непрестанно радуясь пред лицом Его.
Теперь послушайте меня, дети,
И блаженные суть хранящие пути мои.
Послушайте наставления.
И сделайтесь мудрыми и не отступайте:
Блажен человек, слушающий меня,
Бодрствующий каждый день при дверях моих,
Ожидающий при столбах у ворот моих,
Потому что нашедший меня нашел жизнь
И получит благословение.
Но согрешивший против меня
Наносит вред душе своей.
Все ненавидящие меня
Любят смерть.

Он всегда заповедует о жизни, о жизни вечной. Он знает Премудрость-строительницу. Он говорит: "Исполните все пути мирные, испытайте всю меру мира, и тогда победа за вами". Он благословит битву после того, как удостоверится, что пути мирные исчерпаны. Он допустит все испытания и в них укажет прочные камни перехода и всхода.

Он никогда не обременит непосильно. Он укажет путь, всегда новый, нежданный в своем несказуемом значении. Он придет в минуту последнюю, там, где вера и под пламенем жара продолжает цвести благоухание. Он знает, как может трепетать сердце. Он никогда не нарушит доброе сердце человеческое. Он оценит каждое сердечное устремление. Он знает, что есть признательность. Он умеет направить на путь кратчайший.

Он дает хорошие пути. Он не считает расстояния, ибо знает меры нездешние. Он скажет идущему на запад: "Поверни к востоку". Он обернет устремленного к северу — на юг. Он шепнет

не расседлывать коня на ночь и не закрывать входа шатра. Он указывает наступление там, где по-людскому считается отходом. Он знает лучшее приближение даже там, где люди в стесненности полагают уход. Он говорит отходящему: "Ты приближаешься". Он торопит, не считая меры земные.

Он ведет к поспешению. Он знает невидимые меры времени. Он оборачивает вражьи стрелы. Он проницает тьму Светом незримым. Он всегда недалек. Он пройдет иногда близко и человечески слышимо, чтобы напомнить и обострить ухо человеческое. Он воссияет мгновенно, чтобы просветить и глаз человеческий. Если отемневает глаз, то засияет и просветление ¬было бы сердце преданно и трепетно.

Он не покинет, если не отринуть руку водящую. Он сказал о вере, о доверии. Он сказал о надежде — знании. Надежда — знание. Творяща вера. И любовь окрыляюща. Он скажет ли: "Иди назад"? Он знает только продвижение, но вехи путей разноличны. Ему сослужил Пламенный. Пламенный сослужил и даже дал себя быть видимым. Кто же может утверждать, что никогда не увидит, и откуда пришло бы такое утверждение, не от смерти ли? Жизнь говорит: Захоти — и увидишь, пожелай — и познаешь.

Он — Воевода ведущий. Он ведет неутомимо и непрестанно. Маловеры, неужели подумаете, что остановитесь? Неужели помыслите об отступлении? Он со знаменем, с утверждением ведет. Он доведет. Он построит. Он уже несет град сложенный.

Он идет неслышно, и ветка не хрустнет. Он проходит, и скалы сокрушаются. Он поспешает — и гром гремит, и сияет молния. Он идет!

10 Августа 1935 г.

Тимур Хада

"*Обитель Света*"

Польза доверия

"… Наполнилось ли сердце всеми теми качествами, которые необходимы в работе, для человечества? Умеет ли оно быть терпеливо и терпимо к маленьким ошибкам других и сознает ли громадные недочеты в себе? Не затемнено ли оно злостью, недоброжелательством и подозрительностью, и полно ли оно доверием?

И тут же встает вопрос: а можно ли вообще всем доверять? Ведь иногда и под шкурой ягненка может скрываться волк. Не может ли иногда излишнее доверие породить губительство для дела? Не нужна ли сугубая осторожность даже с близкими? Особенно теперь, когда так много кругом предателей".

Вечные вопросы. Может ли быть писанный или сказанный ответ на них? Противоречия как бы совершенно очевидны. Очень ли много предателей? Конечно, очень много, и малых и больших, и умышленных и неумышленных. Бывают ли волки в овечьих шкурах? Бывают, да еще какие! Можно ли вообще избежать этих вопросов? Нет, в различности жизни они неизбежны. Как же думать о них? Не наполнят ли такие думы сердце губительным ядом? Возможно ли доверие? Не лучше ли не доверять, чтобы тем уберечься от всякой возможности предательства?

Один очень просвещенный, начитанный человек тоже спрашивал, как поверить истине. Ведь могут быть всякие подделки. Могут быть явления с поддельным светом. Могут быть голоса лукавые. Такими соображениями этот, казалось бы, во многом утвердивший свое сознание человек довел себя до полнейшего смущения, даже вообще повредил качеству своего характера. Кроме того, он отказался от тех возможностей, которые ему уже предназначались. Наверное, он чувствовал всю боль, происходящую от его шатаний. Он нанес вред не только себе, но и своим близким. Единственным оправданием у него оставалось, что когда-то в жизни он ошибся.

Не сказалось ли в этой специфической мысли о бывшей ошибке какое-то или саможаление, или самомнение? Что же тут удивительного, если человек когда-то ошибся. Латинские и прочие древние пословицы достаточно напоминают о том, что ошибаться свойственно человеку. Конечно, все могут ошибаться, но дело лишь в том, какое последствие оставляют всякие ошибки в человеческом сознании. Для одного они сделаются источником постоянного пессимизма, который приведет их и к безволию, и к сомнению, и к озлобленности. Для других же случившиеся ошибки послужат лишь горнилом для выковывания новых

светлых достижений. Считать обиды — плохое занятие. Начать все неприятное переносить только на себя — уже будет каким-то заболеванием. Надуться, как мышь на крупу, — будет лишь признаком невежества.

Опытный мастер из каждой как бы происшедшей ошибки сумеет сделать новое ценное дополнение к своему творению. Каждый скульптор, каждый резчик подтвердит, как ему приходилось сталкиваться с неожиданными особенностями материала и как он должен был проявить всю добрую находчивость не только, чтобы обойти это препятствие, но, наоборот, сделать из него явную пользу. Почему-то слово "стратегия" отнесено лишь к физической войне. Ведь каждая духовная битва, вообще каждое жизненное искание и нахождение есть уже стратегия в полном смысле этого слова. Даже в войсках начали вводить всякие охотничьи, спортивные и прочие исследовательские команды. Это делается для пробуждения духа находчивости, соизмеримости и разборчивости в каждую минуту зримой или незримой битвы.

В подобных же опытных исследованиях найдется и та мера, которая позволит сохранить всю полноту и всю красоту доверия. Волки в овечьих шкурах и всякие предатели. Даже вслушаются и заслужат взгляд прискорбия, если почувствуется, что исправление их уже невозможно. Каждое предательское направление есть лишь еще один опыт распознавания. Пробы клинка, хотя бы уже и закаленного, на большом жаре. Но как бы ни была черна тьма, даже в самых зловещих потемках сердце не содрогнется, когда оно полно великим служением. А ведь без доверия и служение человечеству невозможно. Без веры какая же будет надежда, а без них любовь превратится в ужасную гримасу.

Доверие как дочь веры охранит здоровье духа и здоровье тела. Именно через доверие, через самоотвержение достигается и открытие сердца. Вне веры в протухшей засушенке или в надутой обидчивости не откроется сердце. Невежественная надутость приведет к обособленности. Такое самоизгнание прежде всего будет самоизгнанием из служения человечеству. В этом ужасе потеряется и бодрость, и находчивость, сузится кругозор и подорвется здоровье.

Никакие врачи, никакие порошки, никакие звериные гланды не спасут, когда подорвано самое основное, самое жизнедательное. Все лекарства, вся лекарственная природа, так широко предоставленная человечеству, хороша, когда она воспринимается с доверием. Но если доверие будет нарушено, то ведь оно нарушится решительно для всего. Человек не поверит людям, человек не поверит лекарствам и, наконец, не поверит

себе. Опытные люди говорят: потеря денег — ничто, но потеря мужества означает потерю всего. Действительно, так оно и есть. Все может быть залечено, восполнено, но потеря чувства доверия будет значить уже утерю жизнеспособности.

Так повседневное сплетается с самым основным. Люди думают часто: допущу это лишь сегодня, а завтра будет совсем другое. Ничего подобного, допущенное сегодня уже будет основою для завтра. Человек решил в сердце своем чего-то не делать, а сам взял и сделал; значит, он уже не поверил своему решению. Когда говорят о всяких соблазнах, ведь это не что иное, как нарушение самодоверия. Значит, не оказалось в запасе чего-то такого, самого важного, что могло бы перевесить и преодолеть какой-то случайный блеск. Мало ли случайного блеска в мире! Золотоискатели и всякие кладоискатели нередко бегут, запыхавшись, к какой-то блестящей точке, но она окажется или осколком стекла, или негодным куском жести.

Распознавание правильное растет в саду оптимизма. При этом распознаванию будет позволено добросердечно поговорить даже и с очень отсталым. Почему же не дать и ему живительную каплю, а, кроме того, всякая беседа о благе будет истинным наполнением пространства. Добротворчество должно произрастать везде. Нет такого места в мироздании, где добротворчество было бы неуместно. И не столько заповедано людям быть судьями, сколько дано им быть сеятелями. Вся земная растительность напоминает людям о непрерывном сеянии. Возможно ли оно без доверия, без прямого действа ко благу? Каждый цветок пошлет пыль свою не во зло, а во благо. Пошлется семя без осудительства, без предрассудка. Добротворчество должно протекать везде. В этом будет ответ на все вечные вопросы, порождаемые лишь сомнением. "Пылайте сердцами — творите любовью".

II Августа 1935 г.

Тимур Хада

"*Врата в Будущее*"

Добро

Четырнадцать лет тому назад мы знакомились с условиями природы Новой Мексики, Аризоны и Калифорнии. Тогда эти наблюдения имели для нас общепоучительное значение, но сейчас они оказались для нас насущно потребными. Если бы мы не знали точных условий природы этих частей Америки, то сейчас, размышляя над вопросом применения полезных засухостойких трав Монголии, мы находились бы в гораздо более трудных положениях.

Зная воочию положение природных условий в Америке, можно тем яснее сравнивать аналогии монгольских условий. Зная, как страдают многие штаты Америки от нарастающих засух, вихрей, торнадо и прочих эксцессов, можно тем яснее и глубже оценивать благородную мысль Президента Рузвельта и секретаря земледелия Уоллеса, своевременно думающих о процветании пустынь, вновь зарождаемых движущимися песками. Поистине, прекрасная, своевременная задача. Только такие деятели, смотрящие далеко вперед на благо своей страны, могут принимать меры не только на сегодняшний день, но и на далекое будущее.

Конечно, перенесение монгольских и прочих азиатских пустынных и степных засухостойких трав — дело, требующее длительного времени. Много опытов должно произойти для приспособления к местным почвам азиатских трав. Но одно остается несомненным. Здешний монгольский ландшафт замечательно напоминает части Новой Мексики и Аризоны. Временами прямо чувствуешь себя в местностях, или примыкающих к Большому Каньону, или на путях в Лос-Анджелес, где "заколдованные мезы" и посейчас хранят свое пустынное очарование.

Именно это сходство ландшафта и суровость природы близки в сравнении с Америкой. Там велика бывает жара, и здесь жгуче солнце. Там налетают бури и вихри, вздымающие пески, — и здесь целыми месяцами иногда свирепствует пронзительный ветер. Там бывает велика засуха — и здесь, когда вы смотрите на сухие русла рек, на желто-красные камни, на разноцветные пески, вы чувствуете, какие суровые условия возникают и здесь. Тем не менее, несмотря на каменистость почвы, вас поражает количество травы. Казалось бы, она должна быть давно вырвана с корнями и унесена вихрями. Казалось бы, как ей удерживаться между острою галькой. Но приспособляемость — великое качество во всякой жизни.

Травы и кустарники Монголии не только существуют, но и противостоят всем крайностям природы. Ни вихри, ни удушающий зной, ни опаляющее солнце, ни зимние, часто бесснежные морозы, ни временные проливные дожди — вернее, отдельные ливни — ничто не заглушает растительность. Мы сами видели, как выброшенный из походной кухни картофель и горох немедленно прорастали в, казалось бы, бесплодном песке. Мы видели, как забор из тоже, казалось бы, уже мертвых, толстых палок ивы весело прорастал на глазах. Все, что хочет жить, непобедимо приспособляется.

Травы, хотя бы уже известных видов, имеют свои отличительные особые качества. Они укреплены корнями более глубокими и длинными. Они более приземисты и тем самым счастливо противостоят суровым условиям природы. Будем надеяться, что семена этих трав и среди американской почвы сохранят те же свои драгоценные особенности, накопленные долгими веками. Не так много различных видов растительности здесь. Точно бы когда-то произошел отбор естественный, и остались в жизни действительно те, которые проявили особую жизнеспособность и приспособляемость. Кто захотел жить — тот и выжил.

Не буду перечислять здешние травы. Для того будут специальные отчеты и списки. Важнее всего сейчас засвидетельствовать, что аналогия условий в некоторых местностях Америки действительно близка к азиатским равнинам и нагорьям.

Приятно воочию засвидетельствовать необычайную стойкость здешней растительности. Вот, например, эфедра так прилепилась к камню, что даже острым инструментом трудно оторвать ее. Или агропирум вырастил себе такие необычно длинные корни, что нагибается лишь под силою вихря и никуда не улетит. Даже ирисы в нескольких видах своих все сохранили общую всем здешним травам цепкость и устойчивость. Несмотря на близость алашаньских песков, несмотря на клубы пыли, вздымаемые ветрами, все же зеленая задернованность крепка, и барханы не обнажаются.

Не только крепко держится зеленая кора, но и хорошо питает она животных. Лошади, коровы и овцы круглый год находят себе питание. Если за зиму и отощают значительно, то с наступлением лета быстро входят в тело. Сейчас все стада находятся в прекрасном состоянии. Поучительно наблюдать и различные породы скота и коней, сошедшихся на монгольских холмах, особенно за последнее десятилетие. Даже среди наших коней имеются и сунитские, и халхасские, и чахарские, и бурятские.

При малейших желаниях и усилиях можно бы здесь отлично улучшить породы. Да что говорить, любые формы доходного хозяйства возможны здесь. Лишь бы оказались в наличности доброе желание, терпение и готовность к труду.

Семянный сезон начался уже с первых чисел августа и, вероятно, окончится к концу сентября. Уже сейчас начались прохладные утренники и, вероятно, к сентябрю не удивимся и ночным заморозкам. Вязы-карагачи, единственное здесь дерево, еще зелены, без намека на пожелтение. Появились ягоды дикого шиповника и хвойных малорослых кустарников. Высокий колючий чий немного позеленел от основания. Эти целые пространства чия, хотя и мало пригодны для скота, но, может быть, в свою очередь, способствуют удержанию песков.

Хорошо, что семена в пересылках не теряют свою жизнеспособность. В пирамидах они сохранялись даже тысячелетиями. Образцы почвы, идущие в мешках, конечно, тоже помогут опытам на месте. В последнем извещении от департамента говорится о том, что прошлогодние семена трав из Барги уже произрастают в питомниках. Пожелаем и здешним семенам доехать в целости и сохранить всю свою мужественную стойкость, которая так поражает здесь. Особенно, когда вы видите на жгучих каменистых солнцепеках прочно уцепившийся питательный агропирум, удивительным кажется подумать, насколько целесообразна накопленная веками приспособляемость.

Также любопытно наблюдать, как ливни промывают степь острыми каньонами. Также любопытно видеть, как сравнительно быстро эти каньоны теряют свою остроту, превращаются в ложбинки и естественно засеваются. Значит, несмотря на все порывы вихрей, все-таки способность задернования живо сохраняется, и пески вместо опустошительного наступления опять охватываются зеленою корою — блюстительницей жизни.

Местные власти иногда проявляют заботу, чтобы деревья не срубались. Забота насущная, и жаль, что она проявляется лишь спазматически. Частенько можете увидать нелепо срубленное дерево. Какими же такими уговорами можно расширить сознание обывателя о сохранении деревьев и о бережном отношении к прочей растительности? Также невольно думается, насколько легко в здешних местностях могли бы процветать обширные огороды, а между тем теперь даже картофель приходится привозить из удаленных китайских селений. Странно видеть многое так возможное, так легко улучшаемое и тем не менее все еще не использованное и не приложенное.

Поистине, когда говорится: "Да процветут пустыни", —

невольно имеются в виду не только пустыни песчаные, но и пустыни духа человеческого. Полная аналогия. Так же какие-то вихри смели в человеке жизненные

покровы, так же оголили и окаменили сердце. Но если даже в природе нашлись засухостойкие, упорно применившие себя травы, то ведь и дух человеческий может проявить то же упорство, то же мужество, которое охранит от постыдного окостенения.

Какими такими словами, какими разъяснениями можно внушить людям бережливость и к природе, и к своим близким? Зачем обнажать природу, когда ей суждены такие прекрасные одежды? Зачем обнажать сердце человеческое злоречием, злоумышлением, когда для самой примитивной постройки требуется совместное усилие? В палеолитических пещерах, и там уже видим признаки совместных работ. Казалось бы, с тех пор в десятках тысячелетий принцип сотрудничества должен обосноваться и возвеличиться, а между тем и пески наступают, и испепеляются сердца человеческие. Благородно помыслили те, которые спешат предупредить еще большее испепеление и окостенение.

Изменяются языки. Нарастают в них новые слова. Умножаются всякие технические уточнения и определения. Умножается ли и словарь добра? Научаемся ли думать о благе в каких-то новых, точнейших выражениях? Если сравнить словарь блага и словарь брани, то не придется ли увидеть, насколько изощренность брани превысила уже давно сказанные слова о добре. Злостные выдумки покрывают страницы ежедневных изданий. Попробуйте подчеркнуть все измышления, преувеличения и клеветнические выходки, и вы с прискорбием заметите, насколько испещрится печатный лист.

Побеседовать о добре — уже значит помыслить о пользе. Ведь не в руках роботов останется истинное преуспеяние. О нем, об этом действительно неотложном сотрудничестве, пусть будет дозволено объединяться. Всякие разъединения готовы даже обесплодить планету. Даже рождаемость много где уже уменьшилась. Точно бы произошло какое-то разочарование в радости народонаселения планеты. Нет, пусть, несмотря ни на что, процветут пустыни песчаные и пустыни духа человеческого! Сейчас пролетел аэроплан. Добрый ли?

12 Августа 1935 г.

Тимур Хада

"*Человек и природа*"

Испытания

Спрашиваете, как примириться с сознанием о постоянности, о бесконечности испытаний? Где найти ту бодрость духа, которая позволила бы принять во всей полномерности и повседневности такое сознание?

Между тем сама очевидность и действительность, даже во всех будничных проявлениях, говорит о неизбежности испытаний. Даже любой неодушевленный предмет находится всегда на испытании. При доме всегда состоит наблюдающий архитектор или инженер. Каждый корабль перед новым рейсом должен быть просмотрен обстоятельно. Каждая машина, пускаемая в действие, конечно, обследуется, чтобы избежать опасности от небрежности.

Такие повседневные примеры вполне подтверждают, что и духовное состояние человека не может не быть на постоянном испытании. Физическое состояние испытуется врачом. Семьи имеют своих домашних врачей. Такие врачи разъясняют, что состояние организма должно быть испытуемо не только во время уже проявленной тяжкой болезни, но и во время предполагаемого здоровья. Врачу важно установить предварительные признаки болезни. Врачу важно пресечь возможность болезни или инфекции. Всякие профилактические меры принимаются для избавления от возможности заражений.

"Как на небе, так и на земле". Как в теле, так и в духе. Полнейшая аналогия зараз, воздействий. Так же точно, как истощенное тело особенно легко подвергается заразе, совершенно так же пошатнувшийся дух немедленно подвергается опаснейшему нападению. Тело еще может случайно избежать заражения. Но воздействие на дух, в незримых и неисповедимых мерах, гораздо сложнее.

Каждая грубая, кровяная пища уже облегчает возможность невидимых приближений. Каждое грубое, неистовое слово уже является вратами для темного доступа. Каждое ярое предательство уже есть приглашение наитемнейших сущностей. Если провода добра неизмеримы, то и провода темные, хотя бы и в ограниченности своей, все же очень значительны и протягновенны. Ведь не голосом призываем на дальних расстояниях. Волны радио в условном иероглифе создают мосты и притяжения. Так же точно в духовной области незримое радио зовет и притягивает и несет свои приказы.

Некто, погруженный во зло, судорожно передернется от благостных остережений, но если он предоставит в себе концессии злу, то, кривляясь и содрогаясь, он все-таки

предоставит поле действия темным концессионерам. Мысленные волевые действия совершаются ежеминутно. Не бывает таких часов, в которые человек бездействует. Ошибочно некоторые полагают, что если они молчат или сидят недвижно или даже внешне бормочут неосознанные формулы, то, значит, ничего не совершают. В их духовном мире постоянно происходят всевозможные значительные действия. Игла чувствительного аппарата показала бы постоянное трепетание духа. Всегда можно бы увидеть, как он, по существу своему, порывается кверху, но тяжкие темные гири и всякие когти одергивают и тянут его книзу, во тьму.

Среди самых повседневных действий, среди самых мелочных рутинных забот происходит та же несменная работа духа.

Если действия духа постоянны, если дух вибрирует и трепещет даже на мельчайшие, по человеческому соображению, обстоятельства, то естественно и испытуемость духа будет постоянной. Когда сказано: "Все миры на испытании", то, конечно, и все части миров, до самых мельчайших, будут в той же степени испытуемости.

Никакого несчастья, никакой тяготы нет и не может быть в сознании постоянной испытуемости. Вот говорят, что 26-го минувшего мая наша планета подвергалась большой опасности, которая для огромной части планетного населения осталась и неосознанной, и вполне неизвестной. В секундной разнице Земля избежала удара мощного метеора. Вообще, может ли быть такое мгновение, когда существо не подвергается какой-либо опасности? Тем не менее люди действуют, работают, горюют и веселятся. В июльском номере "Двадцатого Века" наш друг Джагадисварананда дает прекрасный, хотя и справедливо суровый, очерк современной жизни. Автор указывает, что жизнь современная в огромном большинстве случаев сводится к исканию удовольствий, свойство которых постепенно понижается. Как мы неоднократно отмечали, люди перестают сознательно мыслить и стремятся к тем или иным наркотикам, лишь бы оторваться от мышления об основах жизни.

Там, где жажда наслаждений и золота, там естественны и особые испытания. Если даже такие, казалось бы, грубые принципы, как наслаждение и золото, так легко овладевают человеческим сознанием, там также напряженно протекут и испытательные меры. Там, где грубость и сквернословие так обуревают человека, там особенно задрожит игла аппарата, показывающего борьбу духа. Многие люди не любят даже допустить мысли о том, что они находятся на испытании. Немедленно они выскажут соображения о каком-то недопустимом

тиранстве. Но ведь испытание-то не что иное, как приложение их собственного духа к мере Истины.

Если дух сам отметит одну из низших ступеней, то ведь это не будет посторонним вторжением или насилием. Совершенно точно и добровольно дух отметит ту меру, которой он в данный момент отвечает. Не раз сказано, что каждый сам себе судья. Много раз повторено о том, какими путями человек слагает судьбу свою. Повторено и об Иерархии, и о строительстве, и о соизмеримости.

На всем решительно происходят самоиспытания. Нормальный человек знает меру потребной ему пищи, но болеющий обжорством не знает этой меры и причиняет себе явный вред. Нечувствительно производит здоровый организм свою сложнейшую работу. Но как только равновесие нарушается, люди получают чувствительные предостережения. Совершенно так же и в испытаниях духа. Каждый, кто не заслонил, не отверг возможность духовных выявлений, он почувствует и услышит звоночек своего сердца. Человек-то будет предупрежден — лишь бы он услышал и допустил в сознании такое предупреждение. Сердце-то застонет, но не всякий поймет этот спешный зов.

В тяжкой степени невежества человек даже ожесточится от этого сердечного зова. Насильственно он попытается заставить сердце свое замолчать. От такого насилия многие сердечные болезни. Не забудем, что всякими духовными насилиями люди вредят и своим близким, излучения которых уже сродственны. Если человек не имеет права вредить своей сущности, если осуждено всякое самоубийство, то также осуждено и убийство других, наносимое злоумышленным сознанием.

Если существует так называемый смертный глаз, уже настолько обостренная воля, то сколько же несознательных и тем не менее вредительствующих взглядов-стрел рассеяно в пространстве. Зная о них, конечно, не впадем в уныние; наоборот, и это сознание лишь укрепит щит, создаст новый источник мужества и бодрости. Не убоимся, но даже возлюбим испытания. Ведь ими мы крепнем. Ведь благословенны препятствия, а тем более благословенны испытания — эта закалка клинка крепчайшего.

Полюбить — уже значит ввести в сознание. Полюбить — уже означает претворить в себе понятие и приложить в жизнь. Если кто-то заметит, что некто поникает от ужаса перед испытаниями, то пусть немедленно ободрит ужаснувшегося своею радостью, укрепленною осознанием нового испытанного щита. Сказано: "Приму в щит все стрелы, но пошлю только одну". Все испытуется, все миры на испытании. Это не есть ужас, но всегда будет

источником расширения сознания, ключом бодрости и преуспеяния.

27 Августа 1935 г.

Тимур Хада

"*Нерушимое*"

Лики

Кладоискатель добывает Жар-Цвет, искатель проходит мимо самых ужасных ликов, которые стараются воспрепятствовать судьбе сужденной. Царевич устремляется за Жар-Птицею и на этом пути должен преодолеть самых отвратительных чудовищ. Все народные сказания непременно заставляют всех искателей всего чудесного и доброго пройти через самые исключительные препятствия и показать себя неустрашенными самыми свирепыми чудищами. Подвиг всегда соединен с отрешением от страха.

Так называемые "страхования", нередко рассказанные в житиях отшельников, относятся к непременному сопутствованию испытаний страхом на пути доброго подвига. Иногда противопоставляются и другие всякие испытания и искушения, но испытания страхованиями особенно подчеркиваются в великих жизнеописаниях.

Спрашивается, зачем же непременно нужно прохождение мимо самых чудовищных ликов, к чему именно эти страшные испытания? Но ведь ответ будет чрезвычайно прост. Отвратительные лики тьмы существуют, а все существующее нужно знать. Потому, чем поразительнее будет выявление всяких ликов, тем больший и скорейший опыт создастся для будущих духовных битв. Вы ведь знаете, что познавание необходимо, что совершенствование происходит лишь в условиях постоянного познавания, а ведь разносторонние лики жизни будут одним из самых глубоких психологических накоплений.

Вы также знаете, что лики тьмы полны притворства и лукавства. Они ухищряются во всяких укрывательствах своего истинного назначения. Потому-то так нужны великие удары творящего резца, чтобы воочию показать сознанию человеческому действительное значение тех и других ликов.

Хуже всего заблуждение. Потому-то в должный час всегда произойдет показание настоящего лика. Сам служитель тьмы не сразу догадается, что он уже явлен во весь свой рост, со всеми своими наростами и безобразиями. Он-то еще долгое время, может быть, будет воображать, что его, как ему кажется, хитрейшие лазейки не обнаружатся. А между тем все его темнейшие затеи уже будут показаны на самых поучительных примерах.

Странно видеть, как, казалось бы, даже довольно ловкие ухищрители оказываются вдруг выявленными во всех своих темных особенностях. Точно бы какая-то сила заставляет их неразумно высказать то, что у них таилось внутри, и сделать

именно то, что так явно доказывает их сущность. Иногда целыми годами они укрывают нечто уже преднамеренное, а затем в свой же несомненный вред, вероятно, неожиданно для самих себя проявятся.

Это называется — отбор ликов. Люди должны не ужасаться страшными личинами, показанными им, но, наоборот, со всем пониманием принять и такое знание. Нужно быть признательными, когда Высшие Силы для спасения и успеха вовремя покажут этот поразительный отбор ликов. Каждый отбор уже есть упорядочение. Всякий шаг к порядку уже есть жизненное преуспеяние. Известно, что жители полунощных стран, надолго остающиеся в сумерках или изумляющиеся полунощному солнцу, ждут в великом нетерпении появления полного света. Пусть ночь будет еще темнее, но зато пусть сияет солнце во всей своей ободряющей жизнедательности.

Так же и в отборе ликов. Хуже пребывать в смятении нерешенных сущностей. Пусть покажутся самые отвратительные личины, но зато произойдет и установится ясный отбор. Лишь боязливый дух будет умолять об освобождении его от показания истинных ликов. Каждый мужественный труженик скажет: "Пусть не скроют от меня даже самую ужасную тьму, тем блистательнее будет сиять свет солнечный".

Неопытный деятель скажет: "Уберегите меня от лицезрения ликов ужасных. Пощадите мой глаз и мое ухо от угроз и рычаний тьмы". Но деятель многоопытный, наоборот, будет просить, чтобы не замедлили показанием ему истинных сущностей. Ни на мгновение не огорчится истинный работник блага, когда ему покажут истинное значение происходящего. Он преисполнится признательности за явное указание истины. Он нисколько не устрашится, если увидит огромные количества темных ликов. Ведь наряду с ними он также увидит и лики добра. Он всегда знает, что количество — ничто перед качеством. Пусть перед глазами его пройдут целые темные рати, но он также всегда будет знать, что легионы добра еще более бесчисленны и всегда готовы к отражению тьмы.

Отбор ликов есть самое естественное, житейское явление. В конце концов, он всегда происходит, но иногда люди не дают себе отчета в показанном им зрелище. По ненужной привычке люди часто приписывают явленное им простой случайности, а между тем им показуется целая система. В одно мгновение они могут поучаться и умножить свое знание безмерно, лишь бы только они отдали себе ясный отчет. Лишь бы вполне беспристрастно судили окружающее их. Вот некто, как бы прилежавший Свету, вдруг обнаруживает явно темные наклонности. Значит, напрасно он

причислялся к светлым работникам, сущность его оставалась в услужении тьмы. Добрая улыбка лишь была маскою. "Вот так маска!" — воскликнет узревший сущность такого человека и примет к сведению это поучительное открытие.

Открытие масок происходит на основах жизненного опыта, который будет переходить как бы в ясновидение. Кто-то, может быть, изумится, по какой причине некто, прилежавший ко злу, был допускаем и терпим. Причин к тому может быть много. Могут быть и кармические основания. Может быть акт сострадания, дающий темному возможность исправления. Наконец, может быть мудрое решение именно в самый последний момент, когда сущность процвела всеми характерными ей цвечениями. Потому опытный деятель не жалеет, что он нечто узнал слишком поздно. В каких таких мерах будет это "слишком поздно"?

В земных мерах, может быть, что-то покажется запоздалым, но в безвременных надземных решениях, может быть, это произошло в ближайший, в наилучший по Высшему решению час. Бояться страшных ликов — это значит показать свою полную неопытность. Недаром в народной мудрости истинный искатель непременно должен пройти мимо самых страшных чудовищ. Если он пройдет этот путь бестрепетно, твердо зная свою светлую цель, то он и найдет и сумеет принять священную чашу. Если же он задрожит сомнениями, если зашатается в озверении духа, то лишь покажет тем, что ему еще далеко до благой цели.

Бесстрашие, о котором так много говорят, должно быть не каким-то особенным, восхваляемым качеством. Бесстрашие будет самым естественным качеством нормального сердца. Всякий страх уже есть болезнь, судорога, зараза. На показанных ликах ближе всего получается испытание бесстрашия. В ватном мешке, в темноте и тепле человек и не увидит страшных ликов, но зато он пребудет в постоянных глубоких сумерках; и на чем же будет образовываться и утверждаться его истинное знание? Герой не только не уклоняется от страшных ликов, он бодро и звонко трубит в рог, вызывая чудовищ на поединок.

Герою неведом страх. Он радостен, когда может увидеть чудовище зла и поразить его. Отбор ликов есть ускоренное образование и укрепление и расширение сознания. Не убоимся, но возрадуемся о каждом знании. Страховидны лики — но поет сердце.

30 Августа 1935 г.

Тимур Хада

"*Нерушимое*"

Нерушимость

Нужно основание твердости для каждой постройки. Во всех степенях бытия нужно то же самое сознание нерушимости. Как в повседневности, так и в самых больших построениях нужно иметь уверенность в прочности духовных построений. Почему же так часто происходят всякие нарушения во зло во всей своей бессмысленности? Откуда же вторгается легче всего разъедающий хаос?

Сомнение и зависть — эти два ядовитейших змея пытаются вползти всюду, где происходит какая-либо постройка. Казалось бы, люди достаточно, издревле предупреждены об этих двух чудовищах. Казалось бы, всякий знает, насколько многообразно пытаются прикрыться эти исчадия тьмы. Бесконечное число раз люди слышали о всяких масках, за которыми укрывается злая тьма, посылающая всюду своих разрушительных гонцов. Да, несчетное число раз люди слышали об ужасах сомнения и зависти.

Не только в притчах и в легендах, но на самых житейских примерах было показано людям, что нельзя продвигаться, затаив за пазухой этих смердящих ехидн. Все увещевания, все проповеди предупреждают о противостоянии вторжениям зла. Люди приносят самые торжественные клятвы в том, что они не устрашатся, не отступят и не впадут в предательство. А затем, после произнесения самых величественных и торжественных слов, помянув все Лики наивысшие, наипрекраснейшие, люди очень легко впускают в сердце свое самых злейших ехидн.

Поистине, можно изумляться, насколько несоответственны бывают торжественные клятвы и утверждения с легкостью допущения по самым малым поводам преступнейших мыслей. Именно удивительно, насколько самые, казалось бы, малейшие поводы вводят шатающихся в самые страшные и непоправимые последствия. Казалось бы, такая несоизмеримость уже невозможна в человеческом разуме. Самый примитивный рассудок должен бы уже воспротивиться такому предательству наибольших и наилучших мыслей и творений. Если бы графически изобразить величину и значение только что произнесенных клятв и графическую ничтожность поводов к зависти и сомнению, то действительно можно быть потрясенным. Такого несоответствия ум человеческий не дерзнет и представить себе.

Каким путем вчерашнее солнце может оказаться черным углем — ведь для такой инволюции нужны какие-то сильнейшие

отравления? Не может же крошечная зависть, ничтожное сомнение или раздражение вдруг преобороть все лучшие устремления в светлую беспредельность. Яд ехидн настолько распространяется, что зараженному мозгу уже не нужны никакие факты. Он слеп даже к самой яркой действительности. Ему нужно лишь ублаготворить своего вновь допущенного властелина. Ему нужно произвести какое-либо грубое, поносительное действие. Ему нужно разразиться сквернословием. Ему нужно причинить хоть какой-либо ущерб Добру и Свету.

Если даже сознание, такое омраченное, где-то внутри будет подсказывать, что Свет все же не нарушится, то злобное раздражение будет пытаться напрягать всю силу легких в бесплодных ухищрениях, если не задуть, то хотя бы поколебать светлое пламя. В эти мгновения темного безумия человек отступает от всякой логики. Все более или менее разумное, все примеры лучшие, все наследия самые убедительные ¬ для одержимого лишь повод к раздражению.

Одержимый готов нанести себе самому тяжкий урон. Он готов подвергнуть все свое будущее величайшим опасностям, вполне заслуженным, лишь бы только произнести хулу и сквернословие. Допустив злейшее кощунство, одержимый пытается чем-то оправдать себя, точно бы разрушительное зло уже не приведено им в действие. Ведь этот же одержимый слышал так явственно о том, что зло сотворенное непременно должно быть изжито. Яд, сотворенный им, будет изживаться, даже в лучших случаях, с великим болями. Казалось бы, так легко понять о вредности зла и ближайших его приспешников — предательства, зависти и сомнения.

Спросите любого строителя, какие именно основы строительных материалов ему нужны при постройке? Даже в этих, таких чисто материальных, житейских соображениях вы увидите, насколько строитель будет искать стойкость и ненарушимость материалов. Если на самых житейских примерах видны устремления о ненарушимости, то насколько же более эти основания необходимы в духовных построениях. Строить можно лишь из добрых, вполне противостоящих разрушению материалов. Посмотрите на многие примеры, когда духовные сообщества нарушались из-за таких мелочей и пустяков, о которых разумным людям и помыслить-то стыдно.

Попробуйте дознаться до корня сомнения или зависти. Вы увидите такую малюсенькую причину, которую даже в микроскоп рассмотреть трудно. Если впоследствии вы показали бы самому человеку, впавшему в одержание, эту крошечную причину, то он первый же будет всячески отрицать какую-либо возможность

такой несообразности.

Какими же клятвами можно достичь духовную ненарушимость? Ни клятвами, ни угрозами, ни приказами она не будет достигнута. Лишь просветлением сердца уже в степени ненарушимости достигнется и прочное сотрудничество. Светлыми трудами создается ненарушимая степень просветления сердца. Сердце воспитывается в трудах. Сердце познает, что есть настоящее сотрудничество. Когда же полная степень сотрудничества будет опознана, тогда уже не зашатается человек сомнением и не осквернится завистью.

Ненарушимое сотрудничество — какое это чудесное благо! Как широко оно заповедано человечеству. Какие прекрасные начертания даны, чтобы по ним соизмерить все величие ненарушимого сотрудничества и постыдную ничтожность злобных попыток. В самом трогательном образе люди напоминали друг другу о "Нерушимой Стене". В огромных размерах, самыми твердыми материалами люди пытались закрепить свидетельство о Стене Нерушимой. Очевидно, нужно человечеству твердить самому себе о благе светлой нерушимости. Очевидно, человечество само чует, насколько бесчисленно раз оно должно повторять самому себе о действенности блага и о постыдности зла.

Но в каких почти незримых скверных червях ползает по миру зло. Недаром сами люди называют червем зависти, червем сомнения, червем подлости постыдное одержание, в котором попирается все лучшее и высокое. Но ведь если люди столько раз твердили друг другу о постыдности поклонения тьме и всем ее порождениям, то неужели же они будут всегда так свободно допускать в свое сердце червей мерзких? Много говорится об эволюции. Но ведь со всякой точки зрения, от нижайшей до высочайшей, эволюция предполагает преуспеяние добра. Люди знают, что препятствовать чему-то доброму — уже означает сотрудничать со тьмою. Зачем об этом опять говорится? Если говорится, то, значит, существуют к тому причины. Не просто повторяется о том, что все уже должны знать, но твердится это по причине являющейся. Задавите в себе червя скверного. Освободите сердце от губительной заразы. Все равно — "Свет побеждает тьму". Все равно — Добро победоносно. В Добре ведомы настоящие сроки и во Благе рождается соизмеримость.

Нерушимость есть условие каждого созидания.

1 Сентября 1935 г.

Тимур Хада

"*Нерушимое*"

Прощение

Говорится о великом прощении, а все же определенно указуется. что непростима хула на Духа Святого. Значит, есть какая-то такая степень основного нарушения, которая окончательно разрушает возможность бытия. Никакого противоречия в том нет. Если кто-то обрезает последний канат, державший его судно у пристани, то естественно он будет унесен в пучину.

Никто не бывает настолько темно невежественен, чтобы не понять, когда он кощунствует и святотатствует. Более того, каждый отлично понимает, когда это кощунство произносится в прямых или в косвенных отношениях. По существу, будет ли оно грубо прямым, или изысканно косвенным, — оно все же будет тою же непростимою хулою на Духа Святого.

В каждом неверии уже заложено кощунство. Если человек допускает мысль или слово о том, что высокий Предстатель чего-то не мог или не знал, то тем самым он уже вступает в область кощунства. При этом тем самым он нарушает те тончайшие связи с Высшим, которыми его утлое суденышко держится у прочной пристани. Все начинается всегда от самого малого.

Нельзя себе представить злейшего кощунника, который стал бы таковым вдруг, в самом большом пределе. И у него нечто началось понемногу. Нечто вползло настолько постепенно, что он и сам не сумеет вам рассказать, когда именно и как именно произошло самое первое вползание. Именно то обстоятельство, что кощунник и не запомнит о первом мгновении своего шатания, уже доказывает, что он воспринял этот момент совершенно естественно для себя. Значит, он уже не почувствовал предупредительного звоночка сердца своего. Он допустил самого крошечного темненького или светло-серого гостя, а затем все пошло так, как и бывает в самых прискорбных случаях.

Издревле дан благодатный символ серебряной нити, связывающей доброе сердце с Иерархией Света. Именно эта серебряная нить существует в своем прекрасно голубом сиянии. О ней напоминают нам и в снах, и в видениях. Напоминают, присовокупляя какие-либо характерные обстоятельства, которые когда-то потом окажутся связанными с напоминанием об этой основной благодетельной нити. Покуда крепка эта нить — в доверии, в устремлении, в чистоте сердечной, до тех пор не вползет ехидна. Если темная тварь попытается только приблизиться, то чуткое чистое сердце затрепещет и зазвенит всеми предупреждающими струнами.

Мгновение, когда напомнят о великой серебряной нити, всегда остается знаменательным в человеческой жизни. Если пришлось об этом напомнить, то, значит, возникала уже опасность и нужно было удержать и помочь. Даются в простых, понятных символах Заветы жизни. Настолько просто и понятно даются указы, что никто, давший себе труд прочесть их, не скажет, что они отвлеченны или невнятны. Только или озлобленный раздражением, или заболевший припадком невежества дерзнет отрицать то, что благостно насущно для всего его бытия.

Люди не могут сказать, что они покинуты или остались без всяких указаний. Неправда. Указаний всегда много дано. Помощь всегда готова, если только не отринуть ее какими-либо неприличными мыслями. Даже около самых высочайших понятий зашатавшийся в безумии человек часто начинает мыслить и высказывать сомнения в том, что ничто не могло быть сделано. При этом шатун совершенно выпускает из вида, что он-то мыслит лишь своим ограниченным мышлением, тогда как существуют другие пути и другие меры, которые его убожеству сейчас недоступны. Видите, шатун хотел бы, чтобы делалось по щучьему велению, как он желает, и в то время, когда ему захочется. Какое же дьявольское самомнение сказывается в этих спазмах самости.

Шатун не желает даже попробовать помыслить о том, что кроме его ограниченного пути, кому-то гораздо виднее нечто лучшее, нечто высшее, которое в необычно земных мерах приведет к прекрасным следствиям. Даже если шатуну будут даны сроки, то он по самомнению не дождется их. Именно у самой черты он произведет какое-либо наибезобразнейшее действие.

В таких безобразнейших, отвратительных действиях уже будет заключаться кощунство, будет выражена именно хула на Духа Святого. Самое страшное, что может причинить себе человек, — это порвать драгоценную серебряную нить. Потому-то и говорится, что непростима хула на Духа Святого. Непростима она не по жестокости, не по строгости, но потому, что человек сам лишает себя своей жизнедательной основы. Прощай или не прощай, но ведь спасительной связи-то более не существует. Это — непоправимая беда.

В каких-то новых существованиях опять может зарождаться уже другая какая-то связь. Самым болезненным тяжким новым опытом может ткаться новая нить. В веках, в тысячелетиях. Если бы люди иногда подумали о том, что они причиняют сами себе. Если бы они отдали отчет в том, что есть прямая или косвенная хула на Духа Святого. Человек не может оправдываться тем,

чтобы он не понимал, где начинается кощунство. Ведь хула может быть произносима и с пеною у рта, и в притворной приторной улыбке-гримасе. Разнообразны маски; но сердце человеческое, если оно не залито гноем разложения, оно все же чует, где опасность хулы.

В обиходе принято столько сквернословий, столько проклятий и предательств, что в некотором быту люди не останавливаются в помышлениях, в произнесении и в действии самом глубоко преступном. В затемнении им кажется все доступным. Кроме того, они изобрели самоутешение: не согрешишь — не покаешься. В таких изобретенных самооправданиях люди не думают о том вреде, который они наносят не только другим, не только всему пространству, но ближе всего и самим себе. Если они не почувствовали на другой же день удар по затылку, то они думают, что ничего не случилось и все ими содеянное прошло бесследно.

Без следа, без следствия ничего не бывает. Падение лепестка розы создает гром на Дальних Мирах. Вот в каких выражениях напоминается о связи с Беспредельностью. Если тайны нет, если все творится перед Ликом Великим и Светлым, то ведь не может же что бы то ни было исчезать без следствия. Как же сделать, чтобы люди запомнили хотя бы эту наипростейшую, несчетно повторенную истину?

Предлагается напоминать себе близостью Великих Ликов. Пусть привыкает человеческое сознание к тому, что они творят все перед Великим Свидетелем. Каждое многообразное убийство будет перед Великим Ликом. Каждая пролитая кровь будет перед Ним. Каждое сквернословие будет произнесено перед Ним. Каждое темное предательство совершится в Его присутствии. Допустимо ли? Даже самое мохнатое сердце должно содрогнуться, если помыслить, что все им содеянное сделано явно перед Великим Ликом. Разве не ужасна каждая попытка порывания драгоценной серебряной нити?

Хула на Духа Святого непростима. Ею человек отрезает себя от близких, уже заработанных возможностей. В великом земном опыте человек обязан пронести вверенную ему чашу нерасплесканной. Чем она будет полнее и чем целее донесется, тем светлее будет подвиг. О подвиге думайте. В нем сохранитесь от всякого кощунства, от всякой хулы, недостойной сердца человеческого. Духа не угашайте.

Берегите Свет.

12 Сентября 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Свет побеждает тьму

Свет побеждает тьму. Эта истина остается непреложной. Всякие личины тьмы — чудища обло, стозевно и лаяй — не устают поносить Свет. Пьяный клеветник Василий Иванов, имя которого стало отрицательно-нарицательным, в дополнение к своей книге "От Петра 1 до наших дней" выпустил брошюрку "Православный мир и масонство". Книжечка полна той же лжи, как и первая книга Иванова, в которой автор не только пытался поносить Императора Петра Великого, не только называл Светлейшего Голенищева-Кутузова изменником, не только поносил некоторых иерархов Православной Церкви, но и упомянул в клеветнических намеках множество русских известнейших писателей и ученых.

В новой брошюре В. Иванов опять поносит и Императора Петра Великого и митрополита Евлогия, опять упоминает имена Бердяева, Мережковского, Ремизова, Гребенщикова, Лосского, Карсавина, Карташева и многих других, вписавших свои имена на страницах истории русской культуры. Конечно, европейская пресса, уже справедливо осудившая первую книгу Иванова, не обратит внимания на новую брошюрку, очевидно предназначенную для рассылки с доносною целью. Не следовало бы вообще поминать имя столь известного клеветника и лжеца, как Иванов. Но следует записать о другом обстоятельстве, которое наводит на размышления.

Для грязных — все грязно. Для темных — все темно. Потому не удивляемся, что темные клеветники, подобные Вас. Иванову, пытаются лаять на свет и задевать имена, ценность которых, конечно, тьме ненавистна. Имена Императора Петра Великого, имена Голенищева-Кутузова не могут не вызывать беснования тьмы. Это настолько понятно, что и говорить об этом не стоило бы. Но является другое обстоятельство, которое заставляет призадуматься. В своей брошюрке Вас. Иванов уделил мне несколько страниц, наполненных обычною для него ложью. Для примера возьмем хотя бы такие ложные сообщения: Елена Ивановна живет в Адьяре[98] (она никогда там не была). Я поспешно бежал из Харбина (между тем всем известно, что по причине задержки экспедиционных работ мы оставались в Харбине на два месяца дольше, нежели предполагали). Затем клеветник сообщает, что Рерих является воплощением Сергия Радонежского и в духовном отношении более высок, чем этот великий Подвижник. Вот такое темнейшее кощунство уже совершенно невыносимо. Во-первых, утверждение Иванова

абсолютно ложно. Во-вторых, произнося такое утверждение, Иванов уже кощунствует и доказывает еще раз свою принадлежность к силам темным. Кроме таких ложных, непозволительных сообщений клеветник нагромождает множество лживых измышлений.

Тьма всюду видит тьму. Это естественно. Но как же нужно объяснять себе другое обстоятельство, уже связанное с местными государственными учреждениями. Брошюрка Иванова вышла в Харбине и, очевидно, дозволена местной цензурой. Печаталась она в типографии "Хуа-Фын". В той же самой типографии в Харбине была напечатана еще в ноябре прошлого года моя книга "Священный Дозор", состоящая из статей, появлявшихся в харбинской прессе. Книга моя не была пропущена харбинской цензурой, хотя, казалось бы, что уже все содержание ее прошло цензуру для газет. В содержании моих статей, утверждаю, не было ничего ни антирелигиозного, ни антиправительственного, ни безнравственного. Все эти статьи своевременно сохранялись друзьями, а кроме того, у меня имеется полный экземпляр этой книги.

В той же самой типографии, как я слышал, предполагалась к печатанию уже написанная известным писателем Всеволодом Ивановым книга о моем искусстве. Мы слышали, что манускрипт этой книги также не был пропущен цензурою. Насколько нам известно, в манускрипте Всеволода Иванова не было ничего ни антирелигиозного, ни антигосударственного, ни безнравственного. Не было и ложных измышлений. Спрашивается, каким же образом может случаться, что книги, наполненные доброжелательными и верными сообщениями, не пропускаются цензурою, которая после этого дозволяет к печати книгу клеветническую?

Когда в ноябре прошлого года японская газета "Харбинское Время" поместила по моему адресу ряд клеветнических статей, я запросил по этому поводу Министерство иностранных дел в Токио, на что от Министерства мне было отвечено: "Все происшедшее есть следствие полного невежества и непонимания сотрудников газет и враждующих групп русских эмигрантов в Харбине Вашей благородной миссии и работы… Имея такие донесения в руках, мы счастливы уверить Вас, что подобные инциденты не повторятся, и мы искренне надеемся, что Вы более не будете обеспокоены подобными происшествиями". Итак, расследование Министерства иностранных дел показало, что выходки "Харбинского Времени" произошли вследствие полного невежества (шир игноранс). После таких воздействий со стороны центральных органов нужно думать, что и цензура, со своей

стороны, примет меры для искоренения лжи и клеветы в печатном слове.

В таком случае, спрашивается, каким же порядком могла быть пропущена цензурой явно клеветническая брошюрка Вас. Иванова, которая, кроме явно разрушительных целей, ничего не вносит и не имеет в виду? Если "Священный Дозор" невыносим для цензуры, если книга опытного, даровитого писателя Всеволода Иванова недопустима, то каким же образом может считаться желательной для общественных настроений явно погромная и даже доходящая до кощунственности брошюрка Вас. Иванова? Если Министерство указывает на полное невежество газетных сотрудников, то мы не решаемся применить ту же формулу к высоким служащим цензуры. Ведь во главе цензуры могут стоять лица, лишь действительно облеченные государственным доверием. Все допущенное цензурою несет на себе знак ответственности цензуры за сообщенные факты. Как же быть, если цензура допускает сообщения лживые? Не знаем местных законов на этот счет. Но другие законодательства включают соображения и по этому поводу. Если Вас. Иванов — носитель тьмы, то никто не может применить такую же формулу к государственным служащим.

Если бы не предшествовали брошюре Иванова два цензурных запрещения, то можно бы предположить просто неосмотрительность и небрежность работы. Но если в двух случаях проявлена какая-то, поистине, необъяснимая предосторожность, то тем непонятнее является выход и допущение брошюрки явно клеветнической. Много клеветы в мире. Однажды Амфитеатров горестно заметил: "Хотя об этом и писали в газетах, но все же это оказалось правдой". Действительно, бумага все вытерпит. Можно удивляться подчас, сколько неверных сообщений собирается на одном газетном листе. И все знают, какое употребление произойдет из этой бумаги. Также все знают, что "Свет побеждает тьму". Мало ли лжецов позорили печатное слово. Темные попытки получают единственное назначение — потонуть в забвении. Но государственная цензура не может вызывать каких бы то ни было сходных соображений. Цензура есть высокое культурное учреждение, а всякая ложь прежде всего некультурна. Правда не ржавеет, и лишь правдою создается прочная государственность. Думается, что брошюрка Вас. Иванова лишь какими-то особыми ухищрениями миновала цензурную правду и справедливость. "Свет побеждает тьму".

14 Сентября 1935 г.

Пекин

Публикуется впервые

Итоги

В конце прошлого года в Записном Листе "Друзья Культуры" мы вспоминали, что произошло по вопросу об охранении культурных ценностей за истекающий год. Помянули ушедших друзей Знамени Мира и порадовались вновь приближающимся. Также и теперь, когда год на исходе, следует вспомнить, что было за этот срок хорошего в том деле, которое должно бы быть близко каждому чуткому сердцу.

15-го Апреля в присутствии Президента Рузвельта представители двадцати одного государства Америк подписали Пакт. Помним закрепляющие слова и самого Президента, и вдохновленное слово представителя Панамы Альфаро, и других ораторов. Затем в течение лета бельгийский Король Леопольд удостоил учреждение в Брюгге — Р. Фаундешэн[99] почетным и знаменательным титулом в память короля Альберта. Тогда же мы все порадовались этому обстоятельству, ибо храним глубокие чувства к покойному королю-рыцарю.

Теперь слышим, что уже собираются новые предметы для Брюггского Музея. Ведь и само здание, данное городом, уже является само по себе Музеем, как и большинство домов славного города Брюгге. И стоит этот дом на знаменитой площади Ван Эйка; имя, которое одним своим произнесением уже напоминает о сокровищах человеческого гения.

За год опять подошли многие дотоле неизвестные друзья и даже образовывали свои группы для утверждения знака сохранения истинных сокровищ. Интересно отметить, что возникали эти новые очаги не только самостоятельно, но даже неожиданно в таких местах, в которые текущие сведения не могли, казалось бы, доходить так легко. Семя брошено, а как и где оно будет расти — не нам судить. Литература о Пакте и Знамени Мира за год была очень обильна. Кроме ежедневных газет, широко отозвались и журналы. При этом ценно отметить, что выявились и новые, очень серьезные защитники культуры.

От настоящего хочется заглянуть в далекое прошлое. Хочется вспомнить хоть некоторых из множества друзей и пособников при самом зарождении этой идеи. Было бы несправедливо не вспомнить знатока искусства Д. В. Григоровича, который в 1898 году, избрав меня своим помощником при Музее Императорского Общества Поощрения Художеств, говорил: "Так мысленно и напишите над Музеем: "Храните священные предметы" — ведь должны люди помнить о самом ценном". Запомнилось слово о том, чтобы надписать над Музеем. О том же и в тех же годах и

другой знаток искусства В. В. Стасов, поддерживая мои стремления, идеи, постоянно ободрял меня в том же почитании плодов творчества человеческого. Когда после первых продолжительных путешествий по России уже оформилось сознание о том, что чем-то нужно повелительно ясно запечатлеть охрану старины, тогда и Председатель Общества архитекторов-художников гр. Сюзор и очень чуткий архитектор Мариан Перетяткович сердечно сочувствовали и посильно способствовали.

Много хороших людей мыслило в тех же направлениях; были душевные беседы и с А. Блоком и с Леонидом Семеновым-Тяньшанским. Прошли годы, и вдруг приезжают ко мне Леонид Андреев и Голоушев (Сергей Глаголь), настойчиво просят с ними вместе вступить в газету. Одним из наиболее действительных доводов было: "Ведь вам же нужна трибуна для проведения охранительных и знаменных идей во славу искусства и старины; вот мы и зовем вас и предлагаем свободно и неограниченно проводить вашу заветную идею во всероссийском и всемирном масштабе".

Затем возгорается великая война, докладываю покойному Императору о необходимости нового Красного Креста Культуры. Он сочувствует, но события нагромождаются. Печатается знаменный плакат мой и широко рассылается и по армиям, и по военным зонам. Таким порядком пикториальное[100] изображение впервые входит в жизнь и своим видом требует осмотрительности и бережливости к сокровищам Культуры. Тогда же обмениваемся письмами с нашим давним приятелем, главным инспектором Министерства искусств в Париже Арманом Дайо. И у него такие же идеи, он посвящает номера своего журнала осквернённым сокровищам искусства и мыслит в тех же наших линиях.

Хочется не забыть всех добрых друзей, помогавших, а главное, мысливших в том же направлении. Кто-то в шутку сказал, что и Александр Великий, вероятно, уже думал о сохранении ценнейших храмов. Припоминается знаменательное предание о том, как один император остановился в каком-то замечательном строении, чтобы своим присутствием защитить его. Кто знает, может быть, и Орифламма[101] стояла перед этим зданием? Вспоминаю участие мое в Комиссии по реставрации Василия Блаженного, по Музею старого Петербурга и по Музею Допетровского Искусства. Страницы "Старых Годов" хранят многие такие воспоминания.

Вспоминаю многие встречи уже в течение послевоенных годов. В Швеции проф. Освальд Сирен, в Лондоне Гордон Боттомлей, в Америке Стоке, Сутро, Кунц, Мигель, Хьювитт, Дабо,

Джемс Браун Скотт, члены Совета Музея и все многие друзья и сотрудники. Вспомним таких преданных друзей Пакта, как проф. Ла Прадель и Ле Фюр в Париже, покойный председатель Гаагского Трибунала Адачи, в Индии Рабиндранат Тагор, сэр Д. Боше, сэр Раман, проф. Кашьяп, д-р Халдар, д-р Сен и многие, многие, давшие твердую опору Культурному делу. Все они мыслили по тем же линиям, как и председатель французского Креста маркиз де Лилльер сразу почувствовал, что и Красный Крест, и мы идем по тому же направлению. Не забудем же, как Камилл Тюльпинк в Брюгге возымел прекрасную идею первой международной Конференции Знамени Мира.

Он же провел и вторую Конференцию, и выставку старинных городов, а затем эта же идея зазвучала и в третий раз в словах профессора Кембелля. Конвенция в Вашингтоне. Отозвались 36 государств. Вспоминаю вдохновенную речь поэта Марка Шено, а также сердечный призыв барона М. Таубе — "Удвоим наши усилия". Лемариес едет по Франции и Бельгии с целым рядом лекций о Пакте и Знамени. В нескольких высших учебных заведениях о том же берутся тезисы диссертаций. В официальных отчетах трех Конференций, посвященных лишь заседаниям, речам и приветствиям и постановлениям, не могли быть упомянуты такие искренние труды на пользу нового Красного Креста Культуры, как лекции Лемариеса или диссертации, или курс барона де Тюн в Военной Школе. Не могли быть упомянуты и лекции д-ра Г. Шклявера (юридически оформлявшего Пакт) в старейшем университете Испании в Саламанке. Много где звучало сочувственное слово. Еще не собраны все эти ценные памятники. Но ведь они так же точно ценны, как и речи на официальных Конференциях. Нужно собрать все материалы, чтобы все дружеские лики выявились и запечатлелись. В полной справедливости нужно отмечать каждое благородное устремление.

Не забудем всю благородную поддержку Пакта со стороны Южно-Американских государств и их представителей. В истории утверждения Пакта всегда останется сердечное содействие со стороны г. Коэна, представителя Чили. Ведь он был докладчиком Пакта на Конференции в Монтевидео. Его труды способствовали единогласному постановлению Конференции в Монтевидео. И на третьей международной Конференции в Вашингтоне в 1933 году, в которой приняли участие представители 36 стран, мы должны помнить целый ряд блестящих имен, запечатленных во второй книге Пакта. Не забуду и встречи моей со всегда отзывчивыми д-ром Ровэ и Гиль Боргесом.

Кончим приветом тем, кто так открыто и мужественно встал

на защиту Культурных сокровищ. В знаменательный день 15-го Апреля я был в далекой Монголии и только духовно мог приобщиться к Культурному торжеству, когда представители двадцати одной Американских республик подписывали Пакт охранения Культурных Сокровищ. Не мог я тогда сказать всем этим воодушевленным поборникам Культурных ценностей мой сердечный привет. Только теперь, вернувшись из Азийских пустынь, я могу послать самое сердечное приветствие и пожелание всем тем, кто рукою своею скрепил Договор о Ценностях всего человечества. Духовные ценности человечества, выраженные в многообразном творчестве, не могут быть обсуждаемы холодно и формально. В таком огненном предмете выразится все сердечное накопление, все благородство, все понимание чести и достоинства человечества. Не хладною рукою подписывали этот Договор представители Великих Республик. Я был рад лично встретиться с некоторыми из них и почувствовал в сердце моем, насколько звучало в них понимание благородства, сердечности и красоты. Когда представители государств звучат на эти высокие понятия, тогда и дела их являются залогом истинного преуспеяния. Хочется мне опять встретиться и с д-ром Ровэ, и с Гиль Боргесом, и с Альфаро, и со всеми, с которыми я уже ощущаю духовную близость. Сердечный поклон всем потрудившимся на Общечеловеческое Благо.

8 Декабря 1935 г.

Наггар, "Урусвати"

"Врата в Будущее"

Газета "Сегодня". Рига, 25 августа 1937 г.

Указатель имен

А

Аббази (Реза Аббаси) (ум. 1635) — персидский художник.

Аббот Чарльз Грили (1872–1973) — американский астроном.

Авраам — в ветхозаветных преданиях родоначальник еврейского народа.

Аврелий Марк (121–180) — римский император.

Агарь — в ветхозаветных преданиях наложница Авраама Адачи — председатель Международного Гаагского суда

Адриан — врач, профессор физиологии Кембриджского университета, член Королевского ученого общества, лауреат Нобелевской премии 1932 г.

Айвазовский Иван Константинович (1817–1900) — русский художник.

Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939) — русский историк искусства, профессор.

Акбар Джелаль-ад-дин (1542–1605) — индийский император из династии Великих Моголов.

Алданов Марк Александрович (наст. фамилия — Ландау) (IS86- 1957) ¬ русский писатель.

Александр (Великий) Македонский (356–323 до н. э.) — царь Македонии, полководец и государственный деятель.

Александр I (1777–1825) — российский император.

Александр III (1845–1894) — российский император.

Александр I Карагеоргиевич (1888–1934) — король Югославии.

Альберт I (1875–1934) — король Бельгии.

Альварец (Альварес) Александр (1868–1960) — член Академии моральных и политических наук (США), чилийский юрист и дипломат, член Международного суда ООН.

Альтамира Рафаэль (род. 1866) — испанский юрист, член Международного Гаагского суда.

Альфаро Рикардо (род. 1882) — политический деятель Панамы, министр иностранных дел.

Амос (IX в. до н. э.) — библейский пророк.

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) — русский писатель.

Анвари — персидский поэт.

Андерсон

Андрей Боголюбский (1111–1174) — князь владимиро-

суздальский с 1157 г.

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) — русский писатель.

Анезаки — профессор.

Анна Ярославна (ок. 1024 — не ранее 1075) — дочь Ярослава Мудрого, жена французского короля Генриха I.

Анселино д'

Антей — гигант в древнегреческой мифологии.

Антокольский Марк Матвеевич (1843–1902) — русский скульптор.

Св. Антоний (ок. 250 — ок. 355) — великий основатель монашества, жил и проповедовал в Египте.

Антоний — митрополит.

Аполлоний Тианский (1 в.) — новопифагорейский философ.

Арджуна — герой индийского эпоса "Махабхарата", один из братьев Пандавов.

Аристид (ок. 500 — ок. 467 до н. э.) — афинский государственный деятель.

Арно д' — граф, французский военный.

Артаксеркс (V–IV вв. до н. э.) — один из персидских царей.

Артур (V–VI вв.) — король бриттов.

Аскольд (ум. 882) — древнерусский князь.

Ассурбанипал (Ашшурбанипал) (669 — ок. 633 до н. э.) — ассирийский царь.

Атилла (ум. 453) — предводитель гуннов.

Б

Бабер — см. Бабур

Бабур (1483–1530) — основатель династии Великих Моголов (1526–1858), выходец из Самарканда.

Бадмаев Петр Александрович (наст. фамилия — Жансаран) (1851–1920) ¬ русский врач, исследователь тибетской медицины.

Балашов — член Попечительского Совета Императорского Общества поощрения художеств.

Балтрушайтис Юртас Казимирович (1873–1944) — литовский поэт, художественный критик.

Бальзак Оноре де (1799–1850) — французский писатель.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) — русский поэт.

Барк — глава финансовой фирмы в Великобритании.

Бах Иоганн Себастьян (1685–1750) — немецкий композитор и органист.

Беляев — командующий войсками в Парагвае.

Бёме Якоб (1575–1624) — немецкий философ.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — русский художник, историк искусства.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) — русский философ.

Вертело Ф.

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) — русский психиатр и невропатолог.

Билибин Иван Яковлевич (1876–1942) — русский художник.

Бихзаад — персидский художник.

Блаватская Елена Петровна (1831–1891) — основательница теософского общества.

Блоемарт (Блумарт) Абрахам (1564–1651) — голландский живописец и график.

Блок Александр Александрович (1880–1921) — русский поэт.

Блюм — американский конгрессмен.

Бобровский — преподаватель школы Общества поощрения художеств.

Богаевский Африкан Петрович (1872–1934) — атаман Войска Донского, эмигрировал после разгрома Врангеля.

Боргес Гиль — общественный деятель.

Борджиа Цезарь (Чезаре) (ок. 1475–1507) — итальянский политический деятель.

Св. Борис — младший сын князя Владимира Святославовича, убит в 1015 г.

Бородин С. - настоятель молитвенного дома в Шанхае.

Бос Джагадиш Чандра (1858–1937) — индийский ботаник и физик.

Боткин Василий Петрович (1811–1869) — русский критик и публицист

Боткин Михаил Петрович (1839–1914) — директор музея Общества поощрения художества.

Боттомлей Гордон.

Боше — см. Бос Джагадиш Чандра

Браун — учитель.

Бругума — жена Гесэр-хана

Брунгильда — одна из валькирий, осужденная к изгнанию на землю.

Брюллов Карл Павлович (1799–1852) — русский художник.

Бубнов Андрей Сергеевич (1883–1940) — советский государственный деятель, комиссар по просвещению.

Будда Сиддхартха Гаутама (623–544 до н. э.)

Бумын — китайский каган.

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — русский писатель.

Бурн — кардинал.

Буслаев Федор Иванович (1818–1897) — русский филолог, искусствовед.

Бустаменте Антонио (1865–1951) — кубинский юрист-международник и дипломат, член Международного Гаагского суда.

Бэк Перл

В

Вабиса бей Мабад

Вагнер Рихард (1813–1883) — немецкий композитор и дирижер.

Вадья А. Р. - индийский ученый.

Валисинка Деваприя — генеральный секретарь общества "Маха Бодхи".

Ван Дейк Антонис (1599–1641) — фламандский живописец.

Ван Чин-Вей (1885–1944) — китайский государственный деятель.

Ван Эйки: Хуберт (ок. 1370–1426) — и Ян (ок. 1390–1441) — голландские живописцы (братья).

Васвани Т. Л. - индийский писатель, переводчик, литературовед.

Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856–1933) — русский художник.

Веверка Фердинанд — посол Чехословакии в США.

Веласкес Диего (1599–1660) — испанский живописец.

Вениамин

Верещагин Василий Васильевич (1842–1904) — русский художник.

Вермехо Бартоломео — испанский художник XV в.

Св. Вероника — легендарная святая, благочестивая иерусалимская женщина, подавшая Иисусу Христу по пути на Голгофу свой головной платок отереть лицо.

Веселовский

Вивекананда Свами (Нарендранатх Датт) (1863–1902) — индийский философ и общественный деятель

Викторе Ян — художник, ученик Рембрандта.

Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) — русский историк, педагог.

Владимир Мономах (1053–1125) — великий князь киевский.

Владимир Святославович (ум. 1015) — великий князь

киевский.

Владимирцов Борис Яковлевич (1884–1931) — русский монголовед.

Врубель Михаил Александрович (1856–1910) — русский художник

Всеволод Ярославович (1030–1093) — великий князь киевский.

Ву-Чин-Чун — китайский губернатор, живший в ранний период маньчжурской династии, автор ботанического трактата.

Г

Галакэд (Галахад) — рыцарь из эпоса о короле Артуре.

Гальс Франс — см. Хале Франс.

Гаральд

Гарибальди Джузеппе (1807–1882) — народный герой Италии, участник итальянской революции 1848–1849 гг.

Гафиз (Хафиз) (ум. 1389) — персидский поэт.

Гедин Сьен Андерс (1865–1952) — шведский путешественник.

Св. Георгий — один из наиболее популярных христианских святых, великомученик.

Георгий — сын Владимира Мономахаю

Георгий (кон. XIII в.) — монголо-несторианский князь.

Герострат — грек из Малой Азии, сжег в 356 г. до н. э. храм Артемиды в Эфесе.

Гессар-хан — см. Гесэр-хан

Гесэр-хан — легендарный монгольский хан, правивший в XI в., герой эпоса Центральной Азии.

Гильгамеш — герой эпической поэмы на вавилонском и шумерском языках (3–2 тыс. до н. э.).

Гиппократ (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — древнегреческий врач.

Гиршман В. О. - финансист и коллекционер

Глаголь (Голоушев) Сергей Сергеевич (1855–1920) — русский художественный критик и художник.

Св. Глеб — младший сын князя Владимира Святославовича, убит в 1015 г.

Гнедич Петр Петрович (1855–1928) — русский писатель.

Голенищев-Кутузов — один из попечителей Императорского Общества поощрения художеств.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) — русский писатель.

Голстунский Константин Федорович (1831–1899) — русский ученый-монголовед.

Гомер — легендарный древнегреческий поэт (между XII и VII вв. до н. э.).

Гонкуры де — французские писатели, братья Эдмон (1822–1896) и Жюль (1830–1870), в 1896 г. основана Гонкуровская академия, присуждающая ежегодные литературные премии.

Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776–1822) — немецкий писатель.

Гоццоли Беноццо (1420/1424- 1497) — итальянский художник.

Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) — русский живописец, историк искусства.

Грамматчиков Николай Васильевич — участник экспедиции Н. К. Рериха в 1934–1935 гг.

Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882–1964) — русский писатель, публицист, издатель.

Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) — русский писатель и публицист, секретарь Общества поощрения художеств, директор музея Общества.

Григорьев Борис Дмитриевич (1886–1939) — русский художник, член "Мира искусства".

Гринвальд (Грюнвальд) — американский предприниматель и импресарио.

Груссе Паскаль (1845–1909) — французский ученый.

Св. Губерт — епископ Льежский в 722–727 гг., "апостол Арденн", с его именем связано много легенд.

Гурбан

Д

Дабаев Шондор

Дабо Леон

Дава Тяньзин

Даван Хара — доктор, историк

Давид Жак Луи (1748–1825) — французский живописец

Дайо Арман — главный инспектор Министерства искусств в Париже

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) — русский публицист, социолог

Данте Алигьери (1265–1321) — итальянский поэт Возрождения.

Де-Ванг — сунитский князь.

Девид Ноэль (Дэви-Неел) Александра (1868–1969) — французская путешественница, исследовательница Тибета.

Дега Эдгар (1834–1917) — французский художник и скульптор.

Декарт Рене (1596–1650) — французский философ, математик.

Державин Гаврила Романович (1743–1816) — русский поэт.

Джагадисварананда

Джайлс Л.

Джалал Джафар-хан — министр Ирана.

Джиорджоне — см. Джорджоне Джонсон Гарольд Мелвин (род. 1906) ¬профессор университета Виргинии.

Джорджоне Джордже Барбарелли да Кастельфранко (1476–1510) ¬итальянский художник венецианской школы.

Диен Поль — композитор.

Дирснфурт — германский профессор, исследователь Тибета и Гималаев.

Дир (ум. 882) — древнерусский князь.

Дмитрий Донской (1350–1389) — великий князь московский.

Добнер Пауль — профессор Гейлбронского университета.

Доде Альфонс (1840–1897) — французский писатель.

Долгорукий Василий — русский пленный, подаренный императору Акбару. Прославился своей мудростью, знанием тайных наук и астрологии. Вероятнее всего, один из князей Долгоруких, взятых в плен татарами при Иване Грозном.

Дольмеч Арнольд

Дубовицкий

Дордже Лобзанг Мингиюр — филолог, профессор Дарджилингского университета, тибетолог.

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) — русский писатель.

Дутчио

Дэй

Дюнан Анри Жан (1828–1910) — швейцарский общественный деятель, инициатор создания международного общества "Красный Крест".

Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) — русский театральный деятель.

Е

Евлогий — митрополит.

Е. И. - см. Рерих Елена Ивановна

Е. К.- см. Святополк-Четвертинская Екатерина Константиновна

Св. Егорий — см. св. Георгий

Екатерина II Алексеевна (1729–1796) ¬ российская императрица.

Епифаний Премудрый (ум. ок. 1420) — русский церковный писатель, ученик и последователь Сергия Радонежского.

Ж

Жанна д'Арк (ок. 1412–1431) — Орлеанская дева, народная героиня Франции.

Св. Женевьева (420–500) — святая заступница Парижа.

Жоффр де Ла Прадель Альберт — член Международного Гаагского суда, профессор международного права Парижского университета.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) — русский поэт.

З

Зигфрид — герой германо-скандинавской мифологии.

Золя Эмиль (1846–1902) — французский писатель.

Зороастр (до сер. VI в. до н. э.) — пророк и реформатор древнеиранской религии.

И

Ибн Сина Абу Али (Авиценна) (ок. 960-1037) — среднеазиатский ученый, философ и врач.

Иван I Данилович Калига (ум. 1340) — князь московский (с 1325 г.), великий князь владимирский (с 1328 г.).

Иван IV Грозный (1530–1584) — русский царь.

Иванов Александр Андреевич (1806–1858) — русский художник.

Иванов Василий — журналист.

Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971) — русский писатель, историк.

Иезекииль (IX в. до н. э.) — библейский пророк.

Изергин — председатель Объединенного Комитета русских национальных организаций.

Изида — см. Исида.

Иисус Христос

Св. Илья — библейский пророк

пресвитер Иоанн.

Иоанн — архиепископ.

Иоанн Кронштадтский (1829–1908) — протоиерей Андреевского собора в г. Кронштадте.

Ирод I Великий (73-4 до н. э.) — царь Иудеи.

Исайя (VIII в. до н. э.) — библейский пророк.

Исида (Изида) — богиня плодородия, воды, ветра, волшебства, мореплавания, охранения умерших в древнеегипетской мифологии.

Искандер — см. Александр (Великий) Македонский.

Иуда Искариот — предатель Христа.

К

Казати — ученый, специалист по Африке.

Калин

Капитан — археолог.

Каракалла Марк Аврелий Антонин (186–217) ¬ римский император.

Карбоньер — художник.

Карл Великий (742–814) — франкский король.

Карпини Джованни де Плано (ок. 1182 — не позднее 1252) — итальянский путешественник, один из первых европейских исследователей Азии.

Карсавин Лев Платонович (1882–1952) — русский философ, историк.

Карташев

Картер

Кассандра — в древнегреческом эпосе дочь царя Трои Приама, получившая от Аполлона дар пророчества.

Кашьяп Моханлал — индийский профессор, писатель.

Келлер Р.

Кембелл — профессор.

Кеннон Уолтер Брэдфорд (1871–1945) — профессор физиологии Гарвардского университета.

преп. Кирилл Белозерский (1337–1427) ¬основатель Кирилло-Белозерского монастыря, литературный деятель.

Климент V (ок. 1264–1314) — папа римский.

Ключевский Василий Осипович (1841–1911) — русский историк.

Ковалевская Софья Васильевна (1850–1891) — русский математик.

Козлов Петр Кузьмич (1863–1935) — русский исследователь

Центральной Азии.

Колмков Константин Павлович — русский художник, преподаватель в школе Общества поощрения художеств.

Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) — русский археолог и историк искусства.

Конфуций (Кун-Цзы) (551–479 до н. э.) — древнекитайский философ, создатель этического и политического учения.

Корин Павел Дмитриевич (1892–1967) — русский художник, академик.

Коркунов Александр Павлович (род. 1856) — профессор Томского университета, врач.

Корнелий Сулла Луций (138-78 до н. э.) — римский военный и политический деятель.

Коро Камиль (1796–1875) — французский художник.

Коровин Константин Алексеевич (1861–1939) — русский живописец, театральный художник.

Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — русский и украинский историк, этнограф, писатель.

Котошихин Григорий Карпович (ок. 1630–1667) — писатель, политический деятель.

Котрам — персидский поэт.

Коэн — чилийский политический деятель.

Кристи Михаил Петрович — директор Третьяковской галереи.

Кришна

Крэн Чарльз (1858–1939) — американский государственный деятель и дипломат.

Кубилай — см. Хубилай

Куглер

Куинджи Архип Иванович (1842–1910) — русский художник.

Кунц — американский общественный деятель.

Курбатов

Курлов — профессор Томского университета.

Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813) — русский полководец.

Л

Св. Лавр — святой покровитель домашнего скота.

Лаиселот — рыцарь из легенд о короле Артуре.

Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946) — русский художник, график.

Лао-цзе — см. Лао-Цзы

Лао-Цзы (IV-111 вв. до н. э.) — древнекитайский философ и

писатель.

Ла Прадель — см. Жоффр де Ла Прадель.

Ларсен — монголовед.

Латур Жорж де (1593–1652) или Латур Морис Кантек де (1704–1788) ¬французские художники.

Лев III Исавр (ок. 675–741) — византийский император.

Леви Валенси — французский ученый.

Левитан Исаак Ильич (1860–1900) — русский художник. Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) — немецкий философ.

Лейхтенбергский — герцог.

Лемариес (Леймари) — общественный деятель.

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) — русский писатель, публицист и литературный критик.

Леопольд (1901–1983) — король Бельгии.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) — русский поэт.

Ле Фюр Луи — профессор международного права Парижского университета.

Либерман Макс (1847–1935) — немецкий художник.

Ливингстон Давид (1813–1873) — английский исследователь Африки.

Лидльер — маркиз, президент французского Красного Креста.

о. Лиссан — французский ученый.

Лиоте — маршал Франции.

Ли-Ши-Цзин — китайский исследователь трав династии Минга.

Лодер — член Международного Гаагского суда.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) — русский ученый-энциклопедист.

Св. Лонгин

Лонжюмо

Лопухов

Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — русский философ.

Лот — в верхозаветном предании племянник Авраама.

Лукин Феликс Денисович (1875–1934) — руководитель Рижского рериховского общества.

Людовик IX Святой (1214–1270) — французский король.

M

М. К. - см. Тенишева Мария Клавдиевна

Май Карл Иванович (1824–1895) — владелец и директор частной гимназии в Петербурге, в которой обучались Н. К. Рерих

и его сыновья.

Мак-Дугал Уильям (1871–1938) — американский психолог, профессор Гарвардского университета.

Макуайт Михаил (Майкл) (род. 1883) — министр иностранных дел Ирландии, дипломат.

Малявин Филипп Андреевич (1869–1940) — русский художник, член "Мира искусства".

Мане Эдгар (1832–1883) — французский художник.

Ману — мифический прародитель людей в индийском эпосе.

Марен Луи

Марес Ганс (1837–1887) — немецкий живописец

Мария Николаевна (1899–1918) — великая княгиня, дочь Николая II.

Маркс Адольф Федорович (1839–1904) — русский издатель.

Массейс Квентин (1465–1530) — нидерландский живописец.

Махмуд (Газневи) (970-1030) — правитель государства Газневидов

Мацуура — президент Императорского университета в Куюши

Мелюзина — в европейской средневековой мифологии и литературе — фея, чей призрак должен скитаться до дня страшного суда.

Мемлинг Ханс (ок. 1440–1494) — нидерландский художник.

Менар (1820–1899) — французский художник, поэт.

Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) — химик, создатель периодического закона химических элементов.

Менон Лакшми — общественная деятельница Индии.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941) — русский писатель.

Мерлин — волшебник из легенд о короле Артуре.

Метерлинк Морис (1862–1949) — бельгийский драматург.

Метиус ¬ профессор.

Мехта В. Н. - индийский художественный критик и деятель культуры.

Мечников Илья Ильич (1845–1916) — русский биолог и патолог. Один из основателей иммунологии.

Мигель — общественный деятель.

Мидглей Томас — американский химик.

Микешин Михаил Осипович (1835–1896) — русский художник.

Миларепа (1038–1112) — буддийский поэт-отшельник.

Милле Жан Франсуа (1814–1875) — французский художник.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — российский политический деятель, историк.

Мингиюр — см. Дордже Лобзанг Мингиюр.

Минин Кузьма Минич (ум. 1616 г.) — один из организаторов и руководителей народного ополчения.1611–1612 гг.

Мирак — персидский художник.

Митридат (ум. ок. 136 до н. э.) — парфянский царь.

Св. Михаил

Моисей — пророк, вождь и законодатель еврейского народа.

Молон-Бакши — монгольский пророк.

Моне Клод (1840–1926) — французский художник.

Мопассан Ги де (1850–1893) — французский писатель.

Море — французский астроном.

Мордовцев Даниил Лукич (1830–1905) — русский писатель, историк.

Моро Адриан (род. 1843) или Моро Густав (ум. 1898) — французские живописцы.

Морог де — барон, член Верховного земледельческого совета Франции.

Морозов Михаил Михайлович (1897–1952) — литературовед, театровед, переводчик.

Мортилье — археолог.

Моруа Андре (1885–1867) — французский писатель.

Мург Рауль — французский врач.

Мусоргский Модест Петрович (1839–1881) — русский композитор.

Мухамади

Мякинин — деятель Общества поощрения художеств.

Н

Навуходоносор I (XII в. до н. э.) — правитель Вавилона или Навуходоносор II (604–562 до н. э.) — правитель Ново-Вавилонского царства.

Наполеон Бонапарт (1769–1821) — французский император.

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942) — русский художник.

Нестор (XI–XII вв.) — древнерусский писатель и летописец, монах Киево-Печерского монастыря.

Нечаев-Мальцев — общественный деятель.

Никитин (Тверитянин) Афанасий (ум. 1474) — тверской купец, путешественник.

Св. Николай Мирликийский — см. Николай Чудотворец.

Св. Николай Чудотворец

Николай Николаевич (род. 1856) — великий князь.

Никольский Николай Михайлович (1877–1859) — русский востоковед и историк религий.

Никон (ум. 1088) — древнерусский писатель, игумен Киево-Печерского монастыря.

Нил Сорский (ок. 1433–1508) — основатель и глава нестяжательства на Руси.

Ной — в библейской мифологии праведник, спасшийся вместе с семьей во время всемирного потопа.

Нольде — юрист.

О

Одорик Фриюльский — см. Порденоне Одорико

Ожье Датчанин

Озирис — см. Осирис

Ольга Константиновна — королева Греции.

Ольденбургская Евгения Максимилиановна (1845–1928) — принцесса, попечитель Общины св. Евгении.

Омар Хайям (ок. 1048 — после 1122) — персидский и таджикский поэт.

Орканья Андреа да Чиони (1344–1368) — итальянский художник.

Орфей — легендарный древнегреческий певец, один из самых ранних философов и духовных учителей Древней Греции.

Осирис (Озирис) — бог умирающей и воскресающей природы в древнеегипетской мифологии.

Островский Александр Николаевич (1823–1886) — русский драматург.

Осуми — японский адмирал.

П

Св. Павел — апостол.

Пандавы — братья, герои индийского эпоса "Махабхарата".

Пандора — в древнегреческой мифологии женщина, созданная по воле Зевса в наказание людям.

Св. Пантелеймон — в христианской традиции целитель.

Панчен-Ринпоче (Таши-Лама Тибета) — титул иерарха ламаистской церкви Тибета.

Парцифаль — герой одноименной поэмы Вольфрама фон Эшенбаха.

Паскевич Иван Федорович (1782–1856) — граф Эриванский,

светлейший князь Варшавский, русский генерал-фельдмаршал, с 1831 г. наместник Царства Польского.

Перетяткович Мариан (1872–1916) — русский архитектор.

Петр I Великий (1672–1725) — российский император.

Св. Петр — апостол.

Пий XI

Пиза Леонардо да — итальянский ученый XIII в., математик.

Пилат ¬ см. Понтий Пилат

Пилетти — генеральный товарищ секретаря Лиги наций.

Пинг (род. 1889) — китайский зоолог, профессор института Фана.

Пирогов Николай Иванович (1810–1881) — русский хирург и анатом.

Пирр (319–273 до н. э.) — царь Эпира.

Платон (427–347 до н. э.) — древнегреческий философ.

Платон — митрополит.

Плиний (Старший) (23–79) — римский ученый, писатель.

Плутарх (ок. 45 — ок. 127) — древнегреческий писатель и историк.

Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920) — русский монголовед.

Поленов Василий Дмитриевич (1844–1927) — русский художник.

Поло Марко (1254–1324) — итальянский путешественник.

Понтий Пилат — римский наместник Иудеи в 26–36 гг.

Порденоне Одорико (1286–1331) — монах-францисканец, путешественник по Центральной Азии, Китаю, Цейлону.

Прахов

Прекур Ривьер де — археолог.

Пренс

Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) — русский путешественник, исследователь Центральной Азии.

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953) — русский композитор.

Проктор Бернард Эмерсон (род. 1901) — американский биолог, специалист по пищевым технологиям.

Пуанкаре Раймон (1860–1934) — французский государственный и политический деятель.

Путятин Павел Арсеньевич (1837 — ум. после 1915) — князь, коллекционер, археолог и родственник Е. И. Рерих.

Путятина — княгиня.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) — русский поэт и писатель.

Пэрис Мэтттью (ум. 1259) — монах, историк.

Р

Радлов Василий Васильевич (1837–1918) — русский ученый-тюрколог.

Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822) — граф, русский государственный деятель.

Раин Джозеф — профессор Гарвардского университета.

Рамакришна Шри (Гададхар Чаттерджи) (1834–1886) — индийский мыслитель и религиозный деятель.

Раман Чандрасекар Венката (1888–1970) — индийский ученый-физик, Лауреат Нобелевской премии.

Рафаэль Санти (1483–1520) — итальянский живописец и архитектор.

Рейн — профессор Дьюкского университета.

Рейтерн Михаил Христофорович(1820–1890) — граф, русский государственный и общественный деятель.

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) — голландский живописец.

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) — русский философ и писатель.

Рентген Вильгельм Конрад (1845–1923) — немецкий физик-экспериментатор.

Репин Илья Ефимович (1844–1930) — русский художник.

Рерих Елена Ивановна (1879–1955) — жена Н. К. Рериха, философ, писатель.

Рерих Святослав Николаевич (1904–1993) — младший сын Н. К. Рериха, художник, искусствовед.

Рерих Юрий Николаевич (1902–1960) — старший сын Н. К. Рериха, ученый-востоковед, филолог и лингвист.

Ригден-Джапо — Владыка Шамбалы.

Рид Бернард — английский врач, руководитель отдела физиологических наук Лестеровского института.

Риза Хан Пехлеви (Реза-хан Пехлеви) (1878–1944) — шах Ирана.

Ризе — немецкий ученый.

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908) — русский композитор.

Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585–1642) — кардинал, глава Королевского совета Франции.

Ровэ — общественный деятель.

Роден Рене Франсуа Опост (1840–1917) — французский скульптор.

Роксолана

Роланд — франкский маркграф, герой эпоса "Песнь о

Роланде" и поэм XV–XVI вв.

Роман IV Диоген (ум. 1072) — византийский император.

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) — русский историк, археолог.

Рубене Питер Пауль (1577–1640) — фламандский живописец.

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) — русский композитор, дирижер.

Рублев Андрей (ок. 1360 — ок. 1430) — русский иконописец.

Рубруквис (Рубрук) Биллем (ок. 1220 — ок. 1270) — монах, фламандский путешественник.

Рудаки Абу Абдаллах (860–941) — таджикский и персидский поэт.

Рудзитис Рихард Яковлевич (1898–1960) — латышский поэт, председатель Латвийского рериховского общества.

Руднев Андрей Дмитриевич (1878–1958) — русский монголовед, первый учитель Ю. Н. Рериха.

Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) — президент США.

Руми Джалаледдин (1207–1273) — персидский поэт.

Руссо Жан Жак (1712–1778) — французский писатель, мыслитель.

Рылов Аркадий Александрович (1870–1939) — русский живописец.

Рябушкин Андрей Петрович (1861–1904) — русский художник.

С

Саади Муслихиддин (между 1203–1210 — 1292) — персидский мыслитель, писатель, поэт.

Сади — см. Саади

Саллюстий Гай Крисп (86–35 до н. э.) — римский историк.

Салманассар I — ассирийский царь в 1280–1260 до н. э., или Салманассар III (860–825 до н. э.) — ассирийский царь, административный и военный реформатор.

Самокиш Николай Семенович (1860–1944) — русский художник, преподаватель школы Общества поощрения художеств.

Саргон — царь Ассирии в 722–705 до н. э.

Святополк-Четвертинская Екатерина Константиновна — княгиня, подруга М. К. Тенишевой.

Святослав (ум. 972) — великий князь киевский.

Святослав — см. Рерих Святослав Николаевич.

Севинье Мари де Рабютен-Шанталь (1626–1696) — маркиза, французская писательница.

Семенов-Тяньшаньский Леонид

Семирадский Генрих Ипполитович (1843–1902) — польский и русский живописец.

Сен Бирешвар (1897–1960) — индийский художник

Св. Серафим Саровский (1759–1833) — иеромонах Саровской обители.

Сергий Радонежский (ок. 1315/19 — 1392) — церковный и государственный деятель Руси, основатель Троице-Сергиевой Лавры.

Серов Валентин Александрович (1865–1911) — русский живописец.

Сет — бог пустыни в древнеегипетской мифологии.

Сикорский Игорь Иванович (1889–1972) — авиаконструктор, жил и работал в США.

Синахериб — царь Ассирии в 705–680 до н. э.

Сирен Освальд (род. 1879) — шведский ученый, историк искусств.

Сирин Исаак

Скотт Броун — общественный деятель.

Скотт Вальтер (1771–1832) — английский писатель.

Скотт Джемс Браун — директор Карнеги института, президент американского Института международного права.

Собко Николай Петрович (1851–1906) — русский искусствовед.

Советов Александр Васильевич (1826–1901) — русский агробиолог.

Содербом

Сократ (ок. 470–399 до н. э.) — древнегреческий философ.

Солнцев

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) — русский философ, поэт, публицист

Соломон (ок. 960–935 до н. э.) — царь объединенного израильско-иудейского государства.

Сомов Константин Андреевич (1869–1939) — русский художник.

Спасский Георгий

Спиноза Бенедикт (1632–1677) ¬ нидерландский философ.

Спицин Александр Андреевич (1858–1931) — русский археолог.

Ставицкий (Ставиский) — авантюрист, участник финансово-политической аферы во Франции.

Сталин Иосиф Виссарионович (1879–1953) — советский государственный деятель.

Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863–

1938) — режиссер, актер, театральный деятель.

Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) — русский художественный и музыкальный критик.

Степанов

Стоковский Леопольд (1882–1977) — американский дирижер.

Стоке — американский общественный деятель.

Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) — русский композитор.

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) — граф, государственный и военный деятель, меценат, коллекционер, археолог, в 1825 г. основал бесплатную художественную школу (Строгановское училище).

Струве Василий Васильевич (1889–1965) — русский востоковед.

Сулейман I Кануни (Великолепный) (1495–1566) — турецкий султан.

Сулла Люций — см. Корнелий Сулла Луций.

Сунита Барун — глава правительства Внутренней Монголии.

Суриков Василий Иванович (1848–1916) — русский живописец.

Сутро — американский коллекционер.

Сюзор — председатель Общества архитекторов-художников.

Т

Тагор Рабиндранат (1861–1941) — индийский поэт, писатель, общественный деятель.

Тамара (сер. 60-х гг. XII в. — 1207) — грузинская царица.

Тамерлан — см. Тимур

Таубе Михаил А. - барон, юрист, профессор международного права в Гааге.

Таши-Лама — см. Панчен-Ринпоче

Тевяшов Александр Александрович (1857–1912) — секретарь управляющего Русским музеем в Петербурге.

Тенишева Мария Клавдиевна (1867–1928) — меценатка, организатор смоленской художественной школы и художественных мастерских в Талашкине.

Тиглатлалассар 1 — царь Ассирии ок. 1114 — ок. 1076 до н. э., или Тиглатпаласcар III — царь Ассирии в 745–727 до н. э.

Тимур (Тамерлан) (1336–1405) — среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир.

Тирта Рама Свами — индийский философ.

Тихомиров В. - профессор.

Тициан (ок. 1476–1576) — итальянский живописец.

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — русский писатель.

Торвальдсен Бертель (1768–1770 — 1843–1844) — датский скульптор.

Тошихико Такетоми — политический деятель Японии.

Тристан — герой французского рыцарского романа "Тристан и Изольда".

Тулуз-Лотрек Анри (1864–1901) — французский художник.

Тураев Борис Александрович (1868–1920) — русский востоковед.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) — русский писатель.

Тюльпинк Камилл — президент Международного Союза обществ Пакта Рериха.

Тюн де — барон.

У

Уадель — 273 Угедей (1186–1241) — монгольский великий хан.

Уоллес Генри Эгард (1888–1965) — министр сельского хозяйства США в 30-х гг.

Уэллс Герберт Джордж (1886–1946) — английский писатель.

Ф

Фан — китайский министр, покровительствующий развитию наук.

Феодосии

Ферстер Эрнст

Филипп IV Красивый (1268–1314) — французский король из династии Капетингов.

Фирдоуси Абуль Касил (934-1020) — персидский и таджикский поэт.

Флавиан — митрополит.

Фламмарион Камиль (1842–1925) — французский астроном.

Св. Флор ¬святой покровитель скота и скотоводства.

Св. Фома — проповедник христианства в Индии в 1 в. н. э.

Франке А. Х. - тибетолог, востоковед.

Франс Анатоль (1844–1924) — французский писатель.

Св. Франциск Ассизский (1181–1226) — основатель ордена францисканцев, монах.

Фредерике Владимир Борисович (1838–1927) — барон,

русский государственный деятель.

Фрезер Джордж — американский историк.

Фридрих (Фредерик) II (1194–1250) — германский король, император священной Римской империи.

Х

Хаас — профессор Лейденского университета.

Хазелаер — нидерландский художник.

Халдар Рас Мохун (род. 1905) — индийский ученый.

Хале Франс (Гальс) (между 1581–1585–1666) — голландский художник.

Хамагучи Юкио (1870–1931) — японский политический деятель.

Хамид Али — общественная деятельница Индии.

Хансен Клаус — профессор университета в Осло.

Хан-Шу-Шен

Хассельман — врач из Манилы.

Хессемер Пауль ¬директор американского музея.

Хмельницкий Богдан Михайлович (ок. 1595–1657) — украинский государственный деятель, полководец.

Хоза Мана да Хуарте — историк.

Холл — министр иностранных дел США.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — русский философ, писатель, поэт, публицист.

Хорват Дмитрий Леонидович (1858–1937) — генерал, председатель отдела Русского общественного союза на Дальнем Востоке, занимался землеустройством в Маньчжурии.

Хорш Луис — член правления Музея Рериха в Нью-Йорке, ведающий финансовыми вопросами

Хсен-Су-Ху — китайский ученый, директор института Фана.

Хубилай (Кубилай) (1215–1294) — монгольский великий хан.

Хьювитт — американский общественный деятель.

Хюисман Жорж — организатор художественной выставки в Париже.

Ц

Цибиков Санги — см. Цыбиков Гонбочжаб Цэбекович

Ционглинский Иван (Ян) Францевич (1858–1912) — художник, преподаватель школы Общества поощрения художеств.

Цун Лик Цзу — государственный деятель Китая.

Цыбиков Гонбочжаб Цэбекович (1873–1930) — этнограф, языковед, исследователь Тибета.

Ч

Чамба (Чампа) — участник экспедиции Н. К. Рериха в 1934–1935 гг.

Чанг — министр народного образования нанкинского правительства.

Чан-Кайши (Чан-Кай-Ши) (1887–1975) — китайский политический деятель.

Чарака (I в.) — великий индийский деятель, врач, автор ряда медицинских трактатов.

Челлини Бенвенуто (1500–1571) — итальянский скульптор, ювелир, писатель.

Ченрези (монг.), то же, что Авалокитешвара (санскритск.) — одно из почитаемых божеств ламаистского пантеона.

Чехов Антон Павлович (1860–1904) — русский писатель, драматург.

Чингис-хан (ок. II 55-1227) — монгольский хан и полководец, основатель единого монгольского государства.

Ш

Шагдаров

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) — русский певец и оперный артист.

Шапошников Иван Иванович (1833–1898) — преподаватель Института гражданских инженеров, отец Е. И. Рерих.

Шаховские

Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861) — украинский поэт, художник.

Шен-Нунг (Божественный Муж) наст. имя Йен Ти — китайский император, основатель китайской фармакопеи.

Шено Марк — французский поэт XX в.

Шибаев Владимир Анатольевич (род.1898) — секретарь Института гималайских научных исследований.

Шимон

Шишкин Иван Иванович (1832–1898) — русский художник.

Шклявер Георгий Гаврилович (ум. 1970) — юрист, профессор Парижского университета, председатель Французской ассоциации друзей рериховского музея.

Шлиман Генрих (1822–1890) — немецкий археолог, открывший и раскопавший Трою.

Шназе Карл — историк искусств.

Шоу Джордж Бернард (1856–1950) — английский драматург.

Шпенглер Освальд (1880–1936) — немецкий философ.

Шредер Христофор — профессор Венского университета.

Щ

Щуко Владимир Алексеевич (1878–1939) — архитектор, художник театра.

Щусев Алексей Викторович (1873–1949) — русский архитектор.

Э

Эдисон Томас Алва (1847–1931) — американский электротехник, изобретатель фонографа.

Эйнштейн Альберт (1879–1955) — физик-теоретик, создатель теории относительности.

Эйскаф — переводчица древних китайских поэтов, библиотекарь Королевского Азиатского общества.

Эпикур (341–270 до н. э.) — древнегреческий философ.

Эрнст Сергей Ростиславович (1895–1980) — русский искусствовед, автор ряда монографий о русских художниках.

Эсте Изабелла д' (род. 1474) — герцогиня, покровительница искусств и наук.

Ю

Юн-Ванг — князь хошуна Дархан Бейле

Юпитер — верховный бог в римской мифологии

Юрий — см. Рерих Юрий Николаевич

Юрий Андреевич — князь, сын Андрея Боголюбского.

Я

Яковлев Василий Николаевич (1893–1953) — русский художник.

Указатель географических названий

А

Абиссиния
Агра
Адриатика
Азия
Акра
Алансон
Алашань, пустыня
Александрия /Северная Африка/
Алеппо
Алтай
Алтын-Таг, горы
Альпы, горы
Америка
Амстердам
Амур, р.
Англия — см. Великобритания
Анды, горы
Антиохия
Аравия
Арахозия
Аргентина
Аризона, штат
Арканзас, штат
Армения
Ассам
Аскалон
Афганистан
Афины
Африка

Б

Бактрия
Бангкок
Барга
Барода
Батнагар

Батухалка
Бейрут
Бельгия
Бенарес
Берлин
Бирма
Боголюбово
Болгария
Бомбей
Бразилия
Брюгге
Брюссель
Будапешт

В

Вавилон
Валаам, о.
Валдай
Валенсия
Ватикан
Вашингтон
Великая, р.
Великобритания
Вена
Венгрия
Венеция
Верден
Верона
Версаль
Византия
Виргиния, штат
Владимир
Внутренняя Монголия
Волга
Волхов, р.
Вышгород
Вязьма, р.

Г

Гаага

Гавана
Газа
Ганг, р.
Ганза
Гвалиор
Гельсингфорс — см. Хельсинки
Генуя
Герат
Германия
Гималаи, горы
Гиндукуш, горы
Гоби, пустыня
Гонолулу
Греция
Гримштад
Гуйхуачен

Д

Дамаск
Дарджилинг
Дархан Бейле
Дели
Детройт
Дрангиана

Е

Евразия
Европа
Египет

З

Звенигород
Зеленогорск
Зеравшан, р.

И

Иберия
Иерусалим
Изборск
Извара
Индия
Иония
Ипр
Иран
Ирландия
Иртыш, р.
Испания
Исфагаи — см. Исфахан
Исфахан
Италия

К

Кавказ Казань
Кайлас, г.
Калган — см. Чжанцзякоу
Калининград
Калифорния, штат
Калькутта
Калязин
Кам, нагорье
Камерун
Кангра, долина
Каппадокия
Карагольчи
Каракатау, влк.
Каракорум, горы
Карелия
Каркас
Карнак
Карфаген
Квантунг
Кветта
Кенигсберг см. Калининград
Керженец, город и р.
Киев
Кипр, о.
Китай
Кокохото Колхида, геогр. обл.

Конго
Копенгаген
Кордова
Кострома
Красноярск
Крит, о.
Кронштадт
Крым, п-ов
Кукунор, оз.
Кунь-Лунь, горы
Кушани
Кушья
Куюнджик
Куюши

Л

Лагор
Лакедемон — см. Спарта
Латвия
Лион
Лондон
Лос-Анджелес
Луристан
Лхаса
Лювен
Лютеция — см. Париж

М

Мадрид
Манила
Маньчжурия
Машья
Медина
Мекка
Мидия
Милан
Минусинск
Монголия
Монтевидео
Москва

Моссул
Мета, р.
Муминган

Н

Нанкин
Наран Обо
Небраска, штат
Нева, р.
Непал
Нерль, р.
Нижний Новгород
Ниневия — см. Куюнджик
Новая Мексика — см. Нью-Мексико
Новгород
Норвегия
Нью-Йорк
Нью-Мексико, штат

О

Овьедо
Орвието
Ордос, плато
Ориссари
Орхон, р.
Осло
Остров
Остия

П

Палестина
Памир, горы
Панама
Панджаб см. Пенджаб
Парагвай
Париж
Парфия
Пасаргады

Пасхи, о.
Пекин
Пенджаб, штат
Перинг
Пермь
Персеполис
Персия — см. Иран
Петербург — см. Санкт-Петербург
Петрокрепость
Печоры
Пиза
Пирос
Помпеи
Портсмут
Почаев
Псков

Р

Раджастан, штат
Раджпутана — см. Раджастан
Радонеж
Ревель — см. Таллинн
Реймс
Рим
Род-Айленд, штат
Ронсево
Рославль
Россия
Ростов Великий

С

Саламанка
Салерно
Самарканд
Сандвичевы о-ва
Сан-Джемминано
Сан-Марко
Санкт-Петербург
Сан-Сальвадор
Сан-Франциско

Седно
Селенга, р.
Сердоболь — см. Сортавала
Сиам — см. Таиланд
Сибирь
Сикким, штат
Синай, п-ов
Синд
Сицилия, о.
Си-Шань
Скандинавия
Скудра
Смоленск
США
Соммерсет
Сортавала
Спарта
Средняя Азия
Стамбул
Стокгольм
Страсбург
Сугд
Суздаль
Сузы

Т

Таиланд
Такла-Макан, пустыня
Талашкино
Таллинн
Тарбагатай, горы
Таттагуш
Тверь
Териоки — см. Зеленогорск
Тибет
Тимур Хада
Тир
Тироль, земля
Тихий океан
Токио
Триполи
Туркестан

Турфан
Турция
Тяньцзин

У

Углич
Урал
Урат
Уэльс

Ф

Фатехпур Сикри
Финляндия
Фландрия
Флоренция
Франция
Фрейбург

Х

Халха — см. Монголия
Ханькоу
Ханьчоу
Харайва
Хараппа
Харбин
Хельсинки
Химават — см. Гималаи
Хинган, хр.
Хорезм
Хотан, город и р.
Хуан-Хэ, р.

Ц

Цаган Куре
Цайдам, пустыня
Царьград — см. Стамбул

Цинциннати, штат

Ч

Чантанг, нагорье
Черное море
Чехван
Чехословакия
Чжанцзякоу
Чикаго
Чили
Читор
Чуфу

Ш

Шантильи
Шантунг
Шанхай
Шаньси
Шартр
Швейцария
Швеция
Шираз
Ширет Обо
Шлиссельбург — см. Петрокрепость
Шотландия

Э

Экбатана
Элам
Эстония

Ю

Югославия
Южная Америка
Юнан
Юрьев-Польской

Ян-Цзы, р.
Япония
Ярославль

Алфавитный указатель

А

Архивы

Б

Безымянное
Безумия
Бережливость
Бесстрашие
Бичи
Благожелательство
Благоухание
Болезнь клеветы
Будем радоваться
Бывшее и будущее

В

В рассеянии сущие
Везде
Великаны и карлики
Великий облик
Великое наследие
Вехи
Взаимность
Videbirnue
Видения
Влечение
Внимательность
Воздействия
Возобновление
Возрождение
Волны жизни
Восхождение
Вперед
Врата в Будущее
Время

Все тихо

Г

Гималаи
Глаз дальний
Глаз зоркий
Гора сужденная
Грозы

Д

Дар небесный
Дархан Бейле
Дары Востока
Движение новой жизни
Держатели
Добрая память
Добро
Добрые вести
Доверие
Достоинство
Древние источники
Друзья сокровищ Культуры

Е

Естество

Ж

Желанный труд
Женщина
Жестокосердие
Жизнь вечная

З

За Великой Стеной
Засуха

Зачем?
Защита
Звезды смерти
Зверье
Зигфрид
Знаки
Знаки жизни
Знамя
Значительность
Зов Роланда
Зовы пустыни

И

"И это пройдет"
Изуверство
Институт Объединенных Искусств
Иран
Искра
Испытания
Истинная сила
Истоки
Итоги

К

Caveant consules
Калган
Каменный век
Камень
Катакомбы
Китаб-Эль-Иган
Ко времени
Кольца
Corason
Король Альберт
Крылатая чума
Крылья
Культура победительница

Л

Легкие трудности
Летопись искусства
Лики
Лихочасье
Лучшее будущее

M

Membra disjecta
Молодежь
Монголия
Монголы
Монсальват
Мухобоязнь
Мысль

H

Напутствие
Наран Обо
Народный учитель
Насаждения
Наскоки
Nat-og-Dag
Невидимки
Неизвестные
Неисчерпаемость
Неотложное
Неповторимое
Неприязнь
Нереченное
Нерушимая стена
Нерушимость
Ни дня, ни часа
Новые грани
Новогодние вести
Notre Dame
Нужное слово

O

"O quanta allegria!"
О мире всего мира
Одичание
Он
Опасность разрушений
Основание
Останки
Открытые врата
Охранение
Oeuvre

П

Памятные дни
Переселения искусства
Песни Монголии
Печати
"Пирровы победы"
Письмена Азии
Письмо
Питание
Пламень вещей
Победа
Подвижность
Подражание
Польза доверия
Полвека
Помощь
Порадуемся
Постоянная забота
Построения
Потустороннее
Почта
Правда нерушима
Предсказания
Преломления
Пример
Продвижение
Промедление
Прощение
Пути золотые
Пьяные вандалы

Р

Радуйся
Расстояния
Рождение скуки
Роскошь
Россия

С

Сад будущего
Самовольство
Самогубительство
Самоотвержение зла
Самое простое
Самонужнейшее
Сверхъестественное
Свет неугасимый
Свет опознанный
Свет побеждает тьму
Светочи
Святослав
Священное древо
Священный дозор
Семидесятилетие
Serencipity
Серов
Сеятели
Сказки
Скорее!
Следы мысли
Совершенно новое
Содружество
Справедливость
Сравнение
Средневековье
Старинные лекарства
Стойкость
"Страшный зверь"
Строитель
Судьба
Сущность

Т

Тайны
Tactica adversa
Терпение
Теснины
Тибет
Требование
Труд
Туман

У

У черты
Удача
Урбанизм
Ученые

Ф

Фан Мемориал
Флора
Фредум

Х

Художники

Ц

Цветы художества
Ценность прекрасного

Ч

Чандогия Упанишады
Чаша
Черви
Чутким сердцам

Чуткость

Ш

Школы
Шри Рамакришш

Э

Эзопова басня
Эпидемии
Эпика скорби
Эрдени Мори

Я

Ягиль

notes

Примечания

1

Н. К. Рерих. Листы дневника, том первый. М., МЦР, 1995, стр. 560. (Далее цитируется по настоящему изданию).

2

Н. К. Рерих. Священный Дозор. Харбин, 1934, стр.92–93.

3

Там же, стр.93.

4

Н. К. Рерих. Священный Дозор, стр. 94.

5

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр.288.

Там же, стр.301.

Н.В.Грамматчиков. Воспоминания о Н. К. Рерихе. — Архив П.Ф.Беликова.

8

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр.609–610.

9

Там же.

10

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр-322.

11

Н.В.Грамматчиков. Воспоминания о Н. К. Рерихе. — Архив П.Ф.Беликова.

12

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр. 531.

13

Там же, стр. 547.

14

Там же, стр. 568.

15

Там же, стр. 570.

16

Н.В.Грамматчиков. Воспоминания о Н. К. Рерихе. — Архив П.Ф.Беликова.

17

Н.В.Грамматчиков. Воспоминания о Н. К. Рерихе. — Архив П.Ф.Беликова.

18

Н. К. Рерих. Нерушимое. Рига,1936, стр.319.

19

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр. 194.

20

Н. К. Рерих. Держава Света. Нью-Йорк, 1931, стр.219.

21

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр. 71.

22

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр. 605.

23

Там же.

24

Н. К. Рерих. Пути Благословения. Рига, 1924, стр. 91.

25

Н. К. Рерих. Держава Света, стр. 217.

26

Н. К. Рерих. Держава Света, стр. 174–175.

27

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр. 537.

28

Н. К. Рерих. Нерушимое, стр. 341.

29

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр. 537.

30

Н. К. Рерих. Держава Света, стр. 196.

31

Н. К. Рерих. Нерушимое, стр. 317

32

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр.135

33

Н. К. Рерих. Священный Дозор, стр. 139.

34

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр. 558.

35

Там же, стр. 608.

Там же, стр. 181.

37

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр. 386.

Там же, стр. 48.

39

Там же, стр. 93.

40

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр. 559.

41

Н. К. Рерих. Твердыня пламенная. Париж, 1933, стр.204.

42

Н. К. Рерих. Священный Дозор, стр. 22.

43

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр.206.

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр.48.

45

Н. К. Рерих. Твердыня пламенная, стр.66.

46

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр.431–432.

Там же, стр.63.

48

Н. К. Рерих. Пути Благословения, стр. 15.

49

Н. К. Рерих. Листы дневника, стр. 103.

50

Так в тексте.

51

С 1897 по 1917 год академик Рерих принимал ближайшее участие в И. О. П. Х. в качестве помощника директора музея, секретаря Общества и директора школы. (Примечание Н. К. Рериха).

52

Община Святой Евгении создана в 1893 г. для оказания помощи сестрам милосердия. Попечителем была принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская (1845–1928 гг.) "Для получения средств при общине было создано издательство. Во главе его стоял Степанов Иван Михайлович (1857–1941 гг.).

53

В Царскосельском уезде (прим. автора).

Так в тексте. Возможно, могольских.

55

Несториане — христиане, последователи несторианства, течения, возникшего в Византии в V в. Основатель Несторий, патриарх Константинополя (428–431). Несторианство широко распространилось в Азии.

56

Кааба — мечеть в Мекке, главный объект паломничества мусульман.

У русских староверов — Страна Обетованная.

58

Ираноязычные племена, обитавшие во 2–1 вв. до н. э. в Причерноморье и на Северном Кавказе.

59

Гондарвы (Гандхарвы) — в древнеиндийской мифологии группа полубогов, в послеведической мифологии они, как и другие полубоги, могут быть враждебны людям.

60

Священное место для исповедующих индуизм; область расселения древнеиндийских племен куру, обитавших в северной части двуречья Джамны и Ганга. Это также место легендарной битвы, описанной в "Махабхарате".

61

"Какая живость!"

62

Колизей — амфитеатр в Риме, построенный в 1 в.

63

Курултай — съезд, собрание монгольских правителей.

64

Шамбала — "Небесная Страна", олицетворение грядущей эволюции, сокровенное место в Гималаях, где находится Община Держателей и Носителей будущего мира.

65

Аюр-Веда — древнейший индийский медицинский трактат; содержит много сведений о народной медицине.

Тамга — знак собственности.

67

Бхагавад-Гита — одна из частей "Махабхараты", посвященная религиозно-философским вопросам.

68

Эдда — исландский эпос.

69

Калевала — карело-финский эпос.

70

Гайявата — "Песнь о Гайявате" (1855), написана американским поэтом Лонгфелло Генри Уодсуортом (1807–1882) на основе индейского фольклора.

71

Панчатантра — памятник санскритской повествовательной литературы (III–IV вв.).

72

Ничему не следует удивляться.

73

"Учти результат!"

Нибельгейм — загробный мир, мир подземных хранителей кладов в эпосе о Нибелунгах.

Существовать, знать, желать!

76

Чандогия Упанишады — один из религиозно-философских текстов индуизма.

Виана, Апана, Самана, Удана — виды дыхания.

78

Агнихотра — церемония жертвенного возлияния в честь Бога Огня.

79

Атман — проявление высшей реальности.

80

Риг-Веда, Аюр-Веда, Сама-Веда, Атарвану-Веда — сборники гимнов и жертвенных формул, составляющие памятник древнеиндийской литературы — Веды (II–I тысячелетия до н. э.).

81

Монсальват — замок, в котором хранилась Чаша Грааля.

82

Здание, строение, дом (монг.).

83

Через тернии к звездам.

Призрачная ночь освободит нас, Господи!

85

Посмотрим.

"Весьма замечательно, что в день, отмеченный главами правительств всех государств Американского континента, членов Пан-Американского Союза как Всеамериканский день, будет подписан договор, означающий шаг вперед в охране культурных достижений наций этого полушария. В строгом соблюдении народами мира этого Пакта мы видим возможность широкого осуществления одного из жизненных принципов — сохранения современной цивилизации.

Этот договор заключает в себе духовное значение гораздо более глубокое, нежели выражено в самом тексте. Он является также выражением основной доктрины континентальной ответственности и континентальной солидарности, имеющих столь большое значение для республик Америки.

По случаю празднования Всеамериканского дня призываю Вас перейти от слов к делам, представляющим существенный интерес для всех наций континента. Давайте также вновь покажем преданность тем высоким принципам интернационального сотрудничества и взаимопомощи, которые, я уверен, послужат процветанию цивилизации Америк".

87

Кракле — узор из тонких трещинок на глазурованной поверхности керамических изделий.

88

Патина — пленка различных оттенков, образующаяся на поверхности изделий из меди, бронзы, латуни под воздействием естественной среды или специальной обработки.

Речь идет о Е. И. Рерих.

С небольшими изменениями этот очерк включен в книгу "Нерушимое" под названием "По лицу Земли".

91

Белая Тара — одна из 21 тар — "спасительниц", является одной из самых "считаемых в Тибете.

92

Пураны — эпические литературные произведения, созданные в IV–XIV вв.

93

Патефон.

Многоточия обозначают пропавшие места текста.

95

Веды — совокупность наиболее ранних текстов (2 тыс. до н. э. — 6 в. до н. э.) на древнеиндийском языке религиозно-философского характера.

Будьте на страже.

Разбросанные части.

98

Пригород Мадраса, где расположено Теософское общество; наименование получено от названия реки, протекающей но его территории.

Р. Фаундешэн — Рериховское общество.

100

Пикториальное изображение — картинное изображение.

101

Мадонна Орифламма.